

Департамент культуры Минобороны РФ
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Девятой Международной
научно-практической конференции**

15–17 мая 2019 года

Часть II

Санкт-Петербург
ВИМАИВВС
2019

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС

Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Е.Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Девятой Международной
научно-практической конференции

В двух частях

Часть 2

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

ISBN

© ВИМАИВиВС, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© СПбГУПТД, 2019

А.А. Леонов (Санкт-Петербург)

НОЖ ДЛЯ КРАСНОАРМЕЙЦА. К ВОПРОСУ ПОЯВЛЕНИЯ КОРОТКОКЛИНКОВОГО ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ В РККА

НУЖЕН ЛИ НОЖ солдату? Конечно, нужен. Провод зачистить, банку консервную вскрыть, место ночевки в полевых условиях обустроить, вражеского часового бесшумно снять и много еще для чего может он пригодиться. Полезность данного предмета и возможность его использования в качестве оружия оценил, видимо, еще древний человек, взяв в руки кремневый отщеп. Далее во многовековой истории человечества были бронзовые и железные ножи, кинжалы, стилеты, даги, засапожные клинки и много еще разных образцов короткоклинкового оружия. В XVIII в. в рукопашных схватках на открытой местности русские пехотинцы, вооруженные огнестрельным оружием, использовали штыки-багинеты, в XIX в. помимо штыков, примкнутых к стволам кремневых и капсюльных ружей, — тесаки и полусабли. В годы Первой мировой войны возникла необходимость ведения рукопашных схваток в траншеях, где магазинные винтовки с примкнутыми штыками являлись неудобным и малопригодным оружием, вследствие того, что в тесном пространстве ими было не размахнуться и не нанести эффективный поражающий удар. В Русской императорской армии в то время были на вооружении два образца относительно короткоклинкового оружия — артиллерийский кинжал бебут, принятый на вооружение в 1907 г., и прямой кинжал кавказского типа, появившийся несколько позже как эрзац-вариант, более дешевый в производстве. Минусом этих образцов было то, что это было чисто боевое оружие, и использовать его для каких-либо бытовых целей было проблематично. Этим холодным оружием снабжались артиллеристы, пулеметчики, разведчики

пехотных полков, гренадеры штурмовых взводов. Остальные военнослужащие вынуждены были довольствоваться хозяйственными ножами, взятыми на фронт из дома, и окопными поделками, изготовленными из трофейных германских и австрийских клинковых винтовочных штыков.

Приход к власти большевиков положил начало формированию Рабоче-крестьянской Красной армии в 1918 г., и в начавшейся Гражданской войне использовались в качестве короткоклинкового оружия все те же бэбуты и кинжалы. В дальнейшем, после победы над силами Белого движения и иностранными интервентами, подобное оружие исчезло из арсенала РККА полностью. Строительство вооруженных сил в условиях XX в., когда все большее значение приобретало наличие в войсках различной техники, в том числе работа которой была основана на использовании электрической энергии, наиболее остро поставило вопрос о наличии специального инструмента для ее обслуживания. Нож стал необходим связисту, саперу, парашютисту, разведчику, танкисту, артиллеристу, — военнослужащему практически любой специальности. И, конечно, пехотинцу. На вооружении РККА в качестве стрелкового оружия по-прежнему оставалась старая добрая магазинная винтовка системы Мосина образца 1891 г., к которой в комплекте шел игольчатый трехгранный штык. А таким штыком ни провод не зачистить от изоляции, ни банку консервов не открыть, ни хлеба не отрезать, ни лагерь обустроить, ни стропы парашюта обрезать, ни часового снять невозможно. Вот и приходилось красноармейцам для этих целей использовать складные перочинные ножи, приобретаемые в магазинах, все те же хозяйственно-бытовые изделия с фиксированным клинком и изготавливать всякие самоделки из подручного материала. Ситуация не менялась вплоть до того времени, когда в Испании началась Гражданская война. Правительство СССР с самого начала конфликта встало на сторону республиканцев и оказывало им всяческую помощь, в том числе и поставками оружия и военной техники. Вместе с техникой в Испанию отправлялись и военные советники, которые обучали местных военнослужащих обращаться с нею, применять в бою и ремонтировать. И в связи с этим обстоятельством остро встал вопрос о снабжении таких специалистов... ножами. И выход был найден. В 1937 г. на снабжение Инженерных войск РККА был принят водолазный нож. Вот о нем и пойдет дальше речь.

Обратимся к «Наставлению по водолазному делу для Инженерных войск РККА» (Москва: Воениздат, 1937). В главе 2 «Описание нормального водолазного снаряжения» есть часть 12, которая гласит: «Водолазный нож с брезентовым ремнем служит инструментом для мелких работ и средством для освобождения при запутывании. Состоит из: ножа (типа «финки»), резиновых ножен, резиновой крышки, металлической запонки, веревочной петли. На рукоятку ножа надета резиновая крышка с ребристой поверхностью, предохраняющая руку от скольжения, а дерево рукоятки от растрескивания. В торцовое отверстие крышки вставлена веревочная петля, предохраняющая нож от утери во время работы. Режущая часть ножа вложена в резиновые ножны с петлей для надевания на ремень. На петле имеется металлическая запонка, позволяющая снимать и надевать нож, не расстегивая поясного ремня. При вынимании ножны придерживаются свободной рукой. Нож с ремнем весит 0,6 кг». В наставлении также имеется рисунок, на котором изображен сам нож, ножны, металлическая запонка, резиновая крышка рукоятки и нож в ножнах в сборе (ил. 1).

Имеющийся в нашем распоряжении нож состоит из клинка, деревянной рукоятки с металлическим кольцом, заменяющим обоймицу. Нож имеет общую длину 275 мм. Клинок прямой однолезвийный, длиной 275 мм, состоит из режущей части, пятки и хвостовика. Длина режущей кромки — 138 мм, пятки — 27 мм, хвостовика — 110 мм. Клинок имеет одностороннюю заточку длиной 138 мм и шириной 12 мм с подводом, которая образует лезвие, на переднем конце слегка приподнятое вверх. Спуски прямые от середины клинка. Толщина обуха 4 мм. Обух клинка на переднем конце переходит в вогнутый скос длиной 58 мм с подводами по краям, который вместе с лезвием образует острие ножа. Ширина клинка в районе пятки 23 мм. Клинок из прочного упругого металла, представляющего собой инструментальную сталь марки У7. Изготовлен методомковки, затем отполирован механическим способом. На клинке в некоторых местах заметны следы кузнечной обработки. Монтаж клинка в рукоятке сквозной, при выходе из головки хвостовик залит оловом. Рукоятка ножа состоит из металлического кольца овальной формы шириной 8 мм (кольцо разъемное, имеет паянный шов, толщина металла 0,9 мм) и деревянной ручки, овальной в сечении, длиной 110 мм, сужающейся в направлении головки. Ручка изготовлена из дерева плотной породы, в нижней части имеет проточку,

Ил. 1. Водолазный нож образца 1937 г.

на которую одето кольцо. Спинка ручки прямая. На брюшке в 15 мм от головки ручка имеет выемку под пальцы длиной 35 мм, сделанную для удобства удержания ножа в руке. Ширина ручки 27 мм, толщина 17 мм. Так как ручка имеет неправильную форму, размеры приведены по наиболее широким местам. На пятке клинка на расстоянии 13 мм от рукоятки имеется клеймо, выполненное методом штамповки по горячему металлу. Клеймо представляет собой надпись кириллическими буквами «З-д ТРУД вача». Длина надписи 22 мм, высота заглавных букв 2,5 мм, строчных — 2 мм. Надпись обозначает место изготовления ножа.

Завод «Труд», находящийся в поселке Вача Нижегородской области, был основан в 1830 г. крепостным крестьянином Дмитрием Ивановичем Кондратовым как цех по производству ножей для резки хлеба. Маленькое предприятие успешно развивалось, увеличивался ассортимент выпускаемой продукции. Сын Д.И. Кондратова Дмитрий Дмитриевич Кондратов продолжил дело отца, вышел в купцы 2-й гильдии, а небольшое предприятие стало фабрикой по производству различных изделий из металла. Благодаря предпринимательской деятельности семьи Кондратовых Вача из захолустного крестьянского села

превратилась в рабочий поселок. Из маленького цеха по производству ножей выросло большое предприятие по производству широкого ассортимента продукции: ножей, серпов, топоров. Продукция фабрики не раз удостаивалась наград на отечественных выставках. А в 1889 г. изделия мастеровых из Вачи были удостоены Большой золотой медали на Всемирной Парижской выставке. В апреле 1919 г. предприятие было национализировано и получило наименование «Фабрика стальных изделий № 1», а хозяева вынуждены были покинуть Вачу. Фабрика вырабатывала ножи, вилки, топоры, молотки, щипцы для сахара, веретена и рогульки (для ткацких фабрик); полуфабрикаты как указанных изделий, так и серпов, ножниц и перочинных ножей. В годы Гражданской войны кроме традиционных изделий — ножей, вилок, топоров и т. д. — для Красной армии выпускались шашечные клинки, шпоры, саперные топоры. Впоследствии производство получило наименование фабрика «Труд», а затем завод «Труд» и входило в Муромский металлотрест. До начала Великой Отечественной войны в 1941 г. завод «Труд» выпускал ножевую и иную продукцию весьма широкого ассортимента: ножи «Лешик», «Рыбий», «Окунок», «Беличий», «Тюлений», «Амурский», «Финский», «Татарский», «Охотничий», «Виноградный», сапожные и другие ремесленные ножи, хлебные, кухонные, крестьянские садовые, табачные, штукатурные, для бумаги, копытные, перочинные, столовые, а также вилки, щипцы, штопоры, ножницы, бритвы, сечки для мяса, серпы, топоры. Продукция завода могла служить пособием к географии и этнографии СССР, так как многие отдельные народности и группы населения имеют излюбленные сорта изделий. В сентябре 1935 г. было ужесточено законодательство в отношении холодного оружия, в том числе и ножей: были запрещены их ношение и свободная продажа. Большинство ножей, производимых на заводе, попали под этот запрет и стали доступны только охотникам, промысловикам, представителям некоторых национальных меньшинств и военным. Именно к этому периоду деятельности предприятия и относится производство водолазного ножа для инженерных войск РККА. С началом Великой Отечественной войны завод «Труд» перешел на выпуск военной продукции: корпусов ручных гранат, ножниц для резки колючей проволоки, саперных лопат и принятых к тому времени на вооружение РККА уставных боевых ножей НА-40 (индекс ГРАУ 6Х6). В настоящее время ПАО «Труд» — динамично

развивающаяся торгово-производственная компания, российский лидер в производстве кованого ручного инструмента: топоров, кувалд, ножей хозяйственных и принадлежностей для кухни, столовых приборов из нержавеющей стали.

Ножны для ножа изготовлены из прорезиненной ткани — прочного материала, имеющего текстильную основу, покрытую вулканизированной резиной. Рукав ножен прямоугольной формы, закругленный на конце, имеет длину 180 мм, ширину 35 мм, толщину 6 мм в основной части. На боковых поверхностях рукава имеются утолщения-приливы из резины в виде полос длиной 145 мм, шириной 19 мм и высотой 1,5 мм, по форме точно повторяющие форму рукава. В районе устья ножны имеют два расширения рукава, расположенных ступенчато. Первое расширение прямоугольной формы высотой 15 мм и толщиной 11 мм, длина соответствует ширине основной части рукава. На боковых поверхностях расширения имеется рельефный рисунок в виде ромба со стороной 15 мм. Второе расширение имеет высоту 10 мм, толщину 18 мм и длину, также соответствующую основной части рукава. Это расширение дает возможность создания в нем овального отверстия, которое служит для вхождения в него кольца рукоятки ножа. Таким образом нож удерживается в ножнах от выпадения методом натяга устья и части рукоятки. Тыльная сторона ножен имеет продолжение в виде резинотканевой полосы длиной 160 мм и шириной 25 мм. Данная полоса сложена в виде петли, длина которой с тыльной стороны 80 мм, затем небольшой горизонтальный участок шириной 10 мм и внешняя сторона 70 мм. На внешней стороне петли рельефный рисунок в виде прямоугольника со сторонами 63 мм и 15 мм. Петля удерживается в сложенном состоянии трубчатой металлической заклепкой диаметром 5 мм с полукруглой головкой диаметром 7 мм, расклепанной с тыльной стороны петли через металлическую шайбу диаметром 14 мм. Центр отверстия под заклепку расположен в центре полосы, из которой сложена петля на расстоянии 23 мм от устья ножен. Петля служит для надевания ножен на поясной ремень. В наставлении вместо постоянной трубчатой заклепки упоминается некая съёмная «запонка», с помощью которой петлю можно отстегивать и снимать ножны с ремня. Однако автору никогда не встречались ножны, оборудованные подобной деталью.

Покрышка (чехол) рукоятки ножа изготовлена из резины. Длина покрышки 110 мм, внутренний диаметр 18 мм. Покрышка

выполнена в виде трубки, имеющей один глухой куполообразный конец с отверстием диаметром 4 мм под веревку-темляк. На поверхности чехла имеются 10 рельефных концентрических ребер-окружностей, отстоящих друг от друга через равные промежутки, равные 8 мм, и две рельефные полосы-прилива, проходящие вдоль всей поверхности по длине. Эти окружности и полосы служат для предотвращения выскользывания ножа из руки во время работы. Сама же покрышка, помимо функции противоскольжения, несет еще и функцию предотвращения растрескивания деревянной рукоятки при производстве подводных работ.

Для использования ножа в сухопутном варианте позднее появились другие ножи. Они изготовлены из цельного куска свиной кожи толщиной 1 мм, окрашенной в коричневый цвет. Рукав ножен прямой, конической формы, устье имеет ширину 40 мм. Длина рукава 190 мм. На тыльной стороне имеется шов, выполненный машинным способом нитью коричневого цвета. С левой стороны, с тыльной части, в районе устья, к ножнам пришита машинным способом нитью коричневого цвета петля из полосы кожи, аналогичной той, из которой изготовлен рукав, длиной 140 мм и шириной 15 мм. Петля образована путем складывания полосы пополам и служит для надевания ножен на поясной ремень.

Вес ножа без ножен 120 грамм. Вес в резиновых ножнах с покрышкой рукоятки 195 грамм. Вес в кожаных ножнах 135 грамм.

Как нам удалось выяснить, первое применение подобных ножей в боевых действиях — это Гражданская война в Испании, куда они попали вместе с военными советниками из СССР. Затем была Советско-финляндская война 1939–1940 гг., во время которой ножи применялись саперами, связистами в качестве инструмента и разведчиками как боевое оружие. Саперы РККА играли очень важную роль во время прорыва финской полосы укреплений на Карельском перешейке, так называемой «линии Маннергейма», так как именно им отводилась роль уничтожения путем подрыва долговременных железобетонных огневых точек финнов. Поэтому ножи прежде всего попадали в руки красноармейцев и командиров из состава саперных частей Инженерных войск РККА, причем в том виде, в каком их использовали коллеги, служба которых была связана с производством работ под водой, — в резиновых ножнах и с покрышкой на рукоятке. Во вторую очередь ножи доставались связистам. При производстве разведки, в том числе в тылу врага, нож также является необходимой частью снаряжения. Однако

боевое применение подобного оружия требовало от бойца наличия некоторых навыков обращения с ножами «финского типа». Дело в том, что нож не являлся полноценным боевым оружием, это был, прежде всего, инструмент. Подобные модели выпускались еще в дореволюционное время фабрикой Кондратова и пользовались большим спросом у охотников, владельцев крестьянских хозяйств и криминальных элементов, так как ношение ножа «финского типа» не запрещалось законодательством ни Российской империи, ни молодого советского государства. У ножей «финского типа» всегда, следуя национальной традиции, отсутствует ограничитель — гарда, что делает рукоятку травмоопасной. При нанесении колющего удара велика вероятность соскальзывания кисти руки с рукоятки на лезвие, причем тогда, когда нож удерживается как прямым хватом, так и обратным. Впрочем, длина режущей части клинка в 138 мм позволяла эффективно поразить противника, даже защищенного несколькими слоями зимней одежды. При этом удар следовало наносить снизу, под ребра, а нож удерживать, упирая головку рукоятки в ладонь. В годы Великой Отечественной войны, когда наша страна вынуждена была мобилизовать все свои ресурсы для отражения агрессии нацистской Германии и ее союзников, подобными ножами вооружались саперы, связисты, разведчики, парашютисты, морские десантники, диверсанты. Несмотря на наличие к этому времени в РККА штатного боевого ножа НА-40, вследствие их нехватки, продукция фабрики «Труд» широко применялась на фронтах Великой Отечественной. В части Красной армии поступали любые ножи, пригодные для ведения боевых действий: водолазные (именно в это время для них появились «сухопутные» кожаные ножны), их уменьшенные гражданские модели, охотничьи, «канадского» типа и другие. Ножи использовались вплоть до окончания войны в 1945 г. У нас есть сведения, что личный состав одной из разведгрупп, заброшенной в тыл немецких войск весной 1945 г. в район Кёнигсберга, был оснащен именно водолазными ножами завода «Труд» в кожаных ножнах.

В настоящее время подобные ножи являются уже предметами военного антиквариата, и их часто можно встретить в различных вариантах в интернет-магазинах, благо, нормы права современной России не относят этот предмет к холодному оружию и для покупки не нужно иметь специального разрешения. Продаются ножи, как правило, под всякими выдуманными названиями: «нож диверсанта СМЕРШ», «финка НКВД», «нож

члена экипажа спасательных подводных лодок» и тому подобное. Самым близким к истине является название «нож сапера». Причем, чем более зловещее название, тем выше цена. В последнее время извлечение коммерческой выгоды из памяти о войне стало обычным явлением, и этим занимаются не только владельцы торговых точек, но и авторы художественных, псевдоисторических и псевдодокументальных литературных произведений, сценариев к так называемым военно-историческим фильмам. Правда о войне всегда намного страшнее и прозаичнее, чем в кино. История ножа, о котором идет речь в нашем исследовании, тоже довольно прозаична. Этими ножами пользовались обычные труженики войны: зачищали провода, вскрывали консервные банки и патронные «цинки», срезали ветки кустов и деревья для маскировки позиций и техники, уничтожали вражеские линии связи и часовых. И победили в той войне именно они, а не «диверсанты СМЕРШ», которых никогда в реальности не существовало, «части ОСНАЗ НКВД», «стреляющие в спину своим заградотрядами» и прочие выдуманные «герои» газетных статей и низкопробной кинопродукции. А нужна ли уже кому-нибудь истина? Может, выкинуть это все из головы? Но тут мне вспоминаются развалины финских дотов на Карельском перешейке, Брестская крепость, поле под Прохоровкой, братская могила в деревне Кипрушино...

Красноармейцу Пижову и старшему сержанту Зюзюкову, лейтенанту Лучину и неизвестному солдату, саперам и связистам, пехотинцам и санинструкторам, разведчикам и танкистам, парашютистам и морским десантникам, мужчинам и женщинам, взрослым и детям всем, благодаря кому мы с детства знаем: наши — это те, кто обязательно должен победить.

Литература

1. Наставление по водолазному делу для Инженерных войск РККА. М.: Воениздат, 1937.
2. Марьянко А. Финский нож на гранях времен. М.: ООО «Издательский Дом Рученькиных, 2007.
3. Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. Т. 1, 2. СПб., 2001.
4. Гадельшин Р.И. Криминалистика: учеб. пособие для всех форм обучения. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2012.
5. <http://www.aotrud.ru/about/history/07.02.2019>.
6. <http://www.old-cutlery.ru/Trudn.pdf> 06.02.2019.

В.Н. Литувев (Москва), Д.Г. Целорунго (Бородино)

**ДИАГНОСТИКА СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В ТЕКСТАХ ВОЗЗВАНИЯ
НАПОЛЕОНА I К СВОИМ СОЛДАТАМ
22 ИЮНЯ 1812 ГОДА И ВЫСОЧАЙШЕГО
МАНИФЕСТА АЛЕКСАНДРА I 6 ИЮЛЯ 1812 ГОДА**

ИСТИННЫЕ ПРИЧИНЫ войны в воззваниях, меморандумах или мемуарах «великих» обычно скрываются под мощным покровом субъективного.

Мы можем утверждать, что истинные причины войны образуются, конечно, до ее начала. Для исследователей эта аксиома имеет практическое значение. Именно для исследования причин начала Отечественной войны 1812 года непреходящее значение имеют два документа, которые давно введены в научный оборот, но до нас не анализировались с помощью математических методов. Первый — воззвание Наполеона I к солдатам Великой армии накануне начала войны с Россией, написанное 22 июня 1812 г. Второй документ — Высочайший манифест императора Александра I, составленный 6 июля (24 июня н. ст.) 1812 г. (см. приложение 1).

Для того чтобы подвергнуть тексты математическому анализу по методике, разработанной на основе патента¹, тексты первоисточников были преобразованы в систему IT-кодов, а затем в системы конструкторов (от лат. constructio — построение) и дескрипторов (от лат. descriptor — описывающий), с вычисленным для каждого из них коэффициентом мер достоверности в диапазоне от (+1) до (-1). Конструктор представляет собой элемент текста, который описывает существо того или иного явления, процесса или события. Дескриптор — описание динамического развития того или иного явления, процесса или события. Как

представляется, показанные конструкты в максимальной полноте показывают явления, процессы и события, которые имеют отношение к началу войны, развязанной Наполеоном, дескрипторы с максимально возможной полнотой описывают динамику явлений, событий и процессов, отраженных в нем.

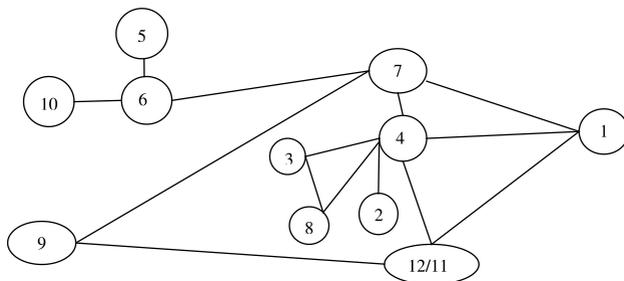
Начнем с небольшого текста, каким является воззвание Наполеона 22 июня 1812 г. На основе конструктов и дескрипторов текста воззвания, которые определяют описание полей, создана несимметричная матрица интересующего нас текста, имеющая размер 12 единиц конструктов на 22 единицы дескрипторов (см. таблицы 1, 2).

Таблица 1

Факторные веса коэффициентов меры достоверности конструктов в тексте воззвания Наполеона

1. Наполеон Бонапарт – (-0,62)	6. Армия Наполеона (французские орлы) – (+0,55)
2. Солдаты – (-0,34)	7. Судьба России – (-0,39)
3. Вторая польская война [Отечественная война 1812 г.] – (+0,5)	8. Выбор между бесчестием и войной – (+0,52)
4. Первая польская война [Русско-пруско-французская война 1806–1807 гг.] – (+0,06)	9. Мир [на условиях победителя] – (-0,29)
5. Россия [она] – (-0,13)	10. Мы – (+0,27)
	11. Императорская квартира – (-0,85)
	12. 22 июня 1812 г. – (-0,85)

Разумеется, текст воззвания преобразуется через систему достоверных кодов в совокупность цифр, которые обрабатываются по математическим моделям кластерного, факторного, регрессионного анализа. В результате обработки данных матрицы образовалась следующая первая структура взаимосвязей конструктов (см. ил. 1 к таблице 1). Получается, что все мыслительные конструкции Наполеона в его воззвании оказались «подвешенными» на фундаментальной категории «Россия» (5) с отрицательным факторным весом, которая связана с конструктами (6) и (10), имеющими практически максимально положительные факторные веса. Следовательно, Наполеон предпочитает решить вопросы межгосударственных отношений с Россией линейным способом – с помощью подавляющей военной силы. Причем, в своем воззвании Наполеон не называет конкретные причины начала

Ил. 1 к таблице 1

войны, не обременяя головы своих солдат излишней информацией из сфер высокой политики, заменяя ее высоким литературным штилем, в духе французского классицизма XVIII в., как-то: «Россия увлечена роком», и т. п., хотя известно, что главной формальной причиной начала войны было несоблюдение Россией статей Тильзитского мирного договора.

Не менее интересна вторая структура обширных взаимосвязей девяти конструктов, из которых пять образуют внешний контур, это конструкты (1), (7), (9), (11), (12), все имеющие отрицательные знаки факторных весов.

Содержательный смысл конструктов текста воззвания и их взаимосвязи отражают основную наполеоновскую идею: достижение мирового господства Франции за счет достижения своей гегемонии в Европе и аннексии колониальных владений Англии. Но этим наполеоновским планам мешает поведение России, и Наполеон определил ее судьбу.

Таким образом, отрицательные знаки факторных весов и значения взаимосвязей конструктов текста позволяют выявить латентные причины военной катастрофы и определить войну, которую он начал как авантюру.

Структура конструктов, находящаяся внутри общего контура второй системы взаимосвязей, отражающей обстоятельства принятия Наполеоном фатального решения о войне с Россией. Конструкты (1), (7), (11) и (12) имеют высокие отрицательные факторные веса, и они взаимосвязаны внутри второй структуры системы с конструктом (4) «Первая польская война», победоносной для Наполеона, и успех которой Наполеон намерен повторить.

В свою очередь конструкт (4) связан с другими «внутренними» конструктами: (2), (8), (3). Аналитика здесь

очевидна — в рассуждениях Наполеона о принятии решения о начале войны с Россией две конкретные категории — солдаты и вновь развязанная война. Т. е., Наполеон в начале XIX в. сформировал классическое представление для последующих эпох о том, что мировое господство может быть достигнуто только с помощью военной силы.

Взаимосвязи конструкта (4) с конструктами (2), (3), (8) и показатели их факторных весов позволяют утверждать, что успешность Первой польской войны явилась решающим фактором принятия решения Наполеоном в 1812 г. о начале войны с Россией. Но значимый отрицательный факторный вес взаимосвязанного конструкта (2) «Солдаты» позволяет утверждать, что составители воззвания знали о негативном отношении части солдат «Великой армии» к перспективе Второй польской войны, это наше утверждение подтверждают и результаты новейших исследований².

Таким образом, анализ воззвания Наполеона в связи с его решением о начале войны с Россией показывает, что приказ французского императора о начале боевых действий был основан на множестве факторов. Но Наполеон и его помощники оказались не в состоянии учесть огромного числа взаимодействия этих факторов между собой. Достаточно сказать, что количество возможных перестановок и соответственно число возможных взаимодействий, которые необходимо было учесть Наполеону, составляло огромное число — 479 001 600. Положение могла бы спасти отлаженная годами, если не столетиями (как это получилось у англосаксов) государственная система управления, но времени у Наполеона и его помощников на это не было, а функционирование системы управления всей империей и, в частности, армией, по сути, было завязано на нем одном как самодержце и диктаторе. И не случайно, что Англии, в конечном счете, удалось одержать верх над Наполеоном.

Заметим, что Наполеон предполагал, что катастрофа возможна. Об этом говорит отрицательный факторный вес у конструкта (1) «Наполеон» как взаимосвязанного фактора исторических событий (см. таблицу 1).

А как предполагал Наполеон свою динамику действий? Обратимся к ил. 2, где нашли свое отражение взаимосвязи дескрипторов текста воззвания. Их структуры взаимосвязаны единой внешней структурой, состоящей из пяти и десяти взаимосвязанных дескрипторов, образовавших три внутренние структуры.

Кроме этих трех взаимосвязанных структур внутри внешней взаимосвязанной структуры находятся четыре независимых, то есть не взаимосвязанных дескрипторов. Дескрипторы (8), (19), (20), взаимосвязи которых выявить не удалось, размещены за внешней взаимосвязанной структурой.

Итак, пять дескрипторов образовали единую внешнюю структуру, а вся система взаимосвязей «подвешена» на дескрипторе (22) «Совершать», который связан с дескрипторами (21), (18), (2), (1). Показательно, что все дескрипторы внешней структуры имеют отрицательные знаки факторных весов (см. таблицу 2).

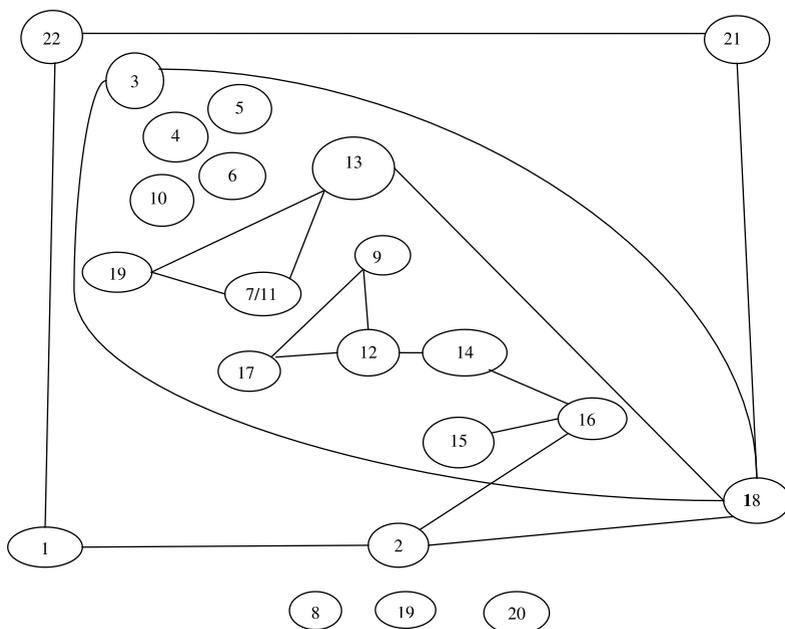
Таблица 2

Факторные веса коэффициентов меры достоверности к дескрипторам в тексте воззвания Наполеона

1. Взывать, обращаться – (-0,15)	12. Быть солдатами Аустерлица – (-0,3)
2. Оканчиваться, свершаться – (-0,14)	13. Постановлять к бесчестию – (+0,96)
3. Клясться – (+0,58)	14. Не иметь сомнений – (-0,14)
4. Быть в вечном союзе с Францией – (+0,96)	15. Идти вперед – (-0,33)
5. Быть в войне с Англией – (+0,96)	16. Нападать (вносить войну в ее пределы) – (-0,40)
6. Нарушать клятвы – (+0,96)	17. Переходить Неман – (-0,32)
7. Не давать объяснений – (+0,78)	18. Заключать (мир) – (-0,19)
8. Отходить – (-0,24)	19. Положить конец губительному влиянию России – (+0,70)
9. Покидать союзников – (-0,24)	20. Оказывать влияние на Европу в течение 50 лет – (+0,96)
10. Увлекаться роком – (+0,96)	21. Быть славной для французского оружия – (-0,16)
11. Перерождаться – (+0,78)	22. Свершиться (судьба России), совершать – (-0,03)

В этой связи возможна следующая интерпретация измеренных данных. В контексте развивающихся событий, по мысли Наполеона, он нанесет удары превосходящими силами, собранными по всей Европе, по русской армии. В результате будет достигнута молниеносная победа и французский император заключит с Александром I мир на условиях победителя.

Конечно, все было гладко на французской бумаге, но Наполеон забыл о русских реальных оврагах. Для исследователя

Ил. 2 к таблице 2

о будущих возможных трудностях победы над русскими войсками говорят отрицательные знаки факторных весов большинства дескрипторов. А количество возможных вариантов взаимодействия дескрипторов, отражающих динамику действия, составляет уже несколько миллиардов. Понятно, что такое количество вариантов не могло контролироваться даже десятком Наполеонами. Мы провели анализ наполеоновского текста. Французский император так думал и действовал, к несчастью для себя, вместо того, чтобы размышлять, советоваться и вести переговоры.

А как думал Александр I? Проведем аналогичный анализ текста Высочайшего манифеста 6 июля 1812 г., который явился как бы ответом на воззвание Наполеона I. Для этого была сформирована матрица с полями, которые отражают содержание текста манифеста. По содержанию конструкторов и дескрипторов текста, подписанного Александром I, заметно, что он более конкретен и целенаправлен, чем воззвание Наполеона: «Неприятель», «Сокрушать зубы» (см. таблицу 3).

**Факторные веса коэффициентов меры достоверности к
конструктам в тексте Высочайшего манифеста**

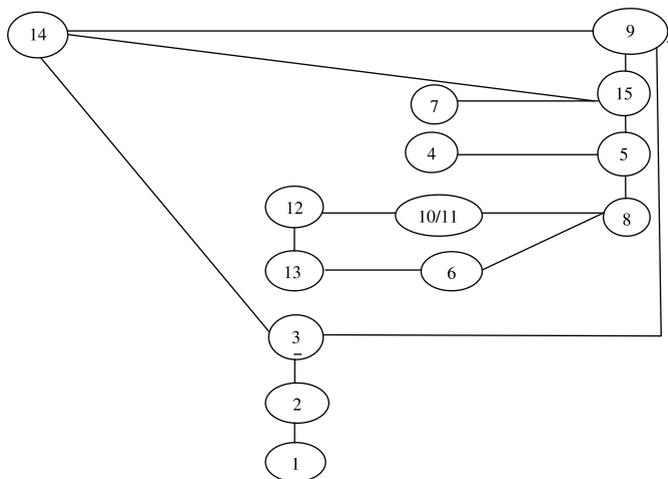
1. Неприятель – (+0,37)	9. Благородное дворянское сословие – (+0,03)
2. Наполеон (он) – (+0,14)	10. Святейший Синод – (-0,87)
3. Мы (Александр I) – (-0,66)	11. Духовенство – (-0,87)
4. Разнодержавные силы – (+0,12)	12. Народ русский (наши верноподданные) – (-0,8)
5. Отважность врага – (-0,002)	13. Храброе потомство храбрых славян – (-0,85)
6. Войска Наполеона – (-0,75)	14. Первоначальное составление [ополчения] – (+0,22)
7. Новые силы – (+0,03)	15. Москва – (+0,002)
8. Сословия и состояния – (-0,54)	

Прежде всего, обращает на себя внимание тот источниковедческий факт, что при обработке данных матрицы образовалась единая структура, имеющая общий контур и состоящая из трех конструктов. А внутри этой структуры расположилось три структуры из девяти конструктов.

Единая структура, создающая общий контур для взаимосвязей, состоит из конструктов (14), (9), (3) (см.: ил. 3). Как видим, сложившаяся структура показывает вполне адекватные меры, принимаемые для «первоначального составления» ополчения, т. е. дополнительное обязательное пожертвование поместного дворянства частью своих крепостных помимо рекрутских наборов. Однако малый факторный вес конструкта (9) говорит о небольшой степени уверенности властей в том, что дворянство с должным пониманием пойдет на эти меры.

Интересно, что у конструкта (3) наблюдается существенное отрицательное значение факторного веса. Думаем, что это вполне реальное отражение недовольства Александра I собой, озабоченности и чувства опасности у русского самодержца, ответственного за свою страну. Тем более что конструкт текста манифеста взаимосвязан со следующими конструктами: (2) «Он», то есть Наполеон и (1) «Неприятель». Другими словами, измерения последних конструктов говорят, что Александр I реально и рационально оценивал опасности, грозящие России.

Не менее интересны три внутренние структуры конструктов текста. Первая внутренняя структура взаимосвязей – это четыре

Ил. 3 к таблице 3

взаимосвязанных конструкта с положительными знаками: (14), (9), (15), (7). Такая система взаимосвязей отражает единственно верное решение о собирании сил в определенных географических координатах, в Москве, которая в большей мере не географическая точка, а место духовной опоры.

Следующая взаимосвязанная структура конструктов (5) и (4). Понятно, что, если для рационального Александра I, человека слова, совести и чести, отрицательное влияние «Отважности врага» имело минимальное значение, то количество «Разнодержавных сил», в три раза превышавших численность русских войск, таило в себе реальную опасность.

Но более всего Александр I был обеспокоен внутренним состоянием российского общества накануне войны. Это обстоятельство нашло свое отражение в самой развитой структуре взаимосвязанных конструктов. Их всего шесть, и все имеют значительные отрицательные факторные веса: (8), (6), (13), (12), (10), (11). Здесь важно заметить, что появление в структуре взаимосвязей терминов духовенство и Святейший синод отражает важнейшее значение русской православной церкви в деле борьбы с разношерстной европейской массой любителей молниеносной войны и легкой наживы. Значимые взаимосвязи конструктов текста подчеркивают опасения составителей текста в неготовности России как государства к нападению превосходящих сил противника. Поэтому

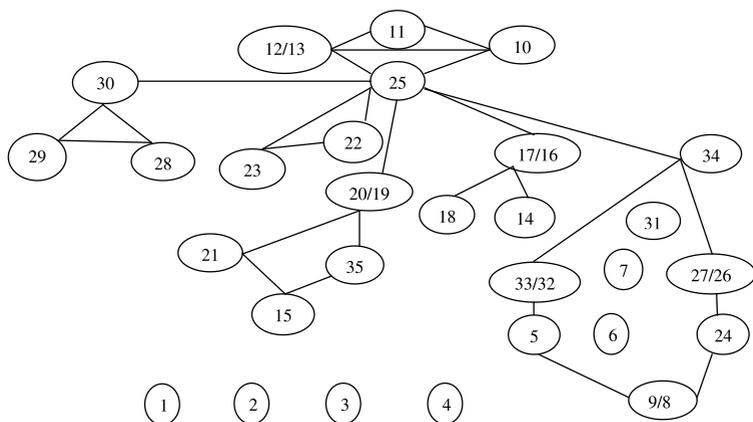
Александр I понимал, что только храбростью нападение неприятеля не отразишь. Помимо прочего здесь на первый план выходит фактор времени, о чем свидетельствует анализ взаимосвязей дескрипторов Высочайшего манифеста (см. ил. 4 к таблице 4).

Таблица 4

Факторные веса коэффициентов меры достоверности к дескрипторам в тексте Высочайшего манифеста

1. Вступать в наши пределы – (-0,9)	19. Собрать новые силы – (+0,22)
2. Воевать против России (нести оружие против) – (-0,9)	20. Составлять «вторую ограду» – (+0,22)
3. Надеяться на силу – (-0,9)	21. Призывать к Москве – (-0,1)
4. Надеяться на соблазны – (-0,9)	22. Восстать единодушно против врага – (+0,04)
5. Потрясать спокойствие державы – (-0,9)	23. Быть верными сыновьями России – (-0,1)
6. Разрушать – (-0,9)	24. Находить – (-0,29)
7. Иметь лукавство – (-0,9)	25. Не поддаваться на лукавства и обманы – (+0,11)
8. Льстить – (-0,88)	26. Встречать Пожарского – (-0,23)
9. Нести оковы – (-0,88)	27. Встречать Палицына – (+0,23)
10. Призывать на помощь Бога, молиться – (+0,41)	28. Встречать Минина – (+0,18)
11. Обороняться – (+0,29)	29. Быть спасителем – (+0,20)
12. Кипеть мужеством – (+0,5)	30. Сокрушать зубы – (+0,25)
13. Попрать (согнать с земли) – (+0,5)	31. Сводить (собирать) народ для защиты отечества – (-0,002)
14. Надеяться наудачу – (+0,06)	32. Избирать начальников – (-0,002)
15. Не скрывать – (+0,26)	33. Давать знать о числе (информировать) – (-0,002)
16. Собрать разнoderжавные силы – (+0,07)	34. Избирать Главного – (-0,02)
17. Иметь большие (великие) силы – (+0,07)	35. Быть в лагере близ Полоцка – (+0,23)
18. Непрерывно бодрствовать – (+0,13)	

Вся система взаимосвязей дескрипторов представлена семью субструктурами, которая «подвешена» на первой, главной субструктуре из пяти взаимосвязанных дескрипторов: (10), (11), (12), (13), (25).

Ил. 4 к таблице 4

Главное — обороняться с Божьей помощью. И это не фигура речи, а понимание Александром I того факта, что только объединение и мобилизация народа с искренней помощью русской православной церкви позволит победить сильного врага, а на это нужно время, а скоропалительные авантюры будут губительны. Об этом свидетельствуют практически все значимые коэффициенты достоверности.

Призыв «Не поддаваться на лукавства и обманы», поскольку значение коэффициента достоверности достаточно мало (+0,11), отражает известную неуверенность Александра I в своих поданных: в польском дворянстве, из вновь присоединенных к России бывших польских земель, отчасти в российском крестьянстве³.

Тем не менее у императора уверенность в правомерности общего дела борьбы с врагом возобладавала. Аргументом в пользу этого утверждения является тот факт, что все остальные взаимосвязанные структуры дескрипторов связаны с центральной мыслью самодержца: «Не поддаваться на лукавства и обманы».

Дескрипторы (1), (2), (3), (4) с очень высокими факторными весами (-0,90) оказались не связаны ни друг с другом, ни с системой структурных взаимосвязей дескрипторов, что, по нашему мнению, отражает высший накал отрицательного эмоционального напряжения у Александра I в самом начале войны и его намерение вести бескомпромиссную борьбу с Наполеоном

Итак, математическое моделирование текста, подготовленного государственным секретарем при императоре А.С. Шишковым

и подписанного Александром I, достаточно объективно отражает ситуацию начала Отечественной войны 1812 года.

И наконец, тексты воззвания Наполеона и Высочайшего манифеста создавались практически в едином масштабе времени и по одному предмету, существует возможность и желание объединить обе матрицы, относящиеся к разным текстам, в одну (см.: таблицу 5).

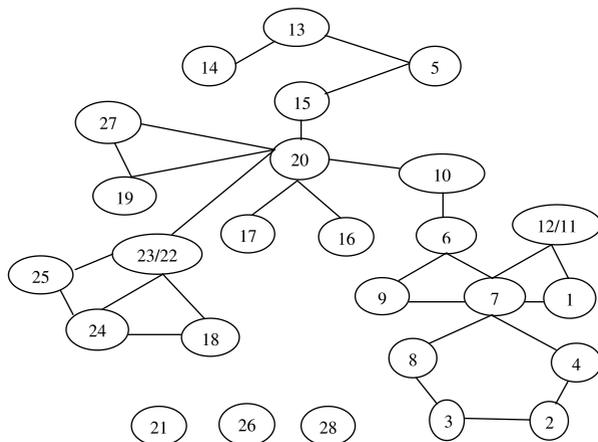
Таблица 5

Факторные веса коэффициентов мер достоверности к агрегированной матрице конструкторов в текстах воззвания Наполеона и Высочайшего манифеста

1. Наполеон – (-0,26)	15. Мы (Александр I) – (+0,7)
2. Солдаты [Наполеона] – (-0,2)	16. Разнодержавные силы – (+0,003)
3. Вторая польская война – (-0,18)	17. Отважность врага – (+0,15)
4. Первая польская война – (-0,12)	18. Войска наши – (+0,74)
5. Россия (она) – (-0,21)	19. Новые силы – (+0,06)
6. Армия Наполеона (французские орлы) – (-0,21)	20. Сословия и состояния – (+0,61)
7. Судьба России – (-0,29)	21. Благородное дворянское сословие – (+0,23)
8. Выбор – (-0,15)	22. Святейший синод – (+0,82)
9. Мир – (-0,24)	23. Духовенство – (+0,82)
10. Мы (Наполеон и его соратники) – (-0,23)	24. Народ русский (наши верноподданные) – (+0,79)
11. Императорская квартира – (-0,27)	25. Храброе потомство храбрых славян – (+0,83)
12. 22 июня 1812 г. – (-0,27)	26. Для первоначального составления (ополчения) – (+0,22)
13. Неприятель – (-0,12)	27. Москва – (+0,11)
14. Он (Наполеон) – (+0,1)	28. Россия (держава) – (+0,22)

В ил. 5 представлен граф взаимосвязей конструкторов агрегированной матрицы, показывающих образование семи взаимосвязанных субструктур. Визуально можно отметить, что все семь структур как бы подразделяются на три основных суперструктуры.

Вся система взаимосвязанных структур имеет свое начало от трех взаимосвязанных конструкторов: (13), (14), (5),

Ил. 5 к таблице 5

содержательный смысл которых указывает на начавшуюся войну с Наполеоном. Конструкт (5) логично связан с конструктом (15) «Мы», т. е. Александр I, а этот последний конструкт взаимосвязан с «узловым» (20) конструктом «Сословия и состояния» — (+0,61). Другими словами, для Александра I сословия и состояния были весьма значимы, так как от готовности дворянства и купечества пожертвовать частью своего состояния зависел успех создания ополчения.

От конструкта «Сословия и состояния» (20) «отпочковался» весьма значимый конструкт «Новые силы» т. е. ополчение (19) — (+0,06), который имеет крайне низкий факторный вес, хотя и положительный, что подтверждает осторожный оптимизм подписанта и составителей манифеста относительно состоятельных сословий, что они с готовностью пойдут на значительные жертвования на ополчение. В этой связи известны факты скрытого саботажа дворянством в деле формирования ополчения⁴, а также бунт ополченцев Пензенской губернии⁵.

Вместе с тем незначительные положительные факторные веса конструктов (17) и (16) и весьма значимые положительные факторные веса конструктов (27), (23), (22), (18), (24), (25) выражают в целом оптимизм верховной власти в деле собирания ополчения и в грядущей победе над «Разнодержавными силами» врагов.

Вторая, более отдаленная субструктура в свой состав включила следующие взаимосвязанные конструкты: (10), (6), (9),

(7), (11), (12), (1), (4) (2), (3), (8). Эта структура является, по сравнению с первой, весьма ограниченной по содержанию, которое несут конструкты. Причем, все конструкты в аспекте их факторных весов имеют отрицательные значения, что отражает уверенность Александра I, что они приведут Наполеона как полководца к краху. Подведя итоги анализа текстов, можно утверждать, что истины войны, зная уже итог боевых действий, просты и однозначны:

1. Начинать войну, ориентируясь только на численность армии, — одномерный подход, равноценный элементарной глупости.

2. Никакой прошлый военный опыт не гарантирует победы в новой войне.

3. Даже находясь в информационном поле, где существует значительная энтропия, то есть неопределенность, начались боевые действия или нет, важно и необходимо мобилизовать все ресурсы для ведения войны, включая, в первую очередь, духовные.

4. Никогда не слушать тех, кто прямо или косвенно заинтересован в начале войны.

Как показал своими действиями Наполеон Бонапарт, конечно, он знал об этих истинах, но он их забывал или просто игнорировал. Александр I не только знал эти истины, но он ими руководствовался в принятии решений. Он был идеально адекватным государем для условий ведения войны.

Приложение 1

ВОЗВАНИЕ НАПОЛЕОНА

Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась в Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Францией и в войне с Англией; ныне она нарушает свои клятвы! Она не желает дать никакого объяснения в странных своих поступках, покуда французские орлы не отойдут за Рейн и тем не покинут своих союзников на ее произвол.

Россия увлечена роком. Судьба ее должна свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица? Она постановляет нас между бесчестием и войной. Выбор не может быть сомнителен. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы.

Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая; но мир, который мы заключим, принесет с собою и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы.

В нашей императорской квартире, в Вилковишках, 22 июня 1812 г.⁶

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрять спокойствие Великой сей Державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу Ея и благоденствие. С лукавством в сердце и лестию в устах несет он вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска Наши, кипящие мужеством попать, опрокинуть его, и то, что останется не истребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнородные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради при всей твердой надежде на храброе Наше воинство полагаем Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему Москве, а ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единокровным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества. Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушало зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках,

никакие силы человеческие вас не одолеют. Для первоначального составления предназначаемых сил предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты Отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными, и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный надо всеми предводитель⁷.

¹ Патент на изобретение № 2626336 «Способ и устройство для определения взаимосвязей параметров производственного процесса». Правообладатель Литувев В.Н. М., 2017.

² См. Земцов В.Н. Европа: имперский проект Наполеона // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2018. С. 238–243.

³ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 195, 197.

⁴ Малышкин С.А. 2-й пехотный полк Московского ополчения // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2016. С. 192–195.

⁵ См.: Селунский К.И. Записки нашему походу... // Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1903.

⁶ Отечественная война 1812 г.: сборник документов и материалов. М.; Л., 1941. С. 14.

⁷ Высочайшие указы и манифесты, относящиеся к войне 1812 г. СПб., 1912. С. 7–8.

Н.В. Ломакин (Санкт-Петербург)

**ГУСАРСКИЕ МУШКЕТОНЫ ОБР. 1812 г.
В СОБРАНИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК
И ВОЙСК СВЯЗИ**

В СОБРАНИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО музея артиллерии, инженерных войск и войск связи собрана довольно значительная коллекция огнестрельного оружия, выпущенного в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Предлагаемое небольшое исследование посвящено части коллекции, представленной гусарским мушкетом обр. 1812 г.

Так получилось, что данному образцу в оружейведческой литературе не было уделено достаточного внимания. Так, В.Г. Федоров в своем фундаментальном исследовании упоминает о нем очень кратко, без описания, указав только калибр, длину ствола, общую длину и вес¹. Л.К. Маковская, в свою очередь, рассказывая о мушкетоне лейб-гусарского полка 1798 г., прямо указала, что он явился прототипом гусарского мушкетона обр. 1812 г.² И, наконец, описание указанного образца привел Е.Б. Пинк³.

При написании предложенной вниманию читателей статьи использовались как опубликованные источники — в основном это Полное собрание законов Российской истории, — так и архивные документы, хранящиеся в научном архиве ВИМАИВиВС.

Неудачное начало Отечественной войны 1812 г. повлекло за собой значительные потери не только в личном составе русской армии, но и ее вооружений. Именно в связи с этим сначала в 1-й и 2-й Западных армиях 23 июля 1812 г. было приказано сдать «драгунские мушкеты» (т. е. ружья. — *Н. Л.*)⁴. Впоследствии именно

указ императора от 10 ноября 1812 г. распространил практику изъятия длинноствольного оружия на всю кавалерию, при этом уланам и кирасирам взамен было предписано выдать по 16 штуцеров на эскадрон, гусары получали по 16 мушкетонов на эскадрон, драгунам же оставались из огнестрельного оружия только pistols⁵. Несколько отклоняясь от темы нашего повествования, необходимо отметить, что собранное согласно этому указу и последовавшему за ним распоряжению управляющим Военным министерством от кавалерийских полков корпуса Витгенштейна, прикрывавшего Петербург, длинноствольное оружие частично пошло в пехотные полки (видимо, в возмещение потерь), частично — в Полоцкий цейхгауз⁶.

26 ноября 1812 г. Артиллерийский департамент, основываясь на приказе управляющего Военным министерством об исполнении указанного выше указа от 10 ноября 1812 г., выдал предписание всем трем оружейным заводам — Сестрорецкому, Тульскому и Ижевскому — приступить к изготовлению вновь введенного оружия — мушкетонов и штуцеров⁷. (Изученные архивные документы рассказывают одновременно и о мушкетонах, и о штуцерах; учитывая тему статьи, сведения о штуцерах будут в дальнейшем, естественно, пропускаться.) Одновременно Артиллерийский департамент запросил коллег из Комиссариатского департамента на предмет предоставления образца мушкетона, которого в Артиллерийском департаменте не было, и расчета необходимого их количества. Ответ из Комиссариатского департамента, датированный двумя днями позже, о наличии у него требуемого образца был отрицательный, однако отмечалось, что прежде мушкетоны выпускали в Сестрорецке, а потребность гусарских полков в мушкетонах определялась в 160 штук на каждый полк (10-эскадронного состава) и всего для 11 полков требовалось 1760 единиц нововведенного оружия⁸. 3 декабря 1812 г. на Сестрорецкий оружейный завод ушло предписание директору подполковнику Ланкри о предоставлении одного гусарского мушкетона из числа ранее изготавливавшихся на этом заводе⁹. Ответ был следующим: «Что касается до мушкетонов, то онаго при заводе не имеется»¹⁰. Чуть позже, 11 декабря того же года аналогичное по составу предписание ушло в Тулу¹¹. Ответ командира Тульского оружейного завода генерал-майора Воронова гласил: «Мушкетонов для кавалерии на Тульском оружейном заводе не приготавливалось и образца оному не имеется»¹². Любопытно, что Сестрорецкий

завод делал мушкетоны не только для лейб-гусар в 1799 г., но и изготавливал их в 1807 г. — всего пять лет назад, — и данные предметы в коллекции ВИМАИВиВС также представлены, но в 1812 г. руководители заводов либо банально не знали о производстве мушкетонов, либо имели для указанных выше ответов какие-то свои причины.

Так или иначе, Артиллерийский департамент все же сумел раздобыть как минимум один мушкетон для образца и отослал его 14 декабря 1812 г. в Сестрорецк¹³. Вероятнее всего, то же сделали и для Тулы (документы об этом в деле отсутствуют). Сестрорецкие оружейники в первую очередь должны были сделать 250 мушкетонов для резервных эскадронов, формируемых в Санкт-Петербурге и Новгороде-Северском¹⁴. На осторожный вопрос директора Сестрорецкого завода, насколько следует придерживаться высланного образца, Артиллерийский департамент указал — делать по образцу, за исключением замка, «кои должны быть одного калибра с замками прочаго кавалерийского огнестрельного оружия, согласно высочайшей воле» (т. е. как у ружей и пистолетов обр. 1809 г. — *Н. Л.*)¹⁵.

Каждый мушкетон шел в счет заводам (на примере Сестрорецка) «за одно ружье», скорее всего, в счет программы по пехотным и драгунским ружьям¹⁶. В рапорте от 22 декабря 1812 г. директор Сестрорецкого оружейного завода подполковник Ланкри отметил, что к 20 января следующего года готовится первая партия в 224 мушкетона, а к 1 февраля будут изготовлены оставшиеся 26, там же были указаны определенные трудности в изготовлении нового оружия: «мастеровые со времени моего вступления в управление заводом большею частью занимаются деланием солдатских ружей, для которых есть нужные машины, лекалы и прочия инструменты имеются в заготовлении... мушкетоны с давняго времени при заводе не приуготовлялись и напредь сего предполагаемо не было, почему лекалы и инструмент следует особенно изготовить, на что также утратится время»¹⁷. Что касается количества изготовленных мушкетонов в 1813 г., то согласно выписке из журнала общего присутствия Артиллерийского департамента, датированной 20 мая 1813 г., Сестрорецкому заводу было определено сделать 657 единиц, из них было сделано 449¹⁸. Туляки согласно предписанию управляющего Военным министерством от 17 апреля 1813 г. должны были представить двести мушкетонов¹⁹. Сколько из них было реально

изготовлено, выяснить пока не удалось. Вплоть до августа 1813 г. в документах Артиллерийского департамента подчеркивается, что оружие предназначено именно для резервных эскадронов. 5 августа 1813 г. директору Тульского оружейного завода генерал-майору Воронову выслано новое предписание о необходимости изготовить 1760 мушкетонов, и поднимается вопрос о возможности привлечения частных подрядчиков²⁰. В ответном рапорте 26 сентября того же года отмечается, что подрядчики делать мушкетоны отказались, а завод, несмотря на внушительную срочную программу в 20 810 пар пистолетов, постарается изготовить это оружие, указав самый ранний срок как январь 1814 г.²¹ Чуть раньше Воронов показывал, что завод может изготовить 1000 мушкетонов в неделю и 4000 в месяц²². Для Артиллерийского департамента вовремя получить пистолеты было важнее, поэтому было предложено отложить изготовление Тулой прочего кавалерийского огнестрельного оружия²³.

Согласно представленным заводами сметам стоимость одного мушкетона сестрорецкой работы по состоянию на май 1813 г. составляла 13 р. 36 ²⁰/₆₄ к.²⁴, тульская работа должна была обходиться казне в апреле 1813 г. в 9 р. 96 ³/₈ к. (11 р. 13 ²³/₃₂ к. при использовании сибирского металла)²⁵.

Практически параллельно с вопросами постановки производства мушкетонов Артиллерийский департамент в лице Военно-Ученого комитета провел их испытания, проходившие 10, 12 и 14 февраля 1814 г., сразу как только были получены с заводов образцы вновь изготовленного оружия. По результатам испытаний гусарский мушкетон обр. 1812 г. на дистанциях в 25 и 30 сажень (52,5 и 63 м) пробил один щит из дюймовых досок; патрон был определен картечный, с десятью пулями калибром в 3 ³/₄ линии (9,5 мм) и зарядом в 1 ¹/₄ золотника (5,4 г) мушкетного пороха²⁶.

На каждые 16 мушкетонов (т. е. на эскадронный комплект) было определено иметь по одной форме для пуль, о чем были оповещены руководители Сестрорецкого и Тульского заводов; достойна уважения хозяйственная сметка туляков, чей начальник предложил использовать имевшиеся в арсенале завода 24-гнездные старые формы для пуль, рассверлив их до нужного калибра, с чем Артиллерийский департамент немедленно согласился, указав, в свою очередь, не делать новых, а использовать старые²⁷. Стоимость новой тульской 12-гнездной формы была определена в 2 р. 69 ³/₄ к., старой 24-гнездной рассверленной — в 4 р. 5 ⁵/₈ к.²⁸

Мушкетоны обр. 1812 г. стояли на вооружении до апреля 1818 г, когда был оглашен высочайший указ о перевооружении гусар на штуцера²⁹. На основании данного указа было составлено предписание Военного министра от 22 апреля 1818 г. Артиллерийскому департаменту об изготовлении для гусар штуцеров и сдаче мушкетонов³⁰. Процесс перевооружения начался практически сразу — уже в мае 1818 г. Сумские гусары получили из Виленского арсенала новое оружие³¹. Последними стали всадники 3-й гусарской дивизии, сдавшие свои мушкетоны в 1821 г.³² Кроме резюмирующей информации о сдаче всех мушкетонов, можно найти также данные о наличии их у Лейб-Гвардейских гусар на 20 мая 1818 г. (80 единиц в 5 эскадронах)³³, а в 1823 г. командир Киевского арсенала подтвердил Артиллерийскому департаменту факт сдачи мушкетонов 3-й гусарской дивизией³⁴.

В настоящее время в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи имеется 41 экземпляр оружия, которое можно атрибутировать как гусарский мушкетон обр. 1812 г. В фондохранилищах музея в настоящее время находится 40 единиц, а 1 единица в данный момент временно выдана в другую организацию. По месту и времени производства они распределяются следующим образом:

- работы Сестрорецкого оружейного завода — 4 (3 датируются 1813 г. и 1 — 1815 г.);
- работы Тульского оружейного завода — 37 (7 изготовлены в 1813 г., 30 — в 1814 г.).

Такое распределение вполне соотносится с ранее указанными архивными документами со значительным заказом в Туле осенью 1813 г. (1760 ед.), срок готовности которого был перенесен на 1814 г. в связи с загруженностью завода. По годам источникам поступления предметы распределяются так:

- 1871 г., из арсенала Аничкова дворца — 2;
- до 1882 г., источник не установлен — 12;
- до 1936 г., источник не установлен — 19;
- до 1936 г., из Артиллерийской академии — 1;
- до 1936 г., из Артиллерийской технической школы — 2;
- 1938 г., из военного склада — 1;
- 1940 г., из Оружейного полигона — 1;
- 1940 г., из курсов «Выстрел» — 1;
- 1960 г., из Научно-исследовательского полигона стрелкового вооружения — 1.

Последний по дате поступления мушкетон примечателен тем, что имеет на прикладе надпись краской в две строки «Ч. I // 957», однозначно указывающую на предмет, поступивший в Артиллерийский исторический музей еще до 1882 г. Вероятнее всего, он был впоследствии (возможно даже до революции) передан в одно из военных учреждений, каким-то образом оказался на полигоне, а в 1960 г. вернулся в солидной компании штатных и опытных образцов, переданных после расформирования полигона.

Приведем полное описание вместе с размерами и клеймами одного из предметов коллекции ВИМАИВиВС.

Мушкетон гусарский обр. 1812 г.

Ствол в казенной части граненый, в дульной — круглый, с двумя декоративными поясками, к дульному срезу заканчивается овальным раструбом. На казенной части ствола нанесены клейма «Р» в прямоугольнике», «двуглавый орел в круге», «“ПЕМ” в прямоугольнике» (?).

Прицельные приспособления состоят из полукруглой железной мушки, укрепленной на небольшом расстоянии от дульного среза ствола и углубления на хвостовике казенного винта, использующегося в качестве целика.

Замок кремневый, батарейный, с латунной («медной») полкой. Курок замка усиленный, с сердцевидным вырезом. Поверхности курка и замочной доски (кроме нижнего края) скруглены. На замочной доске нанесены клеймо «У» и надпись в две строки «Тула // 1814».

Ложа деревянная (березовая) с цевьем во всю длину ствола, длинной шейкой и коротким прикладом. Прибор ложи латунный, состоит из двух круглых шомпольных трубочек, спусковой скобы, затыльника приклада и накладки под замочные винты. Шомпольные трубочки с поясками, спусковая скоба с коротким передним и длинным задним фигурными концами, выполненными в виде стилизованных бутонов. Верхний конец затыльника фигурный, удлиненный. Замочная скоба фигурная, в виде змейки. С левой стороны мушкетона находится железная скоба-«погон», крепящаяся к ложе с помощью железных обойм, скрепленных винтами, одним из винтов крепления замочной скобы и прямоугольного выступа, вбитого в ложу. На спусковой скобе сзади нанесены клейма «“АБ” в прямоугольнике», «“ПАЖ”

в прямоугольнике». На затыльнике приклада нанесены клейма «АБ» в прямоугольнике», «ПАЖ» в прямоугольнике» (?). сверху «двуглавый орел». На правой стороне приклада приклеен прямоугольный бумажный ярлык с двулнейной рамкой и надписью «Ч. I № 957» и нанесен овальный штамп с надписью в две строки «АМ // 1923».

Шомпол железный, круглый, с головкой в виде шляпки.

Калибр в раструбе 47 x 27 мм, длина ствола 450 мм, общая длина 823 мм.

Изготовлен на Тульском оружейном заводе в 1814 г. Поступил в музей до 1882 г., источник поступления не выявлен.

ВИМАИВиВС 100Ф 1/297 (ил. 1–6).

К описанию необходимо добавить, что конструкция этого оружия во многом соответствует конструкции его предшественников — кавалерийского мушкетона 1790 г., лейб-гусарского мушкетона 1798 г. и гусарского мушкетона 1807 г. От первого его отличает наличие скобы-«погона» с кольцом, а от всех трех сразу — замок, идентичный замку кавалерийского оружия обр. 1809 г. (драгунского, кирасирского, гусарского ружей и пистолета), что, как мы и видели раньше, было указано в распоряжениях

Ил. 1. Мушкетон гусарский обр. 1812 г. Вид справа. Тульский оружейный завод, 1814 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/297

Ил. 2. Мушкетон гусарский обр. 1812 г. Вид слева. Тульский оружейный завод, 1814 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/297

Ил. 3. Мушкетон гусарский обр. 1812 г.
Средняя часть и замок.
Тульский оружейный завод, 1814 г.
ВИМАИВиВС 100Ф 1/297

Ил. 4. Мушкетон
гусарский обр. 1812 г.
Дульный срез. Тульский
оружейный завод, 1814 г.
ВИМАИВиВС 100Ф 1/297

Ил. 5. Мушкетон гусарский обр. 1812 г.
Мушка. Тульский оружейный завод,
1814 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/297

Ил. 6. Мушкетон гусарский обр. 1812 г.
Двуглавый орел на затыльнике приклада
сверху. Тульский оружейный завод,
1814 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/297

Артиллерийского департамента; в остальном же (конфигурация ствола с ложей, прибора, способ крепления ствола и шомпольных трубочек с ложей посредством шпилек) конструктивно мушкетон практически не изменился.

При изучении коллекции у всех предметов замерялись калибр в раструбе, длина ствола и общая длина. Они колеблются, причем в довольно значительном диапазоне. Приводить все данные, видимо, не имеет

смысла: статья — это не каталог. Приведем максимальное, минимальное и среднее значение этих измерений и, для сравнения, параметры, представленные в «Описании Составленному при Сестрорецком Оружейном Заводе... Мушкетону, по примеру присланных из Артиллерийского Депортамента по утверждению образцов...»³⁵.

Максимальное, минимальное и среднее значение основных измерений гусарских мушкетонов обр. 1812 г. из коллекции ВИМАИВиВС в сравнении с размерами, приведенными в «Описании Составленному при Сестрорецком Оружейном Заводе... Мушкетону, по примеру присланных из Артиллерийского Департамента по утверждению образцов...»

	Калибр в раструбе по горизонтальной оси	Калибр в раструбе по вертикальной оси	Длина ствола	Общая длина
Минимальный	51,5 мм	29,4	452	832
Максимальный	41,1 мм	25,2	442	808
Средний	47,7 мм	27,7	449	821
В «Описании...»	2 дюйма ½ линии (52,1 мм)	1 дюйм 1 ¼ линии (28,6 мм)	17 дюймов 5 линий (445 мм)	Не указана

Небольшая деталь: в «Описании...» калибр ствола мушкетона до раструба определен как семилинейный (17,8 мм)³⁶. В музейной практике такие замеры обычно не проводятся.

Ил. 7. Мушкетон гусарский обр. 1812 г.
Средняя часть и замок.
Сестрорецкий оружейный завод, 1813 г.
ВИМАИВиВС 100Ф 1/277

Естественно, что мушкетоны в музейной коллекции отличаются друг от друга по клеймам и надписям при практически полной идентичности в конструкции. Так, для Тульского оружейного завода характерна традиционная маркировка из двух или трехбуквенных аббревиатур в прямоуголь-

ной рамке на частях оружия, а двуглавый орел приемки в казну на затыльниках тульских прикладов более компактен, нежели у сестрорецких, кроме того замочные доски тульской работы обязательно несут на себе знак «У», прослеживаемый практически

Ил. 8. Мушкетон гусарский обр. 1812 г.
Двуглавый орел на затыльнике.
Сестрорецкий оружейный завод, 1813 г.
ВИМАИВиВС 100Ф 1/277

Ил. 9. Мушкетон гусарский обр. 1812 г.
Мушка. Сестрорецкий оружейный завод,
1813 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/277

на всех замках кавалерийских ружей и пистолетов выпуска 1813–1814 гг. Еще одно характерное отличие — мушки сестрорецкого оружия отличаются от тульских профилем: у них короче основания.

На основании проделанной работы можно сделать вывод, что гусарские мушкетоны обр. 1812 г. не только были приняты на вооружение, и выпускались в достаточном количестве, чтобы поступить в полки по 12 единиц на эскадрон; они, как следует из вышеприведенных сведений, использовались гусарскими полками вплоть

до 1821 г. Представляется не слишком обоснованной точка зрения современных исследователей О.Г. Леонова, С.А. Попова и А.В. Кибовского об ошибочности указа от 10 ноября 1812, где упоминаются мушкетоны, о том, что выпуск мушкетонов для гусар ограничился 1798–1799 гг., позднее они не выпускались и данный вид оружия в полки не поступал³⁷. Возникает резонный вопрос: а как быть тогда с наличием, что называется, «во плоти» мушкетонов обр. 1812 г. в коллекции ВИМАИВиВС? Да и документы в научном архиве музея вполне недвусмысленно рассказывают о производстве и наличии в войсках мушкетонов. Пускай они были на вооружении очень короткое время, но свой след в истории русской армии, пускай и небольшой, все-таки оставили, а часть их встала на заслуженный отдых в музейные шкафы, где и сохранилась до нашего времени.

¹ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. [СПб.], 1911, С. 35.

- ² Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 61.
- ³ Пинк Е.Б. Гусарский мушкетон обр. 1812 г. // Воин. 2002. № 2. С. 58, 59.
- ⁴ Леонов О.Г., Попов С.А., Кибовский А.В. Русский военный костюм. Армия Александра I. Кавалерия. М., 2014. С. 233.
- ⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собр. I. СПб., 1830. Т. XXXII. С. 454. № 25362.
- ⁶ Научный архив ВИМАИВиВС (далее НАВИМАИВиВС). Ф. 3. Оп. Оружейн. отд. Д. 257. Л. 15, 15 об., 17.
- ⁷ Там же. Л. 4, 4 об.
- ⁸ Там же. Л. 6, 7.
- ⁹ Там же. Л. 10.
- ¹⁰ Там же. Л. 12, 12 об.
- ¹¹ Там же. Л. 24.
- ¹² Там же. Л. 25.
- ¹³ Там же. Д. 154. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Л. 5.
- ¹⁶ Там же. Л. 2.
- ¹⁷ Там же. Л. 6.
- ¹⁸ Там же. Л. 126, 126 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 104, 104 об.
- ²⁰ Там же. Л. 146.
- ²¹ Там же. Л. 149, 150.
- ²² Там же. Л. 82.
- ²³ Там же. Л. 151, 152.
- ²⁴ Там же. Л. 126 об.
- ²⁵ Там же. Л. 88.
- ²⁶ Там же. Л. 40–41 об.
- ²⁷ Там же. Л. 42, 59, 59 об., 63, 68 об.
- ²⁸ Там же. Л. 66, 67 об.
- ²⁹ ПСЗРИ. Собр. I. СПб., 1830. Т. XXXV. С. 196. № 27336.
- ³⁰ НАВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 5-2. Д. 509. Л. 1.
- ³¹ Там же. Л. 5, 6.
- ³² Там же. Л. 50, 53.
- ³³ Там же. Л. 14.
- ³⁴ Там же. Л. 52.
- ³⁵ НАВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оружейн. отд. Д. 154. Л. 171, 171 об.
- ³⁶ Там же. Л. 171.
- ³⁷ Леонов О.Г., Попов С.А., Кибовский А.В. Указ соч. С. 243, 271.

В.Е. Лукин (Санкт-Петербург)

ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СВИЩЕВ — МОНАРХИСТ, УЧЕНЫЙ, ПАТРИОТ

ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА Ивана Сергеевича Свищева, протяженностью почти столетие, была насыщена многими яркими и неповторимыми, а подчас и драматическими событиями XX века, связанными как с отечественной, так и с зарубежной историей. Это был Генерального штаба генерал-майор, военный топограф, профессор геодезии, участник Белого движения на Юге России, общественно-политический деятель, православный христианин. И чтобы память о нем сохранилась у потомков, сейчас стоит только одна задача — честно и объективно рассказать о его непростой судьбе.

Родился Ваня Свищев 10 ноября (29 октября) 1875 г., в царствование императора Александра II, в пригороде Белгорода Курской губернии¹. Родители его были государственные крестьяне.

11 ноября 1875 г., когда Ивану было 8 лет, от болезни сердца скончался отец, а через четыре дня скончалась и мать. Малолетний Ваня был взят в семью его старшей сестры, жившей в Белгороде. Он хорошо учился, любил ходить в церковь, пел в церковном хоре. В детстве чуть не утонул во время купания, но в последний момент был чудом спасен.

В 1895 г. Иван Свищев окончил Курское землемерное училище, и 13 октября этого же года его зачисляют юнкером в Военно-топографическое училище в Санкт-Петербурге. 12 октября 1896 г. он был произведен в юнкера унтер-офицерского звания. С 14 октября унтер-офицер И. Свищев назначен исполняющим должность фельдфебеля, а с 16 марта 1897 г. он утвержден в должности фельдфебеля².

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и рассказать о данном училище более подробно.

3 ноября (22 октября) 1822 г. в Санкт-Петербурге было открыто Училище топографов. Его неоднократно переименовывали: с 1832 г. оно называлось Школой топографов, с 1863 — Училищем топографов, и наконец, 13 (1) августа 1866 г. было переименовано в Военно-топографическое училище (ВТУ)³.

В училище принимались молодые люди от 17 до 22 лет, окончившие средние учебные заведения, по конкурсному экзамену, состоящему из русского языка, алгебры, арифметики, прямолинейной тригонометрии, геометрии и физики. Кадетам, по их желанию, в конкурсные экзамены могли быть зачтены отметки, полученные при выпуске из корпуса.

В строевом отношении училище составляло одну роту. Штат юнкеров был небольшим и накануне Первой мировой войны насчитывал всего 100 человек. Курс обучения был трехгодичным и очень напряженным. Помимо топографии, высшей геодезии, артиллерии и фортификации юнкера-топографы изучали сферическую тригонометрию, аналитическую геометрию, дифференциальное и интегральное исчисления, физику. Много часов отводилось практическим работам по геодезическим вычислениям, топографическому черчению, картографии, каллиграфии, съемке и геодезическим работам. Юнкера знакомились с порядком делопроизводства и счетоводства, с фотографией, гальванопластикой и литографией. Учебный год продолжался с 20 сентября по 29 апреля.

В отличие от других столичных военных училищ, выезжающих на лагерные сборы в Красное Село, юнкера-топографы с 29 апреля по 15 августа находились на практических работах около города Режицы в Витебской губернии.

Юнкера Военно-топографического училища носили форму одежды, утвержденную 16 (4) ноября 1886 г. Императором Александром III. Погоны были черные, обшитые серебряным галуном по верхнему краю и боковым сторонам, окантованные светло-синими выпушками с желтой шифровкой в виде прописной буквы «Т». Выпускникам училища — офицерам Корпуса военных топографов, как и офицерам Генерального штаба, по форме одежды было присвоено ношение серебряных аксельбантов⁴. Училищный праздник отмечался 22 октября.

По окончании училища подпоручики-топографы прикомандировывались к пехотным полкам гвардии и армии до одного

года для ознакомления со строевой службой, а по окончании этого срока зачислялись для дальнейшего прохождения службы в так называемые съемки. Съемки — это подобие нынешней топографической службы военных округов. Они располагались в Санкт-Петербурге, Риге, Гродно, Одессе, Тифлисе, Ташкенте, Хабаровске и Омске. Многие из окончивших ВТУ проходили службу в Корпусе гидрографов Главного гидрографического управления Морского министерства.

В мирное время выпускники Военно-топографического училища отправлялись в самые дальние и малоизученные районы Российской Империи, составляли карты и географические описания, занимались вопросами этнографии и изучения недр. Это были скромные и неутомимые труженики, бесстрашные путешественники, чей нелегкий, а зачастую и опасный труд был обращен во благо России.

С началом Первой мировой войны училище перешло на восьмимесячный курс обучения. Юнкера выпускались в чине прапорщика.

5 октября 1897 г. И.С. Свищев был произведен в чин подпоручика Корпуса военных топографов (КВТ) со старшинством от 24 августа 1896 г.⁵

В 1897–1898 гг. подпоручик И.С. Свищев служит в лейб-гвардии Измайловском полку 1-й гвардейской пехотной дивизии, откуда его переводят в Управление топографических съемок⁶.

С 24 августа 1900 г. он поручик, и в 1901–1902 гг. командует ротой в 198-м Александро-Невском полку 50-й пехотной дивизии, расквартированном в Вологде⁷.

В 1902 г. поручик И.С. Свищев успешно выдержал вступительные экзамены на геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ), это притом, что в год набор слушателей на это отделение составлял всего 5–6 человек⁸.

Здесь немного нужно рассказать, что представляло собой геодезическое отделение НАГШ.

К середине XIX в. в Военном ведомстве России стал особенно остро ощущаться недостаток высококвалифицированных геодезистов и астрономов. Для решения этой проблемы в 1854 г. было учреждено геодезическое отделение при Николаевской академии Генерального штаба с четырехлетним сроком обучения офицеров: двухгодичным теоретическим курсом при академии и двухгодичным практическим — при Главной Николаевской астрономической обсерватории в Пулковке.

Программа обучения офицеров — будущих геодезистов — состояла из теоретического курса и практических занятий. При этом главными предметами считались теоретическая и практическая астрономия, физическая география, геодезия со съемкой и черчением, картография и военная статистика. В летние месяцы офицеры занимались учебной съемкой и практическими работами в поле. Обучение велось на высоком уровне, особенно хорошо было поставлено преподавание практической астрономии.

Офицеры, окончившие геодезический академический курс, прикомандировывались на два года к Пулковской астрономической обсерватории. Там с 1855 г. была открыта учебная обсерватория, где слушатели геодезического отделения проходили дополнительные курсы высшей геодезии и практической астрономии и упражнялись в разных астрономических наблюдениях, вычислениях и геодезических работах. К концу курса в обсерватории каждый из слушателей-геодезистов был обязан представить сочинение, заключающее в себе обработку ряда собственных наблюдений и вывод из них окончательных результатов.

Офицеры, успешно окончившие курс при обсерватории, получали звание геодезистов и зачислялись на службу в Корпус военных топографов. Офицеры-геодезисты переводились в Генеральный штаб после прохождения двух лет службы в строю и успешной сдачи дополнительного экзамена по выпускной программе академии. Офицеры-геодезисты, окончившие курс НАГШ после двухлетнего пребывания на топографических или геодезических работах, имели преимущественное право на замещение ученых и учено-административных должностей в Корпусе военных топографов.

В период учебы в И.С. Свищева в Николаевской академии Генерального штаба профессорами у него были генералы-геодезисты Н.Я. Цингер и М.В. Певцов — с конца XIX в. известные в теоретической, практической, мореходной и полевой астрономии. Учеба в академии сочеталась у него с прохождением практики в Пулковской астрономической обсерватории.

С 25 августа 1903 г. И.С. Свищев — штабс-капитан⁹.

В 1905 г. он в чине капитана (с 10 июня этого же года) успешно окончил геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба¹⁰.

С 22 апреля 1907 г. капитан И.С. Свищев — производитель геодезических работ на триангуляции Западного

пограничного пространства и одновременно преподаватель Военно-топографического училища и профессор Политехнического института¹¹.

С 28 августа 1909 г. он — производитель геодезических работ Военно-топографического управления и одновременно преподаватель Военно-топографического училища, профессор инженерно-строительного отделения Политехнического института, профессор картографии географического отделения Высшего педагогического института, преподаватель топографии и топографических съемок в Николаевской академии Генерального штаба¹².

18 декабря 1911 г. И.С. Свищев был произведен в чин подполковника и назначен помощником начальника геодезического отделения военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба¹³.

В 1912 г. он окончил сейсмические курсы при Императорской Академии наук и назначен начальником Академической экспедиции по изучению «трясущихся районов Туркестана»¹⁴. В этот же период времени он занимался научной работой в Пулковской астрономической обсерватории.

19 декабря 1914 г. И.С. Свищев Высочайшим приказом был произведен в полковники¹⁵.

Военный топограф Ф.Д. Писарев свидетельствует, что в 1914 г. по инициативе профессора, полковника Ивана Сергеевича Свищева практикуемые в России военно-топографические карты шкалы Лемана были переизданы на военно-топографические карты в горизонталях. Этому срочно последовало переиздание топографических карт в союзных с Россией государствах¹⁶.

С 31 мая 1917 г. И.С. Свищев — исполняющий обязанности начальника Военно-топографического училища¹⁷. В этом же году он был произведен в чин Генерального штаба генерал-майора¹⁸.

За свою службу в Императорской армии И.С. Свищеву были пожалованы ордена Св. Станислава 3-й ст. (1907); Св. Анны 3-й ст. (1910); Св. Станислава 2-й ст. (1913); Св. Анны 2-й ст. (1915); Св. Владимира 4-й ст. (1916)¹⁹.

Генерал-майор И.С. Свищев принял командование Военно-топографическим училищем в один из самых драматических периодов и в судьбе России, и в судьбе самого училища. Февральская революция 1917 г., и как ее итог — крушение монархии, развал русской императорской армии и флота и полная неопределенность для страны и ее народа в будущем.

В апреле 1917 г. в училище был произведен досрочный выпуск офицеров-топографов²⁰. Летом 1917 г. был произведен дополнительный набор на ускоренные курсы. Было принято свыше 200 человек, имеющих дипломы об окончании Межевого института и землемерных училищ²¹.

В связи с тем, что районы исконных полевых практических работ юнкеров в западных губерниях оказались в зоне боевых действий, было принято решение о проведении этих работ в районе города Вольска.

Летом 1917 г. Военно-топографическое училище в составе 323 юнкеров и 32 офицеров с соответствующим материально-техническим обеспечением убывает из Петрограда на полевые практические работы в район городов Вольск и Хвалынский Саратовской губернии²². Осенью по окончании практических работ личный состав училища был сосредоточен в Хвалынске. Тем временем Временное правительство приняло решение об эвакуации всех служб и имущества училища из Петрограда в Хвалынский. В октябре 1917 г. это решение было выполнено²³.

Таким образом, события Октябрьского переворота в Петрограде обошли юнкеров-топографов стороной. Но уже в Хвалынске обострилась политическая борьба среди юнкеров и офицеров, между сторонниками Временного правительства и сочувствующими большевикам.

Приказом Совета народных комиссаров по военно-морским делам № 11 от 27 (14) ноября 1917 г. предписывалось расформирование военно-учебных заведений старой русской армии²⁴. Постепенно стала брать верх позиция юнкеров младших курсов, поддерживающих большевиков. Тем более, что в приказах вновь созданного Главного комиссариата всех военно-учебных заведений Российской Советской Республики И.Л. Дзевалтовского № 113 от 1 декабря (18 ноября) и № 114 от 11 декабря (28 ноября) 1917 г. уточнялось: «...не подлежат расформированию специальные технические и военно-морские военно-учебные заведения, Военно-топографическое училище и Главная гимнастическо-фехтовальная школа»²⁵. Но это уже не могло спасти Военно-топографическое училище от дальнейшего развала и самоликвидации.

В новогоднюю ночь 1918 г. на общем собрании личного состава училища было принято решение уволить юнкеров в долгосрочный отпуск до открытия навигации по Волге. Им решено было выписать увольнительные билеты на три месяца, с предписанием

явиться в Хвалынский к 1 апреля 1918 г. для дальнейшего следования в Петроград. Офицерам была предоставлена возможность самим определять свои дальнейшие действия. На сложившуюся ситуацию начальник ВТУ генерал-майор И.С. Свищев повлиять уже никак не мог. От командования училищем он фактически был отстранен решением общего собрания учащихся юнкеров, исполняющим обязанности нового начальника училища был избран преподаватель геодезии подполковник Г.Г. Страхов.

2 января 1918 г. Г.Г. Страхов подписал увольнительные билеты юнкерам сроком до 1 апреля.

Вот как об этом вспоминает участник тех событий М.Ф. Захаров, впоследствии полковник Советской армии: «Командование училища стояло на позициях Временного правительства и, опираясь на солидарных с ним юнкеров, два месяца не признавало Советской власти. Группа революционно настроенных юнкеров, руководителем которых был юнкер младшего класса Цыганков, в упорной борьбе добилась победы, и в декабре месяце [1917 г.] на бурном собрании большинством голосов было вынесено решение о роспуске училища. Устрашенное сильно обострившейся политической обстановкой командование училища не рискнуло пойти против большинства юнкеров и распустило училище. Юнкера формально получили отпуск и разъехались по домам»²⁶.

2 января 1918 г. Исполнительный комитет Хвалынского совета принял решение о роспуске училища. Училище было разоружено, также были экспропрированы лошади, медикаменты, запасы продовольствия и часть инвентаря²⁷.

В январе 1918 г. генерал-майор И.С. Свищев выехал на Кубань в Добровольческую армию, где и был зачислен в резерв чинов. Он был создателем и организатором военно-топографического отдела штаба Добровольческой армии²⁸.

В 1918–1919 г. генерал-майор И.С. Свищев — профессор Екатеринодарского политехнического института²⁹.

В начале 1919 г. он выехал в эмиграцию в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС) и поступил на государственную службу³⁰.

В 1919–1944 гг. И.С. Свищев — председатель Общества офицеров Корпуса военных топографов (КВТ) в Королевстве СХС и Югославии³¹. В 1921 г. в Белграде в Обществе состояло 88 офицеров-эмигрантов, проходивших службу в Корпусе военных топографов (некоторые из них были прикомандированы к КВТ из других воинских частей еще до Октябрьского переворота)³².

В эмиграции И.С. Свищев становится профессором Высших геодезических курсов для офицеров Королевской армии и профессором технического факультета Белградского университета. Затем лично королем Александром он назначается начальником отдела Югославского военно-географического института и при этом является автором научных трудов на русском и сербском языках³³. В это же самое время он ведет большую общественную деятельность, оказывает помощь в трудоустройстве русским эмигрантам офицерам-топографам.

При содействии И.С. Свищева около 100 русских военных топографов были приняты в Военно-географический институт и под его руководством создавали для Югославии военные карты³⁴.

Он организовал шестимесячные землемерные курсы для русских чинов, уволенных с Королевской пограничной службы, на которых получили профессиональную подготовку около 300 слушателей, после окончания курсов все они получили работу³⁵.

И.С. Свищев — организатор и председатель общественного Комитета помощи русским студентам в период экономического кризиса 1929–1932 гг.³⁶

В это время он неоднократно получает приглашение поступить на службу от парагвайского и абиссинского правительств.

В 1927 г. в Париже бывшим профессором Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенантом Н.Н. Головиным были открыты Зарубежные высшие военно-научные курсы. Эти курсы виделись их основателю и руководству РОВС как преемники НАГШ. Отделения курсов были открыты в ряде других европейских центров Белой эмиграции. В 30-е годы И.С. Свищев читал лекции на Белградском отделении этих курсов³⁷. Курсы прекратили свое существование только после начала Второй мировой войны.

В 1944 г. И.С. Свищев переезжает на жительство в Германию и подает заявление о вступлении в Вооруженные силы Комитета освобождения народов России (ВС КОНР)³⁸.

В январе 1945 г. квалификационной комиссией при штабе ВС КОНР И.С. Свищев был аттестован как подполковник³⁹. Почему он пошел на службу в армию генерала Власова, когда нацистская Германия и ее союзники были уже обречены на поражение, да еще с таким понижением в чине, трудно сказать.

С января по апрель 1945 г. И.С. Свищев преподавал топографию в 1-й Объединенной офицерской школе ВС КОНР⁴⁰.

С лета 1945 г., после капитуляции Германии, он содержится в лагере Шляйхсгейм для «перемещенных лиц» под Мюнхеном в зоне действия американских оккупационных войск, в котором занимает ряд административных должностей. Он был организатором разных курсов, возглавлял культурно-просветительский отдел, Общество инженеров и квалификационную комиссию, которая во всех лагерях для «перемещенных лиц» выдала около 40 тысяч свидетельств о специальности для эмигрантов, желающих выехать из Германии в другие страны⁴¹.

С октября 1947 г. И.С. Свищев участвует в деятельности монархических организаций и состоит представителем Высшего монархического совета (ВМС) в Германии. В это время он занимает должность профессора международного университета UNRRA в Мюнхене⁴².

В 1950 г. И.С. Свищев поселился в Лос-Анджелесе (США), где организовал и возглавил Комитет помощи русским военным инвалидам, Комитет помощи русским, пострадавшим от землетрясения в Скопле (Югославия), Комитет по прославлению 1100-летия России. Также он организовывал комитеты по проведению ежегодных Дней Непримируемости и Дней Русской культуры. Он состоял членом правления Российского представительства в США и около 20 лет возглавлял Лос-Анджелесский комитет помощи русским военным инвалидам зарубежья⁴³.

В ночь с 21 на 22 июня 1973 г., в возрасте 96 лет и 7 месяцев, генерал скончался и был похоронен в Голливуде, в Лос-Анджелесе, штат Калифорния, США⁴⁴. Так вдали от Родины окончил свой жизненный путь русский монархист, ученый, патриот. Сожалел ли он перед смертью о том, что никогда больше не увидит свое Отечество, которое стало для него уже навсегда чужим, нуждался ли он в его прощении, не знаю. Но уверен в одном точно, что Иван Сергеевич Свищев ушел в мир иной непримиримым и непобежденным. Для него Гражданская война в России так и не закончилась.

¹ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. СПб., 2001. С. 249.

² Там же.

³ Воробьева А., Пархаев О. Российские юнкера 1864–1917. История военных училищ. М.: Астрель АСТ, 2002. С. 60.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова... С. 249.

- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Список Генерального штаба. Исправлен по 01.03.1918.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова... С. 249.
- ¹⁵ Список Генерального штаба. Исправлен по 01.03.1918.
- ¹⁶ Летопись белой борьбы // Первопроходник. 1975. № 24. Апрель. Лос-Анжелес, Калифорния, США.
- ¹⁷ Список Генерального штаба. Исправлен по 01.03.1918.
- ¹⁸ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова... С. 249.
- ¹⁹ Список Генерального штаба. Исправлен по 01.03.1918.
- ²⁰ Литвиненко В.П. и др. История Санкт-Петербургского высшего военно-топографического командного Краснознаменного ордена Красной Звезды училища имени генерала армии Антонова А.И. (1822–1997) / Под общей редакцией В.А. Антюфеева. СПб.: СПВВТКУ, 1997. С. 35.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 39.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 40.
- ²⁶ Там же. С. 39.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова... С. 249.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 249–250.
- ³² Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1993.
- ³³ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова... С. 250.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.

Б.В. Мезгорский (Санкт-Петербург)

БОЙ ПРИ ОДОЛЯНУВЕ, 1709 г. МАЛОИЗВЕСТНАЯ НЕУДАЧА ПОСЛЕ ПОЛТАВЫ

Б ОЙ ПРИ ОДОЛЯНУВЕ произошел в Великой Польше к юго-западу от Калиша 11 (22) октября 1709 г. между частями русского Заднепровского корпуса генерал-фельдмаршал-лейтенанта Генриха фон дер Гольца (1648–1725) и отрядом польского воеводы киевского Юзефа Потоцкого (1673–1751). Это столкновение занимает скромное место в отечественной военной истории, так как оно вовлекло незначительные силы и не имело драматических последствий.

В историографии Одолянуву уделено не много внимания, а специальных работ не посвящено вообще. «История Свейской войны» описывает лишь общую политическую обстановку в Польше после Полтавы, поездки и встречи царя в эти дни¹. Действиям корпуса Гольца посвящен один из черновых вариантов, который намекает на трудные обстоятельства боя: «Воевода киевский с своим войском чрез Вилень назад к Кракову пошли, генерал-фельдмаршал лейтнант Голц тогда со всем корпусом пошел за воеводою киевским, которого нагнал при Удалонове, где был немалой бой. И понеже за лесным и тесным местом и морастом великого авантажу учинить было невозможно, кроме того, что авангардия наша несколько часов билась, и тако неприятель принужден ретироваться к шленской границе, от которого несколько пленных и багажу наши получили, а прочие ево люди разбежались, а з достальными ушел в Венгры, которого князь Рагоций принял под свою протекцию»².

Голиков написал о том, что Потоцкий с 6000 человек разбил у «шленских» границ неосторожно стоявшую на квартирах партию из корпуса Гольца когда-то в сентябре и собирался напасть

на Конецполь, где в то время находился царевич Алексей. После отражения этого намерения Потоцкий прошел мимо Кракову и, ограбив его, ушел в Венгрию³.

Известный польский историк Ян Виммер в книге о польской армии в Северной войне написал, что Потоцкий потерпел там поражение от российских войск⁴. Ведущий специалист по Северной войне и российско-польским отношениям В.А. Артамонов на основе архивных материалов описал бой в общих чертах и показал ошибочность утверждения Виммера: бой был русскими проигран⁵. А.В. Беспалов среди прочих мало известных российским любителям военной истории сражений описал и это событие, не сославшись, но используя дословно текст Артамонова⁶. Недавние научные работы на близкие темы обошли Одолянув стороной. Польский исследователь Т. Цесельский описал действия лишь литовских войск Речи Посполитой⁷, а белорусский автор Д. Вицько ограничил свой довольно подробный обзор действий Заднепровского корпуса и его противников в 1709 г. только территорией современной Украины⁸.

Темой настоящего исследования Одолянув стал относительно случайно. Десять лет назад, просматривая сочинение П.Н. Крекшина о событиях 1709 г., я обратил внимание на описание сражения с некоторыми любопытными тактическими подробностями, например, о количестве выстрелянных патронов. Возможность изучить этот бой появилась недавно с обнаружением в Походной канцелярии Меншикова нескольких архивных дел, к нему относящихся, и использованных ранее В.А. Артамоновым лишь частично.

Итак, что мы знаем об обстоятельствах, приведших к бою при Одолянуве? В 1708–1709 гг. Заднепровский корпус действовал совместно с польско-литовскими союзниками с целью не допустить шведский корпус генерала Крассау и польского короля Станислава Лещинского к двигавшейся на восток главной армии Карла XII. 13 мая (здесь и далее даты по старому стилю) 1709 г. Гольц разбил прошведские литовские войска при Лидухове. В письме от 2 июня 1709 г. генерал-фельдмаршал-лейтенант сообщил Петру о походе своего корпуса на Львов, о трениях с польским союзником великим коронным гетманом Синявским на почве заготовки провианта для нужд корпуса. Отдельный интерес представляет оценка Гольцем его возможности эффективно командовать корпусом в будущем. Так, из-за отзыва генерал-лейтенанта

князя М.М. Голицына в главную армию под Полтаву фельдмаршал «великое вспоможение потерял». «По отъезде князя Голицына многих непорядков при войске опасатись имею», — писал фельдмаршал. Князя в корпусе любили, а провожали его офицеры и рядовые «с слезными очами». Гольц не знал, сможет ли рассчитывать на свои войска («могу ли прежнего от них уповати»), поскольку оставшийся у него генерал-лейтенант Дальбон «ради неразумения русского языка и слабости мне мало поможет». Сам же фельдмаршал из-за «сорокалетних трудов» уже не мог «при войске все чинити и учреждати» и просил об отставке, поскольку боялся потерять милость государя и свою честь⁹.

18 июля Гольц писал царю, что после известий о Полтавском сражении шведский корпус Крассау отступил за Вислу, а поляки воеводы киевского и Шмигельского от него отсоединились и послали просить прощения у короля Августа¹⁰. Согласно решению военного совета, состоявшегося в Решетиловке между 13 и 16 июля, Меншиков с кавалерией должен был идти на соединение с Гольцем, чтобы выгнать из Польши прошведского короля Станислава Лещинского и вернуть на польский трон Августа. 6 августа Петр в письме Меншикову рассуждал, что Гольцу выгоднее следовать в направлении Варшавы, так обеспечивалась связь с Пруссией (в связи с готовившимся союзным договором с прусским королем) и с Августом, шедшим на Калиш¹¹. Гольц интересовался, «для чего к Варшаве подаватца ему велено»¹². 10 августа царь велел Меншикову отписать Гольцу, чтобы тот заготавливал в Варшаве суда для перевозки пехоты¹³. 8 сентября, судя по письму к Августу, Петр направил «пять драгунских полков... Гольца на самых лучших конях» для скорейшего соединения с Августом для защиты от Крассау¹⁴.

По мере стягивания российских сил в Польшу, войска противника — шведы Крассау, Лещинский со свитой и польский корпус Потоцкого — отступали в направлении шведской Померании. По донесениям А.И. Ушакова, находившегося при саксонском корпусе, 22 сентября Крассау, Лещинский и Потоцкий переправились через р. Варту за Познанью под м. Барановым и продолжали уходить на Померанию¹⁵. Меншиков сообщал Петру 29 сентября: «пишет к нам господин отъютант Ушаков, что неприятель ушел к Померании и настичь его невозможно, того ради мы поход свой оставили»¹⁶. Генерал-майор Ешхав (Гешев) (мы не знаем, в чьем подчинении он находился и каким отрядом командовал),

очевидно, участвовал в преследовании и сообщал Петру о расположении войск Потоцкого, Крассау и Лещинского. В частности, 2 октября он сообщил, что Потоцкий стоит от Коронова в полумиле за м. Лупженица, Крассау — в шести милях далее. Лупженица находится в 8 милях до Торуни, 20 милях до Гданьска, 14 милях до Мальборка. Сам Ешхав с бригадой стоял на р. Брда под м. Короновым¹⁷.

5 октября Ушаков из Коронова сообщал, что Крассау и Лещинский с немногими поляками ушел в Померанию — через территорию Пруссии к Штеттину. Потоцкого же в Пруссию не пустили, поэтому он намеревался идти к Кракову через Велюн. Ушаков с Ешхавым и с поляками намеревались отправиться в погоню. 7 октября Потоцкий жег за собой мосты, Ешхав остановился у труднопроходимого места у м. Рынарева¹⁸. 10 октября из Яновиц, накануне боя при Одолянуве, Ушаков сообщал, что узнал от взятого языка, что Потоцкий стоит за Познанью, «и мы пошли, государь, чтоб у него путь заступить меж Познане и Калиша к Устремови»; он желал, чтобы у него было два-три русских полка, поскольку от поляков ожидать эффективных действий не приходилось («одной оной польской партии — ничего не учинить, хотя и подерутца, немного побитых будет на обе стороны»)¹⁹. Кем бы ни командовали Ушаков и Ешхав, по всей видимости, они не приняли участия в бою при Одолянуве, где Потоцкого настиг Гольц.

Сведения об исходе сражения были противоречивые. Так, адъютант Маврин 18 октября сообщал из Таруна: «Слышно нам от поляков, что генерал-фертмаршал-лейтенант Голц воеводу киевского побил»²⁰. Меншиков писал В.Л. Долгорукому в Копенгаген 21 октября: «воевода киевский отправлен был к Кракову во шти тысячах пехоты и со всею легкою конницею, который в сих числах при шленской границе от нашей конницы совсем разбит и, большую часть своего обоза оставя, ушел за границу шленскую. Однако ж за оным еще наши партии последуют, которые, чаем, праздные не воротятся»²¹. Противник Гольца после сражения (хотя и не вследствие) утратил свой боевой потенциал. По письму Меншикова от 19 ноября: «Воеводе киевской з достальным своим войском еще около сих мест бегаёт, как заец, при котором по подлинному известию во время ево походу от Прус было з десять тысяч, а ныне толко с тысячу обретаецца, а прочие все потоставали, а иных коронное войско в полон побрало»²². Тем не менее, Потоцкий продолжал представлять некоторую угрозу;

генерал Ренне сообщал из Варшавы 12 ноября: «воевода киевский еще нашим многие чинит шкоды и многие генеральские обозы отбил»²³. В результате преследования русскими войсками Потоцкий со своими людьми ушел в Венгрию и вступил на службу к Ференцу Ракоци, об этом сам Ракоци написал бригадиру Кропотову 24 ноября²⁴.

Позднее, 23 апреля 1710 г. царь Петр в переписке с Б.П. Шереметевым оценивал одолянувшее дело как «потерянную акцию», в которой «урон от бездельников воеводы киевского наши люди претерпели, будучи под командой фельдмаршала лейтенанта Гольца»²⁵. Несмотря на то, что комментатор «Писем и бумаг» Е.П. Подъяпольская изучала документы судебного разбирательства над Гольцем, отложившиеся в РГА ВМФ и в РГАДА²⁶, она констатировала, что сведения об этой акции не найдены²⁷. На кригсрехте, военном суде, по требованию Меншикова Гольца обвиняли в неисполнении приказов, в неприсылке сведений о необходимых пополнениях; князь также требовал привлечь фельдмаршала к суду за неудачные действия под Головчиным в 1708 г. Суд начался на Котлине 15 (26) сентября 1710 г.²⁸ и закончился оправданием Гольца и отъездом его с русской службы в 1711 г.

Рукопись П.Н. Крекшина (1684–1763 или 1764) из Отдела рукописей РНБ носит полное название «Журнал великославных дел великаго государя императора Петра Великаго самодержца всероссийскаго. Том 28 содержащей в себе лето от первого дня Адама 7217 по рождестве Иисус Христове 1709. Собранный новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным в царствующем граде Санктпетербурге в лето спасительнаго воплощения 1753, от зачатия царствующаго града Санктпетербурха 50»²⁹. Этот труд давно известен исследователям петровского времени; в частности, он стал источником многих расхожих мифов о Полтавском сражении. Одних историков в нем привлекает обилие подробностей, не известных по другим источникам, других оно же настораживает и заставляет сомневаться в достоверности сочинений Крекшина в целом³⁰.

Приведем отрывки из его сообщения: «Фелтмаршал-лейтенант Фонголец, с войсками царского величества 20 полками в местечко Адаляново вступил. Киевской воевода с войском татар, поляков и бунтовщиков запорожцев в 15000 стоял за речкой против местечка Адаланова. На оной речке был мост и брод удобной; токмо чрез ту удобную переправу он фельдмаршал лейтенант Фонголец

войск царского величества против неприятеля не послал, а послал чрез неудобопроходимые места, где крутобереговья и топкия переправы». Далее Крекшин описывает ход боя, упоминая позиции полков и последовательность их вступления в бой, количество выпаленных патронов и т. п. «При той акции побито неприятельского войска до 300, а з стороны царского величества убито 58 человек. За таковой ево фелтмаршала лейтенанта Фонголца худой поступок и протчия его преслушания арестован и отдан под военский суд»³¹. К этому эпизоду в своей рукописи Крекшин дает ссылку: «в делах князя Меншикова в скаске Владимирского драгунского полку маёра Алексея Камынина № 25 в Академии, и в ордергере и кригсрехте 1710 году июня 23 дня».

В Походной канцелярии А.Д. Меншикова, составляющей 83-й фонд Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН, отложился целый ряд документов, созданных в июне 1710 г. перед началом судебного процесса над Гольцем. Нас интересуют те, что относятся к Одолянуву, а это показания (групповые и индивидуальные) офицеров Лейб-регимента, Владимирского драгунского и Гренадерского Роппа полков, а также ведомости убыли личного состава и матчасти Лейб-регимента и Владимирского полка.

От Владимирского полка сохранилось больше всего свидетельств. Самым высокопоставленным свидетелем оказался полковник князь Мещерский, который был не при полку, а исполнял обязанности бригадира³². Подполковник Михаил Башмаков командовал полком в отсутствие князя Мещерского³³. Шквадрон-майор Алексей Камынин «был за полкового майора»³⁴ (и именно его показания стали источником для Крекшина). Агригирт-прапорщик Семен Теняков был в ординарцах у Гольца³⁵. Групповую «сказку» составили капитан Осип Баранов, поручики Яков Коробин и Тимофей Вечеслов, агригирт-поручик Иван Спешнев, прапорщик Андрей Кнутов³⁶.

От Лейб-регимента групповое показание подписали одиннадцать офицеров-участников акции с Потоцким: майор Владимир Борзов, майор Бутлер, капитаны Яган Лигарт, Магнус Франк, Родион Ушаков, агригирт-капитан Василей Коробовской, агригирт-поручик Иван Потрасов, прапорщики Сергей Кошкин, Афанасий Курленев, Антон Павловский, агригирт-прапорщик Любим Пушкарев³⁷.

Гренадерский полковника Роппа полк (кстати, называемый офицерами Третьим полком) представлен показаниями трех поручиков: Кристьяна Барта, Николая Петерсона и Ивана Философова, а также отдельно — капитана Ферштенбека³⁸.

Общая картина боя, собранная из всех свидетельств, представляется такой. Накануне боя, 10 октября 1709 г. вечером Гольц отрядил («командировал») авангард из капитана 3-го гренадерского полка (имя в источнике неразборчиво), прапорщика Лейб-регимента Курленева и «с ними от разных полков несколько человек драгун и волошин». За дозором следовал полковник Ропп с двумя гренадерскими полками и Лейб-региментом. Таким порядком они шли около версты до деревни, название которой никто не запомнил и у которой они, построившись, простояли ночь в ожидании Гольца. Ропп захватил языков и отправил их фельдмаршалу с сообщением, что противник поблизости. В течение ночи у передового дозора завязалась перестрелка. Ночью же подошел фельдмаршал с остальными полками и на следующий день двинулся дальше вслед за неприятелем, так что к середине дня 11 октября корпус подошел к местечку Одолянуву. Впереди шли гренадеры, Лейб-регимент и Сибирский полк, за ними — Владимирский, Архангелогородский, Ингерманландский и Белозерский. Гольц велел гренадерам спешиться и занять город, что они и сделали. Неприятель при этом вышел из города и ушел за переправу к мельнице, где построился к баталии и дожидался россиян. Заняв город, Гольц остановился в неких «палатах» и в дальнейших действиях участия не принимал; когда мимо проходил Владимирский полк, майор Камынин видел фельдмаршала в окне палат, разговаривающим по-немецки с генерал-майором Вейзбахом. Генерал-адъютант Шиленк, состоявший при Гольце, из окна же кричал командовавшему проезжавшими владимирцами подполковнику Башмакову, чтобы тот с полком поспешал на переправу.

Фельдмаршал отправил за переправу вслед за поляками гренадер «пешими» (т. е. лошадей они оставили в тылу), они могли идти лишь по два и по три человека в ряд. Впереди шел Первый гренадерский, за ним — Третий (Роппа). Следом двигался Лейб-регимент, в котором драгуны вели коней в поводу. Затем шли полки Сибирский, Владимирский и Ярославский. Топкая и глубокая переправа без мостов и гатей позволяла идти только по

одному человеку с лошадыю. После преодоления этой переправы генерал-майор Вейзбах велел сесть на коней, и драгуны поехали по одному и по двое через другую переправу, за которой построились в близости от неприятеля в «тесном месте».

Там было велено спешиться и «склепать» коней, после чего полки в пешем порядке построились лицом к неприятелю: на правом фланге гренадеры, на левом у мельницы за изгородью — «командированные», в центре — Лейб-регент. Полковник князь Мещерский привел и построил во второй линии (места в первой линии вместе с Лейб-регентом для них не оставалось) Сибирский полк справа и Владимирский слева. Вейзбах в это время находился с войсками. Подошедший Ярославский полк Мещерский поехал выстраивать на левое крыло, туда, где за изгородью располагались «командированные»; во второй линии ярославцам места не хватало; в этот момент под князем выстрелом убило лошадь. А когда ему привели другую лошадь, поляки начали атаку. Они повели атаку на «командированных» левого фланга, которые приняли бой, но вынуждены были отступить к Ярославскому полку. Тогда неприятель «окрик учинил и со всем своим корпусом на Ярославской на Володимерской полки и на Лейб регимент пришел сильно, против которого в таком тесном месте и в болотах те полки пришли в канфузию, стоять много не смогли, стали уступать и пошли к местечку назад». Владимирцы во главе с подполковником Башмаковым пошли против неприятеля в пешем строю и бились, пока у них не закончились патроны. Патронов было немного: у каждого драгуна по два и третий заряжен. Поляки действовали «пехотою»; они обходили справа и слева и шли отступающим «в затылок», «неприятель догнал и в тыл стрелял, а перешед из-за мосту не дал им неприятель построиться, напал на них с левого крыла и стали их колоть». Полковник Мещерский бегущие войска «одерживал много раз и одержать не мог». Владимирский полк не смог пробиться к месту переправы и перебирался в другом месте вплавь. После того, как в «великую канфузию» пришли полки левого фланга, начали отступать и гренадеры, которые «пошли болотом назад к местечку кто как может».

Другие полки — Архангелогородский, Ингерманландский и Белозерский — на помощь подоспеть из-за переправ не могли. В самом местечке спешившийся Архангелогородский полк «одержал» неприятеля.

Гольца не было при сражающихся войсках — об этом спрашивали у всех офицеров; он находился в замке местечка Одолянув. Боем в первой линии руководили полковник Ропп, генерал-майор Вейзбах и полковник Мещерский. К поведению офицеров претензий не было («а афицеры де которыя были при полках и те были и в самом деле»). Причиной «проигрыша» все назвали «тесное и топкое место, на котором месте полков в орден баталии построить было невозможно»; лишь один Камынин осмелился критиковать: «командиры де им в таком непотребном месте на неприятеля велели наступать». Отступавшие через Одолянув видели фельдмаршала разъезжавшим по замковому валу на лошади. Когда войска собрались в местечке, Гольц и Вейзбах с полками отступили к деревне, где ночевали предыдущей ночью. В Одолянуге на ночь был оставлен арьергард князя Мещерского с полковником Дедютом³⁹, командированными драгунами и офицерами. В полночь Потоцкий отступил от Одолянува, о чем Мещерский тут же отправил известие Гольцу.

Переправа, по которой наступали полки, была, очевидно, труднопроходима. Офицеров спрашивали, знали ли они о существовании другой, более удобной переправы. Некоторые из них после сражения слышали от других о лучшей переправе справа: «от того места с версту» был и мост, и мелкий брод, где стоял Белозерский полк; но сами участники боя ее не видели и почему пошли не по ней — не ведали.

Сохранились сведения и о потерях сторон. Взятый в плен гренадерский поручик Барт слышал от поляков, что у них пропало человек с 30 или немного больше. Лейб-регIMENT потерял убитыми 5 офицеров, 2 унтер-офицеров и 29 рядовых, ранеными — 1 офицера, 3 унтер-офицеров, 38 рядовых и капралов; лошадей верховых 132, седел 139⁴⁰. Владимирский полк потерял убитыми 1 унтер-офицера и 5 рядовых, ранеными — 1 унтер-офицера, 9 рядовых и 2 барабанщиков; лошадей драгунских 72, седел 86⁴¹.

Опубликованные К.В. Татарниковым офицерские сказки содержат многочисленные упоминания об одоляновской акции. Генерал-майор Иоганн Бернгард фон Вейзбах (Johann Bernhardt von Weisbach) записал, что как «учинилась акция с воеводою киевским, и в то де число от посланной партии в Шленск за ним, воеводою киевским, взято от войска его, воеводы киевского, со 100 человек»⁴². Очевидно, после сражения преследование Потоцкого

продолжилось. Среди штабных чинов участие в бою отметил находившийся при Гольце «флигель-адъютант при поручицком трактamente» Бецголт Кашпер Иванович⁴³. Самое развернутое описание участия в бою дал Будаев Герасим, писарь Ростовского драгунского полка: «А в 709-м году сентября 25-го дня взят из писарей до генерала-аудитора Бресиуса в писари, и октября 13-го дня под местечком Одолянами при баталии взят в полон от войска воеводы киевского, также и ранен многожды, и завезен был в Венгерскую землю. И в 710-м году из Венгерской земли по просьбе отпущены с пасом за подписанием руки венгерского князя господина Ракоци, и явились в Польше господину генералу Янушу с другими разных полков драгуны. И господин генерал Януш в 711-м году определил его, Будаева, к себе в канцелярию писарем»⁴⁴.

По сказкам удалось выявить участников боя 11 октября 1709 г. в следующих полках: Гренадерский Кропотова полк — 22 офицера и гренадера⁴⁵; Гренадерский Роппа полк — 12⁴⁶; Лейб-режимент — 21⁴⁷; Архангелогородский драгунский полк — 26⁴⁸; Белозерский драгунский полк — 7⁴⁹; Владимирский драгунский полк — 16⁵⁰; Ингерманландский драгунский полк — 27⁵¹; Сибирский драгунский полк — 6⁵², из которых прапорщик Прокофий Кириллович Малеев указал, что был при Одолянуве «с... Реном»; Ярославский драгунский полк — 13⁵³, причем драгун Григорий Афанасьевич Полтинин «на которой [одоляновской акции] и ранен по голове шпагою».

На участие в бою претендуют также чины полков, не упомянутых в показаниях из Походной канцелярии Меншикова. Присутствие этих полков в бою требует подтверждения: гренадерский Хлопова полк — 2⁵⁴; Московский драгунский полк — 5⁵⁵, из них четверо уточнили, что были «при команде господина полковника Голанта»; Нижегородский драгунский полк — 1⁵⁶; Астраханский драгунский полк — 5⁵⁷; «Командованный драгунский шквадрон, что был подполковника Дубасова» — 1⁵⁸; Казанский драгунский полк — 3⁵⁹; Новгородский драгунский полк — 1⁶⁰; Ростовский драгунский полк — 1⁶¹; Рязанский драгунский полк (Геренка) — 1⁶²; Тверской драгунский полк — 1⁶³; Троицкий драгунский полк — 1⁶⁴.

Помимо полков, чье участие в бою подтверждено показаниями участников (Гренадерские первый и третий, Лейб-режимент, Владимирский, Сибирский, Ярославский, Архангелогородский, Ингерманландский и Белозерский), вероятно также участие

других частей. Судя по сказкам пятерых офицеров Московского драгунского полка, их подразделение (рота, исходя из набора чинов) участвовало в бою в отряде некоего полковника Голанта; возможно, это и были командированные, которых не знали офицеры других полков. Одиночные представители других полков также могут относиться к командированным.

Таким образом, бой закончился тактическим поражением войск Гольца, но на оперативную обстановку не повлиял — Потоцкий продолжил отступление и вскоре покинул территорию Польши. Проведенное небольшое исследование позволяет сделать несколько выводов. Первая их группа касается источников. Несмотря на неудачу и незначительность, этот бой тем не менее представляет особую ценность для исследователей и любителей военной истории. Военные победы оставляют после себя немногословные реляции, исходящие от высшего командира; в таких документах сложно найти подробности, они ограничены одной точкой зрения. Неудача же становится причиной разбирательства, в ходе которого откладываются многочисленные и достаточно подробные свидетельства непосредственных участников событий уровня старших и младших офицеров. Так, Головчинское поражение 1708 г. дало исследователям богатые материалы следственного дела⁶⁵. Так же и Одолянув ценен отложившимся массивом документов с показаниями офицеров драгунских полков. Эта особенность проигранных сражений показывает перспективный путь для исследователей — поиск и выявление служебной и следственной документации, созданной в связи с неудачами либо с другими разбирательствами.

Помимо показаний участников боя, мы смогли познакомиться с документами о потерях личного состава и об утратах имущества отдельных полков. Такие документы позволяют больше узнать о комплексе обмундирования и вооружения и представляют собой ценные источники для научной реконструкции облика российских войск в петровскую эпоху. Несоразмерность потерь в людях и в лошадях подтверждает, что драгуны действовали, спешившись, и были вынуждены отступать, бросив своих «склепанных» коней. Количество потерянных лошадей может говорить о том, что от Лейб-режима и Владимирского полка в деле участвовали подразделения уровня рота — эскадрон.

Нельзя не оценить сообщение П.Н. Крекшина. В современной историографии не без оснований считается, что тексты

Крекшина недостоверны и полны его собственных вымыслов. В данном случае, с одной стороны, он в целом верно описал ход боя, но напутал в деталях (какой полк в какой линии и на каком фланге стоял); названная им общая численность сторон скорее всего вымышленна, размер потерь противника — завышен, а потери русских полков, данные с точностью до человека, могут быть завышенными либо близкими к фактическим. С другой стороны, он сослался на реальный источник, нам удалось проверить его ссылку на дело в походной канцелярии Меншикова и выйти на большой и малоизвестный набор ценных архивных документов. В этом смысле текст Крекшина оказался безусловно полезен. Таким образом, перспективным представляется поиск и выявление источников, которыми Крекшин мог пользоваться при создании своих литературных произведений.

Вторая группа выводов касается непосредственно содержания выявленных документов. В них интересными представляются несколько моментов. Неоднократно упоминаются «командированные» в различных ситуациях: в качестве авангарда при движении к Одолянуву 10 октября, в качестве застрельщиков у изгороди на левом фланге в бою 11 октября и в качестве оставленного в местечке арьергарда в ночь на 12 октября. Вероятно, выделение временных сборных отрядов было распространенной практикой, о которой мы пока знаем не так много.

Действия драгун и конных гренадер в пешем строю — как для переправы, так и для ведения боя, а также рассуждения офицеров о том, сколько сухого места требовалось для сражения, — показывают, что российская кавалерия была знакома с пехотной экзерцицией и при необходимости могла действовать «пехотою». Впрочем, в данном конкретном случае условия местности практически не позволили вести бой в соответствии с правилами линейной тактики.

Вызывает недоумение факт нехватки патронов в полках — всего по три патрона на человека. В штатной ситуации носимый боекомплект должен был составлять не менее 20 фузейных патронов: в 1707 г. в Л-гв. Преображенском полку — 20 в лядунках и 30 в патронных ящиках⁶⁶, в 1715 г. — по 70 в лядунках и ящиках на одного драгуна⁶⁷. Именно нехваткой патронов некоторые офицеры объяснили невозможность удержаться на занимаемой позиции.

Примечательно, что офицеры обозначали гренадерские полки по номерам — Первый (Кропотова) и Третий (Роппа). В

историографии принято считать, что российские конно-гренадерские полки номеров не носили и назывались исключительно по полковникам; теперь это представление придется скорректировать.

Так же обращает на себя внимание то, что ни один из опрошенных офицеров не критиковал командира корпуса Гольца, они сухо констатировали, где видели и где не видели генерал-фельдмаршал-лейтенанта в день боя, но оценок не делали и вину за проигрыш на него не возлагали.

¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 323, 324.

² История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 2. М., 2004. С. 442.

³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т. 4. М., 1838. С. 396.

⁴ Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej w dobie Wojny północnej, 1700–1714 гг. Warszawa, 1956. S. 343.

⁵ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 34, 35. Помимо дел, связанных со следствием, из НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83, Артамонов также ссылается на РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91. Л. 446–449.

⁶ Беспалов А.В. Битвы Северной войны 1700–1721. М.: Рейтар, 2005. С. 187.

⁷ Цесельский Т. Последние боевые триумфы Великого княжества Литовского — битвы под Ляховцами и Наквашей // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции. Ч. 3. СПб, 2017. С. 439–456.

⁸ Віцько Дз. В. Кампанія 1709 г. на захадзе України // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы (к 300-летию со дня битвы при д. Лесная). Международная научно-практическая конференция 4 октября 2008 г. Могилев, 2008. С. 69–84 (автор выражает признательность С.А. Иванюку за возможность ознакомиться с этой статьей).

⁹ Письма и бумаги Петра Великого (ПиБ). Т. 9. Вып. 2. С. 955.

¹⁰ Там же. С. 1017.

¹¹ ПиБ. Т. 9. Вып. 1. С. 335.

¹² ПиБ. Т. 9. Вып. 2. С. 1175.

¹³ ПиБ. Т. 9. Вып. 1. С. 340.

¹⁴ Там же. С. 368.

¹⁵ ПиБ. Т. 9. Вып. 2. С. 1249.

¹⁶ Там же. С. 1256.

¹⁷ Там же. С. 1259.

¹⁸ Там же. С. 1271.

¹⁹ Там же. С. 1272.

²⁰ Там же. С. 1299.

²¹ Там же. С. 1313. О том же Долгорукову писал и Г.И. Головкин, см. там же. С. 1394.

²² Там же. С. 1300.

- ²³ Там же. С. 1260.
- ²⁴ Там же. С. 1302.
- ²⁵ Там же. Т. 10. С. 113, 114.
- ²⁶ Там же. С. 714.
- ²⁷ Там же. С. 575.
- ²⁸ Там же. С. 715.
- ²⁹ ОР РНБ. Ф. 588 (Погодин). Оп. 2. Д. 1732. 142 л.
- ³⁰ Богуславский А.Г. О «Дневнике полтавского коменданта Келина» // Вопросы архивоведения. 1962. № 4. С. 80–83; Базарова Т.А., Дадыкина М.М. «Дворянин Великого Новгорода» П.Н. Крекшин и походная канцелярия А.Д. Меншикова // Новгородский исторический сборник. 15 (25). Великий Новгород, 2015. С. 217–229; Кротов П.А. Глава П. Литературная деятельность П.Н. Крёкшина и «благородные вымыслы» по истории Полтавской битвы // Кротов П.А. Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М., 2018. С. 153–323.
- ³¹ ОР РНБ. Ф. 588 (Погодин). Оп. 2. Д. 1732. Л. 94 об., 95.
- ³² НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3673. Л. 1–2 об.
- ³³ Там же. Д. 3778. Л. 1–2 об.
- ³⁴ Там же. Д. 3677. Л. 1–2 об.
- ³⁵ Там же. Д. 3676. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Д. 3675. Л. 1–2 об.
- ³⁷ Там же. Д. 3657. Л. 1–6 об.
- ³⁸ Там же. Д. 3657–3868. Микрофильм.
- ³⁹ По-видимому, Симон Алексеевич Дедют, полковник Ингерманландского полка, см.: Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Сб. документов / Сост. К.В. Татарников. М., 2017. Т. 2. С. 2247.
- ⁴⁰ НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3664. Л. 1–1 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 1.
- ⁴² Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. документов / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. Т. 1. С. 24.
- ⁴³ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 603.
- ⁴⁴ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 2210.
- ⁴⁵ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 65, 66, 70, 71, 73, 75, 79, 81, 83, 84, 87, 844, 979; Т. 2. С. 1615; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Сб. документов / Сост. К.В. Татарников. М., 2016. Т. 1. С. 819, Т. 2. С. 1274; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Сб. документов. Сост. К.В. Татарников. М., 2017. Т. 1. С. 674, 1054, 1240; Т. 2. С. 1451, 1584, 1706, 1844, 2239, 2258.
- ⁴⁶ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 96, 99, 101, 102, 104–108; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 838; Т. 2. С. 2134, 2166, 2241.
- ⁴⁷ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 98, 566, 827, 831, 832, 836–842, 845, 847; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 80, 189, 1260; Т. 2. С. 1494, 1502, 1854, 2021, 2032, 2044, 2132.
- ⁴⁸ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 159, 161, 162, 164, 168–171, 173, 174, 176, 178, 179, 181, 186, 188, 189, 418, 975; Т. 2. С. 2226; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 512, 771, 1038; Т. 2. С. 1678, 1779, 2263, 2399.

- ⁴⁹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 27, 339, 341, 346; Т. 2. С. 2236; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 704, 1238; Т. 2. С. 2207.
- ⁵⁰ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 226, 229, 230, 232, 234, 236, 238–240, 242, 245, 247, 248, 547.
- ⁵¹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 182, 325–327, 329, 330, 332, 333, 417, 947, 1003; Офицерские сказки. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 167, 317; Т. 2. С. 1513, 1769, 1847, 2014, 2249, 2289, 2375, 2418.
- ⁵² Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 857, 859, 861, 863; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 1771.
- ⁵³ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 123, 991, 992, 996–998, 1001, 1004; Т. 2. С. 1627; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Сб. документов / Сост. К.В. Татарников. М., 2016. Т. 2. С. 1342, 1361; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 1047; Т. 2. С. 1523, 1527, 2083.
- ⁵⁴ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 114, 130.
- ⁵⁵ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 482, 490, 496, 499, 692; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 2197.
- ⁵⁶ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 601.
- ⁵⁷ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 987; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 256, 987; Т. 2. С. 2416, 2472.
- ⁵⁸ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1237.
- ⁵⁹ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1516; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 545; Т. 2. С. 2356.
- ⁶⁰ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 2280.
- ⁶¹ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 254.
- ⁶² Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 2223.
- ⁶³ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1368.
- ⁶⁴ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 1008.
- ⁶⁵ Марченко М.К. Головчино. 3 июля 1708 г.: По документам Меншиковского архива Академии Наук // Военный сборник. 1901. № 3. С. 1–34; Мышлаевский А.З. Северная война, 1708 г.: От реки Уллы и Березины за реку Днепр. СПб., 1901. С. 128–175.
- ⁶⁶ Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1. Северная война. Документы 1705–1708 гг. СПб., 1892. С. 86.
- ⁶⁷ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 25. С. 417.

С.С. Мигунов (Санкт-Петербург)

ВООРУЖЕНИЕ РИЖСКОЙ И ДИНАМЮНДСКОЙ КРЕПОСТЕЙ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

КРЕПОСТИ РИГА И ДИНАМЮНДЕ занимали важное стратегическое положение в системе укреплений Лифляндского артиллерийского округа во второй четверти XIX столетия.

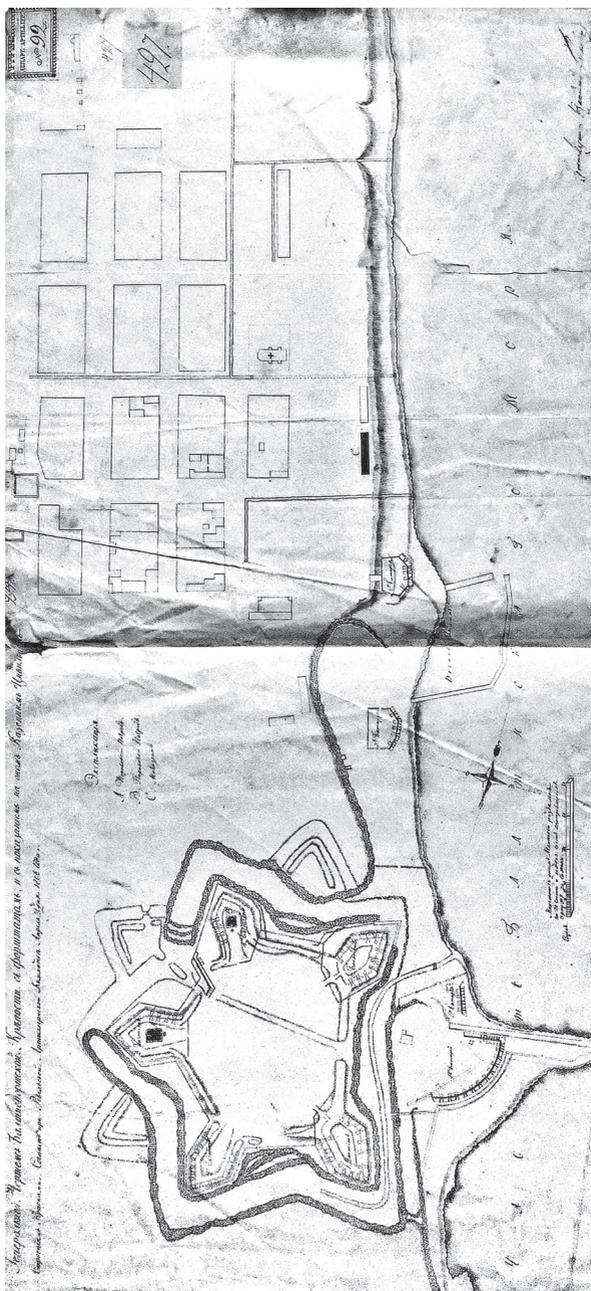
Несмотря на наметившийся в этот период переход в крепостном строительстве от Прибалтийских (Остзейских) губерний к Западным губерниям, Рига и Динамюнде продолжали играть важную роль в обороне Рижского залива. К моменту начала активной фазы Крымской войны на Балтийском театре военных действий они наряду с Ревелем (Таллин) и Балтийским портом (нынешний эстонский город Палдиски) составляли цепь приморских укреплений в Рижском заливе и в южной части Финского залива соответственно. Основные события этой кампании развернулись на финском побережье в районе Свеаборга, но, несмотря на это, важнейшая цель — защита Санкт-Петербурга от возможной осады — требовала подключения большого числа людских и технических ресурсов. В связи с этим в Военном министерстве велась активная переписка о целесообразности и способах обороны указанных крепостей. Ближайшими с географической точки зрения к столице крепостями были Кронштадт и Свеаборг, тем не менее, анализ документов показывает озабоченность чиновников министерства и местного артиллерийского командования вопросом приведения крепостей Остзейского края в боевую готовность.

4 февраля 1854 г. командир штаба инспектора всей артиллерии генерал-адъютант и кавалер Безак получил уведомление от Артиллерийского департамента о получении

утвержденных записок о мерах к обороне Балтийского порта и Риги. Утверждалось, что в Риге имелось достаточное количество боеприпасов для вооружения. Констатировался их некоторый переизбыток и допускалась возможность передачи излишков из Рижской крепости в Динамюндскую¹. Подробные отчеты о вооружении Динамюнде проводят параллель с положением дел в Балтийскопортской крепости (ил. 1). Действительно, здесь наблюдалась похожая ситуация, и Балтийский порт в 1854 г. в условиях спешной модернизации материальной части артиллерии подчас получал количество орудий и зарядов к ним, бывшее излишком в Ревеле, оставаясь по сути в тени последнего². Военный министр передал командующему войсками в Лифляндии рижскому генерал-губернатору князю Суворову информацию о донесении генерал-майора Свиты Его Императорского Величества Яфимовича. Он предполагал кроме одиннадцати орудий, назначенных на прибрежную сторону крепости, установить прочие имеющиеся орудия вместе с лафетами и платформами. В Динамюнде предлагалось усилить батареи на дамбе Комета и установить двадцать дополнительных орудий в самой Динамюндской крепости в пониженных флангах и на куртине между пятым и шестым бастионами, используя для этого штатные орудия и старые шведские лафеты (ил. 2).

В Военном министерстве на этот счет был сделан ряд распоряжений. Согласно разрешению императора к имеющимся одиннадцати орудиям было добавлено еще девяносто три по предложению командированного в Ригу и Динамюнде полковника Коростовцева. Для этого использовались верки крепости, которые могли принять дополнительное вооружение, также к ним было подготовлено по сорок пять зарядов: «по двадцать пять готовых и по двадцать в материалах»³.

В Динамюнде на дамбе Комета решено устроить батарею на двенадцать орудий, на острове Магнусгольм вместо двадцати четырех орудий принято решение о строительстве батареи на двадцать восемь орудий. При необходимости здесь можно было добавить еще четыре орудия. Император повелел для обороны тыла батареи на Магнусгольме поставить, как минимум, две шестифунтовых пушки для обстрела местности позади батареи. Использовались для этой цели опять же излишки имевшегося в Динамюндской крепости вооружения.

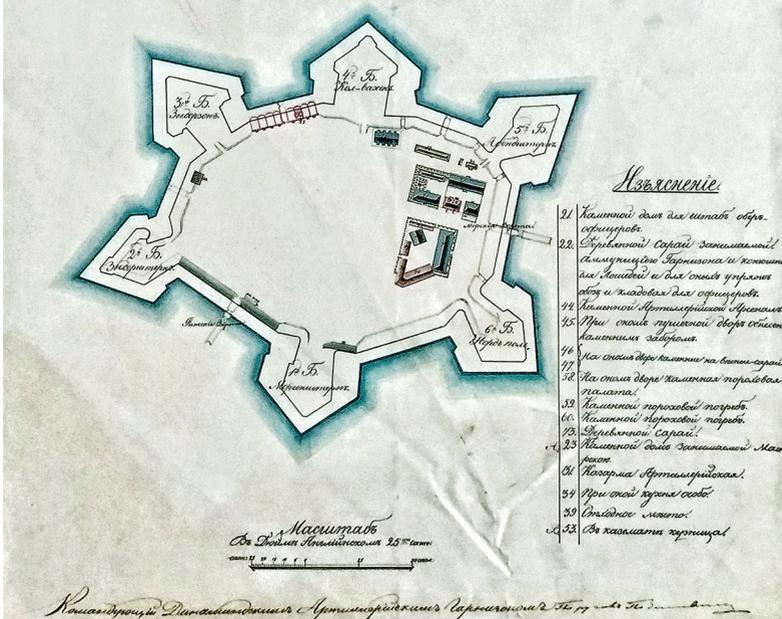

Ил. 1. Чертеж Балтийскопортской крепости с форштадтом // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. Картотека «Крепости и укрепления», ч. 1. Д. 348

Планъ местности Динамидской крепости съ показаніемъ на ономъ строений Артиллерійскаго Вѣдства, Занимаемые Мастерскою и Кузницкою и подъ литерами А. В. кой вычержены и покрыты приличными красками.

ЛИФЛЯН. ОКРУГЪ.
ДИНАМИДСКОЙ
КРЕПОСТИ.
№ 16.

Крепость Динамида Ноябрь 17го дня 1842 года.

Ил. 2. План местности Динамидской крепости с показанием на ономъ строений Артиллерийского ведомства // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. Картотека «Крепости и укрепления», ч. 1. Д. 477

Саму Динамюндскую крепость было предложено усилить в соответствии с имеющимися в Риге и Динамюнде возможностями. Не обошли стороной и вопрос с устройством ядрокапельных печей. Подготовка Рижской крепости была настолько хороша, что некоторые излишние орудия предлагалось передавать в продолжавшую активно строиться Динабургскую крепость. Об этом шла речь на заседаниях Комитета по защите берегов Балтийского моря. Тем не менее, Николай I не согласился с такой постановкой вопроса. Об этом свидетельствует надпись: «На подлинном собственною Его Величества рукою написано карандашом: “Не думаю чтоб было место, разве вне крепости, что тоже было бы неудобным”». Отделения Осадного парка предполагалось перевезти в Динабург при наличии подходящего помещения и при этом орудия оставить в Риге для возможности их употребления в случае необходимости усилить вооружения передовых укреплений⁴ (ил. 3).

Принадлежащие первому отделению осадного артиллерийского парка орудия, лафеты, мортирные дроги и зарядные ящики, а также принадлежащие ему снаряды, кроме 932 однопудовых бомб, было приказано перевезти из форштадтов в Рижскую цитадель на лошадях первого гренадерского парка. Упомянутые бомбы предназначались для вооружения Динамюндской крепости и их было приказано перевезти на тех же лошадях. Как следствие, в Риге и Динамюнде стал наблюдаться значительный переизбыток однопудовых бомб — 1140 штук, при этом не имелось лишних пудовых единорогов⁵.

Перемещение имевшихся излишков между крепостями Лифляндского артиллерийского округа в сложившейся ситуации стало обыденным делом. Так, например, из Ревеля в Ригу было передано шестьсот пудов пороха⁶.

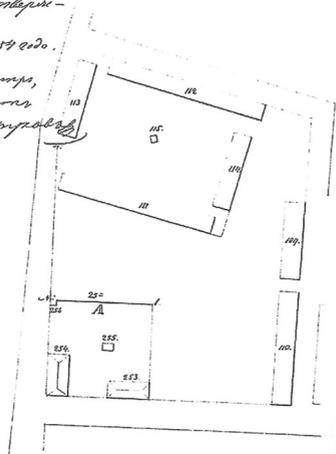
Подготовка к возможным боевым действиям шла полным ходом, не оставалась без внимания практически ни одна из ее сторон. Недостача в лесных и красильных материалах для построения крепостных передков в Лифляндском окружном арсенале усложнялась и недостатчей в личном составе мастеровых. В русле проводившейся политики по переброске материальной части и людских ресурсов между крепостями командование Рижской крепости столкнулось с проблемами, вызванными отправкой десяти мастеровых из Риги в Динабург. Загруженность оставшихся гарнизонных мастеровых и мастеровых двух осадных отделений

2 Листа 1

План Артиллерийских строений находящихся
на С. Петербургском форштадте,
в Рижской Крепости.

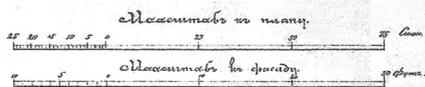

Рыжский укрепл-
дело. —
"Рж. форштадт 1854 года.
Восстановл. и модерни-
зация стр. артиллерии
кн. кн. Дессе-Рурвилля

- Список помещений.
- 109 } Серая занавешенная Армия.
 - 110 } рижский мушкетерский.
 - 111 }
 - 112 }
 - 113 }
 - 114 }
 - 253 Мастерская.
 - 254 Пушечница.
 - 115 } Кухня.
 - 255 }
 - 256 Старая школа.
 - А Предназначается поступить.
- Высота со стороны батареи
новый ярус.

Фасады предполагаемого здания по линии А.

Начальник штаба *С.С. Мигунов*, Подполковник *П.П. Шенников*
11. Января 1857 года
Крепость, Копенгагена Шенников.

Ил. 3. План Артиллерийским строениям, находящимся
на Санкт-Петербургском форштадте в Рижской крепости //
Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. Картотека «Крепости и укрепления», ч. 1.
Д. 481

работами по вооружению Рижской крепости и исправлению 400 ружейных ящиков привела к необходимости использования вольнонаемных рабочих.

В условиях зимнего бездорожья не обходилось и без непредвиденных ситуаций. Транспортный чиновник надворный советник Подобедов, сопровождавший перевозившиеся в Динамюнде на нанятых вольных зимних подводах лафеты с платформами весом 1234 пуда, 23 марта 1854 г. не смог продолжить путь и остановился в Дерпте в связи с полным прекращением зимнего пути. Поиск несезонных летних подвод занял неделю, и 1 апреля Подобедов смог продолжить путь⁷.

Работы по вооружению Рижской и Динамюндской крепостей во время Крымской войны имели важнейшее значение не только на момент их производства, но и с учетом дальнейших перспектив существования этих крепостей. Неутешительные итоги войны в целом и характер кампании на Балтийском море, в частности предопределили по-своему диаметрально противоположную судьбу двух крепостей, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Фактически приведенным в боевую готовность крепостям Лифляндского артиллерийского округа не довелось участвовать в боевых действиях текущей кампании. Затраты на их вооружение в итоге были признаны чрезмерными, что и определило дальнейшее развитие ситуации. Содержание большинства крепостей в Прибалтийских губерниях было признано нецелесообразным. Так были упразднены Балтийскопортская, Нарвская и Ревельская крепости, что стало подтверждением взятого ранее курса на переориентацию крепостного строительства из Прибалтики в белорусскую часть Западных губерний империи. На первом этапе реализации данной идеи еще в 1830-х гг. были упразднены прибрежные лифляндские крепости Арнсбург и Пернов. До конца имперского периода из ранее существовавших прибалтийских крепостей дожила только Динамюндская (в русле политики русификации Остзейского региона при Александре III в 1893 г. она получила название Усть-Двинская). В последние десятилетия существования Российской империи акцент в крепостном строительстве окончательно перешел от приморских территорий Эстляндии и Лифляндии к сухопутным регионам Литвы и Привисленского края, примером которого может служить строительство Ковенской крепости и модернизация ряда польских крепостей. Следует отметить

также и факт существенного влияния наличия Рижской крепости на городской ландшафт. Если к началу XIX в. крепостные сооружения вышли за пределы средневековых укреплений и охватили нынешнее рижское Бульварное кольцо, то после упразднения Рижской крепости центральная часть города подверглась существенной перестройке. Была облагорожена Бастионная горка, а на месте бывшей крепости были разбиты бульвары, ставшие символами города в период предреволюционной эпохи его истории. Динамюндская (к тому времени уже Усть-Двинская) крепость располагалась за городом (нынешний рижский район Даугавгрива), а центр города получил мощнейшее развитие, не в последнюю очередь благодаря упразднению Рижской крепости.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 509. Л. 12–13.

² Там же.

³ Там же. Л. 119.

⁴ Там же. Оп. 18/2. Д. 297. Л. 2.

⁵ Там же. Оп. 4/1. Д. 509. Л. 197.

⁶ Там же. Л. 354–354 об.

⁷ Там же. Л. 221–221 об.

В.Б. Миловидов (Москва)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ МОДЕЛИ КРЕЙСЕРА I РАНГА «АВРОРА» В ЦЕНТРАЛЬНОМ МУЗЕЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В 1965 г. ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ Центрального музея Вооруженных Сил СССР было построено новое здание, в котором он находится и в настоящее время. В том же 1965 г. московским комбинатом макетно-диорамных работ для новой экспозиции музея были заказаны и изготовлены масштабные модели — копии отечественной боевой техники: самолеты, танки и корабли. В числе последних была модель крейсера «Аврора». Стоит заметить, что среди всех заказанных она была самой крупной. Масштаб модели 1 : 50, а наибольшая длина 260 см! 50 лет она экспонировалась в залах музея и к 2015 г. была значительно повреждена (о повреждениях ниже) (ил. 1) Как раз к лету 2015 г. я и мой коллега С.Е. Виноградов были приняты на работу в научно-экспозиционный отдел Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации. Поскольку у нас имелся значительный опыт постройки моделей кораблей (суммарно свыше 70 лет), начальник НЭО В.И. Семченко предложил нам отреставрировать модель крейсера. После первичного осмотра модели было принято решение не просто отреставрировать объект, но придать ему вид, который корабль имел в 1905 г., т. е. во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., и вот почему:

1. Работы по реставрации модели совпали с реэкспозицией зала № 2, посвященного истории русской армии и флота конца XIX — начала XX в., и эта модель идеально подходила для экспонирования в разделе «Русско-японская война».

Ил. 1. Начальный период работы. Хорошо видно состояние корпуса и утрата фрагментов обшивки

2. Осмотр модели выявил интересные факты, позволяющие сделать вывод о том, что ее внешний облик не соответствовал ни одному временному периоду, в котором находился реальный корабль с момента постройки и до 1965 г., когда была сделана эта модель. За время существования корабля и до 1965 г. (постройка модели) крейсер «Аврора» не раз менял свой облик. Всего к указанному году было семь периодов, во время которых корабль имел существенные различия во внешнем облике:

а) с достройки в 1903 г. и до вхождения его в состав 2-й эскадры Тихого океана;

б) нахождение в составе 2-й эскадры Тихого океана;

в) учебный корабль гардемаринских классов 1907–1914 гг.;

г) модернизация 1915 г.;

д) модернизация 1916–1917 гг.;

е) учебный корабль 1922–1941 гг.;

ж) учебная база Нахимовского училища 1949–1984 гг. (в нашем случае 1965 г.). Кроме этих периодов в жизни корабля, когда его облик менялся довольно сильно, происходили и менее значительные

изменения, выражавшиеся в добавлении или удалении тех или иных конструкций, механизмов и элементов вооружения в наружных частях корабля. Так же это относилось и к окраске корпуса. Все эти изменения хорошо просматриваются на сохранившихся фотографиях крейсера.

3. Нами были выявлены следующие повреждения модели:

а) значительная хрупкость и утрата до 80 % наружной обшивки надводной части;

б) обширные повреждения в виде трещин и сколов наружной обшивки в подводной части;

в) утрата 100 % бортовых иллюминаторов;

г) утрата 100 % такелажа;

д) два кормовых каземата 75-мм орудий оказались разного размера (было ощущение, что модель делали несколько человек и пользовались при этом разными чертежами) (ил. 2);

е) кроме этого, из-за разрушения и утраты защитного футляра наружные поверхности корпуса и всей детализировки оказались покрыты многолетним слоем пыли, жировых отложений и потеков.

Все это: повреждения модели, несоответствие внешнего облика ни одному историческому периоду жизни реального корабля, а также отсутствие ценных материалов, из которых была построена

Ил. 2. В первоначальном варианте кормовые казематы левого и правого бортов имели разные размеры

модель (для ее постройки были использованы дерево, пластик, оргстекло, недрагоценные металлы), — и привело к решению о реставрации и восстановлении модели крейсера «Аврора» с приданием ей облика корабля периода Русско-японской войны 1904–1905 гг., точнее, мая 1905 г., т. е. печально известного Цусимского сражения. Это решение получило одобрение и было утверждено руководством музея летом 2015 г.

В июле того же года в музей были доставлены необходимое оборудование, приспособления и материалы для работы. На первом этапе были произведены тщательная оценка поврежденных модели, а также контрольные обмеры корпуса и отдельных частей и сверка их с подлинными построеными чертежами крейсера. Для работы мы воспользовались чертежами корабля, опубликованными в книге А.В. Скворцова «Крейсера I ранга “Аврора”, “Диана” и “Паллада”» (СПб: Гангут, 2012). Кроме чертежей, были использованы фотографии крейсера из коллекции С.Е. Виноградова. При этом фотографий периода 1903–1905 гг. было выявлено не более пяти штук, что сильно осложняло работу. Обмеры показали, что в целом корпус модели соответствует чертежам корабля в соответствующем масштабе. Далее с корпуса и палубы были удалены все надстройки и детали, которые были очищены и отмыты. После этого были удалены все аварийные и хрупкие фрагменты наружной обшивки надводной части корпуса в сумме около 80 % площади. В течение нескольких месяцев утраченные фрагменты обшивки были изготовлены заново, так же заново был изготовлен фальшборт в средней части корпуса в соответствии с чертежами и фотографиями. Заново были сделаны спонсоны (выступающие площадки под орудиями) (ил. 3). Борт был многократно покрыт шпаклевкой с последующей шлифовкой, полировкой и окраской. Чертежи, описания и фотографии показывали наличие медной обшивки подводной части корпуса крейсера (стандартная практика того времени). Было принято решение симитировать ее, чего не было на восстанавливаемой модели (ил. 4). Из-за очевидной сложности подобных работ имитация медной обшивки достаточно редко встречается на моделях крейсера, хранящихся в различных музеях. Состав артиллерии крейсера в 1904–1905 гг. сильно отличался от таковой после модернизации корабля в 1915 г. (модель 1965 г. имела состав артиллерии как раз на этот период, точнее, на период восстановления после Великой Отечественной войны). Поэтому были

Ил. 3. На фотографии хорошо видны заново изготовленные носовые спонсоны правого борта

Ил. 4. Имитация медной обшивки подводной части корпуса

Ил. 5. Завершенная модель, на которой хорошо видны особенности окраски корабля по состоянию на май 1905 г.

изготовлены 20 новых 75-мм орудий, а также новые щиты к 152-мм орудиям. Была изменена форма боевой рубки и изготовлена новая грибовидная крыша для нее. Изменениям подверглись надстройки. Заново изготовлен такелаж, флаги и вымпелы. Модель была окрашена в соответствии с описаниями и фотографиями на указанный период (ил. 5).

Какие же работы были выполнены при реставрации модели для придания ей облика на период Русско-японской войны?

1. Восстановлена

наружная обшивка надводной части корпуса.

2. Заново изготовлен фальшборт с пушечными портами для 75-мм орудий и имитацией коечных сеток.

3. Заново изготовлены шесть спонсонов под орудия.

4. Сделана обшивка подводной части корпуса с имитацией медных листов, для чего пришлось изготовить около 2000 штук обшивочных пластинок.

5. Сделана кормовая защита, идущая от кормовой рубки к спонсонам.

6. Сделаны деревянные банкеты под каждое орудие на верхней палубе.

7. Изменена форма боевой рубки.

8. Сделана новая грибовидная крыша боевой рубки.

9. Изготовлен второй ярус крыльев носового мостика.

10. Сделаны прожекторные площадки на крыльях кормового мостика.

11. Удален переходной мостик с носовой надстройки к кормовому мостику.

12. Изготовлен и установлен боевой марс на фок-мачту.

13. Изготовлены 20 75-мм орудий.

14. Изготовлены 8 37-мм орудий.

15. Изготовлены 6 щитов к 152-мм орудиям (на одной паре этих орудий в 1904–1905 гг. щитов не было).

16. Восстановле-

но шестовое противоминное оборудование.

17. Изготовлено 134 (100 %) бортовых иллюминатора.

18. Очищены и восстановлены плавсредства; катера и шлюпки.

19. Очищены и восстановлены шлюпбалки.

20. Восстановлен рангоут и такелаж.

21. Изготовлены носовой и кормовой гербы (ил. 6).

22. Перебрано и восстановлено леерное ограждение.

23. Изготовлены взамен утраченных 4 прожектора.

24. Изготовлены новые флаг, гюйс и вымпелы.

25. Выполнена окраска: корпус в подводной части «под медь»; в надводной части в черный; также в черный цвет окрашены надстройки, орудия, катера и шлюпки, боевой марс; трубы окраше-

Ил. 6. Кормовая оконечность корпуса с изготовленным гербом

Ил. 7. Монтаж конструкции для установки защитного футляра в зале № 2 Центрального музея Вооруженных Сил

ны в желтый цвет с черной каймой наверху; мачты — в серый (шаровый) цвет.

26. Вся модель покрыта слоем защитного лака.

Ил. 8. Модель крейсера 1 ранга «Аврора» сразу после установки в зале № 2

27. Для понимания размеров корабля изготовлено 5 плоских фигур матросов соответствующего масштаба, с установкой их в различных частях корабля.

28. Очищены и отполированы винты.

29. Из итальянского ореха изготовлены новые кильблоки.

30. Заказан и изготовлен новый подмакетник для модели, в виде соответствующей тумбы.

31. Для защиты от внешних факторов заказан и изготовлен из стекла толщиной 8 мм защитный футляр размерами 272 x 110 x 62 см. Вес футляра около 200 кг.

Для установки футляра поверх модели на подмакетнике в зале была сооружена специальная конструкция и привлечено около 40 сотрудников музея (ил. 7).

Для восстановления модели были использованы следующие материалы: дерево, пластик, ткани, нитки, стеклоткань, полиэфирные смолы, металлы, шпаклевка, краски и лаки.

В октябре 2016 г. модель крейсера I ранга «Аврора» была установлена в зале № 2 ЦМВС РФ, в разделе, посвященном Русско-японской войне (ил. 8). Всего работа по восстановлению модели заняла 15 месяцев. Следует отметить, что крейсер «Аврора»

часто становился объектом модельно-копийного воспроизведения в советский период, при этом внешний вид соответствовал тому, каким корабль был в 1917 г., благодаря известным событиям октября этого года, либо более поздним. Достаточно часто при воспроизведении корабля в виде модели допускались различные неточности и даже ошибки, модель над которой мы работали, не стала исключением. Модели крейсера «Аврора» находятся во многих музеях нашей страны и стран мира, но именно в нашем музее теперь есть первая и на сегодняшний день единственная, которая показывает, как выглядел этот замечательный корабль в период неудачной для нашей страны Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Д.Ю. Милосердов (Москва)

**ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ
ИЗ НОВОЙ ГВИНЕИ В КОЛЛЕКЦИИ
«ОРУДИЯ ЛОВА» ГОСУДАРСТВЕННОГО
ДАРВИНОВСКОГО МУЗЕЯ**

Н АШ МУЗЕЙ обладает самыми разными, порой неожиданными фондовыми коллекциями, которые постоянно пополняются. Часть экспонатов, в основном естественнонаучных, сотрудники привозят из командировок и экспедиций, часть попадает из зоопарков и океанариумов, но некоторые коллекции почти полностью прирастают благодаря дарам неравнодушных людей. К таким небольшим и непрофильным собраниям в Государственном Дарвиновском музее (ГБУК ГДМ) относятся коллекция орудий лова и этнографическая.

Необходимо отметить, что, так как наш музей — естественнонаучный, коллекция «Орудия лова» долгое время являлась второстепенной, практически не пополнялась и была мало изучена. Эта ситуация изменилась с начала 2000-х, когда музей получил в качестве даров различные предметы из экзотических стран, использовавшиеся местным населением для охоты. Среди разнообразных предметов, поступивших в фонды, есть несколько, относящихся к Новой Гвинее. Так, в 2008 г. коллекция пополнилась типичным папуасским луком, изготовленным из древесины саговой пальмы, с тетивой из бамбука и парой стрел, древки которых изготовлены из стеблей тростника¹, в которых расположены деревянные вставки. Длина стрел значительная: 1110 и 1310 мм. И надо отметить, что это стандартная длина для таких стрел². Деревянные вставки длиной примерно 350–400 мм утяжеляют стрелу, так как наконечники костяные (из трубчатых костей птиц) и легкие. Деревянная часть фиксируется в тростнике

на одной стреле при помощи ротанговой оплетки (традиционный способ), а на второй — при помощи тонкой медной проволоки. В отличие от лука, который никак не украшен, стрелы (их деревянная часть) богато орнаментированы резьбой, типичной для папуасов Новой Гвинеи³. Оперения у стрел нет. Но это и не нужно, так как в джунглях нет необходимости стрелять на большое расстояние. Наконечники, один из которых 85 мм длиной, а другой 130 мм, крепятся при помощи смолы⁴. О том, что это охотничьи стрелы, говорит отсутствие зазубрин на наконечниках. Но важно отметить, что луки и стрелы использовались папуасами Новой Гвинеи как для охоты, так и во время военных действий⁵. В 2014 г. в фонд этнографии также поступил новогвинейский костяной кинжал из кости ноги казуара (*Casuarus casuarius*, *Linnaeus 1758*)⁶, который был подробно рассмотрен нами в 2015 г.⁷

Но самое значительное пополнение коллекции «Орудия лова» предметами из Новой Гвинеи произошло в 2017 г., когда музей получил в дар от известного океанолога Л.И. Москалёва маски и восемь предметов древкового оружия папуасов, привезенные им из состоявшихся в 1971 и 1977 гг. комплексных экспедиций на судне «Дмитрий Менделеев» в Тихий океан, маршрут которых проходил через Новую Гвинею⁸. Все предметы древкового оружия были приобретены Львом Ивановичем в деревне Бонгу и, по его словам, являлись копьями папуасов, о чем была сделана соответствующая запись в книгу поступлений. Предметам были присвоены номера НВФ-19303–19310. И в «статусе копий и дротиков» они экспонировались в ГБУК ГДМ на выставке «Из дальних стран и океанов. Дары музею Л.И. Москалёва» в сентябре–декабре 2018 г. Однако уже к моменту экспонирования у нас появились некоторые сомнения в том, что все предметы древкового оружия, подаренные нам Львом Ивановичем, на самом деле являются копьями или хотя бы дротиками. Пристальное изучение данных предметов позволило выяснить, что из восьми предметов только два предмета — копьё, а остальные — стрелы. Итак, по порядку.

Музейный предмет КП НВФ-19303 (ил. 1) был записан со слов дарителя как «копье для охоты на млекопитающих». Общий размер 173 см, длина железного наконечника 36 см, а ширина 3 см. Наконечник всадного типа закреплен в древке ротанговой обмоткой.

Следующий экспонат — КП НВФ-19304 (ил. 2) — записан аналогично. Его размеры несколько меньше: общий размер 137 см, длина железного наконечника 24,5 см, но ширина наконечника так же, как и у первого копья, 3 см. Интересной особенностью является то, что наконечник черешкового типа просто примотан к верхней части древка, выполненной из дерева и вставленной в легкую тростниковую часть древка. Деревянная часть имеет шарообразное расширение диаметром около 3 см, утяжеляющее копьё, наличие которого в сочетании с небольшим размером оружия с высокой долей уверенности позволяет предположить использование этого оружия в качестве метательного. Такие ко-

Ил. 1. Копье
КП НВФ-19303

Ил. 2. Копье
КП НВФ-19304

пья, судя по всему, действительно применялись для охоты на млекопитающих, а именно: диких свиней⁹. Но также, по мнению исследователя Новой Гвинеи Гийсбертуса Адриана Йохана ван дер Санде, они использовались как боевое оружие¹⁰.

Древковое оружие КП НВФ-19305 было названо дарителем «копьем для охоты на птицу». Общая длина предмета — 126 см. Очень любопытен его «наконечник», закрепленный на древке смолой, длиной в 20 см, который образован расщепленным вдоль на четыре пластины небольшим фрагментом колена бамбука, заплетенным в основании ротангом так, что пластины, расходясь, формируют своеобразную «вилку» (ил. 3). Изучение источников позволило выяснить, что это не копьё, а стрела¹¹, и мнения этнографов расходятся по ее функционалу.

Ил. 3. Стрела для охоты на рыбу
КП НВФ-19305

Ил. 4. Стрела для охоты на свиней
КП НВФ-19306

Ошибка дарителя, решившего, что это копьё, вполне понятна. Человека, не знакомого с этнографическими предметами с Новой Гвинеи, отсутствие оперения и значительная длина предмета наводят на предположение о том, что перед ним — копьё. На самом деле длинные стрелы без оперения — норма для коренного населения Новой Гвинеи¹². Вот что по этому поводу можно найти в источнике начала 20 в.: «Стрелы папуасов не оперены, так как используются на небольшом расстоянии»¹³. Этот факт подтверждается и фотографиями папуасов с луками и стрелами, хранящимися в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук под номера-

ми: МАЭ И 1928-12, 1928-14, 1928-34, 1928-86. Как было отмечено выше, есть вопросы по функционалу стрел с таким наконечником. Мнения этнографов по этому вопросу расходятся. Одни авторы предполагают, что это стрелы для охоты на птиц¹⁴, как нам сообщил даритель. Другие авторы утверждают, что подобные стрелы использовались для добычи рыбы¹⁵. Мы склонны согласиться со вторым мнением, потому что известна прорисовка с рисунка папуасов, где изображен мужчина, который ловит рыбу, правда, при помощи копьё, но с абсолютно идентичным наконечником¹⁶. И кроме того, есть описание подобного способа добычи рыбы коренным населением Новой Гвинеи при помощи лука и стрел¹⁷.

Предмет КП НВФ-19306 (ил. 4) был записан со слов дарителя как «копье для охоты на птицу». Общая длина — 120 см, ланцетовидный наконечник длиной в 33 см из толстой пластины бамбука, закреплен в расщепе тростникового древка смолой и растительными волокнами. Точно так же записано копье КП НВФ-19307 (ил. 5), которое отличается от предыдущего только незначительно большими размерами (общая длина — 134,5 см). Наконечник длиной в 33 см и шириной в 2,5 см примотан сбоку к древку растительными волокнами, поверх которых густо намазана смола. На самом деле, после изучения работ этнографов конца XIX — начала XX вв. удалось установить, что это стрелы¹⁸, и использовались они, по мнению всех авторов без

исключения, для охоты на диких свиней¹⁹. Есть и упоминание, почему именно стрелы с такими ланцетовидными наконечниками применялись для охоты на эти объекты животного мира: «Стрелы для охоты на свиней всегда снабжены бамбуковыми наконечниками, наносящими широкую рану, которая приводит к быстрой и обильной кровопотере и позволяет легко обнаружить в кустарнике по кровавому следу животное, даже если оно только ранено. Изогнутое жало, иногда в форме желоба, еще больше облегчает кровопотерю»²⁰. О том, что такие бамбуковые наконечники наносят раны, вызывающие обильную потерю крови, пишут и другие этнографы²¹, в том числе отмечая, что

Ил. 5. Стрела для охоты на свиней КП НВФ-19307

Ил. 6. Стрела для охоты на птицу (боевая?) КП НВФ-19308

Ил. 7. Боевая
стрела
КП НВФ-19309

Ил. 8. Боевая
стрела
КП НВФ-19310

по этой же причине стрелы с такими наконечниками могут быть использованы против человека (причем с упоминанием, что такими стрелами стреляют в живот врага)²².

Музейный предмет КП НВФ-19308 (ил. 6) внесен в книгу поступлений как «копье для охоты на птицу». Его общая длина 100,5 см. В тростниковое древко вставлен веретенообразный наконечник из тяжелого дерева длиной в 37 см. Удалось выяснить, что это тоже стрела²³, а не копье. Подобные стрелы могли использоваться папуасами при охоте на птицу²⁴. Но большинство авторов считают такие стрелы в первую очередь боевыми²⁵.

Под таким же названием, как экспонат КП НВФ-19308, в книгу поступлений записаны предметы

КП НВФ-19309 (ил. 7) и КП НВФ-19310 (ил. 8). Оба предмета общей длиной 140,5 см и 134 см с древками из тростника. Наконечники длиной 56,5 см и 54 см с зазубринами разной формы выполнены из твердых пород дерева и вставлены в древко без какой-либо фиксации. Удалось выяснить, что это не копья для охоты на птицу, а боевые стрелы, использовавшиеся во время вооруженных конфликтов между племенами²⁶. При этом Стирлинг упоминает еще один момент, присутствующий и у наших стрел, который говорит о том, что они применялись для «охоты» на человека: «...боевые стрелы фантастически зазубрены и обычно имеют не закрепленный в древке наконечник, который остается в ране»²⁷.

Подводя итог нашего небольшого исследования, можно утверждать, что только предметы с железными наконечниками, подаренные нашему музею, являются копьями. Все остальные предметы — это стрелы, с разными функциями, напрямую связанными с формами их наконечников.

¹ Bush T. Form and Decoration of Arrows from the Highlands of Papua New Guinea // Records of the Australian Museum, 1985. P. 266.

² Morawski K. Magikal Weapons from the Sky. From the Indonesian collection of the Asia and Pacific Museum in Warsaw. Warsaw/Moscow, 2013. P. 244.

³ Lewis A.B. Field Museum of Natural History Decoration and ornament — New Guinea; Decoration and ornament. Chicago, Field Museum of Natural History. Chicago, 1925. P. 2, 21; Stirling M.W. The native peoples of New Guinea. Published by the Smithsonian institution, 1943. P. 20; Bush T. Form and Decoration of Arrows from the Highlands of Papua New Guinea // Records of the Australian Museum, 1985. P. 258.

⁴ Bush T. Form and Decoration of Arrows from the Highlands of Papua New Guinea. P. 258.

⁵ Robert W. Williamson. The Mafulu: Mountain People of British New Guinea. London, 1912.

⁶ D'Albertis L.M. New Guinea: what I Did and what I Saw. T. 2. S. Low, Marston, Searle & Rivington, 1880. P. 40; Lowie R.H. An introduction to cultural anthropology. Farrar & Rinehart, inc., 1940. P. 210; Garvey B. Catalog African, Pacific, and Pre-Columbian Art in the Indiana. University Art Museum USA, 2007. P. 74, fig. 51–53.

⁷ Миросердов Д.Ю. Использование остеологического материала (костей птиц) в XIX–XX вв. в качестве оружия на Новой Гвинее (на примере экспонатов из коллекции ГДМ) // Сб. «Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой международной научно-практической конференции». СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. Т. III. С. 139–145.

⁸ Аксенов А.А., Белоусов И.М. Загадки Океании: экспедиции на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев». М., 1975. С. 25–32.

⁹ Lewis P.H. The social context of art in northern New Ireland. Fieldiana Anthropology. V. 58. No. 11969. P. 39.

¹⁰ Van der Sande G.A.J. Nova Guinea: résultats de l'expédition scientifique néerlandaise à la Nouvelle-Guinée en 1903. Vol. III. Ethnography and Anthropology. Leiden, 1907. P. 242.

¹¹ Ibid. P. 166.

¹² Lewis A.B. Carved and painted designs from New Guinea. Chicago, 1931. P. 26. Pl. 23, fig. 4.

¹³ Beaver W.N. Unexplored New Guinea a record of the travels, adventures, and experiences of a resident magistrate amongst the head-hunting savages and cannibals of the unexplored interior of New Guinea. London, 1920. P. 94.

¹⁴ Haddon A.C., Ray S.H. Reports by Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits. Vol. 4. Arts and crafts, Cambridge, 1912. P. 179–180; Williamson R.W. The ways of the South Seas savage: a record of travel & observation amongst the savages of

the Solomon Islands & primitive & coast & mountain peoples of New Guinea. London, 1914. P. 242. Pl. 73.

¹⁵ Van der Sande G.A.J. Nova Guinea: résultats de l'expédition scientifique néerlandaise à la Nouvelle-Guinée en 1903. Vol. III. Pl. XXVII, fig. 7–8. P. 389; Murray J.H.P. Papua or British New Guinea. New York; London, 1912. P. 285; Wollaston A.F.R. Pygmies and Papuans the stone age today in Dutch New Guinea. London, 1912. P. 150, fig. 2.

¹⁶ Haddon A.C., Ray S.H. Reports by Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits. Vol. 4. Arts and crafts. Cambridge, 1912. P. 157, fig. 171.

¹⁷ Van der Sande G.A.J. Nova Guinea: résultats de l'expédition scientifique néerlandaise à la Nouvelle-Guinée en 1903. Vol. III. P. 166; Murray J.H.P. Papua or British New Guinea. P. 285.

¹⁸ Luigi Maria D'Albertis. New Guinea: what I Did and what I Saw. T. 2. S. Low, Marston, Searle & Rivington, 1880. P. 40, fig. 20; Van der Sande G.A.J. Nova Guinea: résultats de l'expédition scientifique néerlandaise à la Nouvelle-Guinée en 1903. Vol. III. Pl. XXVII, fig. 1–2. P. 389; Haddon A.C., Ray S.H. Reports by Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits. Vol. 4. P. 180–181; Wollaston A.F.R. Pygmies and Papuans the stone age today in Dutch New Guinea. P. 150, fig. 6.

¹⁹ Haddon A.C., Ray S.H. Reports by Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits, Vol. 4. P. 181; Beaver W.N. Unexplored New Guinea a record of the travels, adventures, and experiences of a resident magistrate amongst the head-hunting savages and cannibals of the unexplored interior of New Guinea. London, 1920. P. 140.

²⁰ Van der Sande G.A.J. Nova Guinea: résultats de l'expédition scientifique néerlandaise à la Nouvelle-Guinée en 1903. Vol. III. P. 243–244.

²¹ Haddon A.C., Ray S.H. Reports by Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits. Vol. 4. P. 183.

²² Ibid. P. 184.

²³ Van der Sande G.A.J. Nova Guinea: résultats de l'expédition scientifique néerlandaise à la Nouvelle-Guinée en 1903. Vol. III. Pl. XXVII, fig. 9. P. 389.

²⁴ Wollaston A.F.R. Pygmies and Papuans the stone age today in Dutch New Guinea. P. 150, fig. 3.

²⁵ Van der Sande G.A.J. Nova Guinea: résultats de l'expédition scientifique néerlandaise à la Nouvelle-Guinée en 1903. Vol. III. Pl. XXVII, fig. 9. P. 389; Williamson R.W. The ways of the South Seas savage: a record of travel & observation amongst the savages of the Solomon Islands & primitive & coast & mountain peoples of New Guinea. London, 1914. P. 229.

²⁶ Van der Sande G.A.J. Nova Guinea: résultats de l'expédition scientifique néerlandaise à la Nouvelle-Guinée en 1903. Vol. III. Pl. XXVII, fig. 18, 26, 30, 37, 38. P. 389, 390; Murray J.H.P. Papua or British New Guinea. P. 285; Beaver W.N. Unexplored New Guinea a record of the travels, adventures, and experiences of a resident magistrate amongst the head-hunting savages and cannibals of the unexplored interior of New Guinea. P. 125, 126, 140; Stirling M.W. The native peoples of New Guinea. Washington, 1943. P. 21.

²⁷ Stirling M.W. The native peoples of New Guinea. P. 21.

Д.Ю. Милосердов (Москва)

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ В АФГАНИСТАНЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

СРЕДСТВА ЛИЧНОЙ ЗАЩИТЫ воина от наступательного оружия противника являются важнейшей частью вооружения. Вся история военного дела показывает их высокую эффективность (при соответствии уровню военного дела). Даже в современной войне бронежилеты, изготовленные из металлов или специальных пластиков, в семь раз уменьшают количество ранений и на 15 % снижают потери в живой силе. Более того, как показали новейшие исследования, даже в современном бою ношение средств личной защиты, особенно панциря, оказывает исключительно сильное воздействие на психологию бойца, резко повышая его агрессивность и подавляя страх за свою безопасность. В древности, при несравненно менее совершенном наступательном оружии и большем разнообразии средств личной защиты, их эффект был, вероятно, более значителен.

К комплексу защитного вооружения относятся панцири и защитные детали, не составляющие единое целое с панцирем и носимые отдельно: поножи, наручи, пояса, шлемы и щиты. Полный набор видов оборонительного вооружения встречался далеко не везде и не всегда; еще реже воин применял в бою весь комплекс доспехов¹.

Афганистан в данном случае не является исключением. К сожалению, до начала XIX в. информация об использовании доспехов в этом регионе достаточно отрывочна. Хотя существует значительное количество восточных изобразительных источников, отображающих битвы, в которых принимали участие афганцы, последние работы, посвященные исследованию миниатюр как источника по изучению истории оружия, свидетельствуют о том,

что к изображениям оружия и доспехов на них нужно относиться с осторожностью². В связи с этим, изучая защитное вооружение, которое использовалось в регионе, мы остановились на временном периоде с конца XVIII и до начала XX в. и опирались на художественные изображения, выполненные европейцами, фотографии и письменные источники, авторами которых являются путешественники, военные и этнографы.

Самое раннее известное нам реалистичное изображение афганцев в практически полном комплекте защитного вооружения — это литография, выполненная по акварели лейтенанта Ретрея³, написанной в начале 1840-х гг. Воины, изображенные на литографии, являющейся титульным листом, одеты в длинные (до колена) кольчуги индийского типа, сплетенные из стальных и латунных колец, так что латунные элементы образуют рисунок в виде ромбов. На груди у мужчины, находящегося на переднем плане, просматривается нагрудная пластина от доспеха чар-айна, надеваемого поверх кольчуги. Головы их защищены шлемами типичной индо-персидской формы, с кольчужными бармицами, выполненными в одной стилистике с кольчужгой. Предплечья правых рук защищены налокотниками, судя по всему, декорированными золотом. В левой руке стоящего воина — щит, выполненный из металла, о чем нам говорит его декор. Кстати, такие щиты так же, как и кольчуга, рассмотренная выше, типичны для Индии.

Вообще надо отметить, что щит, вероятнее всего, является самым ранним предметом защитного вооружения⁴, наиболее часто использовавшимся в Афганистане. Если обратиться к мемуарам Эльфинстона (Elphinstone Mountstuart) (1779–1859), шотландского государственного чиновника и историка, назначенного в 1808 г. первым британским посланником в Кабул, становится понятно, что щиты у афганцев были широко распространены. Он пишет, что в начале XIX в. щит входил в комплекс вооружения как племенных военизированных формирований⁵, так и регулярной армии⁶, отмечая, что их использует и кавалерия⁷, и пехота⁸.

К середине XIX в. ситуация практически не меняется⁹. Письменные утверждения широкого распространения щитов подтверждают и изобразительные источники¹⁰. Щиты, используемые в это время афганцами, были металлическими¹¹ или кожаными¹², круглой формы¹³. Причем, судя по воспоминаниям британских офицеров и исследователей, подавляющее большинство щитов было изготовлено именно из кожи¹⁴, в некоторых случаях

окованной медью¹⁵. Судя по всему, стальные щиты были весьма дороги и, если обратиться к вышеупомянутой литографии Ретрея, на которой щит можно рассмотреть детально¹⁶, доставлялись из Индии. Это же подтверждает экспонат, хранившийся в Царскосельском Арсенале, который в 1860 г. описал Флориан Антонович Жиль: «№ 177. Афганский щит. Весь из булата и дамаскирован золотом. Надписи на нем заимствованы из 256 стиха второй главы Корана»¹⁷. Мы знаем, что подобные дорогие щиты из булата, украшенные золотом в технике кофтгари, были традиционными для Индии, что подтверждает нашу версию¹⁸.

Кожаные щиты могли быть как местного производства, так и импортного. Это легко понять, обратив внимание на материалы, из которых они были сделаны. Самые лучшие и ценимые афганцами кожаные щиты изготавливались из шкуры носорога, что подтверждает пуштунская поговорка: «Хороши щит из носорога и меч ферингов»¹⁹. И, хотя к XIX в. носорог не встречался не только в Афганистане, но и в Северной Индии²⁰, упоминания о щитах из его кожи у афганцев встречаются постоянно²¹. Учитывая вышесказанное, понятно, что сырье для изготовления таких щитов афганцам взять было неоткуда. Соответственно напрашивается логичный, на наш взгляд, вывод о том, что щиты из кожи носорога импортировались в регион из Индии, где они были широко распространены²². Другое дело щиты из кожи животных, которые встречались в Афганистане. Их изготавливали непосредственно в исследуемом нами регионе, но, судя по некоторым фактам, отдельные образцы, как и щиты из кожи носорога, привозили из Индии. Если обратиться к письменным источникам, становится понятно, что для изготовления щитов в Афганистане использовались шкуры следующих животных: буйвола²³, лошади²⁴ и верблюда²⁵. Единичное упоминание о щите из кожи слона²⁶ кажется нам ошибочным, поскольку использование шкуры этого животного для изготовления щитов в Индо-Персии и Центральной Азии совершенно не типично.

В британских источниках есть упоминания и о небольших²⁷, и об огромных щитах²⁸. То, что размер щитов значительно варьировался, подтверждается при изучении литографий по акварелям капитана Харта и лейтенанта Ретрея²⁹. Судя по данным, приведенным в книге французского путешественника, офицера и писателя Жозефа Ферье, размер небольших щитов у афганцев был около полутора футов (примерно 45 см)³⁰. Размеры

щитов, которые авторы называли большими и огромными, к сожалению, не удалось обнаружить в известных нам источниках. Но, обратившись к литографиям по акварелям вышеназванных британских офицеров³¹ и зная, что средний рост в то время равнялся примерно 160–165 см, можно примерно высчитать, что размер больших щитов в середине XIX в. начинался от 55 см. Огромными же считались, судя по литографиям³², щиты, достигавшие в диаметре 70 см.

Судя по описаниям Белью, афганцы называли свои щиты словом «дал» (dal): «Они (*гильзаи*) (курсив наш. — Д. М.) были вооружены в основном длинными джезайлями, но многие из них носили только «дал» и «туру», или «чарах» (щит и меч, или афганский нож)³³. Термин «дал» несомненно коррелирует с хорошо известным типом щита, описанным Дж.К. Стоуном: «Дхал — круглый индийский щит, используемый в Персии и некоторых других странах. Его держат за две ручки, прикрепленные заклепками, проходящие щит насквозь. Между ручками есть квадратная “подушечка”. Ручки расположены так, что если их крепко сжать, тыльная сторона кисти оказывается плотно прижата к “подушечке”, что позволяет более жестко и удобно удерживать щит. Некоторые персидские щиты имеют три рукоятки: две в центре, а третья ближе к краю. Руку можно было продеть в эту третью петлю, а центральные рукоятки удерживать в кулаке. Эти щиты практически всегда стальные или кожаные»³⁴. Благодаря уже неоднократно упомянутым литографиям, мы точно знаем, что на территории Афганистана внутренняя сторона щитов выглядела именно так, как описал Дж.К. Стоун. Особенно хорошо это можно рассмотреть на первом листе из сборника капитана Харта³⁵, на котором крупный щит развернут внутренней вогнутой стороной к зрителю, так что мы можем увидеть и две ручки для удержания щита, и кожаную подушечку. Носили щит за спиной³⁶ на кожаном ремешке³⁷ или матерчатой перевязи³⁸. На это в своей книге указывает Белью: «По обе стороны от нас были темноволосые афганцы, одетые в овчинные шубы... на плечах, за спинами висели огромные щиты»³⁹.

Если щиты в первой половине XIX в. были распространены повсеместно, то с остальными элементами защитного вооружения было сложнее. Судя по шлемам, которые мы можем увидеть на литографиях по акварелям капитана Харта и лейтенанта Ретрея, немногочисленные обеспеченные воины, например,

военачальники и гвардия, могли себе позволить носить стальные шлемы индо-персидского типа, а также кольчуги, пластины доспеха чар-айна⁴⁰ и наручи индийского типа⁴¹. Можно предположить, что все эти элементы защитного вооружения изготавливались в Кабуле мастерами бронниками из Индии. Но одна фраза из мемуаров Эльфинстона подсказывает нам, что доспехи все же были импортными: «...продавцы доспехов, продавцы щитов (щиты из шкуры буйволов или носорогов), оружейники...», так как речь идет именно о продавцах, а не об изготовителях. Из этой же фразы становится ясно, что речь не об одном торговце доспехами, а о нескольких. В связи с этим, вероятно, доспехов продавалось не так уж и мало, и отдельные защитные элементы могли себе позволить приобрести и менее обеспеченные люди. Кроме того, использовались доспехи и их эрзацы местного производства: «Остальные *афганцы* (курсив наш. — Д. М.) были в толстых стеганых куртках, длинных кольчугах и кожаных кирасах»⁴². То есть, мы можем с высокой долей вероятности говорить о том, что афганцы использовали доспех из дубленой кожи, который у европейцев однозначно ассоциировался с кирасой, а также плотные стеганные куртки (или короткие стеганные халаты, которые британцы могли воспринимать как куртки). Плотная кожа и стеганая материя скорее всего служили надежной защитой от рубящих и режущих ударов, наносимых холодным оружием.

Во второй половине XIX в. именно щит продолжает оставаться весьма распространенным элементом защитного вооружения в регионе: «Каждый путешественник, с которым мы встречались, даже простые люди, выходящие на рынок, имели при себе либо мечи, либо щиты, копья или фитильные ружья»⁴³. Причем сохраняется использование как металлических, так и кожаных щитов⁴⁴. Однако, судя по известным фотографиям, а также предметам из коллекций музеев, которые можно достаточно точно датировать второй половиной XIX в., размеры использовавшихся щитов уменьшаются. И даже у белуджей, щиты которых на первую половину XIX в. описаны авторами как огромные⁴⁵, диаметр этого элемента защитного вооружения к концу XIX в. не превышает 40 см. Эти небольшие щиты хорошо известны, как уже отмечалось выше, благодаря многочисленным литографиям и фотографиям конца XIX — начала XX в. Сделаны они из толстой кожи, вероятнее всего, бычьей, а их поверхность обычно покрыта круглыми бляхами желтого металла так густо, что они иногда находят друг

на друга. Тогда как на более ранних щитах число металлических блях ограничивается четырьмя — шестью, реже семью, расположенными в определенном порядке и выполненными из железа.

Хотя, надо отметить, что после второй англо-афганской войны в городах действовали правила британской администрации, запрещающее ношение оружия: «...наше провозглашение, запрещающее носить оружие, навело порядок, упразднив задир, которые шатались по базарам, вооруженные щитом и афганским ножом, готовые при случае пустить их в ход. Сейчас не видно оружия, кроме как в оружейной лавке...»⁴⁶. К концу XIX в. щиты использовались только личной охраной эмира⁴⁷ и иррегулярными подразделениями пехоты с ополчением, что подтверждается многочисленными фотографиями. В то же время кольчуги, шлемы и наручи полностью перестают использоваться, и их можно было встретить только в лавочках торговцев антиквариатом, а также в качестве украшений стен жилищ обеспеченных людей. Грей пишет об этом так: «...старые кольчуги теперь не используются нигде, кроме как для украшения. Старые индийские и английские шлемы, шлемы пожарных также можно найти в этих магазинах...»⁴⁸. Кстати, именно индийское происхождение многого защитного вооружения в Афганистане доказывает и рисунок из книги «Жизнь Абдурахмана, эмира Афганистана», демонстрирующий убранство одного из залов во дворце эмира⁴⁹. На рисунке, подписанном «Старинное афганское оружие и доспехи», кроме типичных афганских пулваров и джезайлей мы видим два типичных индийских шлема, комплект доспеха чар-айна, декорированный в технике кофтгари, и три щита с умбонами типично индийской работы. Причем центральный щит, вероятно, кожаный, богато расписан растительными орнаментами, в стилистике, типичной для Индии.

Рассматривая аспект практического использования защитного вооружения в Афганистане, нельзя не отметить, что на протяжении всего XIX в., вплоть до самого его конца, как минимум, щиты активно применялись местным населением при боестолкновениях с противником⁵⁰. Это отмечалось многими авторами. Например, можно обратиться к описанию последствий одного из сражений во второй англо-афганской войне: «На следующий день после битвы я поехал с генералом Робертсом по основным участкам поля боя. Сломанные тульвары, фрагменты тюрбанов, винтовки, пистолеты, копьё и щиты валялись повсюду»⁵¹. Есть

и описания конкретного использования щита для парирования холодного оружия противника: «Капитан Барроу схватился с афганцем, который храбро сражался, будучи вооружен винтовкой, щитом, тулваром и обычным длинным ножом. Когда капитан Барроу встретил его, он выстрелил из своей винтовки, ранив лошадь офицера. Затем он начал рубиться с Барроу, отражая все его удары своим щитом»⁵².

Отдельно нужно коротко упомянуть о защитном вооружении кафириров Гиндукуша. Они использовали до конца XIX в. круглые кожаные щиты, кольчуги и кольчужные доспехи с пластинчатыми элементами⁵³. Это лишний раз доказывает упоминавшийся в наших более ранних работах факт архаичной воинской культуры народов, населяющих территорию Кафиристана.

Подводя итог нашей работы, нужно отметить, что несмотря на то, что в интересующий нас временной период в связи с широким распространением в регионе огнестрельного оружия роль защитного вооружения должна была нивелироваться, в силу глубокого консерватизма местного населения некоторые его элементы, в частности, щиты, использовались практически до начала XX в. Вторым важным моментом является то, что значительная часть качественного защитного вооружения импортировалась в регион из Индии.

¹ Горелик М.В. Оружие древнего Востока, М.: Наука, 1993. С. 80.

² Курочкин А., Малозёмова Е. Особенности методологии исследования персидской и индийской миниатюры как источника по изучению истории оружия / Историческое оружиеведение. 2018. № 5–6. С. 32–41, 45, 55–57.

³ Rattray J. Scenery, Inhabitants & Costumes, of Afghaunistaun from drawings made on the spot by James Rattray. London, 1848. Pt. 1.

⁴ Стоун Д.К. Оружие и доспехи всех времен и народов. Москва: АСТ: Астрель, 2008. С. 728; Stone G.C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times. New York, 1961. P. 555.

⁵ Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India; a view of the Afghaun nation, and a history of the Dooranee monarchy. Vol. I. London, 1839. P. 24, 80, 155, 193, 410.

⁶ Ibid. P. 275.

⁷ Ibid. P. 193.

⁸ Ibid. P. 80, 275.

⁹ Havelock H. Narrative of the war in Affghanistan in 1838–39. Vol. II. London, 1840. P. 140; Barr W. Journal of a March from Delhi to Peshâwur: And from Thence to Câbul. London, 1844. P. 265; Kaye J.W. History of the War in Afghanistan: In three volumes. Vol. II. London, 1857. P.134.

- ¹⁰ Hart L.W. Character & costumes of Afghaunistan. London, 1843. Pt. 1, 2, 6, 25, 26; Rattray J. Scenery, Inhabitants & Costumes... Pt. 1, 9, 17.
- ¹¹ Rattray J. Scenery, Inhabitants & Costumes... Pt. 1.
- ¹² Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul... P. 336.
- ¹³ Bellew H.W. Journal Of A Political Mission To Afghanistan In 1857. London, 1862. P. 143–144.
- ¹⁴ Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul... P. 155, 336; Bellew H.W. Journal Of A Political Mission To Afghanistan In 1857. P. 143, 144.
- ¹⁵ Ferrier J. P. History of the Afghans. London, 1858. P. 315.
- ¹⁶ Rattray J. Scenery, Inhabitants & Costumes... Pt. 1.
- ¹⁷ Жиль Ф.А. Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего государю императору, СПб., 1860. С. 249.
- ¹⁸ Pant G.N., Sharma K.K. Indian armours in the National Museum collection: a catalogue. New Dehli, 2001. P. 69; Анисимова М.А. Оружие Востока XV — первой половины XX века. Из собрания ВИМАИВиВС. СПб.: Атлант, 2013. С. 335, 336; Alexander D., Pyhr St.W., Kwiatkowski W. Islamic Arms and Armor: in The Metropolitan Museum of Art. New York, 2015. P. 124, 125; Elgood R. Arms and Armour: At The Jaipur Court (The Royal Collection). New Dehli, 2015. P. 164–167.
- ¹⁹ Thorbum S.S. Bannu: or Our Afghan frontier. London, 1876. P. 409.
- ²⁰ Bellew H.W. Inquiry into the ethnography of Afghanistan. The Oriental University Institute. Woking, 1891. P. 73.
- ²¹ Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul... Vol. I. London. 1839. P. 155, 336; Thorbum S.S. Bannu: or Our Afghan frontier. P. 409; Bellew H.W. Inquiry into the ethnography of Afghanistan... P. 73.
- ²² Pant G.N., Sharma K.K. Indian armours in the National Museum collection... P. 68, 70, 71; Анисимова М.А. Оружие Востока XV — первой половины XX века. С. 335, 336.
- ²³ Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul... Vol. II. P. 155, 336; Bellew H.W. Journal Of A Political Mission To Afghanistan In 1857. P. 144.
- ²⁴ Ferrier J.P. History of the Afghans. P. 315.
- ²⁵ Bellew H.W. Journal Of A Political Mission To Afghanistan In 1857. P. 144.
- ²⁶ Ferrier J.P. History of the Afghans. P. 315.
- ²⁷ Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul... Vol. II. P. 274.
- ²⁸ Wood J. A personal narrative of a journey to the source of the river Oxus: by the route of the Indus, Kabul, and Badakhshan, performed under the sanction of the supreme government of India, in the years 1836, 1837, and 1838. London, 1841. P. 83; Bellew H.W. Journal Of A Political Mission To Afghanistan In 1857. P. 113.
- ²⁹ Hart L.W. Character & costumes of Afghaunistan. Pt. 1, 2, 6, 25, 26; Rattray J. Scenery, Inhabitants & Costumes... Pt. 1, 9, 17.
- ³⁰ Ferrier J.P. History of the Afghans. P. 315.
- ³¹ Hart L.W. Character & costumes of Afghaunistan. Pt. 1, 14 (Meer Humzu, trooper of the first regiment, Janbaz cavalry).
- ³² Ibid. Pt. 2.
- ³³ Bellew H.W. Journal Of A Political Mission To Afghanistan In 1857. P. 467.
- ³⁴ Стоун Д.К. Оружие и доспехи всех времен и народов. С. 202; Stone G.C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times. P. 206, 207.
- ³⁵ Hart L.W. Character & costumes of Afghaunistan. Pt. 1.

- ³⁶ Bellew H.W. *Journal Of A Political Mission To Afghanistan In 1857*. P. 143, 144.
- ³⁷ Hart L.W. *Character & costumes of Afghaunistan*. Pt. 1, 2.
- ³⁸ *Ibid.* Pt. 14, 25; Rattray J. *Scenery, Inhabitants & Costumes...* Pt. 17.
- ³⁹ Bellew H.W. *Journal Of A Political Mission To Afghanistan In 1857*. P. 113.
- ⁴⁰ Elphinstone M. *An account of the Kingdom of Caubul...* Vol. II. P. 121.
- ⁴¹ Hart L.W. *Character & costumes of Afghaunistan*. Pt. 25; Rattray J. *Scenery, Inhabitants & Costumes...* Pt. 1.
- ⁴² Elphinstone M. *An account of the Kingdom of Caubul...* Vol. II. P. 24.
- ⁴³ Ashe W. *Personal records of the Kandahar campaign*. London, 1881. P. 148.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 115.
- ⁴⁵ Wood J. *A personal narrative of a journey to the source of the river Oxus...* P. 83; Bellew H.W. *Journal Of A Political Mission To Afghanistan In 1857*. P. 113.
- ⁴⁶ Hensman H. *The Afghan war of 1879–80: being a complete narrative of the capture of Cabul, the siege of Sherpur, the battle of Ahmed Khel*. London, 1882. P. 315.
- ⁴⁷ Gray J.A. *At the court of Amîr*. London, 1895. P. 289.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 82.
- ⁴⁹ Mir Munshi Sultan Mahomed Khan. *The life of Abdur Rahman, Amir of Afghanistan*. Vol. 1. London, 1900. P. 202.
- ⁵⁰ Ashe W. *Personal records of the Kandahar campaign*. P. 14.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 213.
- ⁵² Hensman H. *The Afghan war of 1879-80...* P. 430.
- ⁵³ Biddulph J. *Tribes Of The Hindoo Koosh*. Calcutta, 1880. P. 91.

Ю.А. Миронов (г. Ардатов, Республика Мордовия)

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ ЗВУКОВОЙ РАЗВЕДКИ АРТИЛЛЕРИИ В 1930–1945 гг.

РАССЕКРЕЧЕННЫЙ МАССИВ документов в архивах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС), центрального государственного архива Санкт Петербурга (ЦГА СПб), и Российского государственного военного архива (РГВА) позволил при их изучении и сопоставлении выявить не известные ранее факты в развитии средств звуковой разведки артиллерии. При этом выявилась важнейшая, ранее засекреченная, роль Николая Альбертовича Бенуа в развитии средств звуковой разведки артиллерии РККА, вплоть до его ареста в марте 1935 г.

В своей автобиографии от 3 марта 1935 г. Бенуа пишет: «С 1927 года исполнял специальные секретные задания Артуправления по дальнейшей разработке своего изобретения и работы вел в своей лаборатории в Ленинграде, на ул. Глинки, 37. В 1930 году по соглашению с Государственным физико-техническим институтом (ГФТИ) эти работы были переведены в институт, куда также переброшена лаборатория с улицы Глинки... В 1927 году прибор мой принят на вооружение РККА и выпущен первый печатный труд под названием «Двухбазная звукометрическая станция системы Бенуа». С 1 января 1930 года зачислен в Ленинградский электро-физический институт (ЛЭФИ) на должность старшего инженера — ответственного руководителя звукометрической лаборатории. За время с 1930 по 1933 год мной был научно проработан целый ряд новых актуальных проблем звукометрии, причем ряд приборов моей системы, секретных и не подлежащих оглашению, принят на вооружение РККА. Наиболее важные из них запатентованы под номерами (10 номеров), и на все

присуждены авторские свидетельства... Все работы ведутся в секретном порядке по заданиям Управления военных приборов (УВП) НТО ВСНХ. Из печатных трудов выпускается в этом году «Описание секторного блок-прибора системы Бенуа». В подготовке к печати два труда:

1. «Проблема направленного приема в области звукометрии»;
2. «Звукометрия в ее прошлом, настоящем и будущем»¹ (ил. 1).

Анализ архивных документов позволяет установить следующую последовательность в развитии средств звукометрической разведки артиллерии РККА.

1. В 1926 г. артиллерийское управление предложило ряду научных организаций Москвы и Ленинграда разработать звукометрические станции графической записи для РККА взамен стоящих на вооружении хроноскопических станций Бенуа и Ширского. В это же время по линии разведки добываются информация и образцы звукометрических станций из Франции, Англии, Германии, Польши. В это же время инженер А.В. Евтюхов перевел научный труд французского профессора Эсклангона «Акустика орудий и снарядов», из которой российские инженеры и изобретатели узнали о наличии после выстрела орудия дульной и баллистической волн и способах их записи.

В 1929 г. артуправление УС РККА создало комиссию во главе с профессором Н.Н. Андреевым, заведующим отделом акустики Государственной физико-технической лаборатории (ГФТЛ) с целью обследования звуко- и светометрических приборов, состоящих на вооружении РККА, и определения дальнейшего направления работ для инструментального разведывания.

Ил. 1. Николай Альбертович Бенуа.
1930 г.

Комиссия выполнила свою работу, итогом которой был отчетный доклад профессора Андреева. В докладе были подведены итоги развития звукометрии в России и за границей и выделены принципы, которые необходимо учитывать при разработке звукометрических станций. Докладчик предложил и научные организации, которые могли бы вести научно-практическую работу по акустике и светометрии².

В декабре 1929 года директор ГФТЛ был извещен артуправлением, что лаборатория назначается базой НИР по звукометрии.

2. В сентябре 1930 г. были проведены конкурсные испытания на лучшую звукометрическую станцию, которая будет принята на вооружение РККА. Они проходили в звукометрической лаборатории Артиллерийского научно-исследовательского института (АНИИ). Всего было представлено 12 образцов звукометрических станций. В результате конкурсных испытаний и подведения итогов на первом месте оказалась осциллографическая станция с чернильной записью Данилевского и Евтюхова из ВЭИ, на втором — осциллографическая станция системы Бенуа из ГФТИ. На состязаниях станция Данилевского и Евтюхова показала следующие результаты:

- точность по направлению — 0–04 деления угломера (д. у);
- разброс показателей — 0–06 д. у;

Станция принимает:

дульные волны:

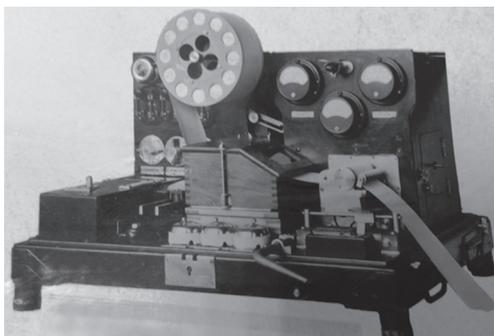
- 76-мм и 122-мм пушки — 9 км;
- 152-мм пушка — 15 км;

взрывы:

- 76-мм пушка — 5 км;
- 122-мм пушка — 7 км;
- 152-мм пушка — 8 км.

Она получила наименование «Звукометрическая станция 1930 г. системы ДЕ.»³. Изготовление 40 комплектов станции было поручено заводу № 209 Наркомтяжпрома — заводу им. Кулакова в Ленинграде. Героическими усилиями всего коллектива задание было выполнено (ил. 2).

Распределение изготовленных комплектов было проведено 31 июля 1931 г. Станцию 1930 г. системы ДЕ получили подразделения инструментального разведывания пятнадцати корпусных артиллерийских полков, АНИИ, завод «Электроприбор», 40-й РАДН, ВТА, Артиллерийские курсы комсостава (АКУКС),

Ил. 2. Регистрирующий прибор станции ДЕ. 1930 г.

звукометрическая лаборатория в Пугорево, шесть артиллерийских школ.

3. С получением звукометрических станций начался активный процесс освоения боевой работы с ними в полевых условиях. Станция ДЕ исправно записывала звуки артиллерий-

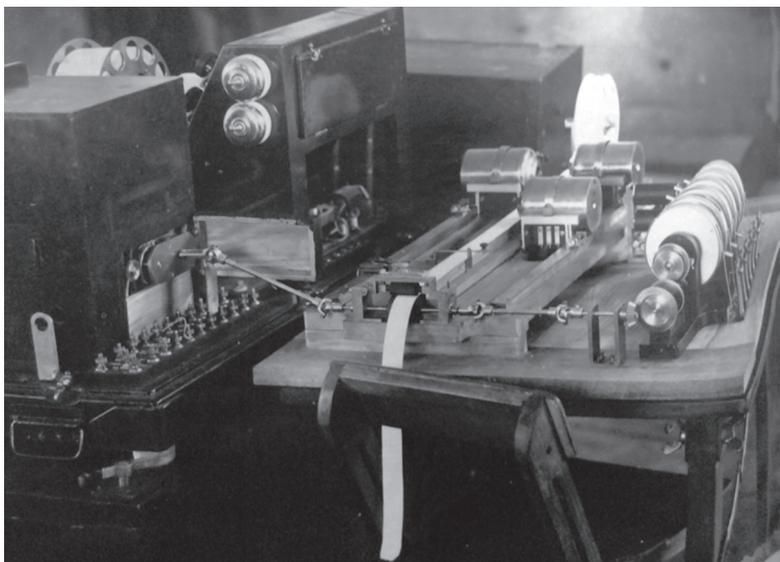
ских выстрелов и разрывы снарядов, но в условиях массового артиллерийского огня перед подразделениями звукового разведывания встали непреодолимые трудности в дешифровании записей. Нужно было решить проблемы направленного приема и дешифрования разведки нужного участка фронта на стороне противника в условиях массивированного артиллерийского огня с обеих воюющих сторон.

Решение этих проблем было выполнено Бенуа сначала теоретически на конференции в АНИИ в 1930 г., а затем в ряде практических приборных решений в акустической лаборатории ЛФТИ в 1930–1934 гг. В отчете по работам, проведенным в звукометрической лаборатории, которой он руководил, Бенуа отмечал: «Узловыми проблемами последних лет своей работы лаборатория считала:

- А) проблему направленного приема;
- Б) разработку полевого осциллографа с фотозаписью.

Первую проблему лаборатория решала с нуля. Но в дальнейшем лаборатория выдвинула целый комплекс решений проблемы, и синтетическая модель автора — графический предупредитель с повышенной пропускной способностью — была принята на вооружение в 1931 г. В 1932 г. лаборатория Бенуа уже изготовила 50 комплектов секретных блок-приборов к станции ДЕ и решила проблему привода блока от электропривода самой станции (ил. 3).

В это же время разработан проект графической станции с направленным приемом системы автора в двух вариантах, на основании которых управление военных приборов (УВП) дало заказ

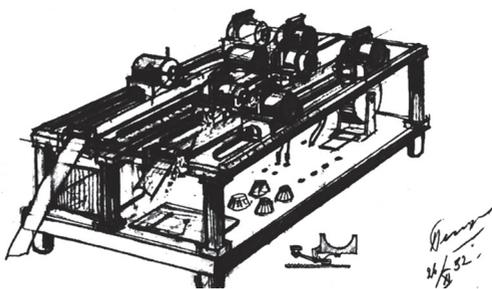
Ил. 3. Графический блок-прибор системы Бенуа направленного приема

заводу им. Кулакова на постройку станции заводского образца в 1933 г. (ил. 4)

Вторая проблема — осциллографическая станция с записью на фотоленту. Выпускаемым образцом станции 1932 г. лаборатория считает эту задачу практически разрешенной. Станция разработана за 2 года и допускает не только полевое применение, но и сам процесс съемки сводит к ряду простых операций, требующих... секунд».

Далее он пишет:

«В предстоящих боях, где каждая из сторон будет исходить из учета на стороне противника мощных средств акустической разведки, — частый огонь явится в решающие периоды боя правилом, ибо в нем пока что наиболее действенная защита от действия

Ил. 4. Проект графической станции системы Бенуа с направленным приемом

звукоразведки... Та армия, которая будет снабжена приборами, рассчитанными на более интенсивный огонь... будет иметь огромные преимущества перед противником... Было бы грубой ошибкой снабжать армию приборами менее совершенными»⁴.

Завод им. Кулакова получил заказ на изготовление опытного образца звукометрической станции направленного приема системы Бенуа. Срок исполнения заказа — 1 мая 1933 г.

В результате того, что предприятие не допустило Бенуа до работы практических узлов станции, станция была изготовлена в простом варианте, без возможности направленного приема. В ходе скандала УВП обязало завод им. Кулакова изготовить станции по проекту Бенуа и в процессе работы получать от изобретателя консультации.

Заводские образцы станций системы Бенуа были изготовлены в феврале 1934 г., а испытания были проведены в феврале–марте 1934 г. в Пугореве и Луге. Выводы комиссии УВП НТО ГАУ, проводившей испытания:

«1. Для серийного изготовления в 1934 году принять струнный дешифратор Бенуа (ил. 5).

2. Изменить задание на звукометрическую станцию 1934 года, изготавливаемую заводом им. Кулакова, сделав пишущие системы ее подвижными.

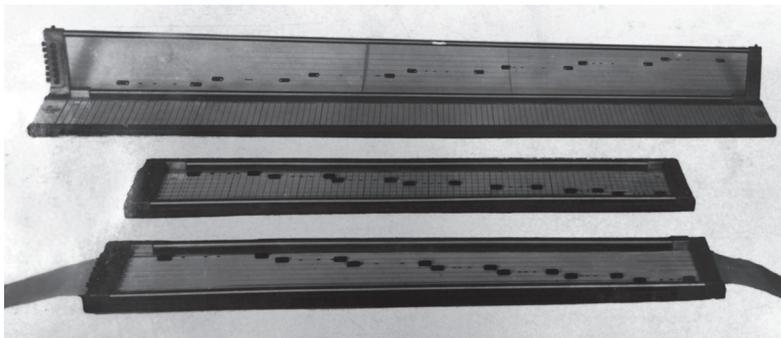
3. Выдать заказ ЛЭФИ на изготовление опытных образцов регистрирующего прибора и графического предупредителя системы Бенуа...»⁵

Звукометрическая станция системы ДЕ 1930 г., испытанная в частях инструментального разведывания, была ими освоена и проявила свои недостатки. Основные из них:

- запись звука выстрела не позволяла надежно отделить дально волну звука от баллистической;
- большой вес приборов звукопостов;
- отсутствие направленного приема станцией звуков из выделенного района фронта.

Станцию модернизировали, и завод им. Кулакова изготовил по ТУ УВП усовершенствованную станцию, в которую были внесены изменения:

- звукоприемники микрофонного типа вместо тепловых;
- алюминиевые катушки пишущих систем;
- работа по двум или одному проводу;
- снабжение блок-прибором Бенуа;

Ил. 5. Струнный дешифратор звуколент системы Бенуа

– возможность в будущем работать на радиосвязи.

Станция с такими изменениями стала называться «Звукометрическая станция системы ДЕ образца 1931 г.»⁶

Звукометрическая станция системы ДЕ получила ряд конструктивных изменений и выпускалась заводом им. Кулакова под шифрами образца 1931 г., 1932 г., 1932 г.-бис, 1930/33.

В сентябре 1934 г. артстрелковый комитет АКУКС провел в Луге испытания звукометрической станции с чернильной записью и подвижными пишущими системами, осциллографической станции с фотозаписью по проектам Бенуа и штатной станции системы ДЕ образца 1932 г., состоящей на вооружении. Выводы из результатов испытаний:

«1. Осциллографическая станция с фотозаписью Бенуа является большим шагом вперед по сравнению со всеми существующими и опытными образцами. Осуществление в ней метода кучностей сравнивает ее со станцией с подвижными пишущими системами. В остальном осциллограф стоит значительно выше последней.

2. Отказ штатной станции ДЕ, 1932 г. в неблагоприятных для акустики метеоусловиях показал, что ее пишущая система груба.

3. Испытуемые станции работали безотказно и дали полный материал для засечки, в то время как штатная станция давала запись только одиночных выстрелов или только запись с некоторых звукоприемников.

Для уменьшения зависимости звуковой разведки от метеоусловий следует ускорить замену существующей аппаратуры новой, которая на испытаниях дала хорошие результаты. АСК

Ил. 6. Осциллографическая станция с фотозаписью системы Бенуа

считает необходимым ускорить производство опытных образцов и сократить время испытания таковых...»⁷ (ил. 6).

В ноябре 1934 г. директор ЛЭФИ академик Чернышев, предлагая отметить 25 лет развития звукометрии и заслуги в этом Н.А. Бенуа, писал: «На конкурсных испытаниях 1930 года из всех систем... выделили новую осциллографическую станцию

системы Бенуа, которую комиссия признала лучше всех в Республике.

В результате — в ЛЭФИ Бенуа с 1930 года руководит всеми работами звукометрической лаборатории — началась упорная работа по совершенствованию новой станции.

В 1930 же году впервые в истории развития звукометрии был выдвинут вопрос направленного приема. Осенью 1930 года на звукометрической конференции в АНИИ Н.А. Бенуа в докладе выдвинул целую серию решений проблем направленного приема»⁸.

Начальник вооружений РККА М.Н. Тухачевский 8 февраля 1935 г. издал приказ № 1/2с, где сообщалось: «В ознаменование 25-летия развития звукометрии отмечаю работников, которые своей самоотверженной работой способствовали созданию и освоению новой техники РККА.

Награждаю ценными подарками:

1. Бывшего начальника НТО УВП т. Файнберга А.Г.
2. Начальника кафедры АИРа Артакадемии т. Позоева Б.Г.
3. Научного сотрудника ВЭИ т. Данилевского А.И.
4. Научного сотрудника ВЭИ т. Евтюхова А.В.
5. Начальника группы звукометрии ЛЭФИ т. Бенуа Н.А.
6. Начальника кафедры акустики ВЭТА профессора Андреева Н.Н.

7. Доцента НИИФ МГУ т. Тихонова В.Г.»⁹

А 18 марта 1935 г., в рамках проводимой НКВД операции «Бывшие люди», Н.А. Бенуа был арестован и решением Особого совещания выслан с семьей в Казахстан на 5 лет. Попытки всех начальников, знавших его, сохранить Бенуа для работ, облегчить участь его семьи никакого результата не принесли... Уже в ссылке Николай Альбертович и его жена были арестованы. Им вменили шпионаж. Жену его Серафиму Михайловну расстреляли в марте 1938 г., а Николая Альбертовича — в ноябре 1938 г.¹⁰

Завод им. Кулакова, на котором изготавливалась вся звукометрическая аппаратура СССР, до 1936 г. не приступал к выполнению заказа на звукометрическую станцию системы Бенуа. Отсутствие конструктора — автора проектов станций и объявление его социально опасным элементом привели к тому, что его имя постарались вычеркнуть из истории развития звукометрии.

В июле 1936 г. директор завода им. Кулакова В.И. Голубин подготовил доклад на совещании в Минтяжпроме СССР, в котором

отмечал: «Первая звукометрическая станция системы ДЕ выпущена в 1930 году, после чего завод выпустил еще три конструкции таких приборов. В эксплуатации находятся пробные образцы станций с чернильной записью системы Бенуа, оборудование по обработке записи на автомашинах. В разработке новый вариант станции с чернильной записью»¹¹.

4. Вариант звукометрической станции 1936 г. с чернильной записью был принят заводом за основу. Заводской конструктор Селезнев владел полной информацией по перспективам разработки современной звукометрической станции, так как был в постоянном контакте с изобретателем Бенуа. Было решено в кратчайший срок изготовить заводской образец станции, которая получила название «Звукометрическая станция с чернильной записью 1936 года» (СЧЗ-36). При этом главные достижения в области звукометрии — использование подвижных систем и введение постоянных магнитов вместо электромагнитов — не были применены.

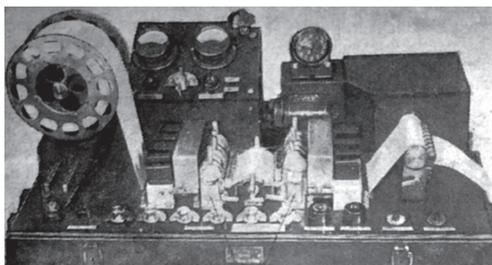
Опытный образец станции был изготовлен в 1937 г. и испытан сравнением работы со штатной станцией ДЕ, 1932 г.- бис на полигоне АКУКС (ил. 7).

Выводы из испытаний:

- чувствительность станции выше штатной в два раза;
- замена пишущих систем очень быстрая;
- лентопротяжный механизм — электромотор;
- новый звукоприемник более легкий и чувствителен и не требует регулировки;
- в комплект введены дешифраторы звукометрических лент.

Средняя ошибка направления на цель, определенная по записям выстрелов — 0–02 д. у. Для ДЕ-32 ошибка составила 0–05 д. у.

На 10 километров ошибка определения координат составила эллипс с осями 43,3 x 36,6 метров. Качество записей испытываемой станции было в 2,5 раза выше станции ДЕ-32 бис. Чувствительность станции была в 3–4 раза выше штатной.

Ил. 7. Регистрирующий прибор станции СЧЗ-36

Все это позволяет ввести звукометрическую станцию 1936 года на вооружение частей звуковой разведки РККА. Для использования старых станций системы ДЕ ввести для них звукоприемники образца 1936 года»¹².

Но маховик репрессий помешал планомерному освоению заводского производства новой станции. Во всех областях жизни в стране выискивали «врагов народа». Не обошла стороной эта трагедия и артиллерию и военное производство. Новое командование главного артиллерийского управления (ГАУ), пришедшее на смену арестованным прежним руководителям, решило коренным образом устранить имеющееся катастрофическое положение в артиллерийской разведке. С этой целью по приказу зам. начальника ГАУ РККА И.М. Кириллова-Губецкого было проведено совещание по вопросам звукометрии, на котором было принято решение «собрать при АНИИ всех звукометристов и выработать практические предложения, охватывающие все вопросы обеспечения РККА звукометрией». Согласно этого решения 14–16 января 1938 г. было проведено расширенное совещание по вопросам звукометрии. Участники отмечали: «Плохое качество работы подразделений звуковой разведки:

- не овладели мат. частью;
- не овладели методами работы;
- низкое качество материальной части.

Причины — вредительская работа бывшего нач. арт. РККА врага народа Роговского и врага народа начальника ГАУ Ефимова;

- нет руководства старшими командирами обучением звукометрических подразделений;
- не отпускались средства на имитацию стрельбы;
- отсутствует полигонная обстановка для работы звукометристов;
- специалисты звуковой разведки используются не по назначению;
- нет знаний у командиров по физике и электротехнике;
- отсутствуют пособия, наставления, руководства;
- отсутствие ЗИПа привело к полной небоеспособности подразделений;
- частые изменения приборов затрудняют изучение мат. части;
- разработанные методы эффективной работы не доводятся до частей инструментальной разведки;

Особенно ненадежным и неустойчивым элементом является звукоприемник, который надо заменить».

Была предложена программа по улучшению состояния звуковой разведки: «В части опытных НИР:

1. Доработать станцию 1934 года, и провести полное ее исследование;
2. Отработать методику заводских и полигонных испытаний;
3. Испытать станцию с фотозаписью;
4. Отработать приборы для обработки лент и для работы на планшете;
5. Установить целесообразность блок-прибора;
6. Отработать полевые методы определения по звуку;
7. Исследовать работу на коротких базах»¹³.

Проведенная работа дала положительные результаты. По итогам проведенных сравнительных испытаний было принято решение о производстве на заводе им. Кулакова звукометрической станции 1936 г.

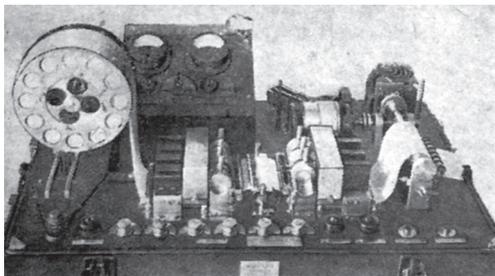
СЧЗ-36 разрабатывалась с упором на контрбатареиную борьбу с артиллерией. При всех положительных характеристиках она имела и серьезные недостатки:

- большой вес приборов звукопостов и регистрирующего прибора;
- большой расход электроэнергии аккумуляторов;
- сложность прокладки проводной связи.

Боевая работа звукометрических станций в условиях войны СССР с Финляндией в 1939–1940 гг. показала, что зачастую только звуковая разведка позволила определить до 70 процентов всех целей для артиллерии. Конструктивное исполнение станции показало свое совершенство. Зато тактические свойства — подвижность и маневренность — были неудовлетворительны. Особенно это относилось к приборам звукопостов. Было предложение перевести электропитание станции с местного на центральное.

По результатам боевой эксплуатации станции в 1940 г. на заводе им. Кулакова была проведена ее модернизация с целью устранения выявленных недостатков. Она получила название «Станция с чернильной звукозаписью модернизированная, 1936 года» (СЧЗМ-36) (ил. 8). Основные изменения, произведенные в ней:

- устройство стабилизации числа оборотов двигателя ленты, что увеличило точность снятия отсчетов до 0,002 с;

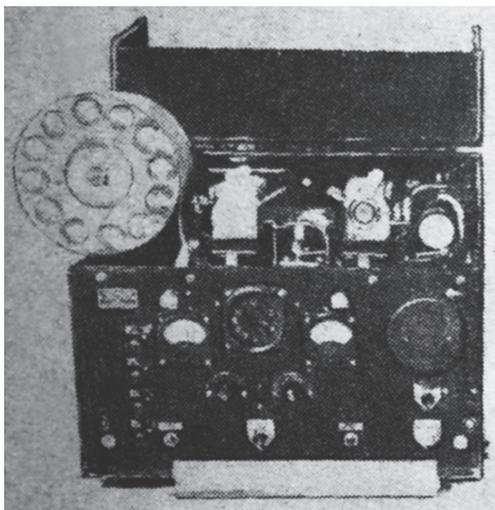
Ил. 8. Регистрирующий прибор станции СЧЗМ-36

Однако дальность записи выстрелов осталась одинаковой у обеих станций.

В Великую Отечественную войну СССР вступил с звукометрическими станциями СЧЗМ-36 и СЧЗМ-36 с ЦП. Уже в ходе войны была проведена работа по устранению недостатков станции СЧЗМ-36 с ЦП. Новая станция получила наименование СЧЗ-43 (ил. 9).

В СЧЗ-43:

- уменьшен вес и габариты центрального регистрирующего прибора, усилителя и линейного щитка;
- в пишущих системах использованы постоянные магниты;
- питание усилителя – по схеме мотор – ресивер – конвертор.

Ил. 9. Регистрирующий прибор станции СЧЗ-43

– камертонный генератор станции.

Перевод на центральное питание привел к появлению станции под шифром «СЧЗМ-36 с ЦП». Вес комплекта регистрирующего прибора резко возрос. Зато вес комплектов звукопостов снизился в два ра-

Дальность записи звука выстрела – как и в СЧЗМ-36 с ЦП.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, в 1945 г., образец звукометрической станции разработала артиллерийская академия. Главная идея

станции — облегчение приборов звукопостов путем перевода их на облегченное местное питание (ил. 10).

Характеристики звукометрических станций приведены в таблице¹⁴:

	СЧЗМ-36	СЧЗМ-36 с ЦП	СЧЗ-43	Станция арт. академии
Вес регистр. прибора и его комплекта, кг	52 124	54 131	32 86	18 38
Вес приборов звукопоста, кг	35	15,4	15	10
Расход эл. энергии, вт	110	135	180	18
Обработка звуколенты, мин.	10	10	10	10
Точность снятия отсчетов, с	0,002	0,002	0,002	0,003
Предельная дальность записи выстрела, км	24	24	24	24
Е-ошибка координат, м	70–80	80	80	>100
Усилитель	–	+	+	+

Выводы:

1. Развернувшаяся кампания по выискиванию «врагов народа» в 1932–1938 гг. заглушила революционные предложения Н.А. Бенуа в области направленного приема и передовые конструктивные предложения в звуковой разведке. В последующие годы после гибели его идеи и разработки незаслуженно умалчивались или присваивались другими.

2. Напряженная работа конструкторов и инженеров над созданием и совершенствованием звукометрических станций и средств звуковой разведки артиллерии Красной армии привела в результате к наиболее совершенным образцам, что позволило иметь преимущества в контрбатарейной борьбе над противником в Великой Отечественной войне.

Ил. 10. Развертывание звукометрической станции СЧЗМ-36 для боевой работы. Ленинградский фронт. 1943 г.

¹ ЦГА СПб. Ф. 2086. Оп. 5. Д. 17. Л. 11–30.

² Там же. Ф. 9217. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–18.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7. Оп. 7. Д. 704. Л. 12 об., 13.

⁴ Там же. Д. 703. Л. 25, 26.

⁵ Там же. Д. 705. Л. 7–15.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 2086. Оп. 4. Д. 71. Л. 4–16.

⁷ Там же. Ф. 9217. Оп. 1. Д. 45. Л. 15, 16.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7. Оп. 12. Д. 36. Л. 76–77.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 2086. Оп. 5. Д. 17. Л. 32.

¹⁰ Архив УФСБ. АУ. Д. П-19891. Л. 3, 6.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 2086. Оп. 11. Д. 1. Л. 38, 39.

¹² РГВА. Ф. 24751. Оп. 5. Д. 181. Л. 10, 11.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7. Оп. 12. Д. 72. Л. 535, 536.

¹⁴ Никитин Г.А. Основание устройства звукометрической аппаратуры. Ч. 1, 2. М., 1947. С. 122–127.

А.А. Михайлов (Санкт-Петербург)

**ВОЕННО-НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ П.А. ЯЗЫКОВА
(1800–1869), ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ
ВОЕННОЙ ГЕОГРАФИИ И СТРАТЕГИИ**

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Петр Александрович Языков, по справедливости, может быть отнесен к числу наиболее ярких и интересных военных теоретиков и ученых первой половины — середины XIX в. Он по праву может считаться одним из основоположников в России военной географии, внесшим вклад в развитие еще нескольких сфер военной науки. Тем не менее, посвященная П.А. Языкову научная литература крайне скудна. Краткая характеристика взглядов Петра Александровича на стратегию содержится в статье видного военного историка В.Т. Иминова (1938–2015), опубликованной на страницах «Военно-исторического журнала»¹, но целостного освещения военно-научной деятельности Языкова в этой работе не дается.

П.А. Языков был сыном богатого тульского помещика Александра Ивановича Языкова (1752–1828) и вольноотпущенной крестьянки Евдокии Ивановой (Ивановны). Хотя он родился до заключения официального брака между родителями, отец признал сына законным². Свое детство Петр Языков провел в родовом имении Сергиевском на реке Упе (Тульская губерния).

В сентябре 1816 г. П.А. Языков поступил на обучение в Институт Корпуса инженеров путей сообщения (ИКИПС). В июне 1818 г., «имея от роду осмнадцать лет», он был произведен в прапорщики³. В мае 1819 г. он стал подпоручиком, еще через год — поручиком, после чего получил назначение на службу в IX округ водяных и сухопутных сообщений (включал территории Вологодской и Архангельской губерний, частично Олонецкой, Вятской и Пермской).

В 1825 г. его перевели в I округ, к которому, в частности, относилась и Санкт-Петербургская губерния. В мае того же года он был привлечен к работе по определению нового направления Московского шоссе от г. Крестцы. Затем, в 1826 г., молодого офицера направили в распоряжение видного инженера-строителя Н.О. Крафта для участия в разработке проекта каналов, соединяющих Волгу с Доном и Дон с Окою.

В июле 1827 г. Языков был привлечен к составлению проекта осушения болотистых мест в районе Царского Села. Затем, однако, в его служебной деятельности произошел важный поворот. В декабре 1827 г. Петр Языков был направлен к выдающемуся военному теоретику, генералу от инфантерии Антуану-Анри (Генриху) Жомини (1779–1869) для подготовки «извлечений» из его трактата «Наука о больших военных действиях». Совместная работа с крупным ученым явно обогатила Языкова познаниями в области военной истории, военной географии, стратегии. Что же касается трактата Жомини, над которым работал Языков, то таковой был издан двумя выпусками в 1836 г.⁴

В декабре 1831 г. П.А. Языков был утвержден в должности профессора военных наук в ИКИПС. Как видно из документов, на него было возложено преподавание «малой и высшей тактики и стратегии, полевой и долговременной фортификации»⁵.

В начале 1832 г. руководство военного ведомства России развернуло активную деятельность по созданию высшего военно-учебного заведения — Императорской военной академии (ИВА). При комплектовании штата академии ее директор, генерал от артиллерии И.О. Сухозанет обратился к директору ИКИПС П.П. Базену с просьбой сообщить, может ли кто-либо из подчиненных ему преподавателей взять на себя академические курсы. П.П. Базен в письме, датированном 4 февраля 1832 г., ответил, что «военные науки» в институте преподают профессор Языков и «репетитор» капитан Резимон. «Зная лично способности и постоянное расположение их к наукам при основательных познаниях сего предмета, — писал Базен, — я полагаю, что они с такою же пользою могут преподавать сии курсы в Императорской военной Академии»⁶.

И.О. Сухозанет сделал выбор в пользу Языкова, которому предполагал поручить курс военной географии и статистики. Однако при переводе профессора ИКИПС в Военную академию возникли некоторые трудности. Языков хотел, поступив на новое место службы, сохранить также должность в ИКИПС.

Это намерение вполне понимал и поддерживал И.О. Сухозанет. Однако против подобного совмещения выступил начальник Главного управления путей сообщения герцог Александр Вюртембергский, который считал, что Языков, преподавая в академии, не сможет уделять службе в ИКИПС должное внимание.

В сентябре 1832 г. И.О. Сухозанет обратился за поддержкой к военному министру А.И. Чернышеву. В своем письме он отмечал, что знает майора Языкова, как офицера «отлично ученого и способного к преподаванию», предупреждал министра: «...отказ Его Королевского Высочества (Александра Вюртембергского. — А. М.) лишает Военную Академию отличного профессора, крайне затрудняет меня в выборе профессора Географии и Военной статистики»⁷.

Апелляция к военному министру сыграла свою роль. В октябре 1832 г. П.А. Языков был принят на службу в Военную академию, сохранив за собой должность в ИКИПС. Начало нового этапа карьеры совпало с переменами в личной жизни. В июне 1832 г. П.А. Языков вступил в брак с Алевтиной Арсеньевной Жеребцовой (1814–1880), дочерью ротмистра Арсения Александровича Жеребцова и его супруги Прасковьи Николаевны (урожденной Толстой).

Настойчивость Сухозанета явно окупилась сторицей. П.А. Языков смог в сжатые сроки разработать курс военной географии, хотя это была совершенно новая, практически не известная для российских учебных заведений дисциплина, и никаких посвященных ей учебных пособий на русском языке не имелось.

Правда, курс этот не носил обобщающего характера. После краткого освещения теоретических основ военной географии речь в нем шла об отдельных регионах Российской империи. Отбирая материал, П.А. Языков решил сосредоточить внимание на «северо-западном пограничном пространстве» государства, «внутреннем пространстве России», Польше и Кавказе⁸. Нетрудно заметить, что приоритет был отдан регионам, данные о которых с наибольшей вероятностью могли потребоваться офицерам Генерального штаба в их деятельности.

В Польше совсем недавно было подавлено восстание, на Кавказе полыхала война с приверженцами имама Шамиля. Натянутые отношения с государствами Западной Европы диктовали внимание к «северо-западному пограничному пространству», и, разумеется, нельзя было обойтись без данных о собственно российских территориях.

В сентябре 1834 г. П.А. Языков составил для администрации Военной академии записку «Рассуждение о военной географии и новые предположения о преподавании сей науки»⁹. Во введении он подчеркнул: «Военная география, составляющая весьма важную отрасль наук военных, оставалась до сего времени неисследованною. Честь первого опыта преподавания столь важной науки, без сомнения, принадлежит Императорской военной академии»¹⁰.

Характеризуя курс военной географии в академии, П.А. Языков указывал, что при его изложении могут быть использованы два подхода: описательный и аналитический (его автор записки именовал также «стратегическим»). «Можно рассматривать предметы, находящиеся на земной поверхности и имеющие непосредственное влияние на военные действия, — писал он, — просто как данности, необходимые для соображений военных, ограничиваясь единственно обозначением сих предметов, не входя в стратегические исследования или заключения»¹¹. Другой подход требовал «рассматривать военную географию с высшей точки зрения и в смысле совершенно стратегическом»¹². Именно такое изложение курса, по мнению Языкова, более всего соответствовало задачам академии. Однако в силу недостаточной, по его мнению, подготовки слушателей сразу перейти к стратегическому уровню было невозможно. Поэтому Языков рекомендовал в младшем классе использовать описательный подход, а в старшем — стратегический. При этом он считал ненужным стремиться к подробному описанию многих стран, но рекомендовал избрать в качестве примера самые значимые театры военных действий. «...Не нужно обозревать всю Европу, — утверждал он, — но достаточно ограничиться разбором поучительнейших театров войн. По окончании сего стратегического анализа предметов Географических, на разных театрах войн находящихся, можно вывести общие правила науки или общие заключения, можно определить общее стратегическое значение главных предметов Географических, как-то: больших рек, хребтов гор, главных проходов и прочее...»¹³.

Несмотря на напряженную деятельность в качестве профессора Военной академии. П.А. Языков во второй половине 1830-х гг. часто выступал с научными статьями на страницах прессы. Особенно активно печатал он свои работы в «Журнале путей сообщения». В 1837 г. Языковым была опубликована статья «О пользе крепостей», в которой он возражал против получившей

в то время известное распространение точки зрения о падении роли фортификационных сооружений. «...Относительно крепостей, — сетовал он, — многие имеют несправедливое мнение, потому что рассматривают их только с одной точки зрения: как преграду вторжения, тогда как крепости способствуют всем движениям своей армии, наступательным и оборонительным. Влияние крепостей на стратегические действия весьма разнообразно»¹⁴. Далее Языков указывал на необходимость строить крепости с учетом принципов стратегии, но отказывался повествовать о таковых в рамках статьи и обещал представить читателям в скором времени научное сочинение по данному вопросу. «...Можно, — писал он, — открыть, какие должны иметь свойства те стратегические пункты, которые наиболее выгодны для сооружения крепостей. К сожалению нашему, мы не можем сообщить здесь дальнейших исследований о сем предмете, ибо исследование относительно выбора пунктов, выгодных для сооружения крепостей, основывается на некоторых стратегических истинах, составляющих предмет целого сочинения, которое мы надеемся сделать известным публике»¹⁵.

Свое обещание П.А. Языков выполнил. В 1838 г. вышла в свет его книга «Опыт теории военной географии», состоявшая из двух частей. В первой части подробно рассматривались теоретические основы и задачи военной географии¹⁶. Во второй части речь шла о применении принципов военной географии к фортификации, прежде всего, к выбору мест для сооружения крепостей¹⁷.

В первой части П. Языков подчеркивал тесную связь военной географии со стратегией, а также связь между тактикой и топографией. «Рассуждать о каком-либо предмете в отношении военном, — писал он, — значит рассматривать оный в отношении стратегическом или тактическом. Географические предметы могут быть рассматриваемы только в отношении стратегическом, ибо в соображения тактические входят одни подробности местности, то есть топография. Следовательно, основанием военно-географическим рассуждениям служат истины стратегические»¹⁸. Далее Языков характеризовал военную географию как «высшее аналитическое исследование элемента географического для соображений военных»¹⁹.

При оценке трудов своих предшественников Языков с особым уважением отзывался о работах, имеющих военно-историческую тематику, хвалил таких авторов, как А. Жомини, австрийский

эрцгерцог Карл, британский военный теоретик Г. Ллойд и др.²⁰. Роль собственно географических исследований в становлении военной географии Языков оценивал менее высоко²¹.

Весьма настойчиво проводил Языков мысль, что сводить все многообразие факторов, определивших ход той или иной войны, к объектам физической географии нельзя. Полемизируя по некоторым вопросам с австрийским автором Рудторфером, он отмечал: «...берега Требии служили полем битвы для Аннибала (Ганнибала. — А. М.) и Суворова. Но обстоятельство, в которых находились два великих полководца, были совершенно различные»²².

Кроме того, Языков указывал, что сами географические объекты в течение длительных периодов времени все же изменяются (в том числе под влиянием человека). «...Самый вид земной поверхности, — писал профессор академии, — может остаться постоянным только для одной исторической эпохи; но время непрерывно изменяет его. Новые проходы чрез хребты гор, и вообще новые дороги, другие города, новые крепости и порты; наконец, самые границы: все эти обстоятельства изменяют географический вид земной поверхности»²³.

Исходя из вышесказанного, Языков писал, что вместе с собственно географическими факторами следует учитывать также факторы политические, этнические, экономические и др. При этом, в отличие от более поздних авторов, он считал военную статистику лишь частью военной географии, а не обобщающей наукой.

Вторую часть книги Языкова открывало рассуждение о важности крепостей, продолжавшее мысли, заложенные в статье 1837 г. «После быстрых вторжений и решительных маневров Наполеона, — писал он, — возродилось предубеждение против крепостей. Многие считают, что крепости лишились своей важности, ибо иногда они были обходимы армиями; но это предубеждение неосновательно»²⁴.

П.А. Языков доказывал, что крепости важны, но лишь в том случае, если сооружены с учетом географических факторов и исходя из тех задач, которые им предстоит решать.

Суть своей мысли автор книги пояснял так: «Можно было бы назвать несообразностью, если бы кто построил дом или мост по одному проекту в центре столичного города и на краю отдаленного городка. Ошибочно было бы систему, принятую для шлюзов Ладожского канала, употребить для канала Северо-Екатерининского. Возможно ли по одной системе сооружать

крепость Ново-Георгиевскую и Усть-Каменогорскую? Итак, нам кажется, что достоинство пункта есть весьма важное обстоятельство при соображении системы самого сооружения»²⁵.

Наряду с географическими особенностями при строительстве крепости, как указывал Языков, необходимо учитывать ее главное назначение: «Невозможно располагать по одной системе крепости, предназначенные для различных целей, например: для учреждения магазинов, для заграждения проходов, для доставления вооруженным силам хлеба, дебуширования и проч.»²⁶.

Продолжая рассуждения, П.А. Языков указывал, что при всех различиях географических условий для крепостей лучше всего избирать пункты, имеющие стратегическое значение. «Крепость, — писал он, — должна быть сооружена на таком пункте, занятие которого может производить ощутительное влияние на ход военных действий; ибо в противном случае — зачем употреблять огромные капиталы на сооружение укреплений. Если занятие какого-нибудь пункта производит ощутительное влияние на ход военных действий, на целом театре войны происходящих, то такой пункт называется стратегическим. Следовательно, крепости должны быть сооружаемы на пунктах стратегических»²⁷.

Трудность, однако, заключалась в том, что военная наука того времени важнейшим стратегическим фактором считала расположение сил противоборствующих сторон. А.А. Жомини утверждал, что войну выигрывает тот, кто сосредотачивает основные силы на важнейшем в стратегическом отношении направлении. Однако крепости сооружаются до начала кампании, о действиях противника в ходе ее можно судить лишь с большей или меньшей долей вероятности. При выборе места расположения крепости, с сожалением отмечал Языков, невозможно знать «весьма важной данности, а именно относительного расположения сил»²⁸.

Далее Языков рассуждал о том, что крепость может приобрести видное стратегическое значение уже по ходу военных действий. Иногда с помощью анализа географических факторов предвидеть роль крепости возможно, но иногда сделать это весьма затруднительно. В качестве примера он приводил события борьбы между французскими и прусскими войсками в 1806 г. «...Можно было предвидеть, — писал Языков, — что в случае неудачных действий крепость Магдебург может способствовать отступлению прусской армии за реку Эльбу, ибо в Магдебурге находится обеспеченная переправа через реку; тогда как до начатия

войны не было возможности предвидеть, что французским силам выгодно будет занять Геру для того, чтобы овладеть сообщениями прусской армии»²⁹. Гера приобрела стратегическое значение лишь после того, как прусский военачальник герцог Карл Брауншвейгский оставил промежуток между левым флангом своей армии и хребтами Рудных гор. Если бы этого не случилось, «город Гера не имел бы вовсе стратегической важности»³⁰.

Тем не менее анализ географических факторов значительно повышает точность предположений относительно роли крепости в войне. Роль эта, как неоднократно подчеркивал Языков, может быть разной. Крепость, возведенная на единственной или на одной из немногих важных коммуникаций, способна не допустить продвижения неприятельской армии и определить ход кампании. В качестве примера Языков описывал, как небольшая крепость Бард в Альпах заставила армию Наполеона изменить маршрут³¹. Здесь же автор с удовлетворением отмечал: «Крепость Владикавказскую на Военно-Грузинской дороге миновать невозможно»³². Языков также приводил примеры, когда крепость, не преграждая путь армии противника непосредственно, сковывала часть его сил. Значительное внимание уделено в книге приморским крепостям, которые могут противостоять и армии, и флоту. Рассматривает П.А. Языков также роль крепостей в качестве баз сосредоточения и снабжения войск.

Книга П.А. Языкова и в своей теоретической части, и в части, посвященной крепостям, стала существенным вкладом в развитие отечественной военной науки. Правда, автор работы по истории Военной академии Н.П. Глиноецкий оценивал ее невысоко. «...Подполковник Языков, — писал он, — издал в 1837 году «Теорию Военной Географии», которая, однако, не имела успеха не только в литературе, но даже и в самой Академии»³³. Данное утверждение едва ли справедливо. Работа П.А. Языкова была удостоена Демидовской премии, ее перевел на немецкий язык видный специалист в области статистики И.Ф. Штукенберг. Д.А. Милютин в своей работе «Первые опыты военной статистики»³⁴ по целому ряду вопросов с П.А. Языковым полемицировал, но отнюдь не игнорировал его работы.

В один год с книгой «Опыт теории военной географии» П.А. Языков опубликовал в «Журнале путей сообщения» статью, в которой рассуждал о соотношении теории и практики в различных «искусствах», включая военное искусство³⁵.

В 1840 г. он снова обратился к проблемам военной географии и фортификации, опубликовав в «Журнале путей сообщения» небольшую заметку «Известия о новой крепости, устроенной в Тироле»³⁶. В ней речь шла о некоей возведенной австрийцами крепости Франценвердер на реке Адидже. Языков сделал вывод, что ее расположение весьма удачно в плане тактики, но стратегического значения не имеет. «...Долина, по которой пролегает путь из Вероны в Инспрук (Инсбрук. — А. М.) — рассуждал он, — ограждается совершенно сим укреплением. Должно отдать справедливость, что для сооружения крепости Франценвердер избран пункт весьма удачно, но только в отношении тактическом. В стратегическом же отношении пункт не имеет большой важности. <...> Она (крепость. — А. М.) может удовлетворить одной только цели — затруднить доступ к Испруку, главному городу Тироля. Но если бы Австрийская монархия была атакована со стороны западной, то потеря Испрука, равно как и все действия в Тироле — были бы действия второстепенные»³⁷.

Стратегический аспект расположения крепостей П.А. Языков затрагивал и в некоторых других работах. В 1841 г. им была также напечатана статья о стратегическом значении дорог и их совпадении с так называемыми «стратегическими линиями»³⁸.

В академии П.А. Языков в начале 1840-х гг. продолжал совершенствовать курс военной географии. Однако в начале 1843 г., имея чин полковника, он был назначен инспектором классов Строительного училища, учрежденного при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий³⁹. Из-за нового назначения Языков оставил службу в академии.

Сухозанет, сообщая об уходе Языкова военному министру Чернышеву, очень высоко оценил заслуги бывшего профессора. «Он (Языков. — А. М.), — писал директор Военной академии, — был первый, который занялся у нас в России Военною Географиею, обработал этот предмет, ездил для сего на свой счет за границу и неусыпными трудами своими упрочил преподавание этой науки в Академии и на будущее время»⁴⁰.

В 1843 г. П.А. Языков был переведен на должность инспектора классов в ИКТПС, на которой прослужил до 1849 г. В этот период он выпустил ряд статей и фундаментальную научную работу «Опыт теории стратегии» в трех частях⁴¹.

В своей книге П.А. Языков вслед за К. фон Клаузевицем тесно связал стратегию, избираемую во время войны, с политикой.

По его определению, «стратегия есть искусство наивыгоднейшего употребления вооруженных сил на театре войны для достижения определенной политической цели»⁴². Он также писал: «Цель войны составляет политическую идею, определяется политическими обстоятельствами, следовательно, политика дает главное направление военным действиям»⁴³.

В самой стратегии Языков выделил два раздела, две части: теоретическую и прикладную. Стратегия как теория, по его мнению, должна заниматься исследованием и систематизацией принципов и правил подготовке к войне и ее ведения. Прикладная составляющая — умение применить полученные сведения для достижения определенных военных и политических целей. Языков полагал: «исследование вопроса: каким образом употреблять вооруженные силы на театре войны так, чтобы они произвели наивыгоднейшее действие для достижения главной цели войны? — составляет самую высшую отрасль наук военных, которая называется стратегией»⁴⁴.

В книге Языковым также предпринята попытка проанализировать факторы («элементы»), которые оказывают влияние на стратегию. Такие факторы, как он считал, многочисленны, но могут быть объединены в две группы: нравственные и физические. К первой группе Языков относил факторы политические и собственно нравственные, ко второй — материальные, географические и статистические (набор и пополнение армии, ее состав, численность, размещение и др.).

Особое внимание уделял П.А. Языков влиянию на стратегию географического фактора. Он вновь, еще более определенно, чем в «Опыте теории военной географии», высказал мысль о связи военной географии со стратегией и топографии с тактикой. «Географическое и топографическое положение, — рассуждал Языков, — есть не что иное, как видоизменение земной поверхности. По этой причине можно было бы рассмотреть географический и топографический элементы нераздельно. Однако ж должно принять в рассуждение, что топографический элемент имеет влияние исключительно на одни тактические действия; тогда как элемент географический преимущественно имеет влияния на действия стратегические»⁴⁵.

В 1849 г. П.А. Языков получил чин инженер-генерал-майора, был назначен членом Учебного комитета Главного управления путей сообщения. В 1853 г. он занимал должность председателя Статистического комитета того же Главного управления.

Вершиной служебной карьеры П.А. Языкова стало пребывание на должности директора железных дорог с 1858 по 1865 г. Стоит заметить, что именно в это время получает четкую организацию перевозка по железным дорогам войск, и, несомненно, в этом есть заслуга и П.А. Языкова.

Итак, Петр Александрович Языков внес несомненный вклад в развитие отечественной военной науки. Он по праву может считаться основоположником в России военной географии, выдвинул ряд интересных положений в теории стратегии, сыграл видную роль в развитии учебной части Военной академии и в железнодорожном деле. Предлагаемая работа является, конечно, лишь первым шагом в изучении богатого научного наследия П.А. Языкова, которое, явно, важно для понимания истории отечественной военно-научной мысли в XIX веке.

¹ Иминов В.Т. Военные теоретики — известные и забытые: из истории становления теории военной стратегии // Военно-исторический журнал. 2006. № 10. С. 3–9.

² Всего у А.И. Языкова и Екатерины Ивановой было пятеро сыновей (Василий, Павел, Петр, Иван, Михаил) и две дочери (Александра и Елизавета). См.: Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1887. С. 775, 777.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 544. Оп. 1. Д. 13. Л. 134.

⁴ [Жомини А.А.]. Наука о больших военных действиях. Извлеч. из соч. ген. Жомини: *Traite dea grandes operations militaires*, под руководством самого автора подполковником Языковым: В 2 ч. СПб., 1836. Ч. 1. 506 с.; ч. 2. 354 с.

⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д. 40. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 45–55 об.

¹⁰ Там же. Л. 45.

¹¹ Там же. Л. 46.

¹² Там же. Л. 46 об.

¹³ Там же. Л. 55–55 об.

¹⁴ Языков П. О пользе крепостей (соч. подполковника Языкова) // Журнал путей сообщения. 1837. Т. 1. Кн. 6. С. 489, 490.

¹⁵ Там же. С. 523.

¹⁶ Языков П.А. Опыт теории военной географии, с приложением к избранию пунктов, для сооружения крепостей предназначенных. Сочинение подполковника П. Языкова. Ч. 1. Изложение теории. СПб.: Типография А. Воейкова и К^о, 1838. 270 с.

¹⁷ Языков П.А. Опыт теории военной географии... Ч. 2. Краткое руководство, служащее к избранию пунктов для сооружения крепостей. СПб.: Типография А. Воейкова и К^о, 1838. 200 с.

- ¹⁸ Языков П.А. Опыт теории военной географии... Ч. 1. С. V, VI.
- ¹⁹ Там же. С. VII.
- ²⁰ Там же. С. 26.
- ²¹ Там же. С. 28.
- ²² Там же. С. 37.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Языков П.А. Опыт теории военной географии... Ч. 2. С. 24.
- ²⁵ Там же. С. V, VI.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 10.
- ²⁸ Там же. С. 15, 16.
- ²⁹ Там же. С. 18.
- ³⁰ Там же. С. 19.
- ³¹ Там же. С. 39.
- ³² Там же. С. 42.
- ³³ Глиноецкий Н.Н. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба / Составил Генерального Штаба Генерал-Майор Н.П. Глиноецкий. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. С. 60.
- ³⁴ Миллотин Д.А. Первые опыты военной статистики. Д. Миллотина, Ген. штаба полк. Имп. Воен. акад. проф. Кн. 1. Вступление (критическое исследование значения военной географии и военной статистики). I. Основания политической и военной системы Германского союза. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1847. 248 с.
- ³⁵ Языков П.А. Определение теории искусства вообще. Польза, приносимая теорией в действиях практических (сочинение подполковника Языкова) // Журнал путей сообщения. 1838. Т. 4. Кн. 3. С. 299–327.
- ³⁶ Языков П.А. Известия о новой крепости, устроенной в Тироле // Журнал путей сообщения. 1840. Т. 2. Кн. 1. С. 62–67.
- ³⁷ Там же. С. 65, 66.
- ³⁸ Языков П.А. О дорогах, составляющих стратегические линии (сочинение полковника Языкова) // Журнал путей сообщения. 1840. Т. 2. Кн. 2.
- ³⁹ Данное училище было новообразованным. Его учредили в декабре 1842 г., слив Архитекторское училище и Училище гражданских инженеров. См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. XVII. СПб., 1843. № 16345. С. 222–228.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 252. Л. 3 об.
- ⁴¹ Языков П.А. Опыт теории стратегии. Сочинение полковника Языкова (автора Теории военной географии и приложений к одной к избранию пунктов для сооружения крепостей). СПб.: Типография Путей сообщения и публичных зданий, 1842. Ч. 1. Предварительные понятия о стратегии. 90 с.; Ч. 2. Свод стратегических истин, относящихся к рассмотрению вопроса о употреблении вооруженных сил на театре войны. 132 с.; Ч. 3. Свод стратегических истин о употреблении вооруженных сил на театре войны. 76 с.
- ⁴² Языков П.А. Опыт теории стратегии. Ч. 1. С. 27.
- ⁴³ Там же. С. 34.
- ⁴⁴ Там же. С. 3.
- ⁴⁵ Там же. С. 45.

*А.В. Михайлов, В.В. Птицын, Г.В. Малахов,
С.А. Астахов (Тула)*

**ОПИСАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ ФУЗЕИ ОБР. 1777 г.
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX СТОЛЕТИЙ)**

В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ во Франции вышли две книги с подробным описанием технологии изготовления военного огнестрельного и холодного оружия. Первая книга — «Инструкция по изготовлению огнестрельного и белого оружия» полковника Корпуса Императорской артиллерии Гаспара Котти — издана в 1806 г.¹ Вторая книга — «Производство фузеи “Модель 1777” на Императорской мануфактуре в Льеже» капитана Корпуса Императорской артиллерии Мишеля Дали — издана в 1810 г.² Большая часть первой книги посвящена технологии изготовления деталей и сборке фузеи обр. 1777 г. — основного оружия французской пехоты во время войн Французской республики и наполеоновских войн. Вторая книга также посвящена производству фузеи обр. 1777 г., но на конкретном предприятии — на Императорской мануфактуре в Льеже.

По мнению Гаспара Котти, такая техническая литература была необходима для оружейников, не имеющих возможности ознакомиться с передовыми технологиями оружейного производства, которые применялись на государственных предприятиях. Об этом он пишет в предисловии к книге как об одной из причин ее написания³.

Обратимся к истории развития конструкции и технологии производства фузеи обр. 1777 г.

Во Франции, начиная с 1717 г., последовательно принимались на вооружение различные модификации ружей с кремневым замком, усовершенствованным военным инженером маршалом

Себастьяном Вобаном⁴. Это модели 1717, 1728, 1763, 1766, 1770–1776 гг. Последним из этого модельного ряда стало пехотное ружье, принятое на вооружение в 1777 г. Модель 1777 г. производилась в драгунской, артиллерийской и морской версии, которые отличались длиной ствола и материалом прибора.

О качестве этого ружья свидетельствуют результаты экспериментов, проведенных в 1790 г. известным французским оружейником, контролером производства оружейной мануфактуры в г. Сент-Этьене Оноре Бланом⁵. Им было взято четыре серийных ружья, из которых произвели по 25 000 выстрелов. Осмотр состояния ружей после отстрела показал, что они могут продолжать службу⁶. Высокая надежность фузеи была достигнута благодаря внедрению Бланом новых технологий закалки деталей затка и заварки стволов.

В дополнение к этому Блан добился больших успехов в области обеспечения взаимозаменяемости деталей фузеи. Он использовал опыт внедрения взаимозаменяемости в производстве артиллерийских систем, разработанный генералом Грибовалем⁷.

Бланом была внедрена в производство типовая технологическая оснастка для механической обработки деталей, калибры и образцовые детали (мастер-модели). Детали неоднократно контролировались в процессе обработки и при приемке. Введенная им технология позволяла получить допуски размеров, обеспечивающие достаточный для таких изделий, как фузея 1777 г., уровень взаимозаменяемости.

Чтобы показать потенциальные возможности взаимозаменяемости, Оноре Блан в присутствии приглашенных им политиков, ученых и военных произвел сборку фузей из выбранных произвольно деталей 1000 изготовленных и разобранных ружей. Однако возможности взаимозаменяемости тогда не были оценены. Влиятельные люди посчитали, что взаимозаменяемость ружейных деталей упрощает их обработку и может привести к бесконтрольному производству оружия.

Таким образом, при качественном изготовлении деталей и сборке, своевременной замене изнашивающихся частей и хорошем уходе это ружье было практически вечным. Его срок службы устанавливался в 50 лет.

Благодаря своим качествам французская фузея обр. 1777 г. послужила аналогом для стрелкового оружия многих государств (для австрийского мушкета обр. 1798 г., русского пехотного

ружья обр. 1808 г., прусского мушкета обр. 1809 г., американского мушкета «Спрингфильд» обр. 1812 г.).

Модель 1777 г. оставалась в эксплуатации, по крайней мере, частично, до середины 1840-х гг.

Стоит отметить, в Льеже, чтобы квалифицировать ценного оружейного мастера, говорили: «он сделал работу качественно, он сделал 1777». Во второй половине XIX столетия производители оружия по-прежнему использовали термин «качество 1777».

Огромный рост численности вооруженных сил Французской республики во время революционных войн обусловил большие потребности в оружии, в частности, в ружьях. Декретом Комитета общественного спасения от 23 января 1793 г. предписывалось «принять все необходимые меры, чтобы организовать производство оружия, достойное порыва и энергии французского народа...»⁸.

В результате оружие, в том числе и «усовершенствованную» фузею 1777 г. (ружье республиканской модели № 1⁹) производили массово с привлечением большого количества низкоквалифицированных работников, что снижало качество оружия.

С началом наполеоновских войн рост численности армии и потери оружия в ходе боев снова потребовали повышения производительности оружейного производства. Как писал Наполеон: «Большая битва, такая как Аустерлиц, стоит, по меньшей мере, двенадцати тысяч ружей, — длительные марши также приводят к значительным потерям ружей. За два года мы их потеряли 60 тысяч...».

При этом с целью повышения качества поставляемого в армию оружия в оружейном производстве был установлен строгий порядок.

Императорский декрет 30 сентября 1805 г. предписывал: «Никакой предмет вооружения или его часть, каково бы ни было его предназначение, не может быть произведен где-либо, кроме как на Императорских оружейных мануфактурах, и только с предварительного разрешения военного министра»¹⁰. Однако такие меры привели к снижению количества производимого оружия.

Поэтому для усиления оружейного производства после присоединения в 1795 году княжества Льеж к Французской республике льежское оружейное дело было постепенно развернуто в сторону выпуска оружия для французской армии.

К концу XVIII — началу XIX столетия производство военного оружия в Льеже было монополизировано путем ряда махинаций оружейным фабрикантом Жаном Гузейном¹¹. В 1792 г. он основал оружейную фабрику, которая в 1799 г. стала Национальной оружейной мануфактурой. В 1801 г. он получил «исключительную привилегию» на поставку оружия для французской армии, в том числе фузей обр. 1777 г. В мае 1804 г., когда Наполеон был провозглашен императором, Гузейн изменил название своей фабрики. Она стала называться «Императорская оружейная мануфактура».

Императорские оружейные мануфактуры являлись формой рассеянной мануфактуры. Основные работы, к примеру, сверление стволов, сборка и контроль готового ружья выполнялись непосредственно на территории фабрики, а отделка стволов, деталей замка и прибора — в домашних мастерских работниками разного уровня квалификации.

Труды полковника Гаспара Котти и капитана Мишеля Дали описывают передовые технологии французских оружейных предприятий и оружейной мануфактуры Льежа, применявшиеся в начале XIX столетия.

Работа полковника Котти состоит из трех частей.

Первая часть посвящена материалам, используемым в оружейном производстве. Рассмотрены вопросы определения пригодности сортов железа и цветных металлов для изготовления ствола, деталей замка и прибора. Подробно описаны технологические процессы улучшения и термообработки железа и стали: цементация, закалка, отпуск и отжиг. Указаны части замка, которые цементируются и закаливаются. Перечислены детали, нагреваемые при термообработке в горнах и отдельно в свинцовых ваннах. Даны цвета побежалости нагретых деталей при всех видах термообработки. Описаны методы определения готовности нагретых ствольных трубок к заварке. Приведены результаты лабораторных исследований состава металла для частей ружейного прибора.

Показаны признаки, по которым определяется годность древесины, идущей на изготовления ложей, и описан процесс ее подготовки перед использованием.

Сделана оценка возможности применения того или иного горючего материала при термообработке деталей замка и заварке стволов: древесного, каменного, искусственного угля (кокса) и

торфа. Приведены признаки, по которым должна оцениваться годность угля: цвет, блеск, звук, степень сухости, ломкость и размеры кусков. Перечислены вредные примеси, содержащиеся в горючих материалах, отрицательно влияющие на качество ружейных деталей.

Весьма интересна оценка годности кремня по цвету: «Кремни могут отличаться по цвету: серые, светлые и коричневые. Из них лучшие — прозрачные без пятен. Такие кремни долговечнее и дают хорошую искру. Хороший кремень выдерживает около 50 выстрелов»¹².

В разделе «Как делать ружейные патроны» даны сведения по определению годности свинца для пуль и типах бумаги для гильз, по раскройке бумажных листов, их свертыванию и по контролю размеров патронов. Размеры и форма патрона контролировались калибрами¹³.

Во второй части подробно описана технология изготовления и методы контроля ствола, деталей замка и прибора пехотной фузеи модели 1777 г. Описание дано в виде маршрутной технологии.

Описаны технологии изготовления ствола, начиная от подготовки ствольной заготовки в виде полосы, ее сгибания в трубку, заварки трубки кузнечной сваркой и кончая обработкой канала ствола и его наружной части.

Приведены способы и инструменты для контроля ствола: его размеров, кривизны, наличия микротрещин и испытания стрельбой.

Аналогично описаны технологии обработки отдельных деталей замка, а также шомпола, штыка и ложки.

В третьей части дается расчет штучного времени на изготовление фузеи и потребности в рабочей силе.

Работа капитана Дали не охватывает все аспекты производства. Он описывает технологии конкретного оружейного производства одного из ведущих предприятий — льезжской оружейной мануфактуры. Им рассматривается только обработка приклада, монтаж замка, ствола, шомпола, деталей прибора, а также порядок контроля изделий. В работе очень подробно описаны процессы выбора древесины, ее разделки, сушки и подготовки к обработке¹⁴. В отличие от Котти, он приводит операционную технологию, например, порядок доработки ложки при монтаже на ней металлических деталей. Этот процесс производился в следующей

последовательности: установка затыльника, установка ствола с казенным винтом, обработка гнезда под замок, обработка паза под шомпол, врезание колец, доработка паза под шомпол, врезка шомпольной пружины, врезка скобы, вставка спуска, установка трех пружин.

Так же подробно описан порядок контроля фузеи. Вначале ружье разбиралось. Осматривалась ложа, затем ствол со штыком, замок, шомпол и детали прибора. После осмотра деталей освидетельствовалась фузея, собранная контролером.

Кроме описания технологий автор представил полный перечень и описание кузнечного, металлорежущего, деревообрабатывающего и измерительного инструмента, снабдив его рисунками¹⁵.

Таким образом, изучив содержание работ полковника Котти и капитана Дали, можно с высокой степенью вероятности предположить, что они могли быть востребованы существующим на то время оружейным производством. Например, для ознакомления работников невысокой квалификации с передовым опытом в оружейном деле.

Современному исследователю эти работы дают возможность сравнить и скоординировать во времени оружейные технологии, применяемые на различных предприятиях, и не только в одной стране.

К примеру, в начале XIX столетия по технологии оружейной мануфактуры в Сент-Этьене полоса для ствольной заготовки отрезалась по размеру, а по технологии Тульского оружейного завода — по весу. В первом случае мог быть либо избыток материала, что вело к утолщению стенок ствола и дополнительной механической обработке, то есть потере времени, либо недостаток материала, что приводило к размерам ствольной заготовки, слишком близким к размерам готового ствола. При этом на готовом стволе могла образоваться «невыхожалость» (недоработка части поверхности вследствие недостаточного припуска на механическую обработку). Во втором случае этого не было, так как отрезанная по весу заготовка при ковке вытягивалась в заданные размеры. Но в это же время на Тульском оружейном заводе заготовка ствола изготавливалась из двух частей — дульной и казенной, что было не технологично. Технология изготовления ствола из одной заготовки на Тульском оружейном заводе была внедрена не ранее 1817 г. В Бирмингеме уже в конце XVIII столетия полосы для ствольной

заготовки отрезались от прокатанного листа металла. При этом прокатка обеспечивала и высокую производительность, и структуру металла, дающую стволу необходимую прочность.

Что касается горючих материалов, то в начале XIX столетия на российских оружейных предприятиях использовался только древесный уголь. Во Франции применялся не только древесный, но и каменный уголь, но в ограниченных количествах. В Британии использовался в основном каменный или искусственный уголь (кокс).

¹ Gaspard H. Cotty (1772–1839). *Memoire sur fabrication des armesportatives de guerre* (в 1822 г. генеральный директор Королевских оружейных производств).

² Michel F. Dale (1780–1813). *La fabrication du fusil “Modele 1777” a la Manufacture Imperiale d’Armes de Liege en 1810* (в 1810–1812 гг. офицер по приему оружия на Императорской оружейной мануфактуре в Льеже).

³ Gaspard H. Cotty *Memoire sur fabrication des armesportatives de guerre*. С. VII.

⁴ Sébastien Le Prestre, marquis de Vauban, 1633–1707.

⁵ Honoré Blanc (1736–1801), *contrôleur principal des manufactures*.

⁶ Соколов О.В. *Армия Наполеона*. СПб.: Издательский дом «Империя», 1999. С. 149.

⁷ Jean-Baptiste Vaquette de Gribeauval (1715–1789).

⁸ Соколов О.В. *Армия Наполеона*. С. 141.

⁹ Ружье республиканской модели № 1 по конструкции аналогично фузее 1777 г., но представляло собой смесь деталей от ружей различных систем. Отличалось низким качеством изготовления.

¹⁰ Соколов О.В. *Армия Наполеона*. С. 141–142.

¹¹ Jean Gosuin (1745–1808).

¹² Gaspard H. Cotty. *Memoire sur fabrication des armesportatives de guerre*. С. 21–23.

¹³ Там же. С. 20–21.

¹⁴ Michel F. Dale. *La fabrication du fusil “Modele 1777” a la Manufacture Imperiale d’Armes*.

¹⁵ Там же. С. 29, 39, 45.

У.К. Мусаева (Симферополь)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ Крыма сконцентрировало не один масштабный военный конфликт, имевший последствия как регионального, так и общегосударственного или международного значения. С момента присоединения Крыма к Российской империи полуостров стал играть ведущую роль в геополитическом регионе Черноморского бассейна, исполнять роль южного форпоста военного, экономического и культурного потенциала государства. В этом контексте военные конфликты, затрагивавшие Крым, неизбежно оставляли масштабные материальные свидетельства исторического и культурного значения, представлявшие интерес с исследовательской, популяризаторской и памятникоохранительной стороны.

Сама по себе идея сохранения памятников военного характера появилась после окончания Крымской войны (1853–1856) — первого и единственного конфликта основных мировых держав, центром и основным театром военных действий которого стал полуостров. Сохранившиеся памятники фортификационного и крепостного характера (здания казарм, батарей, места расположения кораблей флота), монументальной архитектуры и скульптуры (памятные знаки и памятники основным руководителям и участникам обороны Севастополя (1854–1855) значительный документальный и наглядный материал (официальная документация и переписка, образцы военной формы и наград, личные бумаги участников событий), вещественные атрибуты жизни защитников Севастополя были неисчерпаемым источником для создания соответствующих тематических коллекций. Создание музейных учреждений специализированного профиля стало

прерогативой общественной инициативы, выдвинутой широкими кругами ветеранов Крымской войны.

Возвращение Севастополю статуса военной базы Черноморского флота в 70-е гг. XIX в. сделало город активным участником событий Первой мировой войны (1914–1918). Значительная политизация матросов и офицеров в годы революционных событий и Гражданской войны (1917–1921) также способствовала появлению и сохранению большого объема свидетельств и материальных объектов музейного значения для изучения данных периодов истории Крыма. После установления Советской власти и начала процесса активного формирования государственной музейной сети выделение данных памятников в особое направление музейной работы стало совершенно логичным и обоснованным.

Концентрация и значение памятников военной истории Крыма досоветского периода, необходимость их сохранения и популяризации стали основным мотивом становления и деятельности военно-исторических музейных учреждений в регионе. Инициатива увековечения памяти героев обороны Севастополя в ходе Крымской войны принадлежала самим участникам событий и была реализована в форме создания Музея Севастопольской обороны, который был открыт в 1869 г. Учреждение может считаться первым музеем в Крыму, которое осуществляло не только экспозиционную, но и значительную исследовательскую работу. В декабре 1895 г. было определено исследовательское назначение музея, что отразилось в изменении названия: Военно-исторический музей Черноморского флота, что также можно считать первым примером создания постоянного профильного специализированного учреждения в регионе. Значительную помощь в организации экспозиции оказывала работа специальной комиссии, которая занималась присылкой документов и вещей со всей страны. Огромное значение для завершения становления Военно-исторического музея Черноморского флота как профильного комплекса имела организация Панорамы «Штурм 6 июня 1855», в центре которой использовалось батальное полотно художника Ф.А. Рубо. Открытие этого подразделения музея состоялось в 1905 г. и способствовало значительному всплеску внимания посетителей к работе музея и необходимости сохранения памятников обороны 1854–1855 гг. как его основной материальной составляющей¹.

После установления Советской власти музейное учреждение продолжило свою работу. Архивные документы фиксируют первоначальное наименование — Музей Севастопольской обороны 1854–1855 гг. Он был вновь открыт для посетителей 17 апреля 1922 г. В организации деятельности учреждения значительную роль сыграл особый принцип руководства музейными учреждениями, осуществленный в Севастополе в 20-х гг. XX в. Он выражался в централизованном принципе администрирования. Самостоятельный характер носил только Музей раскопок в Херсонесе, его филиалом назывался Музей Севастопольской обороны, а Панорама штурма Севастополя 6 июня 1855 г. была вспомогательным учреждением при Музее Севастопольской обороны. Всеми тремя учреждениями руководил заведующий Севастопольским ОХРИСом Лаврентий Алексеевич Моисеев. В апреле 1922 г. были выделены средства на реставрацию переднего плана полотна Панорамы. Начались и другие необходимые ремонтные работы: на Историческом бульваре привели в порядок помещения ресторана, ограды и оранжерей, в Музее обороны и Панораме были заменены кровельные фонари². В специальной анкете о состоянии музейных объектов, заполненной по запросу Музейного отдела Главнауки, Л.А. Моисеев отмечал, что Музей Севастопольской обороны располагался в отдельном здании по адресу: ул. Екатерининская, д. 9, указывался филиальный статус музея. Временем создания как постоянно действующего учреждения назывался 1871 г., переезд в отдельное помещение был осуществлен в 1895 г. Согласно данным сметы, отраженным в анкете, на содержание музея на 1923 г. было выделено 1 717 124 рубля. Ответственным лицом учреждения был назван Л.А. Моисеев, в штате музея числились также: хранитель, смотритель зданий и трое служителей. Профиль музея определялся как исторический и бытовой, в нем находилось 2147 экспонатов, сосредоточенных в трех отделах — общем, пушечном и историческом. Вспомогательные службы были представлены библиотекой и архивом, исследовательская деятельность заключалась в регистрации коллекций. За 4 месяца 1922 г. (апрель–август) музеем посетило 1870 человек³.

По Панораме штурма Севастополя 6 июня 1855 г., которая была названа подразделением Музея Севастопольской обороны, отмечалась следующая информация: дата основания — 14 мая 1905 г., констатировалось наличие собственного специального

помещения на Историческом бульваре. Бюджет панорамы регулировался общим бюджетом музея и был заложен в него отдельным пунктом. В штате состояло пять человек: хранитель, старший служащий, два служителя, кассир. Специализация учреждения определялась как «художественная военно-бытовая картина», в нем выделялись два отдела — эскизов (42 экспоната) и фигур героев (29 экспонатов). Отмечалось, что на протяжении 1922 г. делалась реставрация ряда эскизов и ремонтные работы по остеклению и обновлению дверей и входов. Посещаемость в апреле–августе 1922 г. составила 10 010 человек⁴. В 1923 г. архитектором О.И. Энбергом был спроектирован и выполнен ремонт дорожек Исторического бульвара. Помимо организационной, активизировалась и научная и просветительная работа, в 1922 г. была составлена «научная программа экскурсий по истории и природе Крыма в Севастопольском районе»⁵. С целью популяризации работы музеев в следующем, 1923 г. совместно с Домом просвещения Союза работников просвещения при Севастопольском ОХРИСе было организовано экскурсионное бюро⁶.

Особенности управления севастопольскими музеями в полной мере отразились в конфликте их руководителя Л.А. Моисеева с руководством КрымОХРИСа в 1924 г. Л.А. Моисеев в январе 1924 г. подал прошение о научной командировке в Москву и Петроград. Поездка предполагала согласование многих административных вопросов, и 8 марта 1924 г. он выехал в Москву. В его отчете о командировке нашли отражение результаты почти двухмесячной поездки⁷. Директором севастопольских музеев были прочитаны шесть докладов в различных научных организациях. Л.А. Моисеев отмечал, что в результате докладов и личных бесед с членами научных и управленческих органов все «поручения и неотложные вопросы музейного строительства были выполнены и разрешены в желательном для дела смысле»⁸. В частности, он принимал участие в заседании правления РАИМК, на котором рассматривался проект первой Археологической научно-исследовательской станции в Херсонесе. Предложения директора музея были одобрены, Л.А. Моисееву поручалось провести переговоры по организационным вопросам со всеми центральными и местными органами власти. На состоявшемся 10 апреля 1924 г. заседании Президиума Музейного отдела Главнауки было решено до учреждения станции организовать при музее кабинет

научных исследований для приезжающих специалистов с общежитием для их проживания. На том же заседании было принято «Положение о Херсонесском музее и раскопках». В нем отмечалось, что до окончательного освобождения зданий монастыря музейные материалы, которые должны были быть реэвакуированы из Харькова, следовало разместить в здании Дома-музея Л.Н. Толстого. Утверждены были смета и план не имеющего аналогов девятитомного издания о раскопках Херсонеса. Кроме того, была одобрена смета на расходы по ограждению городища (до 6000 рублей), средства на которую было решено выделить за счет «чугунного фонда», передаваемого дирекции музея, с вычетом 10 %. Покинув 24 апреля 1924 г. Москву, Л.А. Моисеев отправился в Харьков, где произвел прием и реэвакуацию 25 ящиков с коллекциями из севастопольских музеев, отправленными туда еще в 1914 г. Однако, вернувшись в Севастополь, он узнал, что закрепленный за музеем по разрешению Музейного отдела Главнауки «чугунный фонд», хранившийся на особом текущем счету музейной дирекции в Госбанке, был переведен на счет Управления уполномоченного Музейного отдела по Крыму, т. е. — в распоряжение КрымОХРИС. Уже утвержденный проект возведения ограждения и все другие вопросы о Херсонесе должны были быть пересмотрены Ученым совещанием КрымОХРИСа. Подобный перевод вопросов, уже решенных в Музейном отделе Главнауки, в ведение крымских органов управления музейным делом вызвал протест Л.А. Моисеева. В начале мая 1924 г. он написал письмо Н.И. Троцкой с просьбой урегулировать конфликт и вернуть утвержденный фонд в распоряжение севастопольских музеев⁹.

Действия КрымОХРИСа отражали его стремление к централизации управления музейным делом на полуострове. Недовольство симферопольских чиновников — А.И. Полканова и Я.П. Бирзгала — постоянными стремлениями Севастопольского городского ОХРИСа к самостоятельности проявлялось еще в 1922 г. на I Крымской музейной конференции. Дискуссия между данными учреждениями была острой: при обсуждении вопроса о необходимости дальнейшего существования КрымОХРИСа севастопольская делегация (а конференция проходила на их территории) высказывалась за прямое подчинение основных музеев Главнауке в Москве. А.И. Полканов же отмечал, что сохранение органа управления в центре Крыма необходимо, чтобы проводить те сокращения финансирования, «чтобы не давать

возможности отдельным, более расторопным учреждениям добывать средства непосредственно из Центра в ущерб другим, более скромным»¹⁰. В данном случае имелось в виду сокращение штатов Севастопольского ОХРИСа с 54 до 40 человек, проведенное в связи с переводом крымских музеев на госбюджет¹¹. Кредиты, выделявшиеся из Москвы по госбюджету, КрымОХРИС предлагал перераспределять через Симферополь, учитывая интересы учреждений всех крымских городов, поскольку центр «не знает местных условий». Как пример, приводился факт, что «в Севастополе имеются кое-какие местные доходы, а в Евпатории, Симферополе, Бахчисарае — никаких»¹². Вполне возможно, что А.И. Полкановым подразумевался как раз «чугунный фонд», хотя нельзя не обратить внимание и на то, что именно севастопольские музеи, и в первую очередь — Музей обороны и Панорама, продолжали полноценную экспозиционную и экскурсионную деятельность, которая и приносила основной самостоятельный доход. Положение же раскопок в Херсонесе еще не было окончательно определенным, постоянное музейное учреждение там еще создано не было. Как бы то ни было, но на требование Л.А. Моисеева в 1924 г. вернуть право распоряжения этими средствами Херсонесу новый уполномоченный КрымОХРИСа по Севастопольскому району К.Э. Гриневиц ответил отказом, ссылаясь на проводимую «концентрацию бухгалтерии всех совмузеев»¹³.

Стремление к концентрации средств, а также к общему усилению централизации управления было общегосударственным явлением в то время. Кроме того, проявлялись новые тенденции в кадровой политике подбора руководящих кадров в музеях. Осознание значимости роли музеев в пропаганде советской идеологии привело к пониманию, что для успешного выполнения этой функции необходимы соответствующие политически подготовленные кадры в штате музейных сотрудников. Присутствие же среди музейщиков представителей дореволюционной интеллигенции расценивалось как лишнее и даже вредное. И если в Музейном отделе Главнауки, державшемся на авторитете лояльной к интеллигенции Н.И. Троцкой, провести подобную смену кадров было затруднительно, то на местах с такой задачей без труда справились местные партийные и советские активисты. Так произошло и в Севастополе, когда в 1924 г. практически весь состав правления местного ОХРИСа был смещен, а против

прежних его деятелей было возбуждено уголовное преследование¹⁴.

Документация Севастопольского ОХРИСа была опечатана, в музеях были назначены новые временные заведующие. 17 июля 1924 г. Севастопольским отделением ГПУ был арестован бывший директор всех севастопольских музеев Л.А. Моисеев¹⁵. В августе 1924 г. научный сотрудник Дома-музея Л.Н. Толстого М.Д. Брылкин и хранитель Музея обороны А.С. Заньковский были привлечены к уголовной ответственности за злоупотребления властью, подобные действия карались лишением свободы, или принудительными работами на срок до 1 года, или отстранением от должности¹⁶. Пострадал от преследований и военный архитектор О.И. Энберг, которого в 1924 г. по ложному доносу обвинили во вредительстве и он тоже попал в заключение¹⁷.

Произошедшее можно охарактеризовать как вполне продуманную и слаженную кампанию городских властей, тем более что дела некоторых из привлеченных были возбуждены задолго до их официального ареста. Например, еще в марте 1924 г. А.И. Полканов ходатайствовал о приостановлении выселения М.Д. Брылкина из пределов Крыма и оставлении его на службе. Заведующий КрымОХРИСом дал вполне положительную характеристику данному сотруднику: «весьма добросовестно относился к своим обязанностям, отличался особой исполнительностью и всегда выражал полное сочувствие Советской власти»¹⁸. К ходатайству прилагались копии личного заявления и анкеты М.Д. Брылкина. В них сотрудник Севастопольского ОХРИСа докладывал, что с него «как бывшего офицера» Севастопольским особым отделом ГПУ была взята «подписка о выезде из пределов Крыма, что ставило его семью, не имеющую никакого имущества и живущую на скромное жалование, в безвыходное положение»¹⁹. К сожалению, факт последующего ареста М.Д. Брылкина подтверждает, что обращение было тщетным.

Что касается Л.А. Моисеева, то в его защиту уже после ареста высказался руководитель РАИМК академик Н.Я. Марр. В конце августа 1924 г. он отправил в Музейный отдел Главнауки характеристику, содержащую следующую оценку деятельности бывшего директора (учитывая специфику деятельности РАИМК, она была посвящена работе исследователя с памятниками Херсонеса): «[Л.А.] Моисеев за 6 с лишком лет успел лучше, чем кто-либо другой, ознакомиться с состоянием Херсонеса

и его памятников... он предан своему делу... состояние Херсонеса удовлетворительно в настоящее время, что, видимо, должно быть приписано заботам о Херсонесе Моисеева». Однако поверх данной характеристики стоит следующая резолюция от 19 октября 1924 г.: «ревизия, произведенная Музотделом, нашла ведение дел товарищем Моисеевым далеко не так удовлетворительно»²⁰.

Произведенные аресты дали повод для коренного пересмотра музейной сети Севастополя и ее реорганизации на новых идеологических основах, причем внимание к подобным переменам уделялось городской прессой. Так, 8 июня 1924 г. в официальном органе городских властей вышла статья заведующего Севастопольским городским отделом народного образования А.А. Флодина «По нашим музеям», посвященная Музею обороны и Панораме. По мнению автора, в эпоху, когда история уже не служит прославлению «разных генералов на белых конях», а отражает истинную науку — «историю развития экономических отношений, столкновения интересов капиталистических стран», музей, подобному Музею обороны в его прежнем виде, «в городе не место». Чтобы музей «дышал жаром современности», в первую очередь рекомендовалось убрать «ура-патриотические» плакаты, вроде «Слава безвестным героям», «от которых прет такой ложью и лицемерием, что становится тошно», ведь при осмотре убеждаешься, что трагедия этого солдата осталась ничем не отмеченной. Далее предлагалось очистить музей от портретов царей, а вместо них повесить диаграммы, отражающие экономико-политические взаимоотношения государств. Только после подобных перемен, по мнению автора, музей мог стать полезным для посетителей. Панораме повезло больше, полотно признавалось объективно отражающим все тяготы войны²¹.

К сожалению, к аналогичным выводам пришла комиссия, обследовавшая Музей 13 августа 1924 г.²², т. е. уже после ареста бывшего хранителя музея А.С. Заньковского. Комиссия в составе четырех работников Севастопольского ОХРИСа (в том числе и новой заведующей музеем Е.Д. Шахбазьян) осмотрела помещения и пришла к заключению, что «со времени водворения советской власти в музее ни разу не составлялось каталога и не велась инвентаризация имущества», единственной оставалась опись еще досоветского времени. К тому же комиссия обнаружила, что в витринах центрального зала «до сих пор как реликвии находятся царская и генеральская одежда, фотоснимки

генералов и офицеров, которые насчитываются сотнями», и что огромные царские портреты, хоть и затянуты тканью, но до сих пор находятся на прежних местах. Комиссией было установлено, что из музея не был убран «уголок Александра II» — с его снимками, гипсовой рукой и личными вещами. В нижних витринах «без счета и учета» хранились вещи военного обихода, гравюры и письма на французском языке, а на стенах музея были обнаружены две православные иконы. В результате иконы были сняты, а все витрины опечатаны. Музей был закрыт на полную реорганизацию²³.

Прошедшая в сентябре 1924 г. в Севастополе III конференция крымских музейных работников это решение одобрила. В ее резолюции содержалось предложение реорганизовать музей в Военно-исторический с более широкими задачами, в соответствии с которыми нужно было создать в нем отделы, «характеризующие социальные основы, бытовые особенности и захватные стремления» войн 1854–1855 гг., Первой Мировой войны и периода иностранной интервенции на территорию Крыма в годы Гражданской войны. Панораму Севастопольской обороны следовало использовать в качестве «орудия пропаганды против буржуазного милитаризма»²⁴.

Резолюции конференции принимались уже в новом составе Севастопольского ОХРИСа. Делегацию от города возглавлял новый заведующий — К.Э. Гриневич. Выступая с докладом на конференции, он не располагал необходимыми конкретными цифровыми данными²⁵. Новый глава городского ОХРИСа отметил в своем выступлении слабую организацию работы при прежнем руководстве и не соответствующий идеологии марксизма подход в формировании экспозиций музеев. Затем К.Э. Гриневич проанализировал текущее состояние дел в городских музеях. В частности, остановился на причинах, побуждавших к проведению полной реорганизации Музея обороны. По его мнению, в музее «повсюду чувствуется культ офицерства, царя и поповства», поэтому для переоформления экспозиции «на марксистских началах» была назначена комиссия под руководством одного из организаторов критики севастопольских музейщиков А.А. Флодина. В докладе обращалось внимание на необходимость организации переподготовки музейных сотрудников, особенно из числа «сторожей-объяснителей» для работы на Историческом бульваре и в Панораме. Резолюция была следующей: «пересмотреть штаты

сторожей и руководителей на предмет удаления старорежимного элемента»²⁶.

При обсуждении доклада в адрес Севастопольского ОХРИСа и его нового заведующего посыпались резкие нападки со стороны представителей Севастопольского исполкома. К.Э. Гриневич смог доказать свою невиновность в проступках прежней администрации. В отчете о проделанной работе, предоставленном в Музейный отдел Главнауки²⁷, он пояснил руководящему органу причину сложившихся напряженных отношений между местным ОХРИСом и исполкомом. По его словам, по прибытии в Севастополь он встретил резко неприязненное отношение к ОХРИСу и его личному составу со стороны местных властей и партийных организаций. Местные органы, по мнению К.Э. Гриневича, не устраивала, во-первых, «постановка музейного дела с идеологической стороны», во-вторых, система прямого подчинения Севастопольского ОХРИСа через КрымОХРИС Музейному отделу Главнауки, несмотря даже на наличие конфликта интересов у бывшего заведующего Л.А. Моисеева с А.И. Полкановым и Я.П. Бирзгалом²⁸. По мнению К.Э. Гриневича, Севастопольскому городскому исполкому давно был нужен повод для вмешательства в дела СевОХРИСа, данные обстоятельства были расценены как возможность обратиться в центральные органы власти с предложением подчинить местный ОХРИС Севастопольскому отделу народного образования во главе все с тем же А.А. Флодиным²⁹.

Стремление местных властей поставить работу городского ОХРИСа под свой контроль в итоге полностью реализовать не удалось, однако позволило существенно ограничить его полномочия. Добившись ареста прежних руководителей ОХРИСа, Севастопольский исполком принял постановление о назначении комиссии финансового отдела (Севрайфинотдела) «для обследования денежных дел и выяснения сумм расходов СевОХРИСа»³⁰. Была проведена подробнейшая ревизия деятельности Севастопольского ОХРИСа (с 12 сентября 1924 г. по 31 января 1925 г.), затронувшая не только финансовые вопросы, но и другие направления работы за весь период деятельности данного учреждения. По результатам работы комиссии Севрайфинотдела был составлен «Акт ревизии Севастопольского ОХРИСа от 31 января 1925 года»³¹. К.Э. Гриневич устранился от участия в работе данной комиссии,

на период ревизии он оформил через КрымОХРИС отпуск и уехал в Москву и Ленинград. Активное участие в проведении ревизии приняла Евгения Давыдовна Шахбазьян, заместитель К.Э. Гриневича по СевОХРИСу, преемница Л.А. Моисеева на посту заведующего Музеем Севастопольской обороны, Панорамы и памятников Крымской войны.

Заключительный акт ревизионной комиссии отрицательно характеризовал деятельность Севастопольского ОХРИСа, подчеркивая персональную ответственность за выявленные нарушения «главных действующих лиц прежней администрации», к моменту проведения обследования уже арестованных. Впоследствии освобожденный из-под стражи в декабре 1924 г. Л.А. Моисеев, ознакомившись с положениями акта, написал в Главнауку отзыв, в котором оспорил все пункты выдвинутых обвинений³². Сопоставление текстов акта ревизии с отзывом Л.А. Моисеева позволяет говорить о бездоказательности многочисленных обвинений в адрес работников ОХРИСа. Прежде всего, по мнению Л.А. Моисеева, ревизоры превысили свои полномочия и вышли за рамки поставленных перед ними задач. Ревизия должна была касаться состояния «денежных и материальных капиталов, их хозяйственного применения, состояния проведения в жизнь декрета о спецсредствах». Вместо этого ревизоры проводили оценку исследовательской деятельности, обследовали научные и художественные фонды музеев, на что не имели соответствующих полномочий и компетенции³³. Действительно, порядку расходования денежных средств в акте посвящена только первая часть документа. Остальной текст содержит заключение ревизионной комиссии об условиях хранения предметов в фондах ОХРИСа, состоянии ведения инвентарных описей и по прочим вопросам внутренней организации деятельности учреждения. Члены комиссии не смогли избежать личных нападок в адрес служащих Севастопольского ОХРИСа.

Обвинения в адрес Л.А. Моисеева касались его руководства всеми музейными учреждениями Севастополя. Прежде всего, ему ставили в вину отсутствие «даже следа какой бы то ни было инвентаризации» предметов, извлеченных из раскопок с 1914 по 1924 г. Однако следует отметить, что в указанный период на территории Херсонеса не производилось никаких масштабных раскопок. Была проведена небольшая разведка Херсонесского акрополя летом 1922 г., о которой сообщалось в годовом отчете

ОХРИСа, и, как в своем отзыве утверждал Л.А. Моисеев, все находки были описаны³⁴. Ревизионная комиссия констатировала, что «в Херсонесе, Музее Оборона и в других исторических местах СевмузОХРИСа за 4 года существования Советской власти в Крыму не было инвентаризации»³⁵. В отзыве Л.А. Моисеева данное заявление объявлялось ложным. Относительно Музея обороны, по словам бывшего заведующего, имелась опись, доведенная А.С. Заньковским к моменту ареста до 700-х номеров³⁶. Л.А. Моисеев напоминал в отзыве, что опись музейных коллекций в Херсонесе была отложена до окончательного переезда в монастырские здания, помещения которых начали освобождаться Собесом и комсоставом только летом 1924 г. Однако, эти факторы, безусловно тормозившие проведение инвентаризации, ревизионной комиссией не учитывались.

Таким образом, функционирование специализированного музейного учреждения военно-исторического профиля в Севастополе в 20–30-е гг. XX в. было сопряжено с постоянным противодействием городских властей, стремившихся контролировать экспозиционную и исследовательскую деятельность учреждения. Первоначально конфликт интересов затронул всю систему управления музеями Севастополя, сосредоточенного в руках городского ОХРИСа, подчинявшегося КрымОХРИСу и Музейному отделу Главнауки. Такая схема организации работы давала возможность заведующему ОХРИСом Л.А. Моисееву добиваться своевременного финансирования работы, что позволяло организовать качественную охрану памятников. Конфликт Л.А. Моисеева с руководством КрымОХРИСа и Севастопольским горисполкомом привел к фактическому разгрому городского ОХРИСа и уголовному преследованию большинства его сотрудников. Однако попытки реорганизовать и переподчинить Музей обороны Севастополя не увенчались успехом, несмотря на усилия городских властей. Идея создания Военно-исторического музея в Севастополе на базе Музея обороны Севастополя и Панорамы на рубеже 20–30-х гг. XX в. была призвана подчеркнуть специфику учреждения, дать более широкий контекст его работе: в экспозицию должны были войти материалы по истории Первой Мировой и Гражданской войн, иностранной интервенции. Однако ни эта форма, ни вариант продолжения функционирования музея как Музея Красной Армии и Флота не имели продуктивного развития. В 30-е гг. XX в. он

существовал как выставочное и экспозиционное учреждение под названием Музея Крымской войны в составе Севастопольского музейного объединения. Данные обстоятельства не способствовали качественному развитию его работы, по сути — стали причинами сворачивания любых исследовательских инициатив и дальнейшего расширения экспозиции.

¹ Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX — начало XX века): биобибл. иссл. Симферополь, 2000. С. 197–202, 280–282.

² Государственный архив в городе Севастополе. Ф. Р-420. Оп. 1. Спр. 78. Л. 17.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 130. Л. 249.

⁴ Там же. Л. 250.

⁵ Государственный исторический музей Российской Федерации, отдел письменных источников. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1007. Л. 17 об.

⁶ Там же. Д. 996. Л. 20.

⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 192. Л. 176 об. – 177.

⁸ Там же. Л. 177.

⁹ Там же. Л. 176–176 об.

¹⁰ Государственный исторический музей Российской Федерации, отдел письменных источников. Коллекция документов по музейному строительству. Оп. 1. Д. 996. Л. 93.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 316. Л. 337.

¹² Там же. Л. 280.

¹³ Бойцова Е.Е. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы. Севастополь: Рибэст, 2011. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 48, 49.

¹⁵ Государственный исторический музей Российской Федерации, отдел письменных источников. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1007. Документы музеев г. Севастополя, 1921–1927 гг. Л. 3 об.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 189. Л. 36.

¹⁷ Бойцова Е.Е. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы. С. 49.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 316. Л. 86.

¹⁹ Там же. Оп. 10. Д. 189. Л. 4–4 об.

²⁰ Там же.

²¹ Флодин Ал. По нашим музеям // Маяк коммуны. 1924. 8 июня. С. 3.

²² Государственный архив в городе Севастополе. Ф. Р-420. Оп. 1. Спр. 78. Л. 189.

²³ Там же.

²⁴ Государственный исторический музей Российской Федерации, отдел письменных источников. Оп. 1. Д. 996. Л. 120, 120а.

²⁵ Государственный архив в городе Севастополе. Ф. Р-420. Оп. 1. Спр. 58. Л. 192.

²⁶ Там же. Л. 201.

²⁷ Государственный исторический музей Российской Федерации, отдел письменных источников. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1007. Л. 1–8 об.

²⁸ Там же. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Государственный архив в городе Севастополе. Ф. Р-420. Оп. 1. Спр. 58. Л. 201.

³¹ Там же. Спр. 78. Л. 1–58.

³² Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 192. Л. 154–178.

³³ Там же. Л. 150, 154 об.

³⁴ Там же. Л. 168.

³⁵ Государственный архив в городе Севастополе. Ф. Р-420. Оп. 1. Спр. 78. Л. 35.

³⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 192. Л. 161 об.

*В.В. Наумов, А.М. Грунин,
А.А. Переведенцев (Санкт-Петербург)*

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ОРГАНОВ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С НАЧАЛОМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны возникли трудности с обеспечением войск специалистами тылового и технического профиля. Только для формирования соединений и частей тыла, проведенного в июле–декабре 1941 г. потребовалось более 100 тыс. человек, подготовленных для этой работы¹.

Возникшая в связи с войной обстановка вызывала необходимость перестройки всей системы подготовки кадров. В ведении Главного управления кадров Народного комиссариата обороны, в связи с этим, было оставлено только общее планирование подготовки органов военного управления (ОВУ) материально-техническим обеспечением (МТО) с учетом потребности в них различных родов войск. Что же касалось вопросов подготовки соответствующих специалистов, их подбора, расстановки и учета, то они возлагались на начальников центральных управлений тыла.

Уже 25 июля 1941 г. Главное управление кадров НКО разослало план выпуска командиров из военных академий и училищ на 1941–1942 гг., в соответствии с которым предусматривалось произвести досрочный выпуск слушателей и курсантов военных учебных заведений МТО, ввести новый порядок их комплектования, увеличить набор и перейти на сокращенные сроки обучения, развернуть в военных округах и во фронтах курсы усовершенствования и подготовки командного состава ОВУ МТО.

Интендантская академия РККА в июле–августе 1941 г. досрочно выпустила 924 слушателя. Военно-транспортная академия в ноябре 1941 — феврале 1942 г. произвела два досрочных выпуска слушателей основных факультетов и курсов. Всего — 1774 командира. Училища МТО из подготовленных в 1941 г. 11,9 тыс. командиров около 8 тыс. выпустили досрочно. Сроки обучения в вузах были сокращены в два раза и более².

В академиях и училищах вводился продленный рабочий день.

Подверглась коренной перестройке и система подготовки специалистов в военных академиях и училищах. Основные факультеты академий укомплектовывались за счет призванных в армию студентов 2–4 курсов гражданских институтов. Общеобразовательные дисциплины из учебных планов исключались. В июле 1941 г. в Интендантской академии были организованы курсы по подготовке специалистов МТО из числа людей, окончивших близкие по профилю гражданские учебные заведения и призванных в армию. Из них было сформировано девять рот слушателей интендантской и рота финансовой специальности общей численностью 2 тыс. человек со сроком обучения 3 месяца³.

В июле–августе 1941 г. в академиях и училищах МТО организованы курсы усовершенствования и переподготовки командного и начальствующего состава тыла. Такие же курсы создавались в военных округах и фронтах. Их главная задача заключалась в повышении военной и специальной подготовки кадровых военнослужащих, уже имевших в большинстве своем боевой опыт. На курсах осуществлялась и переподготовка командного и начальствующего состава, призванного из запаса и предназначавшегося для замещения тыловых и технических должностей в действующей армии. Кроме этих категорий на курсах готовилось большое количество младших специалистов МТО, проявивших себя умелыми организаторами и хозяйственниками. Многим из них позже присваивались офицерские звания⁴.

Поскольку потребность в ОВУ МТО постоянно увеличивалась в Интендантской академии с января 1942 г. были развернуты курсы усовершенствования высшего и старшего начальствующего состава. Система курсов, созданная в начале войны, позволила уже в первом ее периоде подготовить более 25 тыс. специалистов МТО⁵.

В связи с тем, что на фронте специалистов МТО все-таки не хватало, пришлось направлять в центральные органы МТО,

части и учреждения действующей армии и во вновь формируемые соединения опытных преподавателей военно-учебных заведений. В результате этого постоянный состав вузов МТО быстро сокращался. Так, только до 1 сентября 1941 г. из Интендантской академии было откомандировано 32 процента преподавателей. Их пришлось заменять слушателями-выпускниками. Даже ведущие циклы училищ МТО (тактические, технические, огневой подготовки) к началу сентября 1941 г. имели некомплект преподавателей до 40 процентов, и он продолжал расти. В связи с этим начальник Тыла Красной Армии приказал направлять на должности преподавателей в академии и училища квалифицированных специалистов из числа возвращающихся из госпиталей, а также офицеров старших возрастов из запаса и действующей армии⁶.

Особенно остро в первом периоде войны стоял вопрос с подготовкой младших специалистов МТО. В связи с этим пришлось пойти на крайнюю меру и организовать их подготовку в академиях и училищах тыла. Так, в Интендантской академии были организованы и успешно функционировали курсы поваров-инструкторов. В Ярославском интендантском училище на шестимесячных курсах было подготовлено 400 заведующих делопроизводством и 800 поваров. Автомобильные училища готовили шоферов и автомехаников, а ветеринарное — ковочных инструкторов и кузнецов⁷.

К середине второго периода войны укомплектованность войск и учреждений тыла Красной армии командными кадрами среднего и старшего звена возросла: по интендантским службам — до 92 процентов к штату, в остальных службах МТО — до 90 процентов⁸.

В июле 1943 г. приказом НКО были установлены новые сроки обучения слушателей и курсантов. В академиях они устанавливались, в основном, как довоенные, а в училищах увеличивались в 1,5–2 раза. К довоенному объему приближались и учебные программы⁹.

Учитывая, что многие слушатели, особенно прибывающие с фронтов, имели недостаточную подготовку, в академиях были организованы годовичные подготовительные курсы.

При этом особое внимание уделялось подготовке руководящих кадров — офицеров и генералов центрального и оперативного звеньев, как офицеров штабной культуры. Маршал Советского

Союза Б.М. Шапошников образно и точно определил роль штабов в названии своего капитального труда «Мозг армии». Штабы восполняют то, что не в состоянии выполнить один командир, а точнее — подготавливают почву для принятия решения. Затем на основе принятого решения они планируют, объединяют и координируют усилия всех, кто будет нужен для успеха боя, сражения, операции, чьи знания и организаторская деятельность могут быть использованы командованием в интересах решения поставленной задачи. Штаб организует и осуществляет всевозможные мероприятия, направленные на то, чтобы решение командира было полностью проведено в жизнь¹⁰.

С этой целью в процессе подготовки ОВУ МТО большое значение уделялось вопросу осознания офицерами и генералами важности одного из трудных этапов работы штабов — осуществления контроля выполнения поставленных задач.

«Хорошо разработанные директивы, приказы, планы и другие документы и указания должны быть точно и в срок выполнены, в противном случае грош им цена. В конечном счете, составление любого документа только начинало дело, главное же состояло в том, чтобы решение, которое в нем содержится, претворить в жизнь. К сожалению, в ходе войны было немало хорошо, по всем правилам спланированных операций, которые из рук вон плохо проводились, а то и совсем проваливались. Причин тому было много, но основная заключалась в плохой организации действий и отсутствии контроля на местах.

Контроль был нужен не только «внешний», т. е. на местах, в войсках, в органах, которые являлись исполнителями приказов, плана. Обязательно необходим был и «внутренний» контроль, который предусматривал в самом штабе установление сроков исполнения того или иного распоряжения, документа, помощи людям, составляющим план мероприятия или операции, проверку хода разработки документов. Без такого контроля эффективно действовать было нельзя. Каждый, даже слаженный и квалифицированный коллектив или отдельный, пусть самый умелый и дисциплинированный исполнитель требовали контроля сверху. В противном случае создавалась угроза крупного проигрыша во времени и качестве работы»¹¹.

Еще в конце 1942 г. правительством было принято решение о реорганизации академий. На Военную академию тыла и снабжения (ВАТС) (до сентября 1941 г. — Интендантская академия)

была возложена задача по теоретической разработке проблем МТО, конструированию и испытанию образцов новой техники и оборудования, подготовке научно-педагогических кадров. Совету академии предоставлялось право приема к защите кандидатских диссертаций и присвоения ученых степеней и званий. На базе факультета тыла ВАТС в 1943 г. началась переподготовка старшего начальствующего состава интендантской службы широкого профиля¹².

В сентябре 1943 г. в Рязани была сформирована высшая офицерская школа автомобильных войск. В это же время по решению Совета Народных Комиссаров при Московском нефтяном институте был образован военный факультет для подготовки офицеров-специалистов службы горючего и смазочных материалов¹³.

Опыт медицинского обеспечения операций вскрыл серьезные недостатки в подготовке командного состава медицинской службы. В интересах их устранения постановлением ГКО от 25 ноября 1941 г. была реорганизована Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова. В ее составе были созданы командно-медицинский (в Москве), лечебно-профилактический факультеты и факультет подготовки старших врачей полков (в Самарканде). Врачи для Военно-Морского Флота готовились в Военно-морской медицинской академии в г. Кирове. Подготовка врачебного состава для Красной Армии велась в гражданских медицинских институтах¹⁴.

С октября 1943 г. в училищах МТО вводятся зачеты и выпускные экзамены. Устанавливаются три разряда выпускников и льготы для отличников, возобновляются стажировки курсантов в войсках. Набор курсантов в училища был сокращен на 30 процентов, но по ряду дефицитных специальностей подготовка кадров среднего звена расширялась. Так, военное училище в г. Орджоникидзе полностью переводилось на подготовку офицеров автомобильной специальности и за 1943 г. выпустило 850 офицеров этого профиля. При Ленинградском училище военных сообщений функционировали курсы младших лейтенантов для подготовки офицеров-путейцев, мостовиков и связистов, которых не хватало в действующей армии. За годы войны училище подготовило более 5 тыс. специалистов. Курсы переподготовки офицеров дорожно-строительной специальности в Павловском Посаде были переформированы в Военно-дорожное училище¹⁵.

Подготовка младших специалистов МТО стала осуществляться успешнее. Улучшилось качество подготовки старшин и сержантов автомобильных частей. Помимо учебных автомобильных полков центра создаются учебные запасные автомобильные полки на некоторых фронтах, учебные запасные батальоны при автотаводах. В специальных учебных батальонах готовились инструкторы по ремонту импортных автомобилей. Для подготовки старшин и сержантов дорожной службы формировался учебный дорожный полк, который в течение 1943 г. подготовил для действующей армии 2374 специалиста¹⁶.

В военно-учебных заведениях МТО осуществлялась также и подготовка специалистов для союзных народно-освободительных армий. Начиная с 1942 г., все академии МТО и несколько училищ обучали специалистов для национальных военных формирований Монголии, Польши, Чехословакии и Югославии.

За первые годы войны система подготовки ОВУ МТО прошла большой и сложный путь развития. Изменения, происходящие в этой системе, были подчинены интересам войны, отвечали содержанию и характеру операций, проводимых Красной армией. Порядок подготовки специалистов МТО всех звеньев, сложившийся к концу 1943 г., в основном, сохранился до конца войны.

В ходе войны подтвердилась необходимость иметь еще в мирное время хорошо налаженную систему подготовки кадров, способную обеспечить перевод системы МТО на военное положение и его развертывание, а также бесперебойное пополнение войск (сил) специалистами МТО.

Высшие и средние учебные заведения МТО в ходе войны, в основном, удовлетворяли потребности армии и флота в специалистах ОВУ МТО. Это подтверждается тем, что их выпускники в сложной обстановке ведения военных действий успешно выполняли задачи по МТО войск (сил) в боях и крупнейших операциях минувшей войны.

Таковы вопросы подготовки ОВУ МТО, которые волновали руководство армии и флота в годы войны, составляя суть важного дела — защиты Отечества. В этом отношении училища и академии были великолепной школой. Его офицеры и генералы учились стилю работы и военной мудрости у лучших военных и государственных умов того времени.

В современных условиях ведения военных действий должна индивидуальная профессиональная подготовка офицеров,

слаженность действий ОВУ МТО ВС РФ являются важным условием выполнения любой поставленной задачи офицерским корпусом Вооруженных сил России.

¹ Исаков В.И., Ермаков А.А., Морозов Л.П., Вилинов М.А. 300 лет Тылу Вооруженных Сил России. История тыла Российских Вооруженных Сил (XVIII–XXI вв.). Книга третья. Тыл Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945гг. СПб.: 2011. С. 622–626.

² Развитие тыла Советских Вооруженных Сил. 1918–1988 гг. М.: Воениздат, 1989. С. 150–172.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1981. Кн. 2. С. 279–313.

¹¹ Развитие тыла Советских Вооруженных Сил. 1918–1988 гг. С. 150–172.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

*А.В. Николаев (Москва), М.В. Питьева,
Н.А. Дектярева (Сызрань)*

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ЛАТНЫЙ
НАГРУДНИК ИЗ СОБРАНИЯ МБУ
«КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ Г.О. СЫЗРАНЬ»
(МОРФОЛОГИЯ И КОНСТРУКТИВНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ)**

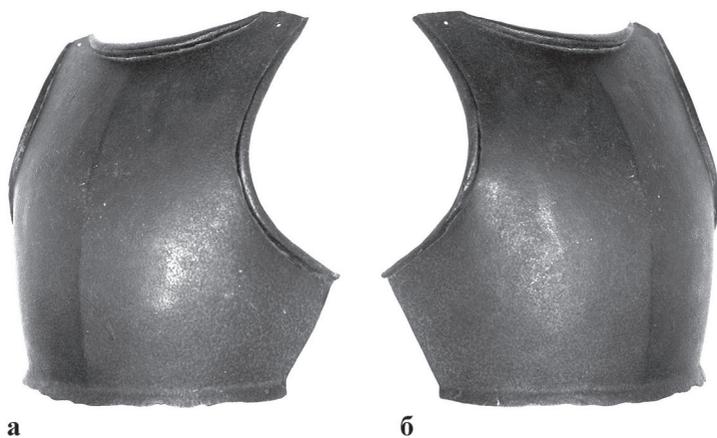
ЭЛЕМЕНТЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО латного защитного вооружения рубежа XV–XVI столетий совсем не многочисленны в отечественных музейных и частных собраниях. Даже типовые и относительно часто встречающиеся в зарубежных коллекциях образцы латной защиты могут являться интересными и во многом уникальными для изучения в отечественных условиях. При доскональном рассмотрении каждого подобного предмета защитного снаряжения возможно выяснить не только индивидуальные характеристики конкретного объекта изучения, но и раскрыть региональные особенности и стили в изготовлении доспехов, а также проследить общие тенденции в развитии латного вооружения. Соответственно, каждый вновь выявленный образец так или иначе способен дополнить уже сложившиеся представления о вооружении конца XV — начала XVI столетий. Одним из таких образцов, на наш взгляд, и является западноевропейский латный нагрудник из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» (СКМ ОФ598/О12), а точнее, его часть — нагрудная пластина (см. Приложение 2), возможно, происходящая из арсенала ордена Госпитальеров на острове Родос. В опубликованной ранее статье «Три предмета западноевропейского защитного вооружения из собрания МБУ “Краеведческий музей г.о. Сызрань”»¹ большее внимание отводилось истории коллекции в целом и элементов вооружения в частности, обоснованию предполагаемых датировок изготовления и

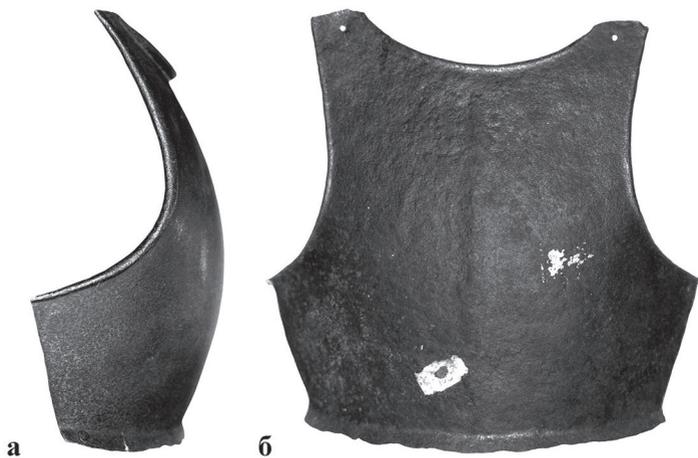
Ил. 1. Общие виды нагрудной пластины СКМ ОФ598/О12:
а. фронтальное фото; б. фото в профиль слева

бытования этих предметов, выявлению возможных регионов производства. Таким образом, акцентирование внимания на определенных стилистических и конструктивных особенностях объектов исследования осталось за рамками статьи. Тем не менее, все элементы западноевропейского латного защитного вооружения из фондов музея заслуживают более пристального рассмотрения, в том числе и нагрудная пластина.

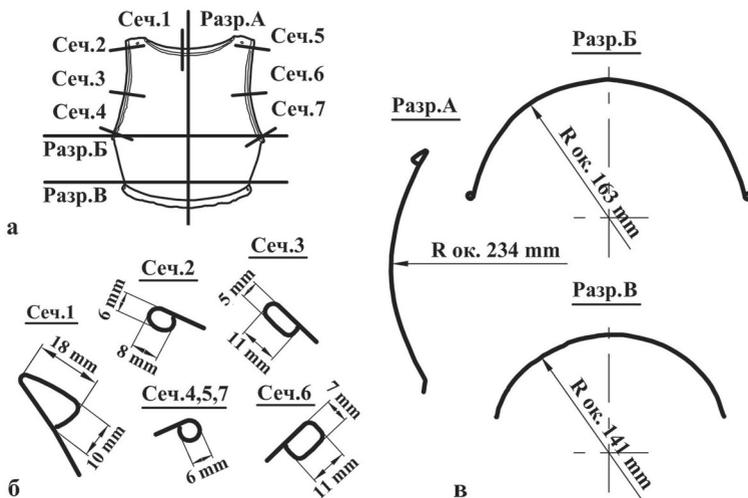
Стальной пластрон выполнен одной деталью методомковки. Поверхность пластины гладкая и равномерно выпуклая с центральным вертикальным ребром (ил. 1–3)². Поперечные сечения по поясу и чуть ниже проймы, а также продольное сечение по центру показывают геометрию разных участков поверхности пластины, близкую к радиусной (ил. 4в). Медиальное ребро выражено слегка, без образования кия и тапуля (ил. 5а, 7а). Максимальной глубины нагрудная пластина достигает в точке, расположенной на 27 мм ниже геометрического центра (ил. 6). Образующая шейный вырез грань также стремится к равномерной радиусной кривой ($r = \text{ок. } 125 \text{ мм}$) (ил. 5а). Шейный вырез оформлен массивной треугольной в сечении отбортовкой с чуть выпуклыми плоскостями и скругленными углами. Край загибается наружу

Ил. 2. Общие виды нагрудной пластины СКМ ОФ598/О12:
а. фото в ракурсе слева; б. фото в ракурсе справа

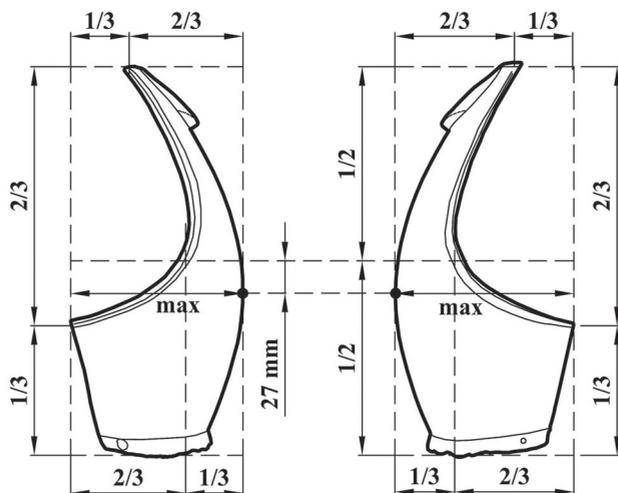
Ил. 3. Общие виды нагрудной пластины СКМ ОФ598/О12:
а. фото в профиль справа; б. фото тыльной стороны

Ил. 4. Разрезы и сечения нагрудной пластины СКМ ОФ598/О12: а. схема расположения разрезов и сечений; б. сечения по вальцовке горловины и пройм; в. вертикальный и горизонтальные разрезы

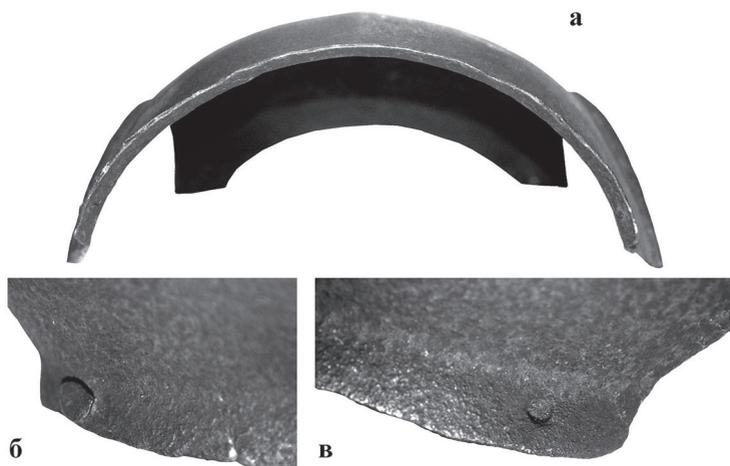
Ил.5. а. Общий вид нагрудной пластины СКМ ОФ598/О12, фото сверху, отвальцовка шейного выреза; б. фото фрагмента нагрудника, отвальцовка левой проймы

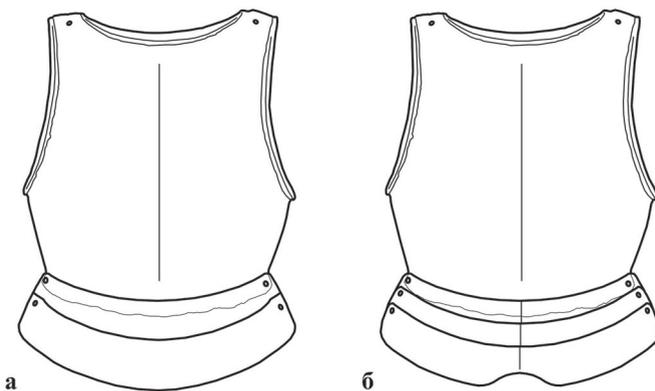
Ил. 6. Схема пропорций нагрудной пластины СКМ ОФ598/О12

(ил. 4б). Отбортовка имеет максимальные габариты по центру (18 x 10 мм) и практически сходит на нет к периферии выреза (ил. 5а). Проймы также имеют массивную отбортовку с вальцовкой наружу (ил. 5б), округлую ближе к верхним и нижним краям пройм (ширина 6–8 мм) и приближающуюся в сечении к прямоугольнику со скругленными углами в центральных частях (11 x 5–7 мм) (ил. 4б). Размеры пройм весьма значительны и составляют около двух третей от общей высоты и глубины пластины нагрудника (ил. 6). Верхние края бретелей и торцы боковых частей пластины ровные и не оформлены отвальцовкой (ил. 5а). Боковины пластрона равномерно сужаются углом ок. 15° от низа пройм к поясу. Поясная часть образована отогнутым наружу под углом ок. 38° нижним краем нагрудной пластины (ширина ок. 10–15 мм), никак не оформленным, с неровной и даже рваной кромкой (ил. 7).

У нагрудной пластины отсутствуют отверстия для крепления фокра, что позволяет предполагать использование как исследуемой детали, так и других аналогичных образцов преимущественно пехотой или легкой кавалерией. Вверху бретелей пластрона расположено по одному незаполненному отверстию, которые предназначались для крепления фиксационных ремней

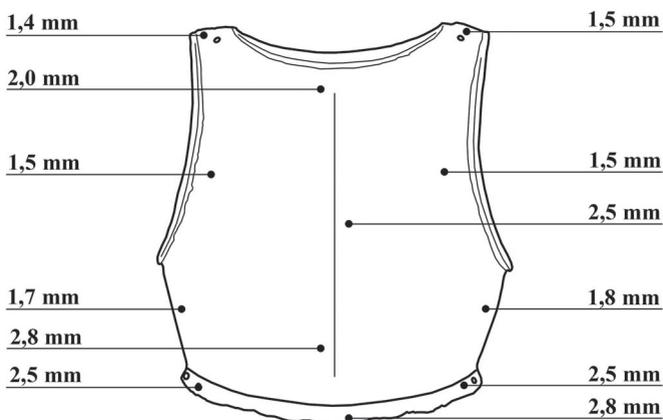
Ил. 7. а. Общий вид нагрудной пластины СКМ ОФ598/О12, фото снизу, кромка края поясной части; б. фото фрагмента нагрудной пластины, край поясной части с правой стороны; в. фото фрагмента нагрудной пластины, край поясной части с левой стороны

Ил. 8. Графическая реконструкция утраченной латной юбки нагрудника СКМ ОФ598/О12: а. юбка из двух ламелей; б. юбка из трех ламелей

(ил. 5а). По бокам поясной части также выявлены отверстия, но с сохранившимися заклепками с плоскими шляпками округлой формы — по одной с каждой стороны (ил. 7б, в). Судя по сохранившимся заклепкам на поясной части, гипертрофированно неровной и необработанной нижней кромке, а также по аналогии с некоторыми полностью сохранившимися образцами латных нагрудников, стилистически аналогичными (Музей Фицвильяма в Кембридже (HEN.M.107-1933)³, аукцион Томас дел Мар (торги 06.2006, лот 359)⁴ и др.), возможно предположить наличие в изначальной комплектации пластрона из Сызранского музея 2–3 утраченных горизонтальных ламелей латной юбки (ил. 8). В связи с отсутствием у нагрудной пластины латной юбки практически невозможно выяснить, комплектовался ли нагрудник из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» тассетами или нет. Отталкиваясь от примеров в изобразительных источниках и сохранившихся образцах защитного вооружения, возможно допускать как их наличие (статуя, изображающая Св. Мартина (инв. ?), в экспозиции музея Хет Тореке в Тиене (Бельгия)⁵, доспех с 16-го аукциона Херманн Хисторика (лот 311)⁶ и др.), так и их отсутствие (см. рисунки Пауля Дольнштайна⁷, изображение на раке Св. Урсулы Ганса Мемлинга и т. д.). Также, судя по отсутствию дополнительных отверстий или сохранившихся заклепок снизу боковин нагрудной пластины, а также качеству отделки, общей «ровности» и симметрии предмета, возможно предположить, что изначально латный нагрудник составлял единый комплект с наспинником и они скреплялись вместе плечевыми бретельными и поясными (приклепанными к наспинной пластине) ремнями, т. е. был частью полной кирасы. Для фиксации на корпусе воина отдельного нагрудника на рубеже XV и XVI столетий существовала более сложная система крепежных ремней. Примером может служить изображение с расписанной Гансом Мемлингом раки с мощами Св. Урсулы из Госпиталя Св. Иоанна в Брюгге (0000.SJ0176.I)⁸. Судя по всему, для обеспечения надежного закрепления требовались дополнительные отверстия на пластине нагрудника, как правило, в поясной части слева (латный нагрудник 1977-167-137 из собрания Филадельфийского музея искусств⁹ и др.) или симметрично внизу обеих боковин (нагрудник А-225 из коллекции Веда Аллена в США¹⁰ и др.).

Декорирование и следы орнаментации, а также цеховые клейма на поверхности нагрудной пластины визуально не выявлены.

Ил. 9. Схема толщин нагрудной пластины СКМ ОФ598/О12

Толщина пластины нагрудника варьируется от 2,8 мм до 2,5 мм по центру и 1,5–1,4 мм по краям. Наибольшая толщина зафиксирована по центру нижней части пластрона и поясного обода (ил. 9). Вес пластины — 2,24 кг. Основные размерные характеристики нагрудной пластины приведены в Приложении 1¹¹.

Реставрация пластрона не производилась. Внутренняя и внешняя поверхности исследуемого элемента защитного вооружения покрыты продуктами окисления, но, тем не менее, металл крепкий, без явных утрат и повреждений.

Пластина латного нагрудника из Сызранского музея внешне выглядит более грубой и не столь грациальной, по сравнению с элементами корпусной латной защиты 70–80 гг. XV столетия, выполненными мастерами-доспешниками в так называемом «готическом стиле» (Королевская оружейная палата в Лидсе (III 1282)¹², Ассоциация музеев Глазго (СН Т22)¹³ и др.) и нагрудниками середины — второй половины XVI столетия (миланский нагрудник 1550-х гг. из фондов Музея средневековой культуры в Болонье (п. 3453)¹⁴, нагрудник 1570–1580 гг. из собрания Королевской оружейной палаты в Лидсе (III. 1042)¹⁵ и др.). По сумме стилистических особенностей и конструктивных характеристик, таких как: неакцентированное медиальное

ребро, равномерная выпуклость пластины, оформление пройм и горловины массивной отбортовкой и т. д., возможно заключить, что исследуемый пластрон выполнен в так называемом «итальянском стиле», характерном для доспешных мастерских севера Италии (ломбардский регион), Испании и Фландрии для рубежа XV — начала XVI столетий. Более точно определить место изготовления при отсутствии цеховых клейм практически невозможно. На основании датировок схожих конструктивно и морфологически латных нагрудников из фондов зарубежных (в отечественных коллекциях аналогий не выявлено), государственных и частных собраний (коллекция Веда Аллена в США (А-239)¹⁶, Музей Ордена Св. Иоанна в Лондоне (2615, 2630, 2632)¹⁷, Музей искусств в Вустере (2014.760)¹⁸ и др.), а также изобразительных источников (стоит упомянуть датируемую 1510 г. картину Джорджоне «Давид с головой Голиафа» из фондов Музея истории искусств в Вене (Gem Idеgalerie, 74)¹⁹, датируемую 1496 г. фреску авторства Доменико Мороне в Зале Капитанов герцогского дворца в Мантуе и др.), вероятной датировкой изготовления латной пластины можно считать 1490–1510 гг. По аналогии с археологическими находками, точно соотносимыми с конкретными историческими событиями (находки на песчаной отмели Копази под Будапештом и др.)²⁰, время использования подобных рядовых и не статусных элементов защитного вооружения возможно увеличить на 30–40 лет с момента предполагаемой даты производства. Если принять версию о происхождении нагрудника из арсенала острова Родос, то верхняя датировка бытования именно этого предмета ограничивается 1522 г.

В заключение стоит отметить, что пластина латного нагрудника СКМ ОФ598/О12 из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» является уникальным для отечественных собраний образцом защитного снаряжения рубежа XV–XVI столетий. Пластина наглядно иллюстрирует эволюционные процессы в развитии западноевропейского латного вооружения — переход от так называемого «готического стиля» к более простым и массовым в производстве формам, способным за счет определенной унификации (простота отделки поверхности, значительное увеличение ширины пройм и горловины и т. д.) удовлетворять потребности в приемлемой защите у все более увеличивающихся военных контингентов на полях сражений западной Европы, в том числе пехотных. Таким образом, пластина

латного нагрудника из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» по праву должна занять достойное место в ряду простых и практически типовых предметов вооружения рубежа XV–XVI столетий из фондов ведущих коллекций мира, предметов хоть и не великолепных и статусных, но от этого не менее интересных и значимых для исторического оружиеведения.

Приложение 1

Размерные характеристики пластины латного нагрудника (СКМ ОФ598/О12).

Высота по центру — 275 мм.

Длина поверхности пластины по центральному ребру — 349 мм.

Высота справа (от верха бретели до низа поясной части) — 322 мм.

Высота правой проймы — 215 мм.

Глубина правой проймы — 80 мм.

Длина внутреннего края правой проймы — 296 мм.

Высота правой боковины (в том числе поясной части) — 114 мм.

Высота слева (от верха бретели до низа поясной части) — 327 мм.

Высота левой проймы — 220 мм.

Глубина левой проймы — 80 мм.

Длина внутреннего края левой проймы — 305 мм.

Высота левой боковины (в том числе поясной части) — 115 мм.

Ширина пластины по верху бретелей — 270 мм.

Ширина горловины — 190 мм.

Высота выреза горловины — 50 мм.

Длина внутреннего края горловины — 227 мм.

Ширина верха бретелей — 45 мм.

Глубина пластины по низу выреза горловины — 20 мм.

Ширина пластины на уровне середины пройм — 250 мм.

Глубина пластины на уровне середины пройм — 40 мм.

Длина поверхности нагрудника на уровне середины пройм — 261 мм.

Ширина пластины по низу пройм — 321 мм.

Глубина пластины по низу пройм — 148 мм.

Длина поверхности пластины по низу пройм — 470 мм.

Ширина пластины по поясу — 270 мм.

Глубина пластины по поясу — 100 мм.

Длина поверхности пластины по поясу — 362 мм.

Ширина пластины по нижней кромке пояса — 277 мм.

Длина нижней кромки пояса — 362 мм.

Приложение 2

Используемые в статье термины для обозначения элементов латного защитного вооружения и их определения.

Бретель — часть нагрудной пластины, образованная верхом пройм и шейным вырезом.

Кираса — защитное приспособление, закрывающее большую часть корпуса человека и состоящее из нагрудника и наспинника. Кираса могла использоваться и как часть доспеха, и как самостоятельный предмет защитного вооружения.

Латное вооружение, латная защита — детали из различных по форме и размеру цельнометаллических пластин, откованные по форме частей тела человека и составляющие части доспеха.

Латная юбка — прикрепленные к нагрудной пластине подвижные горизонтальные ламели, защищающие низ корпуса человека.

Нагрудная пластина, пластрон — основной элемент нагрудника, закрывающий верхнюю и центральную части корпуса человека спереди.

Нагрудник — защитное приспособление, состоящее из нагрудной пластины (цельной или из нескольких элементов) и латной юбки, закрывающее большую часть корпуса человека спереди. Нагрудник мог использоваться как в составе кирасы, так и отдельно.

Наспинник — закрывающая корпус человека сзади деталь кирасы. Наспинник мог состоять как из одной цельной пластины, так и из нескольких элементов.

Отбортовка — оформление кромки латных пластин вальцовкой края наружу или внутрь.

Татуль — расположенный в центральной или нижней части нагрудной пластины вырост медиального ребра.

Тассет — прикрепляемый к латной юбке элемент защиты, закрывающий верх бедра человека спереди. Тассеты могли состоять как из одной цельной пластины, так и из нескольких скрепленных вместе горизонтальных ламелей.

Фокр — прикрепленный к правой части нагрудной пластины упор для копья в виде крюка или полки.

- ¹ Николаев А.В., Питьева М.В., Дектярева Н.А. Три предмета западноевропейского защитного вооружения из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань» // «Мир оружия: история, герои, коллекции». Материалы V Международной научно-практической конференции, ФГБУК «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2018. С. 111–122.
- ² Все приведенные в статье фотографии и рисунки выполнены А.В. Николаевым.
- ³ Eaves I. Catalogue of European Armour at The Fitzwilliam Museum. The Boydell Press 2002. S. 209, Pl. 31; Oakeshott E. A Man-at-Arms of late Fifteen Century. The Fourth Park Lane Arms Fair.
- ⁴ Thomas Del Mar Ltd in association with Sotheby's. Antique Arms, Armour & Militaria. London. Wednesday 28th June 2006. S. 163.
- ⁵ Openbaar Kunstbezit in Vlaanderen 2001-1. Stedelijk Museum «het Toreke» Tienen. S. 40–41.
- ⁶ Hermann Historica OHG, München. 16 Auktion. Alte Waffen, Orden und Ehrenzeichen der Kaiserzeit. 10. April 1987.
- ⁷ Dihle H. «Das Kriegstagenbuch Eines Deutschen Landsknechts um Die Wende Des 15. Jahrhunderts». Zeitschrift für Historische Waffen- und Kostümkunde. Neue Folge Band 3.(12)-7.(33.) Jahrgang. Heft 1. 1929. S. 1–11.
- ⁸ <http://vlaamseprimitieven.vlaamsekunstcollectie.be/en/collection/saint-ursula-shrine>
- ⁹ <https://www.philamuseum.org/collections/permanent/71272.html?mulR=2093473331|2>
- ¹⁰ <http://www.allenantiques.com/A-225.html> (авторский коллектив выражает благодарность коллекционеру за доступ к информации о размерных характеристиках предметов его коллекции и онлайн консультации)
- ¹¹ Съемка параметрических данных данных нагрудника СКМ ОФ598/О12 произведена рулеткой с ценой деления 1,0 мм, штангенциркулем с ценой деления 0,1 мм, кронциркулем с ценой деления 0,1 мм и электронным безменом «PES 40» с ценой деления 10 гр.
- ¹² Dufty A.R. European Armour in The Tower of London. Her Majesty's Stationery Office 1968. Pl. CIX; <https://collections.royalarmouries.org/object/rac-object-1288.html>
- ¹³ Scalini M. The Armoury of The Castle of Churburg. Vol. II. Magnus Edizioni 1996. S. 84.
- ¹⁴ Boccia Lionello Giorgio. L'Armeria dell Museo Civico Medievale di Bologna. Bramante Editrice, 1991. S. 69, Pl. 71.
- ¹⁵ <https://collections.royalarmouries.org/object/rac-object-17294.html>
- ¹⁶ www.allenantiques.com/A-200.html (полностью идентичен нагруднику СКМ ОФ598/О12 по размерным характеристикам и толщине металла, что позволяет предполагать изготовление в одной и той же мастерской).
- ¹⁷ Karcheski W.J., Richardson T. The Medieval Armour from Rhodes. The Trustees of the Armouries and the Higgins Armory Museum 2002. S. 73, 76, 93.
- ¹⁸ vps343.pairvps.com:8080/emuseum/view/objects/asitem/3063/1991
- ¹⁹ www.khm.at/objektdb/detail/826/
- ²⁰ Kovacs S.T. Die Waffen aus Der Kopaszi-Sandbank. Folia Archaeologica XLIII, 1994. S. 256–260.

Э.В. Оболонская (Санкт-Петербург)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ Артиллерии в образцах коллекции Горного музея Санкт-Петербургского Горного университета

В КОЛЛЕКЦИИ горной и горнозаводской техники Горного музея находятся различные экспонаты, охватывающие область артиллерийской науки. Коллекция стала собираться вскоре после основания императрицей Екатериной II Горного Кадетского корпуса (сейчас Горного университета) в 1773 г. Горный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге готовил горных инженеров металлургов и механиков, которые потом работали на различных металлургических предприятиях, в том числе на пушечных и снарядоделательных заводах. Среди выпускников Горного университета знаменитые металлурги П.П. Аносов, Н.В. Воронцов, П.М. Обухов, Н.А. Иосса, А.А. Износков и др. Их имена неразрывно связаны со Златоустовскими, Олонецкими, Пермским и Обуховским оружейными заводами.

Работа на предприятиях такого профиля требовала знаний о металлах, разработки технологий их очистки и обработки. Будущим специалистам-выпускникам был также необходим наглядный материал для ознакомления с технологиями оружейного и пушечного дела. С российских оружейных заводов в музей Горного Кадетского корпуса присылались модели и натурные образцы пушек, снарядов, инструментов и различных устройств, макеты металлургических печей и молотов, образцы чугуна, стали и сплавов, руд и топлива. Модели и натурные образцы, созданные на российских заводах, отражали отечественные достижения и являлись наглядным пособием для учащихся. Коллекция охватывает исторический период с конца XVIII

по первую четверть XX столетия. Но в данной работе будут рассматриваться экспонаты, относящиеся к гладкоствольной артиллерии.

Самые первые образцы описываемой тематики поступили с Александровского пушечно-литейного завода Олонцкого горного округа в подарок от императрицы Екатерины II и относятся к периоду управления заводом шотландским инженером Чарльзом (Карлом Карловичем) Гаскойном.

Олонецкие Петровские пушечные заводы в г. Петрозаводске (Карелия), построенные в 1703 г. во время войны со шведами, постепенно пришли в упадок. В 1772 г., в целях обеспечения русской армии пушками и снарядами в ходе войны с Турцией, Екатерина II издает указ о сооружении здесь нового завода. Александровский завод, построенный Аникитой Сергеевичем Ярцовым, из-за нехватки финансовых средств и квалифицированных кадров так и не начал нормально функционировать. Лишь успешная реконструкция завода с применением новейших технических разработок, произведенная Чарльзом Гаскойном в 1786–1794 г., вывела завод на первое место в России и на одно из первых мест в мире. В период директорства Гаскойна были открыты отделения Александровского завода в Кончозере, Кронштадте и Петербурге. Эти предприятия, получившие общее название Олонецкие горные заводы, на протяжении 40–50 лет являлись одним из главных arsenалов русского военно-морского флота. На Олонецких заводах также изготавливались первые отечественные паровые машины и другое промышленное оборудование, а также художественное литье, и поныне украшающее многие улицы и мосты Санкт-Петербурга¹.

На Александровский пушечно-литейный завод в Петрозаводске Чарльз Гаскойн прибыл в сентябре 1786 г. и начал его перестройку. В том же году ему удалось пустить в действие одну из доменных печей, оборудованную новыми цилиндрическими мехами Смитона, и отлить первую чугунную пушку. Вскоре после этого события в Горный музей в подарок от Екатерины II поступила стружка, полученная при просверливании канала в стволе первой пушки, отлитой Гаскойном². Стружка была помещена в футляр из красного дерева и представляет собой пять конусовидных образований (ГХС 81/1-6).

Еще два подарка от императрицы, поступившие в музей в 1789 г., связаны с реконструкцией Александровского завода. Это

модель новых цилиндрических мехов Смитона (ТП 36) в комплекте с макетом доменной печи и отдельный макет английской отражательной печи для переплавки чугуна на каменном угле (ТП 40)³. Все экспонаты были изготовлены на Александровском заводе в Петрозаводске по распоряжению генерал-губернатора Архангельского и Олонецкого Т.И. Тутолмина и поднесены им Екатерине II в начале 1879 г.

Модель мехов документирует первое применение цилиндрических мехов Смитона в России. Подобные меха для подачи воздуха в доменные печи были построены в 1766 г. на Карронском заводе в Шотландии известным инженером Джоном Смитоном, использовавшим более раннюю разработку голландских механиков и увеличившим количество цилиндров до четырех. Принципиально новая конструкция мехов, по сравнению с ранее употреблявшимися деревянными клинчатыми и ящичными, позволила существенно увеличить подачу воздуха в доменную печь, что увеличило производительность печей почти в шесть раз⁴. Создание новых мехов стало одним из важнейших этапов в развитии металлургии.

Макет английской отражательной печи документирует первое применение в российской металлургии каменного угля в качестве топлива. Отражательные печи с высокой трубой появились к 1765 г. в Кумберленде (Англия), и с тех пор их конструкция почти не изменялась в течение нескольких десятков лет. В Англии их начали использовать для переплавки доменного чугуна вместе с различными добавками, улучшающими его качество, и размещать в непосредственной близости от доменных печей. Высокая труба обеспечивала хорошую тягу воздуха и в сочетании с рациональной формой внутреннего пространства печи позволяла получить в ней высокую температуру плавления, недостижимую как в доменных печах, так и в кричных горнах. Большим преимуществом такой печи была возможность быстро пускать ее в ход и останавливать, когда в ней отпадала необходимость. Часто отражательные печи применяли, когда для отливки требовалось большое количество чугуна. На Александровском пушечно-литейном заводе в Петрозаводске первые отражательные печи были сооружены в 1786–1788 гг., а к 1800 г. здесь было уже 11 таких печей⁵. Из отражательных печей производилось литье пушек большого калибра, с добавлением хорошего чугуна переплавлялись бракованные изделия.

Из этих же печей извлекался высококачественный чугу́н для отливки мелких и тонких изделий.

Петрозаводские модели заслуженно вызывали восхищение у современников, но не все они сохранились. Дмитрий Иванович Соколов, преподававший в Горном кадетском корпусе, особо отметил «стан для сверления пушек, приготовленный на Александровском заводе», который «по отличной отделке своей заслуживает особое внимание»⁶. Модель стана поступила в музей 1822 г.⁷, но была утрачена в период с 1882 по 1921 г. Изготовление ее, по-видимому, связано с отделкой пушек по методу Морица, которая была налажена на заводе Чарльзом Гаскойном. Пушки отливались цельными болванками без внутреннего отверстия. Преимущество нового способа состояло в том, что каналы, которые просверливались позже специальными машинами, получались более гладкими, с меньшим количеством раковин⁸.

Борьба с раковинами пушечного литья была одной из важнейших технических проблем на протяжении всего XVIII в. Все работы в этой области считались имеющими особое государственное значение и поэтому совершенно секретными. Чарльзом Гаскойном в 1789 г. была сконструирована машина для заделки раковин специальными винтами, которая получила название «секретной машины». Она вместе с двумя обслуживающими рабочими разместилась в специальном «секретном» помещении, а рабочие были «подведены к присяге». По оценке современных историков техники машина была оригинальна и весьма целесообразна. Она стала прообразом тех устройств, которые применяются сейчас для работ в местах, недоступных для человеческих рук. Схема устройства и принцип действия этого довольно сложного устройства подробно описаны Ф.М. Загорским⁹. Прибор служил для заделки раковин средней величины в стволах артиллерийских орудий. Благодаря этому изобретению количество брака на заводе было сведено к минимуму, Так, в 1799 г. из 467 орудий не выдержала пробы только одна пушка.

В 1835 г. на Александровском пушечном заводе специально для музея Горного Кадетского корпуса была изготовлена действующая модель «машины для заделывания винтами раковин, открывающихся в каналах орудий», и в том же году поступила в коллекцию¹⁰. Она представляет собой уменьшенную в 2–3 раза копию комплекта инструментов «Прибор для заделывания

Ил. 1. Комплект инструментов «Прибор для заделывания раковин в каналах орудий». Сверху вниз: щуп или «трещотка» (Т II-117/5), напильник (Т II-117/7), прибор для заделывания раковин (Т II-117/1), шест с воском на конце (Т II-117/9). Действующая модель. Масштаб 1 : 2–3

раковин в каналах орудий» (Т II 117/1-10), в который входят десять предметов: прибор для заделки раковин, семь вспомогательных инструментов и три крепежные детали (ил. 1).

Технологический процесс начинался с выявления раковин, для чего использовался щуп (Т II-117/5). Далее в канал вводился шест с воском на конце (Т II-117/9), с помощью которого делался слепок раковины. Если размер раковины оказывался слишком велик, то пушка шла в переплавку. Если раковина была невелика, то начинался собственно процесс ее заделки. При помощи прибора (Т II-117/1) раковина рассверливалась перовым сверлом, полученное отверстие нарезалось метчиком. Затем изготавливалась нарезная пробка соответствующего размера. Пробка завинчивалась в нарезное отверстие, ее ножка обламывалась при помощи специального приспособления и зачищалась напильником (Т II-117/7).

К первой четверти XIX в. наметилось все более явное отставание России в металлургической промышленности. Дальнейшее развитие производства артиллерийских орудий и боеприпасов и накопление боевого опыта определило необходимость новых преобразований в русской артиллерии. Такие преобразования

известны под названием «Реформы 1838 года». Реформа преследовала цель устранить многокалиберность артиллерии, прекратить производство орудий устаревших образцов. Все артиллерийские системы, принятые в 1838 г. и позже, были названы орудиями «новой конструкции» в отличие от существовавших ранее орудий «прежней конструкции». Новые орудия уже не имели дорогостоящих наружных украшений, калибры снарядов теперь измерялись с точностью до 1/100 дюйма, вместо принятых ранее тысячных долей¹¹.

Лафеты береговых орудий в середине XIX столетия в большинстве своем были деревянными, с отдельными металлическими деталями. В 1846 г. береговая и крепостная артиллерия получила железный лафет Венгловского¹², более прочный и удобный, чем все современные ему лафеты в России и в Западной Европе.

В 1847 г. на Александровском пушечном заводе для музея Горного Кадетского корпуса были изготовлены две идентичные модели 24-фунтовых чугунных пушек крепостной артиллерии

Ил. 2. 24-фунтовое орудие крепостной артиллерии. Модель. Масштаб 1 : 8

образца 1838 года на лафетах Венгловского, выполненные в масштабе 1 : 8 (ТХВ-4/1,2). Вероятно в том же году модели поступили в музей. Записи об их поступлении в музейном архиве не обнаружены. Дата изготовления «1847» (на цапфе) и заводской знак «О.А.» (на казенной части) выгравированы на стволе одной из пушек (ил. 2).

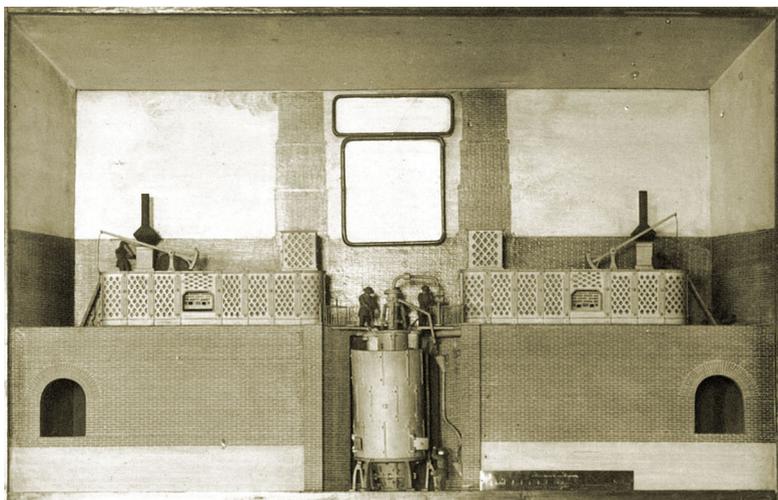
Следующие три экспоната с Александровского завода демонстрируют новый способ отливки крупнокалиберных пушек береговой артиллерии по американской системе, или методом Родмана.

Внедрение нового способа отливки связано с появлением в период Крымской войны 1854–1856 гг. у противников России, а именно, у французов, первых военных бронированных кораблей,

против которых оказалась бессильна русская береговая артиллерия. Ее ядра не могли пробить броню этих кораблей. Орудия, способные поражать бронированные корабли, были созданы американским артиллерийским офицером Томасом Джексон Родманом (Thomas Jackson Rodman, 1820–1871), выпускником военной академии в Вест-Пойнте. В 1845 г. он произвел опыты с отливкой чугунных гладкоствольных орудий с внутренним охлаждением холодной водой¹³. В результате опытов ученый разработал теорию и практику отливки пушки с охлаждаемым проточной водой полым металлическим сердечником и в форме, собранной в металлическом жакете с охлаждением. Охлаждение пушки по Родману шло от центра к периферии. Скорость охлаждения контролировалась путем регулирования температуры и скорости потока воды. Внедрение этого способа позволило отливать пушки любого размера с очень высоким качеством, без раковин. В 1861 г. Родман отлил 15-дюймовую пушку, а в 1864 г. — 20-дюймовую. Первая 20-дюймовая пушка отливалась на Fort Pitt Foundry (г. Питсбург, США) в августе 1864 г. Помимо этого Родман предложил и новый способ прессования пороха, который позволил значительно увеличить начальную скорость снаряда. Форма его пушек напоминала бутылку, так как пушки заряжались через дуло и при выстреле заряд постоянно увеличивал размер пороховой камеры. Всего Родманом в 1864 и 1869 гг. было отлито две 20-дюймовых пушки.

После окончания Крымской войны военно-политическим руководством Российской империи было принято решение направить за рубеж специалистов для ознакомления с передовым опытом создания артиллерийских орудий, способных успешно поражать броненосные корабли. Известные российские ученые-артиллеристы А.В. Гадолин и Ф.В. Пестич посетили в начале 60-х гг. XIX в. США и там изучили передовой способ литья крупнокалиберных гладкоствольных орудий из чугуна методом Родмана. Ученые перенесли новый метод на российскую почву, и он был внедрен на Александровском чугунно-пушечном заводе в Петрозаводске в 1865 г.

В 1865 г. на Александровском заводе для Горного Кадетского корпуса был изготовлен макет, который демонстрирует отливку 15-дюймовых пушек «по американскому способу 1/26 против натуральной величины»¹⁴. Это настенный макет, смонтированный в прямоугольной деревянной раме и представляющий собой

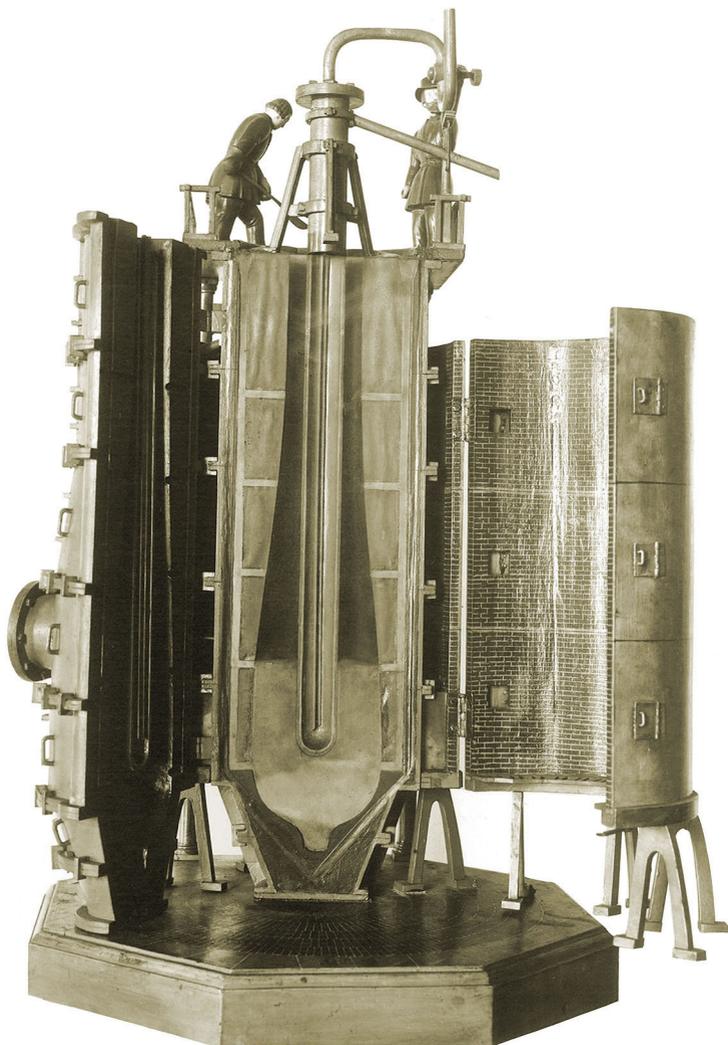
Ил. 3. «Способ отливки 15-дюймовых пушек в Александровском заводе Олонецкого Горного округа» (ТII-85). Макет цеха с печами и формой для отливки. Масштаб 1 : 26

уменьшенную копию цеха (ТII-85). Он показывает отливку чугунных пушек в форму, размещенную ниже уровня пола, из двух отражательных печей. Все составляющие представлены в объеме, за исключением высоких труб, нарисованных на стене.

Как дополнение к описанному макету на Александровском заводе в период с 1865 по 1870 г. был изготовлен другой макет «отливки пушек по способу Родмана», представляющий только форму для отливки 15-дюймовых пушек в масштабе 1 : 12 (Т II-86). Поступил макет в музей в 1880 г.¹⁵ Почему такая разница в датах поступления двух макетов, не ясно. Ведь делал их один и тот же мастер-модельщик Александровского пушечно-литейного завода Иван Трипецкий, работавший на заводе в середине XIX в.

На сегодняшний день часть мелких деталей у макета, демонстрирующего целый цех, утрачена, а макет формы для отливки и вовсе представлен в отдельных своих частях. Гораздо лучшую их сохранность демонстрируют черно-белые фотографии: 50-х годов прошлого века у первого макета и конца XIX — начала XX вв. у второго (ил. 3, 4).

В 1867 г. на Александровском заводе для Горного Кадетского корпуса была изготовлена модель 15-дюймового орудия

Ил. 4. «Способ отливки 15-дюймовых пушек в Александровском заводе Олонцкого Горного округа» (ТII-86). Макет формы для отливки. Масштаб 1 : 12

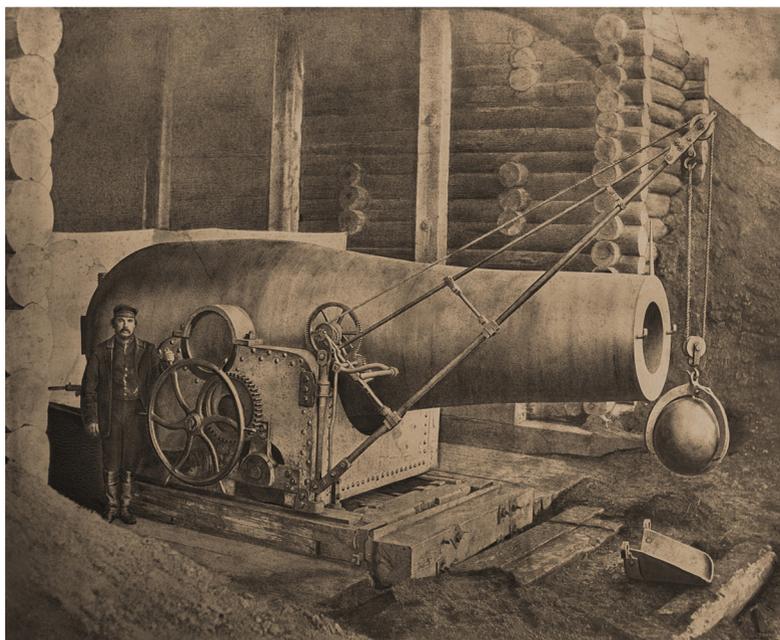
береговой артиллерии (ТХВ-2), отлитого по способу Родмана, в масштабе 1 : 12. В том же году модель поступила в Горный музей¹⁶.

Еще одна модель пушки Родмана, находящаяся в музее, изготовлена на Пермском пушечном заводе. Это модель 20-дюймовой пушки береговой артиллерии, или «Уральской царь-пушки» (ТХВ-3), выполненная в масштабе 1 : 8. Она была произведена для Московской политехнической выставки 1872 г. К пушке прилагался комплект ядер (ТХВ-28/1-4) в том же масштабе. В 1875 г. модель пушки с ядрами поступила в Горный музей¹⁷. Экспонат находится в экспозиции и выделяется своей необычной формой, напоминающей бутылку.

Пермский пушечный завод был образован после поражения в Крымской войне для изготовления стальных нарезных орудий. Первоначально он состоял из двух заводов сталепушечного и чугунно-пушечного, которые впоследствии объединили. В 1867–1868 гг. метод отливки Родмана был внедрен на Пермском чугунно-пушечном заводе, где и была отлита 20-дюймовая «Уральская царь-пушка». В музее находится старинная фотография 1870-х гг. (ТХП 117), поступившая в музей в 1879 г.¹⁸ На ней изображена огромная литая чугунная пушка с подвешенным на канате ядром и стоящим у колеса управления часовым. Модель и фотография «Уральской царь-пушки» дополняют друг друга (ил. 5).

Пермский пушечный завод неразрывно связан с именем Николая Васильевича Воронцова, который строил его по собственным чертежам и управлял заводом с 1871 по 1876 г. Он вывел завод на такой уровень, что он считался одною из лучших практических металлургических школ не только в России, но и на Западе¹⁹. Н.В. Воронцов был выпускником Горного Кадетского корпуса 1853 г., а впоследствии и его директором (уже после отставки с завода). Модель «Уральской царь-пушки», а также ряд других экспонатов поступили в музей благодаря его инициативе.

Наряду с моделями пушек и различными устройствами в Горном музее находятся снаряды и коллекция инструментов для их изготовления. Из боеприпасов гладкоствольной артиллерии, в большом количестве поступивших в музей в первой трети XIX в., остались 12-фунтовое ядро и брандскугель — полое зажигательное ядро (ТХВ-31). Брандскугель поступил в 1829 г.²⁰ с Нижнеисетского завода и относится к полевой артиллерии (имеет три отверстия). Время поступления и завод-изготовитель чугунного ядра неизвестны. Но когда-то в коллекции музея боеприпасов было гораздо больше. По архивным данным, в период с 1820 по 1839 г.²¹ в музей поступило 169 снарядов — ядер,

Ил. 5. Вверху: 20-дюймовая пушка береговой артиллерии «Уральская царь-пушка». Модель. Масштаб 1 : 8 (ТХВ-3). Внизу: Фотография. Пермский пушечный завод. 20-дюймовая чугунная пушка (ТХII 117). 1870-е гг.

Ил. 6. Слева направо: модель для формовки брендсугелей 12-фунтового калибра (ТХВ-29/3-2); шаблон, применяемый при набивке сердечников при производстве брендсугелей 12 фунтового калибра (ТХВ-29/15); модели для формовки картечной дроби № 1–3; сверло для сверления пробок у брендсугелей 12-фунтового калибра на втором этапе (ТХВ-29/65); сверло для сверления пробок у брендсугелей 12-фунтового калибра на начальном этапе (ТХВ-29/65); кружало для калибрования картечной дроби № 8 (ТХВ-100); кронциркуль для измерения толщины стенок у гранат $\frac{1}{4}$ -пудового и брендсугелей 12-фунтового калибра (ТХВ-68)

гранат, бомб, брендсугелей, картечной дроби. Боеприпасы поступали с различных заводов: Александровского, Луганского, Нижнеисетского, Санкт-Петербургского, Гороблагодатского, Каменского, Златоустовского, Артинского и Олонекских. Среди этих поступлений есть также «ядра французские» от Виленской казенной палаты, по-видимому, трофейные Отечественной войны 1812 года.

В 1828 г. от Горного начальника Екатеринбургских заводов музей получил «Собрание припасов, форм и инструментов, употребленных при отливках и отделке артиллерийских снарядов Каменского литейного завода». Все собрание состояло из 150 единиц²². Припасы, состоящие из образцов руд, чугуна, формовочных песков и глин, вошли в одну часть коллекции, а формы и инструменты в другую (ТХВ 29/1-105). Собрание служило для изготовления гранат, брендсугелей и картечных ядер полевой артиллерии разных калибров. Все инструменты с различными гравировками: полного или сокращенного названия завода «Каменской З.» или «К. З.», гербовым орлом в круглом медальоне и кратким изложением назначения инструмента. Например, на сверле для сверления пробок у брендсугелей $\frac{1}{2}$ -пудового калибра (на втором этапе) следующая гравировка «Све: Д: бранс: $\frac{1}{2}$

пу под: наз. 2.»), на кружале для калибрования картечной дроби № 1 обозначено «к.з. к.д. но. 1» (ил. 6).

В России боеприпасы со времен Аракчеева изготавливались по единым стандартам. При замере brand-сугеля с Нижнеисетского завода инструментом для определения мест размещения пробок у brand-сугелей 12-фунтового калибра (ТХВ 29/59) Каменского завода три отверстия зажигательного ядра идеально подошли под инструмент (ил. 7). Уникальность этой коллекции еще предстоит определить.

Как известно, Крымская война 1853–1856 гг. стала последней, в которой использовались гладкоствольные пушки. В коллекции есть два сувенира, связанные с обороной Севастополя и изготовленные из ядер — чернильница и пресс-папье «Память Севастополя. 1855» (TVIII 54, 55) (ил. 8). Они поступили от протоиерея П.А. Кирилова в 1920 г.²³ Сувениры из ядер изготавливались в течение нескольких лет после окончания Крымской войны в мастерских Севастополя. Сведений о наличии подобных предметов в коллекциях других музеев нет.

В 1889 г., в царствование Александра III, в Санкт-Петербурге отметили 500-летие русской артиллерии. В память об этом событии на Санкт-Петербургском Монетном Дворе была отлита медаль «В честь 500-летия русской артиллерии. 1389–1889» (ТХIV 67). В Горный музей бронзовая отливка этой медали поступила в 1890 г.²⁴ (ил. 9).

Ил. 7. Brand-сугель (ТХВ-31) с инструментом для определения мест размещения пробок у brand-сугелей 12-фунтового калибра (ТХВ 29/59)

Ил. 8. Чернильница из ядер «Память Севастополя. 1855» (TVIII 54)

На аверсе медали профильное изображение императора Александра III, окруженное лавровым венком. По периметру надпись: «АЛЕКСАНДР III ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ».

Ил. 9. Медаль «В честь 500-летия русской артиллерии. 1389–1889» (ТХІВ 67). Бронза. D — 92 мм, h — 7 мм

На реверсе в центре надпись буквицей: «ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ АЛЕКСАНДР III 1389–1889 ВЪ ПАМЯТЬ 500-ЛѢТІЯ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРІИ» в обрамлении дубовой и лавровой ветвей, на фоне которых изображены различные модификации пушек — от арматы (пушки), стреляющей каменными ядрами, до нарезного орудия.

Время 1389 г. взято из Голицынской летописи: «Лета 6897 (1389) вывезли из немец арматы на Русь и огненную стрельбу и от того часу уразумели из них стреляти»²⁵. Это первое задокументированное применение пушек произошло при князе Дмитрие Донском, и если следовать этой дате, в 2019 г. русской артиллерии исполнилось 630 лет.

¹ Тараканова Е.С. Из истории Олонецких заводов // Черные металлы. 2009. № 10. С. 76–83.

² Архив Горного музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

³ Там же. Оп. 2. Д. 113. Л. 16 об. – 17.

⁴ Каменский В.А. Модель петрозаводской домны 1776 года // Архив истории науки и техники. Вып. 6. М.; Л., 1935. С. 333–348.

⁵ Герман И. Описание Петрозаводского и Кончезерского заводов. СПб., 1803.

⁶ Соколов Д.И. Историческое и статистическое описание Горного кадетского корпуса. СПб., 1830. С. 107–108.

⁷ Архив Горного музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 108. Л. 6.

⁸ Тараканова Е.С. Гаскойн и русские пушки // Север. 2001. № 5–6. С. 96–114; № 7–8. С. 165–177; № 11–12. С. 187–201.

⁹ Загорский Ф.М. Обработка металлов резаньем на Петрозаводском и Кончезерском заводах на рубеже XVIII и XIX вв. // Труды института естествознания и техники. Вып. XXIX. М., 1960. С. 112–134.

¹⁰ Архив Горного музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 27 об.

¹¹ Вессель Е.Х. Артиллерия. Ч. I. СПб., 1857. С. 108–109.

- ¹² Военный энциклопедический лексикон. Т. I. СПб., 1852. С. 555.
- ¹³ Четверухин Г.Н. История развития корабельной и береговой артиллерии. М.; Л., 1942. С. 230–233.
- ¹⁴ Архив Горного музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 36 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 50 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 88. Л. 229 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 89. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Д. 114. Л. 169.
- ¹⁹ Воронцов Н.В. Некролог // Нива. 1893. № 6. С. 143.
- ²⁰ Архив Горного музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 114. Л. 145.
- ²¹ Там же. Л. 143–146 об.
- ²² Там же. Оп. 3. Д. 24. Л. 103.
- ²³ Там же. Оп. 2. Д. 89. Л. 87.
- ²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.
- ²⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. СПб., 1819. С. 76–77.

Н.А. Оводков (Санкт-Петербург)

РЕВОЛЬВЕРЫ ДОМА РОМАНОВЫХ

В ОТ УЖЕ МНОГИЕ ГОДЫ сотрудниками Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи проводится научная работа по выявлению в его собрании оружейных памятников, принадлежавших представителям некогда царствующей династии Романовых¹.

В 2018 г. в собрании ВИМАИВиВС, под номером 1 ИОФ 052/172, был выявлен револьвер, хранящийся в специальном футляре, с пятью гильзами от патронов (ил. 1–3).

Связь всего комплекта с представителями династии Романовых была установлена благодаря изображению великокняжеской короны на крышке футляра (ил. 6)

Револьвер шестизарядный, под патрон центрального воспламенения, калибра .320. Общая длина револьвера 166 мм. Ствол короткий, длиной 101 мм. Канал ствола нарезной. Диаметр канала ствола в дульной его части 8 мм. УСМ куркового типа, двойного действия. Экстрактор действует по схеме А, т. е. с помощью шомпола, переводимого в рабочее положение с помощью поворотного устройства при откинутой дверце Абади. Револьвер никелирован, а также декорирован гравированными изображениями растительного орнамента. Рукоять образована двумя гладкими накладками, выполненными из кости. На металлических частях имеются испытательные клейма: на стволе «два перекрещенных скипетра с короной над ними и буквами В Р С» и «два перекрещенных скипетра с короной над ними и буквой V». Такие клейма ставились вплоть до 1 августа 1904 г.² На барабан нанесены шесть одинаковых клейм: «два перекрещенных скипетра с короной над ними и буквой V». На раму слева и справа нанесено

изображение пули с крыльями и аббревиатурой W&S (расш. как Webley & Son, фирма Philip Webley & Son, rifles & revolvers). На раму слева нанесены заводской номер 2650 и надпись «Webley's Patent», сверху — надпись «P. Webley & Son | S^T James, London» (ил. 4–5).

Револьвер помещен в деревянный футляр с крышкой, покрытый снаружи темно-коричневой кожей. Внутри футляра имеется ложемент, обитый темно-фиолетовым бархатом. Левую нижнюю часть футляра занимает пластина с гнездами для хранения 49 патронов. В гнездах имеются 5 гильз от патронов калибра .320 центрального воспламенения. Три гильзы без клейм, на оставшихся двух имеются клейма «Селлие и Белло Рига 320». На крышке футляра — тисненое золоченое изображение великокняжеской короны (ил. 6). На внутреннюю обивку крышки футляра нанесен тисненый золотом штамп в виде изображения русского герба — двуглавого орла — в окружении тисненых золотом надписей: «PERSPECT: DE NEVSKY, M^{SOB} BOSSE №, 4 PRES DE L'^{RAUTE} | ANCIENNE MAISON BERTRAND LARDERET

Ил. 1. Револьвер произвольного типа под патрон калибра .320, в футляре, с пятью гильзами. ВИМАИВиВС 1ИОФ 052/172

Ил. 2. Револьвер. ВИМАИВиВС 1ИОФ 052/172. Общий вид слева

на крышке футляра — тисненое золоченое изображение великокняжеской короны (ил. 6). На внутреннюю обивку крышки футляра нанесен тисненый золотом штамп в виде изображения русского герба — двуглавого орла — в окружении тисненых золотом надписей: «PERSPECT: DE NEVSKY, M^{SOB} BOSSE №, 4 PRES DE L'^{RAUTE} | ANCIENNE MAISON BERTRAND LARDERET

-ARQ^R DE S.M. L'EMPEREUR DE TOUTES LES RUSSIES S^TPETERSBOURG».

Согласно учетной документации, в собрание музея оружие поступило как «Револьвер сист. «Бульдог», 6-ти зар., Кал. 320... При нем 5-ть боевых патронов в кожаном футляре. № 2650» в 1925 г. из Государственного музейного фонда по акту от 14.12.1925 г. и предписанию Главнауки № 13160 от 13.10.1925 г.³ Акт включал в себя пять приемо-сдаточных ведомостей. В приемо-сдаточной ведомости № 4 от 04.12.1925 г. значится «Револьвер системы Верлей» (написано с ошибкой. — Н. О.)⁴. По

Ил. 3. Револьвер. ВИМАИВиВС
1ИОФ 052/172. Общий вид справа

Ил. 4. Револьвер. ВИМАИВиВС
1ИОФ 052/172. Заводской номер
и надписи на раме револьвера, слева

ведомости револьверу присвоен порядковый номер 377 и музейный номер 446.

В состав приемо-сдаточной ведомости, по которой поступил револьвер, входили предметы, являвшиеся частью собрания музея великого князя Михаила Николаевича. Это подтверждается тем, что наименования предметов вооружения из ведомости (с порядковыми номерами 1–94) полностью совпадают с наименованиями и номерами предметов вооружения в «описи бывшего Музея вел. кн. Михаила Николаевича в б. Ново-Михайловском Дворце / набережная 9 января 1905 г., д. № 18/»⁵. Помимо этого, известно, что после революции дворец был национализирован, а находившееся в нем

Ил. 5. Револьвер. ВИМАИВиВС 1ИОФ 052/172. Вид сверху на надпись

имущество стало частью Государственного музейного фонда (далее ГМФ). Позднее это имущество было передано в подразделение ГМФ – Военно-музейный фонд (далее ВМФ). После расформирования и ликвидации ГМФ в 1925–1927 гг. имущество, хранившееся в Ново-Михайловском дворце,

Ил. 6. Револьвер. ВИМАИВиВС 1ИОФ 052/172. Общий вид футляра сверху

включая предметы из коллекции великого князя Михаила Николаевича, было передано в Артиллерийский музей (при этом небольшая часть имущества была передана в Эрмитаж).

На момент написания статьи автор не располагал прямыми доказательствами того, что револьвер являлся частью коллекции великого князя Михаила Николаевича, ведь в период деятельности ГМФ в Ново-Михайловском дворце хранились не только предметы из его коллекции, но и предметы военного назначения из Музея Пограничной стражи, музея Конно-гвардейского полка и других источников. Тем не менее, можно предположить, что

предмет с нанесенным на него изображением великокняжеской короны был частью коллекции великого князя.

Помимо истории поступления всего комплекта, интерес представляет и история его бытования. Согласно надписи на обивке внутренней части футляра, револьвер был куплен в Санкт-Петербурге, в оружейном магазине поставщика императорского двора Жана Мари Лардере, который находился в доме № 4 (дом архитектора Г. Боссе) по Невскому проспекту.

Оружейный магазин Лардере, по всей видимости, заказал у английской фирмы P. Webley & Son несколько револьверов в одинаковом оформлении. Это подтверждает наличие такого

Ил. 7. Револьвер в футляре, из собрания оружия Музеев Московского Кремля, Ор-6467/1-2; изображения с сайта салона антикварного оружия «Кирасир», через который револьвер был приобретен Музеями Московского Кремля

же, практически полностью идентичного комплекта в собрании оружия Музеев Московского Кремля (далее ММК) с наименованием «Револьвер системы Вебли в футляре с комплектом из 49 патронов, Англия, Бирмингем» и под номером Ор-6467/1-2 (ил. 7).

Комплект из собрания ММК примечателен тем, что на дно футляра наклеены два листка бумаги: «Первый (вырезка страницы с типографским текстом с рукописными заметками на полях): “№ 146 (но-

мер на вырезке поврежден, видны только цифры 46). Ларец, покрытый коричневой кожей и обивкой из фиолетового велюра, содержит никелированный и гравированный револьвер системы Веблей, № 2647. Рукоять из слоновой кости. 45 запасных патронов. На крышке ларца с внешней стороны — императорская корона, с внутренней отпечатано: “Дом Лардере в Санкт-Петербурге”.

Этот револьвер был в выдвижном ящике рабочего стола (бюро) царя”. Рукописные надписи на полях — наверху неразборчивая подпись, далее вниз: “6 июня 1931. Эксперт Рене Моро, Ницца, оценщик Г. Бодуэн, Париж, с подписями вышеназванных лиц”. Второй листок с рукописным текстом: “продажа памятных вещей — произведений искусства и прочих, царя Александра II. Оставлены его морганатической вдове княгине Юрьевской. Р. Моро, эксперт, Ницца, Генрих Бодуэн, оценщик. Продано в отеле Друо экспертом Рене Моро. Ницца. 6 июня 1931 г. № 146, Генрих Бодуэн, оценщик, Париж”»⁶.

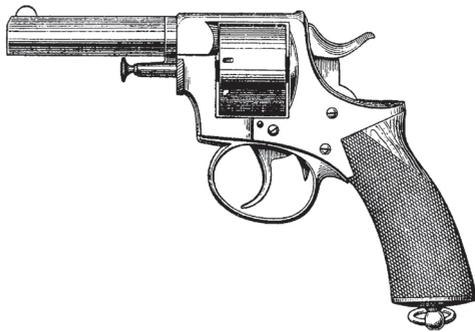
Специалистами ММК было проведено расследование, целью которого являлось документальное подтверждение легенды о том, что револьвер сначала принадлежал императору Александру II, а затем и его морганатической вдове, княгине Юрьевской (Екатерине Михайловне Долгоруковой, 1847–1922).

По результатам проведенного расследования ведущий специалист ММК В.Р. Новосёлов, сообщил в своем докладе: «...мы можем достоверно утверждать, что наш револьвер действительно тот, что был продан на аукционе в отеле Друо в 1931 г., он находился в составе имущества княгини Юрьевской и действительно мог быть среди вещей, находившихся в личных покоях Александра II»⁷. Однако, по словам В.Р. Новоселова, для более точного утверждения необходимы дополнительные исследования описей вещей Александра II, в первую очередь описей имущества, переданного княгине Юрьевской.

Как мы видим, изученные комплекты отличаются заводскими номерами револьверов, количеством сохранившихся патронов/гильз и историей бытования. Если револьвер из коллекции ВИМАИВиВС, будучи изготовленным в Великобритании и привезенным в Санкт-Петербург, после этого никогда не покидал пределов Российской империи, то револьвер из коллекции ММК побывал за границей и имеет довольно богатую историю.

Оба револьвера были изготовлены на базе всемирно известной модели, разработанной в 1867 г. и принятой на вооружение в 1868 г. полицией Ирландии как «Webley RIC № 1» (RIC — Royal Irish Constabulary) (ил. 8). Самые первые револьверы конструкции Веблей под унитарный патрон представляли собой копии ранних моделей револьверов конструкции Смит-Вессон с размыкающимися корпусами и со стволами, откидывающимися вверх. В 1865 г. появились револьверы его конструкции с монолитным

корпусом, какими являются и представленные экземпляры⁸. Одной из самых популярных моделей с монолитным корпусом и стал револьвер Webley RIC. Позднее модель неоднократно модифицировалась: в 1872 г. был предложен коммерческий вариант «Webley RIC № 2», а в 1883 г. создан револьвер «Webley RIC № 1 New Model» (ил. 8).

Ил. 8. Веблей, 1867, РИК (Royal Irish Constabulary — королевская ирландская полиция). Калибр .422 Боксер (10,7 мм) (рис. 4-13). Изображение заимствовано из труда: Жук А.Б. Стрелковое оружие. М.: Воениздат, 1992. С. 103

Визуальный осмотр дает понять, что оба револьвера были созданы как гражданское оружие: привычные деревянные накладки рукояти с ромбовидной насечкой заменены гладкими костяными, отсутствует подвижное кольцо для крепления шнура, металлические части декорированы гравировкой.

Довольно сложно определить точно период их изготовления. С одной стороны, можно предположить, что револьверы были изготовлены в 1870-е гг. Об этом свидетельствует год создания базовой модели Webley RIC, а также отсутствие на барабанах выемок, которые характерны для более позднего периода 1880-х гг. С другой стороны, сумбур в определении датировки вносит фирменный штамп на внутренней части крышки футляра. Напомним, что надпись на штампе звучит следующим образом: «PERSPECT: DE NEVSKY, M^{son} BOSSE № 4 PRES DE L'RAUTE | ANCIENNE MAISON BERTRAND LARDERET -ARQ^R DE S.M. L'EMPEREUR DE TOUTES LES RUSSIES S^TPETERSBOURG».

Проследим историю адреса. В 1853/1854 г. владельцем дома по адресу Невский проспект, № 4 стал архитектор Г.А. Боссе, а в 1858 г. произошла первая смена (после ее утверждения в 1834 г.) нумерации домов — дом стал номером 5. Действительно, на 1853 г. по адресу Невский проспект № 4 значился дом Боссе⁹, в то время как в 1862 г. дома № 4 по Невскому проспекту, во втором квартале (до Полицейского моста, 1-й Адмиралтейской

части) уже не существовало, зато дом Боссе числился под № 5¹⁰. Таким образом, содержание надписи в штампе могло быть актуальным в 1853–1858 гг. Единственным объяснением наличия такой надписи на предмете, изготовленном после 1858 г., может служить то, что оружейный магазин, создав однажды штамп, на протяжении

Ил. 9. Револьвер «Webley & Scott Ltd No. 1 Revolver 38», изготовленный в Глазго и проданный на аукционе Rock Island Auction 10 сентября 2011 г. (лот № 347). Изображение взято с сайта аукциона

многих лет использовал его, не обращая внимания на то, что адресная информация в нем устарела.

Стоит отметить, что подобные револьверы периодически встречаются на западных аукционах. Так, например, на аукционе Rock Island Auction, проходившем 10 сентября 2011 г., был выставлен лот № 347 — «Webley & Scott Ltd No. 1 Revolver 38». Аукционный экземпляр имеет идентичный музейным револьверам декор в виде гравировки растительным орнаментом и заводской номер 2844 (ил. 9).

Осторожность в датировке таких револьверов стоит проявлять также и по той причине, что в западном оружейоведении существует такое понятие как «pre-RIC», которым обозначают револьверы, по виду изготовленные на базе штатного или коммерческого вариантов Webley RIC, но датированные ранее 1867–1868 гг.

Осмотр сохранившихся при револьвере гильз от патронов не поспособствовал уточнению датировки, так как патроны могли быть куплены к револьверу и позднее либо после использования заменены новыми. Две гильзы (из коллекции ВИМАИВиВС), изготовленные на заводе Sellier & Bellot в Риге, могли быть выпущены в период с 1884 г. и вплоть до начала XX в. (ил. 10). Это подтверждается датой основания завода в Риге — в 1884 г.

В результате проведенного исследования было установлено, что поступивший в Артиллерийский музей в 1925 г. револьвер принадлежал одному из представителей правящей династии

Ил. 10. Гильзы от патронов калибра .320, из собрания ВИМАИВиВС

Романовых, предположительно великому князю Михаилу Николаевичу.

К сожалению, на данный момент автору не удалось установить точную дату изготовления револьвера и подробности его продажи. Для уточнения, по всей видимости, стоит обратиться к делопроизводственной документации оружейного магазина Лардере, ведь известно, что уже в 1860-е гг. оружейник оказывал ряд услуг представителям Императорского двора: в 1860 г. он осуществлял «починку карабинов и прочего для Его Велич.»¹¹, а в 1866 г. в магазине были приобретены «разные охотничьи вещи для принца Александра Гессенского»¹².

¹ Кулинский А.Н. Оружейные реликвии Дома Романовых. СПб.: Русская коллекция, Атлант, 2012; Анисимова М.А. По следам коллекции оружия Великого Князя Михаила Николаевича // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 г. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. С. 71–109.

² Сатинский В.Н. Ружейные клейма и их значение. М.; Л., 1932. С. 26.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 112. Д. 17. Л. 104.

⁴ Там же. Ф. 52. Оп. 110/17. Д. 9. Л. 46.

⁵ Там же.

⁶ Из неопубликованного доклада В.Р. Новосёлова (Музеи Московского Кремля «Револьвер Юрьевской») на семинаре «Историческое оружие в частных и музейных собраниях, 2004 г. Рукопись. С. 2.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Жук А.Б. Справочник по стрелковому оружию. М.: Военное издательство, 1993. С. 41.

⁹ Алфавитный список улиц, площадей и набережных с показанием обывательских домов и других зданий С. Петербурга. II часть путеводителя. СПб.: тип-я К. Вингебера, 1853. С. 38.

¹⁰ Цылов Н. Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году. СПб.: тип-я товарищества «Общественная Правда», 1862. С. 246.

¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2253.

¹² Там же. Д. 2914.

А.В. Орлов (Санкт-Петербург)

ВЗГЛЯД НА ВОЕННУЮ ЭКОНОМИКУ И ВОПРОС О ГОТОВНОСТИ РОССИИ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914–1917 ГОДОВ

ДОСТАТОЧНО ЛИ и на сегодняшний день понята и изучена не только военная промышленность, не только военная экономика России, а более широкая область нашей истории, в которой были неразрывны все необходимые факторы: война, промышленность, политика, проблемы войны и мира, — для ответа на главный вопрос: могла ли Россия выйти из войны наравне со своими союзниками, что этому мешало и почему это так не удалось, как произошло? На мой взгляд, вопрос в такой постановке важен для того, чтобы ответить на три фундаментальных вопроса:

1) Какими возможностями располагала Россия для ведения войны, если учитывать помощь союзников по Антанте?

2) Как определить внутренние ресурсы Империи, если кроме экономических факторов действовали довоенные политические и политические во время войны?

3) какие перспективы были у страны и политического строя Империи в продолжении войны, особенно после 1915 года, когда определились главнейшие возможности страны в деле промышленной мобилизации и кратковременных эффектов от мобилизации на войну?

4) Наконец, состояние общества и народных масс в течение военных лет? Это состояние не было только патриотическим, оно все больше менялось, наполняясь депрессией и пессимизмом.

Такая раскладка побуждает к выяснению заново многих моментов в общей теме «Война и промышленность». Например:

– связь казенной и частной промышленности как элементов взаимозависимых или дополняющих одна другую;

- структура частной промышленности по отраслям и производителям;
- промышленная политика Империи и ее ведомств, и в особенности в отношении крупной промышленности;
- синдикаты в России и отношение к ним в обществе и правительстве;
- рабочий вопрос в России перед войной и во время войны;
- борьба с военным министерством и ГАУ со стороны общества и последствия этой борьбы.

В работе Е.З. Барсукова «Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну», вышедшей в Москве в 1928 г., подводятся итоги усилий российской промышленности в деле военного производства в условиях войны и экономической блокады России. Именно промышленности, а не военной промышленности только, и не «боевого снабжения», как у А.А. Маниковского, хотя и тот подразумевал именно промышленность. Апологетика Маниковского именно в адрес казенной промышленности совершенно очевидна. Барсуков заметно изменил подход: во-первых, он взял в рассмотрение и казенную, и частную промышленность, по возможности не делая между ними непроходимой разницы, во-вторых, именно он поставил вопрос о предвоенном и вообще довоенном развитии артиллерийской промышленности, хотя и не специально ее рассматривая, а только с точки зрения обеспеченной подготовки к войне, каковой стала мировая война 1914–1918 гг. Но ни тот, ни другой практически не ставят вопроса и связанной с этим вопросом проблемы промышленной политики Российской империи. А между тем, именно от этого вопроса зависит и другой: военный потенциал и военно-экономический в частности. То, каким образом и в каких условиях развивалась Россия до войны, конечно, неизбежно должно было сказаться на времени войны. Это утверждение, мне кажется, не требует никакого оспаривания. Но в этом случае требуются и подходы не такие, как нам известны.

Во-первых, необходимы большие поправки в вопросе о том, почему и как Империя потеряла способность успешно продолжать войну с точки зрения того, чтобы хотя бы выстоять в борьбе с противниками, не преследуя при этом достижение прямой военной победы.

Во-вторых, требуются новые оценки в отношении не отдельных производств, а общей картины вклада частной

промышленности. Именно частной, поскольку казенная военная промышленность на сегодняшний день достаточно лучше представлена, хотя и в общих отраслевых чертах.

В-третьих, нет и на сегодня полноты картины связи промышленного развития и социально-политических проблем и влияния последних на возможности, энергию и потенциал военной экономики России в целом.

В-четвертых, не обнаружена или не показана связь между вопросами производства и финансирования и их особенностей в России. Несомненно, что в отличие от своих союзников по Антанте Россия должна быть признана особой державой, и с таким грузом проблем, который мало соотносим с союзными державами. Взгляд на положение и условия России должен быть критически заново оценен.

Труд Барсукова дает для этого немало оснований. Хотя и в очень сжатом виде, в форме статистических и отраслевых подсчетов и таблиц, он приводит огромное количество производителей, которые были включены в процессы военных производств. Надо обязательно учитывать тот факт, в каких условиях происходило развертывание новых отраслей военного назначения и в каком состоянии находились эти новые производители в химической, автомобильной, электротехнической и общемеханической отраслях, а также состояние российской металлургии.

На мой взгляд как историка, давно занимающегося названными вопросами, большое значение имеет даже общая, но концентрированная наглядность для сопоставления производителей и отраслей производства, которые выявлены и уже известны. Начнем с отраслей. За базовые всеми авторами принимаются следующие: производство ружей и пулеметов, производство ружейных патронов, производство артиллерийских орудий и материальной части артиллерий (лафеты, стволы, затворы, зарядные ящики, передки, полевые повозки), снарядное производство всех калибров с подразделением их на легкие и тяжелые, производство взрывателей, дистанционных и ударных трубок, капсюльных втулок, производство пороха и взрывчатых веществ¹. Все авторы при этом документально подтверждают свои труды многочисленными ссылками на архивы ГАУ (фонд 6 архива ВИМАИВиВС) и личный фонд А.А. Маниковского, переведенный в Москву². Можно отметить еще и то немаловажное обстоятельство, что Маниковский, как первый из авторов, сразу использовал целый

ряд важнейших источников: архив Управления полевого генерал-инспектора артиллерии (этот фонд представлен в архиве ВИМАИВиВС), Главного управления по заграничным заказам (фонд 1525 РГИА) и Комиссии по учету и распределению иностранной валюты (фонд 1524 РГИА), Управления генерал-квартирмейстера, журналы Особого совещания по обороне (фонд 13 в архиве ВИМАИВиВС), свод сведений, собранных для Верховной следственной комиссии графа В. Бобринского (фонд 1276 РГИА, Совет министров), отчет Особой Распорядительной комиссии по артиллерийской части (ОРКАЧ, фонд 12 архива ВИМАИВиВС). Несомненно, интерес представляют и фонд 10 Уполномоченного по изготовлению снарядов французского образца генерал-майора С.Н. Ванкова, и фонд Артиллерийского комитета ГАУ (фонд 4 архива ВИМАИВиВС). Дела, связанные с организацией и работой на оборону Царицынского оружейного завода, содержатся в фондах РГА ВМФ (фонд 418, Морской Генеральный штаб, и фонд 401, Главное Управление кораблестроения).

В предисловии ко второму изданию трудов А.А. Маниковского, вышедшему в 1930 г., Е.З. Барсуков сообщает: «Несмотря на обширность использованного архивного материала, переработанный и дополненный мною труд Маниковского все еще нельзя считать вполне исчерпывающим весьма сложные и многообразные вопросы боевого снабжения»³. Точно также Барсуков отмечает, что «труд А.А. Маниковского в первом издании отражает всецело личные взгляды и весьма ценные выводы автора, но... в труде осталось немало пробелов, многие вопросы боевого снабжения затронуты лишь вскользь (как, например, организация снабжения в тылу и на фронте) или вовсе не затронуты», и кроме того, суждения Маниковского оказывались «подчас резкие и субъективные»⁴, что приходилось учитывать критически самому Барсукову в написании его трудов.

Нельзя не заметить, что одним из важнейших вопросов для обоих авторов явился вопрос об ответственности ГАУ за сложившееся положение и в военной промышленности, и в тех расчетах, из которых исходили отделы ГАУ, планируя производство и его мощности накануне и во время войны. Ставка при этом делалась на развитие и модернизацию именно казенных заводов ГАУ. До войны речь не шла о том, чтобы недостаток казенных заводов возмещать организацией или ростом частной военной промышленности, если не считать некоторых,

правда, существенных производителей, как заводы Путиловский, Русского Общества для изготовления снарядов и военных припасов, В.С. Барановского, но главным образом почти одного только Путиловского завода. Это поощрение носило совершенно вынужденный характер, так как в деле производства пушек и гаубиц зависимость Военного министерства от услуг Путиловского завода была и традиционна, и безальтернативна.

Если и можно говорить в узком смысле только о военной промышленности в России, то все равно нельзя не признать, что любая и всюду военная индустрия опирается на более широкую вспомогательную часть промышленности, где металлургия, например, имеет, несомненно, ведущее значение. И технологически, и как затратоемкая. Однако одними пушками и снарядами армия и флот не исчерпывались. Для анализа необходимо принимать во внимание всю сферу обслуживания вооружений и техники, начиная от транспорта и электротехники и кончая средствами наблюдения и связи. Об этом как раз и нет речи в работах Маниковского и Барсукова, если не считать весьма кратких упоминаний и таблиц. Совершенно нет никаких оценок и рассмотрения вопросов амуниции и снаряжения, без которых и сама «работа промышленности» и «снабжение» армии выглядят крайне односторонне. Все это заставляет подходить и к изложенной проблеме, не повторяя задачи, которые ставили себе первые авторы, а идти дальше.

Для Маниковского едва ли не главная проблема звучит как недостаток и недокомплект артиллерийских вооружений, снарядов в первую очередь, уже с самого начала войны⁵. Для Барсукова проблема оказывалась явно шире и глубже. На мой взгляд, он совершенно справедливо пишет следующее: «в довоенное время мало учитывалось значение для успеха боевых действий современного и достаточного обеспечения армии предметами боевого снабжения и, можно сказать, совершенно не учитывалась та доминирующая роль, какую играет состояние народного хозяйства и, в особенности, состояние его индустрии для достижения успехов войны в современных условиях. Не учитывая указанных основных факторов, Россия заблаговременно не развила необходимых отраслей промышленности и совершенно не подготовила мобилизацию промышленности и всего народного хозяйства для нужд войны»⁶. Но далее еще больше: «Для заготовления требовавшихся предметов пришлось бы мобилизовать всю русскую промышленность и затратить миллиарды народных денег

на заграничные заказы, пришлось наспех, путем импровизации, разрешать неотложные задачи по привлечению к работе на армию русской гражданской промышленности и во все время войны развивать производство всех казенных и частных заводов, прибегая к строительству новых заводов, чтобы непрерывно увеличивать массовый выход предметов боевого снабжения»⁷.

Но что такое это «народное хозяйство», как не та часть промышленности, которая не относима к казенной? Понятно, что речь идет о частной промышленности во всей ее представительности и многообразии.

Вот список, по Барсукову, который показывает, насколько положение было тяжелым для промышленности в России за все время войны:

- сильная зависимость от привозных станков;
- слабая развитость и даже упадок казенной промышленности перед войной в связи с ее растущей недогрузкой и простаиванием;
- отсутствие некоторых сырых материалов и химических веществ (алюминия, некоторых сортов инструментальной стали, селитры, толуола и проч.

Кроме того, огромные расстояния для перевозок, недостаток топлива и самого транспорта (вагонов и паровозов).

Но ведь состояние народного хозяйства не могло быть не продиктовано во многом именно политикой в области промышленности, причем задолго до войны. И в этом смысле мне представляется совершенно проблематичным всякое игнорирование факта, что невозможно было совершить никаких чудес во время войны в области промышленной, если только не закончить войну для России как можно скорее. Огромные людские потери, дезертирство и тяжелые бои, которые усугубляли и затягивали войну, напрямую были связаны с неспособностью оборонной индустрии переломить ситуацию в пользу вооруженного наступления, достаточно эффективного и срочного. Это положение сказывалось на моральном состоянии армии, на планировании, на работе тыла и положении в городах, где недовольство рабочих дороговизной росло. Если Россия не могла вести войну наступательную и переломить ситуацию в свою пользу, то приближение социального взрыва становилось большой угрозой для способности вообще продолжать войну.

В отличие от казенных оборонных предприятий частные предприятия занимали особое место в структуре военных

производителей. Например, в области производства тяжелых боеприпасов и броневых в особенности. Другой отраслью, где частная промышленность наращивала свои обороты, было производство бездымного пороха, серной кислоты, динамита, аэропланов, специальной стали (инструментальной), всевозможных двигателей, винтовочно-патронное и гильзовое, снарядных корпусов, медных поясков для снарядов, капсюльных втулок для снарядов, капсюлей-детонаторов, взрывателей различных типов, ударных трубок, латуни и меди, алюминия, разнообразной арматуры, электротехническое, средств связи, обозное, минометное, ручных гранат, противогазов, стальных касок, проволочное, резиновое, сырьевых компонентов для взрывчатых веществ (тринитротолуола, бензола, серного колчедана, хлопоочистительное), лако-красочное, оптико-механическое, приборов управления артиллерийским огнем (ПУАО), минное, кабельное, зажигательных шнуров, ламп накаливания и вольфрамовой проволоки, электростали, узкоколейных путей, воздушных винтов. Огромно количество работ на флоте по судовому оборудованию, монтажу, ремонту, снабжению кораблей. Это изготовление и установка орудийных башен (а также их поворотных механизмов, систем электроуправления ими); выпуск динамо-машин, двигателей внутреннего сгорания (судовых дизелей), противоминных сетей. Сюда же входят наиболее дорогостоящие фортификационные работы, броневые колпаки. Кстати сказать, металлургическая база, которая была представлена именно частной промышленностью (маргеновское производство, специальное чугунное литье и сплавы в интересах артиллерии) позволила, несомненно, в несколько раз поднять выход продукции, особенно снарядной всех калибров. Совершенно случайно отмечен и не сопоставлен до сих пор в литературе такой показатель, как производство бронепроката (броневых плит и колпаков, броневой никелевой стали). Точно так же явно недооценены усилия ряда московских и петроградских лабораторий и частных специализированных опытно-исследовательских центров в области снарядной металлургии, химических компонентов, специального приборостроения. Масса всевозможных и крайне разнообразных вспомогательных работ производилась именно по заказам оборонных ведомств частными, а не казенными производителями. Пока эта масса остается не замеченной и не сопоставленной хотя бы в отраслевом плане, до тех пор нам будет трудно, если вообще возможно, судить

о том, каков был действительный вклад в оборонное производство не одних казенных заводов, но и частных наравне с ними в это время.

Война открыла для частной промышленности большие возможности проявить себя и дать силу и характер частной инициативе. В основе таких возможностей лежали два фактора: чрезвычайные потребности войны и ведомств и относительно широкое кредитование промышленности, этими потребностями и определяемое.

В работе генерала В.С. Михайлова дается оценка Организации уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова по производству снарядов французского образца. Между тем, эта организация была самым заметным и массовым явлением частной индустрии в России, хотя и средней и мелкой преимущественно. Можно с уверенностью говорить, что оценка эта оказалась весьма высокой⁸.

Между тем, в Приложениях к работе Е.З. Барсукова (1928) мы обнаруживаем весьма любопытные таблицы с цифровыми и различными показателями относительно работ, выполненных именно частными заводами России за время войны. К таким можно отнести следующие данные⁹.

Наименование отрасли производства за период 1914–1918 гг.	Число предприятий (география), принадлежность (казенные или частные)
Производство 3 дм (76 мм) снарядов по экономическим районам	По районам: Северный район — 22 завода, их них 5 заводов казенных; Центральный район — 9 заводов и предприятий военно-промышленных комитетов (ВПК) и Земгора, все частные; Восточный район — 17 заводов, из них 7 заводов казенных, 10 частных; Южный район — 10 заводов Юга России + Организация уполномоченного ГАУ генерал-лейтенанта Ванкова (около 300 заводов и мастерских).

<p>Наименование отрасли производства за период 1914–1918 гг.</p>	<p>Число предприятий (география), принадлежность (казенные или частные)</p>
<p>Изготовление заводами 6 дм (152 мм) снарядов</p>	<p>Частные: Путиловский, завод Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов (РОИС), Брянский, Петроградский металлический, Сормовский, Богословский, Гельсингфорский, Лильпоп, Рау и Левенштейн, Рудзского, Русско-Балтийский вагонный, Лысвенский, Исетский (братьев Злоказовых), Демидовский, Никополь-Мариупольский, Организация Ванкова, Земгор, ВПК (без указания места в.-п. комитета). Казенные: Пермский, Златоустовский, Кусинский, Верхнетурунинский, Баранчинский, Олонецкий.</p>
<p>Изготовление заводами 122 мм (48 лин.) снарядов</p>	<p>Частные: Богословский, Беккер, Лесснер, Мальцовский, Московского Товарищества, Невский, Никополь-Мариупольский, Петроградский металлический, Нижегородского биржевого комитета. Казенные: Златоустовский, Кусинский, Верхнетурунинский, Баранчинский, Железнодорожные мастерские.</p>
<p>Изготовление взрывчатых веществ</p> <p>Тротил Пикриновая кислота Тетрил Ксилит Динитрофенол Динитробензол Аммиачная селитра Аммонал Шнейдерит Динитронафталин</p>	<p>Тротил: Шлиссельбургский завод Русск. о-ва для изготовл. пороха и взрывчатых веществ (РОИПиВВ), завод Ушкова, завод Фарбверке, завод бензольно-анилинового тов-ва, Лисичанский завод, завод Серикова и Старостина, Охтенский казенный завод взрывчатых веществ, Самарский казенный завод взрывчатых веществ. Пикриновая кислота: завод Электрон Южно-Русского о-ва, завод Виннер, фабрика Лепёшкин и сыновья, Шлиссельбургский завод РОИПиВВ, Любимов, Сольвэ и К°, завод Ушкова, Докторовский химический завод.</p>

<p>Наименование отрасли производства за период 1914–1918 гг.</p>	<p>Число предприятий (география), принадлежность (казенные или частные)</p>
	<p>Тетрил: Русское акц. о-во Шеринг, Шлиссельбургский завод РОВПиВВ.</p> <p>Ксилит: Кроттэ, завод Петровский о-ва хим. и механич. производств, Штеровский завод.</p> <p>Франко-Русского общества, Охтенский казенный завод взрывчатых веществ.</p> <p>Динитрофенол: завод Электрон Южно-Русского о-ва, завод Любимов, Сольвэ и К°.</p> <p>Динитробензол: завод Рихард Майер, Тентелевский химический завод.</p> <p>Аммиачная селитра: Штеровский завод Франко-Русского общества, Константиновский з-д о-ва Донецкого стекольного химического производства, завод Ливенгофского о-ва.</p> <p>Аммонал: Штеровский завод Франко-Русского общества, Шлиссельбургский завод РОИПиВВ, Свеаборгская снаряжательная мастерская.</p> <p>Шнейдерит: завод Фавье, завод Ралле, завод Снежкова.</p> <p>Динитронафталин: Трехгорное пивоваренное общество, Штеровский завод Франко-Русского общества.</p>
<p>Выработка серной кислоты в сентябре 1916 г. и азотной кислоты в октябре 1916 г.</p>	<p>1. Петроградский район: Охтенский казенный пороховой завод, Шлиссельбургский з-д, завод Р. Майера в Ревеле, Чудовский завод (ст. Чудово).</p> <p>2. Верхне-Волжский район: заводы Бурнаева-Курочкина в Кинешме и в Романове-Борисоглебске, завод Понизовкина в Ярославле, завод Рогозина возле Ярославля, Какушкина в Плесе Костромской губ., Бензолово-анилиновый завод.</p>

<p>Наименование отрасли производства за период 1914–1918 гг.</p>	<p>Число предприятий (география), принадлежность (казенные или частные)</p>
	<p>3. Московский район: Лепёшкина в Иванове-Вознесенске, Москве, Дегунине Московской губ., з-д Рабенец (ст. Щелково), з-д Братьев Красавиных (ст. Жилево и Ховрино), Докторовский завод (ст. Кудиново), завод Иванова в Москве, з-д Афанасьева (ст. Сергиево), з-д Гилля, (ст. Щелково и Гола), з-д Зиллера в Москве, з-д Земгора в Нижнем Новгороде, Трехгорного пивоваренного завода в Москве, фабрика наследников И.И. Сикачёва, ф-ка Куликова, з-д Торг. Дома Карл Блеш, з-д Забродина.</p> <p>4. Средне-Волжский район: з-ды Ушкова в Казани, на ст. Иващенко, в Бондюгах, з-д Крестовниковых в Казани, з-д Саратовской город. управы, Самарский з-д взрывчатых веществ.</p> <p>5. Уральский район: з-д Вадарской (ст. Полдневная), Надежинский з-д (ст. Калата), О-во Кыштымского горного завода, з-д Шайтанского о-ва (ст. Ревда), з-д Пермского земства.</p> <p>6. Южный район: Шостенский казенный пороховой завод, з-д Подольского о-ва в Виннице, з-д Ливенгофского о-ва (ст. Насветевич), з-д Донецкого о-ва (ст. Константиновка), з-д Днепровского о-ва в Кадиевке, з-д Анонимного о-ва химических продуктов в Одессе, з-д Франко-Русского о-ва (ст. Штерровка), з-д Лисичанского о-ва в Лисичанске, з-д Русского акц. о-ва химических промышленности 1914 г. (ст. Рубежная).</p> <p>7. Кавказский район: «Алагирь» во Владикавказе, з-д Нобель в Баку, з-д Шибаева в Баку, з-д Дюкенна в Баку.</p>

<p>Наименование отрасли производства за период 1914–1918 гг.</p>	<p>Число предприятий (география), принадлежность (казенные или частные)</p>
<p>Производство удушающих средств (У. С.)</p> <p>Хлор Фосген Бром Хлорникрин Хлористый сульфурил Сернистый ангидрид Хлорное олово Железисто-синеродистый калий (для синильной кислоты) Цианистый натрий и калий Хлороформ (технический) Хлористый мышьяк</p>	<p>Хлор: О-во Любимов и Сольвэ, «Электрон» Южно-Русского о-ва, Бондюжский завод Ушкова, Саратовская гор. управа.</p> <p>Фосген: Иваново-Вознесенское т-во механических изделий, Т-во Шустова в Москве, Казанский казенный завод, Глобинский завод, О-во Любимов и Сольвэ.</p> <p>Бром: Завод Балашова в Сакках.</p> <p>Хлорникрин: завод Кочеткова, завод Красавина, завод Радле, Глобинский казенный, завод Баденской фабрики, Петроградское химико-техническое училище, Петроградский политехнический институт.</p> <p>Хлористый сульфурил: завод Рабенец в Москве.</p> <p>Сернистый ангидрид: завод Рабенец.</p> <p>Хлорное олово: завод Ватраме.</p> <p>Железисто-синеродистый калий (для синильной кислоты): Всеросс. Земский союз, завод Запрягаева, з-д Лепёхина, з-д Липинского, тов-во Вахрамеева.</p> <p>Цианистый натрий и калий: з-д инженера Тагера в Москве</p> <p>Хлороформ (технический): заводы Гагариной, Тагера, Чердынцева и Морозова, Крель и Оттоман.</p> <p>Хлористый мышьяк: Ольгинский завод П. Беккель в Москве.</p>

Анализируя такие данные, следует учесть следующие обстоятельства: 1. количество задействованных заводов еще не говорит об их мощности; 2. производительность и получение заказов этими предприятиями были различны и вклад их неодинаков; 3. количественные показатели далеко не во всех случаях оправдывали ожидания ведомств и запланированный выход продукции в контрактные и подрядные сроки.

Весьма важным вопросом является также и то, например, какого типа снаряды производились, с какого срока начиная и какие объемы были заказаны тем или иным производителям. При всей внешней «стихийности» этих заказов, они вызывались той потребностью, которая не могла быть удовлетворена уже загруженными заказами предприятиями, и чье оборудование совершенно не позволяло выполнить новые нагрузки.

Для анализа работ и эффективности отдельных предприятий имеют значение не только наличие опыта в работах, оборудование и величина выполняемых работ, но и расположение предприятия в России, его снабженность топливом, металлами и необходимыми материалами и сырьем.

Наконец, важнейшим фактором работы являлось своевременное и достаточное финансирование.

Размещение военной индустрии

Говоря о промышленном районировании в условиях России, следует заметить, что в некоторых случаях районы статистически не разделялись. Так, Уральский и Поволжский объединялись в Восточный промышленный район. Сюда наряду с казенными и частными уральскими заводами были отнесены, например, такие сильные заводы, как Сормовский, завод Нижегородского биржевого комитета, давшие вдвоем более 30 % всей снарядной продукции по сравнению с 15 снарядными заводами Урала. В Южном районе, главном металлургическом районе Империи, значилось 11 заводов, все частные, из которых 4 эвакуированы из Царства Польского и Прибалтийского края, вновь возникших 2 и в составе Организации Ванкова не указанные, но, по всей видимости, самые крупные производители мартеновской стали и чугуна.

Нельзя игнорировать экономические условия, в которых приходилось действовать. В 1917 г. не только политическое положение страны резко изменилось, но и внутриэкономический кризис развивался с нарастающей прогрессией. Это приходится признавать и самим специалистам ГАУ. «Заводы, — пишет Е.З. Барсуков, — при тех условиях, какие создались в 1917 г. для промышленников, не соглашались заключать договоры на поставку изделий в определенные сроки, по определенным ценам и под ответственностью неустоек. Заводчики настаивали на даче им заказов по формуле: “по действительной себестоимости плюс

некоторый процент прибыли”. ГАУ, со своей стороны, не считало возможным пойти на подобные условия и не предоставляло право своему уполномоченному С.Н. Ванкову заключать договоры, не обусловленные неустойкой. Вопрос этот оставался открытым до конца 1917 г., т. е. до ликвидации всех заказов после Октябрьской революции»¹⁰.

Перед войной размещение заводов военной промышленности имело сильно выраженный столичный характер. Это касалось и казенных, и частных предприятий. Для ГАУ и Военного министерства было удобно и выгодно инспектировать и контролировать производителей, сосредоточенных в одном центре, в Петрограде, где промышленная активность и непосредственное получение заказов находились в единстве. Москва совершенно не имела оборонных производств, и ближайшим центром таковых была Тула. Можно утверждать, что в качестве важнейшего промышленного центра Москва игнорировалась ГАУ даже в планировании: перспективным считался район Поволжья (Самара, Сызрань, Саратов), близкий к Югу России, Донецкому бассейну.

Далеко не сразу выяснилось, что война не окончится в ближайшие месяцы. Поскольку фронт требовал все большего военного снаряжения и боеприпасов, расход металла возрастал. Вместе с тем росло и значение металлургии, ведущим центром которой являлся Донбасс и предприятия Юга России (Украины). Южный промышленный район, кроме того, находился в сравнительной безопасности и удаленности от театра военных действий. Помимо этого, именно Донбасс явился главным районом угольного топлива, на котором работали заводы Петрограда. Заводы Юга должны были теперь, во время войны, переключиться на максимальное производство снарядной заготовки из мартеновской стали и для оружейного производства. Эти 14 заводов можно назвать в следующем порядке¹¹:

1.	Царицынский завод Донецко-Юрьевского металлургического общества (ДЮМО, Царицынский сталелитейный и прокатный завод в Саратовской губернии)	Сталь круглая шрапнельная, сталь для запальных стаканов
----	--	---

2.	Донецкое общество в Дружковке (Дружковский чугунолитейный, железоделательный и сталелитейный завод), ст. Дружковка, Екатеринославской губ.	Сталь круглая шрапнельная
3.	Южно-Русское Днепровское общество (Днепровский завод при станции Тритузная, Кадиевский металлургический завод при ст. Алмазная), Нижнеднепровск, Екатеринославская губ. — сталь круглая шрапнельная	Стаканы штампованные стальные для фугасных гранат
4.	О-во Альберт, Нев, Вильде, котельный завод в Таганроге	Стальная квадратная заготовка
5.	Краматорский металлургический завод, ст. Краматорская, Южных ж. д.	Сверленные корпуса 3 дм гранат
6.	Завод Русского о-ва трубопрокатных заводов Шодуар (сталелитейный, листопрокатный и трубопрокатный завод в Екатеринославе), ст. Горяиново, Екатерининской жел. дороги	3 дм сверленные гранаты, корпуса 3 дм фугасных гранат
7.	Донецкое металлургическое общество штампования, эстампажный завод Нижнеднепровск, Екатеринославская губ.	Стаканы гранатные стальные
8.	Петровский завод Русско-Бельгийского общества, ст. Енакиево, Екатеринославская губ.	Сталь круглая шрапнельная
9.	Русский Провиданс, металлургический и прокатный завод, Елисаветград	Сталь круглая шрапнельная
10.	Гантке, о-во русской железной промышленности, (Екатеринославский и Саратовский заводы) Нижнеднепровск	Сталь круглая шрапнельная
11.	Донецкое общество (екатеринославских) железоделательных и сталелитейных производств, Екатеринослав	Сталь шрапнельная круглая

12.	Новороссийское о-во каменноугольного, железного, стального и рельсового производств в Юзовке, Екатеринославской губ.	Сталь шрапнельная круглая
13.	Макеевский металлургический завод анонимного общества «Русский горный металлургический «Унион»», в Макеевке (область войска Донского)	Сортовая сталь, круглая гранатная сталь
14.	Сулинский металлургический завод (чугуноплавильный и железоделательный завод, область войска Донского), ст. Сулин	Сталь круглая гранатная

Следует учесть также, что общие потребности частной промышленности в металле для выполнения военных заказов были несравнимо больше потребностей одних только казенных заводов, в то время как синдикат «Продамета» снабжал чугуном и сталью не только частную, но в значительной доле и казенную военную индустрию.

«Опыт текущей войны, — говорилось в записке начальника ГВТУ генерала Милеанта от 6 сентября 1916 г., — во всю ширь развернул значение металлургической промышленности для военных заказов; есть металл, — идут работы — нет его, и работа не двигается. Этот же опыт показал, что частные механические заводы, имеющие в своем распоряжении то или иное металлургическое предприятие, в смысле успешности выполнения заказов, идут далеко впереди остальных заводов (как Сормово, Коломна, Брянские и проч.)»¹².

Группировка предприятий по специализации

За время войны появились десятки новых производителей, в особенности частных предприятий, которые были вовлечены в оборонное производство. Это особенно заметно в таких производствах, как снарядное и химическое. Однако еще ряд отраслей в силу огромных потребностей получил развитие. Перегруженность казенных заводов ГАУ оказалась столь велика, что даже при всем расширении их мощностей они не могли справиться с потребностями фронта. Е.З. Барсуков пишет

о ружейном и пулеметном производстве: «Выдержать подобное напряжение производства еще сколько-нибудь продолжительный срок заводы уже не могли, да и нельзя было дальше развивать производительность на существующих заводах, так как все заводские площади были заняты до отказа и оборудование заводов было использовано сверх меры»¹³. При этом возникает закономерный вопрос: почему же частная промышленность за годы войны так и не была привлечена к таким отраслям, как ружейное и пулеметное дело? До войны никто и не думал, что в такого рода производствах понадобится частный производитель. Специалистов-оружейников для частной промышленности не было. Чтобы оборудовать такие заводы, по опыту казенного производства, требовалось не менее 2–3 лет, причем затраты были непредсказуемо велики.

Традиционными в отношениях с частной промышленностью были заказы на снаряды без взрывателей и снаряжения, т. е. собственно на корпуса и гильзы. Петроградский трубочный завод как ведущий производитель всех типов взрывателей оказался переобременен заказами, не хватало и мощностей Самарского трубочного завода ГАУ. В 1915 г. Сетрорецкий и Тульский казенные оружейные заводы приняли крупные заказы на взрыватели, хотя их основное назначение заключалось в производстве винтовок. Лишь один частный гильзовый завод П.В. Барановского в Петрограде накануне войны получил заказ на дистанционные трубки, что было признанием недостаточности двух казенных заводов. «Во время войны к изготовлению трубок, взрывателей и капсюльных втулок были привлечены, кроме указанных заводов [казенный Петроградский трубочный, Самарский трубочный и частный завод Барановского], еще следующие:

а) дистанционных трубок — Воронежский машиностроительный завод Столь и К°, Московский завод «Всеобщей компании электричества», эвакуированный из Москвы в Ригу, заводы «Промет», Барановского и «Вестингауз»;

б) взрывателей и ударных трубок — «Динамо» (в Петрограде), Сименс Шуккерт, «Шестерня Цитроэн», заводы Невьянский, Лысьвенский, Гельсингфорский, Таганрогский, Горловский (Беккера), Коломенский, Сумский, Петроградское городское управление, Блаугаз (Нефтегаз), Сименс и Гальске, Феникс, Михельсон, Бенуа, Русское Соединенное общество механических

заводов (Лесснер), завод Шиманского, Русско-Балтийский (в Таганроге), Барановского и Организация уполномоченного ГАУ инженера Ванкова;

в) капсюльных втулок — заводы Столь и К°, Феникс, Франко-Русский, Писарева, Сан-Галли, Маршак (в Киеве), Эйсман (в Москве), Физический институт Московского университета, товарищество Фаберже, Демиевский завод (в Киеве), Русское о-во для изготовления снарядов и военных припасов, электромеханические мастерские С. О. Ш.

Несмотря на привлечение столь многих, в большинстве крупных русских заводов, все же производительностью их не могла быть удовлетворена огромная потребность в трубках и взрывателях, вызванная войной»¹⁴.

Это перечисление лишь подтверждает необходимость частных заводов и в трубочном деле. По крайней мере, до начала 1916 г. ГАУ не имело планов строительства собственных трубочных заводов, надеясь на работу частных производителей. Такое большое количество совершенно не готовых прежде к подобному сложному производству предприятий не говорит в пользу продуманности самого решения, но объясняется вынужденными обстоятельствами: заказы за границей уже были размещены, и планировать новые за пределами России можно было только на отдаленные сроки их реализации. Заводы в России предлагали свои услуги, но не имели опыта и должны были еще быть оборудованными, что, конечно, потребовало большого времени.

С одной стороны, и А.А. Маниковский, и Е.З. Барсуков признают, например, сложность такого тонкого производства, как дедонаторные трубки, с другой — констатируют, что частные заводы справлялись с этим новым для них заданием. Ведь опоздания в сроках и медленный выход изделий говорили вовсе не о способности заводов-новичков осваивать новые технологии, а только о том, что они не справлялись с чрезвычайными контрактными сроками в условиях войны. А эти условия оказались очень сложными во многих отношениях: снабжения оборудованием, металлами и топливом е хватало именно для вновь задействованных заводов. Что же касается казенных военных предприятий, то они в силу своего значения и заданий должны были получать снабжение в первую очередь и преимущественно перед всеми частными поставщиками. Кроме того, для налаживания такого производства требовались:

1) специально обученные рабочие, в которых наблюдался огромный дефицит;

2) время для освоения и многие пробы, брак и неудачи прежде успеха;

3) кадры приемщиков и браковщиков, которых также не хватало.

Требовались терпение и учет множества этих и других обстоятельств (своевременный подвоз и работа транспорта, передача на заводы деталей чертежей и невнесение в них изменений во время уже массового производства). Но ведь в мирное время, например, для налаживания или освоения такого производства, как дистанционные трубки, детонаторные трубки и их части казенные заводы тратили не один месяц! И здесь к частным предприятиям предъявлялись такие требования и в столь краткие сроки, что ГАУ во многих случаях сознавало сомнительность соблюдения контрактных сроков новыми предприятиями, а тем более частными.

Объемы заказов для заводов, прежде совершенно не знакомых с новыми производствами, впечатляют. Причем очень крупные заказы передаются таким предприятиям, которые никогда прежде не были привлекаемы к подобным работам. Таким, например, как завод АО «Лысьвенский Горный Округ» наследников графа Шувалова — заказ на 200 000 шт. 6 дм шрапнелей стоимостью 12 млн р.¹⁵ или Русское АО «Сименс-Шуккерт» на 2 млн взрывателей 3 Г. Т. на сумму 20,9 млн р.¹⁶ в сентябре 1915 г. Или заказы Богословскому горнозаводскому обществу на 250 000 шт. 48-лин. и 6 дм фугасных снарядов стоимостью 13,9 млн р., в июле–сентябре 1915 г.¹⁷, заводу Г.А. Лесснера на 83 000 шт. фугасных 48-лин. бомб стоимостью 3 млн 569 тыс. р.¹⁸, Русско-Балтийскому судостроительному и механическому акционерному обществу заказ на 242 500 шт. 48-лин. фугасных бомб общей стоимостью 10 851 875 р.¹⁹. Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) получил в декабре 1915 г. заказ на 18 833 400 корпусов ручных гранат с комплектами к ним, всего на сумму 58 400 450 р.²⁰. Никополь-Мариупольское горное и металлургическое общество сооружало специальный снарядный завод для производства 48-лин. фугасных бомб, получив в августе 1915 г. заказ на общую сумму 18 млн р.²¹. 28 октября 1916 г. ГАУ с товариществом «Феникс» был заключен контракт за № 334 — 1916 г. на поставку в срок с 6 мая по 6 ноября 1917 г. 150 000 шт. 45-лин. фугасных снарядов к английской

гаубице на сумму 5 820 000 р. В журнале Подготовительной комиссии Особого совещания по обороне говорилось: «Принимая во внимание, что Т-во «Феникс», принявшее на себя изготовление 45-лин. снарядов впервые, и вообще устанавливающее производство таких снарядов в России впервые, имело бы основание исходатайствовать еще при испрошении заказа о выдаче $\frac{2}{3}$ заказа... Главное Артиллерийское Управление полагало бы вышеизложенное ходатайство Т-ва удовлетворить»²².

С обществом «Коксобензол» Российского акционерного общества коксовой промышленности и бензолового производства был заключен 13 ноября 1915 г. контракт на изготовление 360 000 пуд. бензола в течение трех лет, 162 000 пуд. ксилола, 1 056 000 пуд. толуола в течение 10 лет и 840 000 пуд. толуола в течение 7 лет, 300 000 пуд. аммиака в одном растворе в течение 2 лет, всего на общую сумму 12 243 000 р. Обществом строились «480 печей, которые все должны быть пущены в ход в первой половине 1917 года»²³.

6 сентября 1916 г. Подготовительная комиссия по общим вопросам Особого совещания по обороне рассматривала потребности инженерного ведомства. «Наиболее важные предметы заготовок Главного Военно-Технического Управления, — говорилось в докладе, — следующие: 1) автомобильное имущество: автомобили легковые, грузовые и специального назначения, с двигателями и запасными частями к ним; 2) железно-дорожное имущество: рельсы, паровозы с тендерами, вагонеты разных назначений, тракторы, тепловозы, дрезины моторные и бронированные, и проч. 3) электротехническое имущество: телеграфное и телефонное, подрывное, минное, искровое, прожекторное и судовое; 4) позиционное имущество: проволока для искусственных препятствий, стрелковые щиты, плуги и экскаваторы, насосы, печи и проч.; 5) прочее разное имущество: понтоны, мостовое имущество, в частности тяжелые моторные понтонные парки, двуколки и повозки разного специального назначения, шанцевый инструмент, разного рода железные поковки и проч.»²⁴. Записка выясняла в первую очередь и главным образом необходимость постройки казенных заводов ГВТУ, исключая при этом организацию частных в названных потребностях ведомства. Речь в записке шла о следующих заводах, которые «предложено было организовать»: 1) механический, 2) проволочно-кабельный, 3) электротехнический, 4) моторный, 5) подрывной²⁵.

Заметим, что ГВТУ (прежде Главное инженерное управление) собственных заводов не имело и должно было всецело полагаться на работу либо заводов других ведомств, ГАУ или Морского ведомства, либо прибегать к услугам частных производителей. Однако в условиях войны рассчитывать на отвлечение казенных заводов, и без того перегруженных заказами, было слишком рискованно. Едва ли только один Ижорский завод мог претендовать на развитие у себя моторостроения, и то в крайне ограниченном размере.

Заключение

Одним из коренных вопросов нашей темы является вопрос о способности России выдержать войну в тех условиях, которые сложились в 1914–1918 гг. Этот вопрос остается как бы за рамками исследований большинства авторов, которые ставят в центр своего внимания военную экономику России времени войны. Способность вести войну и продолжать ее — не одно и то же. Исследование состояния военной индустрии и ее возможностей подталкивает нас к новым выводам. Могла ли Россия продолжать войну наравне с союзниками?

Обычно ссылаются на революцию 1917 г. (от февраля к октябрю), что она надломила армию и фронт, т. е. на факторы социальный и политический. Однако, можно ли сказать, что кризис фронта и армии стал результатом наступательной силы и активности фронта? И в связи с этим, косвенно, результатом недостаточной силы снаряжения и вооружений армии?

Экономическая бедственность России к 1917 г. в настоящее время хорошо изучена и показана на документах и фактах. К работе военных предприятий это относилось без исключения. Кроме того, ряд важнейших производств оставались неразвитыми.

Естественная заинтересованность ведомств ГАУ, ГВТУ и других располагать собственными заводами понятна, если исходить из крайней недостаточности специализированных оборонных заводов. Ведомства были единодушны в том, что опора на частную промышленность, не подготовленную заблаговременно для выполнения военных заказов и не имеющую перспективы продолжения оборонных работ, не могла компенсировать недостатка казенных предприятий. Однако строительство новых казенных заводов наталкивалось на ряд препятствий:

сроки их строительства выходили за время войны, требовалась санкция на строительство в законодательных учреждениях, а это означало, что обоснование строительства должно было обсуждаться на уровне вневедомственном. Частная промышленность, в свою очередь, выступала постоянно и настойчиво против практики казенного строительства, которая не только препятствовала проявлению частной инициативы в новых отраслях, но и влияла на формирование ценообразования без учета условий рынка и конкуренции. Речь при этом шла не только о сугубо военных предметах, но и о таких, которые касались гражданской сферы потребления. Для ведомств вопрос цены выставлялся как аргумент наиболее существенный, равно как и для министерства финансов и Государственного контроля, которые неизменно искали способов сократить государственные расходы. Между прочим, как в общественных кругах, так и в Государственной Думе в обстановке переживаемых реалий войны сложилось весьма негативное и остро критическое отношение к казенной промышленности. Ведомства упрекались то в бездеятельности, то в откровенной неспособности удовлетворить нужды фронта и армии, то в огромных заказах за границей и незнании ими ресурсов Империи, то в игнорировании многих частных предложений и общественных инициатив. Иначе говоря, ни в Государственной Думе, ни в обществе не было должного доверия именно к компетенции и хозяйственным способностям военных чиновников. Эти упреки были тем более сильны, что первый год войны прошел для России под знаком оглушительной растерянности со стороны правительства и оборонных ведомств.

Помимо этого, приходится учитывать крайне сложную обстановку, связанную с решением национализировать (секвестрировать) ту значительную часть индустрии, которая в России находилась в руках немецкого капитала и предприимчивости. Это касалось таких отраслей, как электротехника, пороходелие, химическая и отчасти машиностроение. Как решить эту проблему, если в послевоенное время Россия остро нуждалась в иностранном капитале и инициативе, где немцы занимали одно из первых мест?

История военной промышленности России во время Первой мировой войны оставляет еще много вопросов для изучения и внимательного анализа. Материала для новых исследований

немало. В связи со сказанным отметим следующие проблемы для возможного изучения:

1. работа казенных заводов;
2. работа частных заводов;
3. соотношение частных и казенных заводов в разных отраслях промышленности, связанных с выполнением оборонных заказов;
3. районирование (проблема размещения) промышленности в России;
4. проблема эффективности работы во время и в условиях войны;
5. проблема заграничных заказов;
6. проблема организации промышленности, работающей на оборонные нужды во время войны;
7. интересы отраслевые и ведомственные.

Одной из важнейших тем остается проблема крупной промышленности и ее решение в условиях войны. Другой вопрос — сроки строительства и отраслевая организация военной специализированной промышленности по опыту военных потребностей и заграничных заказов. Наконец, такая общая проблема, как промышленная политика Империи в новых тенденциях: взгляды на послевоенное время и задачи послевоенного индустриального развития. Как менялось отношение к частной промышленности в обществе и в правительстве (в оборонных ведомствах), борьба частного предпринимательства с казенным планированием военного заводостроительства.

Все эти вопросы взаимосвязаны. Стержневым для них служила политика в отношении промышленности, не ограниченная сугубо оборонными интересами и только временем войны. Эту истину пришлось выяснять именно на опыте войны, которая стала труднейшим испытанием для прежней России.

¹ Барсуков Е.З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1928.

² Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии 1914–1918 гг. В 3 ч. М., 1920–1923.

³ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 2-е изд-е. М. 1930. Т. I. С. 13.

⁴ Там же. С. 11, 12.

⁵ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии 1914–1918 гг. Ч. 3. С. 225–235.

⁶ Барсуков Е.З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 208.

⁷ Там же.

⁸ Генерал В.С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: Росспэн, 2007. С. 321–330.

⁹ Барсуков Е.З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. Приложения. С. 31–34. Таблицы № 120–122.

¹⁰ Там же. С. 122.

¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 10. Оп. 34. Д. 3. Л. 2, 13, 33, 70, 100, 102, 103, 105; Д. 4. Л. 176 об., 186, 191, 203, 224, 228; Д. 5. Л. 58, 126, 148, 431, 594.

¹² Там же. Ф. 13. Оп. 87/5. Д. 20. Л. 29 об.

¹³ Барсуков Е.З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 31.

¹⁴ Там же. С. 157, 158.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 16. Л. 30.

¹⁶ Там же. Л. 29 об.

¹⁷ Там же. Л. 49, 50.

¹⁸ Там же. Л. 79.

¹⁹ Там же. Л. 103.

²⁰ Там же. Д. 20. Л. 137–137 об.

²¹ Там же. Д. 22. Л. 27–27 об.

²² Там же. Ф. 4. Оп. 39/1а. Д. 141. Л. 42–42 об.

²³ Там же. Л. 58, 59.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

*В.В. Оточкин, С.В. Лопатин, В.Л. Пашута
(Санкт-Петербург)*

НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В АРТИЛЛЕРИИ (ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

РУКОВОДЯЩИЕ ДОКУМЕНТЫ по истории физической подготовки в русской армии стали библиографической редкостью, сохранились в единичных экземплярах. В связи с этим научно-исследовательская работа коллектива Военного института физической культуры (Санкт-Петербург) по сбору и систематизации нормативно-правовых документов находит положительный отклик у специалистов по физической подготовке, физической культуре и спорту¹.

Становление физической подготовки как раздела боевой подготовки войск, и в частности, артиллерии русской армии представляется важным этапом в изучении истории физической подготовки в Вооруженных Силах России на современном этапе подготовки офицерских кадров, специалистов по физической подготовке и спорту². Метод сравнительного анализа руководящих документов по физической подготовке войск второй половины XIX в. дает возможность выявить основные положения первого наставления по физической подготовке рода войск в артиллерии.

К середине XIX в. поражение в Крымской войне стало главной предпосылкой начала преобразований в российской армии, реализовавшихся в военных реформах Д.А. Милютина. Повышение качества боевой подготовки в артиллерии требовало решения вопросов обученности унтер-офицерского и рядового состава. Для действий артиллерийских расчетов в боевой обстановке требовались не только знания материальной части, основ теории

и практики стрельбы, слаженность, но и физическая подготовленность³.

В 1859, 1879, 1880 гг. в войсках реализуются Правила и Наставления по физической подготовке — гимнастике и полевой гимнастике, как она именовалась в нормативно-правовых актах того времени. Вместе с тем, в приказе № 46 от 18 февраля 1884 г. обоснованы причины подготовки нового Наставления для артиллерии как рода войск: «Некоторые особенности артиллерийской службы указывают, что изданное в 1879 г. «Наставление для обучения войск гимнастике» не может быть применено в артиллерии в полном объеме. С одной стороны, в Наставлении есть такие отделы, которые по самому роду службы артиллерийского солдата оказываются лишними, а с другой, — Наставление не дает таких упражнений, которые... если и не могут считаться безусловно необходимыми, то, во всяком случае, должны быть признаны весьма полезными для артиллериста».

Приказом по военному ведомству № 49 1884 г. утверждено «Наставление для обучения гимнастике в артиллерии»⁴.

Главным комитетом по устройству и образованию войск на основе Наставления 1879 г. выработаны указания для обучения гимнастике в артиллерии, которые и были приняты к руководству при использовании существующего «Наставления для обучения войск гимнастике». Определены ответственные за организацию и проведение занятий, соблюдение требований безопасности: командиры батарей, взводов, командиры орудий.

При этом сохранена структура предшествующего документа по отделам «Приготовительные упражнения», «Бег», «Практические упражнения» и введен новый раздел «Вольтижирование на деревянной лошади», учитывавший специфику подготовки артиллеристов.

Отдел 1 «Приготовительные упражнения» включал общие положения и общеразвивающие упражнения: движения головы, рук, ног, тела. Здесь помещена глава «Простейшие способы переноски и подсаживания людей, без помощи особых приспособлений», хотя едва ли может иметь «подсаживание» в артиллерии, отмечали разработчики, но глава включена на основании приказа № 46 как обязательная для артиллерии.

Отдел II «Бег» давал общие указания, определял порядок и последовательность обучения мерному и ускоренному бегу. Определялось, что мерный бег имеет для артиллериста значение

упражнения чисто гимнастического и потому продолжительность его в ходе упражнений не должна превышать четырех минут, как отмечалось в сноске к Наставлению, в которое были включены лишь наиболее общие положения, связанные с обучением способам бега.

Отдел III «Практические упражнения» включал, за исключением двух параграфов из Наставления 1879 г., общие указания, описание упражнений, к которым относили «взбегание на крутизну, прыганье», а также упражнения на снарядах: горизонтальном бревне, горизонтальной перекладине и параллельных брусьях, лазанье по наклонной лестнице, шестам и канатам.

Пример упражнения на параллельных брусьях: «Стоя на руках, опускаться и подниматься между брусьями, оставляя ноги висящими. Став между брусьями и положив на них руки перед собой, вспрыгнуть на оные, выгибая тело в пояснице несколько вперед и вытягивая ноги совершенно прямо; в этом положении попеременно то опускаются, сгибая руки в локтях, то поднимаются, выпрямляя руки, и движение это производят по возможности медленно».

Отдел IV «Вольтижирование на деревянной лошади» включал перечень упражнений на модели лошади в натуральную величину и методику их выполнения. Например, упражнение «Прыжок сбоку в седло» описан следующим образом: «Обучающийся становится в 10 шагах против левой стороны лошади, разбегается с этого расстояния и, не добежав на полшага, сильным ударом обеими ногами в землю, подпрыгивает, помогая себе руками, положенными: левая — на луку, а правая — плоско на середину седла, садится в седло, занося правую ногу на лету».

В Приложениях представлены Таблицы приготовительных и практических гимнастических упражнений, нормативные требования «Разделение нижних чинов на разряды по гимнастике...», описание снарядов, употребляемых при выполнении гимнастических упражнений: горизонтальное бревно, горизонтальная перекладина и параллельные брусья, а также снаряды для «взбегания на крутизну и прыганья», преграды для бега, понимаемые сегодня как препятствия.

Таким образом, из «Наставления для обучения войск гимнастике» (1879 г.), ставшего основой Наставления для артиллерии 1884 г., утверждены упражнения, предписанные в первых трех отделах Наставления как обязательные для всех нижних чинов

батарей, парков и крепостной артиллерии. Кроме того, в артиллерии предписано обязательное обучение вольтижированию на деревянной лошади: в пеших батареях — всех нижних чинов, обучающихся верховой езде, а в конной — всех без исключения.

Учитывая специфику обучения солдат гимнастике для подготовки к действиям в боевой обстановке в артиллерийских частях, рассмотрим Правила 1859 г. и Наставление 1879 г. и предпримем сравнение документов.

Основой структуры Наставлений 1879 и 1884 гг. стали разделы: «Приготовительные упражнения», «Бег» и «Практические упражнения» «Правил для обучения гимнастике в войсках» 1859 г., в котором сформулировано, что «обучение гимнастике имеет целью **физически развить солдата**, т. е. укрепить его **силы**, выработать в нем **ловкость** и развязность, придать его движениям смелость и в **физическом** смысле предприимчивость. Развитие в солдате этих свойств делает его способным к **быстрым и продолжительным движениям** (понимаемым сегодня как физические качества: быстрота и выносливость) и к преодолению разнообразных местных препятствий, встречающихся при действии в поле. Гимнастические упражнения и правила, для них предписанные, имеют двоякое значение и имеют главной целью физическое развитие обучаемого, независимо от практического применения⁵ (в тексте здесь и далее выделены понятия, соотносимые с современным пониманием физических качеств).

В Наставлении 1879 г. задача формирования физических качеств сохранена: «1) способствовать стройному развитию всех частей тела солдата, а также развить и укрепить его **силы** и 2) выработать в нем **ловкость**, придать его движениям уверенность и развить смелость и предприимчивость к преодолению разных препятствий.

Развитие в солдате этих свойств делает его способным к **быстрым и продолжительным движениям** и к преодолению разнообразных местных преград... Как видно из предыдущего, гимнастика имеет весьма важное значение в смысле обучения и **физического развития** солдата⁶.

Цели обучения войск гимнастике, как определяет «Наставление для обучения гимнастике в артиллерии» 1884 г., — 1) способствовать развитию всех частей тела солдата, а также развить и укрепить его **силы** и 2) выработать в нем **ловкость**, придать его движениям уверенность и развить смелость

и предприимчивость к преодолению разных препятствий. Призная важность гимнастике «в смысле обучения и **физического развития** солдата», «Наставление для обучения гимнастике в артиллерии» 1884 г. не включает в качестве основных задач формирование **быстроты и выносливости** как не являющихся основными в действиях при орудиях в боевой обстановке, хотя раздел «Бег», с ограничениями и комментариями, включен в документ⁷.

В подготовке солдат Наставления XIX в. требовали: «Обучение гимнастике должно вестись в систематической последовательности, переходя постепенно от легчайших упражнений к более трудным... так как успех гимнастических занятий, в значительной степени зависит от доброй воли и охоты каждого обучающегося, то обучающий должен стараться возбудить в людях охоту и рвение к этим занятиям⁸. Они, нацеливая на развитие физических качеств, формировали умения выполнять приемы с оружием и в условиях боя, совершать продолжительные марши, преодолевать искусственные и естественные препятствия и водные преграды⁹.

Совершенствование физической подготовки в артиллерии стало назревшей необходимостью, реализованной введением «Наставления для обучения гимнастике в артиллерии» 1884 г. В программы и планы боевой подготовки были включены разделы «гимнастика» и «полевая гимнастика», связанные с формированием важнейших физических качеств, необходимых артиллеристу в боевой работе. Физическая подготовленность обеспечивалась подготовительными (развивающими) и практическими упражнениями на снарядах, тренировкой в преодолении препятствий как в ходе повседневных занятий в казармах и гимнастических плацах, так и в ходе лагерных сборов артиллерийских частей.

¹ История развития физической культуры, физической подготовки и спорта в Вооруженных Силах России. Сборник нормативно-правовых актов / Под ред. проф. В.Л. Пашуты. Кн. 2, 3. СПб.: ВИФК, 2018.

² Булатов А.С. История физической подготовки войск. Л., 1978; Миронов В.В., Соломин В.И. Справочник по истории гимнастики. Ч. 1. Л., 1979; Оточкин В.В., Лопатин С.В. Исторические аспекты организации физической подготовки артиллерийских частей и военно-учебных заведений (XVIII — нач. XX вв.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной

научно-практической конференции 17–19 мая 2017 г. Ч. 3. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. С. 456–469.

³ Булатов А.С. История физической подготовки войск.

⁴ Наставление для обучения гимнастике в артиллерии. СПб, 1884 г. / История развития физической культуры, физической подготовки и спорта в Вооруженных Силах России. Кн. 3. С. 143–179.

⁵ Правила для обучения гимнастике в войсках. СПб., 1861.

⁶ Наставление для обучения войск полевой гимнастике и полевая гимнастика. СПб., 1880.

⁷ Наставление для обучения гимнастике в артиллерии. 1884 г. С. 143–179.

⁸ История развития физической культуры, физической подготовки и спорта в Вооруженных Силах России. Кн. 2, 3.

⁹ Булатов А.С. История физической подготовки войск; Оточкин В.В., Лопатин С.В. Исторические аспекты организации физической подготовки артиллерийских частей и военно-учебных заведений (XVIII — нач. XX вв.). С. 456–469; Федорин С.В. Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте (вт. пол. XIX в. — 1914 г.). СПб.: ВИТУ, 2002.

А.Г. Панкратов (Санкт-Петербург)

КОМПЛЕКС ЗАЩИТНОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ КОЧЕВНИКА ВОЗЛЕ С. БУРТЫ. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ВРЕМЕННОЙ ПЕРИОД БЫТОВАНИЯ

ЗАХОРОНЕНИЕ КОЧЕВНИКА из с. Бурты или «Набор вооружения конного воина-лучника XII–XIII в.в.» (ВИМАИВиВС 100Ф 106/114) является памятником общемирового значения. Реставрация предметов комплекса, их консервация, сохранение и, наконец, возвращение в постоянную экспозицию ВИМАИВиВС — важнейшие мероприятия из области сохранения культурного наследия и археологических памятников. Уникальность данного захоронения обусловлена полным комплектом наступательного и защитного вооружения, который использовался в позднем средневековье воинскими контингентами южнорусских степей.

В настоящий момент для возвращения предметов комплекса в экспозицию обозначен ряд мероприятий:

- учет и сохранение предметов, входящих в комплекс;
- современная атрибуция наступательного и защитного вооружения, а также снаряжения всадника и коня;
- реставрация, консервация и реконструкция комплекса;
- создание экспозиционного стенда, где предметы комплекса были бы расположены максимально представительно.

Захоронение было открыто Н.Е. Бранденбургом в 1891 г. в курганной насыпи № 106 (261) возле с. Бурты на берегу пересохшей р. Сухой Саглык бывшего Каневского уезда Киевской губернии и первоначально было связано исследователем с печенегам¹. Таким образом, снаряжение из данного захоронения было отнесено к периоду X–XI вв., что соответственно было отражено

в научно-инвентарной карточке, сопровождающей экспозицию долгие годы.

Много позже, в работе 1959 г. А.Н. Кирпичников по-другому атрибутировал комплекс, связав его с тюркоязычными кочевниками — «черными клобуками», чье снаряжение, в свою очередь, находил единообразным с древнерусской оружейной паноплией. Комплекс снаряжения был наименован им как принадлежности «конного лучника».

Датировку Н.Е. Бранденбурга А.Н. Кирпичников не поддерживал, выдвинув ряд положений, относящих захоронение к периоду XII–XIII вв.²

В 2008 г. К.А. Жуков в своей статье отнес захоронение к середине — второй половине XIII в.³

В статье Т.М. Потемкиной и Ю.А. Кулешова (2010), посвященной обряду захоронения с оружием средневековых номадов, временные рамки существования комплекса из с. Бурты вновь подверглись уточнению. По мнению авторов, комплекс относится к XIV в.⁴

Таким образом, материал данного захоронения однозначно требует современного исследования: более подробной атрибуции вещей и уточнения датировки комплекса.

В настоящее время в состав комплекса входят следующие предметы разной степени сохранности:

- шлем с отделенным наверху и частями кольчужной бармицы;
- части кольчуги с присоединившимися остатками ткани в некоторых местах;
- сабля с фрагментами деревянных ножен и обоймиц;
- наконечник копья;
- железные гвозди-костыли, соединявшие бревна гроба;
- железное стремя;
- кольчатые удила;
- пряжка от ремня;
- наконечник стрелы-срезня, располагавшийся в экспозиции на груди захороненного воина;
- калачевидное кресало;
- два предмета, изготовленных из кости, которые, вероятно, относятся к принадлежностям лука и его системе подвеса к поясу.

Необходимо упомянуть предметы комплекса, не сохранившиеся до настоящего времени в экспозиции ВИМАИВиВС. Это бронзовый цилиндрический котел, помещенный в ногах захороненного⁵,

тонкостенный, с железной дужкой⁶, положенный возле стенки гроба, и небольшой кожаный мешочек, располагавшийся на груди покойного. Следуя устному сообщению от Ю.Ю. Петрова, в свое время являвшегося сотрудником музея, которое в настоящее время подтвердить или опровергнуть невозможно, мешочек содержал металлический предмет с нанесенными на нем сурами из Корана⁷. Мешочек можно наблюдать на фотографии, сделанной в экспозиции в 1959 г.⁸ Какое-то отношение к данному предмету может иметь упомянутый в «Путеводителе по СПб артиллерийскому музею» 1902 г. Н.Е. Бранденбурга «...маленький плоский гвоздь на груди скелета...».

Кроме всего прочего, в 1912 г. в Артиллерийском музее экспонировался остов лошади, сопровождавший захоронение воина, впоследствии переданный в Государственный Эрмитаж⁹.

Одними из наиболее ярких вещей, вызывающих безусловный интерес, являются предметы вооружения.

Остановимся подробнее на конструкции, атрибуции и датировке вещей комплекса, являющихся принадлежностью доспеха.

1. Шлем

Шлем был найден поставленным у головы захороненного воина, на корпусе зафиксированы остатки кольчужной защиты шеи (бармицы).

Шлем относится к высоким «сферо-коническим», тип II Б, по классификации А.Н. Кирпичникова¹⁰. При виде сверху он представляет из себя овал, расстояние от лицевой части до затылочной части 24,4 см, поперечный размер 17 см¹¹, высота шлема 20 см (ил. 1). Он снабжен окологлазными вырезами и, по всей видимости, дополнялся бармицей распашного типа. Окологлазные вырезы имели полукаплевидную форму, их высота составляла не более 10 мм, ширина — 30 мм. Аутентичность размеров шлема и его форма вызывают ряд вопросов. Безусловно, наголовье могло быть сплющено массажи земли или, возможно, повреждено перед помещением в могилу. Это предположение подтверждает состояние шлема: лицевая часть имеет две значительные трещины, образующие расколотую область, вследствие этого часть, относящаяся к лицевой, утратила симметричные плавные очертания, при взгляде сверху она слегка развернута. На высоте 11 см от края шлема,

1

2

3

4

Ил. 1. Шлем из захоронения возле с. Бурты до реставрации:
1 — вид спереди; 2 — вид сверху; 3, 4 — профиль шлема

при осмотре с левой стороны, располагается «линия перегиба» — область, сформированная при его изготовлении. Данный излом на корпусе шлема является следствием технологической операции, связанной с приданием конической заготовке сферо-конической формы. На графической реконструкции, представленной А.Н. Кирпичниковым¹², тулья шлема несколько расширяется книзу и имеет практически прямые, проработанные стенки.

Вместе с тем при осмотре артефакта заметно, что стенки шлема имеют слабое радиусное закругление, что обусловлено способом их конечной доработки после формирования «линии перегиба» — чеканкой изнутри. В данном случае стоит обратиться к образцу шлема, найденного, предположительно, на территории Украины, хранящегося в отделе «Арсенал» Государственного Эрмитажа¹³ (инвентарный номер 30-6496). При взгляде в фас стенки шлема из Государственного Эрмитажа практически прямые и имеют незначительное расширение книзу. Таким образом, на примере геометрии корпуса шлема из с. Бурты мы наблюдаем типовую конструкцию с выразительно проработанными, практически прямыми стенками при наблюдении в фас. При осмотре в профиль видно значительное расширение стенок шлема книзу, что находит аналогии в наголовьях из Государственного Эрмитажа и шлема из местечка Таганча¹⁴. Данная конфигурация корпуса традиционна, и, небезосновательно, данный шлем образует один тип с вышеуказанными наголовьями. За последние десятилетия подтип 2Б значительно пополнился новыми находками, среди которых можно отметить шлем из Убинского могильника¹⁵, с. Куйбышево¹⁶ и позднекочевнического погребения «Хавалы-4»¹⁷. Последний, правда, соотнесен исследователями в составе комплекса с рубежом XII–XIII вв., что вызывает сомнение, если принять во внимание версию об одношовной конструкции этого шлема. Необходимо отметить, что значительный продольный размер наголовья из с. Бурты — около 24 см — идентичен размерам других средств защиты головы периода XIV–XV вв. Так, например, значительным продольным размером обладает шлем из воинского клада, найденного возле Торжка¹⁸.

На время осмотра наголовье из с. Бурты находилось в стадии подготовки к реставрационным работам. Повреждения артефакта весьма значительные — с правой стороны от него отколот большой фрагмент. Монолит бармицы, присоединившийся со временем к корпусу шлема, сохранился лишь частично. Небольшой фрагмент, длиной 15 см, присутствует на правой стороне. На тыльной стороне шлема также присутствует небольшой фрагмент бармицы. В левой части наголовья зафиксирована трещина значительной длины. Она берет начало в левом вырезе для глаз и проходит через весь купол шлема. С левой стороны в средней части купола также можно наблюдать остатки присоединившихся древесных волокон и кожи.

Ил. 2. Шлем из захоронения возле с. Бурты:
1 — затылочная часть; 2 — вид изнутри

Учитывая минерализацию и различные наслоения, можно высказать о толщине стенок шлема. Например, в месте отколовшейся части с правой стороны корпуса шлема в настоящее время толщина составляет 2,2 мм. В отверстии наверху, образовавшемся после отлома навершия, толщина стенок (в самом тонком месте) с окислами и наслоениями более 3 мм. Такая значительная толщина видится нам не результатом работы окисла, а следствием двойной толщины металла в данном месте, что обусловлено накладным навершием.

В затылочной части шлема фиксируются три выпячивания, расположенные достаточно симметрично. Представляется вероятным связать их с шляпками заклепок, удерживающими какую-то изнутри встроенную систему шлема, например, амортизирующий подвес (ил. 2). Изнутри два из них имеют хорошо различимые круглые шайбы, диаметром около 10 мм. Наличие на шлеме назальной пластины, предложенной в реконструкции 1959 г.¹⁹, в дальнейшем утраченной, сомнительно. Следует сразу исключить версию накладного наносника, аналогичного установленному на шлеме из Таганчи²⁰. Следы от установки подобного приспособления были бы слишком заметны — это отверстия и заклепки в месте его соединения с корпусом шлема.

Таким образом, следует обратиться к сфероконическому шлему из Государственного Эрмитажа, предположительно обнаруженному на территории Украины. Несмотря на то, что шлем из Государственного Эрмитажа снабжен защитной лицевой пластиной, выполненной «зацело»²¹, доказать наличие данной принадлежности на шлеме из с. Бурты невозможно, как, в сущности, и аргументировано полностью опровергнуть ее наличие. В шлеме из Государственного Эрмитажа область соединения наносника с куполом шлема имеет значительное утолщение (до 3 мм), что можно однозначно объяснить как присоединение данного элемента при помощи кузнечной сварки²². Значительная толщина минерализовавшегося края редуцированного наносника шлема из Буртов не позволяет сделать какие-либо достоверные выводы. Однако прямой срез нижнего края шлема между окологлазными вырезами позволяет нам присоединиться к версии о первоначальном отсутствии наносья.

Вследствие многочисленных наслоений и работы окислов невозможно достоверно высказаться о конструкции наголовья, но можно предположить, что она была одношовной. В куполе шлема с левой стороны фиксируется четкое длинное углубление. При осмотре шлема изнутри примерно на этом месте обнаружено расслоение металла. Это наблюдение позволяет предположить, что наголовье было свернуто из листа металла, имевшего первоначальную форму сектора круга, далее выкованную в сфероконическую фигуру, соединенную клепкой «впотаи» или пайкой, с единственным обработанным швом, располагающимся на указанной стороне. Также нельзя совершенно исключать двучастную клепаную конструкцию шлема, подобно шлему из Государственного Эрмитажа²³. Для строго обоснованной реконструкции шлема необходимо рентгенологическое исследование.

Навершие шлема

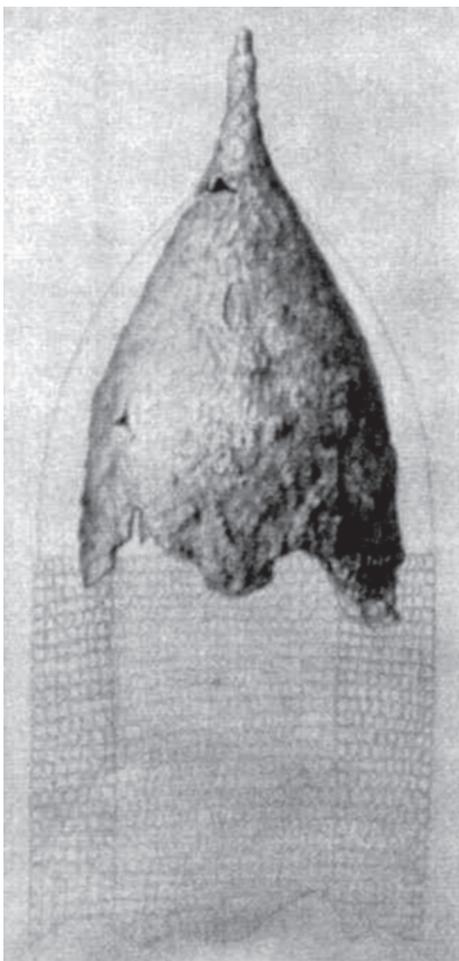
Навершие шлема в экспозиции длительное время экспонировалось отдельно: на фотографии 1959 г. оно отсутствует. Следуя прориси из архива Н.Е. Бранденбурга, первоначально шлем был открыт с навершием, соединенным с корпусом (ил. 3). Верхняя часть шлема была отломана, вероятно, много позже стадии извлечения боевого наголовья из захоронения. Среди известных данных, на время осмотра А.Н. Кирпичниковым, шлем представлен

Ил. 3. Навершие шлема

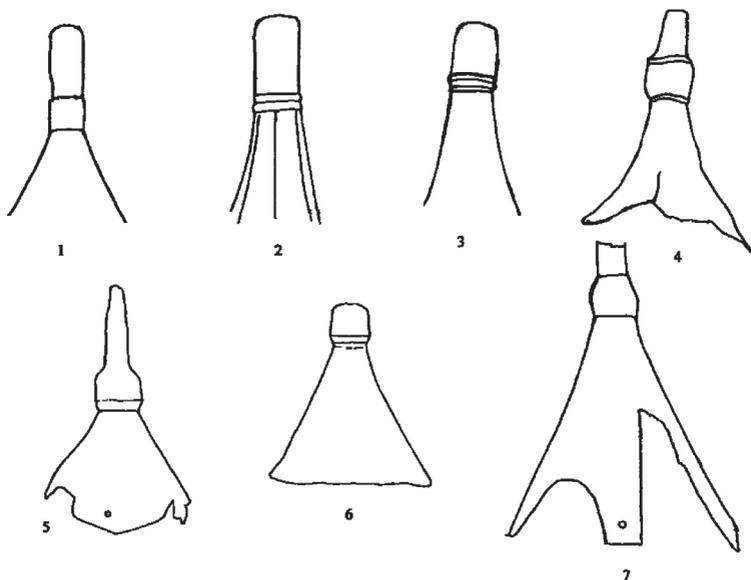
уже без навершия²⁴. Оно представляет собою небольшой полый железный конус, свернутый из тонкого листа железа, в нижней части имеющий слегка вогнутую, «седловидную» форму. Подобная конструкция первоначально известна по серии традиционных евразийских шлемов, где оно еще изготовлено несколько другим способом²⁵. Обращаясь к репрезентативному ряду боевых наголовий, можно проследить на многочисленных примерах, что устанавливались похожие навершия и в более позднее время. Высота конуса навершия, до самого длинного края слома — 86 мм. Основание имеет также овальную форму, имеющую размеры образующих осей 50 и 45 мм, диаметр трубочки навершия в верхней части — 11,5 мм. Верхнее отверстие закрыто неуставным при визуальном осмотре способом, возможно, оно затянуто ржавчиной. В данном отверстии могло монтироваться султаноподобное украшение, или изнутри завязывались кожаные ленточки — традиционное украшение евразийского шлема, известное с II в. н. э.²⁶ На конус, на расстоянии 17 мм от верхней части, вероятно, напаяна металлическая пластинка, обнимающая навершие, предназначенная для удобства снятия-надевания боевого наголовья, образующая замкнутый «поясок». Диаметр навершия в области «пояска» — 24 мм. Ширина пояска — 14 мм. В нижней части поясок имеет рельефный валикообразный выступ диаметром около 1,5 мм. Толщина пластинки пояска 2 мм (ил. 4). Подобные «пояски» встречаются на ряде находок боевых наголовий и отдельных наверший в кочевнических захоронениях и на древнерусских территориях. Так, например, полоса, снабженная насечками («рубашкой»), присутствует на шлеме из Городца²⁷ (ил. 5.1), полосками, необходимыми для удержания, снабжены шлемы из Мстиславля²⁸ (ил. 5.2, 5.3). Упомянутый уже шлем из кочевнического захоронения Хавалы-4²⁹ (ил. 5.4) также имеет на навершии подобное приспособление. Подобный поясок значительной толщины присутствует на отдельно найденном навершии из Княжей

Горы (ил. 5.5). Также необходимо отметить цилиндрический элемент на верхушке шлема, предположительно найденного на территории Украины (ил. 5.6)³⁰. Иные вариации данной боевой принадлежности достигают конфигурации, имеющей в стародавней оружейной терминологии название «яблочко»³¹. Так, например, «яблочко» сглаженной биконической формы присутствует на известном наголовье из Таганчи, располагаясь в основании мощного длинного стержня, венчающего конструкцию наверхий³² (ил. 5.7). «Пояски» на деталях наверхий представляют собой, по-видимому, финальную стадию эволюции наверхий типа «яблочко», предназначенных для удержания шлема, что наглядно демонстрирует серия позднесредневековых шлемов, найденных в Москве на территории Ипатьевского переуллка³³.

Ил. 4. Прорись шлема из погребения возле с. Бурты. Архив Н.Е. Бранденбурга

Нижний край наверхия шлема из с. Бурты обломан. Обычно подобное наверхие снабжалось набором вырезов, образующих минимальный декор, — «лапками» для приклепывания к корпусу шлема заклепками или украшалось волнообразными декоративными вырезами. На артефакте из с. Бурты пока не обнаружены подобные элементы. Достоверно не выявлено их следов

Ил. 5. Навершия с приспособлениями для удобства снятия-надевания шлема: полосами-«рубашками» и «яблочками»: 5.1 — Городец; 5.2, 5.3 — Мстиславль; 5.4 — Хавалы-4; 5.5 — Княжья Гора; 5.6 — Украина(?); 5. 7 — Таганча

и на корпусе шлема. Скорее всего, они присутствовали, а невозможность их обнаружить визуаль-но связана с уровнем сохранности предмета. На одной из сторон шлема сохранилась заклепка, вполне приспособленная для удержания подобного накладного навершия, если данный элемент — не вспучивание окисла. Предполагаемая заклепка находится на краю подвершия шлема, располагаясь от верхнего края на расстоянии 1 см (ил. 6).

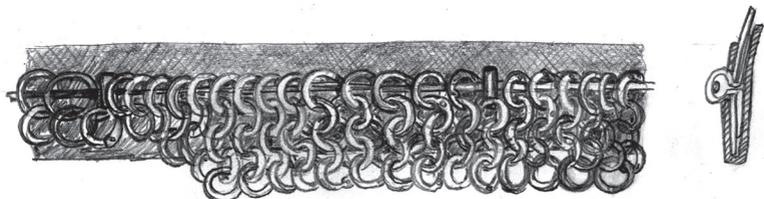
Ил. 6. Предполагаемая заклепка на подвершии шлема

В реконструкции шлема, предложенной А.Н. Кирпичниковым, можно наблюдать длинный стержень, утвержденный в отверстии

конуса навершия. Однако, по нашему мнению, в шлеме из с. Бурты данная принадлежность отсутствовала. Не обнаружен ни сам стержень, ни остатки его крепления внутри навершия.

Бармица

Фрагменты, сохранившиеся в нашем распоряжении, позволяют следующим образом высказаться относительно конструкции бармицы. Она, по всей видимости, распахивалась спереди, возможно, застегивалась под подбородком. Комки окисленного кольчужного полотна, завернутого внутрь наголовья, также говорят, что, скорее всего, бармица была распашной. Можно не сомневаться, что система, обеспечивавшая удержание кольчатой защиты на корпусе шлема, представляла собой ряд цилиндрических втулок, через которые протягивался несущий железный прут. Количество втулок в настоящее время установить невозможно. Обычно на хорошо сохранившихся шлемах их от 5 до 9 шт. Они представляют собой узкие полоски металла 3–4 мм шириной, свернутые в полые цилиндрики с ножкой, разведенные и расклепанные внутри корпуса шлема. Низ шлема из с. Бурты, по всей видимости, был обернут кожаной полосой, завернутой внутрь шлема через край и выходящей наружу под прут, удерживающий бармицу (ил. 7). Очевидно, данная полоса крепилась через отверстия, сквозь которые были выпущены упомянутые втулки, и предназначалась для сохранности полотна бармицы, предохраняя поверхность шлема от повреждения подвижными кольчужными кольцами. Эта полоса органического происхождения достаточно хорошо различима снаружи и внутри шлема (ил. 8). Внутренняя поверхность шлема также несет следы присутствия органики³⁴. Возможно, мы имеем дело с остатками подшлемного головного убора или упомянутого выше подвеса.

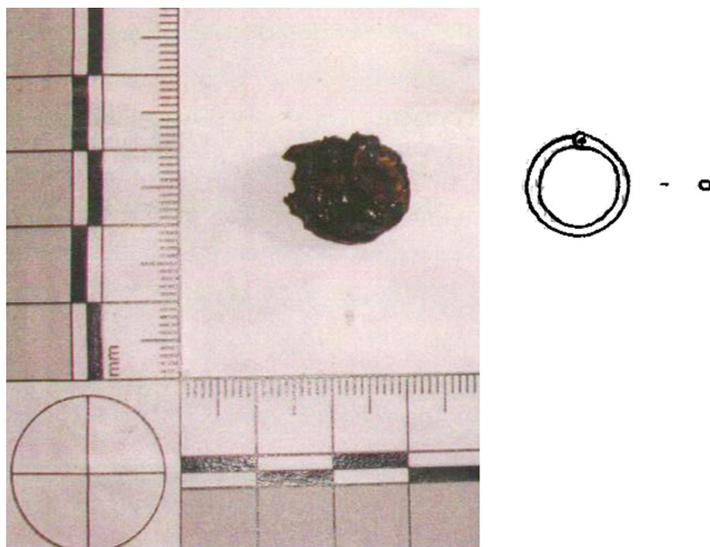
Ил. 7. Реконструкция способа присоединения бармицы к шлему

Ил. 8. Остатки полосы органического происхождения на фрагменте венца шлема. Вид изнутри

Для исследования были доступны выпавшие из монолита единичные кольца бармицы. Они выполнены из круглой проволоки диаметром 1,5–2 мм. Диаметр самого кольца составляет примерно 13 мм (ил. 9).

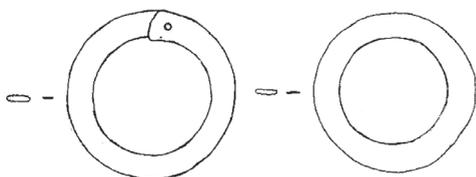
На территории древнерусских княжеств наблюдается процесс изменения конструкции боевых наголовий. В XIII в. идет вытеснение четырехчастных конструкций и смена их на трехчастные³⁵. Шлем из с. Бурты явно не относится ни к четырехчастным, ни к трехчастным защитным системам, поэтому следует абсолютно исключить датирование данного наголовья XII в. Наличие таких элементов, как навершия с «пояском», выполненного иным способом, чем на раннесредневековых евразийских наголовьях, редуцированный наносник, значительный продольный размер шлема и двухчастевая или одношовная конструкция говорят о принадлежности шлема к периоду не ранее конца XIII — начала XIV в. В современной литературе уже был предложен временной отрезок, на протяжении которого использовались боевые наголовья данной группы: 1340-е гг. — конец XIV в.³⁶ Технологический анализ отдельных элементов показывает, что вторая половина XIV в. — наиболее вероятное время бытования подобного шлема.

Ил. 9. Единичное кольцо бармицы:
1 — фотография; 2 — графическая реконструкция

Нательная броня

Защита корпуса представлена в захоронении кольчугой. Достоверно представить крой данного экземпляра защитной одежды не представляется возможным. Кольчуга, судя по собранным сохранившимся фрагментам, имела вид коротко рукавной рубашки. В экспозиции, смонтированной в 60-е гг. прошлого века, части кольчуги пришиты к матерчатой обтяжке проволочного каркаса, имитирующей тело захороненного воина, тонкой проволокой. Длина брони была не менее 60 см. Доспех имел воротник высотой около 7 см. Рукава, очевидно, достигали длины локтя. Обхват в поясе, судя по параметрам экспонируемого каркаса, составлял около 100 см. Кольчужное полотно можно соотнести с так называемой «байданой», оно составлено из крупных плоских колец, соединенных четыре в одно. Основные кольца брони имеют диаметр 16–17 мм, толщину 1,5–2 мм. Такая толщина, безусловно, результат воздействия окисла. Мною были изучены кольца, наиболее хорошо сохранившиеся в самом низу монолита, вероятно, образованные остатками одежды. Наименее минерализованными оказались кольца «байданы» от «спинной» части доспеха, обращенной

Ил. 10. Кольчуга: 1 — фотография фрагмента брони; 2 — графическая реконструкция основных типов колец брони

2 мм (ил. 11). По уже устоявшемуся мнению в отечественной историографии небольшие плоские «панцирные» кольца известны в арсенале Руси, и как можно предположить, всего евразийского пространства, около 1200 г. В более позднее время популярность подобного кольчатого доспеха возрастает³⁷.

Следы ткани на фрагментах кольчуги могут свидетельствовать о том, что перед нами части своеобразного доспеха — кольчуги, вшитой в кафтан, снабженный амортизирующей прокладкой из шерсти или хлопка, так называемый «казакин»³⁸. Некоторое количество мелких фрагментов ткани было собрано на груди погребенного³⁹. Стоит обратить внимание на значительный диаметр колец, а также технику их производства, явно связанную с рубкой листа специальными высечками.

В данной статье не было рассмотрено наступательное вооружение и прочие вещи комплекса, что мы постараемся сделать в следующей публикации. Однако можно сделать предварительное заключение, что сабля и ее гарнитура ножен относится к периоду XIII–XIV вв., калачевидное кресало использовалось на

к земле. Удивительно, но некоторых колец практически не коснулось время, сохранив предметы в первозданном виде. Толщина одного такого кольца едва ли достигает 1 мм, внешний диаметр 17 мм (ил. 10), тогда как состояние колец в минерализованном состоянии иногда достигает толщины 2,2 мм. Рукава брони выполнены из колец несколько меньшего размера, их внешний диаметр составляет 14 мм, толщина под воздействием времени — около

Ил. 11. Плетение рукава брони

протяжении XIV в., а наконечник копья с длинным пером четырехгранного сечения и широкой расширяющейся втулкой в классификации А.Н. Кирпичникова, посвященной оружию IX–XIII вв., имеет предельно позднюю датировку — XIII в.⁴⁰

Таким образом, комплекс вооружения кочевника из с. Бурты представляет большой интерес для изучения особенностей евразийского вооружения и обладает значительным потенциалом для дальнейших исследований. Использоваться данный комплекс вооружения, на наш взгляд, мог на протяжении всего XIV в., однако особенности защитного снаряжения позволяют сместить датировку к середине — второй половине XIV в. В заключение можно отметить, что наименование «конный лучник» является не совсем верным. Воин, снабженный всеми видами статусного наступательного вооружения — копьем, дорогостоящей саблей, а уже во вторую очередь луком и его принадлежностями, защищенный полным доспехом: кольчугой и шлемом, — является, скорее, тяжеловооруженным копейщиком, представителем военной элиты золотоордынского государства, захороненным на территории Южной Киевщины.

⁴⁰ Н.Е. Бранденбург. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойниками погребены остовы убитых лошадей // Труды Рижского археологического съезда. 1902 г. С. 9.

- ² Кирпичников А.Н. Погребение воина XII–XIII вв. из Южной Киевщины // Сборник исследований и материалов Артиллерийского Исторического Музея. Вып. IV. Л., 1959. С. 222.
- ³ Жуков К.А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья // Воин. № 18. 2009. С. 22.
- ⁴ Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2010. С. 274.
- ⁵ Н.Е. Бранденбург. Путеводитель по СПб артиллерийскому музею. Ч. 1. Отдел доисторический. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1902. С. 55.
- ⁶ Кирпичников А.Н. Погребение воина XII–XIII вв. из Южной Киевщины. (По материалам экспозиции АИМ) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского Исторического Музея. Вып. IV. Л., 1959. С. 222.
- ⁷ В настоящее время ведется поиск данного предмета в фондах ВИМАИВиВС.
- ⁸ Кирпичников А.Н. Погребение воина XII–XIII вв. из Южной Киевщины. С. 221. Рис. 11.
- ⁹ Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб.: Типография И. Флейтмана, 1912. С. 129.
- ¹⁰ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Вып. 3. Л.: Наука, 1971. С. 24.
- ¹¹ В описи экспоната основного фонда ВИМАИВиВС 100Ф 106/114 «Набор вооружения конного воина-лучника XII–XIII вв.» в 1967 г. Л.К. Маковской указаны несколько иные размеры: «длина» корпуса – 20 см, «ширина» – 25 x 20 см. Вероятно, она определила «ширину» шлема, опираясь на остатки бармицы, располагавшейся на внешнем пруте-держателе. Эти же размеры приводит А.Н. Кирпичников.
- ¹² Кирпичников А.Н. Погребение воина XII–XIII вв. из Южной Киевщины. С. 220. Рис. 1,1.
- ¹³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 115. Таблица XIII. Рис. 1.
- ¹⁴ Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K. Kurhan z Tahanczy // Archeologia polski. 2002. Т. 47. Р. 289–292, рис. 1–3.
- ¹⁵ Схатум Р.Б. Шлемы из Убинского могильника // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005. С. 334–342.
- ¹⁶ Кравченко Э.Е. Погребение знатного воина на реке Калке // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003. С. 123–131.
- ¹⁷ Прокофьев Р.В., Трубников В.В. Позднекочевническое погребение у Ростова-на-Дону // Военная археология: сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 135–141.
- ¹⁸ Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула, 2005. С. 230. Рис. 3–3.
- ¹⁹ Кирпичников А.Н. Погребение воина XII–XIII вв. из Южной Киевщины. С. 220. Рис. 1,1.
- ²⁰ Необходимо отметить, что накладная фигурная пластина наносника на шлеме из Таганчи установлена поверх еще одного наносника, присоединенного кузнечной сваркой.
- ²¹ Жуков К.А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья. С. 21.
- ²² Там же. С. 22.

- ²³ Жуков К.А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья. С. 21.
- ²⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 115. Таблица XIII. Рис. 2.
- ²⁵ Кирпичников А.Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. СПб.: Вести, 2009. С. 64. Рис. 47.
- ²⁶ Р. Робинсон. Доспехи народов Востока. М.: Центрполиграф, 2006. С. 29.
- ²⁷ Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. С. 233. Рис. 7.1.
- ²⁸ Бохан Ю.Н. Шеломы «русского» типа из Мстиславля // Военная археология: сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 129. Рис. 1.1, 1.2; С. 130. Рис. 3.
- ²⁹ Прокофьев Р.В., Трубников В.В. Позднекочевническое погребение у Ростова-на-Дону // Военная археология: сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 141. Рис. 2.
- ³⁰ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 115. Таблица XIII, 1.
- ³¹ П. Фон-Винклер. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению оружия с древнейших времен до начала XIX века. М.: Софт-Мастер, 1992. С. 277.
- ³² Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K. Kurhan z Tahanczy. P. 287–340.
- ³³ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 112. Табл. XII.
- ³⁴ Предположение высказано после визуального осмотра шлема. Специальные исследования не проводились.
- ³⁵ Панкратов А.Г. Шлем в отечественном комплексе вооружения // История военного костюма: от древнего мира до наших дней. Материалы Международной военно-исторической конференции. СПб.: СПбГУПТД, 2016. С. 74.
- ³⁶ Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением. С. 274.
- ³⁷ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 14.
- ³⁸ Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением. С. 274.
- ³⁹ Более подробно о составе тканей см.: Кобякова В.И., Сапрыкина Н.Н. Исследование материалов предметов из набора вооружения конного воина-лучника XII–XIII вв. из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Консервация, реставрация и экспонирование памятников военной истории. Материалы секции «Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории» Восьмой международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы», 17–19 мая 2017 г. Вып. 13. СПб.: ВИМАИВиВС, 2018. С. 185–200.
- ⁴⁰ А.Н. Кирпичников отмечает «абсолютное сходство домонгольских пик с образцами XVII в.» (Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 15). Однако в типологии О.В. Двуреченского наконечники копий квадратного и ромбовидного сечения с сильно расширяющейся втулкой относятся к типу 1б и «наибольшее распространение получают во второй половине XVI — середине XVII века.» (Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула, 2015. С. 73, 77–80. Рис. 22–25, С. 81). Таким образом, есть все основания полагать, что данный наконечник принадлежит более позднему периоду, чем домонгольский.

С.М. Пасхин (Санкт-Петербург)

ФЕЛЬДЪЕГЕРСКО-ПОЧТОВАЯ СВЯЗЬ В РОССИИ ДО 1917 ГОДА

ФЕЛЬДЪЕГЕРСКО-ПОЧТОВАЯ СВЯЗЬ (ФПС) — это вид связи, который обеспечивает прием, передачу, обработку и доставку различной корреспонденции. Доставка осуществляется с помощью подвижных средств (средств доставки).

Личное общение и подвижные средства связи относятся к так называемым «обыкновенным» средствам связи. «К обыкновенным средствам связи можно отнести личные распоряжения и сообщения начальника, выезд начальника, посылка ответственного лица, делегаты связи, посыльные пешие, конные, дозоры связи и разъезды связи»¹.

В развитии и становлении фельдъегерско-почтовой связи до 1917 г. можно обозначить три периода. В первом периоде ФПС служит только отдельным государственным деятелям, полководцам и исключает частную переписку. Во втором периоде ФПС в основном обеспечивает военные нужды и потребности центральной власти, но начинается допуск к ее использованию частных лиц, правда, ограниченно, по особым разрешениям или за очень большую плату. В третьем периоде происходит четкое разграничение между фельдъегерской связью, которая продолжает оставаться привилегией государства, полководцев, других строго ограниченных лиц, и почтовой связью, которую используют широкие массы народа. Начиная с этого периода, ФПС применяется для управления войсками и поддержания постоянного общения личного состава армии и флота с населением страны, обособливается и становится самостоятельным институтом. Инициатива в этом принадлежит Петру I.

На Руси, как описывают это летописи, с древних времен применялись личное общение военачальника с подчиненными, пешие и конные гонцы и гонцы на лодках (ил. 1, 2).

Небольшой пример... В 968 году, когда Святослав со своим войском находился в Переяславце, печенеги, воспользовавшись их отсутствием, напали на Киев и начали его осаду. На противоположной стороне Днепра находился сторожевой отряд воеводы Претича. Киевлянам необходимо было связаться с ним и попросить помощи. Один юноша-киевлянин взялся передать весть

Ил. 1. Гонец. X в.

противоположной стороне Днепра находился сторожевой отряд воеводы Претича. Киевлянам необходимо было связаться с ним и попросить помощи. Один юноша-киевлянин взялся передать весть

Ил. 2. Гонец. Художник Н.К. Рерих. 1897 г.

воеводе Претичу. Он взял уздечку, вышел тайно из Киева и, пробегаючи среди печенегов, спрашивал по-печенежски: «Никто не видел коня?» Печенеги приняли его за своего. Подойдя к воде, юноша снял одежду, бросился в Днепр и поплыл к ладьям Претича. Приплыв к нему, он рассказал о положении в городе. На рассвете Претич двинул свое войско к Киеву. Его войско громко трубила в трубы, а люди в городе кричали во весь голос. Печенеги, думая, что это вернулся Святослав со своим войском, отступили от Киева. К Святославу был послан гонец, который покрыл расстояние свыше 1400 верст за семь суток. Князь, получив сообщение о нападении на Киев, ускоренным маршем двинул свои войска к городу и разгромил печенегов. Все это говорит о том, что основным средством связи являлись люди «пешие и конные». Все послания старались посылать в таком виде, чтобы враги, перехватив эти послания, не могли понять, о чем идет речь. Эти послания получили название «тарабарская грамота». Форм их написания было множество. Вот один из способов. Записываются согласные буквы в два ряда, одна под другой. Верхний ряд — десять согласных пишутся слева направо, а нижний ряд — тоже десять букв, справа налево. Согласные буквы взаимозаменяются, а гласные остаются без изменения². Например, слово «лодка» писалось «соцта».

Передавая любую весть, гонцы использовали повозки, лодки, лошадей, а зимой сани и лыжи. В это время на народе лежала повинность давать князю и его людям «повоз», или повозную повинность. Гонцы, перевозившие княжеские грамоты, обеспечивались «повозом» (лошадью) по всей русской земле. «Повоз» был учрежден повелением киевского князя в 920 г.

Источники XIII в., содержащие описания сражения русских ратей, сообщают, что в ходе боя подчиненный присылал к начальнику депешу с просьбой о помощи. В этом случае связь обеспечивалась пешими и конными посыльными. Кроме того, в начале XIII в. на смену действующему «повозу» пришла система «ямской гоньбы». Это своеобразная конная эстафета, которая на договорной основе между князьями обеспечивала связь на территории всей Руси. Причем для смены и кормления лошадей по дорогам через каждые 20–30 верст были созданы «ямы» и «ямские дворы» (станции почтовой связи).

Для управления почтой в Москве в 1516 г. была создана ямская канцелярия, а в 1550 г. был учрежден «ямской приказ», который ведал «ямской гоньбой» (ил. 3).

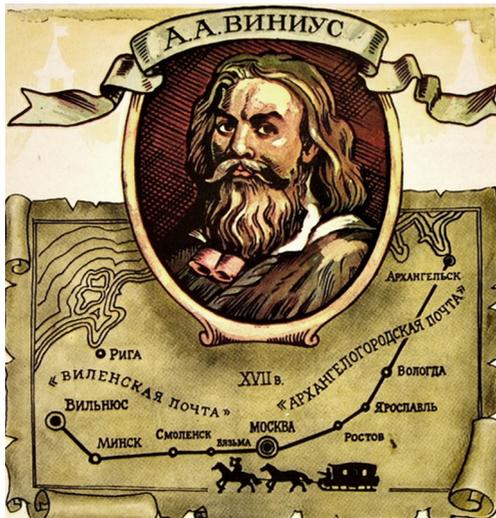
Ил. 3. Ямская гоньба. XVI в.

Ямские тракты к XVI в. были проложены к важным центрам государства и пограничным городам. Ямская гоньба использовалась для связи с появившимися в середине XVI в. запорожскими, донскими, кубанскими и терскими казачьими войсками. Интересен тот факт, что записавшийся в ямщики человек становился государственным «неподатным» гражданином. Он не имел права переходить на другую работу. Звание ямщика закреплялось за ним на всю жизнь и передавалось по наследству. Семьи ямщиков селились в ямских слободах, были приписаны к определенному яму, имели свою землю, которую им выделяло государство. Ямщик имел право торговать, и землю у него отобрать никто не мог.

Данная система фельдъегерско-почтовой связи просуществовала в течение нескольких столетий. Она служила центральной власти, церковному управлению, посольскому приказу и нуждам войны.

В конце XVII и к началу XVIII в. в России произошли крупные политические и экономические преобразования. Она при Петре I стала могучей державой. Царь огромное значение придавал такому виду связи, как ФПС. Весной 1695 г., при походе его на турецкую крепость Азов, для связи с Москвой во время боевых действий по его приказу впервые была организована почта. Она отправлялась раз в неделю. Письма и посылки в Москве получал

почтмейстер Андрей Андреевич Вinius (ил. 4), почтари доставляли их адресатам. Почтовые отправления находились в дороге 10–12 дней. Петр I сам проверял почту, отмечал дату отправления и получения почты под Азовом. В своем указе от 20 февраля

Ил. 4. А.А. Вinius. XVII в.

1700 г., направленном в Воронеж для упорядочения ФПС на маршруте Азов–Воронеж–Москва, он писал: «А буде курьеру учнут с письмами гонять не в указанные числа, часы и чети, или хотя малую оплошность тем письмам ученят или какое замедление, тем курьерам от нас, Великого Государя, быть в смертной казни безо всякой пощады»³.

В «Уставе воинском», изданном в царствование Петра I 30 марта 1716 г., в главе XXXV «О чине полевой почты» говорится об учреждении войсковой полевой почты: «Понеже при войске многие корреспонденции ради различных случаев и дел отправлены имеют быть, дабы не токмо главному от войска обо всем доношение чинить своему государю, в каком состоянии оно находится, и что при оном войске чинится. Также от онаго о его резолюции и указе ведать, и что командующий генерал, ежели в каком важном деле намерение имеет, а иногда войско в пустой земле и далеко от городов стоять принуждено, того требует нужда, чтоб при войске почта учреждена была, которая должна несколько почтовых лошадей для отправления курьеров содержать, и на которую почту можно б было письма отдавать, и с оной получать. К сему чину принадлежат: полевой почтмейстер с двумя писарями, и несколько постильонами, которые во управлении дел своих осторожно и поспешно поступать должны, дабы никто из них для учрежденных почтовых лошадей жаловаться никакой причины не имел». В главе XXXVI

1700 г., направленном в Воронеж для упорядочения ФПС на маршруте Азов–Воронеж–Москва, он писал: «А буде курьеру учнут с письмами гонять не в указанные числа, часы и чети, или хотя малую оплошность тем письмам ученят или какое замедление, тем курьерам от нас, Великого Государя, быть в смертной казни безо всякой пощады»³.

В «Уставе воинском», изданном в царствование

«О полевом почтмейстере» были определены его обязанности: «Полевому почтмейстеру все письма отдаются, как те, которые к войску присылаются, так и оные, которые от него отправляются, и должен оный в том ответ дать, ежели какая утрата и небрежение в том произойдет. Такжеже надлежит ему довольное число добрых почтовых лошадей иметь, дабы курьеров к близ лежащим почтам препроводить. Чего для оный должен несколько постилонов и своих слуг держать». Таким образом, день подписания Петром I «Устава воинского», 30 марта (12 апреля) 1716 г., по праву считается днем создания фельдъегерско-почтовой связи.

Неоднократно и при жизни Петра I, и при его преемниках издаются специальные указы, направленные на развитие ФПС. Например, указом Сената во время осады и взятия Очакова в 1737 г. была установлена постоянно действующая «особливая почта», т. е. фельдъегерско-почтовая связь с армией по маршруту Петербург–Москва–Киев–Очаков, а затем и до Белграда. Но если полевая почта с 1716 г. сразу создавалась при армии и получила свое руководство (полевой почтмейстер), то служба фельдъегерей (предусмотренная Уставом 1716 г.) никак не смогла выделиться в самостоятельное учреждение. Руководство фельдъегерями и посыльными осуществляли случайные лица («особо доверенные»). Фельдъегерями же, как правило, назначались офицеры драгунских или гусарских полков. И только в 1796 г. указом Павла I служба военных курьеров была выделена в самостоятельный фельдъегерский корпус, независимый от учрежденной полевой почты. Данный корпус являлся воинской частью, личный состав которого пользовался значительными привилегиями. Кроме того, в него принимались только офицеры и унтер-офицеры старинных дворянских семей со знанием иностранных языков и определенным образовательным уровнем. Внимание также обращалось на выправку, внешний вид, даже на рост и фигуру. Личный состав фельдъегерского корпуса обеспечивал фельдъегерской связью императора, сенат, военную коллегию с армией. Доставка секретных, государственных и почтовых отправок (пакетов) обеспечивала непрерывное и оперативное управление войсками, находящимися на большом удалении, зачастую за многие тысячи километров (ил. 5).

Большое значение организации связи с помощью курьеров придавали русские полководцы. Например, 25 августа 1799 г. А.В. Суворов в своем циркулярном предписании

генерал-лейтенанту Римскому-Корсакову указывал: «Мы должны о первых своих шагах подробно извещать друг друга через ежедневных курьеров»⁴. Если в это время (к 1796 г.) фельдъегерская связь была представлена только одним центральным

Ил. 5. Фельдъегери. 1796 г.

органом — фельдъегерским корпусом, а на местах для выполнения функций курьеров-фельдъегерей назначались общевойсковые офицеры, как правило, адъютанты, то почтовая связь развернула в войсках полевые почтамты и полевые почтовые конторы, которые имели постоянный штат.

В Отечественной войне 1812 года при передаче важных распоряжений одному и тому же адресату с аналогичным приказанием

одновременно направлялись несколько посыльных, следовавших разными маршрутами. Для рассылки приказов, донесений и распоряжений использовались офицеры штаба, адъютанты и прикомандированные ординарцы, которыми были офицеры, унтер-офицеры и солдаты. Офицеры, постоянно организовывавшие связь, для отличия носили на правой руке особую повязку или на правом плече особым родом сплетенный шнур, названный впоследствии аксельбантом. Унтер-офицеры и солдаты при наличии ружья снимали с него штык, получали сумку, которую должны были носить слева, надевая ее через правое плечо, и особую повязку на правую руку (ил. 6).

В «Положении по военной конной почте, для поселения дивизий упреждаемой» изданном 25 мая 1824 г., определяются основы организации фельдъегерско-почтовой связи с военными поселениями и внутри них (военные поселения существовали с 1816 по 1857 г.).

В 1846 г. в «Уставе для управления армиями в мирное и военное время» и в «Положении о полевом управлении войск в военное время», вышедшем в 1868 г. отмечается большое значение фельдъегерско-почтовой связи для управления войсками на поле боя.

Приказом по военному ведомству № 110 от 1 апреля 1869 г.

вводится «Новое положение о фельдъегерском корпусе»⁵. Суть его в следующем. Назначение фельдъегерского корпуса — прежнее. Корпус имеет два состава: обыкновенный и усиленный. В мирное время он содержится в «обыкновенном» составе. В военное время «по особому каждому раз о том Высочайшему повелению» он приводится в усиленный состав. Если по мирному времени в нем 48 офи-

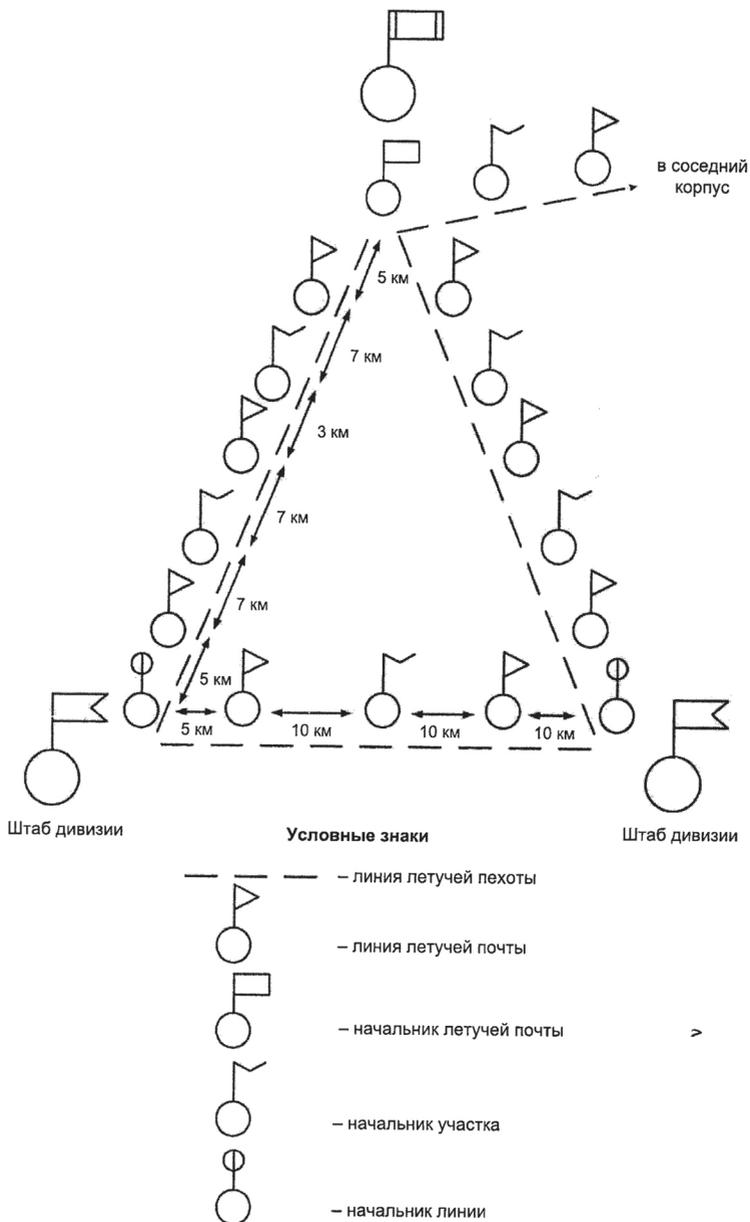
Ил. 6. Гонец к Кутузову. 1812 г.

церов, 32 фельдъегеря и 1 писарь, то в военное время 56 офицеров, 44 фельдъегеря и 1 писарь. Прямым начальником является начальник главного штаба, непосредственным — заведывающий корпусом (права полкового командира). Далее указывается, что «Адъютант и казначей фельдъегерского корпуса избираются из числа обер-офицеров корпуса. В фельдъегерский корпус поступают лица всех сословий, которые, при поступлении в военную службу, пользуются правами 2-го разряда вольноопределяющихся». Кто желает поступить в корпус, подают прошение начальнику штаба, причем если они не имеют аттестатов об окончании средних учебных заведений, то подвергаются испытаниям по программе выпускного экзамена юнкерских училищ. Из выдержавших этот экзамен преимущество поступления в корпус имеют те, «которые знают какой-либо иностранный язык в такой степени, что могут на нем свободно изъясняться, читать и писать». Кто

выдерживает экзамен, зачисляются в кандидаты корпуса. После шести месяцев принятые на испытание кандидаты определяются в фельдъегери. Офицеры корпуса производятся «в чины по особой линии, и притом только на вакансии, определенных штатом». Фельдъегеря производятся в прапорщики корпуса по выслуге срока, который установлен для вольноопределяющихся 2-го разряда в войсках. При отправлении чинов фельдъегерского корпуса в командировку они снабжаются подорожными лошадьми, но не менее трех. Вместе с особым путевым свидетельством им выдаются «прогоны, кормовые и порционные деньги». При проезде по Сибири и Туркестанскому генерал-губернаторству по три копейки кормовых денег, а по другим местностям империи по две копейки за каждую версту. Если они будут останавливаться и проживать на местах, то им выдаются порционные деньги: в Сибири и Туркестанском генерал-губернаторстве по 2 рубля 50 копеек, а в других местах — по 1 рублю 50 копеек.

В конце октября 1876 г. было издано «Положение об управлении войсками в военное время». Оно не было закончено, и добавления к нему выходили вплоть до конца 1877 г. По этому «Положению» во главе армии стоял главнокомандующий, имевший при себе полевое управление армии, в составе которого были полевой штаб, полевое инженерное управление и полевые управления военными сообщениями. В состав полевого управления армии входило почтовое управление, подчиненное начальнику штаба армии. Начальник штаба армии являлся докладчиком по всем частям полевого управления. Он имел в своем распоряжении несколько офицеров для выполнения поручений. Управление военными сообщениями имело в своем составе отдел почт и телеграфов, который ведал устройством и поддержанием порядка почтовых и телеграфных учреждений на военных дорогах и их личным составом. Полевое почтовое управление заведовало почтовой корреспонденцией, перевозившейся на лошадях. При главной конторе была учреждена полевая почтовая контора, а при корпусах, отрядах и военных дорогах, по представлению начальника полевого почтового управления главнокомандующему, учреждались почтовые отделения.

Управление войсками осуществлялось посредством письменных документов, передаваемых нарочными или через почтовые отделения, а также телеграфом. Широко использовалась и летучая почта, для обслуживания которой привлекалась конница.

Ил. 7. Схема летучей почты

Конная летучая почта представляла собой линию связи, организуемую между командирами (штабами), и предназначалась для передачи письменных документов. При этом доставка документов по линии осуществлялась через ряд промежуточных, заранее установленных постов, где производилась смена всадника и коня. Летучая почта организовывалась по направлениям связи и обеспечивала передачу документов как между старшими и подчиненными командирами (штабами), так и между равными начальниками. Расстояние между постами зависело от общего протяжения линии, от назначения летучей почты и состояния дороги. Скорость доставки пакетов обозначалась условным знаком на конверте. Состав постов определялся продолжительностью действий и напряженностью работы (ил. 7).

В дальнейшем были изданы «Положение о военных курьерах» 1876 г. и «Положение о почтовых и телеграфных учреждениях» 1890 г., где отмечалось большое значение фельдъегерско-почтовой связи в деле управления войсками на поле боя, а также связи с тылом государства.

В ходе русско-японской войны для обеспечения и организации связи наряду с техническими средствами связи использовались: летучая почта, ординарцы, командирование в соседние части офицеров, передача приказаний и донесений вдоль цепи, посылка дозоров, установление промежуточных постов.

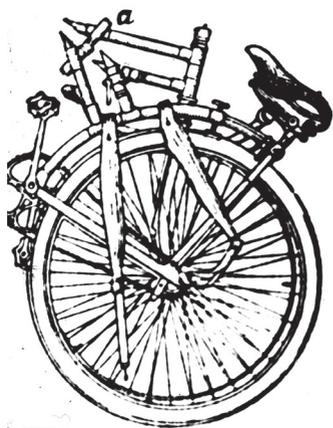
Сама организация фельдъегерско-почтовой связи из года в год улучшалась, делалась более стройной, изменялись и средства доставки.

В Первую мировую войну начали широко использовать: военно-почтовые средства связи; средства перебрасывания донесений; военно-голубиную почту; собак связи.

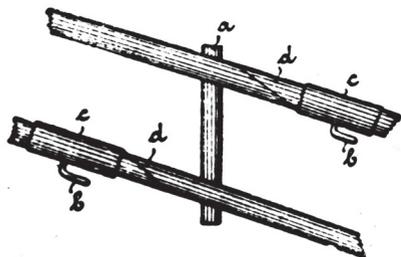
К военно-почтовым средствам связи относились «летучая почта», которая использовала для доставки корреспонденции пеших и конных посыльных, самокаты, подводы, мотоциклы и т. д. (ил. 8)

Для связи использовались и аэропланы, но они применялись очень редко, как правило, от штаба фронта до штаба дивизии. Успешность их использования в значительной степени зависела от наличия хорошо оборудованных посадочных площадок. Как правило, применялись боевые самолеты (ил. 9).

Для связи с частями, которые действовали вблизи железных дорог, использовались моторные и ручные дрезины и паровозы.

Ил. 8. Сложенный самокат

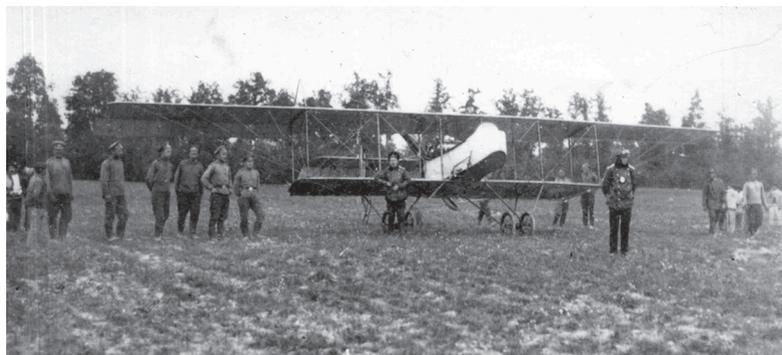

Приспособление для складывания.

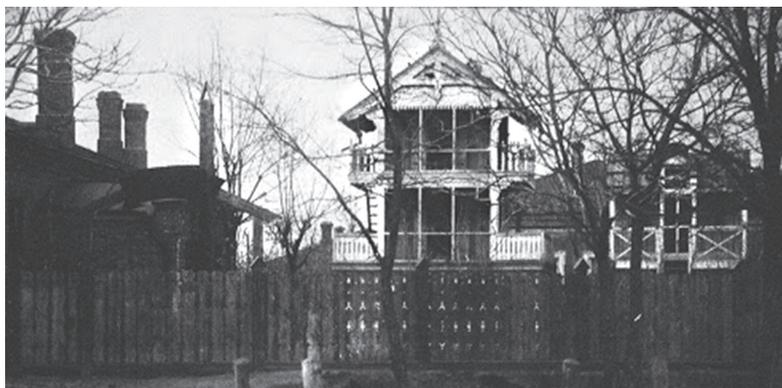
- a.** Соединительный брусок.
- b.** Винты.
- c.** Муфты.
- d.** Разрвызъ.

Для передачи приказаний или донесений высылались дозоры связи. Они высылались в тех случаях, когда одного посыльного высылать было нельзя (возможна встреча с противником или очень враждебно к войскам местное население).

В период Первой мировой войны применялось перебрасывание донесений. Для этого использовались обыкновенные гранатометы, бомбометы. Бомбомет заряжался пустым внутри снарядом, в который вкладывалось донесение (листы с информацией).

Ил. 9. Аэроплан связи перед вылетом

Ил. 10. Очаков. Военно-голубиная станция

При ударе о землю снаряд давал вспышку и дымовой сигнал, тем самым указывая место падения. Кроме того, для перебрасывания донесений использовались особые капсулы для стрельбы из обыкновенных винтовок специальными гранатами при помощи надеваемых на оружие созданных для этого муфт.

Ил. 11. Собака связи

Для доставки донесений (распоряжений) использовалась особая порода голубей, называемых почтовыми. До Первой мировой войны почтовые голуби на военной службе применялись исключительно для связи между крепостями и важными в военном отношении городами, главным образом в пограничной полосе, а также в приморских крепостях и морских портовых городах (ил. 10).

Из пород служебных собак для службы связи использовались немецкие овчарки, доберман-пинчеры, эрдельтерьеры, шотландские овчарки и северные остроухие собаки (лайки) (ил. 11).

Особые условия фронтовой обстановки требовали на военное время и особой организации почтового аппарата, который мог бы

повседневно обслуживать войска в боевой обстановке, пересылать и доставлять в армию корреспонденцию, не имевшую указания мест нахождения адресатов. В войсках, имевших штабы, рассылка письменных распоряжений возлагалась на заведующих связью. В частях, где не было штабов, руководство связью осуществляли непосредственно командиры.

Полевая почта в военное время имела такое же назначение, как и общегосударственная. Не являясь средством оперативной связи, она производила большую работу, осуществляла обмен корреспонденцией страны с армией и в армии. Главным образом это была корреспонденция, идущая из страны в армию и обратно, т. е. письма, посылки, денежные переводы, которые принимались оседлыми почтовыми учреждениями, а выдавались полевыми, и наоборот.

В Первую мировую войну в соответствии с «Положением о полевом управлении войск в военное время» в управление военных сообщений при верховном главнокомандующем и управление начальника военных сообщений армий фронта входили соответствующие почтово-телеграфные отделы. В действующей армии таких отделов было сначала четыре, а затем пять, по числу фронтов (Северный, Западный, Юго-Западный, Кавказский и Румынский).

Производственную часть почтово-телеграфной связи в действующей армии в 1916–1917 гг. на европейских фронтах обслуживали главные полевые почтовые конторы, полевые почтовые конторы при штабах фронтов и армий, обратные полевые почтовые конторы, предназначенные для пересылки корреспонденции из армии в тыл, контрольные полевые почтовые конторы, корпусные и запасные полевые почтовые конторы, этапные почтовые или почтово-телеграфные отделения, почтовые подставы — мастерские и почтово-телеграфные архивы.

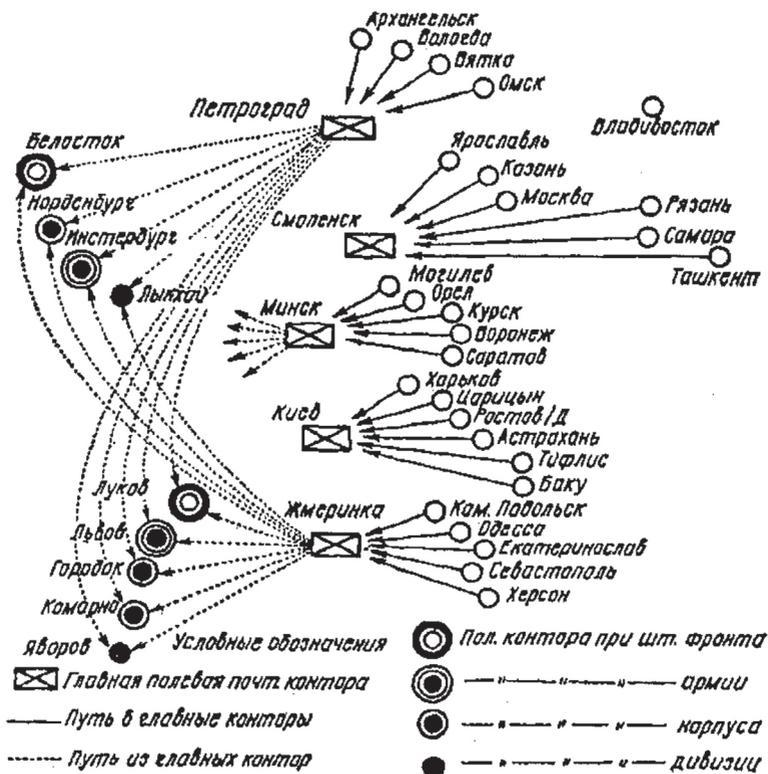
Этапные почтовые или почтово-телеграфные отделения создавались для обслуживания тыловых частей в местностях, занятых у неприятеля, где нет оседлых учреждений связи. Например, когда русская армия заняла Галицию и часть Восточной Пруссии, там во многих городах были созданы подобные учреждения, которые обслуживали и находившиеся поблизости войсковые части, и возникавшие там гражданские правительственные учреждения, и местное население. Эти этапные почтово-телеграфные отделения входили в состав

Ил. 12. Схема движения корреспонденции в Первую мировую войну

полевой почтово-телеграфной сети. При прочном же закреплении занятой неприятельской территории они постепенно заменялись открываемыми гражданскими почтово-телеграфными учреждениями.

Число этих подразделений из года в год увеличивалось. Во всех этих учреждениях состояло около 4000 чиновников, 2423 почтальона, 612 рассыльных и 4018 рабочих. Но и это число служащих, выделенных из почтово-телеграфного ведомства, оказалось недостаточным. Многочисленность войск, принимающих участие в войне, и особо повышенная потребность в общении между военнослужащими, находящимися на фронте, с их родными и знакомыми, оставшимися в тылу, создали громадные потоки корреспонденции. Например, в 1915–1917 гг. ежедневно приходил в армию миллион отправок. Для пересылки и доставки этой корреспонденции требовалось большое число полевых почтовых учреждений и много работников-почтовиков. В июле 1916 г. Ставка потребовала от главного управления почт

Ил. 13. Направления движения корреспонденции в Первую мировую войну

и телеграфов увеличения штатов полевых почтовых учреждений, но получила отказ. Поэтому приказом по армии от 28 сентября 1916 г. было разрешено прикомандировать к каждой главной полевой почтовой канторе по 50 нижних чинов из писарей 4-й категории и других грамотных солдат и к прочим полевым почтовым станциям — военных чиновников после их некоторой подготовки. Недостаток работников был очень велик (на 1 января 1917 г. некомплект в полевых учреждениях составлял 1739 человек).

Работа почтово-телеграфного ведомства во время войны непрерывно возрастала и усложнялась (ил. 12, 13).

Таким образом, фельдъегерский корпус во время войн, которые вела Россия, переходил на штат военного времени. Корпус выделял фельдъегерские отделения и части, которые прикомандировывались к штабу главного командования, к штабам армий, корпусов и дивизий для своевременного и более лучшего обеспечения фельдъегерской связью. Почтовая связь осуществлялась через учреждения полевой почты — полевые почтовые конторы, которые формировались на период военных действий. Данный порядок организации фельдъегерско-почтовой связи сохранялся до февраля 1917 г.

¹ Цейтлин В.А. Служба связи. Библиотека красноармейца. М.; Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1927.

² Зуев-Ордынец М.Е. Сказание о граде Ново-Китеже. М., 1970. С. 203.

³ Почтово-телеграфный журнал. 1899 г. Октябрь. С. 1095.

⁴ ЦГУВИА СССР. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 5 (1713–1719) Печатано в типографии II отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1830 г. Л. 248–249.

⁵ Военный сборник, год 12-й. № 5, май 1869 г. С. 65–67.

Ю.Д. Патыченко (Санкт-Петербург)

СОСТАВ, ЗАДАЧИ И ХАРАКТЕР ДЕЙСТВИЙ ТАНКОВЫХ АРМИЙ В НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ ФРОНТОВ ПО ОПЫТУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ОПЫТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны показывает, что высокие темпы в наступательных операциях достигались при массированном применении танковых войск на направлениях главных ударов, во взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией. До тех пор, пока Красная армия не имела достаточного количества танковых и механизированных соединений, наступательные операции носили ограниченный размах. С появлением же танковых и механизированных корпусов, применяемых массированно, когда 2–3 корпуса действовали в полосе одной общевойсковой армии, например, в 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта, во 2-й гвардейской и 51-й армиях Сталинградского фронта в контрнаступлении под Сталинградом, советские войска стали совершать глубокие прорывы, стремительно выходить в глубокий тыл противника и навязывать ему свою волю¹. Эти преимущества еще более стали сказываться, когда в составе фронтов появились формируемые с середины 1942 г. танковые армии, состоящие из 1–3 танковых корпусов и нескольких стрелковых дивизий. Дальнейшее организационное строительство бронетанковых войск путем создания с начала 1943 г. танковых армий, состоящих только из танковых и механизированных корпусов, еще больше повысило их боевую мощь, подвижность и маневренность. Танковая армия однородного состава обычно состояла из двух танковых и одного механизированного корпусов, отдельной танковой и 1–2 самоходных артиллерийских

бригад, ряда артиллерийских, зенитно-артиллерийских, инженерных и других соединений и частей. По штату в ней насчитывалось около 800 танков и САУ и до 750 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии².

Создание однородных по своему составу танковых армий значительно подняло их роль в наступательных операциях фронтов. Они стали средством Ставки Верховного Главнокомандования и придавались фронтам, действовавшим на важнейших стратегических направлениях в качестве подвижных групп. Их место определялось решением командующего войсками фронта, а в некоторых случаях и Ставки ВГК, в зависимости от замысла операции, характера обороны противника, соотношения сил сторон, условий местности и ряда других факторов.

В Белгородско-Харьковской наступательной операции (3–23 августа 1943 г.) в составе ударной группировки Воронежского фронта впервые в Великой Отечественной войне была создана подвижная группа из двух танковых армий — 1-й (562 танка и САУ) и 5-й гвардейской (542 танка и САУ)³. С этого времени в большинстве наступательных операций 1943–1945 гг. танковые армии применялись в качестве подвижных групп фронтов.

Подвижная группа в наступательной операции фронта предназначалась для развития тактического успеха в оперативный, а иногда и в оперативно-стратегический. Обычно задачу развития успеха она должна была решать совместно с авиацией и во взаимодействии с другими армиями. Подвижную группу предполагалось вводить в прорыв, проделанный в обороне противника общевойсковыми армиями первого эшелона фронта. Вместе с тем, допускалось и такое применение танковых армий, когда они, самостоятельно наступая в первом эшелоне фронта, при активной поддержке авиации должны были пробить брешь в обороне противника и выйти на оперативный простор для широких маневренных действий. При таком способе боевых действий подвижные группы усиливались тяжелыми танками, мотопехотой на автомобилях и мотоциклах, артиллерией на механической тяге и другими средствами.

По своему составу подвижная группа должна была быть способной громить подходов резервы противника, захватывать определенный район или рубеж и удерживать его до подхода главных сил фронта, создавать условия для окружения и уничтожения врага.

Разгром подходивших резервов противника чаще всего достигался встречными сражениями и боями. Форсирование водных преград, преодоление промежуточных оборонительных рубежей в глубине осуществлялось на широком фронте с ходу или с короткой подготовкой. Захваченные плацдармы, рубежи и объекты удерживались активными оборонительными действиями. Преследование велось фронтальное и параллельное, непрерывно и в высоких темпах. Танковые соединения стремились перехватить пути отхода противника и громить его войска по частям. Все эти сложные и многообразные задачи, кроме прорыва или завершения прорыва главной полосы обороны противника, подвижные группы решали, как правило, самостоятельно при тесном взаимодействии с приданной авиацией и в оперативном взаимодействии с общевойсковыми и воздушными армиями. Обычно подвижные группы действовали в отрыве от общевойсковых армий на удалении от 30 до 80 км и более⁴. Их действия обычно планировались на всю глубину фронтовой наступательной операции.

Боевая задача подвижной группы делилась на ближайшую и дальнейшую. При этом первая планировалась детально по дням. Ближайшая задача состояла в разгроме противостоящего противника и выходе на глубину от 50 до 150 км. Дальнейшая задача планировалась на глубину 200–250 км и совпадала с достижением цели операции. Так, например, в Белорусской операции задачей 2-й танковой армии 1-го Белорусского фронта был разгром противостоящего противника, форсирование Западного Буга и захват плацдарма на западном берегу. Глубина задачи 65 км. Дальнейшая задача включала стремительное наступление в глубину с целью окружения и уничтожения брестской группировки противника. Глубина задачи достигала 180–190 км⁵. В Восточно-Прусской операции ближайшая задача 5-й гвардейской танковой армии 2-го Белорусского фронта состояла в разгроме млавской группировки противника и выход в район на удаление 50–60 км от рубежа ввода. Дальнейшая задача заключалась в развитии наступления на Мариенбург, с выходом на побережье Балтийского моря и отсечении восточно-прусской группировки. Глубина задачи 200 км⁶.

В связи с тем, что подвижные группы при выходе в оперативную глубину вели высокоманевренные боевые действия, часто меняя направление своего продвижения, полосы наступления им не определялись.

Одной из сложных проблем советского военного искусства в Великой Отечественной войне являлось определение времени, рубежа и способов ввода подвижных групп в сражение. Это объяснялось тем, что подвижная группа, прежде чем выйти в оперативную глубину, должна была преодолеть тактическую зону обороны, обычно наиболее прочно занятую и упорно обороняемую противником. Необходимо было упредить подход резервов противника к участкам прорыва и в занятии ими тыловых оборонительных позиций. Только при этих условиях операции подвижной группы и фронта в целом приобретали высокую динамичность и решительность.

Поскольку подвижные группы в составе танковых армий предназначались для развития успеха во фронтовых наступательных операциях, то наиболее целесообразным было бы вводить их в сражение после того, как общевойсковые армии своими силами прорвут всю тактическую зону обороны и обеспечат им беспрепятственный выход в оперативную глубину. При этом танковые армии полностью сохраняли свою ударную силу для действий в оперативной глубине.

Однако опыт войны показал, что такой ввод возможен только тогда, когда прорыв тактической зоны осуществляется в достаточно высоких темпах. Низкие темпы прорыва позволяли противнику выиграть время для подтягивания резервов, организации обороны на промежуточных рубежах, в результате чего подвижные группы сталкивались с необходимостью неоднократного прорыва обороны в глубине. Темп наступления резко снижался, операция проводилась медленно и исключалась возможность полного разгрома крупных группировок противника.

В ходе Великой Отечественной войны подвижные группы фронтов — танковые армии — в подавляющем большинстве в полном составе или своими первыми эшелонами участвовали в прорыве или в завершении прорыва тактической зоны обороны. Опыт войны показал, что условия для ввода в сражение могут быть благоприятными тогда, когда подавлена артиллерийская система обороны противника и общевойсковые армии первого эшелона фронта захватили рубеж, проходивший на удалении 6–8 км от переднего края. Однако этого не всегда удавалось достичь. С целью повышения темпов прорыва тактической зоны обороны противника подвижные группы, как правило, вводились в сражение в середине первого или с утра второго

дня операции с рубежа, проходившего на удалении 3–10 км от переднего края⁷.

Командующие фронтами, планируя операцию и ставя задачи подвижным группам, внимательно изучали противостоящую группировку противника, расположение его резервов, тыловых позиций и рубежей и возможности занятия ими обороны в глубине.

После прибытия в состав фронта танковые армии последовательно размещались в районах сосредоточения, выжидательных и исходных районах.

Районы сосредоточения назначались для расположения танковых армий на время основных мероприятий по подготовке, организации и обеспечении предстоящих боевых действий. Удаление этих районов колебалось в пределах от 20–30 до 100–120 км. Удаление районов сосредоточения менее 50 км имело место, главным образом, в тех случаях, когда они совмещались с выжидательными районами.

С получением оперативной задачи танковая армия с соблюдением мер маскировки совершала марш в выжидательный район, который в зависимости от обстановки находился на удалении 20–40 км от переднего края и был укрыт от воздушного наблюдения противника. В этом районе командующий и штаб танковой армии проводили работу по планированию операции, организовывали взаимодействие между своими соединениями и с общевойсковыми и воздушными армиями. Здесь же завершалась подготовка материальной части к операции, боевая подготовка войск и штабов. В выжидательном районе танковая армия находилась в течение 2–3 суток и, как исключение, 7–10 суток⁸. За это время командиры подразделений изучали маршруты выдвижения до переднего края обороны, тщательно готовились к предстоящим боям. Старшие командиры под руководством командующего и штаба танковой армии, а иногда и фронта, проигрывали полученную задачу на макетах местности, фотопланшетах и крупномасштабных картах.

Большое значение для успешных действий подвижных групп имело хорошо организованное и непрерывно поддерживаемое взаимодействие с общевойсковыми и воздушными армиями. Оно организовывалось, как правило, командованием фронта. При этом обычно решались следующие вопросы: обеспечение рубежа ввода в сражение танковой армии; задачи артиллерии, авиации,

инженерных войск по прикрытию развертывания первого эшелона танковой армии; количество маршрутов, необходимых для выхода танковой армии на рубеж развертывания; устанавливались единые сигналы вызова артиллерийского огня и авиации.

Обычно перед общевойсковой армией, в полосе которой вводилась в сражение подвижная группа, ставились задачи⁹:

- подавление обороны противника и прорывание в ней брешей на участке шириной до 8–10 км и на глубину до 6–8 км;
- подавление артиллерийского огня противника перед фронтом и на флангах подвижной группы на рубеже развертывания;
- обеспечение флангов подвижной группы от контрударов противника на этом рубеже;
- оборудование не менее четырех маршрутов от исходного района до рубежа развертывания и своевременное освобождение их от войск первого эшелона.

Важную роль в обеспечении своевременного ввода в сражение подвижной группы играла организуемая инженерными войсками служба регулирования. Опыт показал, что если заранее не организовывалась служба регулирования на маршрутах, то ввод в сражение танковых соединений задерживался иногда на сутки и более.

Организуя артиллерийское обеспечение подвижной группы, командующий общевойсковой армией привлекал для этих целей, прежде всего, армейскую и корпусную артиллерию, а нередко и дивизионную, которая по своей дальности могла вести огонь по обороне противника. Обычно перед вводом в сражение подвижной группы проводилась короткая артиллерийская подготовка, во время которой подавлялись узлы сопротивления и противотанковая артиллерия противника. В некоторых случаях артиллерийских средств общевойсковой армии было недостаточно. Тогда по указанию фронта привлекалась артиллерия соседней армии, а иногда и самой танковой армии.

Значительно улучшала прикрытия подвижных войск с воздуха зенитная артиллерия, решая свои задачи в тесном взаимодействии с авиацией.

Авиационное обеспечение ввода в сражение подвижных групп возлагалось на соединения воздушной армии, которые до этого поддерживали общевойсковые армии. Обычно истребительное прикрытия и воздушная разведка в интересах танковой армии осуществлялись по единому плану, утвержденному

командующим фронтом. В соответствии с этим планом, как правило, действовала и бомбардировочная авиация. Командующий танковой армией через командующего войсками фронта или представителя воздушной армии при штабе подвижной группы мог ставить задачи на подавление вражеских объектов, препятствовавших продвижению. Штурмовая авиация с началом ввода переходила в оперативное подчинение командующего танковой армией и выполняла все поставленные задачи, исходя из отпущенного авиаресурса.

За сутки или в ночь перед вводом в сражение подвижная группа выходила в исходный район, удаленный на 3–5 км от переднего края. В этом районе она уже находилась в том оперативном построении, которое требовалось для начала наступления. При наличии в составе танковой армии трех корпусов оперативное построение было двухэшелонным, а двух корпусов — одноэшелонным. Если танковая армия вводилась в узкой полосе, корпуса следовали друг за другом по 1–2 маршрутам.

В ряде фронтовых наступательных операций 1944–1945 гг. подвижные группы вводились в прорыв после преодоления общевойсковыми армиями тактической зоны обороны противника (5-я гвардейская и 2-я танковые армии в Белорусской, 6-я танковая армия в Ясско-Кишиневской, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии в Висло-Одерской, 5-я гвардейская танковая армия в Восточно-Прусской операциях). Освобождение подвижных групп фронтов от задач завершения прорыва тактической обороны сохраняло их силы и средства, создавало более благоприятные условия для стремительного развития операции на большую глубину¹⁰.

Наступление подвижных групп в оперативной глубине отличалось большой маневренностью, высокими темпами продвижения, решительным и смелым переносом главных усилий с одного направления на другое. Боевой опыт показал, что одной из важнейших задач подвижных групп в оперативной глубине противника являлась борьба с его оперативными резервами. Обычно после преодоления тактической зоны обороны противника подвижная группа переходила к преследованию разгромленных в тактической глубине войск с тем, чтобы не дать им организованно отойти и занять оборону на тыловых рубежах. Преследование велось непрерывно, днем и ночью, фронтально и по параллельным дорогам. Форсирование речных преград осуществлялось

сходу, а важные оперативные объекты занимались и удерживались до подхода общевойсковых соединений. Темп преследования достигал 50–100 км в сутки¹¹.

Высокие темпы преследования были присущи тем операциям, где заблаговременно готовились передовые отряды. Обычно передовой отряд состоял из танковой (моторизованной) бригады, усиленной артиллерией и саперами. В этом случае подвижная группа, следуя в колоннах за передовыми отрядами, не ввязывалась в боевые действия за опорные пункты противника, а стремительно продвигалась в глубину.

В годы Великой Отечественной войны в Красной армии было сформировано шесть танковых армий однородного состава. К концу войны танковая армия трехкорпусного состава могла иметь свыше 50 тыс. личного состава, 850–920 танков и САУ, около 800 орудий и минометов, более 5 тыс. автомобилей¹².

Советские танковые армии участвовали во всех наиболее важных стратегических и фронтовых операциях и внесли большой вклад в разгром вражеских войск на советско-германском фронте и в войне с Японией.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, вспоминая о блестяще проведенной советскими войсками Висло-Одерской операции, писал в своих мемуарах: «Основная роль в развитии наступления во фронтах после прорыва обороны противника принадлежала танковым армиям, отдельным танковым и механизированным корпусам, которые во взаимодействии с авиацией представляли собой быстроподвижной таран огромной силы, расчищавший путь для общевойсковых армий. Танковые армии... стремительными ударами дробили вражеский фронт, выходили на коммуникации его войск, захватывали переправы и узлы дорог, сеяли панику и дезорганизовывали тыл противника. Глубокое проникновение бронетанковых войск в тыл противника не позволяло немецко-фашистским войскам использовать для обороны большинство заранее подготовленных рубежей»¹³.

Все действовавшие в 1943–1945 гг., танковые армии были преобразованы в гвардейские, а входившие в их состав соединения и части награждены орденами и удостоены почетных наименований.

¹ Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 12.

- ² Советская военная энциклопедия, М.: Воениздат, 1979. Т. 7. С. 660.
- ³ История военного искусства. М.: Воениздат, 1984. С. 209.
- ⁴ Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1979. С. 149.
- ⁵ Радзиевский А.И. Танковый удар. М.: Воениздат, 1977. С. 45.
- ⁶ Военная мысль. 1970. № 1. С. 71.
- ⁷ Радзиевский А.И. Танковый удар. С. 122.
- ⁸ Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. С. 123, 125.
- ⁹ Военная мысль. 1970. № 1. С. 73.
- ¹⁰ История военного искусства. С. 390.
- ¹¹ Радзиевский А.И. Танковый удар. С. 131.
- ¹² История военного искусства. С. 371.
- ¹³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1969. С. 613, 614.

Е.П. Петрова (Владимир)

**С ЛЮБОВЬЮ ИЗ «ГОРОДА МЕЧТЫ»
(ПИСЬМА ВАЛЕНТИНЫ ДМИТРИЕВОЙ
ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА В СОБРАНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЛАДИМИРО-
СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

С РЕДИ ДОКУМЕНТОВ Великой Отечественной войны особое место занимают письма. Каждое из них несет в себе не только важную информацию о событиях, но и раскрывает интересы, чувства, мысли, душевную боль, переживания автора. В собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранятся четыре письма, отправленные в начале войны из блокадного Ленинграда студенткой медицинского института Валентиной Дмитриевой своим родителям в поселок Мстёру Вязниковского района Ивановской (с 1944 г. Владимирской) области. Военные реликвии были переданы во Владимиро-Суздальский музей-заповедник в 1985 г. Валентиной Мефодьевной Кочетовой (Дмитриевой) (1923–2014), экспонировались на выставках, посвященных Великой Победе.

Валентина Дмитриева родилась 17 февраля 1923 г. в многодетной семье во Мстёре — поселке, известном своими народными промыслами. Отец работал художником в артели, мама была вышивальщицей. В 1940 г. Валя закончила Мстёрскую среднюю школу с золотой медалью, которая давала ей право поступления в любое высшее учебное заведение страны без вступительных экзаменов. Она выбрала Ленинградский медицинский институт. «Город над вольной Невой» покорила сельскую девочку с первого взгляда — раз и навсегда. Валентине нравилось учиться в институте, посещать музеи, театры... В выходные она путешествовала по окрестностям Ленинграда — знаменитым паркам и дворцам. В июне 1941 г. были сданы экзамены за первый курс,

куплен билет на поезд, впереди ждали счастливые каникулы в родной Мстёре...

Все изменила война. В начале июля ленинградских студентов отправили на Карельский перешеек копать рвы, строить оборонительные укрепления. В конце августа молодежь вернулась в Ленинград, началась учеба в институте. После занятий Валентина дежурила в военном госпитале на Васильевском острове: студенты-медики оказывали первую помощь людям, пострадавшим после бомбежки.

8 сентября 1941 г. началась 872-дневная блокада Ленинграда. В окруженном городе оказалось более 2,5 миллионов жителей, в том числе 400 тысяч детей. Запасы продовольствия и топлива быстро истощались. В ноябре ударили сильные морозы. Люди умирали тысячами — от холода, голода, бомбежек. Только в 1943 г. самых слабых женщин и детей начали вывозить из Ленинграда в тыл по Ладоге — «дороге жизни». В их число попала и Валя. В марте 1943 г. она была эвакуирована на родину с тяжелой дистрофией, а в дороге заболела сыпным тифом. Путь домой был долгим и тяжелым — ехали до Мстёры 15 суток. Три месяца после этого истощенная Валентина еще пролежала в больнице.

Судьба распорядилась так, что врачом Валентина Мефодьевна не стала. 1 сентября 1943 г. ее пригласили на работу в школу в родном поселке. Учителей не хватало, и молодая девушка, не имея педагогического образования, преподавала немецкий язык, работала старшей пионервожатой. Уже в мирное время Валентина окончила Горьковский педагогический институт, где заочно училась на факультете иностранных языков. Более 40 лет Валентина Мефодьевна работала учителем и завучем в школе № 11 в родной Мстёре, была награждена Грамотой Министерства просвещения и знаками «За творческий педагогический труд», «Отличник народного просвещения РФ». В 1972 г. ей было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». Дмитриева неоднократно избиралась депутатом Мстёрского поселкового совета и руководителем комиссии по народному образованию и культуре. Даже будучи на пенсии она активно участвовала в общественной и культурной жизни поселка, была организатором созданного во Мстёре в 1985 г. культурно-спортивного комплекса¹.

Письма, хранящиеся в музейном собрании, написаны в самые тяжелые месяцы блокады — с ноября 1941 по март 1942 г. Читая

их, понимаешь: автор не думал о том, что спустя десятилетия ее послания увидят посторонние люди. В своих письмах — незамысловатых и откровенных — Валентина рассказывает о том, что ее волновало: о довоенной жизни на родине, учебе в Ленинграде, об ужасах блокады... Письма 19-летней девушки, чьи мечты были разбиты войной, и сегодня не могут оставить равнодушными.

Каждое письмо начинается со слов приветствия: «Привет из Ленинграда», «Привет из блокадного Ленинграда», с теплового обращения любящей дочери к родителям: «Дорогие, милые мамочка и папочка», заканчивается словами: «Крепко, крепко вас целую». Валя помнит обо всех родственниках и знакомых, не забывает передавать им приветы, просит маму «писать почаще и сообщать все мстёрские новости».

Первое письмо написано 6 ноября 1941 г. синими чернилами на двойном листе почтовой бумаги с изображением летящих самолетов. На четвертой странице проставлен штемпель военной цензуры. Остальные весточки написаны на двойных листах из ученических тетрадей в клеточку и в линейку, карандашом. В письме от 12 февраля 1942 г. Валя извиняется, что пишет карандашом, так как «чернила замерзли».

Рассказы молодой девушки о тяготах жизни в блокадном городе наполнены чувством патриотизма, уверенности в победе, ненавистью к врагу. Строчки из письма от 6 ноября 1941 г.: «Сейчас сижу в бомбоубежище, на улице идет такая стрельба, что даже здание качается. Вот в такой обстановке приходится встречать праздник, под бой артиллерийских снарядов. Ну ладно, мы им покажем, проклятым извергам, за все их злодеяния. Вчера ночью была тревога, и во время ее сбросили зажигательную бомбу на наше общежитие, но к этому теперь все привыкли и считают это вполне нормальным явлением, пожары все быстро ликвидируют, и у нас очень быстро затушили, кроме того, во время этой тревоги было сбито 5 фашистских самолетов. Так надоели эти тревоги, ни одной ночи не удастся поспать спокойно... здесь в госпиталях очень много лежит раненых, мы теперь всего насмотрелись, видели и ужасы и страдания»².

2 января 1942 г. Валя пишет: «Здесь, в Ленинграде, несмотря на ужасные трудности, я ни разу не слышала панических разговоров. Все только шлют проклятия коварному врагу и насмерть стоят у стен любимого города. Рушатся камни, а голодные, измученные люди держатся, хотя умирают ежедневно сотни от голода и

бомбежки». О себе сообщает: «...все идет однообразно, трудимся, работа тяжелая, очень устали, но ведь теперь всем нелегко, а тем более тем, кто на фронте». Закончив письмо, Валентина вспомнила, что «Самое-то главное забыла сообщить: «Ура! Нам увеличена норма выдачи хлеба! Действует Дорога жизни. Теперь дело будет улучшаться»³. Письмо от 12 февраля начинается с этой же радостной новости: «Ура! Нам прибавили норму хлеба! Действует Дорога жизни. Теперь не умрем. Мы еще покажем им, проклятым фашистам, на что способен советский народ. Город Ленина будет жить вечно! Таковы ленинградцы, никогда не склоняли они свои головы перед врагом». Далее рассказывает: «Живем на Кирилловке, помогаем армии оборонять любимый город, дежури́м на участке»⁴. Последнее письмо от 15 марта 1942 г. наполнено особенной любовью к Ленинграду: «По Дороге жизни идет из Ленинграда эвакуация женщин, детей, престарелых людей и больных. Очень хотелось бы и мне уехать домой, так как чувствую себя очень плохо, ослабла, передвигаюсь как старушка. И в то же время как вспомню, что придется оставить любимый город, город своей мечты, в который уже больше, может быть, не представится возможности вернуться. Очень жаль, что получилось все не так, как мечтали мы когда-то. Я все более и более убеждаюсь в том, что какие замечательные люди эти ленинградцы, несмотря на голод и холод, люди мужественно и стойко переносят все лишения и душевные боли, честно трудятся. Особенно большие испытания выпали на долю женщин, ведь они всюду заменили ушедших на фронт мужчин. Работа, дети, домашние заботы — сколько надо силы, чтобы выполнять все это».

И вновь рассказ об ужасах войны: «Много ежедневно умирает людей, даже не успевают увозить трупы. Наши ряды тоже здорово поредели. Многих уже вообще не стало. Мои подруги — девочки из Южи — эвакуировались. Оля сильно больна. После того как она узнала, что ее мать и братишку фашисты расстреляли, а отец погиб на фронте, с ней случилось расстройство психики. Порой бывает жутко на нее смотреть: бомбят, всюду такой треск, все содрогается, а она лежит и поет во весь голос: «Любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны». Сейчас ее отправили в больницу. О многих вообще ничего не знаю»⁵.

В первые месяцы блокады еще можно было купить еды. В письме от 6 ноября 1941 г. Валентина рассказывает о подготовке

к празднику Октябрьской революции: «Вчера и сегодня бежала по магазинам, запасала себе на праздник угощения, выкупила 200 гр. конфект, 75 гр. сливочного масла, 100 гр. меланжа, думали, на праздник прибавят хлеба, но нет, норма осталась все той же, на рабочих и служащих дают по поллитру вина, я нигде не могла достать, выкупила после праздника и думаю на что-нибудь сменить на рынке». В том же письме Валентина рассказывает о такой житейской подробности, как покупка чулок. Их можно было приобрести по карточке только в военном магазине, «а то так достать никак невозможно, если где появятся, то стоят огромные очереди»⁶.

Прошло меньше двух месяцев, положение в городе становится все тяжелее, в том числе с питанием. Читаем: «В конце декабря была у Кириковых. Дусин брат Игнат привез с фронта кусок конины, они меня угостили. Так как сварить негде, то ели сырую, а она такая, что едва раздерешь зубами, особенно нашими. Все зубы качаются, и такое впечатление, что вот плюнешь посильнее, и они все будут на ладони. В госпитале нужно будет показаться врачу, уж не цинга ли. Я купила несколько пакетиков хвои, т. е. сосновых иголок, и вот вечерами жую, а то ведь нет никаких витаминов. Милая мамочка, у меня к тебе будет большая просьба, когда чистишь картошку или свеклу, очистки не выбрасывай, а суши. Может быть, посчастливится мне пережить все и остаться живой, когда вернусь домой, съем все», — пишет Валентина в письме 2 января 1942 г. В новый год были рады уже корочке хлеба: «Новый год встречали под вой сирен и взрывы бомб в своем темном и холодном уголке общежития на Кирилловке. Наши ребята раскололи несколько стульев, наполнили снегом титан и вскипятили водички. Так что был у нас праздничный новогодний чай, всем досталось по пол-стаканчику. Пили с корочкой хлеба. Казалось, что никогда в жизни не было ничего вкуснее. А кипяточек, как живительная влага, прошел по всему телу и прибавил силы»⁷.

В марте 1942 г. жизнь в городе остается очень тяжелой: «Я живу сейчас у Кириковых в общежитии с/х института на р. Карповке. Лёша на казарменном положении, дома бывает один раз в неделю, приходит только навестить. Дуся очень больна, у ней цинга и суставной ревматизм, одна оставаться не может. Поэтому я ухаживаю за ней, выкупаю хлеб для себя и для нее, изредка хожу на Неву за водой с маленьким ведерком. Это

страшно тяжело, ведь приходится преодолевать большое расстояние, а силы нет. В комнате страшно холодно, спим в пальто и в платках, на себя накладываем подушки, одеяла. Их здесь много. Студенты с/х института эвакуированы, а подушки и тюфяки остались на койках. Тюфяками мы забили в комнате выбитые окна, так что теперь ветер не гуляет, но зато день и ночь темно, даже наткнемся на предметы. Однажды я пошла поискать в комнатах, не осталось ли где что-нибудь съестное, и в одной тумбочке нашла коллекцию: 5 желудей и несколько колосьев пшеницы. Мы все это поделили с Дусей. И вот ложимся в постель и вместо конфетки сосем желудь»⁸.

Голод стал самым страшным испытанием для блокадников. Но им пришлось побеждать в борьбе за жизнь и еще одного жестокого врага — холод. И снова письма: «...уже несколько месяцев спим не раздеваясь, прямо в платьях», «Только бы скорее потеплело. Так хочется где-нибудь согреться», «Все чаще и чаще сожалею о том, что оставила в зимние каникулы теплое пальто дома. Казалось не модным. В этом очень холодно. Надеваю под пальто 2 кофты и лыжный костюм и все равно зябну. Так и сплю во всей одежде, не раздеваясь. Воодушевляем себя надеждой, что скоро будем греться на солнышке», «Как хотелось бы раздеться, лечь в теплую постель и спать спокойно, ни о чем не думая. Неужели когда-нибудь доживем до этого».

Очень зримо в письмах молодой девушки рассказывается о довоенной жизни, когда будущее в девичьих мечтах было только счастливым: «Мне вспомнились годы учебы в школе, раньше перед праздником спешишь идти в школу на вечер, всегда к этому дню сошьют какое-нибудь новое платье, а здесь, в Ленинграде массовое гулянье на площади Урицкого, прожектора, музыка, крейсера на Неве, освещенные разноцветными огнями, веселые довольные лица ленинградцев — ну и жизнь была, и то все чем-то были недовольны, а сейчас в предпраздничную ночь везде темно, не видно нигде ни одного огонька... Я очень часто вспоминаю Сергея⁹, наши мечтания, когда-то в один прекрасный зимний вечерок мы сидели и мечтали, как когда-то в будущем мы будем жить в Ленинграде. Он будет знаменитым артистом, а я врачом, в Пушкинском театре драмы будем смотреть какую-нибудь вещь в исполнении знаменитых артистов, я очень часто вечерами перечитываю его письма, присланные мне прошлый год, ведь он все время мечтал учиться дальше, где, интересно, он сейчас и жив ли.

Никак не могу дописать письмо, сейчас пришли девчонки, сидим у меня на койке и мечтаем, как бы уехать домой, и вот бы явиться неожиданно, какое бы было счастье, но это, пожалуй, не осуществится...»¹⁰; «сидели с девочками и вспоминали, как когда-то в мирное время отмечали Новый год. В школе и в пионерском клубе были нарядные елки, танцы, самодеятельность. Сколько веселья! И все это отняли у нас проклятые фашисты во главе с собакой Гитлером. Но им не придется покорить советских людей...»¹¹; «я часто вспоминаю довоенное время, когда зимой учила уроки у открытой топящейся печки: дрова потрескивают, на улице мороз, а мне так тепло. И вот эти сладкие воспоминания немножко как-нибудь согревают»¹².

Валентина живет новостями из родного поселка, в котором выросла, хочет больше знать о друзьях, знакомых: «Живы ли мои одноклассники?.. Частенько смотрю, не попадет ли кто из наших земляков в наш госпиталь, но пока никого не встречала». Находясь сама в тяжелых условиях, она стремилась в своих письмах успокоить, подбодрить родных. Вот строчки из первого письма: «Я сейчас словно бы пешком убежала домой, только бы чем-нибудь помочь вам, ведь я прекрасно понимаю ваше положение, дома я сейчас стала бы работать дни и ночи, потому что уже знаю, что такое трудности жизни, со всем пришлось столкнуться за эти несколько месяцев... Дали бы мне сейчас Гитлера, я растерзала бы его на мелкие части от злости, ведь все ему шлют столько проклятий, и ничего ему не делается, живучей собаке... Милые папочка и мамочка, прошу вас, обо мне не беспокойтесь, не расстраивайте себя, ведь этим все равно не поможете, а самое главное сейчас — берегите свое здоровье, особенно при таком питании... Вчера я получила ваши деньги, за что шлю огромное спасибо, но зря вы разоряетесь, отправляете последние копейки, ведь я знаю, как они вам сейчас достаются, а для меня-то они ничего не значат, ведь все равно деньги девать сейчас некуда, я даже эти хотела послать, так как у меня остаются от стипендии».

Она беспокоится о судьбе брата Михаила, комиссара батальона, от которого нет вестей, и не забывает успокоить родителей: «он у нас замечательный патриот своей Родины, имеет огромный опыт в военной службе. Так что голову не подставит да и в кусты прятаться не будет. Я уверена, он жив, но, вероятно, нельзя, по какой-то причине нельзя писать»¹³. В письме от 12 февраля Валентина не жалуется на свою жизнь, а вновь хочет подбодрить

близких: «Милая мамочка, обо мне не убивайся, береги свое здоровье. У меня все нормально. Конечно, тяжело, голодно и холодно, а кому сейчас легко, всем приходится туго, особенно там, на фронте, в такие-то холода. Мы хоть не на улице, в холодных, но помещениях, защищенных от ветра. Какие новости у вас?.. Так хотелось бы всем помочь, но слишком далеко нахожусь...»¹⁴

Сегодня, разбирая письма 19-летней Валентины Дмитриевой, поражаешься силе ее духа, щедрости сердечной. Сколько же веры в Победу, человеческого достоинства было в этой вчерашней школьнице, что она не сломалась под тяжестью выпавших на ее долю испытаний и всегда была рядом с теми, кому было еще хуже. Читаем: «...у Нины Телегиной случилось огромное несчастье: в институте украли сумочку, а там были документы, продовольственные карточки и часы. Так она, бедняжка, плакала и убивалась, но мы ее утешили и воодушевили. Теперь мы хлеб получаем все вместе на 3 карточки (Сонину, Нины Панфиловой и мою) и храним его в тумбочке, ключ от которой берем по очереди и делим хлеб на 4 чел., т. е., такую же норму выделяем и Нине Телегиной, ведь не умирать же человеку от голода. Ведь вот есть же среди нас паразиты, которые думают только о себе, о своем желудке. Ничего, переживем и это», — пишет Валя в письме от 12 февраля 1942 г. И далее добавляет: «Война так закалила меня, что любое трудное дело, кажется, теперь выполнимо. Ведь дома мы были как птенчики, ни о чем не думали, не заботились. А теперь жизнь научила всему, стали самостоятельными, взрослыми. Скоро у меня день рождения, исполнится 19 лет. Как-то придется его отметить. Только бы было спокойно, о большем сейчас мечтать не приходится»¹⁵.

Последнее письмо от 15 марта 1942 г. заканчивается, как всегда, приветом «всем родным и знакомым» и кратким сообщением: «Сейчас иду на дежурство, дежурю за себя и за Дусю»¹⁶.

Письма военных лет — уникальные документы эпохи, наша история. Письма молодой девушки о жизни в блокадном Ленинграде из фондов Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника наполнены бесценными «подробностями жизни», из которых и складывается летопись России.

Они — завещание нам. Пример — сегодня живущим.

- ¹ Вязниковская общественно-политическая газета «Маяк». 19 февраля 2013 г.
- ² Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. В-35854.
- ³ Там же. В-35855/1.
- ⁴ Там же. В-35855/2.
- ⁵ Там же. В-35855/3.
- ⁶ Там же. В-35854.
- ⁷ Там же. В-35855/1.
- ⁸ Там же. В-35855/3.
- ⁹ С.Г. Дмитриев, двоюродный брат В. Дмитриевой. В годы Великой Отечественной войны — подпольщик, расстрелян немцами 21 апреля 1943 г., похоронен в братской могиле в г. Шепетовке.
- ¹⁰ Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. В-35854.
- ¹¹ Там же. В-35855/1.
- ¹² Там же. В-35855/2.
- ¹³ Там же. В-35855/1.
- ¹⁴ Там же. В-35855/2.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. В-35855/3.

*И.Н. Петрухин (Тула), М.В. Степанов (Смоленск),
А.В. Николаев (Москва)*

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ИЗГОТОВЛЕНИЯ РЕБЕР ЖЕСТКОСТИ
НА МАКСИМИЛИАНОВСКИХ ДОСПЕХАХ
(НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОНАТА
ИЗ СОБРАНИЯ ВИМАИВ_иВС)¹**

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ ЛАТНОЕ защитное вооружение последовательно и непрерывно развивалось с момента своего возникновения. Так или иначе эволюция комплекса элементов защиты достигла пика совершенства (технологического и функционального) к концу XV столетия и воплотилось в виде доспехов так называемого «максимилиановского стиля», названного в честь императора Священной Римской империи Максимилиана I Габсбурга (годы жизни 1459–1519, период правления 1508–1519). Несмотря на давнюю историю изучения, классифицирования и типологизации сохранившихся в государственных и частных собраниях полных доспехов и их частей, только в недавнем прошлом исследователей стал интересовать вопрос металлургии, технологии и логистики производства². Доспехи максимилиановского стиля довольно хорошо атрибутированы и исследованы с точки зрения морфологии, формообразования, а также привязки к конкретным центрам производства. В то же время многие вопросы, касающиеся технологии изготовления предметов защиты, их конструктивных элементов, декорирования поверхности остаются не выясненными. Это объясняется тем, что пока не известно ни одного детального описания и руководства технологического процесса изготовления того или иного предмета, так как знания передавались непосредственно от мастера к подмастерью на протяжении долгого периода обучения и во многом являлись ноу-хау фамилий мастеров или городских

корпораций. Кроме того, практически все нововведения в области доспехостроения и производства так или иначе являлись попытками сократить себестоимость и повысить уровень технологичности продукции. Вполне возможно, что появление технологии производства нового вида лат, а именно максимилиановского типа, было обусловлено желанием кайзера обеспечить империю более доступным защитным вооружением. Сама форма максимилиановских лат, если сравнивать ее с готической, все-таки более проста в изготовлении³. Что касается характерного декора в виде ребер жесткости, то, скорее всего, их изготовление тоже не было очень сложным процессом. Иначе трудно было бы объяснить достаточно большой уровень насыщения имперского рынка массовой продукцией крупных центров доспехостроения империи.

К сожалению, в арсенале исследователей находятся, в основном, изобразительные источники, где статично показаны некоторые фазы производства и некоторые инструментыковки. Используя данные источники, можно сделать только предварительные выводы. Чтобы лучше понять техпроцесс, можно обратиться к практическому опыту людей, пытающихся производить своими руками предметы военной культуры средних веков. В данном случае, к участникам военно-исторического движения, называемого еще движением исторической реконструкции. За долгие годы существования движения его участниками накоплен богатый опыт обработки металла и создания предметов схожей стилистики с дошедшими до наших дней памятниками оружейного дела. Но одного опыта «реконструкторов» для понимания полноты картины будет недостаточно. Конечный результат «реконструкторов» — это внешний вид новодела с соблюдением формы и декора прототипа, тогда как сам процесс изготовления зачастую сильно отличен от «средневекового» ввиду использования современного инструмента, а также современных материалов, сильно отличающихся от физико-химических характеристик прототипов.

Чтобы пролить свет на данную проблематику, мы соединили анализ источников, практический опыт и методику криминалистического исследования — трасологию.

Типы латной защиты, именуемые в оружейоведении как «максимилиановские», имеют общую характерную особенность в виде декорирования поверхности ребрами жесткости. Происхождение таких лат следует относить к началу XVI столетия

в германогворящих регионах Священной Римской империи. Пик моды на такие доспехи у знати западной Европы приходится на период, примерно, 1510–1540 гг.⁴ Но хождение таких доспехов, судя по сохранившимся образцам, продолжается вплоть до начала XVII в.⁵ Ребра жесткости таких доспехов также имеют характерные оконтуривающие канавки вдоль всей длины ребра.

В широких кругах отечественных и зарубежных оружейников, музейных работников, участников военно-исторического движения и владельцев частных собраний памятников оружейного дела ведутся острые дискуссии по вопросу методики изготовления как самих ребер жесткости непосредственно, так и канавок вдоль них. На данный момент существуют также по крайней мере три мнения про оконтуривающие борозды: канавки прорезались инструментом, схожим с тем, что применялся для гравировки, пробивались специальным оборудованием ударного действия или получались вследствие проката через специальные механические вальцы, наподобие современных вальцующих станков. На данный момент этот вопрос технологии выполнения ребер на поверхности еще ни разу не задавался как зарубежными, так и отечественными специалистами. Цель нашей работы как раз и заключается в том, чтобы попытаться восстановить процесс технологии изготовления этих канавок, а также формирования ребер жесткости.

Для проведения исследования мы использовали экспонат из собрания ВИМАИВиВС. Нагрудник кирасы максимилиановского стиля, 2ИОФ 0137/235 (ил. 1), поступил со списочного учета 10.01.1963 г. в фонд ВИМАИВиВС, вывезен из Германии в 1945–1946 гг. К сожалению, какие-либо клейма производителей на экспонате отсутствуют. Но версию о неподлинности артефакта мы исключаем ввиду явных стилистических сходств с массой аналогичных доспехов, а главное, по переменной толщине основных пластин нагрудника и наспинника⁶. По своей стилистике происхождение этого памятника может быть отнесено к одному из центров производств Священной Римской империи 20–30-х гг. XVI столетия — Нюрнбергу, Аугсбургу, Ландсхуту, Инсбруку.

Провести металлографический анализ памятника у нас не было возможности. Поэтому мы обратились к труду доктора А. Вильямса, в котором мэтр исследовал множество доспехов из фондов мировых музеев, проводя металлографический анализ и замеры твердости. Мы предоставили материалы исследования

Ил. 1. Исследуемый памятник из фонда ВИМАИВиВС 2ИОФ 0137/235. Кираса максимилиановского стиля, предположительно южная Германия, 1520–1525 гг.

доктора А. Вильямса по нескольким элементам доспехов максимилиановского стиля из четырех крупных центров производств Священной Римской империи: Ландсхута⁷, Аугсбурга⁸, Нюрнберга⁹, Инсбрука¹⁰ специалистам в области физики материалов в лабораторию металлостроения «Щекино-Азот» в Тульской области. Они провели анализ структур металла памятников по представленным в книге и увеличенным под микроскопом фото оригиналов и пришли к выводу что используемая оружейниками сталь схожа по своим физико-химическим характеристикам с современной доэвтектидной сталью с низким содержанием углерода, таких как Сталь 3, 08 ПСн т. п.¹¹ В дальнейшем это позволило нам выбрать для проведения практического эксперимента одну из таких сталей.

Если обратиться к изобразительным источникам, то одну из фаз процесса по изготовлению элемента защиты, где присутствуют ребра жесткости, мы можем видеть на гравюре Ганса Буркгмаера из собрания «Вайскениг»¹² (ил. 2). На ней показано, как сам кайзер Максимилиан I беседует с мастером Конрадом Зюенхофером из высшей мастерской доспехостроения Аугсбурга¹³. Если обратить внимание на правый нижний угол, то там показано, как доспешник оббивает ребро на заготовке, установив ее на своего рода шпирак, конструктивные особенности которого полностью не видны. Рядом лежат различные

Ил. 2. Гравюра Ганса Буркгмаера «Сноровка и изобретение нового доспехостроения» из книги «Вайскениг»

инструменты, вероятнее всего, для изготовления доспехов¹⁴. Этот изобразительный источник дает нам представление только о том, что, возможно, одной из фаз изготовления ребер жесткости могло являться обстукивание молотком поверхности заготовки снаружи. Нельзя отвергать версию о том, что, возможно, мастер проводит иную операцию, например, глажку поверхности пластины от забоев. В любом случае, достоверной и полной информации по методике изготовления ребер жесткости по этой гравюре, как и по существующим сохранившимся изобразительным

источникам, получить невозможно. Поэтому решили обратиться к современным методикам анализа, используя специальную технику. В 2016 г. группа исследователей в составе И.Н. Петрухина, А.В. Николаева и М.В. Степанова провела трасологическое исследование предметов из фонда ВИМАИВиВС с дальнейшим практическим экспериментом.

Трасология (от фр. *trase* — след и гр. *logos* — слово, учение; буквально — учение о следах) — раздел криминалистической техники, в котором изучаются закономерности образования материально фиксированных следов — отображений внешнего строения объектов, средства и методы их обнаружения, фиксации и исследования в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Как видно из определения, изучение следов является частью процесса создания доказательной базы в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, т. е. юридической сферы деятельности человека. Несмотря на это, средства и методы криминалистической трасологии достаточно обширны и позволяют решить широкий спектр задач, связанных с изучением объектов материального мира. Не являются исключением и способы изготовления элементов исторического воинского снаряжения.

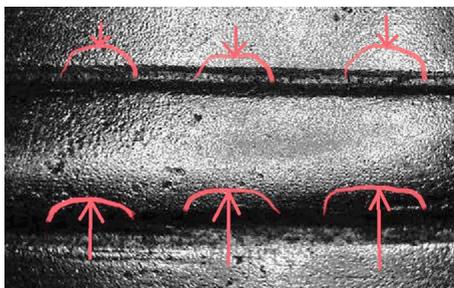
Для примера приводится исследование объектов, экспонируемых в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург). За основу взята структура судебной экспертизы, за исключением процессуальных требований, предусмотренных УПК РФ и приказами МВД РФ, так как в данном случае имеется необходимость решения не юридических, а преимущественно исторических вопросов. Необходимо отметить, что выводы, полученные в ходе исследования, имеют отношение только к конкретным объектам. Для получения достоверных статистических данных необходимо изучение более широкого круга предметов.

Согласно типовой методике, статические следы возникают на следовоспринимающем материале под воздействием давления или удара инструментом под углом около 90 градусов к следовоспринимающей поверхности¹⁵. Динамические следы (следы скольжения, трения) образуются при взаимодействии объектов по нормали и по касательной, т. е. при взаимном передвижении объектов в момент следового контакта с образованием в своей микроструктуре линейных трасс и сдвигов следовоспринимающего материала¹⁶. Исходя из данных определений, ручной инструмент,

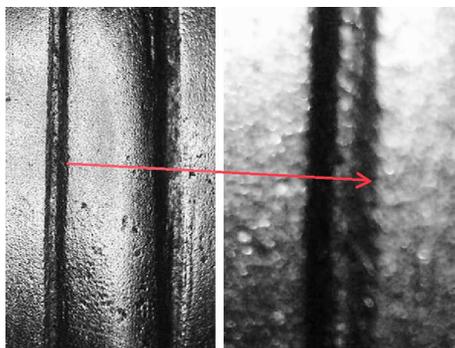
использовавшийся при изготовлении защитного снаряжения, мог оставлять комплекс признаков, присущий в том числе и орудиям постороннего воздействия, исследуемым экспертами-трасологами.

Специфика исследования исторических объектов заключается в том, что с момента их производства прошел достаточно длительный отрезок времени. В процессе эксплуатации и хранения структура первичных следов обработки подвержена изменению (образование повреждений, следов ремонта, чистки, коррозионных изменений поверхности металла). Еще одной отличительной чертой является преимущественно диагностический характер исследования, т. е. определение типа примененных инструментов, особенности и признаки их рабочих поверхностей, а также поэтапность использования. Однако мы не беремся идентифицировать конкретный исторический инструмент, примененный для изготовления исследуемого памятника.

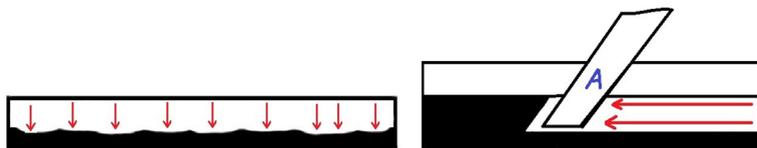
В нашем случае анализ характера следов инструмента у исследуемого экспоната показал наличие статических следов вдоль вертикальной поверхности канавок. На ил. 3 показано увеличенное изображение ребра на нагруднике исследуемой кирасы и желобков вдоль него. Стрелками и кривыми линиями указаны места расположения статических следов давления в виде углублений на дне желобков. На ил. 4 показаны динамические следы скольжения перпендикулярно дну канавок.

Ил. 3. Места расположения статических следов давления в виде углублений на дне желобков нагрудника кирасы ВИМАИВиВС 2ИОФ 0137/235

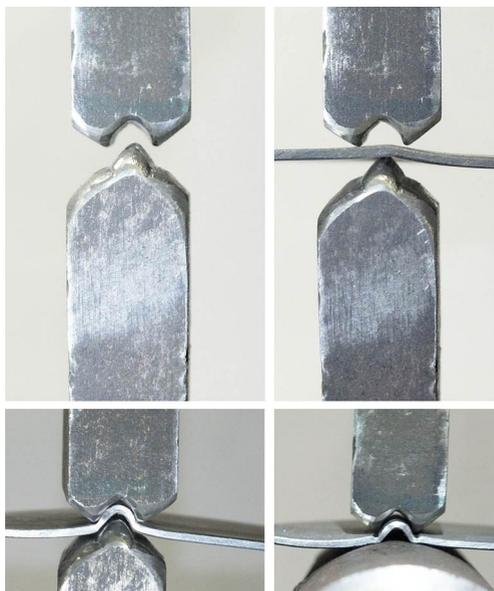

Ил. 4. Динамические следы на дне желобков нагрудника кирасы ВИМАИВиВС 2ИОФ 0137/235

Ил. 5. Схематичное изображение отличия статических следов на дне канавки нагрудника кирасы ВИМАИВиВС 2ИОФ 0137/235 с динамическими следами, оставляемыми гравировальным инструментом

Это дало возможность сделать предположение об ударном характере воздействия на материал исследуемого памятника. Данный вывод обусловлен механизмом следообразования, при котором инструмент, погружаясь в материал, образует комплекс признаков групповой принадлежности. Как показано на ил. 5, это динамические следы скольжения, образованные боковыми поверхностями инструмента на стенках канавок перпендикулярно осевой линии ребра, и статические следы давления, образованные срезом рабочей части на дне канавок параллельно осевой линии ребра.

Ил. 6. Экспериментальный инструмент и этапы техпроцесса формирования ребра жесткости и канавок

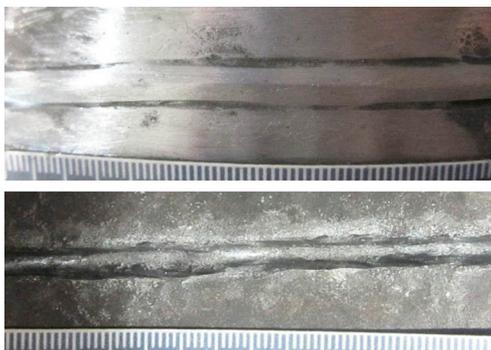
Следует отметить, что процесс гравировки или нарезки ручным инструментом (штихелем, например) образует исключительно динамические следы скольжения, при которых трассы расположены по пути продвижения рабочей части инструмента вдоль осевой линии. Таким образом, в нашем случае установлено различие по признакам групповой принадлежности.

После изготовления пробного ударного и подкладного

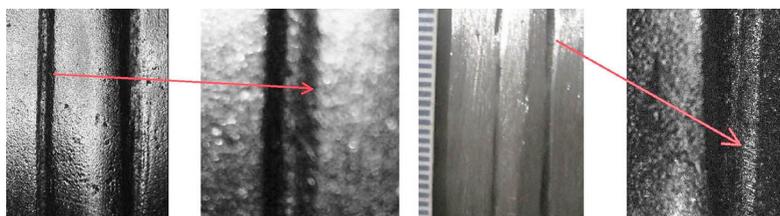
инструмента был проведен практический эксперимент. Ил. 6 показывает экспериментальный инструмент и этапы технологического процесса формирования ребра жесткости и канавок. В ходе эксперимента, нам удалось получить ребра жесткости и характерные канавки вдоль них (ил. 7).

Анализ результатов экспериментального ребра жесткости показал сходство микродефектов с экспонатом № 0137/235. Ил. 8 демонстрирует сходство динамических следов. Ил. 9 показывает сравнение статических следов, которые видно изнутри. При сравнении статических и динамических следов микродефектов оригинала и экспериментального ребра жесткости обнаружены их сходства. Это прямо указывает на одинаковые рабочие поверхности экспериментального инструмента и используемого для изготовления ребер жесткости памятника № 0137/235.

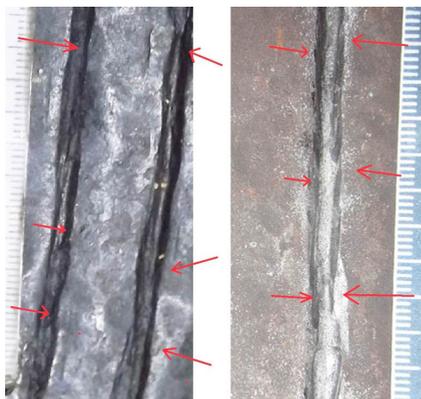
Помимо нашего опыта изготовления подобных ребер, в отечественном движении военно-исторической реконструкции существуют примеры по созданию новоделов доспехов максимилиановского стиля с такой же методикой изготовления ребер жесткости с характерными канавками вдоль них. В 2015 г. мастер-доспешник Евгений Витальевич Дудко (г. Симферополь) изготовил

Ил. 7. Ребро жесткости с прилегающими боковыми канавками, полученное в результате использования экспериментального инструмента

Ил. 8. Совпадение динамических следов микродефекта внутри вдоль реберных канавок исследуемого объекта и экспериментального ребра

Ил. 9. Совпадение статических следов микродефекта внутри вдоль реберных канавок исследуемого объекта и экспериментального ребра, видимых изнутри

шлем максимилиановского типа по мотивам экспоната из собрания музея королевской охоты и оружейной палаты г. Вены (Hofjagd und Rüstkammer, инв. № A192)¹⁷. Со слов Дудко, для изготовления ребер жесткости с характерными канавками вдоль, он использовал ударно-подкладной инструмент, которым пробивал ребра и канавки. Он сначала наметил ребро изнутри, скругленным зубилом, а потом пробил его, используя ударно-подкладной инструмент, схожий с получившимся

у нас. Единственное отличие техпроцесса Дудко от того, как делал наш эксперт-криминалист, поверхность канавок вдоль ребер мастер обработал острыми гранями напильника. В результате ему удалось получить визуально схожий с оригиналом декор ребрами и канавками. На ил. 10 изображен изготовленный им шлем в стилистике южногерманского доспехостроения первой четверти XVI в.

Другой мастер, Александр Сергеевич Мачнев (г. Воронеж) при попытке изготовить характерные ребра жесткости с канавками вдоль тоже использовал ударно-подкладной инструмент, с изначальной наметкой ребра скругленным зубилом. В результате ему удалось получить ребра жесткости с канавками, похожими на стилистку максимилиановских. На ил. 11 показаны образцы стилизованных латных рукавиц, изготовленные в 2017 г. С его слов, для создания канавок вдоль ребра он также опробовал методику гравировки вдоль ребер. Временные затраты по получению только канавок длиной 15 см методом гравировки составили не менее 40 минут. При помощи ударно-подкладного инструмента весь процесс по формированию трех ребер с канавками, вместе со шлифовкой занял всего 20 минут. Это около 7 минут на ребро с канавками, вместе с абразивной обработкой. По словам А.С. Мачнева, процесс гравировки является более трудоемким и

Ил. 10. Стилизация закрытого шлема первой четверти XVI в. южно-германского производства по мотивам экспоната из собрания HJR, инв. № А192, выполненная мастером Е.В. Дудко (г. Симферополь) в 2015 г.

Ил. 11. Стилизация латных рукавиц по мотивам экспоната из HJR, инв. № А312, изготовленная мастером А.С. Мачневым (г. Воронеж) в 2017 г.

менее технологичным по сравнению с процессом чеканки канавок с помощью ударно-подкладного инструмента.

Таким образом, исходя из результатов трасологической экспертизы экспоната из ВИМАИВиВС, а также сопоставляя совпадения комплекса следов, можно сделать вывод, что одной из методик

Ил. 12. Матрицы и пуансоны ударно-подкладного инструмента представленных мастеров

изготовления характерных ребер жесткости и канавок вдоль них было использование инструмента ударного действия, состоящего из матрицы и пуансона. При этом рабочая часть пуансона состоит из двух параллельно расположенных ударных поверхностей.

Сопоставляя полученный нами опыт с эмпирическим результатом других мастеров, которые не консультировались с нами и друг с другом, можно предположить, что изготовление вдоль-реберных канавок доспехов максимилиановского стиля методом чеканки, используя ударно-подкладной инструмент, могло быть достаточно технологичным процессом для того времени. Более того, подобный процесс изготовления канавок напрямую сопряжен с процессом изготовления ребер. Канавки получаются при формировании самого ребра жесткости. Обратим внимание на ил. 12. Матрицы и пуансоны у всех трех мастеров имеют очень схожую конструкцию рабочей части.

Что касается других версий о способе формирований типичных ребер жесткости и канавок вдоль них, то следует отметить, что вариант с гравировкой канавок вдоль ребер не отвечает требованиям высокого уровня технологичности производства и скорее всего, широко такой метод не применялся.

Версия с использованием специальных катков, фактически прокатного станка, тоже весьма сомнительна. Во-первых, если обратиться к современному прокатному оборудованию, то в основном оно используется для обработки не толстого материала, до 2 мм, как правило, листового проката. Помимо малой толщины, обрабатываемый материал должен быть простой формы и иметь однородную толщину поперечного сечения. В случае с доспехами исследуемого нами периода толщина изделий, особенно кирас и шлемов, имеет переменное сечение от 1 до 5 мм, а также сложную геометрию формы. Данные признаки существенно усложнили бы конструкцию таких станков и всего производства в средние века и не обеспечили бы надлежащего качества изготовления предметов защиты. Однако главным аргументом против версии о прокате ребер через блоки является то, что обратная сторона изделий не имеет ровного следа, характерного для такого инструмента. На многочисленных памятниках оружейного дела обратные стороны ребер неровны и несут след соскользнувшего инструмента, характерного при ударном воздействии.

Несколько слов стоит сказать о профиле ребер. Если обратиться к ряду дошедших до наших дней памятников оружейного дела, то мы можем видеть треугольный профиль ребер жесткости, несмотря на то, что на многих сохранившихся памятниках грани ребер жесткости могут быть плохо видны. Стоит обратить внимание на профиль у основания, где ребро берет свое начало. В основании получившейся фигуры мы увидим треугольник. Это говорит о том, что изначально профиль ребра был треугольным либо вписывался в него, заканчиваясь в вершине, образуя грань по всей длине ребра. За период с 2013 по 2018 г. нами были исследованы многие образцы максимилиановских защит из фондов мировых музеев и частных собраний, произведенных в крупных производственных центрах империи, и иного профиля ребер выявлено не было. Это несколько полных лат из городского арсенала г. Граца, Австрия (Landeszeughaus)¹⁸ и экспонаты из фонда музея королевской охоты и оружейной (HJR), г. Вена, Австрия: нагрудник максимилиановского стиля, южно-германского производства, 1515 г., инв. № А678¹⁹; полный доспех, произведенный в Нюрнберге в 1525 г. принадлежавший маркграфу Бранденбурга Иохиму II Гектору (1505–1571), инв. № А312²⁰; доспех капитана ландскнехтов Вольфа-Дитриха фон Хохенемса (1507–1538), произведенный в Южной Германии в 1525–1530 гг.,

инв. № А342²¹; полный доспех, произведенный в Нюрнберге в 1505 г., инв. № А192²²; полный доспех курфюрста Отто-Генриха, пфальцграфа Рейнского (1502–1559), работы Л. Хельмшмидта, Аугсбург, 1516 г., инв. № А239²³.

Фонд музея города Вены — Карлплац (Historisches Museum Der Stadt Wien), г. Вена, Австрия содержит: рифленные пехотные латы (горжет, кираса, тассеты), произведенные в Нюрнберге примерно в 1525 г., инв. № 135.765-135.769²⁴; рифленные пехотные латы (кираса с тассетами), произведенные в Инсбруке в 1525–1530 гг., инв. № 135.760-135.764²⁵; рифленные пехотные латы (кираса с тассетами, горжет с защитой рук) произведенные в Нюрнберге в 1529 г., инв. № 127.275-127.281²⁶; рифленная кираса, произведенная в Нюрнберге в 1529 г., инв. № 127.024²⁷; доспехи для короля Венгрии и Богемии Фердинанда I (1502–1564), произведенные в Инсбруке в 1535 г. мастерами Михаэлем Витцем и Леонхардом Мойрлом, инв. № 127.044-127.077^{28,29}.

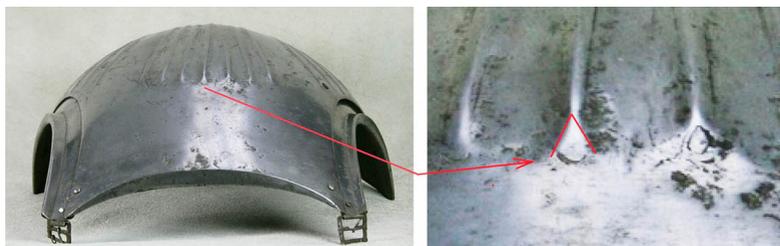
Фонд городского музея г. Мюнхен, Германия (Münchner Stadtmuseum) содержит: полный доспех произведенный в Инсбруке в мастерской императора Максимилиана I, работы Ганса Майсштеттера, 1515 г., инв. № Z13,1355 a,b,d/f-I,636³⁰; закрытый шлем, предположительно произведенный в Нюрнберге в 1520 г., инв. №1149³¹; защита бедер с механическим коленом, южная Германия, первая четверть XVI в., инв. № Z-XIV/1356.12 (K2)³².

Фонд ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург, Россия: Кираса южно-германского производства, первой трети XVI в., инв. № 0137/235; шлем типа «армэ», примерно 1505–1515 гг., Инсбрук, инв. № 0137/1.

Частная коллекция Вэйда Алена (Allen Antiques)³³, США: рифленный нагрудник, немецкого производства, 1505–1515 гг.³⁴; пехотный нагрудник Тип IIIA, фрагментарно декорированный максимилиановскими ребрами по центру, Нюрнберг, начало XVI в.³⁵.

У всех вышеуказанных предметов профиль ребер жесткости, независимо от износа поверхности ребра, треугольный.

При сравнении большинства памятников максимилиановского доспехостроения с новоделами для нужд военно-исторической реконструкции возможно увидеть некоторое различие в профиле ребер. Скорее всего, это связано с тем, что только что сделанные ребра жесткости на новоделах не имеют следов износа от многочисленных чисток при длительном хранении. Тогда как многие сохранившиеся памятники имеют не четкий — заплывший

Ил. 13. Немецкий нагрудник 1505–1515 г., приближенное изображение профиля ребер жесткости

профиль ребер жесткости от частых чисток и следов деформации от боевого использования. Для примера на ил. 13 показан южно-германский нагрудник, 1505–1515 гг. производства, из частного собрания американского коллекционера Вэйда Аллена. В основании затертых ребер жесткости отчетливо прослеживается треугольник.

Подводя итоги, можно сказать, что процесс формирования ребер жесткости с помощью экспериментального ударно-прикладного инструмента, полученного в результате трасологического исследования, показал свою высокую эффективность. Скорость формирования таких ребер оказалась достаточно высокой у всех трех изготовителей (примерно пять–семь минут на формирование ребра длиной в пятнадцать сантиметров, вместе со шлифовкой). Для сравнения, процесс формирования ребра методом первоначальной чеканки внутренней поверхности заготовки с дальнейшей обивкой молотком поверх на шпирাকে, со слов мастеров М.В. Степанова и А.С. Мачнева, занимает больше времени и требует более высокой квалификации от мастера-допешника. Данные, полученные эмпирическим путем мастерами М.В. Степановым, А.С. Мачневым и Е.В. Дудко, свидетельствуют в пользу того, что метод с использованием подкладного инструмента, состоящего из матрицы и пуансона, мог являться высокотехнологичным и оптимальным в условиях кустарного (с современной точки зрения) производства при несовершенстве технологической базы, а также совокупного процесса формирования ребер жесткости и прилегающих канавок. При этом формирование канавок являлось своего рода побочным эффектом от внедрения новой технологии изготовления характерных ребер жесткости.

¹ Авторы статьи выражают огромную благодарность доктору исторических наук, профессору, академику РАН, директору ВИМАИВиВС Валерию Михайловичу Крылову и заместителю директора музея по научно-просветительской и выставочной работе, кандидату исторических наук Сергею Владимировичу Ефимову за возможность организовать исследование экспонатов из фонда музея.

² Pfaffenbichler M. *Medieval Craftsmen Armourers*. British Museum Press, 1992; Williams A. *The Knight and the Blast Furnace: A History of the Metallurgy of Armour in the Middle Ages & the Early Modern Period*. Koninklijke Brill NV. Leiden, 2003.

³ Силами ТРОО ВИК «Стальной Орел» (г. Тула) было произведено более двадцати кирас южно-германской стилистики первой четверти XVI в. и несколько готических нагрудников стилистики конца XV в. Практический опыт показал, что цельный нагрудник выковывается проще, чем двух и более-частный готический. Используемый материал по своим прочностным характеристикам схож с тем, что использовался центрами производств доспехов в Священной Римской империи в конце XV — начале XVI в. Используемые толщины от 1 до 2,5 мм.

⁴ Бехайм В. *Энциклопедия оружия*. СПб., 1995. С. 120, 121; Laking G.F. *A Record of European Armour and Arms Through Seven Centuries*. Vol. III. London: G. Bell and Sons, LTD, 1920. S. 246–271.

⁵ Capwell T., Edge D., Warren J. *Masterpieces of European Arms and Armour in the Wallace Collection*. The Trustees of the Wallace Collection. 2011. Digital catalogue. A26, A27.

⁶ Элементы поддельных доспехов XIX–XX вв., изготовленных для интерьерных и антикварных нужд, зачастую выполнялись из листа не очень большой, но одинаковой толщины. Также поддельные доспехи, как правило, имеют серьезные отличия в геометрии сложных форм, так как не подразумевают боевого использования и, как следствие, удобства ношения.

⁷ Williams A. *The Knight and the Blast Furnace*. S. 558, 559, 570, 575.

⁸ Ibid. S. 371–451.

⁹ Ibid. S. 604–677.

¹⁰ Ibid. S. 463–504.

¹¹ А.П. Гуляев. *Металловедение*. М.: Государственное научно-техническое издательство ОБОРОНГИЗ, 1963. С. 201, 202.

¹² <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/jbksak1888>.

¹³ Rudolf H. Wackernagel, *Das Münchner Zeughaus, Schnell&Steiner Aus dem Münchner Stadtmuseum*, 1983. С. 131.

¹⁴ Важно отметить, что мастер удерживает заготовку голыми руками. Это говорит о том, что выполняемая им операция производится без нагрева заготовки, на холодную.

¹⁵ Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Дильдина, В.В. Мартынова. М., 2010. С. 389.

¹⁶ Демин К.Е., Федорович В.Ю. *Трасология: особенности составления экспертных заключений* / Под ред. проф. Н.П. Майлис. М., 2003, С. 3.

¹⁷ *Kunsthistorisches Museum, Wien. Bruno Thomas, Ortwin Gamber. Katalog der Liebrustakammer 1.teil Der zeitraum von 500 bis 1530*. Verlag Anton Schroll & Co 1976 jhr. Inv. N. A192. С. 228.

¹⁸ *Landesmuseum Joanneum. Thomas Hoft, Alexander Kada. Welt aus Eisen. Waffen und Rustungen aus dem Zeughaus in Graz*. Edition, Springer. Wien. New York 1998.

Jhr., С. 78–89; Peter Kren, Walter J. Karcheski Jr. Imperial Austria — Steirische Kunst- und Waffenschätze aus vier Jahrhunderten. ISBN13: 9783902095008, Ausstellungskatalog — Burg Rabenstein, 2000. 111 Seiten mit zahlreichen Farbabbildungen. С. 40–41.

¹⁹ Фонд музея истории искусств и Королевской оружейной палаты (Kunsthistorisches Museum, Hoffjagd und Rustkammer). Wien. Экспонат, инв. № А678.

²⁰ Фонд Музея Истории Искусств и Королевской оружейной палаты, г. Вена, Австрия, экспонат инв. № А312, <https://www.khm.at/objektdb/detail/372709>.

²¹ Kunsthistorisches Museum, Wien. Bruno Thomas, Ortwin Gamber. Katalog der Liebrustakammer 1.teil Der zeitraum von 500 bis 1530. Inv. N. А342. С. 231.

²² Ibid. Inv. N. А192. С. 228.

²³ Ibid. Inv. N. А192. С. 223.

²⁴ Das Wiener Bürgerliche Zeughaus. Rüstungen und Waffen aus fünf Jahrhunderten. Von den Ländern Wien und Niederösterreich gemeinsam veranstalte Ausstellung im Schoss Schallaburg bei Melk. 49.Sonderausstellung des Historischen Museums der Stadt Wien. 14 mai bis 30, oktober. С. 75, пункт 42.

²⁵ Там же. Пункт 43.

²⁶ Там же. Пункт 44.

²⁷ Там же. Пункт 45.

²⁸ Das Wiener Bürgerliche Zeughaus. Rüstungen und Waffen aus fünf Jahrhunderten. С. 81, пункт 94.

²⁹ Otwin Gamber, landesfürstliche Harnische im Wiener Burglichen Zeughaus. Abb. 38.

³⁰ Rudolf H.Wackernagel, Das Münchner Zeughaus, Schnell & Steiner Aus dem Münchner Stadtmuseum. Kat. № 34. С. 142, 143.

³¹ Ibid. С. 160.

³² Фонд Городского музея Мюнхена. Экспонат инв. № Z-XIV/1356.I2 (K2).

³³ Мы благодарим уважаемого господина Вэйда Аллена за предоставленные материалы из его частного собрания.

³⁴ <http://www.allenantiques.com/A-170.html>.

³⁵ <http://www.allenantiques.com/A-212.html>.

И.Б. Пинк (Тула)

РОССИЙСКИЕ САБЛИ И ШАШКИ В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ

В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО государственного музея оружия (далее — ТГМО) хранится большинство образцов холодного оружия, принятых на вооружение российской армии и флота в XVIII–XX вв. Среди них одной из самых многочисленных и полных является коллекция отечественных сабель и шашек второй половины XVIII — начала XX в.

Часть этих музейных предметов была опубликована в различных изданиях¹, но в целом данная коллекция рассматривается впервые.

Российские сабли второй половины XVIII — начала XIX в. в собрании музея представлены образцами для легкой кавалерии.

В XVIII в. легкая кавалерия различных европейских государств широко использовала польский тип гусарской сабли, сформировавшийся во второй половине XVII в. как результат развития польско-венгерских сабель XVI в. Главной его особенностью является эфес с одной передней защитной дужкой, под прямым углом переходящей в крестовину². Ранние образцы такого типа применяли московские стрельцы во второй половине XVII в.³ В российской армии XVIII в. такой тип сабли получил распространение вместе с сформированными в 1741 г. гусарскими полками, которые использовали австрийское вооружение⁴.

В собрании ТГМО можно выделить три вида сабель для легкой кавалерии данного периода. Наиболее полно представлен тип, для которого характерен клинок с одним широким долом и елмantly, а также эфесом с пуговицей на навершии рукояти и прямой крестовиной, заканчивающейся шариком. На клинках всех таких сабель с одной стороны выгравирован вензель императрицы

Екатерины II, кроме одного образца (ТГМО КП-2319), на котором с одной стороны клинка выгравировано «С НАМИ БОГЪ»; с другой — полустертая надпись⁵.

Второй тип отличается от предыдущего клинком без елмани с узким и широким долами, а также формой боковой защитной дужки, верхняя часть которой имеет более крутой изгиб (ТГМО КП-2327). Такую разновидность клинка относят к типу «Монморанси», который получил название по фамилии полковника, командовавшего с 1784 г. французским драгунским полком, где использовались сабли с таким клинками⁶.

Третий тип объединяет сабли с клинком как у второго типа, но с эфесом, имеющим следующие характерные отличия: отсутствует пуговица на навершии рукояти, боковая защитная дужка с двумя продольными ребрами, а не одним центральным, а конец крестовины загнут к клинку и закруглен (ТГМО КП-2329).

Первый тип имеет много общего, особенно по форме крестовины и перекрестья, с австрийскими гусарскими саблями середины XVIII в.⁷

Второй тип, возможно, появился под влиянием «эфеса Блюхера» и предположительно введен в российскую кавалерию после 1806 г., что нуждается в подтверждении⁸.

Третий тип, по-видимому, представляет собой один из вариантов сабли обр. 1798 г.⁹

К гусарским образцам относится и офицерская сабля середины XVIII в. (ТГМО КП-2308/1-2). Деревянная рукоять обтянута кожей акулы или ската. Спинку рукояти закрывает латунная планка, переходящая в головку рукояти. Гарда также латунная. На верхней части клинка нанесено воронение, и на этом фоне наводкой золотом с одной стороны выполнены надпись «Vivat Hussar», скачущий на коне гусар с саблей, растительный декор, с другой — военные атрибуты¹⁰.

Стиль оформления этого оружия позволяет предположить, что оно произведено в Туле¹¹.

На обухе клинка кириллицей выгравировано «СОЛННГЕ» — «Солинге». Эта надпись обозначает г. Золинген, известный центр производства холодного оружия в Германии. Такая надпись и ее варианты достаточно часто встречаются на клинках российских шпаг и сабель XVIII в., в том числе и в собрании ТГМО¹².

Ее происхождение не получило исчерпывающего объяснения, и в настоящее время выдвинуты три основные гипотезы. Первая

предполагает, что такие клейма ставили мастера в г. Золингене на образцах, предназначенных для российской армии¹³. По другой версии, это клеймо немецких мастеров из Золингена, работавших непосредственно в России, в том числе в Туле. Также существует мнение, что такое клеймо является поддельным, и его ставили тульские мастера, пытаясь выдать свою работу за изделия золингенских мастеров¹⁴.

Наиболее правдоподобной, на наш взгляд, выглядит вторая версия. Тем не менее, ее подтверждение требует проведения дальнейших исследований.

Сабли данного типа продолжали использовать и в начале XIX в.¹⁵

Однако в первой половине XIX в. прежние образцы российских сабель заменяются на модели французского типа. К ним относится офицерская пехотная сабля обр. 1826 г., послужившая основой для всех последующих моделей российских пехотных офицерских сабель.

В 1826 г. этот образец был принят для генералов и офицеров гвардейской пехоты и гвардейской пешей артиллерии, а затем и в армии, где использовался до 1881 г., но в роте дворцовых grenadier состоял на вооружении до 1917 г.¹⁶

На обухе клинка пехотной сабли обр. 1826 г. (ТГМО КП-2405) выгравировано: Тула 1827. Таким образом, эта сабля (или, по крайней мере, ее клинок) была изготовлена на Тульском оружейном заводе в 1827 г.

Несмотря на строительство фабрики холодного оружия в Златоусте, в XIX — начале XX в. ТОЗ продолжал изготавливать различные образцы холодного оружия, но его количество существенно уступало производству в XVIII столетии. Например, за период с 1899 по 1901 гг. на заводе было сделано всего 17 офицерских, 3 солдатских и 19 офицерских казачьих шашек и отточено 123 клинка казачьих шашек. Однако уже в 1903 г. ТОЗ изготовил 7 тысяч драгунских шашек, в 1904 — 6 тысяч, а в 1905–1906 гг. было сделано около 10 тысяч шашек драгунского образца, часть из которых поступила на вооружение полиции¹⁷.

Особенностью офицерской пехотной сабли обр. 1826 г. является ответвление на передней дужке, которое загибается вниз параллельно дужке и соединяется с чашкой. Модели 1826 г. часто переделывали в драгунскую пехотную саблю обр. 1841 г., для чего это ответвление на крестовине удаляли. Это отчетливо видно на образце из собрания ТГМО.

На отечественных кавалерийских саблях начала XIX в. эфесы дополняются двумя боковыми защитными дужками. Примером может служить офицерская кавалерийская сабля обр. 1827 г. Образцом для нее послужили французские модели для легкой кавалерии начала XIX в.¹⁸

В 1826 г. эта сабля заменила солдатские палаши обр. 1810 г. у жандармов, в 1827 г. — кавалерийскую саблю обр. 1817 г. у драгун, гусар, улан, конно-егерей, фурштата, конной артиллерии, конных пионеров. В 1841 г. в драгунских полках и у конных пионеров была заменена офицерской драгунской саблей обр. 1841 г., в 1881 г. у офицеров гусарских и уланских полков — офицерской драгунской шашкой обр. 1881 г., но в гвардии эта сабля оставалась до 1917 г.¹⁹

Офицерская кавалерийская сабля обр. 1827 г. из собрания ТГМО была изготовлена на Златоустовской оружейной фабрике в 1858 г. Интересно, что на обухе клинка нанесено: ЛСПО. Данные буквы обозначают: «литая сталь Павла Обухова»²⁰. Это клеймо Павла Матвеевича Обухова, управителя Златоустовской оружейной фабрики в 1854–1861 гг. Он создал несколько сортов литой стали, широко применявшейся для изготовления холодного оружия. В 1857 г. П.М. Обухов получил привилегию (патент) на изобретенный им способ массового производства тигельной стали высокого качества. Метод Обухова позволил получать литую сталь, обладающую превосходными качествами. Такая сталь отличалась высокой упругостью²¹.

В 1857 г. началось изготовление из литой стали клинков морских палашей обр. 1856 г., а в 1858 г. последовало распоряжение генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича изготовить 600 клинков для морских офицерских сабель из стали Обухова²².

Сабля из собрания ТГМО, скорее всего, была направлена на ТОЗ к качеству образца.

С 1909 г. у офицерской кавалерийской сабли обр. 1827 г. на верхней части латунной планки, покрывающей спинку рукояти, стали помещать растительный декор и вензель императора, в царствование которого владелец оружия получил первый офицерский чин²³.

В собрании ТГМО (ТГМО КП-2321) хранится кавалерийская офицерская сабля обр. 1827/1909 гг.²⁴ Ее рукоять обтянута кожей ската или акулы. На обеих сторонах клинка травлением

выполнено: Н II под короной в фигурной рамке. На пяте с одной стороны клинка выбито клеймо золингенговской фирмы «Вайерсберг, Кишбаум и К.»²⁵.

В 1841 г. офицерская драгунская сабля обр. 1841 г. заменила офицерскую кавалерийскую саблю в драгунских полках и конно-пионерных частях, в 1846 г. — в конной артиллерии, в 1860 г. — кирасирские палаши в драгунских полках, переименованных из кирасирских. В 1863–1865 гг. она состояла на вооружении офицеров пехоты и пеший артиллерии и носилась с пехотным темляком. В 1865 г. драгунская офицерская сабля обр. 1841 г. со стальными ножнами получила наименование «пехотная офицерская сабля обр. 1865 г.» и была присвоена всем генералам и офицерам, которые ранее носили драгунскую офицерскую саблю обр. 1841 г. с пехотным темляком. В 1881 г. офицерские сабли обр. 1841 г. и обр. 1865 г. были заменены драгунской офицерской шашкой обр. 1881 г.²⁶

Офицерская драгунская сабля обр. 1841 г. из собрания ТГМО изготовлена на Златоустовской оружейной фабрике в 1842 г. Возможно, она была прислана на ТОЗ в качестве образцовой. Клинок другой сабли (ТГМО КП-2322) произведен золингенговской фирмой «Вильгельм Клауберг», основанной в 1857 г.²⁷

Одновременно с офицерской на вооружение была принята и солдатская драгунская сабля. В 1841 г. она заменила в драгунских полках и конно-пионерных частях солдатскую кавалерийскую саблю образца 1827 г. В 1846 г. такая же замена произошла у нижних чинов конной артиллерии. В 1857 г. заменила тесаки у уносных фейерверкеров, штабс-трубачей и фельдфебелей пеший артиллерии, причем ножны сабель этих чинов не имели приспособлений для крепления штыка. В 1860 г. сменила кирасирские палаши в драгунских полках, переименованных из кирасирских²⁸.

Обе сабли обр. 1841 г. из собрания ТГМО изготовлены на Златоустовской оружейной фабрике, одна из них — в 1854 г. (ТГМО КП-2291).

Пехотная офицерская сабля обр. 1865 г. представляет собой пехотную саблю обр. 1841 г., но в стальных ножнах. Модель 1865 г. заменила образец 1841 г.²⁹ Сабля обр. 1865 г. (ТГМО КП-2290) изготовлена на Златоустовской оружейной фабрике в 1872 г.

В начале XIX в. сабля заменяет офицерские шпаги и на флоте. Одним из вариантов российских морских офицерских сабель является образец 1855 г.³⁰ Сабля обр. 1855 г. имеет слабоизогнутый клинок, аналогичный матросскому абордажному палашу обр. 1856 г.

На обухе клинка одной из двух морских сабель в коллекции ТГМО выгравирована надпись «ЛПО, Златоусть, 1857 г.» (ТГМО КП-2334) (см. выше).

Шашки в собрании ТГМО представлены как казачьими, так и драгунскими образцами.

Казачьи шашки из музейной коллекции были рассмотрены в статье А.В. Зубарева³¹. Отметим среди них два офицерских образца 1838 г., произведенные на Тульском оружейном заводе (ТГМО КП-2431, ТГМО КП-2411). Одна из этих шашек относится к наградному, так называемому «аннинскому» оружию (ТГМО КП-2411)³². Копия знака ордена Св. Анны была установлена на нижней втулке рукояти³³. На головке и втулке рукояти другой выбито контрольное клеймо Тульского оружейного завода «БАК». Такое же клеймо можно увидеть на латунном приборе ружей, и, по всей видимости, оно представляет собой клеймо надзирателя приборной палаты³⁴.

Российские образцы драгунских шашек практически являются саблями. Так, артиллерийская солдатская шашка обр. 1868 г. представляет собой укороченный вариант драгунской солдатской сабли обр. 1841 г. В 1868 г. эта шашка заменила тесаки и драгунские солдатские сабли обр. 1841 г. у нижних чинов пешей артиллерии, а в 80-е гг. XIX в. постепенно заменена драгунской солдатской шашкой обр. 1881 г. с укороченным клинком³⁵.

Шашка обр. 1868 г. из собрания ТГМО выпущена на Златоустовской оружейной фабрике в 1877 г. (ТГМО КП-2347).

Шашки обр. 1881 г. и ее модификации 1909 г. более широко представлены в собрании музея по сравнению с другими образцами холодного оружия. Среди них, несомненно, раритетными являются две драгунские офицерские шашки обр. 1881 г., произведенные в 1882 г. на Тульском оружейном заводе (ТГМО КП-2425, ТГМО КП-2426). На их клинках травлением выполнены двуглавый орел под короной, растительный декор, военные атрибуты и дата изготовления; на обухе — «ИМПЕРАТОРСКИЙ тульскій оружейный заводъ» и растительный декор. На то, что эти шашки были полностью произведены на ТОЗ, а не только их клинки, указывают клейма, выбитые на крестовине: ИТОЗ, 82 г. Эти музейные предметы еще раз подтверждают факт изготовления холодного оружия на ТОЗ во второй половине XIX в., хотя, безусловно, подавляющее большинство холодного оружия для российской армии и флота в этот период производилось на Златоустовской оружейной фабрике (см. выше).

В собрании музея представлены драгунские шашки обр. 1881 г. и обр. 1881/1909 гг. с клинками не только отечественного, но и зарубежного производства. Среди них изделия таких золингеновских фирм, как «Вайерсберг, Киришбаум и К°» (ТГМО КП-2328), «Э. унд Ф. Хёрстер» (ТГМО КП-2427), «Алекс Коппель» (ТГМО КП-2436), «Роберт Мельхер» (ТГМО КП-2440), «Вильгельм Вальшейд» (ТГМО КП-2441).

Интересен вариант наградной офицерской драгунской шашки, у которой на одной стороне клинка выгравирована надпись «Русская армия свободной России» (ТГМО КП-2314). На другой стороне клинка помещено изображение двуглавого орла без короны. По-видимому, эта шашка была выпущена на Златоустовской оружейной фабрике в 1917 г.³⁶

К советскому периоду относится генеральская шашка обр. 1940 г. специального выпуска (ТГМО КП-3958/1-2). Это оружие подарено директору ТОЗ Е.Н. Сабину (1919–2005)³⁷ в честь его 60-летия в апреле 1979 г. от ГРАУ. В этом же году Евгений Николаевич оставил пост директора и вышел на пенсию, а его шашка в 1979 г. была передана в музей вместе с другими подарками к юбилею.

Образец 1940 г. относится к типу российских драгунских шашек, в том числе обр. 1881/1909 гг. Шашка обр. 1940 г. принята на вооружение приказом НКО СССР № 483 от 30.12.1940 г. для общевоинских генералов, генералов артиллерии и строевого начальствующего состава вместо шашки кавалерийской образца 1927 г. В 1970–1980-х гг. шашки данного образца выпускались также в варианте с декоративным оформлением. Шашка из собрания ТГМО представляет собой стандартный вариант декора такого оружия³⁸ и отличается только дарственной надписью, выгравированной на крестовине: «Евгению Николаевичу Сабину от ГРАУ. Апрель 1979 г».

К декоративному холодному оружию также относится украшенный вариант российской офицерской кавалерийской сабли обр. 1827 г. (ТГМО КП-3835/1-2). Эта сабля принадлежала Николаю Васильевичу Снеессареву³⁹ и передана в музей в 1974 г. по инициативе его дочери Натальи Николаевны Пэнтон-Снеессаревой, проживавшей в 1973 г. в Италии⁴⁰.

От штатного образца данная сабля отличается полностью литым латунным позолоченным эфесом, а ее рукоять имитирует уставную конструкцию, но с изображением гирлянды из дубовых

листьев, обвивающей рукоять. На обухе клинка выгравировано: Тула. 1830. Эфес и прибор ножен позолочены и украшены рельефными изображениями растительного орнамента в виде листьев, бутонов роз, а также фигурами воинов и военными атрибутами, а передняя защитная дужка заканчивается головой дракона⁴¹.

Таким образом, декор этой сабли выполнен в стиле неоклассицизма, который появился в конце XVIII в., а его поздней формой является ампир. Для оружия, декорированного в стиле неоклассицизма, характерно пышное золочение стальных деталей и использование сюжетов из античной истории, а также гармоничное сочетание строгих форм и яркой отделки с обилием военной атрибутики.

По утверждению Н.Н. Пэнтон-Снеессаревой, данная сабля с самого начала имела тульский клинок и не подвергалась переделкам⁴².

К гражданскому оружию из собрания ТГМО относится купеческая сабля (ТГМО КП-2318)⁴³. Впервые право ношения сабли было подтверждено в 1834 г. для лиц, занимавших городские должности по выбору купечества и мещанства: городского головы, членов городской думы, членов и секретарей магистратов и сиротских судов. В 1835 г. такое право было предоставлено депутатам Орловской судоходной делегации и Тверской судоходной расправы и их отделений. В 1839 г. купеческую саблю разрешили носить ценовщикам при С.-Петербургском опекуном совете. Во второй половине XIX в. ее имели право носить и купцы I-й гильдии. Такую саблю могли использовать только в тех случаях, когда надевали кафтан с шитьем⁴⁴.

В собрании музея представлен вариант купеческой сабли с овальной накладкой крестовины с розеткой.

Таким образом, коллекция российских сабель и шашек из собрания ТГМО содержит как типовые, так и раритетные образцы, что имеет важное значение для изучения истории отечественного холодного оружия.

¹ Оружие в цвете: Фотоальбом / Под ред. А. Неделина. М: Ракурс, 1994. Т. I. С. 132, 133; Будаева Л.П. Золотой век тульского оружия. Тула: Лев Толстой, 2000. С. 18, 19 (3), 24, 25 (9); Пинк И.Б. Российское именное холодное оружие из собрания Тульского государственного музея оружия // Война и оружие: новые исследования и материалы: труды Третьей международной научно-практической конференции (16–18 мая 2012 г.). СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. Ч. 3. С. 3–8; Зубарев А.В.

Казачьи шашки в собрании Тульского государственного музея оружия (к вопросу о происхождении и эволюции казачьего длинноклинкового оружия) // Сборник трудов Тульского государственного музея оружия 2015 года. Тула, 2015. С. 5–25; Тульский государственный музей оружия: 100 уникальных предметов из собрания музея / И.Б. Пинк, О.Б. Ивлева, А.С. Дергачев. Тула: Третий путь, 2016. С. 190–193; Глазков В.В. Оружие Великой войны. Холодное оружие Российской армии. М.: Фонд «Русские Витязи»; СПб.: Гангут, 2016. С. 61, 64, 74, 75, 80, 81; 95, 180, 181; Леонов О.Г., Устьянов А.Л. Строевое холодное оружие русской армии и флота. 1700–1881 гг. М.: Русские витязи, 2017. С. 253, 266, 267, 270, 275, 281, 292, 317, 346, 347.

² Квасневич В. Польские сабли. СПб.: Атлант, 2005. С. 40; Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2009. С. 79, 81.

³ См. например: Паласиос-Фернандес Р. Московские стрельцы. «Неприменные войска» русского государства XVII века // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 15.

⁴ См., например: Историческое описание одежды и вооружения российских войск. М.: Кучково поле, 2008. Ч. 3. С. 12, 42–44, 328–332.

⁵ Уверенно читается только первая часть надписи: «Никого не ...». Возможны следующие варианты полной надписи: «Никого нет против нас» (тогда изречение на обеих сторонах: «С нами бог, никого нет против нас»), или «Никого не утрашусь». — Леонов О.Г., Устьянов А.Л. Строевое холодное оружие русской армии и флота. С. 267.

⁶ Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. С. 81.

⁷ Там же. С. 245.

⁸ Леонов О.Г., Устьянов А.Л. Строевое холодное оружие русской армии и флота. С. 281.

⁹ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2014. С. 114, 116, 156, 157.

¹⁰ Тульский государственный музей оружия: 100 уникальных предметов из собрания музея. С. 192, 193; Будаева Л.П. Золотой век тульского оружия. С. 18, 19 (3).

¹¹ См., например: Миллер Ю.А. Оружейное искусство Тулы XVIII–XIX вв. в собрании Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2005. С. 63.

¹² Шпаги ТГМО КП-2379, ТГМО-2390.

¹³ См., например: Леонов О.Г., Устьянов А.Л. Строевое холодное оружие русской армии и флота. С. 252, 253.

¹⁴ Миллер Ю.А. Оружейное искусство Тулы XVIII–XIX вв. в собрании Эрмитажа. С. 20, 63.

¹⁵ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. С. 116, 158, 159.

¹⁶ Подробнее см., например: Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. С. 120, 121.

¹⁷ Пинк И.Б. Производство холодного оружия на ТОЗе // Государственной организации оружейного производства в Туле 400 лет / Под ред. Ю.Л. Маткина. Тула, 1995. С. 36.

¹⁸ См., например: Лост Ж., Резек П. Сабли французской армии. Жигулевск: Стрелец, 2009. С. 302–314, 400–406.

¹⁹ Подробнее см.: Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. С. 124, 130, 131.

²⁰ Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М.: Вече, 2011. С. 247.

²¹ См., например: Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. С. 102, 103, 107; Секреты мастеров Златоуста. Искусство уральских оружейников XIX–XXI

веков. М.: Вече, 2012. С. 28, 29; Суханов И.П. Абордажное оружие: к истории абордажных партий Российского флота. СПб.: Бранко, 2012. С. 149, 151.

²² Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. С. 106.

²³ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. С. 131.

²⁴ Головка ее рукояти вместе с планкой на спинке рукояти утрачена, но, скорее всего, это образец 1827/1909 гг.

²⁵ См., например: Кулинский А.Н. Немецкие клинки и клейма. СПб.: Балтика, 2000. С. 93, 94, 111 (28).

²⁶ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. СПб.: Атлант, 2001. Т. I. С. 124, 125.

²⁷ См., например: Кулинский А.Н. Немецкие клинки и клейма. С. 96 (8), 99.

²⁸ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. С. 116, 158, 159.

²⁹ Подробнее см: там же. С. 137.

³⁰ Подробнее см: там же. С. 135, 136.

³¹ Зубарев А.В. Казачьи шашки в собрании Тульского государственного музея оружия. С. 5–25.

³² Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. С. 320, 321.

³³ Уменьшенная копия знака ордена Св. Анны на нижней втулке рукояти была утрачена, восстановлена в 2017 г.

³⁴ Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 127, 128.

³⁵ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. С. 219.

³⁶ Оригинальная головка рукояти утрачена.

³⁷ Биографию Е.Н. Сабинина см., например: http://www.museum-arms.ru/about/tula-armory/detail.php?ELEMENT_ID=2651 (25.01.19).

³⁸ См., например: Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. С. 385, 386, 416.

³⁹ Из писем Н.Н. Пэнтон-Снеессаревой Г.М. Чуднову можно заключить, что речь идет о Николае Васильевиче Снеессаре (1856–1928), гласном Петербургской городской думы, журналисте, сотруднике газеты «Новое время» (1887–1913). — См.: ТГМО КП-2-20175, ТГМО КП-2-20176.

⁴⁰ По всей видимости, Н.Н. Пэнтон-Снеессарева к 1977 г. переехала в СССР, в г. Орел. В 1974 г. она посетила Тульский музей оружия, где беседовала с его директором Г.М. Чудновым. — См. ТГМО КП-2-20175, ТГМО КП-2-20176.

⁴¹ Описание см.: 100 уникальных предметов из собрания музея. С. 192, 193.

⁴² Письмо Н.Н. Пэнтон-Снеессаревой Г.М. Чуднову от 08.02.1977 г. ТГМО КП-2-20176.

⁴³ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. С. 314, 315.

⁴⁴ Там же. С. 312.

М.А. Приходько (Москва)

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1836 ГОДУ

8 АПРЕЛЯ 1836 г. был утвержден «Проект образования Морского министерства»¹.

В соответствии с ним центральное морское управление сосредотачивалось в Морском министерстве, под руководством единого руководителя — начальника Главного Морского штаба е.и.в.²

Ему непосредственно подчинялись Военно-походная е.и.в. канцелярия по морской части, Гидрографическое управление, Инспекторский департамент, Комитет образования флота, Управление генерал-штаб-доктора, Морской ученый комитет, Морской кадетский корпус, Строительный департамент по морской части и Канцелярия Морского министерства³.

Прежние Адмиралтейств-Совет, Канцелярия начальника бывшего Морского штаба е.и.в. и Канцелярия морского министра упразднились⁴.

Канцелярия дежурного генерала Главного Морского штаба е.и.в., переименовывалась в Канцелярию Инспекторского департамента Морского министерства⁵.

В управлении Адмиралтейств-Совета, под председательством начальника Главного Морского штаба е.и.в., состояли Комиссариатский, Кораблестроительный, Артиллерийский департаменты и Департамент корабельных лесов⁶.

Адмиралтейский департамент переименовывался в Морской Генерал-Аудиториат⁷.

Тем самым юридическая сущность реорганизации центрального морского управления, проведенной в 1836 г., состояла во включении Главного Морского штаба е.и.в. в Морское министерство,

подчиненное одному руководителю — начальнику Главного Морского штаба е.и.в. и морскому министру А.С. Меншикову.

Хотя фактически и на практике основой центрального морского управления стал Главный Морской штаб е.и.в.

В организационно-структурном плане преодолевалась децентрализация центрального морского управления прошлого времени.

Реорганизация 1836 г. определила развитие центрального морского управления на ближайшие 25 лет, до изданий следующего учредительного документа — «Общего образования управления Морским ведомством» от 27 января 1860 г.⁸

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (Далее: ПСЗ-2). Т. 11. Отд. 1. № 9069. С. 400–412.

² Там же. § 1–2.

³ Там же. § 11, 15.

⁴ Там же. § 16.

⁵ Там же. § 19.

⁶ Там же. § 12.

⁷ Там же. § 96.

⁸ Там же. Т. 35. Отд. 1. №35386. С. 73–101.

В.Н. Прямыцын (Москва)

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕРЕГОНКИ САМОЛЕТОВ ПО КРАСНОЯРСКОЙ ВОЗДУШНОЙ ТРАССЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В ОКТЯБРЕ 1941 г. союзники по только складывающейся антигитлеровской коалиции договорились о поставках из США в СССР значительного количества боевых самолетов. В связи с тем, что доставка северным маршрутом через Мурманск оказалась чрезмерно опасной, а южным маршрутом через Иран — слишком протяженной по времени, было принято решение об организации воздушной трассы, которая соединила бы Аляску и Сибирь. В годы Великой Отечественной войны работа Красноярской воздушной трассы (КВТ), которую неофициально называли АЛСИБом, была засекречена. В послевоенный период за непопулярностью темы союзнической помощи она была предана забвению. Лишь в последние годы широкая аудитория открыла для себя эту страницу отечественной военной истории.

«Мы не имеем права это забывать, мы не имеем права оставлять это глубоко в истории. Если мы сегодня не погрузимся в это и не расскажем, то Бог его знает, через сколько лет люди смогут к этому вернуться. Лично я испытываю потребность эту историю рассказать до конца», — заявил об истории перегоночной трассы АЛСИБ президент Русского географического общества С.К. Шойгу в интервью телеканалу «Россия 1»¹. Красноярской воздушной трассе посвящен ряд исследований, написаны книги и сняты фильмы. В каждой из этих работ говорится о том, какие сложности в перегонке самолетов были связаны с суровыми климатическими условиями Сибири. Однако

вопрос метеорологического обеспечения трассы не был раскрыт, а, следовательно, история трассы не была «рассказана до конца». Сегодня изучение рассекреченных архивных документов позволяет ознакомиться с тем, как советские авиаторы организовали и осуществили метеорологическое обеспечение уникальной перелетной трассы в одном из самых суровых и безлюдных регионов планеты.

С первых совещаний, посвященных возможности соединения Аляски и Сибири воздушным мостом, стали очевидны трудности, обусловленные суровым климатом региона. Начальник Управления полярной авиации Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) И.П. Мазурук доложил членам Государственного Комитета Оборона (ГКО) обо всех сложностях перелетов над центром и севером Сибири. До сих пор здесь осуществлялись лишь эпизодические полеты наиболее подготовленными пилотами полярной авиации на гидросамолетах или самолетах на лыжах. Массовая перелетная трасса новых колесных самолетов строевыми летчиками представлялась И.П. Мазуруку невозможной. Осенью 1941 г. на просторах между Красноярском и Чукоткой не было даже минимально необходимого количества взлетно-посадочных полос, средств радиосвязи, материально-технического, навигационного и метеорологического обеспечения. Тем не менее, 9 октября 1941 г. ГКО издал постановление о создании воздушной линии между Красноярском и Уэлькалем (крайняя точка советского участка АЛСИБа на востоке), положившее начало объемной работе².

Наряду с прочим, предстояло организовать надежное метеорологическое обеспечение перелетов по новой трассе. Опыт работ подобного рода в ВВС Красной армии уже был. Еще накануне войны в Европейской части СССР были созданы воздушные трассы военного назначения. В составе управления каждой из таких трасс был начальник метеорологической службы, который осуществлял взаимодействие с метеослужбой и метеорологическим бюро соответствующего военного округа, а также с гражданскими коллегами³. Этот опыт предстояло применить к АЛСИБу с его жесткими климатическими условиями, огромной протяженностью, исключительной редкостью сети метеорологических станций и, как следствие, слабой изученностью в метеорологическом отношении. К началу Великой Отечественной войны в восточной Сибири было около 200 наблюдательных станций, но

подавляющее большинство из них располагались южнее проектируемой трассы⁴.

Получив задачу по обеспечению новой воздушной трассы, начальник отдела метеослужбы штаба ВВС инженер-подполковник В.М. Сперанский обратился в Главное управление гидрометслужбы Красной армии (ГУГМС КА) с просьбой о содействии в получении режимного материала: «Прошу Ваших указаний срочно составить климатическое описание по следующим участкам: Форбенкс — Ном, Ном — Уэлькаль, Уэлькаль — Сеймчан, Сеймчан — Якутск, Якутск — Киренск, Киренск — Красноярск»⁵. Ответ ГУГМС КА оказался предсказуемым: «В части климатического описания указанной трассы и аэродромов сообщая, что Управление необходимыми материалами не располагает». Вместо климатического описания из Центрального института погоды прислали лишь самое общее синоптическое описание⁶ заявленного маршрута.

Основной синоптической особенностью маршрута Красноярск — Уэлькаль была названа ярко выраженная сезонная смена преобладающих барических образований. Каждый из сезонов здесь по-своему сложен для обеспечения авиации. Лето над центральными районами Сибири длится с июня по август. Оно характеризуется циклонической деятельностью и интенсивным прохождением атмосферных фронтов, грозящих самолетам в воздухе обледенением. Летом дым от таежных пожаров затрудняет ориентирование в полете. Между тем, лишь летом здесь можно вести строительные работы. Зима длится почти полгода (с ноября по март), на протяжении которых над Сибирью безраздельно властвуют антициклоны. Они обуславливают экстремально низкие температуры и местные туманы. При этом антициклоны благоприятствуют перегонке малооблачным характером погоды⁷.

В небывало сжатые сроки, всего за 10 месяцев, были закончены строительство и реконструкция 16 аэродромов. На протяжении весны и лета работы велись форсированными темпами с широким привлечением труда заключенных и местного населения. Материалы для строительства объектов трассы доставлялись самолетами по воздуху и баржами по сибирским рекам. Наиболее тяжело строительство шло на Чукотке. Здесь частые шторма не раз опрокидывали катера с грузами. По 18 часов в сутки мобилизованное местное население вытаскивало на берег из ледяной

воды древесину, ящики и бочки⁸. К концу лета 1942 г. вдоль трассы удалось создать минимально необходимые условия для перегонки по ней авиационной техники. Наиболее опытные летчики-полярники совершили облет каждого из ее участков⁹.

В августе началось формирование 1-й перегонной авиационной дивизии (пад). В приказе НКО особо оговаривалось, что для перегонных полков необходимо отобрать

Ил. 1. Командир 1-й перегонной авиационной дивизии полковник И.П. Мазурук (справа) с офицерами штаба

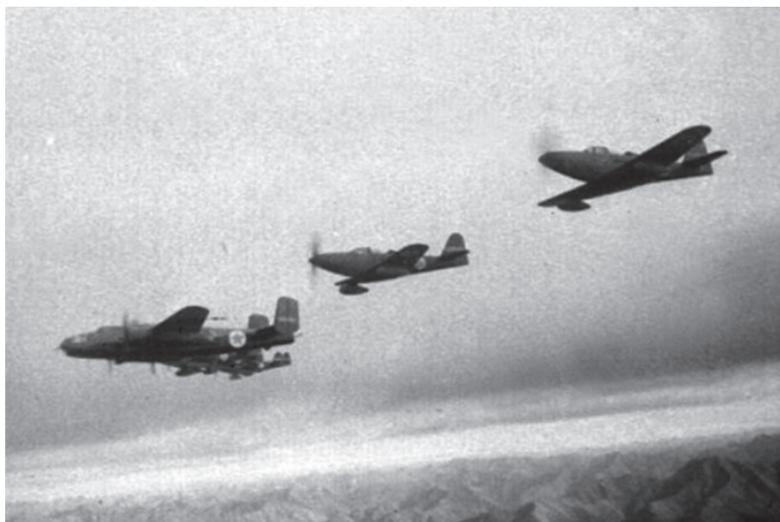
летчиков, способных управлять самолетом ночью и в сложных метеоусловиях. Командиром дивизии был назначен полковник И.П. Мазурук¹⁰ (ил. 1). Будучи опытным полярным летчиком, он уделил вопросам метеорологического обеспечения первостепенное внимание. К созданию на бескрайних просторах Сибири системы метеорологического обеспечения перегонки самолетов были привлечены все возможные ресурсы метеорологической отрасли региона. Большая часть трассы была проложена по территории Сибирского военного округа (СибВО), в связи с чем начальнику Управления гидрометеорологической службы (УГМС) СибВО военинженеру 2 ранга В.А. Беломоину была поставлена задача расширить сеть наблюдательных станций вдоль маршрута перегонки. На вновь созданных аэродромах АЛСИБа сформировали авиационные метеорологические станции (АМСГ)¹¹. На ранее существовавших станциях штат усилили опытными прогнозистами. Взаимодействие с территориальными метеорологическими органами было поручено начальнику метеослужбы КВТ воентехнику 2 ранга А.С. Суханову. Это был опытный

специалист, который до войны занимался метеорологическим обеспечением гражданской авиации в Якутском УГМС¹².

Воздушная трасса начиналась в американском Форбенксе, что придавало ей статус международной авиалинии. Но она эксплуатировалась советскими экипажами, и большая ее часть проходила по территории СССР. В соответствии с «Положением о взаимодействии ГУГМС КА с иностранными гидрометеорологическими службами» на всей протяженности трассы от Красноярска до Форбенкса была установлена единая форма метеорологической документации и система снабжения пилотов метеорологическими сведениями. При этом непосредственное обеспечение на аэродромах Аляски возлагалось на американскую гидрометслужбу, а на аэродромах СССР — на советскую¹³.

В конце сентября 1942 г. по АЛСИБу пошли первые группы самолетов, передаваемых США Советскому Союзу по ленд-лизу. Американские летчики доставляли самолеты от авиазаводов, расположенных на севере США, через Канаду в Форбенкс. Здесь советская военная миссия принимала технику и передавала ее советским пилотам. 1-й перегоночный авиационный полк (пап) перегонял самолеты между Форбенксом и Уэлькалем. В Уэлькале технику принимал 2-й пап, летчики которого перегоняли ее до Сеймчана. На участке от Сеймчана до Якутска работал 3-й перегоночный полк. Между Якутском и Киренском самолеты перегонял 4-й пап, а между Киренском и Красноярском — 5-й перегоночный полк¹⁴ (ил. 2).

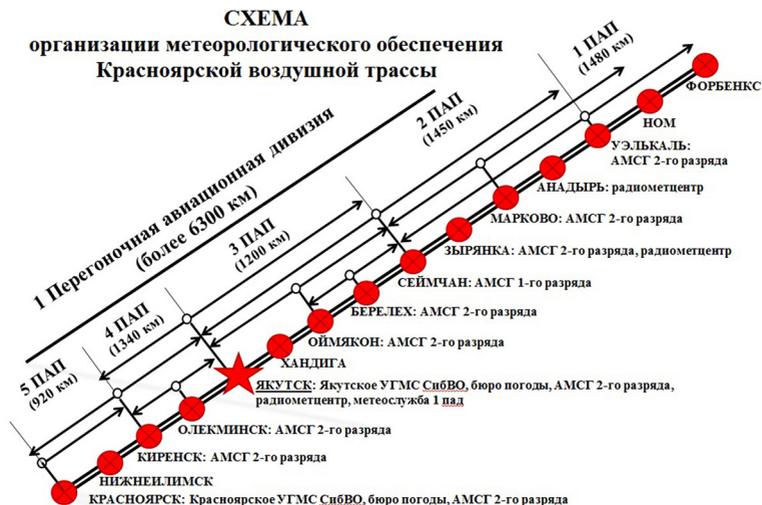
Обо всех трудностях эксплуатации АЛСИБа красноречиво говорит фраза, высказанная полковнику И.П. Мазуруку американскими коллегами во время его командировки на Аляску: «...по этой трассе могут летать либо сумасшедшие, либо самоубийцы, либо русские». Личный состав 1-й пап был сформирован на базе 6-й запасной авиабригады из строевых летчиков авиационных подразделений, дислоцированных на советско-германском фронте. Как писал американский очевидец Дэвид Рингоулд: «Это были обычные боевые летчики, которым были поручены перегоночные полеты в качестве отдыха от боев или в качестве награды». Понимая, что полеты над Сибирью — это не «отдых» и не «награда», а тяжелое испытание, полковник И.П. Мазурук решил использовать в перегонке самолетов и обучении личного состава дивизии опыт полярных летчиков, многих из которых хорошо знал по совместной довоенной работе. Эти люди умели летать

Ил. 2. Традиционный строй перегонки истребителей

в самых сложных метеорологических условиях, и ориентироваться при продолжительных полетах над однообразной безжизненной местностью¹⁵.

Первый перелет американских самолетов, состоявшийся в октябре 1942 г. под личным руководством полковника И.П. Мазурука, преподавал перегонщикам несколько горьких уроков. При посадке группы истребителей «Киттихаук» в Уэлькале в сложных метеорологических условиях две машины по неопытности пилотов получили повреждения. На участке от Уэлькаля до Сеймчана перелетающая группа попала в плотную облачность, строй рассыпался, и самолеты самостоятельно приземлились на запасном аэродроме Марково. 14 октября в сильном снегопаде разбился самолет командира звена лейтенанта А.Д. Новгородского. В плотной облачности потерял строй и без вести пропал младший лейтенант Ф.Е. Федоренко. На аэродромах авиаторы испытывали существенные трудности, связанные с низкими температурами. Холода и череда катастроф, связанных с непогодой, заставляли летчиков неделями сидеть на аэродромах, из-за чего первый перелет занял 33 дня. В этот период метеорологическая служба трассы только создавалась и все еще не могла надежно обеспечить безопасность перегонки авиатехники.

Ил. 3. Схема организации метеорологического обеспечения воздушной трассы

Система метеорологического обеспечения перегонок авиационной техники окончательно сформировалась на АЛСИБе только к началу 1943 г., когда по нему уже перелетали значительное количество самолетов (ил. 3). Она состояла из сети метеорологических станций, наблюдавших погоду; авиационных метеорологических станций, обеспечивавших перегоночные полки на аэродромах; радиометцентров, осуществлявших сбор и распространение метеорологической информации; метеорологических бюро, осуществлявших долгосрочное прогнозирование и методическое руководство, а также метеорологической службы 1-й перегоночной авиационной дивизии¹⁶.

В основе системы метеорологического обеспечения лежала сеть наблюдений, осуществлявшихся наблюдательными станциями. Летом 1943 г. таких станций было не более 50. На протяжении войны сеть постоянно расширялась и к моменту ее окончания насчитывала уже 82 станции, многие из которых были специально созданы в глубокой тайге и размещались в отапливаемых шатрах¹⁷. Однако для трассы протяженностью более 6000 км этого количества было мало. Станции наблюдали фактическую погоду через каждые два часа и передавали результаты

Ил. 4. Инженер-синоптик АМСГ докладывает пилотам перелетающей группы прогноз погоды с демонстрацией синоптической карты

наблюдений на авиационную метеорологическую станцию ближайшего аэродрома АЛСИБа¹⁸.

Следующим звеном системы метеорологического обеспечения были авиационные метеорологические станции, которые функционировали на промежуточных аэродромах трассы: Уэлькаль, Марково, Сеймчан, Берелех, Оймякон, Якутск, Олекминск, Киренск, Красноярск. На каждой из АМСГ по материалам наблюдений, проведенных в сроки 07:00 и 19:00, ежедневно строили две синоптические карты, охватывающие обслуживаемый участок трассы, а также шесть кольцевых карт погоды, освещающих погоду в районе аэродрома¹⁹. Используя этот материал, синоптики АМСГ составляли прогнозы погоды, консультации, выписывали метеорологические бюллетени и консультировали командиров перелетающих групп (ил. 4). Наибольшее распространение получили так называемые марш-прогнозы. Это были прогнозы заблаговременностью шесть–десять часов, разработанные для того или иного участка перегонной трассы. Именно столько времени в среднем требовалось, чтобы перелететь на следующий аэродром. В соответствии с Положением о метеорологическом обслуживании Красноярской воздушной трассы начальник АМСГ был обязан обеспечивать полноту сбора метеорологической информации, составлять прогнозы погоды и штормовые предупреждения, консультировать экипажи на земле и в небе, в период перелета непрерывно следить за всеми изменениями погоды и немедленно сообщать о них командиру перелетающей группы²⁰.

В свою очередь, командиры перелетающих групп должны были не менее чем за три часа до вылета представить на АМСГ заявку на перелет, лично ознакомиться с метеорологической

обстановкой и прогнозом погоды по карте, а также ознакомить с ним личный состав. Им предписывалось проверять подготовленность пилотов к перелету в метеорологическом отношении, привлекая к этой работе специалистов АМСГ.

Вышестоящими звеньями системы метеорологического обеспечения на трассе АЛСИБ являлись бюро погоды Красноярск и Якутск соответствующих УГМС Сибирского военного округа. В этих пунктах осуществлялось регулярное самолетное зондирование атмосферы с использованием самолетов Р-5 и У-2. Главным учреждением метеорологической службы КВТ стало бюро погоды Якутского УГМС. В дополнение к объему работ АМСГ здесь была создана группа долгосрочных прогнозов, которая к 10 числу каждого месяца составляла долгосрочный прогноз погоды на следующий месяц. Прогноз тиражировался типографским способом, предоставлялся командованию трассы и распространялся между авиационными метеорологическими станциями аэродромов трассы. Якутское бюро погоды являлось организационным и методическим центром. Его сотрудники, имеющие богатый опыт метеорологического обеспечения в Сибири, приняли самое непосредственное участие в разработке Положения о метеорологическом обслуживании Красноярской воздушной трассы²¹.

Все бюро, АМСГ и наблюдательные станции трассы были в полной мере укомплектованы сотрудниками, наблюдательными приборами и расходными материалами. Наиболее проблемным вопросом оставалась связь. Обмен метеорологической информацией осуществлялся через штатные средства радиосвязи аэродромов трассы, не рассчитанные на такие объемы приема и передачи информации. В результате метеорологическая информация систематически передавалась с задержкой или не передавалась вовсе. Для повышения пропускной способности радиоузлов аэродромов перегоночной трассы полковник И.П. Мазурук в период пребывания в США организовал закупку американской радиоаппаратуры.

Главный радиометцентр АЛСИБа, оснащенный 15-киловаттным передатчиком, расположился в специально построенном здании в центре Якутска. Он отвечал за сбор и распространение метеорологической информации в западной части трассы. Радиометцентр Анадырь обеспечивал сбор и распространение метеорологической информации в интересах восточной части

Ил. 5. Групповое фото советских и американских авиаторов

трассы. Кроме того, в качестве резервного радиометцентра использовалась АМСГ Зырянка, расположенная несколько севернее линии перелетов самолетов²². И все же значительные объемы обмена гидрометеорологической информацией требовали соединения основных метеорологических подразделений проводными каналами связи.

В годы войны советским авиаторам довелось тесно сотрудничать с американскими метеорологами (ил. 5). Во-первых, летчики 1-го пап, перелетывавшие самолеты из Форбенкса в Уэлькаль, пользовались метеорологическим обеспечением синоптиков аэродромов Форбенкс и Ном. Во-вторых, на стыке советского и американского участков перелетной трассы осуществлялся международный обмен метеорологической информацией. США передавали данные наблюдений своих станций в радиометцентр Анадырь. В свою очередь СССР передавал в Ном материалы наблюдений 12 советских станций²³.

Значительный интерес представляет организация метеорологического обеспечения перелета самолетов и на американском

участке. Авиационные заводы, расположенные на севере США, были отделены от пункта передачи авиатехники тысячами километров канадской тундры. Их перегонка была возложена на летчиков 7-й авиационной группы перегонки Управления воздушно-транспортных перевозок ВВС США. Воздушный мост, проложенный на Аляску через Канаду, получил сокращенное наименование АЛКАН. Здесь, как и в Сибири, пришлось в кратчайшие сроки строить промежуточные аэродромы, прокладывать нефтепровод, создавать метеорологические станции. Новые пункты наблюдений американских ВВС были открыты через каждые 100 километров трассы.

На АЛСИБе, несмотря на милитаризацию метеорологической отрасли, обеспечение перегонки самолетов осуществлялось гражданскими специалистами. Отсутствие метеорологов ВВС полковник И.П. Мазурук отмечал в качестве одного из организационных недостатков. Единственным «метеорологом в погонах» на трассе был начальник метеорологической службы 1-й пад. В 1943 г. эту должность занял инженер-капитан Родькин. «Старший метеорологический начальник» АЛСИБа руководил деятельностью всех метеорологических подразделений трассы. При резком ухудшении погоды он рекомендовал командиру дивизии отдать приказание на возвращение группы или совершение вынужденной посадки. При неустойчивом характере погоды он планировал воздушную разведку. Примечательно, что в целях экономии времени разведка погоды на том или ином участке трассы велась двумя самолетами, летевшими друг другу навстречу из соседних пунктов трассы. Самолет-разведчик с наиболее подготовленным экипажем выделялся из состава перелетающих групп²⁴.

Несмотря на все усилия метеорологов трассы АЛСИБ, перегоночные авиационные полки теряли экипажи и машины по причинам, связанным с метеорологическими условиями. 21 мая 1943 г., располагая нелетным прогнозом погоды, капитан Лебедев принял решение на перелет в составе группы в качестве лидера. При столкновении с облачностью большой вертикальной мощности он не развернул группу, а продолжил перелет, в результате чего один из экипажей погиб. 4 апреля 1943 г. старший лейтенант Гроздненский вылетел на разведку погоды. При обнаружении сплошной облачности с верхней границей, превышающей 5000 метров, летчик продолжил полет над ней, не имея

кислородной маски. В результате связь с землей была потеряна, а самолет пропал без вести. 18 апреля 1943 г. старший лейтенант Чередниченко вылетел из Сеймчана в качестве замыкающего лидера группы. Оказавшись в сложных метеорологических условиях, летчик оторвался от группы и принял решение продолжать полет. В результате его самолет потерпел катастрофу в районе Оймякона²⁵.

С метеорологическими условиями связана и самая страшная катастрофа в истории АЛСИБа. Доставив очередную партию американских самолетов в конечный пункт трассы, летчики 5-го пап в качестве пассажиров должны были вернуться в Киренск. 17 ноября 1942 г. самолет Ли-2, пилотируемый летчиком 1-го класса Д.А. Барковым, взлетел с аэродрома Красноярск, но после первого разворота начал крениться, врезался в летное поле и вспыхнул. Члены экипажа и 30 пассажиров погибли. В качестве причины катастрофы было названо интенсивное обледенение плоскостей после взлета.

С открытием работы воздушного моста командование 1-й пад организовало сбор сведений обо всех авиационных происшествиях и выявило основные причины авиакатастроф. Среди прочих фигурировали причины, связанные с погодой и работой метеослужбы: выпуск в рейс пилотов при условиях погоды ниже их минимума подготовки, выпуск в рейс при устаревшем прогнозе, принятие летчиками неверных решений при столкновении со сложными метеорологическими условиями, низкое качество прогнозов погоды. Последнее, кстати, полковник И.П. Мазурук объяснял не квалификацией прогнозистов, а задержками в передаче метеорологической информации, слабой метеорологической оснащенностью района, перебоями в поступлении данных о погоде от перелетающих групп²⁶. Летом 1944 г. должность командира 1-й пад занял полковник А.Г. Мельников. Подводя итоги аварийности в дивизии за первое полугодие 1944 г., он перечислил ее основные причины, большинство из которых носило организационно-технический характер. Метеорологическая служба в приказе упомянута не была.

Темпы перегонки самолетов по АЛСИБу год от года возрастали. Если в 1942 г. советско-германскому фронту было поставлено 114 машин, то в 1943 уже 2465, в 1944 — 3029, а за 9 месяцев 1945 г. — 2300 самолетов. По данным народного комиссариата внешней торговли, 42,2 % всех самолетов, поставленных

по ленд-лизу, прибыли в СССР по Красноярской воздушной трассе. Кроме военного, трасса имела важное хозяйственное и дипломатическое значение. С октября 1942 по октябрь 1945 г. по авиатрассе были перевезены 128 371 пассажир, 18 753 тонны грузов и 319 тонн почты (в том числе 187 тонн дипломатической почты). По АЛСИБу перемещались дипломаты и военные специалисты, в том числе послы СССР в США М.М. Литвинов и А.А. Громько, вице-президент США Генри Уоллес.

За все время работы перегоночной трассы на ней было потеряно 115 человек и 81 самолет из состава 1-й пад. Характерно, что 58 из них (три четверти) были потеряны в первый год работы трассы, когда метеорологическая служба находилась в стадии формирования. Едва ли уместно сравнивать потери перегоночной дивизии с потерями авиадивизий, участвовавших в боях. Сравним с результатами работы трассы АЛКАН, на которой за тот же промежуток времени при схожей протяженности маршрута американские ВВС лишились 133 машин²⁷. Без сомнения, вклад советских метеорологов в обеспечение безопасности перегонки самолетов был весомым.

На девяти типах американских боевых машин, поставленных по ленд-лизу через АЛСИБ, советские летчики сражались с врагом в небе от Москвы до Берлина. После победы над Германией трасса была переориентирована на обеспечение боевых действий против Японии. Летом 1945 г. по ней на восток перегонялись самолеты для Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и Тихоокеанского флота. С окончанием Второй мировой войны необходимость в деятельности перегоночной дивизии отпала. 20 октября 1945 г. 1-я пад, награжденная на тот момент орденом Красного Знамени, была расформирована²⁸.

В ноябре 1946 г. прекратила свое существование и Красноярская воздушная трасса. Ценным наследием четырех лет ее работы стал уникальный опыт, полученный отечественными метеорологами при обеспечении перегонки авиационной техники на значительные расстояния в тяжелых климатических условиях. Инфраструктура перегоночной трассы продолжила служить своей стране. Сибирь получила сеть хорошо оборудованных аэропортов, которые внесли существенный вклад в дело освоения богатств Севера и повышения обороноспособности страны на арктическом и восточном направлениях. Ряд пилотов и должностных лиц АЛСИБа после расформирования трассы

Ил. 6. Мемориал АЛСИБ на Аляске

заял ответственные посты в полярной авиации, гидрометеорологической службе, научных учреждениях различных ведомств, местных администрациях²⁹.

Подводя итог метеорологическому обеспечению Красноярской воздушной трассы, можно сделать следующие выводы:

1. метеорологическое обеспечение воздушного моста между Аляской и Сибирью не имело аналогов в истории мировой авиации и было организовано в кратчайшие сроки;
2. метеорологическое обеспечение 1-й перегоночной авиационной дивизии осуществлялось гражданскими авиационными метеорологическими подразделениями;
3. основными сложностями в работе метеорологов стали слабая изученность района в климатическом отношении, недостаточная широта сети метеорологических наблюдений и отсутствие

проводных каналов связи между метеорологическими подразделениями;

4. метеорологическое обеспечение перегонки самолетов по трассе АЛСИБ осуществлялось с высоким качеством, оказало значительное влияние на снижение аварийности в частях 1-й пд и получило высокую оценку со стороны ее командования;

5. опыт, полученный при метеорологическом обеспечении АЛСИБ, нашел широкое применение в послевоенный период.

Даже спустя десятилетия после завершения своей работы АЛСИБ может послужить на благо стран, которые он некогда связывал. Перегонка самолетов по воздушному мосту между Аляской и Сибирью способна напомнить народам России и США об общих страницах истории (ил. 6). Парадоксально, но в то время, как военно-политические отношения между Россией и США охладели, сотрудничество метеорологов двух стран продолжает развиваться. Не последнюю роль в укреплении этого товарищества заложила совместная работа по метеорологическому обеспечению перегонки самолетов в годы Второй мировой войны.

¹ Документальный фильм «АЛСИБ. Секретная трасса». Телеканал «Россия 1». 2012. Режиссер А. Попова.

² Почтарёв А.Н., Горбунова Л.И. Полярная авиация России. 1914–1945 гг. М.: Паулсен, 2011. С. 523.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 35. Оп. 11264. Д. 25. Л. 11.

⁴ Сухановский А.Ф. Росгидромет. Жизнь по Гринвичу. Архангельск: СК-Россия, 2009. С. 311.

⁵ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 25. Л. 63, 63 об.

⁶ Синоптическое описание — это составная часть климатического описания, содержащая сведения о характере синоптических процессов. Оно не содержит данных о распределении метеорологических элементов, в связи с чем малоприменимо для практической работы по метеорологическому обеспечению.

⁷ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 25. Л. 73–75.

⁸ Алтуний Е.А. Воздушная трасса Красноярск — Уэлькаль // Восточно-Сибирская правда. 5 октября 2002 г.

⁹ Мазурук И.П. Воздушный мост Аляска — Сибирь // Полярный круг. М., 1978. С. 53.

¹⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 11. Д. 68. Л. 105.

¹¹ На аэродромах ВВС авиационно-метеорологические станции сокращенно называли «АМС», а в аэропортах к таким станциям применяли аббревиатуру «АМСГ», в которой последняя буква расшифровывалась, как «гражданская».

¹² ЦАМО. Ф. 50. Оп. 762081. Д. 1. Л. 7.

- ¹³ Там же. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 98. Л. 66, 67.
- ¹⁴ Лебедев А.А., Мазурук И.П. Над Арктикой и Антарктикой. М., 1991. С. 51.
- ¹⁵ Почтарёв А.Н., Горбунова Л.И. Указ. соч. С. 527, 532.
- ¹⁶ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 61. Л. 5–9.
- ¹⁷ Сухановский А.Ф. Указ. соч. С. 347.
- ¹⁸ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 61. Л. 5–9.
- ¹⁹ Там же. Д. 25. Л. 67, 68.
- ²⁰ Там же. Л. 1.
- ²¹ Там же. Д. 61. Л. 1 об.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Д. 25. Л. 83–86.
- ²⁵ Там же. Л. 12.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Почтарёв А.Н., Горбунова Л.И. Указ. соч. С. 534–536.
- ²⁸ Там же. С. 542.
- ²⁹ Национальный архив республики Саха (Якутия). Ф. 762. Оп. 2. Д. 34. Л. 49.

Р.Н. Рахимов (Уфа)

ЗАЩИТНИКИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ В ШВЕЙЦАРСКОМ ПОХОДЕ А.В. СУВОРОВА

10 СЕНТЯБРЯ 1799 г. русские и австрийские войска выступили из Таверны в поход на Сен-Готард. Начался знаменитый Швейцарский поход А.В. Суворова. До этого в результате успешных действий русско-австрийских войск Италия была освобождена от французской армии. В составе частей русской армии, находившихся в дальнем походе, были полки, чей личный состав до этого времени нес службу в Азиатской части империи, на Оренбургской пограничной линии. Одним из них был полк генерал-майора М.М. Велецкого (Бутырский мушкетерский).

История этой воинской части началась незадолго до похода. 29 ноября 1796 г. император Павел I приказал сформировать из 1-го и 6-го Оренбургских полевых батальонов Бутырский мушкетерский полк, что и было сделано в январе 1797 г. Одновременно формировались Уфимский, Рыльский (в Оренбурге) и Екатеринбургский мушкетерские полки. 31 января Бутырский мушкетерский полк был переименован по имени своего шефа генерал-лейтенанта принца Карла-Людвига-Фридриха Баденского (Молодого) в Молодо-Баденский и отправлен в армию в состав Литовской инспекции. Воинская часть была двухбатальонного состава. По новому штату от 5 января 1798 г. в ней положено было иметь 2126 человек. 5 июля определено: в полках иметь знамен по числу мушкетерских рот — 1 белое и 9 цветных. В июле 1798 г. полк находился уже в Брест-Литовске в корпусе генерала от инфантерии А.Г. Розенберга. Гренадерские роты вместе с гренадерскими ротами Архангелогородского полка вошли в состав сводно-гренадерского батальона полковника Санаева. Уже

в походе, с 20 июня 1799 г. полк стал именоваться по имени нового шефа — генерал-майора Велецкого, бывшего до этого времени полковым командиром.

В начале декабря 1798 г. корпус Розенберга переместился к Брюнну (Брно). Ожидались совместные действия австрийцев, англичан и русских против французов. 28 марта 1799 г. к войскам прибыл Суворов. В это время к походу в Европу готовился еще один корпус — генерала от инфантерии И.И. Германа. В его составе находился бывший Орловский мушкетерский, именовавшийся в то время по своему шефу полком Мансурова 2-го. Интересно, что ранее его командир Александр Павлович Мансуров также служил на юго-восточной границе, во 2-м Оренбургском полевом батальоне, и был хорошо знаком с офицерами Молодо-Баденского полка¹. В 1796–1797 гг. полковник Мансуров командовал вновь сформированным Уфимским мушкетерским полком². В третьем корпусе Нумсена, также отправленном на помощь австрийцам, из частей, снятых с юго-восточной границы империи, находились два полка уральских казаков — Д. Бородина и Д. Мизинова. В этом же соединении состоял полк генерал-майора Пущина 2-го, бывший Пермский мушкетерский. Его офицеры и нижние чины за несколько лет до похода несли службу в крепостях и редутах Оренбургской пограничной линии³. Одним из них был секунд-майор Велецкий, командовавший в 1790 г. двумя ротами, стоявшими в Уфе.

Таким образом, в походе русских войск в Италию и Швейцарию участвовали два пехотных и два казачьих полка, направленные с юго-восточной границы. Это означало, с одной стороны, что оставшиеся три мушкетерских полка — Екатеринбургский, Уфимский, Рыльский, Оренбургский драгунский, девять гарнизонных, два тептярских конных полка, оренбургские и уральские казаки, Башкиро-мещерякское войско обеспечивали надежную защиту Оренбургской пограничной линии. С другой стороны, у империи явно наблюдался недостаток войск на западной границе, и для осуществления амбициозной внешней политики необходимо было перемещать воинские контингенты с востока на запад.

По нашему мнению, не случайно именно в 1798 г. в Оренбургском крае создается крупное иррегулярное образование — Башкиро-мещерякское войско. В этом же году из Уфимского казачьего полка (из сословия тептярей) были

созданы, по предложению Оренбургского военного губернатора О.А. Игельстрема, два тептярских конных полка. 12 июля последовал императорский указ «о разделении тептярского полка на два и о наполнении оных вновь избираемыми из того же народа людьми»⁴. Указ от 11 октября 1798 г. показывает, что полки предназначались для «занятия Оренбургской границы вместо Оренбургского драгунского полка»⁵. Это предполагает, что в планах армейского командования предполагалось откомандирование драгунского полка в армию. Таким образом, политика Павла I в Европе привела к активизации военного строительства на юго-восточной окраине империи, включая институализацию воинской службы башкир в рамках войсковой организации, постепенную замену частей регулярной армии иррегулярным компонентом (казаки, башкиры, мещеряки, калмыки). Эта тенденция получила свое развитие в первой половине XIX в. при Александре I и при Николае I.

Тем временем, в 1799 г. корпуса Розенберга и Германа соединились в Италии, а корпус Нумсена, теперь уже под начальством генерала от инфантерии А.М. Римского-Корсакова, был направлен в Швейцарию. Войска в Италии возглавил Суворов. Началась его знаменитая Итальянская кампания. Среди ряда сражений этого похода одной из тяжелейших была битва при Тидоне и Требии, шедшая три дня (6–8 июня). Русские солдаты совершили ускоренный марш, пройдя за 48 часов 87 верст под палящим солнцем, почти бегом, и вступая в бой сразу с марша. Дорога была усеяна упавшими и впоследствии умершими от изнеможения солдатами, но сражение было выиграно. За героизм в этой битве полк генерал-майора Велецкого первым в русской армии получил новую коллективную награду — «поход за военное отличие» (особый барабанный бой). Напряженная боевая жизнь привела к тому, что к исходу Итальянской кампании части русской армии понесли потери, и их численность не соответствовала установленным штатами.

В начавшемся Швейцарском походе полк Велецкого вошел в состав дивизии генерал-лейтенанта И.И. Ферстера, а сводно-гренадерский батальон Санаева находился в авангарде генерал-майора князя П.И. Багратиона⁶. На 1 сентября в полку было налицо 37 офицеров и 920 нижних чинов (по списку числилось 47 офицеров и 1229 нижних чинов)⁷. Таким образом, он потерял в результате длительных переходов и Итальянской кампании

четверть своего списочного состава. 13 сентября полк в составе дивизии, а батальон в составе авангарда, при поддержке австрийцев приняли участие в атаке Сен-Готарда. Причем оба батальона полка согласно диспозиции двигались в составе разных колонн. С пяти утра до полудня русские войска совершали непрерывный подъем, в конце которого несколько раз выбивали противника, спешившего укрепиться на крутых склонах⁸. Авангард Багратиона обошел позиции французов слева через неприступные скалы, дивизия Ферстера наступала во фронт по большой дороге, находясь посередине между колоннами австрийских и российских войск. Когда егеря Багратиона завязали перестрелку, дивизия Ферстера начала атаку позиции противника, но была отбита. Прибывший на место Суворов лично повел ее в атаку, которая завершилась успехом. Полк Велецкого преследовал неприятеля до селения Госпенталь⁹.

В это же время корпус Розенберга отбросил французов с горы Криспальт и вышел к Урзерну, у которого на следующий день соединился с Суворовым. В корпусе Розенберга сражался А.П. Мансуров. Отважный полковник во главе 300 охотников своего полка отличился в этот день, 14 сентября, при штурме Урзернского прохода и отчаянном бое за Чертов мост. 15 сентября корпус Розенберга разбил французов у д. Альтдорф. Полк Мансурова перешел в арьергард. 16 сентября он участвовал в отбитии нападения французов.

Дивизия Ферстера вошла в состав корпуса Розенберга, прикрывая в Муттенской долине переход войск через гору Брагель к Гларису. Часть войск во главе с Суворовым перешла через гору и атаковала противника. Здесь, в авангарде Багратиона, храбро сражался батальон Санаева. 19 сентября противник атаковал оставшиеся в долине русские войска Розенберга. В бою в Муттенской долине принимал участие полк Велецкого¹⁰. Четырехтысячный отряд русских войск выдержал атаку и, контратаковав, разгромил восьмитысячный отряд противника. В реляции Суворова Павлу I о походе в Швейцарию об этом бое сообщалось следующее:

«19-го поутру передовые с обеих сторон пикеты имели перестрелку. Пополудни в два часа неприятель, рассеяв своих тиральеров впереди, сделал атаку начально на пикеты, потом на стоявшую впереди роту егерей и далее на расположенные за монастырем наши войска. Маневры передовых войск, как-то: казаков и егерей заманили его и довели до последних; тут встречен

был он егерским полком Кашкина, мушкетерским Ребиндера и казачьими полками. Два часа продолжался жестокой огонь, и неприятель был сбит назад, но, получив подкрепление, наступил на нас паки с жестокостию по косограм с обеих флангов, почему и отряжены были от него на подкрепление прежних полки мушкетерские: Ферстера, Милорадовича и Белецкого, кои вместе и ударили на неприятеля выстрелами и штыками, испровергли его замыслы и прогнали верст за шесть от Мутенталю по дороге к Швицу. Казаки Денисова и Курнакова много тут споспешествовали; последний из них, поразив и пленив неприятеля на левом фланге, бросился чрез реку Мутген вброд и вплавь, опрокинул по горам и в лесу неприятеля, нашел на засевшего в каменьях, вытеснил его из-за оных спешенными казаками, действовал, где удобно, и конными. Первый же, Денисов, пробрался с левого флангу через лес и горы, гнал неприятеля, пока позволяло место. Генерал-лейтенант Ребиндер и генерал-майор Кашкин с своими полками, поражая неприятеля выстрелами и штыками, пленив довольно, отбили осьмифунтовую пушку, которая по заклепанию зарыта в землю, поелику тяжесть ее везти не позволяла. Генерал-лейтенант Ферстер, генерал-майоры: Милорадович и Белецкой, заняв нужные позиции, сразили неприятеля, гнездившегося в лесу и над рекою; гнали его чрез шесть верст к Швицу, действуя выстрелами и штыками»¹¹. После сражения русские войска отошли на прежние позиции. Полк Велецкого с казаками был оставлен на аванпостах.

На следующий день русские войска отбили новую атаку французов. Полк Велецкого, находясь в сторожевых постах, встретил наступающих французов. Он имел общее указание не вступать в дело, а, отступая, заманивать противника на открытое место. Цепи полка Велецкого отстреливались, сменяя друг друга. За это время корпус Розенберга выстроился в две линии поперек долины, и при приближении противника полку Велецкого было дано указание: раздавшись на две части, быстро уходить на фланги боевой линии¹². Маневр был выполнен, и перед французами внезапно выросли стройные ряды русской пехоты. Они дали залп и ринулись в стремительную атаку, смяв противника и заставив его бежать с поля боя. Вновь, имея двойной перевес в силах, французы потерпели поражение.

В ночь на 24 сентября русские войска начали выдвижение к Иланцу через горный перевал. Это был последний большой

переход через горные вершины. Французские войска пытались преследовать ускользавшего о них Суворова. В этих условиях авангард Багратиона стал арьергардом, сдерживая преследовавшего русские войска противника. Замыкавший отряд русских войск полк Велецкого был направлен на поддержку штыками арьергарда в бою 24 сентября.

При возвращении в Россию полк находился в дивизии генерал-лейтенанта Я.И. Повало-Швейковского в корпусе генерала от кавалерии В.Х. Дерфельдена. За поход шеф полка генерал-майор Велецкий получил орден Св. Анны 1 класса. В Швейцарском походе полк потерял двоих офицеров убитыми (капитана Услара и прапорщика Молошникова) и пятерых ранеными¹³. Численные потери полка и сводно-гренадерского батальона таковы: батальон Санаева на 1 сентября имел в своем составе 9 офицеров, 317 нижних чинов, а на 1 октября — 8 офицеров 143 нижних чина. Убитыми, умершими и пропавшими без вести числилось в сентябре в батальоне 118 нижних чинов. В полку Велецкого на 1 октября были: 31 офицер, 557 нижних чинов. Погибло в Альпах 2 офицера и 284 нижних чина¹⁴. В основном потери были за 19–20 (бои в Муттенской долине) и 24 (поддержка арьергарда) сентября. Таким образом, потери полка за 16 дней Швейцарского похода составили 48,5 % (убитые, раненые, пропавшие без вести). Это почти в два раза больше потерь Итальянской кампании.

Анализ участия полка Велецкого в боевых действиях в ходе Швейцарского похода показывает, что его личный состав имел высокий уровень выучки. Полк участвовал в фронтальных атаках и перестрелках, выполнял роль легкой пехоты прикрывая аванпостной службой расположение корпуса, в том числе ночью, имел опыт содержания егерских цепей (бой в Муттенской долине 20 сентября). Нижние чины и офицеры могли быстро осуществлять перестроения, вплоть до побатальонного разделения полка на фланги боевой линии всего корпуса, как это произошло при заманивании французов в Муттенской долине, а затем участвовать в преследовании отступающего противника штыками. Бой 24 сентября показывает, что полк, находясь на марше, мог в короткое время развернуться назад, перестроиться из походной колонны в условиях гор в боевую линию и атаковать штыками противника.

Такой уровень боевой подготовки и физической выносливости нижние чины и офицеры полка приобрели задолго до начала

Итальянской кампании. Ее корни уходят в конец 80-х — первую половину 90-х гг. XVIII в., в период создания и несения службы на пограничной линии Оренбургских полевых батальонов, т. е. в екатерининскую эпоху. Данный пример показывает, что представление о том, что в последней трети XVIII в. только армия имела высокую выучку, а части, находившиеся в провинции и в отдаленных гарнизонах, представляли собой собрание инвалидов, штрафников и неопытных недорослей, неверно. При всех известных недостатках в организации службы армейские части независимо от места квартирования были готовы к походам и военным действиям.

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 478. Оп. 1. Д. 351. Л. 1 об.

² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 1. Л. 87, 88.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т. XXV. № 18580.

⁵ Там же. № 18701.

⁶ Генералиссимус Суворов. Сборник документов и материалов / Под ред. Н.М. Коробкова. М.: ОГИЗ, 1947. С. 295, 296.

⁷ Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году. СПб.: Типография штаба военно-учебных заведений, 1853. Т. 4. Ч. VI. С. 249.

⁸ Дневник Н.А. Грязева «Мой журнал». Швейцарский поход 1799 года / Сост. Е.М. Тарханова, Юрг Штюсси-Лаутербург. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2013. С. 31, 32.

⁹ Жизнь и военные деяния генералиссимуса, князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского / Пер. с нем. М.: Университетская типография, 1800. С. 239.

¹⁰ Там же. С. 244, 261.

¹¹ Суворов А.В. Документы / Под ред. Г.П. Мещерякова. М.: Воениздат, 1953. Т. IV. 1799–1800. С. 352–357.

¹² Милютин Д.А. Указ. соч. С. 142.

¹³ Там же. С. 332–334.

¹⁴ Там же. С. 336.

Е.А. Родионов (Гатчина)

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОХОТНИЧЬЕ ОРУЖИЕ ЧЕХИИ И СИЛЕЗИИ XVII ВЕКА В КОЛЛЕКЦИИ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ

В СОБРАНИИ ГАТЧИНСКОГО дворца-музея находится более 40 единиц огнестрельного оружия, изготовленного на территории современной Чехии в XVII–XVIII вв., из них предметы, датируемые концом XVII — первой половиной XVIII в., рассматривались в статье, опубликованной в материалах прошлой конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы»¹; в этом дополняющем ее обзоре уделяется внимание оружию, произведенному на территории Чехии и Силезии в предшествующий период, со второй четверти до конца XVII в.

Говоря о традициях оружейников Чехии в XVII в., неизбежно приходится констатировать, что они находились под сильным германским влиянием. Причины этого были многообразны. Еще король Пржемысл Отокар II (1253–1278) брал на службу большое количество немцев, а дальнейшие события: вхождение территории Чехии в состав империи Габсбургов в 1526 г., подавление сословного восстания в Праге в 1547 г., проводимая имперским правительством политика рекаатолизации, перенесение императорской резиденции в Прагу при Рудольфе II в 1583 г., и, наконец, репрессии против чешского (прежде всего протестантского) населения после поражения антигабсбургского восстания сословий в 1618–1620 гг., — привели к ощутимому снижению политического и культурного значения собственно чехов в пользу выходцев из южнонемецких и австрийских земель. Немцы-католики активно селились в городах, вступали в местные ремесленные корпорации, их лучшие произведения должны были удовлетворять вкусам властной элиты, тоже, как правило,

германского происхождения, а ученики могли осваивать профессию в других городах империи (чаще это была Вена). Что касается производства охотничьего оружия, то здесь дополнительную роль играли природные условия, для которых это оружие предназначалось: на крупного зверя, в изобилии водившегося в многочисленных лесах Чехии, лучше всего подходил рассчитанный на стрельбу массивной пулей штуцер с нарезным стволом и колесным замком, бывший излюбленной продукцией германских мастеров XVI–XVII вв. В результате охотничье оружие, изготовленное в мастерских большинства чешских городов в рассматриваемый период (XVII в.), существенно не отличается от южнонемецкого либо австрийского ни конструктивно, ни по декору. Впрочем, в некоторых центрах оружейного производства на территории Чехии удалось сохранить или, напротив, выработать свой собственный стиль, о чем будет сказано отдельно, а вначале обратимся к оружию из коллекции Гатчинского дворца, изготовленному в столице Чехии, Праге.

Одним из наиболее известных пражских мастеров второй половины XVII в. является Иоганн (Ханс) Штифтер. Первое упоминание о нем относится к драматичному эпизоду 1648 г., когда, в завершении Тридцатилетней войны, шведская армия попыталась внезапной атакой захватить Прагу. Ее западный район, Мала Страна вместе с Пражским Градом, был взят легко, но большую часть города его жители смогли отстоять. Иоганн Штифтер вместе с членами пражского стрелкового братства занимал важную позицию на Стрелецком острове и впоследствии назывался в числе наиболее отличившихся в бою 28 июля. Вскоре после войны он числился мастером, в 1653 г. стал совладельцем дома и старшим цеха, выполнял заказы имперского двора, а в 1665 г. осуществил поставку для курфюрста Саксонии². Высокопоставленные покупатели явно были довольны качеством продукции: в европейских музейных собраниях сохранилось достаточно много оружия, выпущенного мастерской Штифтера с 1648 по 1688 г., а надпись на крышке пенала одного из его штуцеров в коллекции Музея военной истории и оружия в Копенгагене (Tøjhusmuseet) сообщает, что его владелец Антон Гюнтер, граф Ольденбурга и Дельменхорста (1583–1667), убил из него 381 зайца, 264 козы, 252 кабана, 162 оленя и 142 прочего зверя³.

В Гатчинском дворце есть восемь колесных штуцеров, чьи стволы подписаны Иоганном Штифтером⁴. Поскольку

конструктивно они совершенно стандартны для своего времени и региона (восьмигранный нарезной ствол, колесный замок, ложка с прикладом аркебузного типа), обратим внимание лишь на те из них, которые выделяются своим оформлением.

Примечателен декор штуцера инв. № ГДМ-933-IX (на стволе помимо подписи и клейма мастера есть дата «1678»), иллюстрирующий все многообразие сюжетов, которые могли соседствовать на одном предмете. На костяной крышке пенала гравированное изображение львов, над нею инкрустацией костью выполнен эпизод охоты на кабана, на замочной доске гравирована сцена охоты на оленя (подпись неизвестного гравера с инициалами M.Z. — «M.Z. Sculpsit» — находится под курковой пружиной). На левой стороне ложи тематика инкрустированных костью изображений меняется: на щеке приклада показан Моисей, снимающий обувь, в то время как из горящего куста к нему обращается бог; внизу гравированная надпись, указывающая на соответствующее место из Ветхого Завета «ЕХОЗ С.V 4» (Книга Исход 3:4,5: «Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я! И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая»). У замочных винтов изображены два медведя, терзающие людей, и старик в длинной одежде. Здесь, очевидно, другой сюжет из Ветхого Завета, о пророке Елисее («И пошел он [Елисей] оттуда в Вефиль. Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города и насмеялись над ним и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка» (Четвертая книга Царств, 2: 23, 24). Автор инкрустации также постарался пояснить изображение надписью «in Bûgder Kenigeam 2 с», которую, по-видимому, можно трактовать как «в Книге Царств, 2» (ил. 1). Дополняет декор изображение на нижней стороне ложи перед спусковой скобой обнаженной богини Фортуны на шаре с парусом в руке (так называемая *Fortuna Marina*, морская Фортуна).

Одного из предыдущих владельцев штуцера инв. № ГДМ-471-IX можно установить по гравированному изображению герба на его замочной доске (ил. 2). Разделенный начетверо щит, чьи первая и четвертая четверти пересечены, а во второй и третьей коронованный орел в перевязь, несомненно, указывает

Ил. 1. Колесный штуцер. Чехия, Прага, мастер Иоганн Штифтер, 1678 г. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-933-IX

Ил. 2. Замочная доска колесного штуцера с гербом графа Кристофа Фердинанда Попеля Лобковича (1614–1658). Чехия, Прага, мастер Иоганн Штифтер, 1650-е гг. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-471-IX

на принадлежность герба могущественному, существующему и поныне роду Лобковичей (варианты — Лобкович, Лобковиц, нем. Lobkowitz, чеш. Lobkovicové), а открытая корона над щитом позволяет уточнить, что его хозяин относился к боковой ветви рода, графам Лобковичам из Билины. Над гербом есть также аббревиатура из литер «C.F.P.V.L.», которая, как кажется, относится к Кристофу Фердинанду Попелю Лобковичу (1614–1658), (чеш. Kryštof Ferdinand Popel z Lobkowicz), имперскому тайному советнику и камергеру, проректору пражского университета, правителю герцогства Глогау, наместнику Силезии, главному придворному судье с 1650 по 1651 г. и гофмейстеру с 1651 по 1658 г. Впрочем, несмотря на столь солидное общественное положение, граф

Кристоф Фердинанд остался в истории Чехии скорее как сын своей матери, Бенигны Екатерины Лобкович (Benigna Kateřina

z Lobkowicz, 1594–1653), основательницы одной из главных святынь и нынешних достопримечательностей чешской столицы — Пражской Лореты (изначально — копия хижины Девы Марии из итальянского города Лорето, ныне комплекс из нескольких церковных зданий). На территории Лореты был похоронен и сам предполагаемый владелец рассматриваемого штуцера Кристоф Фердинанд Попель Лобкович.

Отметим также колесный штуцер инв. № ГДМ-620-IX. Его совершенно обычный по форме нарезной восьмигранный ствол отлит из бронзы, затравочное отверстие отделано железом, а на верхней грани есть только подпись мастера (Johann Stiffter Prag 1664), но нет личного клейма, как на других его стволах из гатчинской коллекции.

Наконец, стволом, изготовленным Иоганном Штифтером в 1678 г., снабжен колесный штуцер инв. № ГДМ-39-IX, изготовленный не ранее 1730-х гг., что видно по характеру резьбы и инкрустации на ложе и, в особенности, по гравированной на замочной доске сцене охоты на кабана, основой для которой послужила гравюра Иоганна Элиаса Ридингера (1698–1767). Еще один ствол с подписью и клеймом Иоганна Штифтера и датой «1676» установлен на кремневом штуцере середины XVIII в., инв. № ГДМ-478-IX, с замком, подписанным мастером Г. Мёллером из саксонского города Циттау.

Помимо Праги развитое оружейное производство существовало и в других городах Чехии, среди которых особенно выделяется находящийся на западе, недалеко от границы с Германией, Эгер (ныне Хеб). Во второй половине XVII в. одной из статей дохода города, значительно пострадавшего в ходе Тридцатилетней войны, стало производство украшенного оружия, рассчитанного на состоятельного покупателя. Не имея конструктивных особенностей, изготовленные в Эгере колесные штуцеры отличались очень узнаваемым декором. Все детали замков, участки на стволе и спусковой скобе могли покрываться гравированным цветочным орнаментом, иногда включавшим фигуры людей или животных, ножки и шпоры курков нередко делались ажурными, также ажурным мог делаться щиток над колесиком. Если источник подобного оформления металлических частей стоит искать в соседних германских областях — Баварии и Саксонии⁵, то украшение ложи глубокой резьбой, по-видимому, имеет местные корни: в Эгере с конца XVI в. было развито производство дорогой мебели,

а также различных шкатулок и ящичков, плоские поверхности которых инкрустировались деревянными панелями с изображениями, выполненными в высоком рельефе. Эту технику переняли и эгерские оружейники, которым часто не приходилось выдумывать новые сюжеты: изображаемые на предметах мебели и пр. резные цветы, животные и сцены охоты отлично подходили и для украшения ружейных лож. Период расцвета производства такого оружия в Эгере определяется примерно с 1665 по 1680-е гг., после чего на первое место по доходности для горожан вышла торговля местной минеральной водой⁶.

Самым известным оружейником Эгера можно считать Ханса Кейнера, штуцеры из его мастерской сохранились до наших дней в значительном количестве. О самом мастере информации очень мало: в 1656 г. в документах упоминается о его свадьбе, с 1659 по 1672 — рождение детей, на одном из изготовленных им стволов есть дата 1677 г.⁷ В коллекции Гатчинского дворца хранятся четыре колесных штуцера и нарезное ружье, чьи стволы подписаны Хансом Кейнером, хорошо иллюстрирующие различные варианты эгерского стиля украшения оружия⁸.

Колесное нарезное ружье (канал ствола имеет шесть прямых нарезов) инв. № ГДМ-473-IX не имеет декора, если не считать ажурный курок с гравированным изображением рыб, на его эгерское происхождение указывает только подпись на стволе. У штуцера инв. № ГДМ-542-IX ложа также не украшена, но на деталях замка декор есть: в технике гравировки на выбранном фоне на замочной доске среди крупных цветов показаны бегущий олень и две собаки, а на курке и уздечке курка цветы и фантастические рыбы, причем проработка изображений на двух последних деталях заметно более изящная и тщательная. Очевидно, над замком работали разные мастера. У составляющей гарнитур пары штуцеров инв. № ГДМ-757-IX и ГДМ-371-IX ложи, за исключением цевья, покрыты достаточно крупными резными изображениями сцен охоты и различных животных: у штуцера инв. № ГДМ-757-IX на щеке приклада мы видим охотника, стреляющего в кабана, преследуемого собаками, у штуцера инв. № ГДМ-371-IX — такой же эпизод, но вместо кабана медведь (ил. 3, 4). Замки украшены однотипно: над колесиками выступающий миндалевидный ажурный щиток, что тоже очень характерно для работ эгерских оружейников, вокруг щитка гравированные знамена и орудийные стволы, на остальной части замочной доски, а также на ажурном

Ил. 3. Колесный штуцер. Чехия, Эгер, мастер Ханс Кейнер, 1660–1670-е гг. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-371-IX

Ил. 4. Резной декор ложи колесного штуцера инв. № ГДМ-371-IX

курке и уже упомянутом щитке над колесиком цветочный орнамент (замки различаются между собой его деталями). Штуцер инв. № ГДМ-40-IX украшен еще богаче: его ложа вся, включая цевье, покрыта резными композициями, большая часть которых посвящена охоте, на крышке пенала изображен античный воин, а на щеке приклада — кавалерийская схватка (ил. 5); также замочные личинки дополнены кастами с кусочками цветного стекла и кварца, а замочная доска покрыта гравированным цветочным орнаментом с включением фантастических животных.

Наконец, обратим внимание на колесный штуцер инв. № ГДМ-999-IX, на деталях которого нет подписей или клейм, но декор не оставляет сомнений в его эгерском происхождении. В отличие от предыдущих, ложа данного штуцера не только сплошь украшена резьбой на охотничьи сюжеты, но и инкрустирована резными

Ил. 5. Щека приклада колесного штуцера. Чехия, Эгер, мастер Ханс Кейнер, 1660–1670-е гг. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-40-IX

деревянными вставками на прикладе, крышке пенала и перед спусковой скобой (к сожалению, самая крупная вставка на щеке приклада утрачена). На замочной доске вокруг оси колесика гравированное изображение имперского двуглавого орла с мечом, скипетром и державой в лапах; на остальной части замочной доски, спусковой скобе и трех участках на стволе характерный гравированный цветочный орнамент.

Еще меньше сведений, чем о Хансе Кейнере, дошло до нас об эгерском мастере Кристофе Кейнере, который, предположительно, был его сыном. Известно, что около 1679 г. он прибыл из Эгера в Вену на учебу, впоследствии упоминался в 1686–1715 гг.⁹ Изготовленного им оружия сохранилось тоже немного, в гатчинском собрании находится лишь один колесный штуцер с подписанным стволом (Christoph Keinerin Eger) инв. № ГДМ-364-IX, зато он примечателен как по конструкции, так и по декору. Штуцер рассчитан на накладной заряд: в казенной части ствола два затравочных отверстия, напротив них в ствол помещаются последовательно два заряда с пулями, отделенными друг от друга плотными пыжами, и при стрельбе воспламеняется заряд, ближний к дулу, а потом, когда стрелку будет нужно, следующий. Соответственно, колесный замок имеет почти вдвое большую, по сравнению с обычным, длину доски, два симметрично расположенных колесика, две затравочные полки и два курка¹⁰. Все детали замка украшены гравированными изображениями: на замочной доске и прикрывающих колесики кожухах сельский пейзаж, на фоне которого

Ил. 6. Штуцер с двойным колесным замком под накладной заряд. Чехия, Эгер, мастер Кристоф Кейнер, конец XVII в. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-364-IX

батальная и охотничьи сцены; на щитке, прикрывающем правую курковую пружину, сцена псовой охоты на оленей, на щитке, прикрывающем левую курковую пружину, богиня Диана с оленем и собаками, на левой уздечке курка античный воин на фоне военных трофеев. Курки ажурные, украшенные гравированными изображениями: на правом курке святой Георгий и драконы, на левом — обнаженная женщина, олень и дракон (ил. 6).

Самое удивительное в этом замке то, что его внутренние детали также украшены гравированными изображениями, которые невозможно увидеть, если не отделить замок от ложи. На фиксирующей конец оси переднего колесика уздечке, которая настолько обширна, что целиком закрывает боевую пружину, показан конный охотник с кортиком в руке и собака, преследующие оленя на фоне сельского пейзажа с замками. На имеющей привычные размеры уздечке, фиксирующей конец оси заднего колесика, гравирован цветочный орнамент, типичный для стиля эгерских оружейников, также на некоторых мелких деталях на внутренней стороне замка есть гравированный растительный орнамент (ил. 7).

Гравированным цветочным орнаментом украшен также небольшой участок в казенной части ствола, ложа не резная, а инкрустирована костяными фигурными вставками, из которых особенно выделяются изображенные на щеке приклада два грифона, сражающиеся на двуручных мечах.

Особое место в развитии оружейного дела Восточной Европы занимает продукция мастеров из города Тешин из исторической

Ил. 7. Внутренняя сторона колесного замка штуцера инв. № ГДМ-364-IX

области Силезия, которая на протяжении столетий полностью или частично находилась под контролем то польского короля, то чешского, то Австро-Венгерской империи, то Пруссии, то Чехословакии, то Польши. Ныне город Тешин разделен между Польшей и Чехией (бывшие его части называются, соответственно, Цешин и Чешский Тешин), и трудившихся в нем мастеров считают «своими» как чешские любители и исследователи старинного оружия, так и польские.

Характерной чертой стиля силезских оружейников в рассматриваемое время было украшение лож обильной инкрустацией, гравированными вставками из кости, рога и перламутра в виде грубовато выполненных фигур реальных и мифологических людей и животных, а также очень тонких извилистых полосок и кружочков различной величины, часто очень мелких.

Помимо декора, силезские мастера прославились изготовлением специфического только для них оружия — традиционных топориков, совмещенных с кремневыми пистолетами (так называемых фокош, *fokoš*), и колесных штуцеров, называемых по основному месту производства — городу Тешину (в русской традиции — чинками, пол. *Cieszynka*, чеш. *Těšinka*, нем. *Teschinka*, англ. *Tschinke*). Поскольку фокошей в гатчинской коллекции, к сожалению, нет, сосредоточим свое внимание только на штуцерах-чинках, которые представлены тремя экземплярами¹¹.

Стволы чинок восьмигранные по всей длине, с толстыми стенками и нарезным, небольшого калибра каналом (в канале ствола чинки инв. № ГДМ-957-IX шесть нарезов, в каналах стволов чинок инв. № ГДМ-961-IX и ГДМ-984-IX по восемь). Прицел может быть как открытым, в виде небольшого щитка с зарубкой (как у чинок инв. № ГДМ-957-IX и ГДМ-961-IX), так и закрытым, где такой щиток расположен внутри короткой трубки

(у чинки инв. № ГДМ-961-IX). Характерный декор мы можем видеть на стволах чинок № ГДМ-961-IX и ГДМ-984-IX: сами стволы вороненые, на трех участках — в середине ствола и у дульного и казенного срезов, включая хвостовик казенника, — стилизованный растительный орнамент, выполненный в виде резных завитков на золоченом фоне и точек, составляющих завитки, на основном вороненом фоне. Нередко стволы чинок вообще не имеют декора, как у инв. № ГДМ-957-IX (если не считать латунной полоски поверх хвостовика казенника с гравированным плетеным орнаментом). В казенной части ствола могут быть нанесены инициалы мастера: у чинки инв. № ГДМ-957-IX это литеры «IK» в рамке, которые трудно атрибутировать с уверенностью (к ним подходят сразу несколько тешинских оружейников XVII в. — Ян Калюза, Якуб Каливода и два разных Яна Каливоды¹²). У чинок инв. № ГДМ-961-IX и ГДМ-984-IX на верхних боковых гранях стволов выбиты литеры «P K», относящиеся к Павлу Каливоде¹³, о котором известно, что он был сыном оружейника Яна Каливоды, женился, стал мастером и гражданином города в 1650 г., в 1653 г. купил дом, а с 1656 по 1670 г. у него родилось четверо детей; в 1662 г. он стал мастером цеха, упоминается до 1672 г.¹⁴ Такие же клейма можно найти на стволах пары колесных пистолетов из коллекции замка Конопиште в Чехии¹⁵ и чинки из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи¹⁶ (ил. 8). Стволы от чинок, конечно, как и любые другие достаточно качественные стволы, могли использоваться и значительно позже. Так, простой, не имеющий декора кремневый штуцер инв. № ГДМ-404-IX, изготовленный по-видимому, на территории Германии в 1-й четверти XVIII в., снабжен стволом явно тешинского происхождения (на это указывает стилизованный резной растительный орнамент на золоченом фоне на трех участках вороненого ствола и закрытый прицел).

Ложа чинки имеет цевье во всю длину ствола, тонкую изогнутую шейку, переходящую в небольшой изящный приклад аркебузного типа, с широкой щекой на левой стороне, скошенной задней стороной, усиленной у верхнего угла железным шариком, и небольшим пеналом на правой стороне. В европейской литературе при описании такого приклада часто использовалось французское определение *piéd-de-biche*, «нога лани». Как и в случае с классическим немецким колесным штуцером, при стрельбе из чинки приклад надо было не упирать в плечо, а держать выше, прижимаясь щекой к его

Ил. 8. Колесный штуцер-чинка. Силезия, Тешин, мастер Павел Каливода, 3-я четверть XVII в. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-961-IX

левой стороне. Ложи чинок богато украшены инкрустацией в вышеописанном стиле, отметим лишь, что вставки на ложе чинки инв. № ГДМ-957-IX более крупные и включают латунную проволоку, гвоздики и костяные пластинки, крашенные в зеленый цвет, в отличие от чинок инв. № ГДМ-961-IX и ГДМ-984-IX.

Самой характерной деталью чинки является ее колесный замок, в котором боевая пружина и ось колесика закреплены на внешней стороне замочной доски, что давало возможность при подгонке замка к ложе вырезать меньше дерева и делать шейку приклада тоньше и легче¹⁷ (ил. 9). Также на внутренней стороне замочной доски отсутствует пружина под рычагом шептала, поэтому, чтобы во время взведения боевой пружины конец рычага попал в выемку на внутренней стороне колесика и зафиксировал его, нужно нажать на кнопку, находящуюся между перьями боевой пружины. Подогнивная и большая часть боевой пружины закрыты щитками, чей декор соответствует декору замочной доски. У чинки инв. № ГДМ-957-IX щитки и замочная доска покрыты латунными листами с гравированным стилизованным растительным орнаментом и гротескными изображениями птиц и человеческих голов, у чинок инв. № ГДМ-961-IX и ГДМ-984-IX щитки и замочные доски золоченые, с чеканным стилизованным растительным орнаментом. Неприятной для исследователя особенностью колесных замков чинок является то, что, в отличие от стволов и даже ложей, на них практически не встречаются подписи или клейма мастеров.

Не пытаясь в рамках данной статьи углубляться в вопрос возникновения тешинской разновидности колесного замка,

Ил. 9. Колесный штуцер-чинка. Силезия, Тешин, 2-я четверть XVII в. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-957-IX

повторим звучавшее ранее наблюдение, что такая архаичная для XVII в. конструкция с внешней боевой пружиной имеет большое сходство с некоторыми ранними итальянскими колесными замками, как, например, на ружье XVI в. из Исторического национального музея артиллерии в Турине (инв. № 2716 — М.5)¹⁸. Учитывая, что первые упоминания о чинках относятся к 1580 г., а итальянское культурное влияние в то время было заметно среди польской и силезской властной элиты, полностью исключить возможность заимствования такого устройства замка в Италии нельзя. При этом предположение Л. Летошниковой о том, что чинки предназначались для перенятой из Италии и ранее неизвестной в Центральной Европе охоты на летящих птиц¹⁹, выглядит неубедительным: хоть ложа чинки и была несколько изящнее и легче, чем у обычных колесных штуцеров, но ее граненый ствол был все же достаточно массивен и не подходил для дробы, что, вместе с часто применяемым на чинках закрытым прицелом, должно было делать стрельбу по небольшой быстро движущейся цели крайне нерезультативной. Чинки, конечно, использовались для охоты на птиц (в документах того времени они упоминаются как «птичье ружье», нем. *Vogelröhr*), но неподвижных.

Несмотря на свой весьма репрезентативный вид, чинки стоили относительно недорого. По инвентарю арсенала императора Рудольфа II за 1619 г. они оценивались в 8 гульденов — примерно вдвое дешевле обычных колесных штуцеров придворного оружейника Максимилиана Венгера²⁰, что делало их доступными более широкому кругу покупателей. Росту известности чинок

Ил. 10. Пара колесных пистолетов. Силезия, Тешин (?), 2-я четверть XVII в. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-121-IX, ГДМ-122-IX

способствовала Тридцатилетняя война, особенно период с 1645 по 1647 г., когда Тешин был занят шведами и власти города неоднократно дарили шведским офицерам изготовленное в городе оружие. Привезенные в Швецию чинки не только в значительных количествах сохранились в местных музейных собраниях, но и повлияли на оружейное дело: в XVII в. шведские мастера стали производить малокалиберные штуцеры с ложами, почти в точности повторявшими форму ложек чинок с их характерными прикладами, но с кремнево-ударными замками и без силезского декора. В самом Тешине чинки практически без изменений выпускались до начала XVIII в.

Помимо фокошей и чинок, тешинские мастера изготавливали оружие совершенно обычных для соседних областей форм и конструкций, как пара колесных пистолетов из коллекции Гатчинского дворца инв. № ГДМ-122-IX, ГДМ-123-IX, которые можно датировать второй четвертью XVII в. (ил. 10). Подписей или клейм на их деталях нет, но на тешинское происхождение указывает инкрустация ложи костяными и перламутровыми вставками в виде фигур различных зверей в окружении полосок и кружочков и гравированный стилизованный растительный орнамент в дульной, казенной и средней части ствола.

¹ Родионов Е.А. Огнестрельное охотничье оружие Чехии конца XVII — первой половины XVIII века в коллекции Гатчинского дворца-музея // Война и оружие.

Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции. СПб., 2017. Ч. IV. С. 92–106.

² Dolínek Vladimír. *Čeští puškaři*. Praha, 2005. S. 82; Heer Eugène. *Der Neue Stöckel. Internationales Lexikon der Büchsenmacher, Handfeuerwaffen-Fabrikanten und Armburstmacher von 1400–1900*. Bd. 2. Schwäbisch Hall, 1979. S. 1224.

³ Hayward J.F. *The Art of the Gunmaker*. Vol. 2. L., 1963. P. 125.

⁴ Инв. № ГДМ-370-IX, ГДМ-471-IX, ГДМ-440-IX, ГДМ-620-IX, ГДМ-927-IX, ГДМ-39-IX, ГДМ-933-IX, ГДМ-478-IX.

⁵ В качестве примера можно привести колесный штуцер с идентичным эгерскому цветочным орнаментом на замке, изготовленный Андреасом Прантнером в Регенсбурге в 1675 г., хранится в музее Виктории и Альберта, инв. № XII.57 (Graeme Rimer. *Wheellock Firearms of the Royal Armouries*. Leeds, 2001. P. 55). Л. Летошникова предполагает одним из возможных источников эгерского цветочного орнамента работы дрезденского оружейника Бальтазара Херольда (Letošníková Ludiše. *Lovecké zbraně v Čechach*. Praha, 1980. S. 71).

⁶ Letošníková Ludiše. *Lovecké zbraně v Čechach*. S. 71–74.

⁷ Dolínek Vladimír. *Čeští puškaři*. S. 46.

⁸ Колесные штуцеры инв. № ГДМ-757-IX, ГДМ-371-IX, ГДМ-542-IX, ГДМ-40-IX и колесное нарезное ружье инв. № ГДМ-473-IX. На стволе штуцера инв. № ГДМ-40-IX гравированная аббревиатура «НКЕ», которую можно истолковать как «Hans Keiner Eger», стволы остальных штуцеров и нарезного ружья подписаны одинаково «Hans Keiner E», причем заглавная буква в фамилии «Keiner» написана так, что ее можно трактовать как «R», что дает фамилию «Reiner». Подобные подписи встречаются не только на оружии из Гатчинской коллекции, в результате чего в книге Л. Летошниковой (Letošníková Ludiše. *Lovecké zbraně v Čechach*. Praha, 1980) некоторые предметы оружия атрибутируются как работа Ханса Рейнера под вопросом. Однако биографических данных о чешском оружейнике Хансе Рейнере (в отличие от Ханса Кейнера) не найдено, так что кажется правомерным интерпретировать такое написание фамилии как «Кейнер».

⁹ Dolínek Vladimír. *Čeští puškaři*. S. 46.

¹⁰ Известно несколько вариантов конструкции оружия под накладной заряд, при этом количество зарядов могло быть больше двух.

¹¹ Инв. № ГДМ-957-IX, ГДМ-961-IX, ГДМ-984-IX.

¹² Dolínek Vladimír. *Čeští puškaři*. S. 45.

¹³ Heer Eugène. *Der Neue Stöckel*. S. 609. Клеймо № 4295.

¹⁴ Dolínek Vladimír. *Čeští puškaři*. S. 45.

¹⁵ Dolínek Vladimír. *Palné Zbraně*. Praha, 2008. S. 77, 78.

¹⁶ Ефимов С.В. *Европейская охота и охотничье оружие в XVI–XVIII веках*. СПб., 2012. С. 78. Штуцер инв. № 018/35; отметим, что инкрустированное на левой стороне приклада этого штуцера изображение святого Георгия, поражающего дракона, почти в точности такое же, как у чинок из коллекции Гатчинского дворца инв. № ГДМ-961-IX и ГДМ-984-IX, что также указывает на их общего изготовителя.

¹⁷ Периодически в литературе встречается определение, что все детали механизма колесного замка чинки монтировались на внешней стороне замочной доски, что некорректно.

¹⁸ Blackmore Howard L. *Guns and Rifles of the World*. London, 1965. Plate 86, 87.

¹⁹ Letošníková Ludiše. *Lovecké zbraně v Čechach*. S. 38–41.

²⁰ Там же. S. 35.

Л.П. Рудакова (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ РАДЫ — ДОЧЕРИ 35-ГО ПЕХОТНОГО БРЯНСКОГО ПОЛКА (ПО ДОКУМЕНТАМ НАУЧНОГО АРХИВА ВИМАИВиВС)

ПОБЕДА РОССИИ в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. принесла Болгарии не только свободу после почти пятивекового османского ига, но и увеличила ее территорию, размеры которой оказались поистине огромны: от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера. Победа была одержана в результате громадного напряжения физических, моральных и духовных сил офицеров и нижних чинов русской армии. Жестокость войны не убила в них чувства любви и сострадания, сердечности и доброты. И примеров гуманизма русской армии в период военных действий множество.

И один из них — это спасение и удочерение 35-м пехотным Брянским генерал-адъютанта князя Горчакова полком маленькой болгарской девочки, потерявшей родных во время войны. Случилось это в период обороны Шипкинского перевала. Защита Шипки стала одной из ярких и героических страниц в истории русского оружия, которая сыграла огромную роль в победе над Османской империей, открыв русским войскам самый короткий путь на Константинополь.

В начале августа 1877 г., в преддверии боев за Шипку, с юга через перевал потянулись вереницы болгарских беженцев, уходивших целыми семьями от приближавшихся турок. Русские войска, находившиеся на перевале, постоянно оказывали им помощь питанием и одеждой.

Борьба за Шипку началась 9 августа, когда 28-тысячный турецкий корпус Сулейман-паши сосредоточился против малочисленного отряда генерал-майора Н.Г. Столетова. Защитников перевала было всего четыре тысячи человек: 36-й Орловский пехотный

Ил. 1. Александр Попов. Защита «Орлиного гнезда». 1893 г.
ВИМАИВиВС | ИФ 3/1538

полк, пять болгарских дружин и 27 артиллерийских орудий. Вскоре к ним на помощь прибыл 35-й пехотный Брянский полк. В течение шестидневных кровопролитных боев на Шипке русские потеряли более 3,5 тысяч человек, в том числе и 500 болгарских воинов, но сумели отстоять перевал. Турецкие потери были еще выше — до 8 тысяч. Со второй половины августа, измотанные непрерывными боями, русские и турецкие войска отказались от активных действий и сосредоточились на укреплении позиций.

Суровым испытанием для русских полков, оборонявших перевал, стали погодные условия. Наиболее тяжелый период пришелся на ноябрь и декабрь 1877 г. Вот как вспоминал об этих событиях В.К. Манштейн, служивший в 35-м пехотном Брянском полку: «Что мы выстрадали и пережили в конце ноября и весь декабрь на позиции «Орлиное гнездо», не поддается никакому описанию: умирали десятками, замерзая от холода, сотнями становились инвалидами, отмораживая руки, пальцы ног. За полтора месяца от переохлаждения вымерли целых три полка 24 дивизии. До сих пор у меня мурашки по телу от воспоминаний того ада — пронизывающий ветер, гололед и метель»¹ (ил. 1).

Последним актом обороны Шипкинского перевала стало сражение при Шейново 26–28 декабря 1877 г. (9–10 января 1878 г. по новому стилю), в результате которого Вессель-паша, командовавший турецкими войсками, отдал приказ о капитуляции.

Ил. 2. Эдуард Гаврилович Эллерс. Конец 1850-х — начало 1860-х гг. Фотокопия. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52Р. Оп. 2. Д. 12. Л. 1

После сражения при Шейново на Шипке воцарилось спокойствие. Только бесконечные потоки болгарских беженцев, бредущих группами и в одиночку, возвращались через перевал в долину реки Тунджа. «Невозможно было сдерживать слезы: шли сгорбленные старики и старушки с детьми и даже грудными. Все тощие, как скелеты, прожившие около полугода в землянках и пещерах в голоде и холоде. Узнав, что турок больше нет, они спешили через перевал в родные места, где родились и выросли, где трудились и умирали их деды, отцы, матери»².

В один из таких январских дней 1878 г. на Шипкинском перевале была найдена маленькая болгарская девочка, и если бы не помощь

русского солдата, то она, без сомнения, стала бы одной из жертв этой кровавой войны.

В научном архиве ВИМАИВиВС хранится свидетельство (заверенная копия), излагающая обстоятельства, при которых унтер-офицером 35-го пехотного Брянского полка Григорием Дмитриевичем Щербиною была обнаружена замерзавшая в сугробе малышка лет семи по имени Рада. Из ее рассказа о семье стало известно, что имя матери Валевица, а отца турки зарезали еще в 1877 г. Она вместе с братьями и сестрами ехала куда-то и, очевидно, сонная незаметно выпала с воза, а вернуться за ней родные не смогли³.

О найденной девочке сообщили командиру полка полковнику Эдуарду Гавриловичу Эллерсу⁴, принявшему самое горячее участие в дальнейшей судьбе Рады (ил. 2). Он передал ее в заботливые руки своей младшей сестры баронессы Леониды Гавриловны Бойе, которая служила фронтовой сестрой милосердия (ил. 3), и стал разыскивать родных и близких маленькой болгарки. Но до конца войны никто не объявился, вероятно, родные сочли ее погибшей. Тогда было принято решение считать девочку дочерью 35-го

пехотного Брянского генерал-адъютанта князя Горчакова полка и отчислять ежегодно из офицерского жалования по 1 рублю, а из солдатского — по 1 копейке на приданное для Рады. Ей была присвоена фамилия Брянская, а отчество — по имени командира полка — Эдуардовна. Ко дню ее совершеннолетия эти взносы составили значительную сумму — более трех тысяч рублей.⁵ Окруженная всеобщей заботой и вниманием, девочка прошла вместе с полком весь оставшийся победный боевой путь через Казанлык, Стару Загору, Опан и до Сан-Стефано. После заключения Сан-Стефанского мирного договора Э.Г. Эллерс был назначен на новую должность в Генеральный штаб. Взяв Раду на свое полное иждивение и попечительство, он вместе с ней выехал в Санкт-Петербург⁶.

Эдуард Гаврилович не был женат и проживал в столице вместе с семьей своей сестры Елизаветы Гавриловны Дрешер, которая служила классной наставницей в частной женской гимназии княгини А.А. Оболенской (ил. 4). Рада росла и воспитывалась вместе с Алиной, дочерью Елизаветы Дрешер, и ее начальные годы обучения проходили в частной женской гимназии Оболенской⁷.

Ил. 3. Баронесса Леонида Гавриловна Бойе, младшая сестра Э.Г. Эллерса. 1878 г. Фотокопия. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52Р. Оп. 2. Д. 13. Л. 1

Ил. 4. Елизавета Гавриловна Дрешер, старшая сестра Э.Г. Эллера. Санкт-Петербург [1882 г.] Фотокопия. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52Р. Оп. 2. Д. 13. Л. 3

Ил. 5. Рада Брянская и Алина Дрешер. Харьков. 1887 г. Фотокопия. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52Р. Оп. 2. Д. 13. Л. 4

В 1884 г. генерал-майор Эллерс, получив новое назначение на вышестоящую должность, уехал в Харьков. Его сестра Елизавета Гавриловна, которая к тому времени была уже вдовой, переехала к нему вместе с Радой и Алиной на постоянное место жительства (ил. 5). Рада продолжила учебу в харьковской Мариинской женской гимназии, которую успешно закончила в 1890 г.⁸ (ил. 6, 7). Э.Г. Эллерс был очень привязан к своей воспитаннице, любил ее всем сердцем и заботился о ней. Об этом свидетельствуют его письма к сестрам. Например, из Киева 2 мая 1889 г., когда он собирался в отпуск на Кавказ и планировал взять с собой Раду: «Рада ничего не знает, но я боюсь ее экзальтировать такую радостью во время экзаменов, которые она заканчивает 31 мая. Девочка очень старается и хочет мне угодить, ну а каковы будут результаты, так судить ее не буду, действительно она трудится и старается по мере сил»⁹.

Ил. 6. Рада Брянская — гимназистка. 1888 г. Харьков. Фотограф Федецкий Альфред Константинович. Альбуминовый отпечаток. 10 × 6,5 см. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 2. Д. 14. Л. 1

Ил. 7. Рада Брянская после окончания гимназии. 1890 г. Харьков. Фотокопия. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 2. Д. 14. Л. 4

Пройдя через многотрудные испытания двумя войнами (Крымская 1854–1856 гг. и Русско-турецкая 1877–1878 гг.) генерал-лейтенант Э.Г. Эллерс, награжденный за воинскую доблесть золотым оружием «За храбрость», оказался к 56 годам совершенно больным, и увидеть Раду выпускницей гимназии ему не довелось. «А сам я руина, едва волочащая ноги. Так служить невозможно», — писал он сестре незадолго до смерти¹⁰.

По окончании харьковской женской Мариинской гимназии Рада переехала в Варшаву к младшей сестре Эллерса баронессе Л.Г. Бойе, которая была директрисой 2-й женской гимназии. Там Рада продолжила учебу, закончив дополнительно педагогический курс в этой гимназии¹¹ (ил. 8).

Ил. 8. Л.Г. Бойе и Рада Брянская в саду 2-й женской гимназии. 1891 г. Варшава. Ксерокопия. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52Р. Оп. 2. Д. 13. Л. 5

Независимо от того, где жила семья, Рада Брянская часто навещала полк, ставший ей родным. Ежегодно 6 августа она приезжала на полковой праздник в г. Кременчуг Полтавской губернии. Достигнув совершеннолетия, она как дочь полка в торжественной обстановке публично принесла присягу на верноподданство Российской империи с соблюдением всех необходимых ритуалов

и преподнесла в дар полку роскошный ковер собственной работы¹² (ил. 9).

В ноябре 1893 г. Рада вышла замуж на подпоручика 35-го пехотного Брянского полка Вячеслава Иосифовича Рудзинского¹³. Венчание молодых состоялось в полковой церкви, а свадебное застолье проходило в офицерском собрании, о чем свидетельствует бланк приглашения «почтить своим присутствием бракосочетание молодых и пожаловать на чашку чая»¹⁴.

Детей в семье Рады было семеро: двое сыновей и пять дочерей. По воспоминаниям потомков семьи Дрешер, Рада была очень добрым и жизнелюбивым человеком с сильным характером. После замужества, особенно в начале 1900-х гг., она частенько гостила у Е.Г. Дрешер, которая к тому времени переехала в Псков¹⁵.

В 1905 г. Рада из-за какой-то семейной драмы оставила мужа и переехала во Псков, где вскоре у нее родился младший сын Анатолий. После развода с В.И. Рудзинским к ней переехала ее старшая дочь Евгения. Несмотря на трудные обстоятельства жизни, Рада никогда не теряла чувства оптимизма. Получив достойное образование, с успехом работала в Акционерном управлении г. Пскова. Когда Дрешеры переехали в Петербург, Рада продолжала поддерживать дружественные отношения с членами этой семьи. Последняя их встреча состоялась в Петрограде в 1915 г.¹⁶ В архиве музея хранится карандашный рисунок (фотокопия), запечатлевший Радую Рудзинскую в 1915 г.¹⁷ (ил. 10). Возможно, это изображение было сделано кем-то из членов семьи Дрешер

Ил. 9. Рада Брянская в день совершеннолетия и принятия присяги. 1892 г. Кременчуг. Фотокопия. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 2. Д. 14. Л. 5

во время ее последнего приезда в Петроград.

Войны, революционные потрясения и гибель Российской империи развели Раду с семьей Дрешер. Много лет спустя, в 1960-е гг., дружеские отношения потомков семьи Дрешер с потомками Рады Рудзинской были восстановлены. Стало известно, что Рада Эдуардовна и ее старшая дочь Евгения погибли в блокадном Ленинграде в 1942 г. и похоронены на Пискаревском мемориальном кладбище. Оба ее сына, Всеволод и Анатолий, принимали участие в Великой Отечественной войне и были неоднократно отмечены наградами за боевые подвиги.

Так в России сложилась судьба маленькой болгарской девочки, потерянной родными на Шипкинском перевале в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и удочеренной 35-м пехотным Брянским полком.

Ил. 10. Карандашный набросок к портрету Рады Рудзинской. 1915 г. Фотокопия. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 2. Д. 14. Л. 7

¹ Манштейн В.К. Воспоминания русских ветеранов об Освободительной войне 1877–1878 гг. Союз русских ветеранов. София, 1929. С. 39.

² Там же. С. 48.

³ Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52Р. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.

⁴ Эллерс Эдуард Гаврилович (1833–1889), генерал-лейтенант, начальник штаба Киевского военного округа, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. происходил из дворян Нюландской губернии, сын врача, коллежского советника Г.И. Эллера. Начальное военное образование получил в Дворянском полку (Константиновское артиллерийское училище). Был выпущен в 1852 г. прапорщиком в 1-ю полевую артиллерийскую бригаду. Во время Восточной войны в 1855 г. находился в составе Балтийского корпуса, предназначенного для охраны берегов Лифляндии и Курляндии от возможных нападений соединенного англо-французского флота. В 1856 г. произведен в поручики. В 1858 г. поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую успешно закончил в 1860 г. В 1862 г. в чине штабс-капитана был прикомандирован к штабу 13-й пехотной дивизии. С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в составе войск авангарда армии под началом генерал-майора Радецкого, под непосредственным командованием генерал-майора Драгомирова перешел в ночь с 14 на 15 июня

Дунай у Зимницы, а затем участвовал в бою на Систовских высотах и при занятии Систова. Принимал участие в атаке Шипкинского перевала. 28 июля 1877 г. был назначен командиром 35-го Брянского пехотного полка и с августа находился на Шипкинской позиции, отражая многочисленные атаки турок. Брянский полк отличился на Шипке 11 августа, при обороне горы Св. Николая и 13 августа при штурме Лесной и Лысой горы. В 1878 г. полк под командованием полковника Э.Г. Эллера находился в Сан-Стефано, при заключении Сан-Стефанского мирного договора. За успешные действия полка при обороне Шипкинского перевала Эллерс 5 июня 1878 г. был произведен в генерал-майоры с зачислением в Генеральный штаб. По окончании войны был назначен начальником штаба 5-го армейского корпуса, а в феврале 1884 г. — начальником штаба Харьковского военного округа. В 1886 г. был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1888 г. назначен начальником штаба Киевского военного округа. Скончался в Киеве 21 декабря 1889 г. в возрасте 56 лет. Награды: орден Св. Анны 2-й ст., 1875 г.; Золотая сабля с надписью «За храбрость», 1877 г.; орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, 1877 г.; орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами, 1878 г.; орден Св. Станислава 1-й ст. с мечами, 1879 г.; орден Св. Анны 1-й ст., 1882 г.; орден Св. Владимира 2-й ст., 1883 г.; орден Белого орла, 1889 г.

⁵ Научный архив ВИМАИВиВС. НВФ. Раздел 1. Д. 90. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 52. Оп. 2. Д. 15. Л. 2.

⁷ Там же. НВФ. Раздел 1. Д. 88. Л. 2.

⁸ Там же. Ф. 52 Р. Оп. 2. Д. 15. Л. 5.

⁹ Там же. НВФ. Раздел 1. Д. 91. Л. 2 об.

¹⁰ Там же. Д. 90. Л. 2.

¹¹ Там же.

¹² Н. Дочь Брянского полка // Разведчик. 1894. № 178. С. 225.

¹³ Рудзинский В.И. в 1893 г. служил в 35-м пехотном Брянском полку. В 1909 г. он капитан, начальник Орловской конвойной команды Смоленской местной бригады. (Общий список офицерских чинов русской императорской армии. Составлен на 1 января 1909 г. СПб., 1909. Столб. 910.) В 1918 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии. Участник борьбы с басмачеством в Средней Азии, где и погиб в 1924 г.

¹⁴ Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 52Р. Оп. 2. Д. 16. Л. 7.

¹⁵ Там же. НВФ. Раздел 1. Д. 88. Л. 2.

¹⁶ Там же. Д. 90. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 52Р. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.

И.А. Сергиевский (Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ПРИЕМКИ НА ГОРНЫХ ЗАВОДАХ РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

К НАЧАЛУ XIX в. как такового постоянного и независимого института военной приемки в Российской империи не существовало. В то время для контроля качества и приемки военной продукции, изготавливаемой на казенных и частных горных заводах, на них откомандировывались офицеры-артиллеристы из довольствующихся или близлежащих с производством воинских частей. Их называли комиссионерами. Исполнение функций приемщиков продукции не входило в круг непосредственных обязанностей этих лиц, поэтому их подготовка оставляла желать лучшего. По мнению ряда исследователей, в то время контроль качества зачастую носил номинальный характер¹. Формально пребывание комиссионеров на горных заводах ограничивалось временем приема определенной партии изделия. Но, основываясь на архивных источниках, нам удалось установить, что ввиду слабого информирования комиссионеров о местах и времени запланированной сдачи заводской продукции, сопутствующих транспортных затруднений и прочих обстоятельств в некоторых случаях их пребывание «у приема» могло растягиваться на довольно длительный срок. Подобное положение дел способствовало получению отдельными приемщиками основательных навыков в работе.

Иной была система контроля качества и приемки военной продукции на оружейных заводах. Она осуществлялась заводскими приемщиками — старостами, выбранными из числа наиболее подготовленных мастеров сроком на один год. Они, в свою очередь, подчинялись надзирателю, который также избирался из мастеров и утверждался правительственным актом. В целом

ответственность за прием готовой продукции лежала на инспекторе завода, который подчинялся Оружейной канцелярии, осуществлявшей общее руководство конкретным оружейным заводом².

Основной продукцией горных заводов в то время были артиллерийские орудия, боеприпасы, холодное оружие и металл, который служил сырьем для других военных производств. Отметим, что если партия железа предназначалась для оружейных заводов, то эти предприятия направляли на Урал приемщиков из числа собственных служащих для приемки данной продукции. Это было обусловлено более строгими требованиями к качеству сырья, предназначавшегося для изготовления стрелкового оружия³.

К началу XIX в. стало наблюдаться общее снижение качества продукции на Уральских горных заводах. Эта тенденция, вероятнее всего, была результатом увеличения объемов и усложнения технологии производства предметов военного назначения. Возникла необходимость в ужесточении требований по контролю качества продукции и их более четкой юридической регламентации.

Ввиду подобного положения дел в марте 1804 г. император Александр I повелел создать специальную комиссию в составе военного министра С.К. Вязмитинова, инспектора всей артиллерии А.А. Аракчеева, министра финансов А.И. Васильева, морского министра П.В. Чичагова и главного начальника Гороблагодатских, Пермских и Камских горных заводов А.Ф. Дерябина для разработки «твердого и неперменного положения для пробы и приема» всех видов продукции горных заводов⁴.

Результатом деятельности комиссии стала разработка нескольких нормативных документов, вносящих серьезные изменения в порядок контроля качества и приемки военной продукции, а именно: в 1804 г. — положение «для пробы и приема железа, якорей и артиллерийских снарядов», в 1808 г. — инструкция для приема артиллерийских орудий и принадлежностей к ним, а также инструкция для приема артиллерийских снарядов, в 1810 г. — инструкция для приема оружия с казенных оружейных заводов⁵.

Благодаря разработке вышеуказанных инструкций военная приемка стала регламентироваться едиными правовыми и техническими нормами, которыми должны были руководствоваться все военные приемщики. То есть отныне каждый конкретный

вид продукции стал приниматься единообразно, независимо от предприятия-изготовителя.

Несмотря на то что специальная правительственная комиссия выполнила свою задачу по разработке инструкций для приемки различных изделий, полноценный штатный и независимый институт военной приемки создан так и не был. Практика командирования артиллерийских офицеров для выполнения внештатных функций приемки сохранилась, подотчетность указанных лиц заводскому руководству осталась.

Ко второму десятилетию XIX в. стала все более очевидна проблема отсутствия должной подготовки и профессиональной компетентности кадров, исполняющих обязанности по приемке военной продукции. Ситуация приобрела критический характер в связи с масштабным расширением производства вооружения накануне Отечественной войны 1812 г. К выпуску военной продукции подключились не только казенные, но и частные заводы⁶. В этих условиях для успешного вооружения русской армии был необходим комплексный подход, включавший в себя совершенствование управления и контроля за системой военной приемки изделий.

В 1810 г. русское правительство постановило, что «для отливки артиллерийских снарядов при частных горных заводах со стороны артиллерийского ведомства должны быть прикомандированы чиновники: одни — для приема сих снарядов при самих заводах, а другие — для переосвидетельствования их на пристанях». Тем самым был введен двухуровневый порядок независимого контроля изготовления предметов военного назначения, что должно было способствовать повышению качества изделий. Фактически приемщики на пристанях играли руководящую роль для своих коллег, находящихся непосредственно при заводах⁷.

Незамедлительно на уральские пристани были откомандированы наиболее опытные офицеры. Так, 13 февраля 1811 г. «на основании предписания инспектора всей артиллерии в Пермскую губернию на Уткинскую пристань [...] для приема свидетельства и отпуска артиллерийских снарядов, доставленных туда с партикулярных заводов», прибыл майор 10-й резервной артиллерийской бригады (г. Омск) Я.М. Бикбулатов. Можно предположить, что ранее он уже бывал на Уральских горных заводах в качестве командированного комиссионера. С назначением на Урал в 1811 г. последовало и присвоение ему очередного воинского

звания подполковника. Одновременно с ним на Усть-реченскую пристань прибыл майор Кремер, а на Лаишевскую — штабс-капитан князь Еникеев⁸.

В то же время обстоятельства требовали установления на Уральских заводах должностного лица, ответственного за приемку военной продукции в целом и исполняющего эти обязанности на постоянной основе. Артиллерийское ведомство, не имея возможности быстро получать различную служебную информацию с мест и принимать своевременные и выверенные решения по множеству мелких вопросов, стремилось повысить оперативность в управлении военными приемщиками. Поэтому в январе 1812 г. генерал-инспектор артиллерии П.И. Меллер-Закомельский, «дабы прекратить всегдашнюю об откомандировании офицеров и нижних чинов переписку, но и выиграть время, и чтобы казна менее терпела издержки», распорядился «всех чиновников артиллерийских и команды, находящиеся ныне на тех чугунных заводах Вятской, Пермской и Оренбургской губерний, где отливаются артиллерийские снаряды, подчинить находящемуся на Уткинской пристани подполковнику Я.М. Бикбулатову, который имеет у себя всегдашние сведения, что на каком заводе происходит и чем заняты состоящие там чиновники и команды»⁹.

С этого времени Я.М. Бикбулатов, хотя и находясь в штате своего прежнего артиллерийского подразделения, на практике стал исполнять должность «заведующего приемом (главного приемщика) металлов, орудий и снарядов на Сибирских заводах хребта Уральского»¹⁰. Таким образом, Артиллерийский департамент Военного министерства, созданный в результате министерской реформы Александра I, делегировал часть функций упраздненной Артиллерийской экспедиции по организации военной приемки на Урале главному приемщику с целью разрешения оперативных вопросов на местах.

У главного приемщика было двойное положение, так как никакого постоянного штатного расписания для уральских коммиссионеров утверждено не было, и фактически в его распоряжении находились офицеры и нижние чины, которые ежегодно менялись своими артиллерийскими командирами, и только Я.М. Бикбулатов неизменно находился на Урале. Однако и он, как сам в документах подчеркивал, являлся прикомандированным от 10-й резервной артиллерийской бригады, хоть и на постоянной основе¹¹.

Таким образом, нарастание угрозы войны на западных границах империи подоткнуло военное руководство России к принятию определенных решений по созданию отечественного института военной приемки.

Основываясь на архивных материалах, можно констатировать наличие фактического штата артиллерийских приемщиков на Урале. Так, накануне Отечественной войны 1812 г. в подчинении главного приемщика находились 10 артиллерийских офицеров и до трех десятков нижних чинов. Они работали как на пристанях рек, где, по сути, аккумулировалась военная продукция, так и на самих горных заводах. В последующем, с увеличением количества приемщиков, был сделан упор на пребывании их преимущественно на производствах. Фактически принцип двойного независимого контроля качества продукции сначала на заводе, а потом на пристани заложил разделение приемщиков на младших и старших, которое возникло несколько позже. Нижние чины наравне с офицерами отвечали за военную приемку продукции и могли осуществлять ее самостоятельно на том или ином производстве¹².

Главный приемщик металлов, орудий и снарядов на Сибирских заводах хребта Уральского являлся непосредственным начальником для всех прикомандированных комиссионеров и своей волей мог перемещать их с одного места приемки на другое, а также использовать для караула, транспортировки продукции и иных целей. По итогам приемки продукции приемщики рапортом докладывали Я.М. Бикбулатову об объемах и качестве изделий, а он в свою очередь уведомлял об этом Артиллерийский департамент через Казанское артиллерийское депо¹³.

Краткосрочное пребывание комиссионеров (как правило, около одного года) на горных заводах вызывало массу проблем для осуществления должного контроля качества продукции. Прежде всего, артиллерийские приемщики не успевали в полной мере осваивать свое ремесло, также тратилось много времени на дорогу между заводом и воинской частью, откуда прибывали командированные. Я.М. Бикбулатов многократно ходатайствовал об увеличении сроков пребывания прикомандированных приемщиков на Урале¹⁴.

Стоит отметить, что фактически должность главного приемщика по уровню решаемых вопросов соответствовала должности горного начальника Екатеринбургского казенного горного округа, и между ними велась интенсивная переписка по вопросам

военного производства и качества продукции. Вместе с тем Я.М. Бикбулатов имел обоюдную связь с артиллерийскими арсеналами и частями, куда доставлялась продукция с Уральских горных заводов¹⁵.

В рамках подготовке к войне определенные мероприятия происходили и в горнозаводской промышленности. Как указывал военный историк Л.Г. Бескровный, перед наполеоновским вторжением для русской армии были многократно увеличены наряды на изготовление артиллерийских орудий, боеприпасов и стрелкового оружия. К выпуску военной продукции подключились не только казенные, но и частные заводы, и правительства потребовало выполнять все заказы Военного министерства «без всяких от него на то платежей» для скорейшей подготовки армии к войне¹⁶.

Предпринимались активные меры для увеличения производительности горных заводов. Осенью 1811 г. Пермское горное правление потребовало от всех уральских государственных и частных заводчиков, «чтобы они употребили все возможные меры и средства, дабы не только наряд артиллерийских снарядов, на заводы их возложенный, на сей 1811 год непременно в течении одного был выполнен, но и чтоб из расположенных на 1812 год снарядов как можно большая часть к будущему караванному отправлению была ими приготовлена, артиллерийским приемщикам сдана и на назначенные пристани доставлена, опасаясь за невыполнение сего строгого по законам взыскания»¹⁷.

Форсирование производства и реформирование института военной приемки оказали существенное влияние как на работу артиллерийских приемщиков, так и самих горных заводов. Однако возросшие потребности русской армии, в частности, в снарядах вынудили Артиллерийский департамент снизить требования к качеству этого вида продукции, на что указывает военный историк В.А. Ляпин¹⁸. Таким образом, горнозаводская промышленность и артиллерийские приемщики Урала были приведены в высокую степень готовности в целях обеспечения русской армии средствами вооруженной борьбы.

В начале Отечественной войны 1812 г. произошла усиленная мобилизация сил и средств на русских горных заводах. Вслед за манифестом императора Александра I от 6 июля Пермское горное правление издало собственный указ, который касался как непосредственно предприятий, так и комиссионеров. Он гласил,

что «военные обстоятельства требуют сильнейших мер, а по сему для скорейшего понуждения всех вообще партикулярных заводов, [...] послать с указами на все сии заводы нарочным и находившимся на сих заводах господам артиллерийским офицерам, а с ними горным заводским исправникам, земским судам [...], чтобы отливкою, приемом на заводах, отправкою с оных и перевозкой на пристани возложенных нарядов ускорили ныне же». В указе также было прописано, что «об учинении содействующих на сей предмет выполнительных мер всеми артиллерийскими чиновниками сообщить господину подполковнику Бикбулатову»¹⁹. Тем самым было принято решение о форсировании производства военной продукции с обязательным согласованием принимаемых мер с главным военным приемщиком Урала.

Как пример, Пермское горное правление решило перераспределить наряды на изготовление изделий между подведомственными предприятиями в соответствии с их реальными возможностями. При этом, «дабы избежать мешкотности», решено было согласовать данный шаг с Я.М. Бикбулатовым, «на Уткинской пристани находящимся, и всеми господами артиллерийскими чиновниками по заводам и пристаням распоряжающимся, с тем, дабы и он учинил со своей стороны долженствующее распоряжение»²⁰.

Несмотря на то, что в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. российские военные приемщики с успехом выполняли возложенные на них задачи, в период боевых действий обнаружились проблемы, характеризующие несостоятельность органов военной приемки в том виде, в котором они функционировали на тот момент. Как было сказано выше, в связи с большой потребностью русской армии в снарядах, орудиях и других видах военной продукции к их изготовлению накануне наполеоновского вторжения были привлечены не только государственные, но и частные предприятия, что потребовало увеличения количества приемщиков на горных заводах. Ввиду такого положения к приемке продукции подключились прикомандированные артиллерийские офицеры, которые не имели соответствующих навыков. Через несколько лет после окончания наполеоновских войн специальной комиссией Артиллерийского департамента Военного министерства было выявлено, что «по экстренным тогда военным обстоятельствам не было надлежащей строгости браковки снарядов», а потому неопытные приемщики «были часто обманываемы подложными

снарядами», в результате чего на складах скопилась масса негодных артиллерийских снарядов, а общий ущерб государственной казне составил более 23 тысяч рублей²¹.

В результате расследование продлилось до начала 1820-х гг., горные заводы перекладывали ответственность на артиллерийских приемщиков, а Военное министерство защищало своих представителей, предъявляя требования Департаменту горных и соляных дел. Продолжительный поиск виновных лиц осложнялся тем, что приемщики являлись прикомандированными лицами, и чтобы получить их свидетельства о событиях 1812–1814 гг., приходилось вести переписку с частями, куда отбывали комиссионеры после окончания приемки продукции.

В начале 1820-х гг. военное руководство страны все-таки пришло к выводу, что в системе контроля качества необходимы изменения, и в 1822 г. по распоряжению А.А. Аракчеева при Артиллерийском департаменте был создан специальный временный комитет «для пересмотра и составления вновь инструкций на прием в артиллерийское ведомство от горных заводов снарядов и других изделий». Первостепенной задачей данной структуры являлось усовершенствование и уточнение в техническом плане инструкций, которыми руководствовались военные приемщики с начала XIX в. В состав комитета вошли: вице-директор Артиллерийского департаamenta генерал-майор И.Г. Гогель (председатель), руководитель артиллерийского училища, Санкт-Петербургского арсенала, пиротехнической лаборатории и Охтенского порохового завода генерал-майор А.Д. Засядько, начальник Артиллерийского отделения Военно-научного комитета генерал-майор А.Я. Минут, заведующий уральскими артиллерийскими приемщиками полковник Я.М. Бикбулатов, командир Горного корпуса П.И. Медер, горный начальник Олонецких, Санкт-Петербургских и Кронштадтских заводов А.А. Фуллон, командир Горного кадетского корпуса Е.П. Ковалевский, горный начальник Гороблагодатских заводов Н.Р. Мамышев, а также ряд других представителей Военного министерства и Горного департаamenta, — всего 12 членов и председатель²².

Предполагалось, что комитет в оперативном порядке и в короткие сроки рассмотрит все необходимые вопросы, касающиеся технической стороны приемки, и внесет изменения в соответствующие инструкции. На практике все пошло по-другому. Прежде всего, пришлось разрешать проблемы, касающиеся

взаимодействия приемщиков и горных инженеров. До конца 1822 г. комитет занимался обсуждением технических норм контроля качества различных видов военной продукции. Работа комитета осложнялась тем, что его члены были вынуждены периодически возвращаться на свои предприятия для решения производственных задач²³.

К 1825 г. комитет пришел к выводу, что необходимо не просто внести изменения в старые инструкции, а разработать совершенно новый единый документ по организации работы военных приемщиков «в связи с открытой в прежних инструкциях неверности от последовавших после них перемен». Подчеркивалось, что к разработке новой инструкции должны быть привлечены как артиллерийские чины, так и горные инженеры²⁴.

Предпринимались необходимые меры для решения насущных проблем приемщиков. Так в 1825–1827 гг. главный приемщик добился существенного увеличения окладов и столовых денег своим офицерам и нижним чинам, «дабы усилить их рвение производить успешный прием и исправнее выполнять собственные обязанности», доведя денежное довольствие до уровня чинов полевой артиллерии. Был расширен рацион питания нижних чинов, наряду с офицерами им стала выдаваться теплая одежда, «ввиду суровости сибирского климата», а также специальная униформа для работ «по калибровке и приемке снарядов». Благодаря ходатайству Я.М. Бикбулатова аппарату уральских артиллерийских приемщиков ежегодно дополнительно стала выделяться 1 тысяча рублей на «частовременные разъезды»²⁵.

Разработка новой инструкции в очередной раз затягивалась. Руководство Военного министерства потребовало от специального комитета форсировать разработку новой инструкции для артиллерийских приемщиков. В марте 1830 г. члены комитета главноначальствующий Михайловского артиллерийского училища инженер-генерал К.И. Опперман и директор Артиллерийского департамента генерал от артиллерии Г.А. Игнатъев заявили о ненормальности текущего положения в сфере военной приемки: «хотя и находятся ныне чиновники на заводах для приема орудий и снарядов, но пребывание их там есть временное». Таким образом, была подчеркнута необходимость создания штатных органов военной приемки, с чем согласились все члены комитета. Комитет наконец-то подготовил окончательный вариант новой инструкции, которая была представлена и утверждена

председателем Государственного совета и Комитета министров графом В.П. Кочубеем 31 января (12 февраля — по новому стилю) 1831 г., после чего разослана всем артиллерийским приемщикам²⁶.

Новая инструкция представляла собой единый юридический документ, в котором конкретизировались нормы и последовательность контроля качества всех видов военной продукции, производимой на горных заводах. Инструкция была обязательна для всех артиллерийских приемщиков Уральских, Олонецких и Луганского заводов. Инструкция 1831 г. состояла из нескольких частей, каждую из которых можно было использовать отдельно при приемке того или иного вида продукции. Первая часть инструкции касалась приемки орудий сухопутной артиллерии, вторая — белого (холодного) оружия, третья часть — снарядов, четвертая — уклада (сырцової стали), пятая — железа, шестая часть включала общие положения, а в седьмой указывался штат артиллерийских приемщиков.

Самое важное значение инструкции заключалось в том, что она впервые в истории российского государства вводила официальный штат отечественного института военной приемки. Согласно инструкции, предусматривалось четыре территориальные штатные структуры артиллерийских приемщиков — на Уральских, Олонецких и Луганском заводах, а также на Дубовской пристани (севернее Царицына) (табл. 1).

Таблица 1

Штат отечественного института военной приемки на 1831 г.

Должность и звание	Количество чинов			
	Уральские заводы	Олонецкие заводы	Луганский завод	Дубовская пристань
Главный артиллерийский приемщик, штаб-офицер	1	-	-	-
Старший артиллерийский приемщик, обер-офицер	4	1 (обер-или штаб-офицер)	1 (обер-или штаб-офицер)	1 (обер-или штаб-офицер)

Младший артиллерийский приемщик, обер-офицер	12	1 (обер-или штаб-офицер)	1 (обер-или штаб-офицер)	-
Прикомандированный приемщик	-	2	-	-
Унтер-цейхвартер	9	-	-	-
Нижние чины (рядовые, фейерверкеры, кузнецы)	230	40	17	40
Всего	256	44	19	41
	360			

Составлено по: ПСЗ-2. Т. 6. № 4306.

На Уральских заводах начальником над всеми приемщиками являлся главный артиллерийский приемщик, который нес службу в Екатеринбурге. Он обладал всей полнотой власти над подчиненными и при необходимости «перемещал офицеров и нижних чинов на заводы по своему усмотрению, где сколько их нужно». В его подчинении находились и четыре старших артиллерийских приемщика (обер-офицеры), которые несли службу на Гороблагодатских, Златоустовских, Екатеринославских и Камско-Воткинских заводах. То есть, под надзором каждого из них находился один из горнозаводских округов Урала. В распоряжении главного приемщика имелось 12 младших офицеров, которые по его приказу направлялись на то или иное предприятие. В дальнейшем эти чины стали постоянно нести службу на заводах, каждый из них отвечал за контроль качества продукции на своем предприятии. Эти лица стали называться младшими артиллерийскими приемщиками. Также в каждом горнозаводском округе Урала предусматривалось наличие нижних чинов — фейерверкеров, кузнецов и рядовых, которые выполняли простейшие функции по браковке вооружения, его транспортировке, караулу, а также производили полигонные испытания изделий. Их общее число на заводах Урала составляло 230 человек.

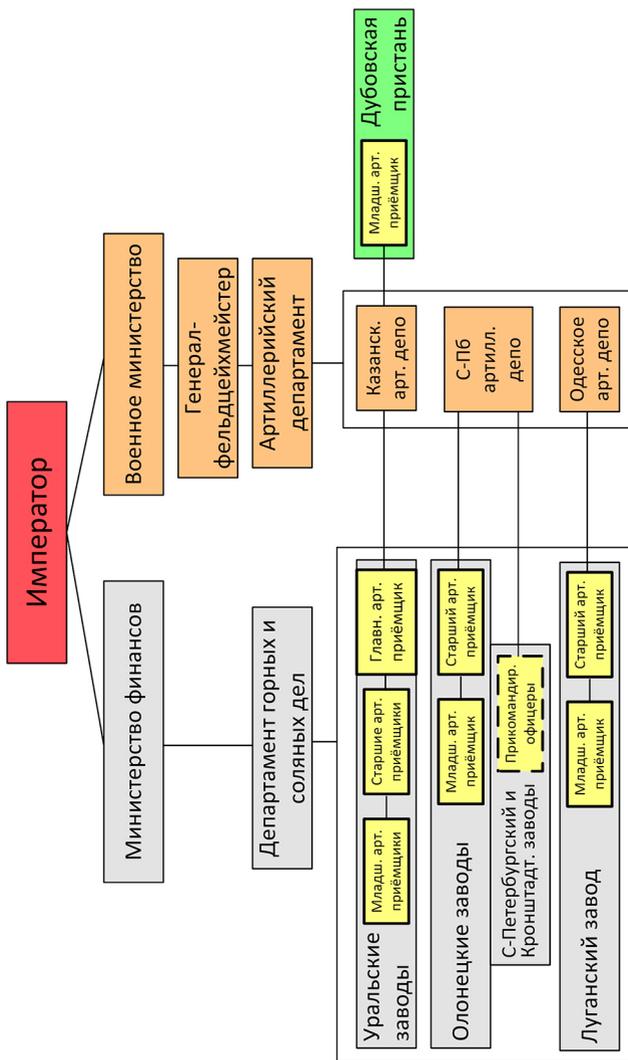
На Олонецких и Луганском заводах институт военной приемки был организован подобным образом, но включал меньшее количество людей. Так, на каждом из этих предприятий предусматривалось только по одному старшему артиллерийскому приемщику, который был главным по приему изделий, и одному младшему артиллерийскому приемщику. На Олонецких и Луганском заводах были и нижние чины — 17 и 10 человек соответственно. На Кронштадтском и Санкт-Петербургском заводах, которые входили в группу Олонецких заводов, наличие штатной должности приемщика не предусматривалось. Контроль качества на этих предприятиях выполняли прикомандированные офицеры. Территориально отдельно от заводов находилась Дубовская пристань, там также были введены должности штатного приемщика и нижних чинов, отвечающих «за прием доставленных с Сибирских заводов и отправления на Кавказскую линию, в Грузию и другие крепости орудий и снарядов» (ил. 1).

В инструкции подчеркивалось, что на должности приемщиков должны быть назначены офицеры «с достаточными познаниями и приобретенной опытностью». Указывалось, что при назначении на данные должности предпочтение должно было отдаваться офицерам полевой артиллерии. В обязанность Департамента горных и соляных дел, а также Артиллерийского департамента входило обеспечение приемщиков казенными и обывательскими квартирами. В случае их отсутствия предусматривалась выплата квартирных денег. Для частных разъездов офицерам выделялись денежные суммы для прогонов. Медицинское обеспечение приемщиков возлагалось на заводские лазареты и аптеки. За вещевое довольствие нижних чинов отвечал Интендантский департамент Военного министерства²⁷.

Летом 1831 г. произошло фактическое переназначение уже находившихся на горных заводах приемщиков на должности согласно инструкции²⁸. Тем самым к середине 1831 г. штатные органы военной приемки в России были окончательно сформированы.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. К началу XIX в. в Российской империи де-факто был создан отечественный институт военной приемки, но де-юре он функционировал без официального штата и положения. На практике были закреплены только технические нормы работы данной структуры.

Ил. 1. Отечественный институт военной приемки на 1831 г.

2. Причинами создания института военной приемки явились расширение объемов производства и технологическое усложнение военной продукции в условиях стремительного нарастания военной угрозы, которые повлекли за собой потребность к наращиванию объема контроля качества изделий и, следовательно, возникла необходимость в формировании постоянно действующего контрольно-надзорного органа.

3. Вместе с тем данная структура не имела официального штатного расписания, что усложняло ее работу. Поэтому к 1831 г. была разработана единая инструкция, которая не только консолидировала в себе нормы и правила приемки всех видов продукции горных заводов, но и вводила первый официальный штат органов военной приемки в России.

¹ Маковская Л.К., Ильина Т.Н. Институт военного представительства (историческая справка) // Повелители огня: (Сб. ст. и материалов, посвящ. 135-летию Гл. ракет.-арт. упр.) / Под ред. Н.И. Караулова. М.; СПб.: Главное ракетно-артиллерийское управление МО РФ, ВИМАИВиВС, 1997. С. 230–257.

² Юркин И.Н. Управление казенным оружейным производством в русском городе в 20-х – начале 30-х годов XVIII века // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Докл. Второй науч. конф., 7–8 дек. 1999 г. М., 1999. С. 102–110.

³ Государственный архив Тульской области. Ф. 187. Оп. 1. Д. 651. Л. 1–6.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 628. Л. 1–4.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (далее – ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 28. № 21359; Т. 30. № 22986; Т. 31. № 24081.

⁶ Там же. Т. 31, № 24368, 24473.

⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 37. Оп. 3. Д. 369. Л. 159–159 об.

⁸ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5 об.; РГВИА. Ф. 395. Оп. 135. Д. 363. Л. 11 об. – 12; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 369. Л. 60 об.

⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Арсенальное отделение. Ч. 2. Д. 2244. Л. 2–3 об.

¹⁰ ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5 об.

¹¹ Там же. Л. 54–61.

¹² Там же. Д. 3. Л. 191.

¹³ Там же. Д. 1. Л. 20–22.

¹⁴ Там же. Д. 27. Л. 38–39 об.

¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 133; Д. 6. Л. 54.

¹⁶ ПСЗ-1. Т. 31. № 24368; 24473; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 223–224.

¹⁷ Урал в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов / Под ред. В.В. Данилевского. Свердловск: Свердловгиз, 1945. С. 78.

¹⁸ Ляпин В.А. Военные поставки уральской промышленности в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VI международной научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы», посвященной 185-летию Бородинского сражения. 1997 г. Бородино, 1998. С. 102–107.

¹⁹ Урал в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / Под ред. В.В. Данилевского. Свердловск. Свердловгиз., 1945. С. 142–144.

²⁰ Там же. С. 115.

²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 369. Л. 4, 9, 15–18.

²² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5255. Л. 1, 8–8 об.

²³ Там же. Л. 2–2 об., 25–25 об.

²⁴ Там же. Л. 146–148 об.

²⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5931. Л. 2–6, 17, 18, 24, 25, 37, 38.

²⁶ Там же. Д. 5255. Л. 189–193, 272.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 6. № 4306.

²⁸ РГВИА. Ф. 395. Оп. 137. Д. 278. Л. 1, 2, 5.

*И.А. Сергиевский (Москва), Г.А. Сыскин
(Санкт-Петербург)*

ПОДГОТОВКА АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ В ГОРНОМ ИНСТИТУТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

С МОМЕНТА СВОЕГО ОСНОВАНИЯ в 1773 г. Санкт-Петербургский горный университет является ведущим высшим техническим учебным заведением России. Он прошел долгий путь от Горного училища до современного университета XXI в., достойно храня и преумножая славные традиции горного образования. Огромный вклад в развитие горного дела внесли его ученые и воспитанники, которые верно служили нашему Отечеству на протяжении всей его истории. Благодаря неустанному труду преподавательского состава университета наша страна получает высококвалифицированных специалистов для всех отраслей горно-металлургического и нефтегазового комплекса, геологической службы, промышленного и гражданского строительства.

Вместе с тем во второй половине XIX в. Горный институт (далее — Институт), как он тогда назывался, готовил не только специалистов гражданского профиля — инженеров для Департамента горных и соляных дел (с 1863 г. — Горного департамента), но и давал профильное образование офицерам Военного министерства, которые исполняли обязанности артиллерийских приемщиков на горных заводах. Данный факт, к сожалению, не нашел своего отражения в ведущих трудах, раскрывающих историю становления и развития Горного института¹. На их страницах только лишь приводятся сведения из Устава Института от 1866 г., где сказано, что «к слушанию лекций в Институте, кроме студентов, допускаются и посторонние лица, обязанные

предоставить свидетельство о личности их от своего начальства, если состоят на службе, или от полиции»², не раскрывая это положение в дальнейшем. На наш взгляд, представляется актуальным изучение роли и места Горного института в системе подготовки кадров для нужд Военного министерства Российской империи. Данная публикация призвана в определенной степени восполнить этот пробел.

К середине XIX в. отечественный институт военных представителей в промышленности представлял собой аппарат артиллерийских приемщиков, функционирующий на постоянной основе на горных заводах. В то время на предприятиях горного ведомства было сосредоточено основное производство артиллерийских орудий, снарядов и холодного оружия. На Урале аппарат артиллерийских приемщиков состоял из главного приемщика, в подчинении которого находились старшие и младшие артиллерийские приемщики, унтер-цейхвахтеры и нижние чины. На Олонецких заводах обязанность руководителя приемки выполнял старший артиллерийский приемщик со своим подчиненным личным составом. С 1868 г. на Луганском заводе появился аналогичный аппарат военной приемки.

Как таковой системы подготовки офицеров-приемщиков к середине XIX в. не существовало. В 1855 г. из офицерских классов артиллерийского училища была создана Михайловская артиллерийская академия (далее — Академия), которая на тот момент еще находилась в процессе формирования и готовила преимущественно офицеров строевой направленности. Таким образом, специализированного учебного заведения, осуществлявшего подготовку военных приемщиков, на тот момент еще не существовало. На должности приемщиков назначались артиллерийские офицеры, которые в процессе службы проявляли склонность к технической составляющей военного дела.

Коренные изменения в военной сфере начались после неудачной для России Крымской войны 1853–1856 гг. Она показала техническую отсталость вооруженных сил российского государства. Потребовалась не только технологическая модернизация и изменение организационной структуры военной промышленности, но и совершенствование подготовки кадров для нее в соответствии с требованиями времени.

В 1858 г. генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич, опираясь на заключение артиллерийского

отделения Военно-ученого комитета, признал «необходимым, в видах предупреждения поступления на службу ненадежных чужинных орудий, обратить особое внимание как на специальное приготовление лиц, предназначенных в приемщики орудий, так и на поощрение к поступлению в эти должности сведущих артиллерийских офицеров» и представил свои предложения по данному вопросу императору Александру II. Их суть заключалась в том, чтобы ежегодно устраивать конкурс среди шести наиболее технически подкованных артиллерийских офицеров, изъявивших желание проходить службу на должностях приемщиков на заводах, и выбирать двух из них по итогам экзамена, «наиболее сведущих в физике и химии, определяя их на два года для слушания курсов металлургии и соприкосновенных с нею наук в Институт Корпуса горных инженеров». Обучаемым в Институте артиллеристам предполагалось выделять двойной оклад жалования, так же, как и офицерам-слушателям военных академий империи. Разумеется, данная инициатива артиллерийского ведомства была предварительно согласована с директором Института Корпуса горных инженеров Г.П. Гельмерсеном и одобрена им. Кроме того, фельдцейхмейстер предлагал увеличить столовые деньги (по должности) уже находившимся при заводах приемщикам и сохранить существующую надбавку по выслуге лет на производстве для них. Александр II положительно оценил предложения своего брата и утвердил их на законодательном уровне³.

В августе того же года был издан соответствующий приказ генерал-фельдцейхмейстера. В нем, помимо вышеизложенного, конкретизировалось, что «право на обучение [...] имеют все офицеры гвардейской и полевой артиллерии, до штабс-капитанского чина включительно», т. е. предпочтение в поступлении отдавалось именно молодым офицерам. Указывалось, что вступительным испытанием является экзамен по химии, который должен проводиться в артиллерийском отделении Военно-ученого комитета. Поступившие артиллеристы имели право «посещать все лекции по части естественных наук и металлургии», а также «пользоваться всеми учебными пособиями и лабораториями» Института. Для обучаемых утверждалась специальная форма аттестации: промежуточный (после первого года обучения) и итоговый (перед выпуском) экзамены. Не сдавшие промежуточный экзамен офицеры отчислялись из Института. Военное руководство страны высоко оценивало приобретаемые в стенах

Института знания, а потому было решено, что если не представлялось возможности сразу направить офицера-выпускника горного вуза на вакантную должность приемщика, то он назначался на «оружейные заводы или арсеналы, для занятия единственно по части железного дела и литья медных орудий, до открытия вакансии приемщика»⁴.

В ноябре того же 1858 г. последовал очередной приказ генерал-фельдцейхмейстера, который был результатом совместной работы артиллерийского отделения Военного ученого комитета и Ученого комитета Института. Из него следовало, что программа подготовки артиллерийских офицеров в Институте включает в себя двухгодичные курсы лекций по металлургии и аналитической химии и одногодичные по пробивному искусству и описательной минералогии. При этом промежуточные и заключительные экзамены состояли непосредственно из первых трех дисциплин, по четвертой же дисциплине экзамен не предусматривался, но вопросы в рамках курса минералогии были включены в экзамен по металлургии⁵.

О качестве и престиже получения образования в Горном институте говорит тот факт, что сразу после издания вышеназванных приказов и разрешения офицерам участвовать в конкурсе на поступление в Институт желание быть зачисленными проявили не только артиллеристы строевых частей и технических заведений Военного министерства, но и слушатели Михайловской артиллерийской академии, то есть профильного военного вуза (!). Существенную роль в этом сыграло передовое технологическое оснащение Института⁶. Нужно отметить, что обучение офицеров в горном вузе не являлось безвозмездным, Военное министерство ежегодно вносило плату за их обучение (60 рублей в год за каждого). Представителям Военного министерства дополнительно выделялись денежные средства «на покрытие расходов на реagenты», с помощью которых офицеры проводили лабораторные работы в стенах Института⁷.

Весной 1859 г. десять артиллерийских офицеров изъявили желание поступить в Институт для обучения на приемщиков, среди них было пять военнослужащих строевых частей, два слушателя Михайловской академии и по одному представителю от завода, квартирмейстерской части и кадетского корпуса. Из них шесть человек были допущены до вступительного экзамена, а остальным предлагалось попробовать свои силы в следующем году⁸.

Для определения двух наиболее подготовленных и способных обучаться в Институте офицеров Артиллерийский департамент проводил приемный экзамен, который состоял из вопросов по химии и физике, по программе преподавания этих дисциплин в Михайловской артиллерийской академии. Указывалось, что необходимо «отдавать предпочтение тем офицерам, которые независимо от программы покажут на экзамене наибольшие знания»⁹.

Проблему острой нехватки квалифицированных кадров в военном производстве один лишь Горный институт разрешить не мог, и военное руководство России приняло решение прикомандировать «офицеров, окончивших курс наук в Михайловской артиллерийской академии, к Технологическому институту для слушания лекций технического и ремесленного производства», чтобы в дальнейшем эти военнослужащие могли быть назначены на должности инженеров-технологов на военные заводы. Обучать их в Технологическом институте предполагалось на тех же основаниях, что и в горном вузе, но только по одному офицеру в год¹⁰. Несмотря на данное начинание Военного министерства, основываясь на архивных материалах, у нас есть основания считать, что обучение офицеров в данном заведении так и не было реализовано.

Государство держало руку на пульсе в вопросе обеспечения необходимой подготовки артиллерийских офицеров в Горном институте. В 1862 г. было принято решение, что будущие приемщики должны быть хорошо знакомы не только с отечественным, но и передовым зарубежным военным производством Европы, для чего их следует командировать совместно с горными инженерами за границу для получения соответствующих навыков работы и знаний. Таким образом, офицеров-слушателей Института стали отправлять на стажировку на ведущие европейские заводы с определенной периодичностью, после чего им «предоставлялось право прямого участия в операциях изготовления артиллерийских предметов» на завезенном в Россию иностранном оборудовании¹¹.

Несмотря на успешность подготовки артиллерийских приемщиков в Горном институте, военное руководство империи на определенном этапе пришло к единому мнению, что получение необходимого уровня знаний и навыков офицерами не должно всецело зависеть от гражданской системы образования при

наличии собственного профильного вуза — Михайловской артиллерийской академии. В 1862 г. в Академии был открыт технический факультет, а в 1864 г. вышло постановление, в соответствии с которым Главное артиллерийское управление (бывш. Артиллерийский департамент, далее — ГАУ) приостановило обучение приемщиков в Институте, так как планировало продолжить этот процесс в Академии¹².

Однако уже к началу 1866 г. Военное министерство «признало необходимым возобновить» подготовку специалистов в области военной приемки в Горном институте. На наш взгляд, решение о прекращении обучения в Институте было крайне поспешным, так как организационно и технологически Академия еще не была готова приступить к подготовке приемщиков, хотя работа в этом направлении уже велась¹³.

В том же году был утвержден новый Устав Института. В нем говорилось, что «к слушанию лекций в Институте, кроме студентов, допускаются, по правилам, составленным Советом и утвержденным Министром финансов, и посторонние лица, обязанные предоставить свидетельство о личности их от своего начальства, если состоят на службе, или от полиции». Таким образом, возможность обучения в Институте, в том числе офицеров военного ведомства, была закреплена в его уставе¹⁴.

В соответствии с новым уставом Института было принято решение внести изменения в порядок подготовки и обучения будущих приемщиков в вузе. Решено было принимать вступительные экзамены непосредственно в самом Институте. В соответствующем распоряжении генерал-фельдцейхмейстера было сказано, что «поступившие офицеры обязаны подчиняться тому порядку, который установлен Советом Института для посторонне-слушающих лекции и занимающихся в химической лаборатории». Важно обратить внимание на данный пункт, так как по найденным нами архивным данным удалось установить, что при обучении офицеров в Институте наиболее проблемным являлся вопрос соблюдения учебной дисциплины, в частности, регулярного посещения занятий. В приказе конкретизировался состав приемной комиссии, проверяющей начальные, промежуточные и итоговые знания офицеров. В нее должны были входить профессора, адъюнкты, преподаватели Института, а также представители от ГАУ. Для слушателей предусматривалась производственная практика «на заводах, рудниках и механических заведениях»¹⁵.

В 1867 г. из вступительных экзаменов в Институт для артиллеристов была исключена физика, так как «они уже экзаменовались из этого предмета в том же объеме при поступлении в офицеры». Таким образом, экзаменуемой дисциплиной при поступлении осталась только химия¹⁶.

В некоторых случаях на обучение в Институт направлялись лица, уже исполнявшие на тот момент должности артиллерийских приемщиков. Это было необходимо для повышения их уровня профессиональной подготовки. С 1867 г. будущие приемщики наравне со студентами Института стали проходить летнюю практику на горных заводах России. Так, в 1869 г. офицеры стажировались «в Радомской губернии в Домброве и Олькуше», в 1872 г. — «на Пермских, Екатеринбургских, Кушвинских и Златоустовских горных заводах», и т. д.¹⁷.

Существовали и ограничения на поступление в Институт. Так, на предмет зачисления в горное учебное заведение рассматривались кандидатуры только молодых офицеров, еще не достигших штабс-капитанского звания. После польских событий 1863–1864 гг. в Институт было отказано поступать лицам польского происхождения, так как им «не разрешалось служить артиллерийскими приемщиками на заводах»¹⁸.

Анализируя архивные документы об успеваемости учащихся в Институте представителей военного ведомства, мы можем констатировать, что «их результаты с каждым годом постепенно улучшались», а, следовательно, повышалась и техническая грамотность выпускников учебного заведения¹⁹. Лица, окончившие двухгодичные курсы Института, были очень востребованы в структурах ГАУ. О желании заместить вакантные должности приемщиков лицами, «окончившими курс в Горном институте», артиллерийское ведомство уведомляли как инспектор артиллерийских приемок на Уральских горных заводах, так и старший артиллерийский приемщик на Олонецких заводах²⁰. При восстановлении аппарата военной приемки на Луганском заводе начальник артиллерии Одесского военного округа указывал, что «все три приемщика, или по крайней мере двое из них, должны быть назначены из числа техников, окончивших курс в артиллерийской академии и слушавших курс в Горном институте»²¹. С 1869 г. выпускников горного вуза стали направлять не только на штатные должности при заводах, но и оставлять в распоряжении ГАУ для выполнения внештатных функций приемщиков на частных предприятиях²².

Хотя на обучение в Институт направлялись технически грамотные и ответственные по службе офицеры, в отдельных случаях выпускники вуза проявляли себя не с лучшей стороны. Так, в 1869 г. после окончания Института штабс-капитан Тихонов, назначенный на должность младшего артиллерийского приемщика на Урал, по распоряжению генерал-фельдцейхмейстера был арестован «на одну неделю с содержанием на гауптвахте за небрежение к сохранению отпущенных ему и утерянных прогонных денег». Позже он был отпущен в отпуск, но к назначенному сроку на новое место службы не явился. Только после разбирательства стало известно, что новоявленный приемщик задержался в отпуске «вследствие продолжительной болезни большой его матери», о чем вовремя не уведомил ни Институт, ни инспектора артиллерийских приемок на Урале²³. Мелкие бытовые инциденты происходили и в период обучения военнослужащих в самом вузе. К примеру, в 1859 г. обучающийся в Институте подпоручик артиллерии Лавров нанес оскорбление купчихи Розенберг, «сорвав с нее капору», после чего было назначено соответствующее разбирательство с наказанием виновного офицера²⁴.

Получение образования будущими приемщиками в Институте стало настолько важным фактором, что оно было закреплено в разрабатываемом положении об артиллерийских приемщиках на горных заводах и утверждено императором в 1872 г.²⁵. Но в конце 1870-х гг. вопрос о переводе обучения артиллерийских приемщиков в Михайловскую артиллерийскую академию был в очередной раз был поднят военным руководством империи, после чего последовал целый ряд мероприятий организационного плана, и подготовка офицеров этого профиля была перенесена из Института в Академию²⁶.

По нашим подсчетам в период с 1858 г. по 1878 г. Горный институт подготовил для нужд Военного министерства около 30 специалистов с навыками, необходимыми для выполнения обязанностей артиллерийских приемщиков на производстве. Чтобы понять значимость этого количества выпускников горного вуза, отметим, что во всей системе военной приемки ГАУ на 1878 г. несло службу 37 офицеров-приемщиков того или иного ранга.

С начала 1870-х гг. Институт также осуществлял подготовку офицеров не только для Военного, но и для Морского министерства. По ходатайству Технического комитета морского ведомства было принято решение о прикомандировании

к Институту морских офицеров «для изучения металлургии и соприкосновенных с ней наук». За основу системы подготовки военнослужащих для Морского министерства была взята программа, используемая ранее для обучения военных приемщиков для ГАУ. Однако в нее были внесены необходимые изменения. Так, вступительный экзамен был организован на базе Морского технического училища, где кандидаты сдавали «теоретическую механику, начертательную и аналитическую геометрию и физику в объеме курса училища», после чего успешно прошедшие испытание офицеры зачислялись на трехгодичные курсы в Институт²⁷.

В горном вузе представители морского ведомства изучали следующие предметы: «химию органическую и аналитическую, качественный и количественный анализ, пробивное искусство, прикладную механику с составлением проектов, строительную, паровую и горнозаводскую механику, минералогию и металлургию». Предусматривались ежегодные промежуточные и итоговые экзамены. После окончания Института офицеры «пользовались теми же служебными, материальными и нравственными преимуществами», которыми пользовались выпускники военных академий. К обучению в Институте привлекались офицеры корпуса морской артиллерии, инженеры-механики, а также офицеры флота и корпуса штурманов. Для слушателей, так же как и для студентов горного вуза, обязательным элементом образования являлась практика на горнозаводском производстве. Обучение было платным и составляло 60 рублей в год за одного человека. Ежегодно Морское министерство определяло двух офицеров на обучение в вуз. Подготовка по этому профилю в Институте успешно велась вплоть до 1914 г.²⁸

В период Первой мировой войны, когда наша страна мобилизовала все силы на защиту Отечества, Горный институт в очередной раз стал оказывать неоценимые услуги для Военного министерства. Кадровый голод в военной промышленности потребовал выделения специально обученных лиц для организации ее полноценной работы. Студенты Института привлекались в качестве браковщиков на заводы Урала, Петербурга и других промышленных центров империи. В ходе войны 1914–1918 гг. учащиеся Института вошли в состав специальной приемной комиссии и были командированы в США для организации военной приемки изделий, заказанных на североамериканских военных заводах²⁹.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. С середины XIX в., с появлением новых технологий в военном производстве, уровень подготовки офицеров, несущих службу на горных заводах в качестве артиллерийских приемщиков, перестал удовлетворять насущные потребности. Требовались коренные изменения в системе подготовки данных лиц.

2. Для специализированного обучения артиллерийских приемщиков был избран Горный институт, который на тот момент являлся ведущим учебным и научным центром по подготовке кадров для русской промышленности. Выбор был обусловлен передовым технологическим оснащением Института, наличием высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава, возможностью использования программ подготовки горных инженеров к военным приемщикам.

3. Институт успешно обучал несколько поколений офицеров военного ведомства. После прекращения обучения артиллерийских приемщиков вуз продолжил подготовку военнослужащих для нужд Морского министерства. Офицеры-выпускники Института были широко востребованы в органах военного управления и ведущих военно-промышленных центрах империи.

4. На наш взгляд, представленный в публикации материал свидетельствует об успешном примере подготовки в прошлом специалистов для военной промышленности в гражданском учебном заведении. Сегодня этот исторический опыт может быть использован при переподготовке и повышении квалификации военнослужащих военных представительств и органов военного управления, связанных с обеспечением государственного оборонного заказа. Славные традиции подготовки офицеров в стенах Горного института продолжает его военная кафедра.

¹ Лоранский А.М. Исторический очерк Горного института. СПб.: тип. Акад. наук, 1873. 166 с.; Очерки истории Горного института. 1773–1917 гг. Монография / Афанасьев В.Г., Позина Л.Т., Волошинова И.В., Плехина Т.В., Севастьянов Ф.Л. СПб.: СПГИ, 2010. 185 с.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее — ПСЗ-2). СПб., 1868. Т. 41. № 43397.

³ ПСЗ-2. Т. 33. № 33379; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА С-Пб). Ф. 963. Оп. 1. Д. 5017. Л. 1–1 об., 5.

- ⁴ Приказ генерал-фельдцейхмейстера № 177 от 21 августа 1858 г.; ЦГИА С-Пб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5125. Л. 7.
- ⁵ Приказ генерал-фельдцейхмейстера № 240 от 18 ноября 1858 г.
- ⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 310. Оп. 1. Д. 4955. Л. 9–11, 15.
- ⁷ ЦГИА С-Пб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5017. Л. 47–50.
- ⁸ Приказание генерал-фельдцейхмейстера № 50 от 7 мая 1859 г.
- ⁹ Приказ генерал-фельдцейхмейстера № 156 от 13 июля 1859 г.
- ¹⁰ Приказ генерал-фельдцейхмейстера № 185 от 20 декабря 1861 г.
- ¹¹ ПСЗ-2. Т. 37. № 38604.
- ¹² Платов А., Кирпичев Л. Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища 1820–1870 гг. СПб.: Тип. Второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1870. С. 279; Приказ по артиллерии № 31 от 11 февраля. 1864 г.
- ¹³ Приказ по артиллерии № 57 от 20 апреля 1866 г.
- ¹⁴ ПСЗ-2. Т. 41. № 43397.
- ¹⁵ Приказ по артиллерии № 71 от 4 мая 1867 г.; РГВИА. Ф. 310. Оп. 1. Д. 5215. Л. 3; ЦГИА С-Пб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5125. Л. 1–2 об.
- ¹⁶ Приказ по артиллерии № 155 от 4 сентября 1867 г.; ЦГИА С-Пб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5125. Л. 19.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 504. Оп. 3. Д. 2712. Л. 41–41 об.; Д. 2732. Л. 16–16 об.; ЦГИА С-Пб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5125. Л. 22.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 504. Оп. 3. Д. 2724. Л. 49.
- ¹⁹ ЦГИА С-Пб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5164. Л. 1–16.
- ²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 2/11. Д. 75. Л. 3; Национальный архив Республики Карелия. Ф. 557. Оп. 1. Д. 6/21. Л. 175–175 об.
- ²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 2. Д. 12. Л. 6.
- ²² РГВИА. Ф. 504. Оп. 3. Д. 2712. Л. 23–24.
- ²³ Там же. Д. 3362. Л. 2–2 об., 12, 16–16 об.
- ²⁴ ЦГИА С-Пб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5164. Л. 88.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30971. Л. 2; ПСЗ-2. Т. 47. № 51107.
- ²⁶ Там же. Ф. 310. Оп. 1. Д. 5215. Л. 1–12 об.
- ²⁷ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 37. Оп. 81. Д. 12. 49–50 об.; ЦГИА С-Пб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5225. Л. 1, 7; Д. 5606. Л. 2.
- ²⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 81. Д. 12. Л. 14, 37, 49 об.; Д. 121. Л. 4.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 510. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–2.

М.Г. Смирнов (Москва)

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВИДЫ ОРУЖИЯ В КОНТЕКСТЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

РАЗВИТИЕ ПРАВА всегда отражало развитие общества, что можно считать аксиомой. Технические новинки неизбежно проходили через анализ законодателя и правовое оформление. Это могли быть как национальные законы или даже ведомственные стандарты, так и международные правовые акты. В большинстве случаев задача законодателя заключалась в упрощении эксплуатации различными службами новых видов техники. Также активно внедрялись новые стандарты безопасности, как было, например, в морском и воздушном праве. Говорить о гуманизации законов необходимости не было, поскольку в технических новинках отсутствовала моральная составляющая.

Однако сфера средств ведения войны с течением времени потребовала отдельного правового регулирования. Развитие философской мысли в Европе XIX в. привело к усилению вопросов морали и нравственности, воспитания людей и позитивного развития человечества. Идеи Гуго Гроция¹, заложенные в начале XVII в. в работе «*De jure belli ac pacis libri tres*» («Три книги о праве войны и мира») привели к идее ограничения средств и методов ведения войны и, в конечном счете, созданию международного гуманитарного права.

Говоря о средствах ведения войны, следует выделить так называемые «гаагские ограничения», которые были сформулированы к 1907 г. по результатам Гаагских конференций 1899 и 1907 гг. В дальнейшем средства ведения войны многократно ограничивались или запрещались, но подход к регулированию оставался неизменным.

Во-первых, средство ведения войны должно стремиться к избирательному характеру действия. Т. е., оружие и боеприпасы,

наносищие удар по большой площади, с вероятностью нанесения ущерба гражданским лицам, будет запрещаться или ограничиваться. Во-вторых, оружие не должно наносить излишних страданий, а лишь выводить противника из строя. В последние годы XIX в. в эту категорию попали отравленные и разрывные пули. Однако в задачу настоящей статьи не входит ретроспективный анализ всех средств ведения войны, которые были ограничены или запрещены.

Попробуем дать оценку некоторым современным достижениям в сфере развития вооружений с точки зрения международного права.

Высокоточное оружие. Оружие, имеющее технические возможности наведения боеприпаса на цель с помощью радиолуча или иным образом на протяжении всего участка полета до цели. Поскольку высокоточное оружие прямо соответствует положениям IV Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г., следует предположить, что развитие высокоточных систем будет продолжено. Также следует отметить, что высокоточное оружие позволяет игнорировать еще один важный принцип международного гуманитарного права — запрещение средств, имеющих неизбирательный характер действия. Статья 51 первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г. «О защите жертв войны» прямо указывает квалифицирующие признаки:

а) нападения, которые не направлены на конкретные военные объекты;

б) нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, которые не могут быть направлены на конкретные военные объекты; или

с) нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, последствия которых не могут быть ограничены, как это требуется в соответствии с настоящим Протоколом;

и которые, таким образом, в каждом таком случае поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия².

Следует предположить, что управляемые боеприпасы, в первую очередь ракеты, будут все больше применяться на театре военных действий (ТВД) с городской застройкой, а также в тех местностях, где не были удалены гражданские лица.

Оружие массового поражения нелетального характера. К таковым относятся различные химические вещества, прежде всего, не попадающие под действие Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г., которая в статье 23 прямо запрещает «употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания» (пункт Д)³. С другой стороны, химические вещества нелетального действия не попадают под определение химического оружия, как сказано в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, поскольку к химическому оружию относится вещество, которое «...за счет своего химического воздействия на жизненные процессы может вызвать летальный исход, временный инкапацирующий эффект или причинить постоянный вред человеку или животным» (статья 2, пункт 2 Конвенции)⁴. Также следует отметить, что нелетальные химические вещества не только разрешаются к применению, но и специально определяются в Конвенции 1993 г. как «химическое средство для борьбы с беспорядками», к которому относится любой химикат, «способный быстро вызывать в организме человека раздражение органов чувств или физические расстройства, которые исчезают в течение короткого промежутка времени после прекращения воздействия» (статья 2, пункт 7)⁵. Следовательно, любые средства слезоточивого, обжигающего или психического действия могут быть использованы без претензий со стороны международных организаций.

Следует отметить, что Конвенция 1974 г. «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении» имеет более радикальный характер, запрещая использование любых патогенных микроорганизмов, не важно, летального или нелетального действия. С другой стороны, можно отметить, что конвенция не запрещает исследования в сфере бактерий и вирусов, а при наличии развитой биохимической промышленности и множества производств двойного назначения воссоздать завод по производству боевых биологических веществ не представляется сложной технической задачей. Применительно к США следует отметить, что в 2001 г. администрация президента Буша отказалась ратифицировать Протокол к Конвенции, который создавал механизм взаимных проверок выполнения конвенций⁶.

Перспективным направлением в данной области являются модификации естественных заболеваний, которые позволяли бы скрыть искусственный характер вмешательства. К примеру, вирус гриппа в природе многократно эволюционировал самостоятельно, поэтому создание новых его версий не будет привлекать внимания. Также следует предположить продолжение исследований в сфере сельскохозяйственных вирусов и возбудителей болезней у животных. В условиях низкого фитосанитарного и ветеринарного контроля в большинстве государств мира, прежде всего развивающихся, подрыв экономического потенциала конурента представляется вполне исполнимой задачей. Следует отметить, что опыт целенаправленного заражения растений имеется у США как минимум со второй половины 1950-х гг. XX в.⁷

Говоря о традиционных направлениях разработок, следует упомянуть различные нелетальные формы поражения, когда противник не уничтожается, а гарантированно выводится из строя. Из известных возбудителей проводились исследования с туляремией. Также, упоминая о достижениях генетики, следует предположить теоретическую возможность использования биологического оружия против определенных генетических и расовых групп населения⁸.

Среди перспективных направлений следует упомянуть **оружие с высокой степенью готовности**. Ограничения стратегических вооружений в основном затрагивают два аспекта: количество носителей ядерного оружия и количество самих ядерных зарядов. Все современные международные соглашения имеют в основе соглашения времен Холодной войны, когда СССР и США наращивали так называемую «ядерную триаду». Однако современные системы вооружений допускают нанесение удара обычными боеприпасами со стратегических носителей. Следовательно, создание модульных стратегических систем позволяет обходить все запреты Договоров «Об ограничении стратегических вооружений» (ОСВ-1, 2), «О сокращении наступательных вооружений» (СНВ-1, 2, 3) и некоторых сходных с ними, вроде Договора «О ракетах средней и меньшей дальности» 1987 г.

Здесь следует выделить две основные задачи промышленно развитых государств. Во-первых, в США была принята доктрина «Быстрого глобального удара», допускающая применение обычных боеприпасов со стратегических носителей⁹. Во-вторых, разработка систем двойного назначения, по сути, привела

к необходимости новых международных соглашений. Так, оснащение беспилотных летательных аппаратов дальнего действия субракетами не нарушает положений Договора «О мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» (англ. «NEW START») ¹⁰. Также создание космического аппарата типа «шаттл» с системой запуска с его борта спутников дает возможность обойти положения Договора 1967 г. «Об общих принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела», поскольку статья 4 договора запрещает размещение в космосе и на небесных телах оружия массового уничтожения, испытание любых видов такого оружия и военные маневры, но ничего не говорит о подготовке космических аппаратов с обычными видами вооружений ¹¹. Кроме того, если подходить к договору с формальной стороны, то применение оружия «шаттлом» после схождения с орбиты и покидания космического пространства (100–105 км) не будет считаться нарушением Договора.

Оружие с элементами ИИ. Применение многоуровневых селективных систем и роботизированных поражающих боеприпасов приведет к увеличению качества гуманных средств ведения войны с точки зрения Гаагских и Женевских конвенций. Однако одновременно усложнение конструктивных элементов боеприпасов электроникой приведет к их удорожанию. В результате может возникнуть экономическая проблема, когда стоимость затрат на войну будет превышать стоимость результата такой войны. В свою очередь, армии стран, не располагающих значительными бюджетами, будут стремиться применять самые недорогие средства поражения, оставаясь, по сути, на уровне XX в.

Среди перспективных видов оружия следует выделить такие нетрадиционные, как инфразвуковое (вызывающее панику или прострацию), лазерное (вызывающее временное ослепление), кинетическое (применение кинетических стрел при орбитальной бомбардировке) ¹². Поскольку отдельными конвенциями их положение не регулируется, то и разработка с последующей постановкой на вооружение не будет считаться нарушением норм международного права. Впрочем, если будет доказан необратимый вред здоровью или неизбирательный характер действия такого оружия, то будет создан правовой казус требовать отказа от таких систем или ограничения их применения.

Таким образом, можно сделать вывод, что все перечисленные в статье перспективные виды оружия будут находиться под влиянием норм международного гуманитарного права. С другой стороны, в интересах мира и международной безопасности как можно скорее регламентировать международными нормами перспективные средства ведения войны.

¹ Гроций Г.; Пресс Аркадий. О праве войны и мира. СПб.: Изд-во П. Сойкина, 1902.

² Цит. по: Официальный сайт МККК, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf

³ Действующее международное право. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. Т. 2. С. 575–587.

⁴ Цит. по: Официальный сайт ООН, «Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении» http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml

⁵ Там же.

⁶ См.: Официальный сайт МИД РФ. «Справка по Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия» http://www.mid.ru/drugie-vidy-omu/-/asset_publisher/JBSvkVAIGJSS/content/id/1137823

⁷ Супотницкий М.В. Биологическая война. М.: Русская панорама, 2013. С. 1135.

⁸ Алибеков К., Хендельман С. Осторожно, биологическое оружие! М.: Городец, 2003.

⁹ См.: Woolf A.F. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues. Washington, DC: Congressional Research Service, Apr. 06, 2018. (CRS Report for Congress; R41464).

¹⁰ См.: SIPRI Yearbook 2018 Year 2018 Language English // Publisher Oxford University Press Month 7.

¹¹ Цит. по: Официальный сайт ООН. «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml

¹² Баталин Е. Создание в США оружия на новых физических принципах // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 6. С. 31–40.

В.Ю. Соболев (Санкт-Петербург)

ВООРУЖЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ (НА ПРИМЕРЕ НИКОЛЬСКОГО КОТОРСКОГО ПОГОСТА ШЕЛОНСКОЙ ПЯТИНЫ)

Н АХОДКИ ПРЕДМЕТОВ вооружения различных эпох постоянно привлекают внимание историков, археологов, краеведов, музейных работников и посетителей музеев, немалую притягательность, к сожалению, они имеют и для обширной группы грабителей («любителей металлопоиска», «активных краеведов», поисковиков и пр.)¹. Интерес к русскому средневековому оружию, зародившийся с момента первых открытий, не ослабевает до сих пор², постоянно публикуются работы, посвященные отдельным артефактам, комплексам находок и деталям воинского снаряжения³.

Археологическое исследование средневековых памятников показывает, что целые и фрагментированные предметы вооружения находятся в культурных напластованиях поселений, куда они попадали как в результате боевых действий, так и «естественным» путем (потери, утраты, невоенные катастрофы и т. п.), и в погребальных памятниках, где оружие, по всей вероятности, играло ритуальную роль.

Никольский Которской погост — один из достаточно хорошо изученных раскопками локальных центров на западе Новгородской земли⁴. Он включает в себя небольшой городок (мысовое городище) с обширным открытым селищем с напольной стороны и ряд оставленных его жителями разнотипных погребальных памятников. Кратко итоги многолетних раскопок поселения и его роль в системе расселения Северо-Запада освещалась на конференции «Война и оружие»⁵. Однако детали и

фрагменты оружия, снаряжения всадника и коня, найденные в культурном слое поселения и в могильниках, ранее никогда не рассматривались как единый комплекс.

Поселение

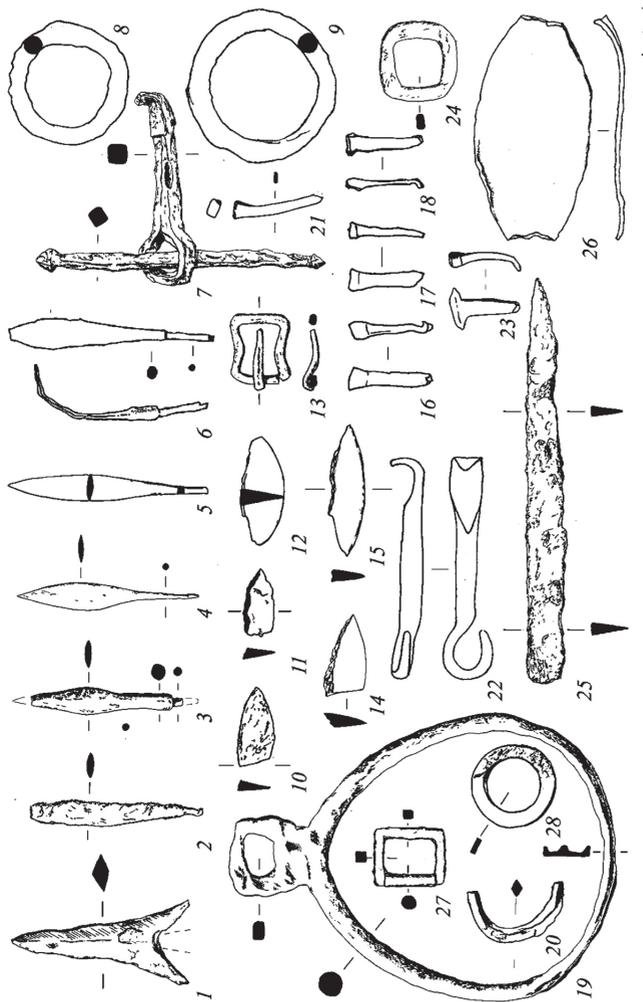
На сегодняшний день на площадке городища культурный слой не выявлен. Культурные напластования селища подразделяются на нижний слой бурого гумусированного песка («бурого гумуса») и верхний слой гумусированного песка, окрашенного в черный цвет («черного гумуса»), верхняя часть которого распахана (так называемый «горизонт пахоты»)⁶.

Возникновение поселения относится к концу IX — рубежу IX–X столетий, прекращение жизни и перенос поселения на место современной деревни произошел не позднее середины — второй половины XI в.

Из слоя бурого гумуса происходит лишь фрагмент массивного ангона — особого вида метательного копья с двушипным наконечником (ил. 1: 1). Копья с пером в виде двух расходящихся в стороны шипов относятся к типу VII по классификации А.Н. Кирпичникова; исследователь указывает на их преимущественно промысловое значение⁷, однако массивность изделия и его длина дают возможность предполагать как минимум двойное назначение наконечников данного типа⁸.

Слой черного гумусированного песка имеет внутреннюю стратификацию. Его нижнюю часть практически на всей площади раскопанных участков составляет горизонт мощного пожара, катастрофа, по всей видимости, имела военный характер. Из этого слоя происходит целый ряд находок: стремя, обломок топора, ланцетовидные и листовидный наконечники стрел, один из которых был найден в вертикальном положении, острием вниз — очевидно, древко не долетевшей до цели стрелы сгорело, а наконечник так и остался в земле.

Ланцетовидные наконечники (ил. 1: 2, 3) могут быть отнесены к варианту 2 типа 62⁹, листовидный (лавролистный) с пером линзовидного сечения и простым круглым черенком без упора (рис. 1: 4) близок типу 63¹⁰. Аналогичный лавролистный наконечник происходит из слоя пахоты (ил. 1: 5). Еще один ланцетовидный наконечник стрелы (ил. 1: 6), также относящийся к варианту 2 типа 62, был обнаруженный при незаконных поисковых работах

Ил. 1. Селище Которской погост. Находки предметов вооружения, снаряжения всадника и боевого коня. 1-28 — железо: 1 — наконечник копья, 2-6 — наконечники стрел, 7 — фрагмент удила с псаллием, 8, 9, 13, 20, 24, 27, 28 — подпружные пряжки и кольца, 10-15 — лезвия топоров, 16-18, 21, 23 — подковные гвозди, 22 — фрагмент удила, 25 — боевой нож, 26 — подножка стремени?

на селище в 2017 г. и выброшен грабителями как не представляющий интереса.

Стремя (ил. 1: 19) относится к I типу по А.Н. Кирпичникову, характеризуется округлой подножкой и пластинчатым трапециевидным ушком и является наиболее распространенной формой стремян X — первой половины XI в., связанной с евразийскими формами более раннего времени¹¹. Возможно, подножкой стремени этого же типа является плоский железный предмет овальновытянутой формы, также выброшенный грабителями (ил. 1: 26).

В заполнении постройки 4 была найдена половина удила со стержневидным псалием (ил. 1: 7), которая может принадлежать как к типу IV, так и типу V, являющимися наиболее массовыми находками¹². К этим же типам относится половина удила (ил. 1: 22), найденных грабителями в начале 2000-х гг.¹³ К деталям снаряжения верхового коня относятся происходящие из слоев черного гумуса и пахоты железные подпружные пряжки — прямоугольная с изогнутыми боковыми сторонами (ил. 1: 13) и подквадратные (ил. 1: 24, 27), массивные железные кольца круглого и ромбического сечения (ил. 1: 8, 9, 20, 28) и подковные гвозди (ил. 1: 16–18, 21, 23)¹⁴. Возможно, украшениями узды служила часть бронзовых ременных накладок, также происходящих из слоя пахоты¹⁵, археологические материалы не всегда позволяют надежно разделить ременную гарнитуру, относящуюся к мужскому убору и конскому снаряжению.

Найденный в горизонте пожара обломок лезвия топора (ил. 1: 14) по всей видимости принадлежал узколезвийному боевому топору типа I или III¹⁶, аналогичные лезвия происходят из заполнения постройки 1а (ил. 1: 15), вышележащего слоя черного гумуса (ил. 1: 12) и слоя пахоты (ил. 1: 10, 11) Которского селища. Узколезвийные топоры этих типов широко распространены, лезвия схожей формы были найдены при раскопках Малышевского городища (Любытинский археологический комплекс), целые топоры происходят из погребения 25 во Пскове¹⁷, погребения 2 в «каменной насыпи»¹⁸ и погребения 14 могильника Удрай II¹⁹, кургана 2 могильника Удрай VI²⁰, курганов Юго-Восточного Приладожья.

В верхнем уровне заполнения постройки 3 (слой черного гумуса) был найден обломок лезвия ножа длиной около 14 см, шириной до 2,5 см и толщиной обуха около 0,5 см без следов перехода

от клинка к рукояти (ил. 1: 25). Аналогичный целый нож длиной 39,7 см происходит из слоя переотложенного гумусированного песка Псковского некрополя и интерпретируется как боевой²¹; находки боевых ножей на Руси весьма редки.

Среди находок существуют две группы фрагментированных средневековых артефактов, которые могут быть как остатками предметов вооружения, так и обломками бытовых или универсальных орудий. В первую очередь это происходящие из слоев черного гумуса и распашки части топоров (обломки лезвий (заполнение ямы 2), обухов (заполнение ямы 10), щекавиц), соотношение которых с теми или иными типами затруднительно, и найденные в тех же слоях предметы, которые могут быть интерпретированы как копейные втоки или пешни.

Погребальные памятники

Оставленные населением Которского погоста погребальные памятники разнотипны: сопки, курганные могильники и бескурганые (грунтовые) некрополи с остатками кремаций²², древнерусские христианские курганные кладбища.

Сопки Которского погоста не исследовались, ближайшая раскопанная насыпь этого типа находилась менее чем в 2,5 км к юго-востоку, у д. Полосы, но захоронения в ней найдены не были²³.

Часть курганных могильников с кремациями относится к культуре псковских длинных курганов, исследованные насыпи не содержали предметов вооружения²⁴; в еще одном изученном кургане — высокой погребальной насыпи из группы Которск IV — открыты лишь погребения с остатками женского убора и бытовыми предметами²⁵.

Бескурганые (грунтовые) могильники — в большинстве своем не образующие компактных скоплений россыпи обломков пережженных костей, фрагментированных вещей и керамики, находимые в дерне и слабо гумусированном поддерновом слое на вершинах озовых гряд. По всей вероятности, собранные на месте погребального костра кремированные останки и вещи размещались в легких (берестяных[?], лубяных[?]) наземных вместилищах, реже в неглубоких ямках, или высыпались на поверхность земли. В Которском погосте выявлено четыре археологически синхронных могильника этого типа, по всей вероятности, являющихся семейными кладбищами.

Наиболее полно изучен выявленный первым могильник Которск IX, результаты его исследования были опубликованы²⁶, хронология памятника подробно рассмотрена Е.Р. Михайловой²⁷.

В слое могильника обнаружено небольшое число предметов вооружения, деталей воинского снаряжения и снаряжения верхового коня, в большинстве относящихся к тем же типам, что и артефакты, найденные в культурных напластованиях селища: обломок ланцетовидного наконечника стрелы типа 62²⁸ (ил. 2: 4), половина кольчатых удил IV или V типа²⁹ (ил. 2: 1), железная подквадратная, вероятно, подпружная пряжка (ил. 2: 6). Как и на селище, в слое могильника были обнаружены фрагменты топоров неопределимых типов, они не включены в настоящую выборку. Наиболее редкой и интересной является находка железного колчанного крюка, несущего следы воздействия высокой температуры (ил. 2: 2). Полные аналогии данному артефакту найти пока не удалось, схожий происходит из раскопок Гнездовского археологического комплекса.

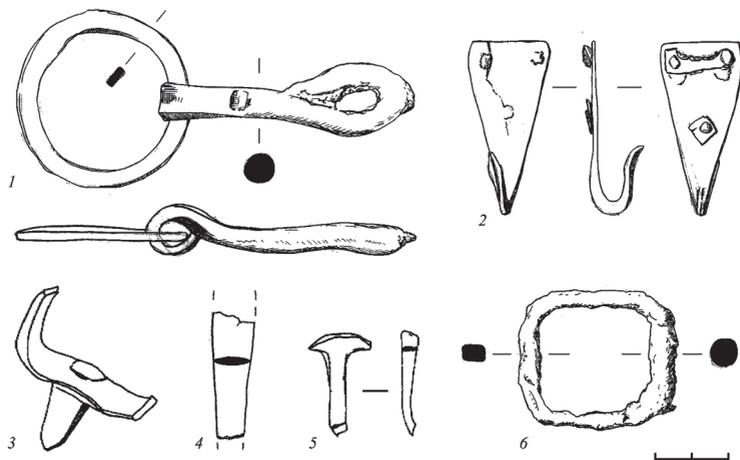
В разведочных раскопах, заложенных на соседнем однотипном могильнике Которск XI, были найдены подковный гвоздь (ил. 2: 5) и ледоходный шип (ил. 2: 3)³⁰.

Принятие христианства и крещение населения Новгородской земли археологически выражается в смене погребального обряда; появлении подкурганных ингумаций, наиболее ранние из которых датируются серединой XI столетия³¹.

Этим временем можно датировать наиболее ранние древнерусские христианские погребения Которского погоста. До настоящего времени в составе комплекса памятников сохранилось три курганных кладбища, вероятно, как и бескурганные могильники, являвшиеся семейными усыпальницами³². Новые — христианские — кладбища топографически наследуют некрополям предшествующего времени³³, располагаясь на тех же озовых грядах, но в отдалении от них, лишь спустя практически сто лет с момента появления древнерусские курганы «наползают» на бескурганные могильники.

Всего в Которском погосте исследовано немногим более 70 курганов древнерусского времени, предметы вооружения были найдены в 9 из них; часть комплексов опубликована³⁴.

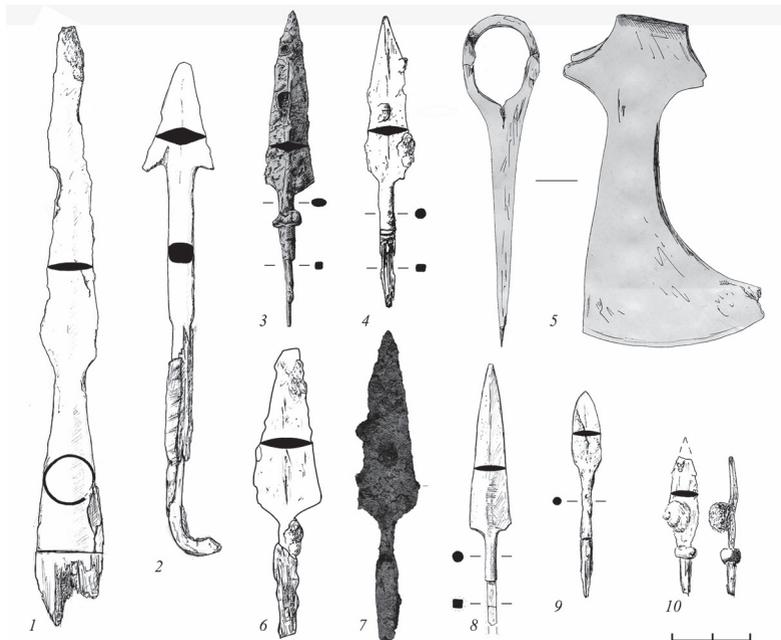
Топор (ил. 3: 5) был найден в «богатом» мужском погребении в кургане 3 кладбища Которск III, в котором кроме него были найдены подковообразная спиралеконечная застёжка

Ил. 2. Бескурганные (грунтовые) могильники с остатками кремаций.
Находки предметов вооружения, снаряжения всадника и боевого коня.
1–6 — железо: 1, 2, 4, 6 — могильник Которск IX, 3, 5 — могильник
Которск XI: 1 — фрагмент удила, 2 — крюк колчанный,
3 — шип ледоходный, 4 — фрагмент наконечника стрелы,
5 — подковный гвоздь, 6 — подпружная пряжка

с орнаментированной дугой треугольного сечения и узкой иглой, фрагмент серебряной монеты, пара разновесов от весов для малых взвешиваний, бронзовая подвеска-гребень с коньками на спинку и железный нож. В ногах погребенного был расчищен круговой горшок с остатками железного обруча под венчиком. Топор с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щекавиц и небольшим вырезным обухом близок ранним вариантам типа IV³⁵.

Копья найдены лишь в двух погребениях, совершенных под насыпью кургана 19 группы Которск XI. Двухшипное черешковое копье из погребения 1 (ил. 3: 2) может быть отнесено к типу VII по А.Н. Кирпичникову³⁶, считающемуся промысловыми орудиями. Одновременное захоронение в двух смыкающихся полами курганах трех вооруженных мужчин и отсутствие как среди исследованных в Которске захоронений, так и в целом погребениях региона традиции помещения в могилу бытовых предметов позволяет поставить под сомнение узкоутилитарное — охотничье — назначение наконечников этого типа. Наконечник отличается от описанного выше, происходящего из нижних напластований селища. У более раннего экземпляра шипы имеют более крутой угол перегиба.

Ил. 3. Древнерусские курганные кладбища. Находки предметов вооружения. 1–10 — железо: 1, 2 — наконечники копий, 3, 4, 6–9 — наконечники дротиков, 5 — топор, 10 — наконечник стрелы; 10 — Которск III курган 29 погр. 2, 3 — Которск IX курган 2, 1 — Которск XI курган 19 погр. 2, 2 — Которск XI курган 19 погр. 1, 5 — Которск IX курган 3, 4 — Которск XI курган 5, 6 — Которск XI курган 14, 7 — Которск XI курган 7, 8 — Которск XI курган 11 погр. 1, 9 — Которск XI курган 21

Черешковые двушипные ангонообразные копия в древнерусских материалах редки, территориально ближайшая находка двушипного втульчатого наконечника копья происходит из раскопанного Н.Н. Чернягиным кургана у д. Адамово в Восточном Причудье³⁷.

Из погребения 2, совершенного под насыпью того же кургана 19 происходит корродированный втульчатый наконечник копья с относительно нешироким пером удлинненно-треугольной формы и низко опущенными плечиками (ил. 3: 1) типа III по А.Н. Кирпичникову³⁸, широко распространенного в Северной и Восточной Европе, Прибалтике, Польше.

В отличие от большинства мужских погребений древнерусского времени, захоронения в кургане 19 могут быть узко датированы

благодаря находке одностороннего наборного костяного гребня, время бытования которых в слоях Великого Новгорода не выходит за пределы третьей четверти XI столетия³⁹.

Наиболее массовой находкой предметов вооружения из мужских ингумаций Которского погоста являются черешковые наконечники дротиков с преимущественно линзовидного сечения пером, схожим с типом III копий (ил. 3: 3, 4, 6–8). Назначением сулиц этого типа А.Н. Кирпичников считает, скорее, охоту, однако указывает, что часть из них могла иметь боевое применение⁴⁰. Черешковые дротики найдены в кургане 2 могильника Которск IX и курганах 5, 7, 10 и 14 кладбища Которск XI. Еще в одном кургане этой группы — № 21 — был найден небольшой наконечник листовидной формы с длинным черешком, который мог принадлежать как дротику, так и стреле (ил. 3: 9). Наконечник схожей формы, отнесенный А.Н. Кирпичниковым к типу IVA⁴¹, происходит из кургана LXXXVIII, раскопанного Н.Е. Бранденбургом у д. Кирилина в Юго-Восточном Приладожье⁴².

Наконечник стрелы — небольшой, листовидной формы, с упором и пером линзовидного сечения — был найден в погребении 2 кургана 29 группы Которск III (ил. 3: 10). Это курган интересен тем, что первоначально он был возведен над погребением 1 — мужской ингумацией; у пояса погребенного был найден небольшой железный нож с остатками деревянной рукояти. По прошествии некоторого времени у юго-восточной полы кургана была открыта еще одна могила небольшого размера (погребение 2), по дну которой были рассыпаны останки кремированного индивида. Линза кальцинированных костей фиксировалась не по всей площади, а в виде вытянутого пятна, имитирующего положение костяка. В могилу было положено несколько предметов, не подвергавшихся воздействию огня: небольшой железный нож, железный наконечник стрелы, серебряная монета. После засыпки могилы насыпь кургана 21 была увеличена таким образом, что перекрыла оба захоронения.

В древнерусских христианских некрополях западной части средневековой Новгородской земли известна небольшая группа мужских погребений, совершенных по обряду трупосожжения, в части из них среди кальцинированных костей найдены вещи без следов пребывания в огне. Эти захоронения, на мой взгляд, не могут рассматриваться как проявление языческих пережитков,

они максимально приближены к христианскому канону, на что указывает наличие и ориентация могилы, размещение костей на дне; возможно, кости были накрыты одеждой, так как нож, носившийся подвешенным к поясу, найден в средней части могилы, т. е. именно там, где находился бы пояс покойного, монета была найдена в ногах, что зафиксировано во многих ингумациях региона. Представляется вероятным, что описанное захоронение — погребение человека, умершего или погибшего вдали от дома. Необходимость и возможности транспортировки тела обусловили особенности обряда.

Подводя итоги, стоит акцентировать внимание на следующем.

Население средневекового локального центра Новгородской земли состояло из свободных зажиточных земледельцев типа северных бондов, знакомых и обладавших всеми типами современного им оружия. В то же время, несмотря на их «богатство»⁴³, предметы, связанные именно с профессиональной воинской субкультурой, наиболее ярко представлены в горизонте пожара, т. е. выпали в слой в результате военного конфликта, итогом которого стало сожжение поселения. По всей вероятности, они принадлежали нападавшим, а не защищавшимся.

Предметы вооружения, воинского и всаднического снаряжения в погребальных памятниках дохристианского времени многочисленны, характер погребального обряда — кремация, остатки погребений находимы рассыпанными по поверхности земли и во «взвешенном» состоянии в дерне и поддерновом слое — не дает возможности для определения или реконструкции их роли в погребальной обрядности.

С принятием христианства и распространением нового погребального обряда число захоронений с оружием, как кажется, возрастает. Примечательно, что узко датированные комплексы относятся к раннему этапу древнерусской культуры и датируются второй половиной XI столетия; представляется вероятным, что не позднее начала XII в. были совершены и остальные погребения с оружием Которского погоста.

Роль оружия в древнерусском погребальном обряде не вполне ясна. Часть исследователей связывает помещение мечей, топоров, копий в могилы с отголосками традиций предшествующей эпохи, М.Х. Алешковский предположил, что погребения с оружием есть захоронения местной сельской элиты и младших дружинников, получавших ленные пожалования от князей и бояр⁴⁴.

Возможно, оружие в захоронении отражает социальный статус покойного, однако столь же вероятно, что его наличие — свидетельство личного участия погребенного в походе и/или сражении, что дополнительно подтверждается отсутствием среди находок конского снаряжения и выделением в Новгородской земле группы захоронений мужских кремированных останков, подражающих трупоположениям, в части которых найдено оружие.

¹ Напр.: Соболев В.Ю. 1) Находки, сделанные на селище Которской погост в 2002–2004 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. Великий Новгород, 2005. С. 71–90; 2) Детали поясной гарнитуры населения Которского погоста // История военного костюма: от древнего мира до наших дней. Материалы III Международной военно-исторической конференции. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 16–31; Соболев В.Ю., Торопов С.Е. Комплекс памятников у деревни Раглицы в Верхнем Полужье: история и перспективы изучения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.А. Колчина. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 345–353.

² Арциховский А.В. Русское оружие X–XIII вв. // Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. 4. М., 1946; Рабинович М.Г. Из истории русского оружия IX–XV вв. // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 1 М.; Л., 1947; Медведев А.Ф. 1) Оружие Новгорода Великого // МИА № 3. М., 1959; 2) Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.; Л., Наука, 1966; Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли IX–XIII вв.; Вып. II. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л., Наука, 1966; Вып. III. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М.; Л., Наука, 1971; Вып. IV. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. М.; Л., Наука, 1973.

³ Напр.: Каинов С.Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 49–62; Жуков К.А. Ранний зеркальный доспех на Руси // Вестник молодых ученых. Серия. Исторические науки. СПб.: СПбНЦ РАН, 2001. № 5. С. 82–87; Жуков К.А., Коровкин Д.С. Западноевропейский доспех раннего ренессанса. СПб.: СПГУТД, 2005; Жуков К.А., Чернышов К.М. Двойной Гульдинер Максимилиана I (1509 г.) как изобразительный источник по истории конского защитного снаряжения начала XVI в. // Нумизматический альманах. 2010. № 3. С. 12–23; Mikhailov K.A., Kainov S.Yu. Find sof structural details of composite bows from Ancient Rus' // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 62 (2011) p. 229–244; Kainov S. Yu. Swords from Gnëzdovo // Acta Militaria Mediaevalia VIII. Kraków – Rzeszów – Sanok, 2012. S. 7–68; Андрощук Ф.А. Мечи викингов. Київ: ВД «Простір», 2013; Плавинский Н.А. Очерки история вооружения белорусских земель X–XIII веков. Київ: Олег Філюк, 2014; Михайлова Е.Р. Снаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах // Stratum+. 2014. № 6. С. 73–82; Каинов С.Ю., Кулешов Ю.А. Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований. Там же. С. 83–98; Каинов С.Ю. Деталь шлема из Плиски

(A helmet detail from Pliska) // Военни експедиции, въоръжение и снаряжение (античност и средновековие). Acta Musei Varnaensis. X–2. Варна, 2018. С. 47–52.

⁴ Кузьмин С.Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли. М., 1990. С. 153–168; Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. 1) Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста // Stratum Plus. 2000. № 5. С. 70–82; 2) Которской погост — раннесредневековый локальный центр на западе Новгородской земли // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 62, 63; Соболев В.Ю. 1) Исследования древнерусских погребальных памятников Которского погоста в 2006 г. // Изборск и его округа (материалы III Международной научно-практической конференции). С. 170–181; 2) Новые находки вещей скандинавского круга в Которском погосте Шелонской пятины // XVI конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Материалы конференции. Ч. I. Архангельск, 2008. С. 219–221; 3) Комплекс археологических памятников Которского погоста (X — первая половина XI века) // Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). Великий Новгород, 2015. С. 4–32; Михайлова Е.Р. Бескурганые могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда: «Древности Севера», 2014. С. 317–335; Mikhailova Helena. Kotorsky pogost — a local centre in the western part of Novgorod Land // Linnuste raamatu eestikeelene parallel pealkiri. Muinasaja teadus. 24. Tartu, 2014. P. 157–186.

⁵ Соболев В.Ю. Которской погост в системе средневековых крепостей запада Новгородской земли // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. Ч. IV. С. 216–229.

⁶ Подробнее о стратиграфии Которского селища см.: Кузьмин С.Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы. С. 153–168; Mikhailova Helena. Kotorsky pogost — a local centre in the western part of Novgorod Land. P. 157–186; Соболев В.Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста... С. 4–32.

⁷ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. II. С. 13.

⁸ В заполнении постройки 1 (слой черного гумуса) были найдены 2 одношпанных черешковых наконечника, традиционно относимых к гарпунам, не включенные в настоящую работу.

⁹ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. С. 73, 74.

¹⁰ Там же. С. 75, 76.

¹¹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. IV. С. 47.

¹² Там же. С. 16, 17.

¹³ Соболев В.Ю. Находки, сделанные на селище Которской погост в 2002–2004 гг. С. 71–90.

¹⁴ Следует отметить, что часть рассматриваемых артефактов, изъятая грабителями из слоя пахоты (например, подружные кольца № 27 и 28 и подковные гвозди), не связана со средневековыми культурными напластованиями, а относится к более позднему времени.

¹⁵ Соболев В.Ю. Детали поясной гарнитуры населения Которского погоста. С. 16–31.

- ¹⁶ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. II. С. 29, 31–33.
- ¹⁷ Малышева Н.Н. Раннегородской некрополь древнего Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. СПб.: «Нестор-История», 2012. С. 71, 136, 137.
- ¹⁸ Отдел хранения и изучения археологических коллекций НГОМЗ, КП 34112 А101-176.
- ¹⁹ Там же. КП 34112 А101-165.
- ²⁰ Там же. КП 34112 А101-156.
- ²¹ Малышева Н.Н. Раннегородской некрополь древнего Пскова. С. 71, табл. XLVII, 7; Артемьев А.Р. Скрамасакс из Псковского некрополя X — начала XI вв. // Археологические вести. № 5. 1996–1997. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. С. 228–232.
- ²² Кузьмин С.Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы. С. 153–168; Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р. Новые материалы к проблеме славянского расселения на северо-западе Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. С. 138–146; Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста. С. 70–82.
- ²³ Кузьмин С.Л. Отчет о полевых исследованиях Плюского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. // АИА РАН. Р-1. № 15849–15851; Соболев В.Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста... С. 4–32.
- ²⁴ Стоит отметить, что находки предметов вооружения и/или снаряжения воина — весьма редкая находка в памятниках этой культуры: Михайлова Е.Р. Находки предметов вооружения в культуре псковских длинных курганов // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. IX. Минск: «Галіяфы», 2013. С. 29–40; Михайлова Е.Р. Снаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах. С. 73–82.
- ²⁵ Кузьмин С.Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы. С. 153–168.
- ²⁶ Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста. С. 70–82.
- ²⁷ Михайлова Е.Р. Бескурганные могильники близ Которского погоста... С. 317–335.
- ²⁸ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. С. 73, 74.
- ²⁹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. IV. С. 16, 17.
- ³⁰ Назначение данных предметов по-прежнему дискуссионно, их отнесение к снаряжению верхового коня обосновано А.Н. Кирпичниковым.
- ³¹ Соболев В.Ю. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования // Археологические вести. Вып. 21. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2014. С. 352–367.
- ³² Вероятно, их число было большим: в исследованиях начала XX в. отмечено еще одно древнерусское кладбище, не сохранившееся до настоящего времени.
- ³³ Этим объясняются одинаковые названия курганных и бескурганных (грунто-вых) могильников (Которск III, Которск IX, Которск XI), часть бескурганных некрополей была открыта при исследовании древнерусских кладбищ.

- ³⁴ Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста. С. 70–82; Соболев В.Ю. Погребения с южной ориентировкой в курганной группе Которск XI (Плюсский район Псковской области) // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010. С. 169–177; Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста) // *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017.
- ³⁵ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. II.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Чернягин Н.Н. Чертежи раскопок курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковской обл. в 1938–1940 гг. (д.д. Безьва, Володи, Городня, Совий Бор), рисунки находок // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 165.
- ³⁸ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. II.
- ³⁹ Условно синхронизируются с 23 ярусом мостовых Неревского раскопа и ниже (до 1076 г.). Лесман Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Межвузовский сборник. Л.: изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- ⁴⁰ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. II.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья. МАР. № 18. СПб., 1895.
- ⁴³ Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXX научной конференции. Вып. 30. Великий Новгород, 2018. С. 181–189.
- ⁴⁴ Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников // СА. 1960. № 1. С. 70–90.

*С.В. Талантов (Москва),
Л.Б. Двалишвили (Грузия, Кутаиси)*

ИЗОБРАЖЕНИЯ ШАШКИ В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ XVII ВЕКА

ШАШКА, а точнее, вопрос места ее возникновения, является своеобразным «камнем преткновения». Происхождение шашки, еще недавно считавшееся неоспоримым из-за широко известной монографии «Оружие народов Кавказа»¹ на сегодняшний день вызывает ряд вопросов, связанных с новыми исследованиями.

Общеизвестно, что ранние образцы шашек по понятным причинам не сохранились до наших дней. В условиях их практически полного отсутствия при определении происхождения шашки как самостоятельного вида оружия на первый план выходит изучение письменных и изобразительных источников. Целью нашего исследования является введение в научный оборот новых данных, которые могут пролить свет на происхождение шашки, а именно: представление научной общественности изображений этого клинкового оружия, которые сохранились в монументальной живописи Западной Грузии XVII в.

Но перед тем как перейти к самой теме исследования, на наш взгляд, необходимо дать краткий обзор данных из грузинских письменных источников позднего средневековья, связанных с шашкой. Основная проблема, которая характерна для вышеупомянутых источников, заключается в том, что термином **хмали** ხმალი [xmalɪ] (др.-груз.: ჳრმალი [q^hrmali] или ჳმალი [q^hmali]) пользовались уже с ранних веков (например, в Ошкской библии он встречается в X в.)² для обозначения различных образцов однолезвийного, а часто и двулезвийного длинноклинкового

оружия. При этом в литературных источниках в большинстве случаев не конкретизируется, какой именно вид рубяще-режущего клинкового холодного оружия подразумевали в конкретной ситуации. В связи с этим точное установление принадлежности того или иного термина конкретному образцу длинноклинкового оружия при помощи различных письменных источников не представляется возможным.

Счастливым исключением из этого печального правила можно считать «Толковый словарь грузинского языка», составленный грузинским писателем, лексикографом и политическим деятелем Сулханом Саба Орбелиани (1658–1725) в период между 1685–1716 гг. Этот труд является богатейшим источником для изучения вопросов быта и материальной культуры Грузии периода рубежа XVII–XVIII вв. Сулхан Саба среди многих видов **хмали** (хрмали) выделяет тот вариант, который совпадает со сферой нашего интереса. Это слово **лекури** ლეკური [lek'uri], которое автор разъясняет как **увадо хмали** უვადო ზრმალი [uvado q'rmali], что переводится как **хмали без крестовины**³.

Для нас важно, что сам термин **увадо хмали** именно как название, а не как описание длинноклинкового холодного оружия, внесен в несколько словарей выдающихся языковедов и лексикографов. Среди них нельзя не упомянуть работы Нико Чубинашвили (1788–1845)⁴ и Давида Чубинашвили (1814–1891), в которых этот термин разъясняется как шашка. Правда, надо упомянуть, что в их же словарях существует термин **чолаури** ჭოლაური [tʃ'olauri], который также, судя по всему, относится к шашке⁵. Следует отметить и то обстоятельство, что в разъяснении термина **лекури** (шашка) оба Чубинашвили подчеркивают, что им пользуются имеретинцы⁶. Подобная конкретизация использования шашки в Имеретии может указывать на то, что там это оружие пользовалось особой популярностью. Таким образом, можно предположить, что шашка и термин **лекури** этнографически больше характерны для Западной Грузии. Важно, что этот термин был «живым словом» до последнего времени не только в Имеретии, но и в других уголках Западной Грузии: в Аджарии⁷, Гурии⁸, Менгрелии⁹ и Раче¹⁰. Насколько нам известно, какие-либо другие термины, кроме **лекури**, для обозначения рубяще-режущего длинноклинкового холодного оружия в менгрельских фольклорных источниках встречаются реже.

Шашка **лекури** упоминается в 30-х гг. XVIII в. в письменном памятнике «Житие Грузии», который в специальной литературе

известен как «Парижская хроника» (*поскольку он хранится в парижской библиотеке*). Так как вышеупомянутые тексты записаны на имеретинском и гурийском диалектах, принято считать их автора имеретинцем или гурийцем. В самом тексте при описании событий, происходящих при имеретинском дворе, встречается использование шашки **лекури** имеретинскими князьями¹¹. Еще один интересный источник, в котором упоминается **лекури**, связан с известным поэтом и общественным деятелем Бесарионом Габашвили (1750–1791), который в 70-х гг. XVIII в. занимал высокие посты при дворе имеретинского царя. Бесики в своем стихотворении «Рухская битва» описывает победу объединенных армий Имеретии, Менгрелии и Гурии в 1779 г. над черкесско-адыгско-османской коалицией. Считаем важным упомянуть, что в этом бою принимал участие имеретинский царь Соломон I, который был вооружен именно шашкой **лекури**¹². Упоминается **лекури** и в одном судебном деле, которое рассматривал другой царь Имеретии — Соломон II. Дело касалось нападения на священнослужителя в церкви, которое совершил некий Махобой Кутателадзе, вооруженный шашкой. Указанное разбирательство датируется 1795 г. и интересно тем, что в источнике приводится термин **лекури**, который, несомненно, был на тот период в Имеретии живым словом¹³. Здесь же необходимо вспомнить данные историка Нико Дадиани (1764–1834), приведенные им в произведении «Жизнь грузин», написание которого он завершил в 1823–1824 гг. Описывая сражение своего деда, менгрельского князя Отии Дадиани с имеретинским царем и его войском в Чихорской битве (1734), он сообщает, что имеретинцы тяжело ранили Отию Дадиани в трех местах шашкой **лекури**, а затем захватили его в плен¹⁴. Также шашку упоминает Иоанэ Батонишвили (1768–1830) в своей книге «Хумартсцавла» («Калмасоба»), описывающей реалии конца XVIII — начала XIX в. Одишский (менгрельский) монах, осматривая на площади тбилисские мастерские, среди разных оружейных мастеров увидел сабельщиков и удивился количеству оружия. Для нас же важно, что **хмали** он называет термином **лекури** и, таким образом, естественно подразумевает, что в том уголке, откуда он родом, именно этот термин был популярным, и поэтому его особое внимание привлекло именно это оружие¹⁵.

Кроме грузинских источников, важно упомянуть документ XVII в., авторство которого принадлежит русским послам

в Имеретинском царстве (1650–1652) стольнику Толочанову и дьяку Иевлеву. В частности, они отмечали следующее: «А входят в церковь в саблях, и везде сам царь и всяких чинов люди. А сабли не по-русски, кабы что нож висит на бедре»¹⁶. А как справедливо замечено в специальной литературе, такое ношение характерно именно для шашки¹⁷.

Подтверждением особой популярности и распространения шашки в Западной Грузии служит целый ряд изображений ктиторов¹⁸ в родовых церквях Западной Грузии, где они изображены с шашками. Начиная с XV в., в грузинской монументальной (фресковой) живописи появляется и уже с XVI в. становится ощутимой художественная тенденция, которая в специальной литературе известна под названием «народного течения». Указанное течение развивается параллельно с «официальной» живописью. Если живопись официального характера была присуща больше для царского двора и основывалась на традициях позднего Палеологовского ренессанса или Афонской художественной школы, то второе направление, несмотря на влияние художественной школы официального характера, было насыщено местными традициями¹⁹.

Для нас это явление интересно в том аспекте, что для живописи «народного течения» характерны реалистические тенденции изображения ктиторов, выявляющие целый ряд деталей из быденной жизни. Хотя к XVII в. в грузинской монументальной живописи поствизантийские художественные схемы относительно усилились, мы все-таки встречаемся с влиянием и целым рядом особенностей «народного течения».

Хотя большая часть церковной живописи Западной Грузии, к сожалению, потеряна, все же возможно выделить целый ряд родовых или, как минимум, связанных с конкретными фамилиями церквей, в которых ктитовы, т. е. местные феодалы, изображены как раз с шашками. При этом датировка данных изображений охватывает весь период XVII в.

Нами было детально изучено шесть церквей Западной Грузии (территория Имеретии, Рачи, Сванетии и Менгрелии), в которых удалось выявить одиннадцать случаев изображения шашки. Персонажи, изображенные на фресках, являются представителями военной элиты Западной Грузии того времени. И их изображение с шашками дополнительно подтверждает уже известную нам из письменных источников информацию об особой

Ил. 1. Имеретия, Гегутская церковь. Изображены Бака Иашвили, жена Марехи Абашидзе и неизвестные ктитеры (Музей Грузии им. Симона Джанашия, фонд копии монументальной живописи, № 2923)

популярности шашки в Имеретии. Первой нами была обследована Гегутская церковь имени святого Георгия, которая находится в Имеретии в деревне Гегути Цхалтубского муниципалитета. Этот храм связан с князьями Иашвили. Столица рода Иашвили находилась в Раче, хотя эти верные феодалы имеретинского царя также владели наделами и крепостными в окрестностях Гегути. Вероятно, гегутские земли им достались по наследству, в соответствии с их статусом управляющих царскими землями²⁰. Примечательно, что глава рода, «великий боярин» Иашвили назван среди князей имеретинского царства на шестом месте²¹. В 1920-х гг. Гегутскую церковь посетил историк Георгий Бочоридзе, описавший храм и сохранившиеся фрески с надписями, в которых упомянуты представители феодального сословия Иашвили²². К сожалению, сам оригинал фрески, датированной первой половиной XVII в.²³, утерян. Но в 1938 г. была изготовлена копия

фрески. У одного из ктиторов, изображенного на фреске, левая рука лежит на рукояти шашки. Та часть рукояти светло-беловатого цвета, которая видна зрителю, имеет скругленную форму. Ножны, как можно увидеть, — светло-красные (ил. 1). Также для нас оказался интересен Хобский монастырь, датируемый XIII–XIV вв. Этот епископский центр, расположенный в Мегрелии на территории села Ноджихеви Хобского муниципалитета, был одним из важнейших духовных и культурных центров региона. Храм был расписан в период постройки, но в 1640–1643 гг. (это время на прославленного и владетельного князя Левана

Ил. 2. Мегрелия, Хобский монастырь. Изображен неизвестный ктитор из рода Дадиани

Дадиани) живопись была обновлена настоятелем Хобского епископского храма Николаем (Никифором) Чолокашвили. Дадиани были владетельными князьями Мегрелии и одними из сильнейших феодалов в истории Грузии. В Хобском монастыре как раз изображены ктиторы из рода Дадиани²⁴. На северной стене середины купола изображен неизвестный ктитор, который, судя по всему, является представителем рода Дадиани. На фреске надпись, к сожалению, уже не читается. Изображенный на ней мужчина левой рукой держит длинноклинковое оружие, форма и подвес которого, несомненно, говорит нам о том, что это шашка с ножнами темно-коричневого цвета (ил. 2). Церковь святого Георгия, расположенная в нижней Сванетии, в Лентехском муниципалитете, в селе Дабиши, которое является частью Чихареши, называют «Окони». Она датируется XVI–XVII вв.²⁵ и является родовой церковью Кипиани. Вокруг церкви расположены их захоронения. Храм расписан фресками, которые датируются

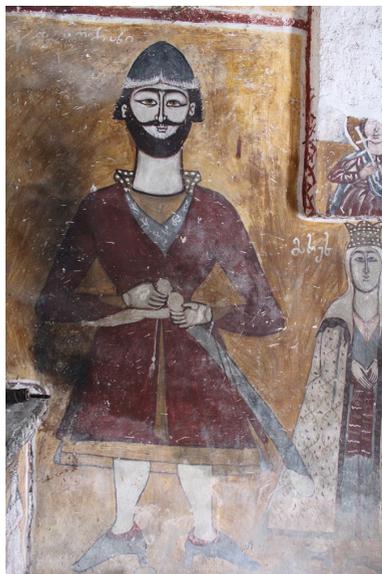
Ил. 3. Сванетия, Чихареши. Изображены Таибух Кипиани (Таибуг Гибиани) и его сын Батсиа

серединой XVII в.²⁶ Кипиани были верными вассалами имеретинских царей, доказательством чему служит то, что они состояли в личной гвардии имеретинского царя, возлагавшего на них большие надежды. Вероятно, впервые на портреты ктиторов и их одеяние, изображенные на фресках этой церкви, обратил внимание капитан Лисовский, который дал им свою оценку в рукописной книге «Кавказская война», завершённой им в 1848 г. По словам Лисовского, портреты создают впечатление об одеянии и вкусах старых сванов, а потому имеют большое значение для истории и представляют интерес с точки зрения геральдики²⁷. Фрески храма сохранились до наших дней. На северной, западной и южной стенах расположены портреты ктиторов. Изображены Гоча Кипиани, его брат и другие члены их семьи. Примечательно, что они именованы в форме «Гибиани». Подобное написание этой фамилии в исторических документах типично для середины XVII в. А как мы помним, роспись церкви как раз связана с этим периодом²⁸. Портреты ктиторов на северной стене частично повреждены, но на двух фигурах четко просматриваются изображения шашек в темно-коричневых ножнах

Ил. 4. Сванетия, Чихареши. Изображены Джанбалат (Нанбалат) и Мераб Кипиани (Гибиани)

(ил. 3). У третьей фигуры видна только рука, точно в той же позе, что у двух упомянутых фигур. По всей вероятности, этот персонаж тоже был изображен с шашкой. На западной стене во весь рост изображены два ктитора, которые также вооружены шашками (ил. 4). Причем на фреске достаточно подробно выписаны даже отдельные детали этих шашек. Ножны одной из них светло-соломенного цвета, другой — темно-кислизового. На южной стене изображен мужчина с шашкой в ножнах черного цвета (ил. 5). Навершия рукоятей шашек, изображенных на фресках, скругленные. Следующий храм, интересующий нас, — Никорцминда. Это

Ил. 5. Сванетия, Чихареши. Изображен Гоча Кипиани (Коджа Гибиани)

Ил. 6. Рача, собор Никорцминда.
Изображены Мераб Датуевич
Цулукидзе и Леван Цулукидзе

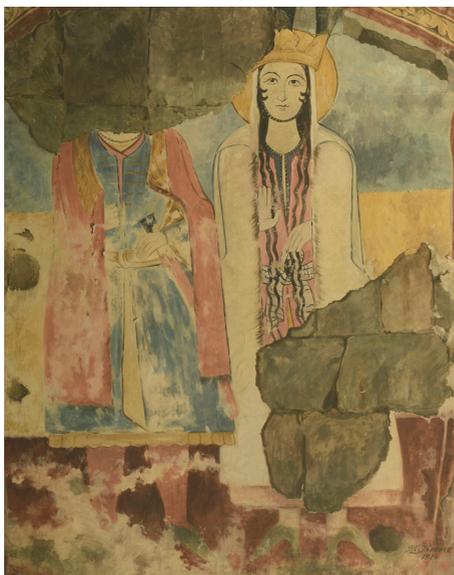
Ил. 7. Рача, собор Никорцминда.
Изображен Кайхосро Цулукидзе

церковь имени святого Николая расположена в Рачинском регионе, в деревне Никорцминда Амбролаурского муниципалитета. Была построена в 1010–1014 гг. по приказу царя единой Грузии Баграта III (961–1014). В XVI в. по приказу имеретинского царя храм был отреставрирован. После этого Никорцминда становится епископским центром. Храм полностью расписан достаточно хорошо сохранившимися фресками. В росписи просматриваются два слоя живописи, которые датируются XVI и XVII вв.²⁹ В позднее средневековье Никорцминда представлял собой некрополь феодалов из рода Цулукидзе. Тот слой живописи, который для нас интересен из-за изображений шашек, датируется 1660–1670 гг. и на нем изображены прославленные представители рода Цулукидзе, которые играли большую роль в тогдашней политической жизни Западной Грузии³⁰. Роспись храма, выполненная в XVII в., совпадает с периодом возвышения Цулукидзе, когда им было возвращено княжество. Однако вернемся к самим фрескам. Следует отметить, что на частично поврежденных изображениях ктиторов на северо-западной стене храма хорошо

Ил. 8. Рача, собор Никорцминда. Изображен Варადебул Бежанович Цулукидзе (слева — фото 2018 г., справа — музейная копия 1962 г. (Музей Грузии им. Симона Джанашия, фонд копии монументальной живописи, № 3249)

просматриваются изображения трех шашек. С одной из шашек изображен Мераб Датиевич Цулукидзе (ил. 6), со второй шашкой — подросток по имени Леван, а с третьей — маленький мальчик Кайхосро (ил. 7). В ряду ктиторов на северо-восточной стене изображен ктитор Варадебул Бежанович Цулукидзе с шашкой (ил. 8). Навершия рукоятей на всех четырех изображениях шашек — четырехугольной формы и черного цвета. В центре рукоятей изображен орнамент в форме цветка. Ножны шашек подростка и маленького мальчика — черного цвета, а ножны шашек взрослых — красноватого. Справедливости ради надо отметить, что на сегодняшний день та часть фрески, на которой изображена рукоять шашки Варадебула Цулукидзе, значительно повреждена. Однако копия фрески, выполненная в 1962 г., полностью отображает эту шашку³¹. Кстати, подобная форма навершия рукояти шашки обнаруживается и в церкви в Верхнем Ване на изображении ктитора Чиджавадзе. Верхневанская церковь расположена в Имерети в Ванском муниципалитете в деревне

Ил. 9. Имеретия, Верхний Вани. Изображены ктиторы из рода Чиджавадзе (Национальный музей Грузии. Музей искусств им. Ш. Амиранашвили, фонд монументальной живописи, № 119)

Верхний Вани. Сам памятник относится к XII–XIII вв. Росписи были выполнены в XVII в. Князья Чиджавадзе известны в Имеретии с начала XV в. Как раз это время церковь становится местом погребения членов их рода. В имеретинском царстве Чиджавадзе занимали высокие правительственные должности. Среди великих князей Имеретии они упоминаются на четвертом месте. Они владели несколькими замками, главный из которых являлся их резиденцией и был расположен в Сабеке. Современные исследователи локализируют его на территории сегодняшнего Ванского районного центра

ра³². Интересующая нас фреска дошла до наших дней, к сожалению, в виде копии, выполненной в 1914 г. На ней изображен представитель из рода Чиджавадзе с шашкой на поясе (ил. 9). Ножны шашки красного цвета, а навершие рукояти четырехугольной формы и черного цвета с изображением орнамента в виде цветка, расположенного в центре рукояти. Как упоминалось выше, рукоять очень похожа на рукояти шашек, изображенных на Никорцминдских фресках. Кулашская церковь расположена в Имеретии в деревне Кулаши Самтредского муниципалитета. Она являлась родовой церковью князей Микеладзе. Род Микеладзе в Имеретии после распада единой Грузии на княжества известен уже с XV в. Их владения находились на территории сегодняшнего Самтредского района и граничили с владениями Чиджавадзе. Центром была деревня Кулаши, где располагалась резиденция Микеладзе, замок и церковь, в которой находились княжеские захоронения. К XVI в. фамилия Микеладзе регулярно упоминается

среди имеретинских вельмож. Значение этого рода особенно возрастает с 30-х гг. XVII в., когда в Западной Грузии особенно обостряются распри между феодалами. К этому периоду владения рода Микеладзе ненадолго переходят в руки владыки Менгрелии. Примечательно, что жена картлийского царя Георгия II княжна Хорешани была дочерью Георгия Микеладзе, являвшегося главой рода Микеладзе, а дочь картлийского царя и царевны Хорешани была женой имеретинского царя Георгия VI³³. Георгий Микеладзе в исторических документах упоминается в 1668–1707 гг., а вместе с ним и его брат Паата³⁴. Кулашская церковь была полностью расписана фресками. Историк Георгий Бочоридзе, который в начале 1920-х гг. посе-

Ил. 10. Имеретия, Кулашская церковь. Изображен неизвестный ктитор из рода Микеладзе (Музей Грузии им. Симона Джанашия, фонд копии монументальной живописи, № 2977)

тил эту церковь, выделяет два слоя росписи, один из которых относительно ранний, а второй связан с его обновлением Паатой Микеладзе³⁵. Фреска дошла до нас в виде копии (ил. 10), выполненной в 1939 г.³⁶ У ктитора, изображенного на ней, левая рука лежит на рукояти шашки. Хорошо просматривается округлая форма ее рукояти и имеющийся на ней орнамент. Ножны темно-коричневого цвета.

Мы постарались представить в нашей работе конкретные примеры фресковой живописи Западной Грузии, которые изображают использование шашек. По нашему мнению, данными примерами не исчерпываются все возможные изображения шашек, и можно предположить, что после изучения отдельных образцов монументальной живописи других церквей число их возрастет. В заключение мы хотели бы упомянуть датированную XVII в. грузинскую рукопись «Ростомиани», которая хранится в национальном центре рукописей Грузии. Она не связана с Западной

Грузией, но зато дает яркое представление об известности «шашки» в Грузии XVII в.³⁷ В указанной рукописи есть три миниатюры батальных сцен, где воины вооружены длинноклиновым оружием без крестовины, также похожим на шашки, изображенные на фресках, которые мы рассмотрели в статье. Комплекс признаков длинноклинового холодного оружия, изображенного на фресках (характерная рукоять без защиты руки и подвес лезвием вверх), позволяет нам утверждать, что данные предметы являются шашками и, следовательно, шашка была хорошо известна в Грузии уже в XVII в.

¹ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004. С. 51, 52.

² Абуладзе И. Словарь древнегрузинского языка (материалы). Тбилиси, 1973. С. 470 (на груз. яз.) [აბულადე ი. ძველი ქართული ენის ლექსიკონი].

³ Орбелиани Сулхан-Саба. Толковый словарь грузинского языка XVII–XVIII вв. Тбилиси, 1949. С. 329 (на груз. яз.).

⁴ Чубинашвили Н. Русско-грузинский словарь. Тбилиси, 1971. С. 259, 383, 472 (на груз. яз.) [ბოკო ჩუბინაშვილი. რუსულ-ქართული ლექსიკონი].

⁵ Пока неизвестна точная дефиниция термина чолаури, т. е. правда ли оно означало шашку. Хотя, вероятно, лекури и чолаури отличались друг от друга, и их общим признаком являлось только отсутствие крестовины, так как они по отношению друг к другу не упоминаются ни у Сулхан Сабы, ни у Чубинашвили.

⁶ Чубинашвили (Чубинов) Д. Грузино-русско-французский словарь. СПб., 1840. С. 486, 666, 682; Чубинашвили (Чубинов) Д. Грузино-русский словарь. Тбилиси, 1984. С. 647, 1242, 1713, 1755.

⁷ Ногаидели Д. Исследования и записи. Тбилиси, 1972. Т. 2. С. 100, 101 (на груз. яз.).

⁸ Шарашидзе Г. Гурийский словарь. Тбилиси, 2014. С. 54 (на груз. яз.).

⁹ Чантуриа А. Материалы для мегрело-грузинского этнографического словаря // Труды Тбилисского университета (история, археология, искусствоведение, этнография), № 321. Тбилиси, 1996. С. 220 (на груз. яз.).

¹⁰ Дзидзигури Ш. Материалы грузинской диалектологии. Тбилиси, 1974. С. 111 (на груз. яз.).

¹¹ Жизнь Грузии (Парижская хроника). Тбилиси, 1980. С. 116 (на груз. яз.).

¹² Бесики (Габашвили Б.). Полное собрание сочинений. Тбилиси, 1962. С. 129 (на груз. яз.).

¹³ Долидзе И.С. Памятники грузинского права. Тбилиси: АН ГССР, 1974. Т. 5. С. 669 (на груз. яз.).

¹⁴ Дадияни Н. Жизнь грузин. Тбилиси, 1962. С. 176 (на груз. яз.).

¹⁵ Багратиони И.Г. Поучение в шутках (Калмасоба). Тбилиси, 1990. Т. 1. С. 432 (на груз. яз.).

¹⁶ Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650–1652 (Международные сношения Грузии с иноземными странами. Вып. 1). Тифлис, 1926. С. 111.

- ¹⁷ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. Нальчик, 1995. С. 142.
- ¹⁸ Ктитор — лицо, выделившее средства на строительство или ремонт православного храма, монастыря или на его украшение иконами, фресками, предметами декоративно-прикладного искусства.
- ¹⁹ Хускивадзе Ю. Народное течение в позднесредневековых росписях грузинских храмов. Тбилиси, 2003. С. 8–14 (на груз. яз.).
- ²⁰ Соселия О.Н. Очерки социально-политической истории Западной Грузии феодального периода (сеньории). Тбилиси, 1973. Т. 1. С. 120–128 (на груз. яз.).
- ²¹ Броссе М. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1659 г. по 1770 г. СПб., 1861. С. 83.
- ²² Бочоридзе Г. Имерети. Тбилиси, 1993. С. 74–77 (на груз. яз.).
- ²³ Old Georgian monumental painting and its Guardians. Tbilisi, 2017. P. 312 (на груз. и англ. яз.).
- ²⁴ Хускивадзе Ю. Роспись Хобского монастыря XVII в. // Древности Грузии. 2005. № 7–8. С. 261 (на груз. яз.).
- ²⁵ Фонд «Открытое общество — Грузия», программа национального культурного наследия. Ежегодный доклад. 1998 (на груз. яз.).
- ²⁶ Хускивадзе Ю. Народное течение в позднесредневековых росписях грузинских храмов. С. 302.
- ²⁷ Каландиа Г. Рукописная книга о Сванетии // Историани. 2015. № 5 (53). С. 78 (на груз. яз.).
- ²⁸ Письменные памятники Сванетии (X–XVIII вв.): В 2 т. / АН ГССР. Комис. комплекс. изуч. горн. части Грузии и др. Тбилиси, 1988. С. 61, 62, 101–104 (на груз. яз.).
- ²⁹ Хускивадзе Ю. Роспись Никорцминдского храма // Древности Грузии. 2003. № 3. С. 109–126 (на груз. яз.).
- ³⁰ Соселия О.Н. Очерки социально-политической истории Западной Грузии феодального периода. Тбилиси, 1981. Т. 2. С. 43 (на груз. яз.).
- ³¹ Old Georgian monumental painting and its Guardians. P. 277.
- ³² Соселия О.Н. Очерки социально-политической истории Западной Грузии феодального периода. Т. 2. С. 7–22.
- ³³ Там же. Т. 1. С. 52–57.
- ³⁴ Такаишвили Е. Древности Грузии. Тифлис, 1920. Т. 1. С. 44 (на груз. яз.); Алексидзе Н. Два памятника монументальной живописи XVII века в западной Грузии // АН ГССР, Инст. ист. груз. иск-ва им. Г.Н. Чубинашвили. Республканская научная конференция молодых ученых: посвященная 80-летию со дня рождения профессора Л.Д. Рчеулишвили, тезисы докладов, 1989, С. 46.
- ³⁵ Бочоридзе Г. Имерети. С. 28.
- ³⁶ Old Georgian monumental painting and its Guardians. P. 275.
- ³⁷ Цурцумия М. Средневековое грузинское войско (900–1700): Организация, тактика, вооружение. Тбилиси, 2016 (на груз. яз.).

В.О. Терентьев (Санкт-Петербург)

ПАРТИЗАНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ 1941 ГОДА НА ЮГО-ЗАПАДЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СТРУГОКРАСНЕНСКИЙ, НОВОСЕЛЬСКИЙ, ПЛЮССКИЙ И ЛЯДСКИЙ РАЙОНЫ

В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны 1941–1945 гг. важную роль для достижения Победы сыграли партизанские формирования. 1941 г. стал начальным этапом в партизанском движении, апробированием форм и методов партизанской войны довоенных взглядов¹. Партизанские отряды формировались на опыте Гражданской войны и результатах анализа кампаний 1930-х гг. Местные (районные) партизанские отряды создавались на базе истребительных батальонов с заблаговременной подготовкой баз. Партизанские батальоны и полки — крупные добровольческие формирования из нескольких ополченческих подразделений и отрядов организовывались в Ленинграде с целью рейда в тыл врага с последующим освобождением крупной территории и воссоздания на ней советских органов власти. Опыт лета–осени 1941 г. показал нежизнеспособность подобной концепции. Самым оптимальным и устойчивым формированием к концу года стала стационарная партизанская бригада, дислоцировавшаяся в труднодоступном районе и соединявшая под единым командованием несколько местных отрядов и групп². В системах РККА и НКВД создавались диверсионно-разведывательные группы и отряды. Для ведения пропагандистской и разведывательной работы предусматривались подпольные (патриотические) группы городского и сельского типов. Для обеспечения управления, связи, взаимодействия между партизанскими, подпольными формированиями и «Большой землей» создавались разные формы «центров». Изначально это были координаторы

партизанского движения от обкома. Затем формировались подпольные райкомы, обкомы, затем межрайонные центры и т. д. Главное руководство партизанами и подпольщиками на оккупированных территориях реализовывалось штабами партизанского движения (ШПД)³.

Первые партизанские отряды стали зарождаться на территории Ленинградской области после захвата немцами Пскова 9 июля 1941 г. В течение нескольких дней немецкие войска оккупировали значительную территорию — 12 районов на юго-западе Ленинградской области (в настоящее время все они вошли в состав Псковской области, созданной в 1944 г.). В этих районах организовано, по приказу Ставки и стихийно стало зарождаться партизанское движение. Новосельский, Стругокрасненский, Плюсский и Лядский районы представляли собой лесные массивы, пронизанные магистралью Псков–Ленинград. Именно по ней группа армий «Север» вела наступление на Ленинград. Поэтому эти районы оказались в оккупации одними из первых. Попытки советских войск задержать врага на Новосельской позиции, а затем в Лужском предполье не увенчались успехом, и к середине июля немцы вышли к Лужскому оборонительному рубежу⁴. Здесь около месяца велись тяжелые бои⁵. Это позволило советскому руководству начать организацию сопротивления в немецком тылу. Рассматриваемая группа районов интересна в плане смены форм партизанского движения в зависимости от удаленности фронта, их успешности, противодействия армейским и фронтовым карательным структурам противника.

К 1 января 1941 г. население районов было сельским и достаточно многочисленным⁶. С началом войны, после мобилизации и эвакуации, количество жителей сократилось вдвое⁷ (см. табл. 1).

На основании постановлений СНК СССР от 24 июня 1941 г. в районах из непризывного контингента были созданы истребительные батальоны: 109-й Стругокрасненский, 143-й Лядский, 147-й Новосельский, 153-й Плюсский. Командирами Новосельского и Лядского были назначены начальники райотделов НКВД (милиции), соответственно: младший лейтенант Н.П. Дурьгин и лейтенант Кудрявцев. Командиром Стругокрасненского — капитан пограничных войск А.И. Терехов, а Плюсского — сержант НКГБ Н.И. Ефремов⁸. 27 июня вышло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об эвакуации из прифронтовой полосы, по которому обязали все партийные и советские организации к созданию

Табл. 1

№ п/п	Наименование района	Райцентр	Расстояние до Ленинграда (тыс. км ²)	Территория (тыс. км ²)	Количество сельсоветов	Количество поселков	Население (тыс. чел.) июнь 1941	Население (тыс. чел.) декабрь 1941
<i>Ленинградская область</i>								
1	Лядский	с. Ляды	228	1,6	18	-	26	12
2	Новосельский	с. Новоселье	228	1,0	11	-	23	14
3	Плюсский	с. Плюсса	183	1,2	14	-	23	13
4	Стругокрасненский	п. Струги Красные	205	1,9	21	1	40	25
Общая сумма							112	64

партизанских отрядов и разжиганию партизанской войны. Ядром партизанских формирований стали истребительные батальоны.

Лядский райком ВКП(б) развернул активную работу по выполнению постановлений партии и правительства. В районе заранее была создана сеть будущих подпольных организаций, развернуты продовольственные и боевые базы для будущих партизанских действий, подготовлены оружейные схроны⁹. Сразу же после оккупации райкомы партии и комсомола под руководством 1-го секретаря Г.Ф. Большова перешли на нелегальное положение¹⁰.

Однако не везде развертывание партизанской борьбы шло гладко. В Плюсском районе все три секретаря райкома ВКП(б) покинули райцентр в разгар боев под Псковом и прибыли в Лугу, где были мобилизованы в РККА¹¹. Новосельский актив также не выполнил поставленной задачи. Председатель

райисполкома, 1-й секретарь и секретарь райкома по кадрам 9 июля 1941 г. уехали из райцентра на велосипедах и в Луге были мобилизованы в РККА¹².

В Стругокрасненском районе было начато создание подпольной сети и попытка формирования базы для будущих партизан, но завершить начатые приготовления не удалось. Мероприятия по организации партизанского движения и попытка создания подпольной типографии были сорваны быстрым продвижением танков противника, поэтому подпольщики получили типографские листовки только один раз. Руководители района уехали из райцентра еще до объявления эвакуации и были мобилизованы в РККА¹³. 1-й секретарь райкома Г.В. Ежов возглавить работу райкома не смог в связи с вызовом в Ленинград.

Основной причиной пассивности и неуверенности партийно-советского актива стали репрессии, проведенные в 1937 г. против бывших руководителей, занимавшихся в 1930-е гг. заблаговременной подготовкой партизанских кадров и баз в районах. Так, 5 и 7 августа 1937 г. были арестованы руководители Лядского и Плюсского районов, 9 сентября — Стругокрасненского, а 30 декабря — Новосельского и только что назначенного руководителя Стругокрасненского¹⁴. Среди прочего в ходе следствия прозвучали обвинения в подготовке террористической деятельности и организации антисоветских формирований. В результате, несмотря на постановления июня 1941 г., большинство партийных и советских руководителей поспешило на консультации в обком, что, однако, не может являться оправданием невыполнения распоряжений в условиях текущей войны.

Ленинградский обком ВКП(б) при подготовке партизанского движения заранее условно разбил территорию области на секторы, и в прифронтовую полосу каждого из них послана оперативная группа во главе с уполномоченным для непосредственного руководства партизанским движением в городах и районах, занятых противником. В Лугу (центральный сектор) был направлен секретарь обкома по промышленности И.И. Баскаков. Среди прочих за ним закреплялись Стругокрасненский, Плюсский, Новосельский и Лядский районы. Координатором подпольного движения в Стругах Красных был назначен партторг Ленинградского обкома ВКП(б) А.М. Густяхин, направленный в тыл врага с первой группой районных руководителей¹⁵. Вместе с ним в составе первой группы был заброшен 1-й секретарь

Стругоокрасненского райкома Г.В. Ежов. Вслед за первой группой в полосе Северо-Западного фронта переправились в тыл врага секретари других райкомов, в том числе и Новосельского А.В. Ковру¹⁶. 23 июля в Стругоокрасненский район была направлена первая группа связных обкома. 2 августа была создана тройка обкома ВКП(б) по руководству партизанским движением в Ленинградской области, 27 сентября преобразованная в штаб партизанского движения. Руководство тройкой возложили на секретаря обкома Г.Х. Бумагина. На момент создания тройка располагала сведениями от 16 из 22 оккупированных районов о действиях партизан и подпольщиков. За первой группой связных последовали другие. В августе обком имел радиосвязь с 30 отрядами, действовавшими в тылу вражеской группы армий «Север», в том числе с 12 отрядами рассматриваемого региона. К сентябрю были получены данные о боевых действиях 43 партизанских отрядов¹⁷.

В переходный период от начала войны до оккупации районов важную роль в наполнении партизанского движения сыграли истребительные батальоны, формировавшиеся главным образом из советских, партийных и комсомольских активистов, добровольцев и милиционеров. Они предназначались для борьбы с парашютистами и охраны предприятий и учреждений, но зачастую вынуждены были выполнять несвойственные им задачи, оказываясь на передовой вместе с частями РККА.

147-й Новосельский истребительный батальон 10 июля оборонял станцию Новоселье от танков противника и был рассеян врагом в ходе боя. Остатки батальона послужили основой для создания Новосельского партизанского отряда¹⁸. Командир батальона Н. Дурьгин с горсткой бойцов вошел в состав Псковского партизанского отряда В.П. Шубникова.

153-й Плюсский истребительный батальон 7–8 июля участвовал в уничтожении немецких парашютистов. Подразделения батальона при сельсоветах вели прямое и скрытое противоборство с наступающими немецкими войсками. В южном (шоссейном) секторе района заранее была подготовлена рота В.И. Дудина. С 10 июля 1941 г. батальон вел боевые действия вместе с частями РККА на Плюсском направлении. 19 июля рота Дудина вместе с частями 177-й стрелковой дивизии атаковала деревню Заплюсье. После отхода частей РККА истребительный батальон послужил основой для создания Плюсского партизанского отряда¹⁹. Рота

под руководством В.И. Дудина 22 июля была переформирована в партизанский отряд и приступила к акциям в тылу противника.

143-й Лядский истребительный батальон 10 июля поступил в оперативное подчинение РККА. 12–14 июля он в одиночку оборонял мост через Плюссу и поселок Ляды от передовых частей 6-й танковой дивизии противника. Позже истребительный батальон послужил основой для создания Лядского партизанского отряда²⁰.

109-й Стругокрасненский истребительный батальон 11 июля, с началом крупномасштабных боевых действий на территории района, был преобразован в два партизанских отряда: работника Госбанка Милова (комиссар Г.В. Ежов) и заведующего райзо, участника Финской войны А.А. Чайкина (комиссар И.М. Филиппов)²¹. Дополнительно был сформирован еще и третий отряд из работников милиции под руководством начальника райотдела НКВД Богданова²². 17 июля 109-й батальон с партизанскими отрядами под общим командованием А.И. Терехова прибыл на соединение с РККА в Лугу. 19 июля они были возвращены обратно для действий в тылу врага. Отряд Терехова в течение 10 дней вел диверсионно-разведывательную деятельность. 29 июля при неудачном нападении на аэродром отряд был рассеян, и связь с ним была утеряна²³. Отряд А.А. Чайкина действовал в июле–августе 1941 г. между Стругами и Плюссой, имея базу в болоте Соколий Мох. 3 августа в ответ на действия отряда немцы сожгли д. Страшево²⁴. Милицейский отряд Богданова действовал в северо-западной части района, а отряд Милова — в юго-восточной. Кроме того, на территории Стругокрасненского района осенью 1941 г. действовал партизанский отряд М. Светлова (комиссар С.Ф. Верязов), сформированный из псковских и дновских железнодорожников²⁵. 11 августа в Ленинград из немецкого тыла вышел А. Густяхин с докладом о деятельности подполья. После постановки новых задач он возвратился назад с двумя радистами в начале сентября в составе опергруппы обкома и до своей гибели в январе 1942 г. продолжал руководить подпольной организацией Стругокрасненского района²⁶. 1-й секретарь райкома Г. Ежов был болен, но также участвовал в организации подполья. В составе 5-го партизанского полка он был назначен командовать агитационным взводом. Благодаря личному участию Г. Ежова в поселке было подготовлено три подпольные ячейки, а в районе — шесть патриотических групп. Он организовал плотное взаимодействие

подпольных организаций и партизанских формирований. С лесгафтовцами согласовать действия не удалось, за исключением одной группы²⁷.

Наиболее результативный Лядский райком ВКП(б) успешно руководил партизанскими отрядами, подпольщиками и разведгруппами, действующими на территории района. Было создано два партизанских отряда, обустроено несколько основных и запасных баз. Партизанами в качестве комиссара руководил 1-й секретарь райкома Г.Ф. Большов. Райком находился в отряде партийного и советского актива района, которым командовал председатель райисполкома А.Н. Забелин. Ядро второго отряда составили бойцы 143-го истребительного батальона. Оба отряда действовали сообща. Первоначально их численность составляла около 100 человек²⁸. Постепенно она увеличилась за счет местных жителей и красноармейцев, попавших в окружение. Опорной базой партизанских отрядов первоначально стало урочище Янцево на севере Лядского района. Со второй половины июля лядские партизаны наладили взаимодействие с 3-м партизанским полком и первые провели на территории Ленинградской области массированные партизанские воздействия по вражеским штабам. 29 июля они совершили успешное нападение на штаб 41-го моторизованного корпуса в Лядах. Они сожгли помещения штаба, больницы, занятые гитлеровцами, атаковали зенитную батарею, прикрывавшую штаб, и уничтожили взвод мотоциклистов. Было взорвано несколько мостов в Лядском районе. Ударам партизан подверглись штабы других частей и соединений, а также ряд гарнизонов вокруг Ляд. После подобных акций немцы перевели гарнизоны на осадное положение, заминировали райцентр и ряд крупных сел. Передвижение вне военных колонн или без конвоев дальше трех километров от Ляд было запрещено. К партизанам Большова присоединилось несколько малых отрядов. Вместе со стругокрасненскими партизанами Чайкина отряды Большова освободили ряд деревень в бассейне реки Черная и восстановили здесь советскую власть, образовав Низкореченский край. Согласованно с лядскими партизанами на границе Лужского, Лядского и Плюсского районов активно действовал крупный Лужский партизанский отряд И.Д. Дмитриева²⁹. Здесь был образован Лужский партизанский край, охвативший и Житковичский сектор Лядского района, установлена регулярная связь с Красной армией на реке Луга. После предательства

местных жителей, донесших оккупантам о месте дислокации партизан, в отряде была установлена жесткая дисциплина, скрытность и секретность передвижения. Подпольное движение в Лядском районе было организовано комсомольским райкомом во главе с У. Семеновой. Успешно действовали 11 комсомольских групп³⁰. Действенную помощь комсомольцам оказывали пионеры района.

Для организации подпольного и партизанского движения в Новосельском районе в конце июля обкомом ВКП(б) был направлен 2-й секретарь райкома А.В. Ковру³¹. Здесь было сформировано два партизанских отряда. Командиром первого отряда советского и партийного актива района стал заведующий военным отделом райкома Голубев. Он был создан на базе 147-го истребительного батальона и действовал между железнодорожной магистралью и шоссе Псков — Ленинград³². Второй отряд под командованием заврайторготделом Таборского и секретаря райисполкома Косякова в составе 120 человек действовал в северной части района³³. Вскоре он взял под свое руководство две группы лесгатофцев и вошел во взаимодействие с 5-м полком. В августе была налажена взаимосвязь Новосельского подпольного райкома и Псковского объединенного партийного комитета³⁴.

С конца июля в южном (шоссейном) секторе Плюсского района активно действовал отряд В. Дудина. К нему постепенно присоединились действующие здесь рейдовые ленинградские отряды и группы. С июля по сентябрь отряд произвел ряд нападений на немецкие гарнизоны, в результате которых врагу был нанесен значительный урон в живой силе и технике. 12 августа 1941 г. в тыл противника был заброшен Плюсский партизанский отряд во главе с Н. Ефремовым, переформированный из истребительного батальона. Плюсские партизаны уничтожили 25 автомобилей, 17 мотоциклов, 3 самолета, около 200 солдат и офицеров противника. На участке Струги–Плюсса 28 июля и 1 августа выводился из строя военный ремонтно-восстановительный поезд. Были взорваны железнодорожный и три автомобильных моста, два железнодорожных перегона, склад с боеприпасами³⁵. Тем не менее, из-за отсутствия заранее подготовленных баз и насыщенности прифронтовой зоны германскими войсками к сентябрю от отряда осталось всего 12 человек³⁶.

Кроме местных партизанских отрядов на рассматриваемой территории активно действовали специальные рейдовые

формирования фронтового уровня. Эффективно работали группы диверсионного партизанского отряда № 1 Института физкультуры имени Лесгафта (ДПО № 1). Он был сформирован в Ленинграде и утром 30 июня прибыл на станцию Струги Красные, где разделился на 12 групп по 20–30 человек. 6 групп были обеспечены радиосвязью. В Новосельском районе оперировали 3-я и 7-я группы; в Стругокрасненском — 8-я, 9-я и 10-я; в Плюсском — 11-я и 12-я³⁷. Группами были заблаговременно подготовлены опорные базы, и после прохождения германских войск они приступили к активной диверсионно-разведывательной работе. 15 июля 3-я и 7-я группы произвели совместный налет на подразделение вермахта в районе станции Новоселье³⁸. На счету 8-й, 9-й, 10-й групп подрывы железнодорожного полотна, 32 мостов, 16 засад, уничтожение около 40 автомашин, свыше 100 солдат противника. 11-я и 12-я группы вошли в состав Плюсского партизанского отряда Дудина. С 20 июля по 26 сентября в Стругокрасненском районе вместо Псковского действовала и 5-я группа. Группой уничтожено 16 автомашин, 1 броневик, 6 мотоциклов, склад боеприпасов, 87 гитлеровцев, взорвано 17 мостов, из них 4 железнодорожных³⁹. ДПО регулярно вел разведку по основным дорогам и магистралям. Отряд лесгафтовцев под командованием Ю.В. Васильева 31 июля уничтожил крупный мост у д. Цапелка. 23 и 26 августа он атаковал штаб германской части в д. Заборовье.

В середине июля в юго-западные районы Ленинградской области были направлены еще несколько добровольческих отрядов, сформированных в Ленинграде. Их численность была трех типов: по 8, 25 и 100 человек. Так, малочисленные отряды № 16 и № 17 были направлены в Лядский и Плюсский районы для проведения разведки. 1 августа штабом Северного фронта был утвержден «План действий партизанских отрядов по срыву наступательной операции противника на Кингисеппском и Лужском направлениях». Отряды большей частью не выполнили задачи вследствие неспособности проникнуть за линию фронта, переброски на другие участки, несогласованности, слабой подготовки. Результатом операции было уничтожение нескольких баз горючего и подрыв нескольких мостов⁴⁰.

Используя отсутствие сплошной линии фронта, в тыл врага были внедрены крупные рейдовые формирования — партизанские полки специального назначения. Они были

сформированы из ополченцев в Ленинграде 13 июля по указанию К.Е. Ворошилова⁴¹. В июле–августе 1941 г. на территории Новосельского и Стругокрасненского районов активно действовал 5-й партизанский полк. Перейдя 20 июля 1941 г. линию фронта у д. Большие Лъзи, он разделился на две группы. Главная часть полка (около 430 человек) во главе с командиром капитаном К.Н. Воловичем вышла к западному берегу оз. Радиловского. Командование полка связалось с действовавшим в этом районе подпольем и приступило к акциям на железных дорогах Псков–Луга и Псков–Старая Русса. Отделившаяся группа уполномоченного особого отдела А.С. Ословского была рассеяна юго-восточнее Струг Красных. В конце июля полк Воловича уничтожил три вражеских гарнизона, за что немцы сожгли д. Гавриловку. Всего за период июль–сентябрь 1941 г. в результате деятельности 5-го полка и малых партизанских отрядов было уничтожено до 1000 гитлеровцев и около 50 автомашин, проведено свыше 30 подрывов железнодорожного полотна, разрушались мосты, устраивались минированные завалы. Интенсивные действия партизан привели к тому, что гитлеровцы вынуждены были отвести свои гарнизоны из сел на железнодорожные станции и в населенные пункты, расположенные вдоль основных шоссе-ских дорог. В лесах и болотах на стыке Стругокрасненского, Карамышевского, Новосельского и Порховского районов был образован Радиловский партизанский край. Здесь была возобновлена работа советских органов, колхозов, школ. Были созданы продовольственные базы⁴².

С 17 июля в Плюсском и Лядском районах активно вел борьбу с противником 3-й партизанский полк под командованием А.Б. Петрова, а затем И. Маковкина. 17–21 июля полк сосредоточился в районе Ляды–Детково–Утичье⁴³. Руководство полка организовало связь с отрядами Лядского, Лужского и Плюсского районов и приступило к проведению активной совместной боевой работы.

6-е (разведывательно-диверсионное) отделение Особого отдела Ленинградского фронта также участвовало в диверсионной деятельности в тылу противника. В августе группа Н.Н. Магдика уничтожила мост у станции Плюсса. Группа В.С. Чечина и Е.Г. Сеницына уничтожила мотодрезину с немецкими саперами, взорвала мост у Лышницы и атаковала автоколонну у Захонье. Группа А.В. Смирнова и К.А. Львова дважды

совершала нападения на штабные машины у Захонья, захватывая важные оперативные документы немецкого командования⁴⁴. Эти группы действовали при помощи Плюсского отряда Дудина. К зиме 1941/1942 г. на территорию Стругокрасненского района была заслана диверсионная группа старшего лейтенанта ГБ А.А. Михайлова. Ею в ноябре была проведена операция по разгрому немецкого штаба в д. Мараморочка Новосельского района⁴⁵.

Развертывание подпольного и партизанского движения на территории рассматриваемых районов было сопряжено с мощным противодействием германской армии. Здесь в июле–августе размещались штабы танковой группы, армии, корпуса, боевые и тыловые части танковых и пехотных дивизий, а позже, на постоянной основе, части 285-й охранной дивизии. В период с 18 июля по 21 августа основной частью, обеспечивающей безопасность немецких тылов, был 322-й пехотный полк с приданной артиллерией, саперами и моторизованной полицией. Его штаб дислоцировался в селе Ляды. В Комарино прибыл штаб 113-го территориального полка, возглавлявшего несколько охранных, территориальных и караульных батальонов, обеспечивающих защиту магистралей от нападений партизан и окруженцев. С 31 августа 1941 г. командование группы армий «Норд» определило линию Гдов–Новоселье–Порхов как разделитель армейской и тыловой сфер ответственности в оккупированном регионе. Новосельский район и Радиловский партизанский край вошли в зону ответственности командующего тыловым районом «Норд». Его основная задача заключалась в обеспечении безопасности линий обеспечения и связи, в охране важных военных объектов. 113-й территориальный полк перешел в Плюсску, а 322-й убыл с наступающими армейскими соединениями. С 20 сентября тыловая сфера ответственности была отодвинута до Луги. Плюсский, Лядский и Стругокрасненский районы оказались в зоне ответственности сектора «Краут» (командира 113-го полка подполковника Краута) 285-й охранной дивизии. Командование сектором и 569-я фельд-комендатура разместились в Луге, а их подразделения — по райцентрам. Так орт-комендатура № 319 отвечала за Ляды, № 331 — за Плюсску, № 309 — за Струги. В распоряжении карателей были 853-й, 941-й, 972-й ландшутц-батальоны. Новосельский (тыловой) район вошел в зону ответственности сектора «Коссмала» (командира 3-го охранного полка

подполковника Коссмала) той же дивизии. Командование сектором, 611-я фельд-комендатура и 310-я орт-комендатура находились в Пскове. Однако расширение партизанского движения заставило немецкое командование с сентября разместить в Новоселье 361-ю орт-комендатуру. Действующие подразделения были представлены 619-м резервным полицейским, 620-м самокатным, 706-м караульным батальонами. Кроме того, в распоряжении немецкого командования было множество других вспомогательных подразделений⁴⁶.

Летние успехи советского сопротивления против фронтовых частей противника постепенно отходили в прошлое. Против партизан и подпольщиков вступили в действие специальные силы, имеющие опыт и профессиональную подготовку. Важную роль стала играть целевая антисоветская пропаганда, направленная на раскол советского общества. 14 августа 1941 г. гитлеровцами с помощью местных жителей была выявлена и уничтожена подпольная группа в Лудонях, предоставлявшая важную развединформацию о передвижениях по Киевскому шоссе. В начале сентября 1941 г. командование тылового района «Норд» провело широкомасштабную карательную операцию против Радилковского края, в ходе которой партизаны понесли серьезные потери. По Ленинградской железной дороге и Киевскому шоссе гитлеровцы разместили сильные воинские гарнизоны 285-й охранной дивизии при поддержке бронепоезда. Сначала для партизан все складывалось успешно. Наступление частей 281-й охранной дивизии с юга было задержано в Порховском районе. Но с севера начала наступление 285-я дивизия. 5-й партизанский полк был охвачен врагом сразу с нескольких направлений. Крупные моторизованные подразделения карателей занимали деревни, прочесывали леса, окружали и уничтожали партизанские группы, постепенно сужая партизанский край. 8 сентября отряд СС разгромил штаб полка. К.Н. Волович с несколькими офицерами около часа сдерживали противника, обеспечив отход штаба, радиовзвода и опергруппы полка. 18 сентября в Стругокрасненском районе погиб штаб 6-го батальона. Нападение фашистов на штабы и опорные пункты партизан стало возможным вследствие открытого предательства одного из командиров взводов, перешедшего на сторону противника. 20 сентября командир полка отдал приказ о выходе на «Большую землю». Большинство групп ДПО № 1 также вышли на «Большую землю». Стругокрасненский

отрядилова был рассеян противником, а его командир схвачен и казнен в Павах. Из-за резкого ухудшения здоровья у колхозника Плюсского района был оставлен Ежов. В начале октября 1941 г. он был схвачен фашистами и погиб в концлагере⁴⁷. Территория Радиловского партизанского края была захвачена врагом. Местные отряды, хорошо знающие местность, хоть и потеряли часть своих бойцов, смогли просочиться в леса севернее магистрали. Здесь они продолжили свою борьбу.

В октябре 1941 г. 285-я охранная дивизия более крупными силами, отозванными из-под Ленинграда, провела еще одну карательную операцию, на этот раз в Плюсском и Лядском районах, в ходе которой партизаны и подпольщики вновь понесли серьезные потери. Были разгромлены 3-й полк и местные отряды. Новосельский отряд Голубева вместе с подпольным райкомом был уничтожен карателями. Отряд Таборского был рассеян, осталось всего три человека. Отряд Чайкина был разбит, деревни Низкореченского партизанского края сожжены, местные советские работники расстреляны. Часть отряда ушла в Ленинград, а другая перешла к подпольной работе. В октябре был распущен зимовать по домам отряд Богданова. Его бойцы вскоре были выявлены и уничтожены. Одним из первых погиб командир. Небольшая группа партизан, возглавляемая заместителем начальника райотдела НКВД Д.А. Шахтинским, не пошла на легализацию и продолжила борьбу⁴⁸. На время прекратили активность пострадавшие в боях с карателями Лядские и Плюсский отряды. В декабре у Мараморочки погиб отряд железнодорожников.

После карательных экспедиций партизанское движение в значительно меньших размерах возродилось зимой 1942 г. за счет диверсионных групп РККА и НКВД. Однако полноценное партизанское движение в регионе достигло уровня 1941 г. только весной 1943 г.

¹ Терентьев В.О. Организация отпора немецко-фашистским захватчикам в июне–августе 1941 года (на материалах районов Псковской области). Дисс. ... канд. ист. наук / Северо-Западная академия государственной службы. СПб., 2010.

² Терентьев В.О. Деятельность органов местного управления Порховского района Ленинградской области по организации отпора врагу летом 1941 г. // Власть и общество в России: историческая трансформация и технологии взаимодействия: сборник научных статей. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2010. С. 69–75.

- ³ Терентьев В.О. Типы партизанских формирований Ленинградской области в 1941 году на примере Струго-красненского района // Новая наука: Проблемы и перспективы. Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (Пермь, 26 марта 2017 г.). № 3 (2). Стерлитамак: АМИ, 2017. С. 124–128.
- ⁴ Терентьев В.О. Боевые действия 41-го стрелкового корпуса РККА на Новосельской позиции в июле 1941 года // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. ст. по материалам LXI Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». № 4 (56). М., Изд. «Интернаука», 2017. С. 18–21.
- ⁵ Терентьев В.О. 3-й мотострелковый полк в боях между Псковом и Лугой в июле 1941 года // International Innovation Research: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (27 апреля 2017 г., г. Пенза). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 133–137.
- ⁶ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1941 года. М., 1941.
- ⁷ National Archives and Records Administration. (NARA). Т. 315. R. 1883. P. 496.
- ⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 8671. Оп. 1. Д. 6. Л. 7–11.
- ⁹ Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. Л.: Лениздат, 1973. С. 46.
- ¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. О-4788. Оп. 1. Д. 45. Прил. 2; Ф. О-116. Оп. 9. Д. 7. Л. 21.
- ¹¹ Там же. Ф. О-116. Оп. 9. Д. 7. Л. 42.
- ¹² Терентьев В.О. Организация отпора немецко-фашистским захватчикам...
- ¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 9. Д. 7. Л. 46.
- ¹⁴ Федоров А.И. Руководители Струго-Красненского района. 1927–2017. Биографические очерки. Струги Красные: Издательские решения, 2015.
- ¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 1. Д. 923. Л. 52; Оп. 9. Д. 7. Л. 42–46.
- ¹⁶ Там же. Ф. О-4788. Оп. 1. Д. 44. Л. 13.
- ¹⁷ Там же. Ф. О-116. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Ф. 8671. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
- ¹⁹ Там же. Л. 11, 34; Непокоренная земля Псковская. Документы и материалы // Псковская правда. 1964. С. 32–33.
- ²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 8671. Оп. 1. Д. 6. Л. 10, 33.
- ²¹ Федоров А.И. Книга Памяти погибших на территории Плюсского и Струго-Красненского районов Псковской области. В 2-х т. Т. 1. Струги Красные, 2015. С. 49–50.
- ²² Петров Г.В. Струги-Красные. Л.: Лениздат, 1988. С. 61–64.
- ²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 8671. Оп. 1. Д. 6. Л. 7, 29.
- ²⁴ Федоров А.И. Книга Памяти... С. 50.
- ²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 2408. Оп. 2. Д. 18. Л. 20; Иванова З.П. Псковские железнодорожники // Псков. 1995. № 2. С. 20–30.
- ²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 9. Д. 7. Л. 46; В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области 1941 г. Л.: Лениздат, 1979. С. 127.
- ²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 1. Д. 923. Л. 52; Ф. О-4788. Оп. 1. Д. 45. Приложение 3; Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. С. 89.

- ²⁸ Петров Г.В. Струги-Красные. С. 46.
- ²⁹ Федоров А.И. Книга Памяти... С. 51–53.
- ³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 9. Д. 7. Л. 21; Ф. О-4788. Оп. 1. Д. 45. Приложение 2, 3; Псковский край в истории СССР. С. 333, 337.
- ³¹ Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. С. 26.
- ³² ЦГАИПД СПб. Ф. 8671. Оп. 1. Д. 6. Л. 10,33.
- ³³ В тылу врага... С. 85.
- ³⁴ Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. С. 38.
- ³⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 5 т. Т. 2, кн. 1 (22 июня — 31 августа 1941 г.). М.: Изд-во «Русь», 2000. С. 470–471.
- ³⁶ Федоров А.И. Книга Памяти... С. 52.
- ³⁷ Спецназ России. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. С. 237–240.
- ³⁸ В тылу врага... С. 70–77
- ³⁹ Федоров А.И. Книга Памяти... С. 54.
- ⁴⁰ В тылу врага... С. 38.
- ⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 414. Оп. 1. Д. 1199; Ф. 2281. Оп. 1. Д. 9.
- ⁴² Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. С. 88–95.
- ⁴³ Федоров А.И. Книга Памяти... С. 57–60.
- ⁴⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 5 т. Т. 2, кн. 2 (1 сентября — 31 декабря 1941 г.). М.: Изд-во «Русь», 2000. С. 272.
- ⁴⁵ Федоров А.И. Книга Памяти... С. 60.
- ⁴⁶ NARA. Т. 315. R. 1883. P. 460, 474, 484.
- ⁴⁷ Федоров А.И. Книга Памяти... С. 61.; Петров Г.В. Струги-Красные. С. 66–68.
- ⁴⁸ Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. С. 98; Петров Г.В. Струги-Красные. С. 65–68.

М.И. Тягур (Санкт-Петербург)

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГОДОВ

30 НОЯБРЯ 1939 г. началась Советско-финляндская война. Боевые действия развернулись в непосредственной близости от Ленинграда — важнейшего транспортного и промышленного центра. Естественно, война повлияла на жизнь города. Историки уже не раз задавались вопросами, как именно проявилось это влияние, через какие трансформации прошло ленинградское хозяйство, что происходило на предприятиях города¹. Однако в целом, по сравнению с политической историей конфликта и боевыми действиями, эта сторона войны с Финляндией оказалась в тени. Думается, что ей стоит уделить больше внимания.

В первую очередь обратимся к работе транспортной системы. Ленинград сильно зависел от ввоза из других регионов. Лишь 12 % потреблявшегося городом топлива поступали из Ленинградской области². От работы транспорта зависело и нормальное функционирование системы продовольственного снабжения³. Теперь, во время войны, через Ленинград пошел поток военных грузов. Действующей армии требовались пополнения и подкрепления, боеприпасы, топливо, медикаменты, продовольствие и т. д. Обратно, с фронта, везли раненых. Главную роль играла сеть железных дорог. Большая часть железнодорожных путей Ленинградской области входила в состав Октябрьской железной дороги. По ее рельсам должна была пройти значительная часть грузов, предназначенных войскам, сражавшимся на Карельском перешейке. Кроме того, с севера на территорию Ленобласти входила Кировская железная дорога. Станция Волховстрой, где последняя смыкалась с Октябрьской дорогой, была единственной точкой, соединявшей ее с другими железнодорожными

магистральями. В результате большая часть грузов, адресованных армиям, развернутым к северу от Ладоги, также перемещалась через Ленинградскую область.

Уже накануне войны железнодорожники не справлялись с выполнением планов. На состоявшемся 10 октября совещании начальник Октябрьской дороги В.Д. Богданов говорил о кризисной ситуации, о том, что из-за излишка вагонов Ленинградский железнодорожный узел «начинает задыхаться»⁴. К этому дню там скопилось 15 тысяч вагонов, при том, что нормой считалась цифра в 7 тысяч⁵. Критичность положения признавал и официальный орган Октябрьской дороги — газета «Сталинец». На страницах данного издания не раз отмечалось, что государственные задания не выполняются⁶. «На дороге скопились тысячи вагонов местного груза, простаивающих на технических и товарных станциях десятки часов, — сообщала газета. — Достаточно сказать, что изо дня в день дорога выгружает только немногим больше половины всего наличия вагонов, занятых местным грузом»⁷.

С началом войны объем перевозок, проходивших через Ленинград, увеличился. На путях, ведущих к фронту, тут же возникли многочисленные «пробки». Так, 3 декабря образовался затор на станции Токсово. Его не могли устранить два дня и ликвидировали лишь при помощи ремонтно-восстановительного поезда с подъемным краном, который мог переставлять вагоны с одного пути на другой⁸. Направлявшиеся в город санитарные поезда скапливались у единственного в Ленинграде железнодорожного моста (Финляндского) и останавливались там на много часов⁹. В первых числах декабря на Финляндской дороге эшелон нередко за целый день продвигался на 10 километров, а то и вовсе простаивал все это время¹⁰.

Затянувшиеся боевые действия потребовали значительных ресурсов, это становилось причиной дальнейшего роста грузопотока. Более пятой части всех эксплуатировавшихся в стране вагонов оказались заняты на перевозках в северо-западном направлении¹¹. В архивном фонде Ленсовета хранятся телеграммы с просьбами прислать вагоны из Ростовской области и с Ташкентской железной дороги¹². В городе скапливалось все больше вагонов. Составы, адресованные в Ленинград, не успевали разгружать. На страницах «Сталинца» можно найти многочисленные сообщения о переполненных станциях¹³. 10 декабря на совещании руководства Октябрьской дороги констатировали,

что, как правило, вагоны несвоевременно подаются на выгрузку. Для разгрузки не хватало людей и техники¹⁴. Объем перевозок в Северо-Западном регионе резко увеличился, при этом в целом, из-за переброски в Ленинградскую область и Карелию вагонов со всего Советского Союза, по стране произошло их уменьшение. За декабрь 1939 г. — февраль 1940 г. железные дороги СССР перевезли грузов на 10 % меньше, чем за тот же период 1938–1939 гг. Как признавала советская историография, «это было беспрецедентное сокращение железнодорожных перевозок»¹⁵.

Естественно, что трудности в работе железных дорог привлекали внимание руководителей страны и города. Согласно решению Политбюро от 22 декабря, в поездку по Октябрьской и Кировской дорогам отправился нарком путей сообщения Л.М. Каганович¹⁶. По-видимому, он должен был подробно изучить обстановку на местах. Для этого руководитель железнодорожников посетил Ленинград, Петрозаводск, прифронтовые станции¹⁷. Работе Октябрьской и Кировской дорог, Ленинградского железнодорожного узла посвящен ряд постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР, Экономсовета и Комитета обороны при СНК, бюро городского комитета партии. Эти документы оговаривали условия взаимодействия железнодорожников и военных, соотношение армейских и гражданских грузов, создание новых пунктов выгрузки, выделение дополнительных людей и техники для разгрузки эшелонов, для ускоренного вывоза груза со станций и т. д.¹⁸ Чтобы ускорить переброску грузов с одного берега Невы на другой, Президиум Ленсовета разрешил использовать для движения поездов трамвайный путь, проложенный по Володарскому мосту¹⁹. Для руководства Ленинградским железнодорожным узлом было создано специальное управление²⁰.

Власти пытались применить материальные стимулы. В решении бюро горкома от 6 января предлагалось установить «премиально-прогрессивную оплату труда» для ответственных за разгрузку вагонов представителей предприятий²¹. Постановление Экономсовета от 26 февраля 1940 г. разрешало «как временную меру» ввести в феврале–апреле «премирование работников железнодорожного транспорта на затрудненных участках за перевыполнение установленных норм отправления и приемки поездов»²². Не забывались и меры репрессивного характера. Постановление ЦК и СНК от 28 января требовало от прокурора СССР дать указание «областным и транспортным прокурорам

о срочном расследовании всех фактов систематической задержки вагонов железнодорожного транспорта на подъездных путях промышленности и о привлечении виновных в этом руководителей предприятий к уголовной ответственности»²³. По решению Политбюро от 13 февраля начальник Октябрьской железной дороги В.Д. Богданов был снят со своего поста, его заменил Б.П. Бещев (ранее руководил Орджоникидзевской железной дорогой)²⁴.

Решить проблему перегруженности Ленинграда подвижным составом не удавалось. Управленческие реорганизации, мобилизация людей и техники, материальные стимулы и угрозы были паллиативами. Требовалось увеличить пропускную способность путей и станций. Поэтому в начале 1940 г. в городе и его ближайших окрестностях развернулось активное железнодорожное строительство. По решениям Политбюро и Совнаркома от 5 февраля и приказу Л.М. Кагановича от 7 февраля, в Ленинградском узле требовалось построить к 1 мая 1940 г. несколько новых соединительных веток. На Финляндской стороне узла удлинялись пути, на юге Ленинградской области также увеличивалась длина путей, строились новые разъезды²⁵. Работы продолжались и после окончания войны. В апреле 1940 г. на них было занято 9 тысяч ленинградцев и жителей области²⁶.

Активизация железнодорожных перевозок для фронта сопровождалась уменьшением грузопотока, предназначенного для ленинградской промышленности и городского хозяйства. Наиболее сложной была топливная проблема. Город получал недостаточно угля, торфа, дров. Нехватка топлива усугубила уже существовавший ранее дефицит электрической энергии.

В результате ряд ленинградских предприятий вынужден был прекратить свою работу. Например, 22 декабря из-за отсутствия угля остановил производство Невский мыловаренный завод. Несмотря на выполнение военных заказов (производство динамитного глицерина), 1 января заводу отключили электроэнергию²⁷. 5 января прекратил работу завод им. К. Маркса²⁸. В первых числах января остановился завод «Красногвардеец», изготавливавший хирургические инструменты. Рабочих отправили «во внеочередной отпуск». 26 января завод ненадолго получил уголь и свет, но 3 февраля вновь встал²⁹. Нелегко было и там, где работа продолжалась. 4 января директор Фармацевтического завода № 1 Гольдберг сообщал председателю Ленгорсовета П.С. Попкову, что

завод получает угля и света в разы меньше положенного, температура в помещениях «понижается с каждым днем, дальнейшее продолжение работы становится невозможным, так как при работе с жидкостями, стеклом и железными прутками... совершенно коченеют руки». Так как завод производил медикаменты и бинты для военных госпиталей, Гольдберг считал невозможным «в данный серьезный момент приостановить производство» и просил выделять предприятию лимит в 5 тонн угля и 800 кВт/ч в сутки (завод в это время получал более, чем в два раза меньше электроэнергии — 336 кВт/ч в день)³⁰.

Страдало и гражданское население. «Холодно дома...» — зафиксировала 29 декабря в дневнике студентка А.П. Звейнек³¹. Записки другого студента, А.Г. Манькова, говорят о том же: «Дров нет, электричества не хватает. В БАНе [Библиотека Академии Наук. — М. Т.] сидят в пальто и только до шести. После этого выключают свет. Из университета гонят с пяти часов. И совершенно не топят. Куда идти, где заниматься? Дома адский холод»³². Естественно, что такое положение вызывало беспокойство ленинградцев, становилось темой разных слухов, иногда весьма своеобразных. Так, в конце января одна из сводок оргинструкторского отдела горкома зафиксировала следующее объяснение перебоев с электричеством: «Недостаток электроэнергии в Ленинграде объясняется тем, что вся энергия используется на фронте для рытья подземного хода под г. Выборг»³³.

Нужно отметить, что еще до Советско-финляндской войны город постоянно сталкивался с перебоями в энергоснабжении. За 1937–1939 гг. мощность ленинградских электростанций увеличилась на 8,5 %. В то же время рост городской промышленности составил 30 %³⁴. По словам А.А. Жданова, в конце 1930-х гг. происходило «слепое, без всякого экономического расчета, впахивание в Ленинград новых предприятий и цехов». В результате «и так не особенно широкая энергетическая база Ленинграда еще больше сузилась»³⁵. В то же время план строительства электростанций не выполнялся. В 1939 г. его реализовали на 70 %³⁶. Во время войны электростанции могли обеспечить только 70 % минимальной городской потребности в электроэнергии³⁷.

Кроме того, выработку электричества осложнил природный фактор. Несколько предшествовавших лет выдались засушливыми. На Ладого, в озере Ильмень и, следовательно, в Неве, Волхове и Свири снизился уровень воды. В Ладожском озере,

согласно справке Ленинградского управления гидрометеослужбы, он оказался минимальным «за последние 58 лет наблюдений»³⁸. Выработка гидроэлектростанций была меньше, чем когда-либо прежде³⁹. В 1939 г. ГЭС недовыработали 12 % мощности всей системы «Ленэнерго»⁴⁰.

Тем не менее, по сравнению с уровнем воды нехватка топлива была более важным фактором. Значительная часть ленинградских станций работала на торфе⁴¹, однако поставки торфопредприятий были меньше, чем предусматривалось планом⁴². Из-за топливного дефицита часть станций была вынуждена остановить свою работу⁴³. Другие жгли заменители (дрова, сланцы, мазут)⁴⁴. Их использование снижало эффективность производства.

В условиях дефицита топлива и электричества власти стремились увеличить контроль за их расходом, строго нормировать его. По словам директора Сталепрокатного завода им. В.М. Молотова А.А. Нодельмана, электроэнергию распределяли «очень скупно»⁴⁵. Он вспоминал: «Ленэнерго выматывало душу. Звонок от туда бросал в дрожь: “Снижаем энергию!” Это звучало как “оставь надежду!”, и мы опускали руки. Чуть ли не каждый вечер сидели у директора и решали, что остановить, что пустить и какими очередями. Иногда в течение дня останавливали то один цех, то другой, чтобы регулировать выпуск продукции; работать стало значительно труднее»⁴⁶. Особое внимание уделялось и вопросам доставки топлива. Постановление Экономсовета от 11 января 1940 г. требовало от НКПС «за счет всех других грузов и впереди их продвигать угольные маршруты, торф, дрова, продовольствие». Лишь в конце этого перечня упоминались «военные грузы»⁴⁷. Топливная проблема была столь важна для всего населения города, что жителей стали специально информировать о работе «Ленгосторфа». С 25 января до 20 февраля «Ленинградская правда» ежедневно публиковала сводки об отгрузке торфа предприятиями области (указывались проценты выполнения плана за сутки).

Преодолеть трудности с электрообеспечением в ходе войны так и не удалось. После ее окончания обсуждение и осмысление вопросов топливного и энергетического снабжения привело к появлению в начале августа 1940 г. постановления горисполкома «О разработке единого плана развития энергетики г. Ленинграда» (одобрено на заседании бюро горкома 31 июля),

согласно которому была создана специальная комиссия по разработке перспективного плана развития электростанций⁴⁸.

На протяжении всей войны ленинградские предприятия работали для фронта. Уже в первые дни боевых действий выяснилось, что при планировании операции не были учтены потребности войск в снаряжении для зимних условий. Командование военного округа и флота стало направлять городским властям соответствующие заявки. Развернулась работа по изготовлению маскхалатов, рукавиц, переносных печей и т. д.⁴⁹ Местные органы власти регулярно принимали соответствующие решения. Например, в постановлении бюро обкома от 23 декабря шла речь о производстве для ЛВО термосов, саней, автопечей, автоприцепов, бидонов и приспособлений для крепления носилок к лыжам⁵⁰. Вместе с тем нарастал и выпуск специальной военной продукции.

В Ленинграде существовала мощная военно-производственная база⁵¹. Историки уже не раз уделяли внимание ее работе (как в целом, так и отдельных предприятий) во время Советско-финляндской войны⁵². Касался данной темы и автор этой статьи⁵³. Поэтому ограничимся лишь некоторыми замечаниями и отдельными красноречивыми фактами.

Ленинград стал ремонтной базой для действующей армии. Располагавшиеся в городе предприятия наращивали выпуск военной техники, оружия и боеприпасов. Кроме изготовления уже принятых на вооружение образцов, шла разработка и запуск в серийное производство новых. Благодаря устранению лишней бюрократической волокиты и тому, что конструкторам предоставили больше свободы для поиска технических решений, проектирование и освоение новой техники и вооружения осуществлялось существенно быстрее, чем в мирное время⁵⁴.

Среди новых изделий были крайне нужные и удачные образцы. Например, в срочном порядке были созданы и запущены в серийное производство миноискатели⁵⁵. Завод им. Козицкого за время войны изготовил 3500 миноискателей трех разных моделей⁵⁶.

Вместе с тем не обошлось без непродуманных решений. В начале января в горком написал инженер Ф.И. Макаров, предложивший проект «снеговой торпеды», которая, по его мнению, могла бы эффективно бороться с надолбами и дотами. «Торпеда» должна была нести заряд взрывчатки весом до тонны и при помощи реактивных двигателей передвигаться на лыжах. Макаров предлагал управлять «торпедой» с помощью радио

или же запускать с гироскопом по прямой. Он считал, что его аппарат сможет «действовать на довольно большие расстояния» (от 1 до 3 км) и «развивать очень большие скорости» (100–200 км/час)⁵⁷. 6 января с проектом ознакомился секретарь горкома А.А. Кузнецов. Предложение одобрил директор Института химической физики академик Семёнов⁵⁸. В тот же день бюро горкома приняло постановление с просьбой к ЦК ВКП(б) разрешить ленинградским заводам производство ряда образцов новой техники, в том числе — и изобретения Макарова. Запрашивалась санкция на изготовление тысячи «сухопутных торпед, управляемых на расстоянии»⁵⁹. Политбюро тут же (в тот же день 6 января) одобрило данное решение⁶⁰. Завод № 234 успел изготовить сотню таких снарядов⁶¹. К работе над «торпедой» подключили ученых из столицы. Располагавшийся в Москве и подчинявшийся наркомату боеприпасов НИИ № 3, немного изменив предложенную Макаровым конструкцию, произвел и отправил в Ленинград несколько «торпед»⁶². Но затем выяснилось, что «вследствие глубокого изрытия местности нашими же снарядами перед укреплениями противника, торпеда не смогла бы дойти до намеченной цели». Уже развернутое производство пришлось остановить⁶³. Военное и партийное руководство поспешно искало какие-то новые средства, которые позволили бы быстро разрешить возникшие на фронте проблемы. Отсюда проистекал недостаточно критический подход даже к фантастическим проектам.

Ресурсы для промышленности и фронта выделялись во многом за счет гражданского населения. В том числе по этой причине жители города испытали уже упомянутые трудности с отоплением и электроснабжением. Однако этим влияние войны на повседневную жизнь ленинградцев не исчерпывалось. Им пришлось пережить кризис продовольственного снабжения.

Отчасти сбой в снабжении были вызваны транспортными трудностями. Железные дороги в первую очередь обслуживали армию, в результате продовольственные грузы задерживались⁶⁴. Кроме того, важную роль играл покупательский ажиотаж. Узнав о переходе Красной армией границы, ленинградцы кинулись в магазины. «Начало финской кампании, — вспоминал один из ленинградцев (К.Г. Молодецкий, мемуары опубликовал под псевдонимом «К. Криптон»), — ознаменовалось тем, что очереди за сахаром и маслом, насчитывавшие сотни, стали насчитывать тысячи людей»⁶⁵. Об этом же писала Е.А. Скрябина:

«Почти с первых же дней появились очереди за продуктами и стал ощущаться недостаток то в том, то в другом»⁶⁶. Норма сливочного масла, выделявшаяся на день (39–40 тонн) в первые дни декабря обычно раскупалась за 2–3 часа⁶⁷. Как правило, жители Октябрьского района Ленинграда за два дня приобретали 8–9 тонн сахара, но 29–30 ноября унесли из магазинов 35 тонн⁶⁸. В Кронштадте 30 ноября появились очереди за хлебом и мучными изделиями, вместо привычных 17–18 тонн за сутки было продано 25⁶⁹. Одной из примет первых дней войны стали длинные очереди за керосином⁷⁰. Обычно за день в Ленинграде продавали 250–260 тонн керосина, но 1 декабря горожане приобрели 413 тонн⁷¹. В Октябрьском районе в мирное время ежедневно в среднем покупали 40 тысяч литров керосина, но 29–30 ноября продажи составили 69 тысяч литров⁷².

На протяжении всей войны у магазинов стояли очереди. Они возникали уже в 5–6 часов утра. Кое-где к шести у магазинов стояло по 400–450 человек⁷³. К открытию в очередях могло насчитываться по 600–700 покупателей⁷⁴. Иногда количество людей постепенно увеличивалось до тысячи⁷⁵. Власти пытались бороться с образованием очередей, однако особых успехов не достигли. Как сообщал в обком глава областного УНКВД С.А. Гоглидзе, люди заблаговременно собирались «у трамвайных и автобусных остановок, у витрин других магазинов, под воротами домов и т. п. местах», а затем, перед самым началом торговли, за час или 30 минут, «вся эта масса покупателей стремится к магазину и организуется в очередь (от 200 до 500 чел.), ликвидация которой становится несколько затруднительной»⁷⁶.

Между торговыми организациями и населением, как вспоминал К.Г. Молодецкий, велась «настоящая, быть может, и бессознательная борьба». Он писал, что «если торговые организации пытались по ряду продуктов сохранить нормальное положение, то население незамедлительно его расстраивало, делая запасы всего, что только можно было»⁷⁷. Именно покупательский ажиотаж и был главной причиной кризиса. Хотя имевшиеся в Ленинграде запасы были малы, и город, по словам исследовательницы Е.Д. Твердюковой, в буквальном смысле снабжался «с колес»⁷⁸, продуктов в дни Советско-финляндской войны доставлялось достаточно. Так, городская торговая сеть ежедневно получала обычную норму реализации сливочного масла, но в условиях всплеска спроса ее просто не хватало⁷⁹. Административные

мероприятия не могли радикально изменить положения дел в сфере продовольственного снабжения. Оно, как вспоминали горожане, улучшилось только после окончания войны⁸⁰.

В период войны с Финляндией вся хозяйственная система Ленинграда прошла через серьезные испытания. Война оказалась не столь легкой и скоротечной, как представлялось советскому руководству. Мероприятия, предпринятые до начала боевых действий, оказались недостаточными. В срочном порядке пришлось делать новые заказы промышленности, перестраивать управление транспортом и искать дополнительные ресурсы. Эти действия не были запланированы заранее, носили характер импровизации. На городские предприятия и на ленинградцев легла непредвиденная дополнительная нагрузка. Промышленности и транспортной системе пришлось обеспечивать фронт во многом за счет гражданского населения. Война выявила крайнюю недостаточность имевшихся в городе запасов, продемонстрировала сложность снабжения огромного города, оторванного от производивших провизию и топливо регионов. И хотя в целом Ленинград справился с задачами, выдвинутыми этой чрезвычайной ситуацией, представляется, что город жил на пределе своих мобилизационных возможностей. Окажись война изнурительнее, тяжелее, дольше, а враг — сильнее, ленинградское хозяйство вполне могло не справиться.

¹ Например, см: Дзенискевич А.Р. Экономика Ленинграда накануне и в период «зимней войны» // 105 дней «зимней войны» К 60-летию советско-финляндской войны. СПб., 2000. С. 69–76; Журавлев Д.А. Влияние боевых действий на социально-экономическую обстановку в Ленинграде в период Советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Пятой ежегодной конференции (23–25 апреля 2003 г.) СПб., 2004. С. 122–138; Твердюкова Е.Д. Кризис снабжения в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны // Университетский истории: Альманах. Вып. 4. СПб., 2007. С. 118–130; Петров П.В. Ленинградская промышленность в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: создание новых образцов вооружения и техники // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№ 2). Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия. Материалы шестых Барышниковских чтений (25 сентября 2016 г.). Выборг, 2016. С. 74–80.

² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2. Д. 3658. Л. 14.

³ Например, картофель Ленинград получал из других областей России, из Белоруссии и Украины (Дзенискевич А.Р. Экономика Ленинграда накануне и

в период «зимней войны». С. 70). Основными поставщиками мяса были Украина и Ростовская область (Жуков С.А. Организация материального снабжения Красной армии в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. СПб., 2010. С. 35).

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-2275. Оп. 9. Д. 1869. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Например: Сталинец. 1939. 17 октября; 14, 21 ноября.

⁷ Там же. 17 октября.

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 294. Л. 13.

⁹ Филиал Центрального архива Министерства обороны (архив военно-медицинских документов). Ф. 141. Оп. 7914. Д. 1. Л. 36; Журавлев Д.А. Влияние боевых действий на социально-экономическую обстановку в Ленинграде... С. 126.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-2275. Оп. 9. Д. 1869. Л. 99.

¹¹ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг. М., 1963. С. 517.

¹² ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 57. Л. 10, 44.

¹³ Например: Сталинец. 1939. 26, 27 декабря.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-2275. Оп. 9. Д. 1869. Л. 96.

¹⁵ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг. С. 517.

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 153.

¹⁷ Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 2003. С. 486.

¹⁸ См. совместные постановления ЦК и СНК СССР от 16 января 1940 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 172–173; Государственный архив Российской Федерации [далее — ГАРФ]. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 523. Л. 14–16), от 28 января 1940 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1019. Л. 87–89; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 512. Л. 36–39), постановления Политбюро от 22 декабря 1939 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1018. Л. 11), от 31 декабря 1939 г. (Там же. Оп. 162. Д. 26. Л. 162–163), от 5 февраля 1940 г. (Там же. Оп. 3. Д. 1019. Л. 28–31), постановления СНК от 22 декабря 1939 г. (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 509. Л. 201, 202), от 5 февраля 1940 г. (Там же. Д. 512. Л. 95–98), постановления Экономсовета при СНК от 5 января 1940 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-2275. Оп. 9. Д. 2006. Л. 205), от 28 января 1940 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1019. Л. 93, 94; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 512. Л. 43, 44; Ф. Р-6757. Оп. 2. Д. 23. Л. 8–8 об.; РГАЭ. Ф. Р-4372. Оп. 38. Д. 2. Л. 140–140 об.), от 26 февраля 1940 г. (Российский государственный архив экономики [далее — РГАЭ]. Ф. Р-4372. Оп. 38. Д. 17. Л. 225–227), постановления Комитета обороны при СНК от 2 февраля 1940 г. (Российский государственный архив Военно-морского флота [далее — РГА ВМФ]. Ф. Р-1678. Оп. 4. Д. 30. Л. 7), от 9 марта 1940 г. (Там же. Л. 89), постановление бюро горкома от 6 января 1940 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2542. Л. 2, 3).

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-2275. Оп. 9. Д. 2006. Л. 33.

²⁰ Сталинец. 1940. 6 января.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2542. Л. 2.

²² РГАЭ. Ф. Р-4372. Оп. 38. Д. 17. Л. 225.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1019. Л. 88; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 512. Л. 38.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1019. Л. 42.

²⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1019. Л. 28–31; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 512. Л. 95–98; ЦГА СПб. Ф. Р-2275. Оп. 9. Д. 2006. Л. 181–190.

- ²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 3626. Л. 36; Д. 3658. Л. 35.
- ²⁷ См.: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 47. Л. 24, 25.
- ²⁸ Там же. Л. 40.
- ²⁹ Там же. Л. 65.
- ³⁰ Там же. Л. 45.
- ³¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 504. Л. 69.
- ³² Маньков А.Г. Дневники тридцатых годов. СПб., 2001. С. 243, 244.
- ³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4016. Л. 150.
- ³⁴ Там же. Оп. 2. Д. 3628. Л. 27.
- ³⁵ Там же. Д. 3635. Л. 14а.
- ³⁶ Там же. Д. 3628. Л. 28; Д. 3661. Л. 40.
- ³⁷ Там же. Д. 3628. Л. 27; Д. 3661. Л. 37.
- ³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.
- ³⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-4965. Оп. 3. Д. 24. Л. 88.
- ⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 3632. Л. 83.
- ⁴¹ В 1940 г. удельный вес торфа в топливном балансе «Ленэнерго» составил 60 % (Копенкина Л.В. Торфяная отрасль в годы Великой Отечественной войны (к 70-летию Великой Победы) // Труды Инсторфа. 2016. № 13. С. 51).
- ⁴² В целом за 1939 г. план добычи торфа по Ленобласти был выполнен всего на 69,9 % (РГАЭ. Ф. Р-4372. Оп. 38. Д. 17. Л. 201). О состоянии торфопредприятий накануне войны (в сентябре) см.: ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 10. Д. 1641. Л. 278–288; Ежесуточные донесения об отгрузке торфа для «Ленэнерго» за 1939 г. см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3436.
- ⁴³ ЦГА СПб. Ф. Р-4965. Оп. 3. Д. 24. Л. 89.
- ⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 3632. Л. 31; ЦГА СПб. Ф. Р-4965. Оп. 3. Д. 24. Л. 89, 90.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 25. Оп. 10. Д. 299. Л. 75.
- ⁴⁶ Там же. Л. 91, 92.
- ⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 4. Д. 32. Л. 63.
- ⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 34. Л. 49–52.
- ⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 3658. Л. 157.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 2а. Д. 140. Л. 1, 2.
- ⁵¹ По оценке И.В. Сталина, высказанной в апреле 1940 г. на совещании, посвященном итогам и урокам Советско-финляндской войны, в городе находилось «процентов 30–35 оборонной промышленности нашей страны» (Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1998. С. 272).
- ⁵² См., например: Петров П.В. Ленинградская промышленность в период советско-финляндской войны... С. 74–80; Конструктор боевых машин. Л., 1988. С. 90–112; Попов Н.С., Петров В.И., Попов А.Н., Ашик М.В. Без тайн и секретов. Очерки 60-летней истории танкового конструкторского бюро на Кировском заводе в Санкт-Петербурге. СПб., 1997. С. 40–46; Коломиец М.В. Танки в Финской войне 1939–1940 гг. М., 2013. С. 32–34, 63, 79, 124–139.
- ⁵³ Тягун М.И. Ленинград во время Советско-финляндской войны 1939–1940 годов: трансформация повседневной и хозяйственной жизни города // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2016. № 2. С. 80, 81.
- ⁵⁴ Подробнее об ускоренном проектировании см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 13а. Д. 9.

- ⁵⁵ См.: Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963. С. 140; Мерецков К.А. На службе народу. М., 1984. С. 179; Гетманцев А.А., Екимов А.Н. История одного изобретения. К 90-летию юбилею Военной академии связи имени маршала С.М. Буденного // Фотон-Экспресс. 2009. № 7. С. 38; Этот же текст перепечатан: Гетманцев А.А., Екимов А.Н. История одного изобретения. Как за одну ночь был разработан миноискатель // Фотон-Экспресс. 2010. № 6. С. 55–57.
- ⁵⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 638. Л. 59, 64.
- ⁵⁷ Там же. Л. 32–36.
- ⁵⁸ Там же. Л. 30.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 2а. Д. 81. Л. 3.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 168; 7 января это распоряжение Политбюро опубликовал Комитет обороны при СНК (История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963 гг. Т. 4. Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 – июнь 1941). М., 2015. С. 437).
- ⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 638. Л. 52, 60, 64.
- ⁶² Там же. Л. 37.
- ⁶³ Там же. Л. 60; Точку в этой истории поставило окончательно отменившее все связанные с «торпедами» производственные задания постановление Комитета обороны при СНК от 1 апреля 1940 г. (История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963 гг. Т. 4. С. 437, прим. 1).
- ⁶⁴ См.: Твердюкова Е.Д. 1) Кризис снабжения в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны. С. 118, 119, 123; 2) «Кто раньше ел, тот и сейчас будет, а мы только смотрим». Продовольственное снабжение Ленинграда во второй половине 1930-х годов // Родина. 2006. № 6. С. 83.
- ⁶⁵ Криптон К. Осада Ленинграда. Нью-Йорк, 1952. С. 19.
- ⁶⁶ Скрябина Е.А. Страницы жизни. М., 1994. С. 97.
- ⁶⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3585. Л. 121.
- ⁶⁸ Там же. Д. 3723. Л. 24.
- ⁶⁹ Там же. Л. 1.
- ⁷⁰ Там же. Д. 3585. Л. 118 об.
- ⁷¹ Там же. Д. 3723. Л. 25.
- ⁷² Там же. Д. 3585. Л. 121 об.
- ⁷³ Там же. Д. 4300. Л. 48.
- ⁷⁴ Там же. Л. 101.
- ⁷⁵ Там же. Л. 51.
- ⁷⁶ Там же. Л. 77.
- ⁷⁷ Криптон К. Осада Ленинграда. С. 20.
- ⁷⁸ Твердюкова Е.Д. Кризис снабжения в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны. С. 122.
- ⁷⁹ Твердюкова Е. «Кто раньше ел, тот и сейчас будет, а мы только смотрим». С. 83; Твердюкова Е.Д. Кризис снабжения в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны. С. 120.
- ⁸⁰ Криптон К. Осада Ленинграда. С. 31; Скрябина Е.А. Страницы жизни. С. 99.

О.В. Филатов (Санкт-Петербург)

**РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ
ИНИЦИАТИВЫ ПО СОЗДАНИЮ
КОНФИГУРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ
БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЛАСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ
ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ НА МОРЕ
(ГААГСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ 1899, 1907 ГОДОВ)**

В 2018 г. ИСПОЛНИЛОСЬ 120 лет, как император России Николай II (ил. 1) выступил с инициативой проведения конференции по разоружению. В те годы в Европе ускорялась гонка вооружений. Германия активно строила флот, бросая вызов Великобритании, старалась не отставать и Франция. В связи с резким ускорением научно-технического прогресса появляются все новые системы вооружения: автоматические pistols, пулеметы, минометы, нарезные артиллерийские орудия, самолеты, подводные лодки. На 1880–1890 гг. приходится смена поколений винтовок: они стали легче, скорострельнее, надежнее — и еще смертоноснее. В 1888 г. Австрия переходит на систему Маннлихера, в том же году Германия — на систему Маузера. В следующие несколько лет Англия перевооружается винтовками системы Ли-Метфорда, Италия — винтовками Маннлихера-Каркано, Россия — винтовками Мосина (образца 1891 г.).

Новые военные программы Германии вызывали в Петербурге естественные опасения. В частности, 9 августа 1898 г. министром иностранных дел М.Н. Муравьевым была представлена всеподданнейшая записка. В ней выражалась озабоченность усилением вооруженных сил Германии. Согласно полученной во внешнеполитическом ведомстве информации, Вильгельм II «намеревается потребовать от парламента нового весьма значительного усиления состава имперской армии»¹. Размер военных

Ил. 1. Император Николай II

бюджетов к началу 1-й мировой был пугающе огромен: в 1913 г. в России он достигал 28 % от общих расходов госбюджета, в Германии и Франции — 27 %, в Великобритании — 35 %.

В сложившейся к этому времени международной обстановке именно Российская империя, а конкретно, ее император Николай Александрович Романов выходит перед мировыми державами с предложением о созыве мирной конференции по вопросам войны и мира. Весь ноябрь и первую половину декабря в 1898 года в Ливадии (ил. 2, 3), во время пребывания там императора проходила основная работа по формулировке российских предложений

о всеобщем сокращении и ограничении вооружений, а также о создании международного «третьего суда» для предотвращения военных столкновений между государствами, по первоначальному замыслу представлявшего прообраз современной Организации Объединенных Наций. Министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев писал в своем всеподданнейшем докладе по этому вопросу, что призыв Государя «укажет на высокое бескорыстие, величие и человеколюбие Вашего Императорского Величества и на рубеже истекающего железного века запечатлеет Августейшим Именем Вашим начало грядущего столетия, которое с помощью Божией да окружит Россию блеском новой мирной славы»².

1-я Гагская конференция (1899 г.)

Предложения российского правительства, изложенные в ноте от 30 декабря 1898 г., легли в основу программы работы Гагской мирной конференции, заседавшей в королевском Лесном дворце с 6 мая по 17 июня 1899 г.

Ил. 2. Ливадийский дворец

Ил. 3. Императорская чета в Крыму

Многие столицы мира претендовали на право стать местом проведения первой мирной конференции. В Германии даже циркулировали слухи о том, что местом собрания мирного форума станет столица Саксонии³. На выбор места проведения

конференции повлияли различные факторы: во-первых, традиционно дружественные отношения между Россией и Голландией (Романовых и Нассау также связывали довольно близкие родственные связи); во-вторых, Гаага уже имела опыт проведения ответственных переговоров, и в конце XIX в. Нидерланды являлись европейским центром изучения международного права.

Приглашение участвовать в конференции послалось голландским правительством. Оно было принято всеми европейскими державами и шестью внеевропейскими (США, Мексика, Китай, Япония, Персия, Сиам). Папе, по настоянию Италии, приглашения послано не было. Болгария, по настоянию Турции, была допущена лишь без права голоса. Каждая из приглашенных держав прислала своих уполномоченных: Россия — барона Стааля, посла в Лондоне, Франция — видного государственного деятеля Леона Буржуа, Германия — посла в Париже графа Георга Мюнстера (при нем в числе комиссаров состоял профессор Штенгель, который доказывал неосуществимость и отчасти даже нежелательность осуществления пожеланий, высказанных в русской ноте). Назначение его комиссаром свидетельствовало о враждебном отношении германского правительства к задачам мирной конференции.

По предложению королевы Нидерландов Вильгельмины начало работы конференции в знак уважения к ее августейшему инициатору приурочили ко дню рождения императора Николая II — 6 мая. В 1-й Гаагской конференции участвовало 26 государств (Россия, Османская империя, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Франция, Испания, Великобритания, Нидерланды, Бельгия, Швейцария, Швеция, Дания, Болгария, Сербия, Черногория, Греция, Португалия, Лихтенштейн, Люксембург, Япония, Китай, Сиам, Персия, США, Мексика) (ил. 4). Председателем конференции был избран представитель России, барон Е.Е. Стааль. В состав российской делегации были также включены видные чиновники МИДа: Ф.Ф. Мартенс, А.К. Базили, М.Г. Приклонский (ил. 5). Военное, Морское министерства и финансовое ведомство отправили на конференцию своих представителей-консультантов. Представители прессы на нее не допускались, поэтому о ее заседаниях имеются только краткие сведения, сообщенные печати по постановлению самой конференции.

По предложению руководителя российской делегации Е.Е. Стааля подготовительная работа конференции была

Ил. 4. Делегаты 1-й Гагской конференции. «Неизвестный — XIX век». Иллюстрированный обзор минувшего столетия. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1901. С. 59

Ил. 5. Делегаты 1-й Гагской конференции от России (1899). Сидят: граф М.А. Баранцов, Ф.Ф. Мартенс, Е.Е. Стааль (глава делегации), А.К. Базили, Я.Г. Жилинский; стоят: Н.А. Гурко-Ромейко, И.А. Овчинников, В.М. Гессен, С.П. Шеин, М.Ф. Шиллинг, Н.А. Базили, М.Г. Приклонский. ГАРФ. Ф. 813. Оп. 1. Д. 123. С. 398

распределена между тремя комиссиями, каждая из которых занималась определенным кругом специальных вопросов. В распоряжение каждой комиссии поступили различные документы, материалы, которые относились к рассматриваемой проблеме⁴.

В комиссии, рассматривавшей вопросы, связанные с механизмом сокращения вооружений, председательствовал бывший премьер-министр Бельгии О. Беернар. При этом она была поделена на три подкомиссии: по рассмотрению правил ведения сухопутной войны, морских сражений и непосредственно по разоружению⁵. Предполагалось, что результаты деятельности комиссии по разоружению должны были стать наиболее значимыми на форуме, так как принесли бы незамедлительное улучшение финансового и экономического состояния государств, а также способствовали всеобщему умиротворению. Однако с самых первых заседаний конференции обнаружилось, что сами делегаты вовсе не спешат форсировать работу комиссии. Российские предложения о неувеличении бюджетов военного и морского министерств и численности сухопутной армии и флота встретили резкое сопротивление представителей Германии. Так, германский технический делегат полковник Шварцгоф заявил, что его страна вполне способна нести соответствующие расходы, а население отнюдь не страдает от налогов, «так как и частное благосостояние в Германии возрастает с каждым годом». Такое заявление сделало практически все дальнейшие дискуссии бессмысленными, дальнейшая судьба русского предложения была предопределена. Правда, сочтя такой итог излишне нелицеприятным, члены комиссии решили передать проект решения на обсуждение в подкомиссии, но и здесь его содержание не претерпело никаких изменений⁶.

Следующая комиссия изучала возможность использования в ходе военных конфликтов институтов посредничества и третейского разбирательства. Именно она стала, пусть и неофициально, главной на конференции, привлекая внимание делегатов мирного форума и мировой общественности. Председательство в комиссии по арбитражу было предложено первому уполномоченному Франции Л. Буржуа. Делегат из Берлина Ф. Цорн называл введение в практику международного права института третейского суда в качестве обязательного мероприятием несвоевременным и даже вредным⁷. Справедливости ради следует отметить, что Цорн не скрывал своих скептических взглядов на возможные

результаты конференции еще до ее начала⁸. В итоге эта точка зрения Цорна победила, и единственное, чего удалось добиться поборникам арбитража, — это учреждения постоянного судебного органа, и то во многом благодаря усилиям делегатов от Великобритании и США⁹.

Представители Германии энергично препятствовали продуктивному ходу работы мирного форума¹⁰. Показательным в этой связи выглядит включение в состав германской делегации профессора Штенгеля, который незадолго до открытия конференции опубликовал книгу, выдержанную в откровенно милитаристском тоне¹¹. Этот труд носил название «Вечный мир» («Der ewige Friede») и был издан в Мюнхене. В нем Штенгель отстаивал жизненную необходимость войн для политического, экономического, научно-технического и культурного развития народов. При этом автор рассуждал о вреде, который способны причинить идеи мира, а также содействующие их распространению различные конгрессы и конференции (в особенности предстоящая), так как они «могут ослабить боевые качества, воинственную бодрость и мужество немцев»¹². Такая точка зрения в то время не была чем-то исключительным. Политическая элита Германии придерживалась схожих убеждений. Например, по мнению Б. Бюлова, статс-секретаря по иностранным делам Германии в 1897–1900 гг., гарантией сохранения мира могли служить лишь сильные армия и флот. А милитаризм он объявлял «наилучшей частью государственного, национального и народного развития Германии»¹³. Понятно, что, включив в состав делегации профессора Штенгеля, в Берлине едва ли всерьез рассчитывали достичь каких-либо существенных прорывов в деле ограничения роста вооружений. Конференция выразила лишь пожелание такого сокращения, но на деле никто из держав не спешил воплощать эти пожелания в жизнь.

Конференция приняла три конвенции:

1. О мирном решении международных столкновений.
2. О законах и обычаях сухопутной войны.
3. О применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 года.

А также три декларации:

1. О запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов.

2. О неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы.

3. О неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплюсчивающихся в человеческом теле.

Плодом конвенции «О мирном решении международных столкновений», разработанной русским депутатом профессором Ф.Ф. Мартенсом, явилось учреждение действующего и поныне Гаагского международного суда.

Однако русская инициатива разоружения была воспринята западными дипломатиями как наивность: конечно же, это не могло предотвратить стремление финансовой мировой «закулисы» к мировому господству и готовившуюся ею мировую войну — главным образом против России. Но этот почин русского царя положил начало целому ряду действующих поныне конвенций о предотвращении жестоких способов ведения войны, о гуманном обращении с пленными и т. п.

Таким образом, первая и главная цель конференции — сокращение вооружений и военных бюджетов или даже фиксирование их на уже сложившейся высоте — достигнута не была. Это было обусловлено исключительно позициями Германии и Франции. Позиция французской делегации на самой конференции вызвала у русских далеко не однозначную реакцию. Один из главных участников конференции со стороны России Ф.Ф. Мартенс называл позицию французской делегации «подлой». «Они, — говорил Мартенс, — наши друзья и союзники, но не только не помогают нам, но, напротив, на каждом шагу пакостят, выступая против предложений России в военной и морской комиссиях»¹⁴.

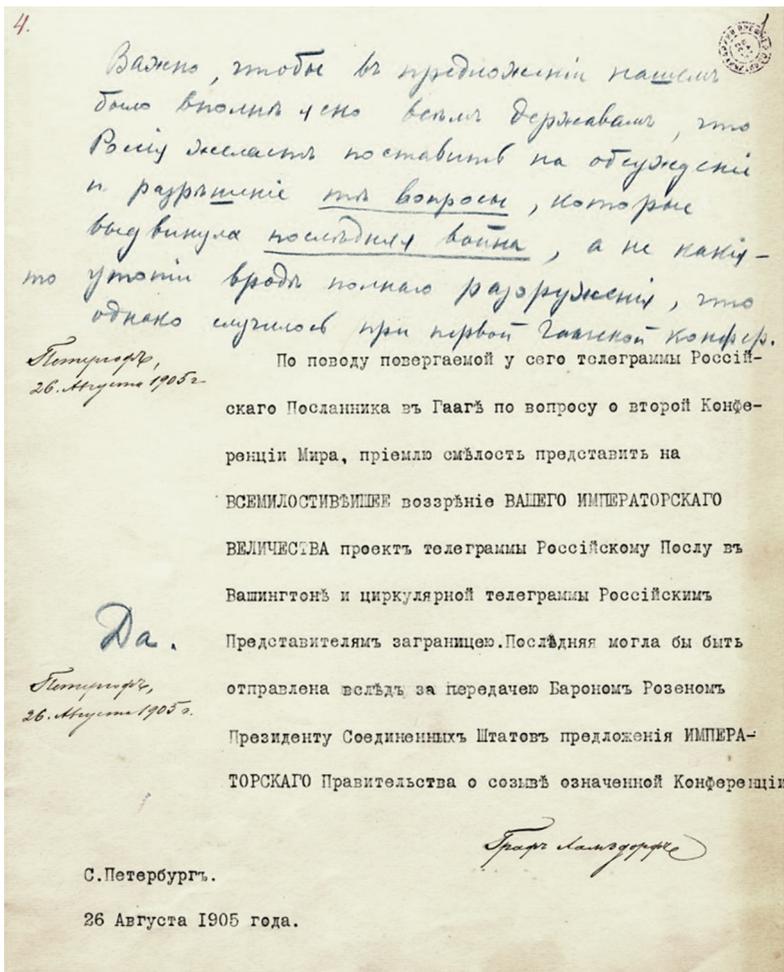
2-я Гаагская конференция (1907 г.)

Инициативу созыва 2-й конференции мира проявил президент Соединенных Штатов Америки Теодор Рузвельт. Однако она из-за войны между Россией и Японией своевременно не была реализована.

В сентябре 1905 г. министр иностранных дел России граф В.Н. Ламздорф обратился к русским представителям за границей с циркулярным предписанием передать правительствам 47 иностранных государств предложение принять участие в новой конференции мира, которая могла бы продолжить дело, начатое

Гаагской конференцией 1899 г. (ил. 6). Большинство государств выразили полное согласие с предложением России.

Представителем от России в Нидерланды был назначен Н.В. Чарыков¹⁵. Его назначение, между тем, было осложнено тем,

Ил. 6. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел России В.Н. Ламздорфа императору Николаю II о передаче президенту США и правительствам других держав предложения о созыве Второй конференции мира. 26 августа 1905 г. Пометки Николая II. АВПРИ. Ф. Политархов. Оп. 482. Д. 5036. Л. 1

что на должность русского посланника в Гааге рассчитывал известный юрист-международник, к тому же заметный деятель 1-й Гаагской конференции профессор Ф.Ф. Мартенс. Однако император Николай II на соответствующий запрос наложил резолюцию: «Назначьте Чарыкова»¹⁶. Здесь, в Нидерландах, русский посланник был занят в основном решением международных проблем общеевропейского и мирового значения.

Мирная конференция проходила со 2 июня по 5 октября. Участвовали представители 44 государств: Австро-Венгрия, Аргентина, Бельгия, Болгария, Боливия, Бразилия, Великобритания, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Германия, Греция, Дания, Доминиканская Республика, Италия, Испания, Китай, Колумбия, Куба, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Никарагуа, Норвегия, Османская империя, Панама, Парагвай, Персия, Перу, Португалия, Россия, Румыния, Сальвадор, Сербия, Сиам, США, Уругвай, Франция, Черногория, Чили, Швейцария, Швеция, Эквадор, Япония. Председатель конференции — «первый уполномоченный» российской делегации, российский посол в Париже А.И. Нелидов. Общее число официальных участников — представителей государств достигло 267 человек. По алфавиту государств в Большой зал рыцарей Дворца Мира рассажено было все человечество. Собрание, по своему составу почти равное любому парламенту, объединившее все расы, все языки и все большие религиозные группы человечества, окруженное огромным официальным престижем, числившее в своем составе лучших политических деятелей, дипломатов, ученых, чиновников, моряков и генералов всего цивилизованного и отчасти нецивилизованного мира, способное связать нормами права все человечество, — так охарактеризовал состав участников конференции один из ее участников от России, барон Б.Э. Нольде¹⁷ (ил. 7).

В США известный морской писатель, участник 1-й конференции в Гааге Маган высказал мысль о необходимости ограничения вооружений — «хотя бы на море»¹⁸. Капитан Маган полагал необходимым ограничение числа крупных кораблей. Русский посланник Н.В. Чарыков поддержал данную инициативу «Для нас, писал он, — осуществление мысли... Магана, казалось бы, весьма желательным, во-первых, потому, что постройка новых, даже самых первоклассных броненосцев потребовала бы сравнительно меньших затрат и, во-вторых, потому, что

Ил. 7. Заседание 2-й Гаагской конференции

ограничение размеров броненосцев положило бы предел увеличению калибра судовых орудий и толщины судовой брони, с выгодой для наших береговых орудий и укреплений»¹⁹. Поскольку в случае постоянного характера данного проекта могли возникнуть возражения. Чарыков полагал необходимым придать ему срочный характер — на 10 лет с дальнейшей пролонгацией. Российский дипломат приветствовал решение Совета межпарламентского союза, принявшего за основу русский проект в вопросе о создании арбитражного трактата²⁰. Немаловажным представлялся Чарыкову вопрос о признании неприкосновенности частной собственности на море в военное время. Он установил, что данный вопрос будет допущен к обсуждению на 2-й конференции. Однако Чарыков опасался, что российские интересы могут пострадать, так как в самой России не было единого мнения на этот счет. Если министерство торговли выступало за данный проект, то морское ведомство — против. Российский посланник полагал, что интересы двух наших дискутирующих ведомств вполне было возможно примирить²¹. Основанием для подобного согласования послужило бы, по его

мнению, «принципиальное признание императорским правительством желательности распространения на морскую войну действующего правила об охране частной собственности во время сухопутной войны с присоединением... таких... ограничений, которые обеспечили бы русскому флоту возможность вредить не менее широко, чем теперь, неприятелю, имеющему значительный торговый флот или нуждающемуся в привозном продовольствии или... сырье»²². Данные ограничения состояли в следующем: 1) неприятельские коммерческие суда, нанятые неприятельским правительством, или оказывающие последнему какие бы то ни было услуги, или обязанные состоять в его распоряжении в военное время, а равно и находящаяся на означенных судах частная собственность неприятеля правом неприкосновенности не пользуются; 2) неприятельские коммерческие суда, перевозящие военную контрабанду, подлежат со всем находящимся на них неприятельским частным и государственным грузом безвозмездному захвату, конфискации или уничтожению по усмотрению воюющей стороны; 3) в случае военной необходимости неприятельские коммерческие суда, не подлежащие под вышеозначенные категории, могут быть захватываемы и уничтожаемы воюющей стороной, но с тем, чтобы по окончании войны собственникам данных судов или находившегося на них груза были возвращены принадлежащие им суда и грузы либо возмещена их стоимость²³. Решение по всем спорам, которые неизбежно возникли бы при исполнении данной процедуры, Н.В. Чарыков полагал необходимым возложить на Гаагскую постоянную палату третейского суда²⁴. Кроме того, он предлагал «оговорить для воюющих сторон самое широкое право в определении того, что считать военной контрабандой, допуская... включение и продовольственных припасов, сырья... и даже самих коммерческих судов тех типов, которые пригодны для военных целей»²⁵. В качестве модели для правила о неприкосновенности частной собственности на море мог бы послужить, по его замыслу, текст статьи 20 итало-американского трактата 1871 г. «с добавлением слов «кроме военной контрабанды», и до слов «с возложением...»²⁶.

Н.В. Чарыков считал, что с точки зрения международного права и интересов мирного «производительного» населения земного шара данное международное соглашение принесло бы немалые выгоды, поскольку захват неприятельской частной

собственности на море, бывший до той поры правилом, стал бы исключением, были бы обеспечены от безвозмездного захвата все торговые суда, грузы и предприятия, и в случае захвата такой частной собственности воюющей стороной в силу военной необходимости всем потерпевшим было бы обеспечено справедливое возмещение убытков»²⁷. С точки зрения русских военноморских интересов такое соглашение представлялось Чарыкову весьма выгодным: оно «ничем бы не стеснило принятия против неприятеля... всех тех мер, которыми и ныне располагает наше морское ведомство»²⁸. Российская делегация исходила из того, что «народам необходимо идти на взаимные уступки» и действовать в «духе согласия».

Конференция приняла целый ряд документов, охватывавших широкий круг международно-правовых вопросов. Наибольшую важность представляли тринадцать конвенций, из которых восемь были посвящены войне на море (прежде морского международного права в системном виде не существовало).

1. Конвенция о мирном решении международных столкновений положила начало процессу нормативного наполнения принципа мирного разрешения международных споров, являющегося одним из основополагающих принципов современного международного права. Она не исключала войну из арсенала средств разрешения споров, но все же до некоторой степени ограничивала право государств на войну.

2. Конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам закрепляла согласие ее участников «не прибегать к вооруженной силе для истребования договорных долгов».

3. Конвенция об открытии военных действий постановила, что военные действия «не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения». Данное положение было принято по настоянию России.

4. В Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны формулировались важнейшие принципы и обычаи сухопутной войны: разграничение комбатантов и некомбатантов; право населения на вооруженное сопротивление; регламентация прав военнопленных; запрет убивать сдавшихся в плен, использовать яды, оружие и вещества, «способные причинить излишние страдания», и т. д. Военному командованию предписывалось принимать все возможные меры к охране памятников старины

и культуры, а также медицинских учреждений; запрещалось отдавать на разграбление города и местности, даже взятые приступом. Запрещалась конфискация частной собственности и грабежи, но допускалось взимание налогов, пошлин и других денежных сборов «по возможности сообразно с существующими правилами», и пр.

5. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны запрещала воюющим сторонам проводить через территории этих держав свои войска. В свою очередь, нейтральные государства обязывались соблюдать равное отношение ко всем участникам конфликта. Отражение нейтральной державой, даже силой, покушений на ее нейтралитет не рассматривалось как враждебное действие.

6. Конвенция об обращении торговых судов в военные закрепляла требования, при выполнении которых торговое судно, обращенное в военное, могло наделяться правами и обязанностями военного судна.

7. Конвенция о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий устанавливала гарантии безопасности в отношении торговых судов, застигнутых войной в портах противника.

8. Конвенция о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин определяла виды морских мин и устанавливала порядок их применения (не была подписана Россией).

9. Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны запрещала бомбардировать морскими силами незащищенные порты, города, селения, жилища и отдельные строения. Запрет не распространялся на военные укрепления, учреждения, склады оружия и т. д., которые могли использоваться неприятелем для нужд армии и флота, а также на военные суда, находившиеся в порту.

10. Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года предусматривала улучшение участи раненых во время войны.

11. Конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне (не была подписана Россией) предусматривала неприкосновенность почтовой корреспонденции на море, освобождение от захвата рыболовных судов и освобождение от плена экипажей неприятельских торговых судов.

12. Конвенция об учреждении Международной призовой палаты (не вступила в силу).

13. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны.

Принята декларация о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров²⁹.

3-я Гагская конференция была запланирована на 1915 г., но не состоялась в связи с Первой мировой войной.

Итак, 1-я конференция мира, созванная по инициативе императора Николая II, конечно, не разрешила всех наиболее острых вопросов, но стала одним из самых ярких событий XIX в. Разработанные и принятые на ней документы, так называемые Гагские конвенции 1899 г., заложили фундамент современного международного права. Положив начало международному диалогу в области разоружений, конференция сделала доселе беспрецедентный шаг к практике урегулирования конфликтов между государствами мирным путем. Между тем, роль 1-й мирной конференции долгое время принижалась, а часто и вовсе замалчивалась отечественной историографией. Лишь с начала 1990-х гг. в России стали появляться исследования, свидетельствующие об устойчивом интересе историков к проблеме Гагской конференции. В них впервые достаточно подробно и объективно освещались причины, работа, а также и результаты первого «парламента мира».

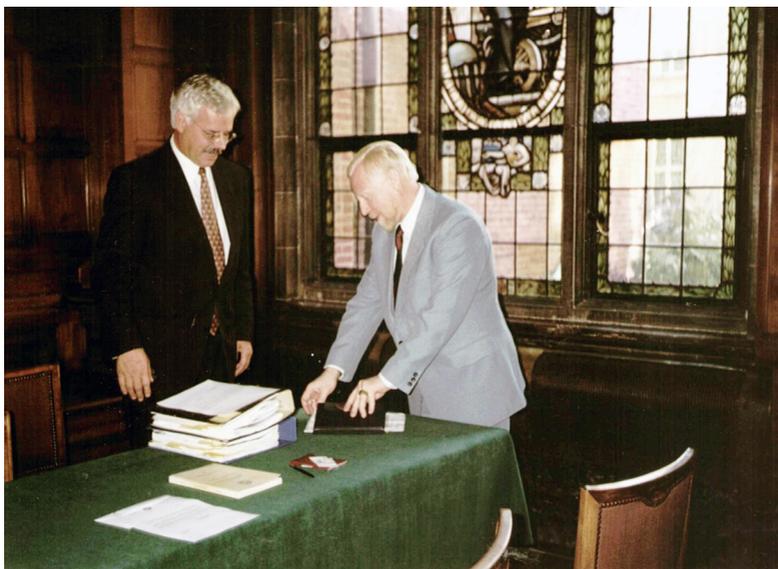
В 1997 г. автор статьи совместно с кандидатом юридических наук Леонардом Николаевичем Гавриловым в преддверии празднования 100-летия со дня учреждения данной организации по инициативе императора России Н.А. Романова посетили с деловым визитом Гагский международный суд, теперь уже 6-е подразделение ООН, с целью передачи на хранение в депозитарий суда документов, касающихся судьбы царской семьи после 1918 г. (ил. 8). После приема и беседы у секретаря суда Артура Витвейна документы были приняты на хранение (ил. 9). Он выразил пожелание увидеть снова уважаемых гостей при их очередном визите в Гаагу. В знак уважения к гостям и памяти императора Н.А. Романова и его семьи их ознакомили с экспозицией музея суда. В частности, им показали залы, в которых работала 1-я 2-я Гагские конференции и где выставлены подарки от России: огромные чаши из малахита, гранита, яшмы.

Ил. 8. О.В. Филатов у Дворца мира, г. Гаага, Голландия. 1997 г.

Также был показан портрет императора Николая II. Необходимо отметить, что история этого портрета тесно связана с революцией в России 1917 г. Накануне созыва следующей Гаагской международной конференции по финансово-экономическим вопросам, которая состоялась с 15 июня по 19 июля 1922 г., в суд, согласно рассказу Артура Витвейна, поступила просьба от советской стороны об изъятии портрета Николая II. Однако администрация суда, ответив советской стороне согласием, решила сохранить портрет для будущих поколений и поместила его за входной дверью одного из залов «Дворца мира». Входящий в зал гость портрета не видит, поскольку он скрыт от его взгляда за одной из створок двери, которая, открываясь, закрывает его собой. Если же створку отодвинуть, то входящий в зал человек видит, что с портрета на него смотрит император. Он изображен художником в форме полковника казачьих войск в полный рост без головного убора. Изображение Николая II настолько подлинно передает его внешний облик, что, кажется, что вот-вот он сойдет с портрета к вам навстречу и поведет беседу о тех далеких событиях.

Осмысливая исторические события тех дней, мы осознаем, что замысел императора опередил свое время на 100 лет

Ил. 9. Секретарь Международного суда ООН Артур Витвейн и О.В. Филатов в момент передачи документов в депозитарий документов, касающихся судьбы царской семьи после 1918 г. 12 сентября 1997 г. г. Гаага, Голландия

вперед. И если бы Европа в 1899 г. прислушалась к русско-му царю, мир, наверное, никогда бы не узнал и не испытал на себе удушливых газов, разрывных пуль, касетных бомб, ядерного оружия... Мир никогда бы не потерял миллионы погибших в аду Вердена, Сталинграда, Дрездена, Хиросимы, Белграда, Багдада... Российская Федерация как правопреемница Советского Союза приняла на себя обязательство соблюдать подписанные императорской Россией Гаагские конвенции. Уроки Гаагских конференций сегодня позволяют глубоко осмыслить историческое значение принятых документов, дают возможность прогнозировать развитие и глобализацию мировой цивилизации, активизировать усилия по восполнению пробелов в международном гуманитарном праве с целью сохранения жизни на земле, защиты окружающей нас среды и всемирного культурного наследия человечества.

Муравьев Михаил Николаевич (1845–1900), граф, министр иностранных дел. Начал дипломатическую службу в 1864 г. в канцелярии МИД. С 1867 г. служил в русских миссиях в Штутгарте, Стокгольме, Гааге, Берлине и др. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был назначен советником посольства в Париж, а в 1884 г. — в Берлин. С 1893 г. посланник в Копенгагене. С 1 января 1897 г. был назначен управляющим МИДом, а 13 апреля того же года — министром иностранных дел России. Продолжил курс своего предшественника князя Лобанова-Ростовского по активизации внешней политики России на Дальнем Востоке. В 1898 г. по поручению Николая II выступил с предложением о созыве международной конференции по разоружению.

Российская делегация на 1-й Гагской конференции

Баранцов Михаил Александрович, граф. Сын члена Государственного совета генерала от артиллерии генерал-адъютанта графа Александра Алексеевича Баранцова, из потомственных дворян Смоленской губернии. 13.10.1898 г. назначен командиром 1-го дивизиона Гвардейской конноартиллерийской бригады. 9.02.1899 г. назначен в распоряжение генерал-фельдцейхмейстера. Участник 1-й международной конференции по разоружению в Гааге (1899). Участник Первой мировой войны. 7.01.1915 г. назначен инспектором артиллерии 30-го армейского корпуса. 10.04.1916 г. произведен в генералы от артиллерии. 4.05.1917 г. уволен со службы с мундиром и пенсией. Проживал в Петрограде. В сентябре 1918 г. арестован ВЧК как заложник. Затем освобожден и эмигрировал. Скончался в эмиграции.

Мартенс Федор Федорович (1845–1909) — юрист-международник, неперемный член Совета МИД. Возглавляя кафедру международного права Петербургского университета, в 1874 г. был привлечен к изданию 15-томного «Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», в дальнейшем стал его главным редактором. Под его руководством был разработан новый консульский устав, введенный в действие в 1893 г. Председательствовал на третейском суде, разбиравшем спор Англии и Венесуэлы в 1899 г. Принимал активное участие как член русской делегации в работе 1-й Гагской

конференции: председательствовал во 2-й комиссии, занимавшейся применением Женевской конвенции к морским войнам. Участвовал в переговорах в Портсмуте в 1905 г. и во 2-й Гаагской конференции.

Стааль Егор Егорович (1824–1907) — российский дипломат, посланник в Вюртемберге (1871–1884), Баварии, Гессене и Бадене (1883–1884), посол в Великобритании (1884–1903), глава российской делегации на Гаагской конференции 1899 г.

Базили Николай Александрович (1883–1963) — второй секретарь посольства в Париже, в годы Первой мировой войны вице-директор канцелярии МИД (1914), директор дипломатической канцелярии при штабе Верховного Главнокомандующего.

Базили Александр Константинович — директор 1-го (бывшего Азиатского) департамента МИД (1897–1900), старший советник министерства (1900–1902).

Жилинский Яков Григорьевич — в 1899 г. состоял в распоряжении начальника Главного штаба.

Ромейко-Гурко Николай Александрович — в 1899 г. второй секретарь посольства в Великобритании, коллежский советник.

Овчинников Иван Александрович — преподаватель Морского кадетского корпуса.

Гессен Владимир Матвеевич (1868–1920) — юрист, преподавал в Военно-юридической академии, профессор Петербургского политехнического института, Александровского лицея и Петербургских высших женских курсов. В 1899 г. секретарь российской делегации на Гаагской конференции (ст. «О значении Гаагской конференции» // Журнал министерства юстиции, март 1900). Член II Государственной Думы от кадетов, активно участвовал в разработке законопроектов, направленных на обеспечение основных гражданских свобод. Один из редакторов журнала «Право». В 1910 г. получил степень магистра государственного права за диссертацию «Подданство, его установление и прекращение».

Шейн Сергей Павлович — в 1899 г. морской агент, капитан 2 ранга.

Овчинников Иван Александрович — преподаватель Морского кадетского корпуса.

Бирилев Алексей Алексеевич (1844–1916) — адмирал. Закончив Морской кадетский корпус (1864), служил на Балтийском флоте, командовал различными кораблями и

соединениями. В 1904 г. назначен Главным командиром флота и портов, начальником морской обороны Балтийского моря и военным губернатором Кронштадта (в 1905 г. переименован в командующего Балтийским флотом). В июне 1905 г. занимал должность командующего флотом в Тихом океане. После реорганизации высших органов военно-морского управления и учреждения должности морского министра Высочайшим распоряжением 29 июня 1905 г. назначен российским морским министром. В августе 1905 г. подписал по приказу Николая II Бьоркский договор с Германией. Член конференции Николаевской морской академии (с 1903), Государственного совета (с 1905). Уволен в отставку в 1907 г.

Маврикий Фабианович Шиллинг (1872–1934) — директор канцелярии МИД. В 1898 г., т. е. через три года после зачисления в МИД, назначен в Вену вторым секретарем российского посольства. В этом же качестве он участвовал в заседаниях Гаагской мирной конференции (1899). С 1902 по 1908 г. Шиллинг был представителем российского консульства в Ватикане, а с 1908 по 1910 г. — первым секретарем посольства в Париже.

Приклонский Михаил Григорьевич (1864–1944) — в 1899 г. делопроизводитель VII класса в 1-м департаменте МИД.

Российская делегация на 2-й Гаагской конференции

Нелидов Александр Иванович — первый уполномоченный, председатель конференции. В 1903–1910 гг. посол во Франции.

Мартенс Федор Федорович — второй уполномоченный; председатель 4-й комиссии конференции; непременный член Совета МИД, экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета; член Постоянной палаты третейского суда и Института международного права.

Чарыков Николай Валериевич — третий уполномоченный; посланник в Нидерландах. В 1908–1909 гг. товарищ министра иностранных дел, в 1909–1912 гг. посол в Турции.

Прозор Маврикий Эдуардович — технический делегат. В 1904–1909 гг. посланник в Бразилии, Аргентине, Уругвае и Чили (с 1908 г.).

Ермолов Николай Сергеевич — технический делегат; представитель Военного министерства, генерал-майор, военный агент в Лондоне.

Михельсон Александр Александрович — технический делегат; представитель Военного министерства, полковник Генерального штаба, военный агент в Берлине.

Бэр Феликс Иосифович — технический делегат; представитель Морского министерства, капитан 1 ранга, морской агент в Лондоне.

Овчинников Иван Александрович — технический делегат; представитель Морского министерства, полковник Адмиралтейства, профессор международного права Александровской военно-юридической и Николаевской морской академий.

Нольде Борис Эммануилович — секретарь делегации; сотрудник Первого департамента МИД, экстраординарный профессор международного права Санкт-Петербургского политехнического института. В 1914–1916 гг. возглавлял юрисконсультскую часть МИД; в 1916–1917 гг. директор Второго департамента МИД, товарищ министра иностранных дел в первом составе Временного правительства.

Мандельштам Андрей Николаевич — секретарь делегации; второй драгоман посольства в Константинополе, доктор международного права. В апреле 1917 г. директор Правового департамента МИД.

Базили Николай Александрович — секретарь делегации; третий секретарь канцелярии МИД. В 1914–1916 гг. вице-директор, в 1916 — марте 1917 гг. директор Дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего.

Муравьев Валериан Николаевич — секретарь делегации; атташе в посольстве в Париже. В 1914–1916 гг. секретарь Второго (Ближневосточного) политического отдела МИД; вице-директор Дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего. С марта 1916 г. чиновник особых поручений при министре иностранных дел.

Шувалов Александр Павлович — секретарь делегации; сотрудник Первого (Азиатского) департамента МИД.

Вонлярлярский Дмитрий — секретарь делегации; капитан Генерального штаба.

Лорис-Меликов Иосиф Григорьевич — привлекался к работе в секретариате Конференции; второй секретарь миссии в Нидерландах. В 1914 — апреле 1916 гг. первый секретарь посольства в США. С мая 1916 г. поверенный в делах и генеральный консул в Сиаме в ранге посланника.

- ¹ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 79.
- ² Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. Т. 1. С. 96.
- ³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 167: Посольство в Берлине. Оп. 509/1. Д. 4287. Л. 33–33 об.
- ⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1899. № 6–7. С. 802–803.
- ⁵ Мартенс Ф.Ф. Гаагская конференция мира: Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. М., 1900. С. 13–14;
- ⁶ Камаровский Л.А. Гаагская мирная конференция. М., 1902. С. 40–54.
- ⁷ Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914 (далее: G.P.). Berlin, 1925. Bd. 15. № 4278. S. 239.
- ⁸ Männer der Wissenschaft über die Friedens-Konferenz. Berlin, 1899. S. 32.
- ⁹ Камаровский Л.А. Вопрос о посредничестве и международном третейском суде на Гаагской конференции // Русская мысль. 1900. № 1. С. 90–93; Данилин А.И. Проблема международного арбитража и позиции США и Германии на первой Гаагской конференции мира // Европейские государства и США в международных отношениях первой половины XX века (история и историография). М., 1983. С. 136–143.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 568: В.Н. Ламздорф. Оп. 1. Д. 619. Л. 40–41.
- ¹¹ Политика // Русское богатство. 1899. № 5–8. С. 161.
- ¹² Цит. по: Слонимский Л.З. Война и идеи мира // Вестник Европы. 1899. № 11–12. С. 342–349.
- ¹³ Бюлов Б. Германская политика. Петроград, 1917. С. 266.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 787. Д. 5.
- ¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 7.
- ¹⁶ Pustogarov V.V. Our Martens. International Lawyer and Architect of Peace. Edited and translated by W.E. Butler. The Hague: Kluwer, 2000. (Original Russian edition, 1993).
- ¹⁷ Нольде Б.Э. Вторая Конференция мира. Очерк // Вестник Европы. Т. II. СПб., 1908. С. 467.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4906. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. Л. 4 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 5 об.
- ²² Там же. Л. 6.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 6 об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Л. 7.
- ²⁹ Preparation for the Third Hague Peace Conference // Report. Carnegie Endowment for International Peace, 1915. С. 134. (англ.); Гаагская мирная конференция 1899 года // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. Т. 82 и 4 доп. СПб., 1890–1907; Вторая конференция мира 1907. СПб., 1908.

Ю.С. Хамеляйнен (Великий Новгород)

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ Артиллерийского музея, переданные в фонд металла и оружия Новгородского музея

МНОГИЕ СЛАВНЫЕ ПАМЯТНИКИ военной истории Новгорода хранит Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Часть из них опубликована еще в позапрошлом веке¹. Один из первых экспонатов Артиллерийского музея — ядро, обнаруженное в Новгородском кремле².

Отдел вооружения Новгородского музея древностей основан из предметов, переданных из Кирилло-Белозерского монастыря, Артиллерийского музея, Тихвинского монастыря, ризницы Софийского собора, из коллекции графа А.Г. Орлова-Чесменского Юрьева монастыря, а также пожертвованных частными лицами³.

Новгородский музей с начала создания тесно взаимодействовал с Артиллерийским музеем: Н.Е. Бранденбург датировал оружие Музея древностей⁴, предметы вооружения поступали из Артиллерийского музея, передавались туда и обменивались. Согласно «Указателю хранилища древностей при Новгородском губернском статистическом комитете» на 1 марта 1889 г. из Артиллерийского музея поступили следующие предметы: «№ 33. Бармица железная; проволочная кольчатая сетка, носимая вместо шлема (выс. 8 верш[ков], шириною по верху 10 верш., по низу 16 верш.). № 35. Гренадерка времен императрицы Анны Иоанновны. № 36. Шапка Голштинских войск, XVIII в.⁵ № 39. Нагрудник Московских наемных немецких войск (XVII в.), железный, вороненый. № 86. Протазан⁶.

№ 87. Алебарда XVIII в., железная на деревянном древке, на конце железный башмак (дл. 1 саж[ень]). № 121, 122. Шведские... пистолеты... без украшений. ... Из трофеев Полтавской битвы»⁷. № 129. Пищаль, заряжающаяся с казенной части, длина ствола 2 ар[шин], 4 ½ верш[ка], диаметр ¾ верш., высота лафета с колесами 13 ½ верш. (XVII в.)»⁸. На этой же странице ниже дописано: «№ 161. Берендейка, употреблялась стрельцами для ношения зарядов и фитилей. Из Арт. Музея в СПб».

В «Описях вещам, находящимся в музее Новгородского губернского статистического комитета» числится 325 предметов оружия и снаряжения, принятых до 1910 г. Среди них с указанием: «Дар С.-Петербургского Артиллерийского музея» подробные описания тех же предметов»⁹.

Сохранился протокол заседания Музея древностей от 11 февраля 1914 г., где зафиксировано предложение И.В. Аничкова произвести с Артиллерийским музеем обмен ружейных стволов из Кирилло-Белозерского монастыря на ложи из того же монастыря: «В Музее имеется больших и малых стволов до 138 штук. Так как все они без лож, то крайне желательно получить несколько лож, чтобы иметь полные экземпляры ружей. <...> Комиссия поручила Аничкову переговорить с хранителем Артиллерийского музея об условиях обмена, доложить Комиссии»¹⁰.

В отделе хранения и изучения письменных источников выявлена рукописная инвентарная опись вещественных памятников, составленная накануне Первой мировой войны. Она многократно дополнена, поправлена черными чернилами и карандашом. Исправления сделаны, вероятно, после консультаций с теми лицами, которых благодарит И.В. Аничков: «Мы считаем своим долгом принести глубокую признательность начальнику Артиллерийского Музея в С.-Петербурге генерал-майору Д.П. Струкову и его помощнику И.М. Печенкину»¹¹ за данные ими полезные указания и содействие по ознакомлению с богатейшими и интереснейшими коллекциями заведуемого ими Музея, значительно облегчившим нашу задачу <...> И. Аничков. 19 2/ VII 14 г. Новгород».

Взаимосвязь музеев не прерывалась и после 1917 г., что подтверждается документами¹².

В фонде оружия были выявлены материалы по определению и копии напечатанных списков 226 предметов оружия Новгородского музея, экспертизы которых произвел старший

научный сотрудник Артиллерийского музея Академии артиллерийских наук, полковник артиллерийско-технической службы В.Е. Маркевич 6 июня, 2 и 3 июля 1948 г.¹³

В XX в. из Артиллерийского музея предметы передавались многократно. По документам отдела учета, книгам поступлений Новгородского музея, переданным карточкам ознакомимся, что находится в фонде оружия, а также приведем информацию с прямоугольных бумажных наклеек и привязанных картонных бирок Артиллерийского музея в надежде выявить предыдущую историю предметов.

Ольстра (ил. 1) повторно была принята на учет в 1990 г. как ошибочно списанный предмет из довоенных коллекций Новгородского музея. Сейчас выявлено, что «ольстреда пистолетная от шведского седла из черной кожи времен Петра I. 1709 г.» передана в 1948 г. из Артиллерийского музея вместе с образцами военной формы времени Петра I: мундиром лейб-гвардии Семеновского полка, камзолом солдатским и панталонами темно-зеленого сукна¹⁴. На предмете наклейка с напечатанным номером: «Ч. I. № 1037»¹⁵. На фрагменте пришитой бирки надпись фиолетовыми чернилами: «А.И.М.». В ольстру вложена бирка с печатными изображениями двуглавого орла, медальона с латинской надписью: «HISTUTAPERENNAT» («Здесь в безопасности пребывает»), надписями: «ОТДѢЛЬ», «Названіе предмета» и простым карандашом — «АИМ 14.

Ил. 1. Ольстра пистолетная. Швеция. Начало XVIII в.

1119», «Ч. I. № 1037. Ольстреда пистолетная...». Далее текст «угас», не читается. Внизу фиолетовыми чернилами: «1709». Четвертая бирка картонная: «Артиллерийский Исторический Музей Красной Армии. ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ. Ном. № 14. Пор. № 119. Фонд: II. Национ.: Швеция. Наименование: Ольстреда пистолетная от шведского кавалерийского седла врем. Петра I».

В 1954 г. источник поступления шестнадцати переданных музейных предметов был записан в книге поступления так: «Из Артиллерийского музея, ранее полученные во временное пользование». Из них три хранятся в фонде металла и оружия, в КП числятся как «подсумок кавалерийских полков, кожаный, с медной накладкой, на которой изображение двуглавого орла под короной и военной арматуры. 1730–1741 гг., литавра отечественная конца XVIII века (Диаметр 62 см, высота 40 см), и барабан мушкетерский, полковой русский (Диаметр 42 см, высота 53,5 см)»¹⁶.

Подсумок с наклейками. Поверх одной вторая наклейка: «Кронверх[к]. 35», поверх нее бирюзовая наклейка: «ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ 54», правее такого же цвета: «ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННА ЮАННОВНЫ 23». На крышке наклейка: «Арт. Истор. музей Р.К.К.А. Наименование: Подсумок. Национальность: Россия. Ном. № 13. Пор. № 752. Фонд: 2».

Литавра (ил. 2) с латунным корпусом — котлом с резонаторным отверстием в дне, с железным кованым треножником на трех ножках-шариках, приклепанных шестью медными заклепками к корпусу. Кожаная мембрана светлая. Семь крепежных винтов ввинчены в железные декорированные гайки, приклепанные к корпусу медными заклепками.

Ил. 2. Литавра. Россия. XVIII в.

Барабан конца XVIII — начала XIX в. (ил. 3) состоит из цилиндрического деревянного корпуса — кадла, двух деревянных обручей и двух кожаных мембран, натянутых посредством

бечевки. Корпус набран из 18 клепок, затонирован в красный и черный цвет: геометрический орнамент из треугольников. Петля для подвески инструмента к ремню барабанщика латунная. С наружной стороны нижней мембраны укреплены четыре кишечные струны. Пары бечевки охватены кожаными манжетами, затонированными в белый цвет. На корпусе изображение двух черных орлов, держащих в клювах белую ленту с надписью: «СЪ НАМИ БОГЪ». Между орлами под короной изображение герба Москвы, по ним — стили-

Ил. 3. Барабан. Россия.
Конец XVIII — начало XIX в.

зованное изображение огня, молний и ядер¹⁷. Позади корпуса наклейка: «Артиллерийский исторический музей Р.К.К.А. ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ. Номенкл. № 16. Пор. № 85. Наименование: Барабан мушкетерский. Фонд. 2. Материал: дерево. Да[та: время] Павла I».

В июле 1957 г. из Артиллерийского музея поступило 28 предметов, из них в фонде оружия сейчас хранятся некомплектные 23 части кирасы.

Французских частей кирас — 12. Это четыре нагрудные и три наспинные части кирасы обр. 1802 г.; нагрудная часть кирасы нижних чинов карабинерных полков 1810–1815 гг.; три нагрудные части кирас кирасирских полков королевской гвардии 1815–1825 гг. (ил. 4) и спинная часть кирасы обр. 1825 г.

Из трех частей русских кирас две — это нагрудная и спинная часть кирасы обр. 1828 г.

У некоторых переданных предметов на оборотной стороне сохранились наклейки: «Ганновер», «Франция», у половины можно определить старые номера Артиллерийского музея¹⁸.

В 1960 г. переданы 8 единиц огнестрельного оружия: винтовка системы Мосина обр. 1891–1930 гг. русская модернизированная, 1937 г. (на металлической накладке надпись: «Применялась советскими войсками Ленинградского фронта в 1941–1945 гг.»); винтовка системы Мосина обр. 1891 г. русская, Тула, 1921 г. (на казенной части выбито: «Первые Тульские оружейные заводы РСФСР 1921 г.»). Поступила в АИМ в 1955 г. из военной базы № 214); карабин системы «Маузер» обр. 1898 г., Германия (из трофеев Ленинградского фронта); карабин Арисака обр. 1908 г., Япония, 1910–

Ил. 4. Нагрудная часть кирасы кирасирских полков королевской гвардии. Франция. 1815–1825 гг.

1930-х гг.; карабин пехотный магазинный системы Ли-Энфилд обр. 1903 г., Англия, г. Бирмингем, 1915 г. (в карточке АИМ указано: «Трофей гражданской войны, поступил из военно-механического института в 1958 году»); винтовка системы Маузер обр. 1888 г.; пистолет-пулемет системы Шпагина, 1944 г. (поступил в АИМ в 1947 г.); пистолет-пулемет МР-40, Германия, 1941 г.¹⁹

Одиннадцать предметов военной формы переданы из ликвидированного Любытинского музея; туда, по информации книги поступления Новгородского музея, они поступили из Артиллерийского музея. Один предмет хранится в фонде оружия, записан в КП так: «Каска для нижних чинов армейской пехоты и гренадер времени Николая I». Каска (ил. 5) металлическая с козырьком и назатыльником. Прорезные накладки с чеканным изображением российского герба и номером 19, над ними накладка: «За отличие» и наверху в виде трубки с пылающей гранатой латунные²⁰. Внутри наклейка: «Арт. Истор. Музей

Р.К.К.А. Наименование: Каска. Национ.: Россия, Ном. № 15. Пор. № 115. Фонд: 2».

Часы «Схватка рыцарей» (ил. 6) фирмы «Le Roy & Fils» поступили в Новгородский музей из Центрального хранилища (Главного хранилища музейных фондов пригородных дворцов) вместе с группой предметов, ранее находившейся в музее Грузина, бывшей усадьбы графа А.А. Аракчеева²¹. В графе «Источник поступления» книги поступления Новгородского музея сделан прочерк, означающий «тоже», однако в учетной карточке Главного хранилища музейных фондов пригородных дворцов Ленинграда отмечено, что часы № ЦХ 3974 поступили туда из Артиллерийского Исторического музея по акту № 110 от 01.03.1951 г.

Часы настольные в овальном синем керамическом корпусе и стальном каркасе. Сверху на корпусе композиция: бой четырех пеших рыцарей и двух — на конях. В центре на вздыбленном коне рыцарь. У ног лошади другой, поверженный конь. Каркас часов декорирован французскими лилиями и овальными эмалевыми медальонами — на двух изображения гризайлью по синему фону сражений рыцарей, военных атрибутов, барабанов, знамен и штурмовых лестниц (ил. 7), на двух медальонах сбоку и на деталях каркаса изображена арматура. Круглый циферблат с золотыми римскими цифрами и надписью скорописью. Указана фирма и длительность завода: «Le Roy & Fils 9 ric Mont pensier Pis Roy a la Paris». На задней крышке часового механизма выбито название фирмы-производителя, серийный номер и золотая медаль:

Ил. 5. Каска. Россия. 2-я четверть XIX в.

Ил. 6. Часы «Схватка рыцарей». Франция. Фирма LeRoy&Fils. 1-я треть XIX в.

«LE ROY & FILS № 4449 A PARIS», «MEDALLE D'OR 1827 Jons». Над медалью процарапана дата реставрации часов: 19 марта 1916 г. и буквы: «19 19/III 16 AK».

Из Артиллерийского музея передавалось оружие в мемориальный музей А.В. Суворова, организованный в августе 1942 г. в селе Кончанском²². Этот музей становится филиалом Новгородского музея в 1976 г. Оружие, не вошедшее в экспозицию, по приказу передано в фонд Новгородского музея.

Кинжал турецкий XVIII в. (ил. 8) в книге поступлений му-

зея А.В. Суворова в Кончанском-Суворовском до 1976 г. записан так: «Кинжал турецкий в серебряной оправе с золоченым накладным узором. Взят в качестве трофея под Очаковым. Из Артиллерийского музея в 1944 г.» Кинжал с изогнутым обоюдоострым стальным клинком. Посередине — резко выступающее ребро. Рукоять серебряная позолоченная, с глубоким чеканным растительным орнаментом. Головка и основание сильно расширены, в сечении в форме вытянутого овала, концы загнуты внутрь; черен узкий вытянутый, почти круглый в сечении. Основа рукояти деревянная.

По записям в КП музея Суворова в том же году из Артиллерийского музея поступили три тульских строевых пистолета обр. 1809 г., пистолет Ижевского оружейного завода 1858 г. и турецкий кремневый пистолет XVIII в.

Ил. 7. Медальон корпуса часов «Схватка рыцарей». Франция. Фирма Le Roy & Fils. 1-я треть XIX в.

В 1946 г. из Артиллерийского музея переданы шесть предметов: два эспонтона, два кремневых турецких ружья XVIII в., русский штык к пехотному ружью обр. 1828 г. (укороченный) и ружейный ствол.

Ствол ружейный турецкий XVIII в. из дамаска, круглый в дульной и средней части, в казенной части восьмигранный, декорирован аркой и плетенкой золоченой насечки, с клеймом мастера.

Ил. 8. Кинжал и ножны. Турция. XVIII в.

Ил. 9. Эспонтон. Россия. XVIII в.

Эспонтоны с наконечником в виде широкого пера с фигурным основанием, граненой крестовины, конической граненой трубки с тремя фризами и двумя пожилками. Концы крестовины загнуты в разные стороны — вверх и вниз²³. На наконечнике с обеих сторон гравированные российские гербы под коронами с вензелями императоров и надписи; у одного эспонтона — «П I», надписи: «ГАРК Я/Н ДОЛГОРУКОГО 20/2» (ил. 9), «ПОЛКУ». На пере второго с обеих сторон — «А I» и «Л:М:П».

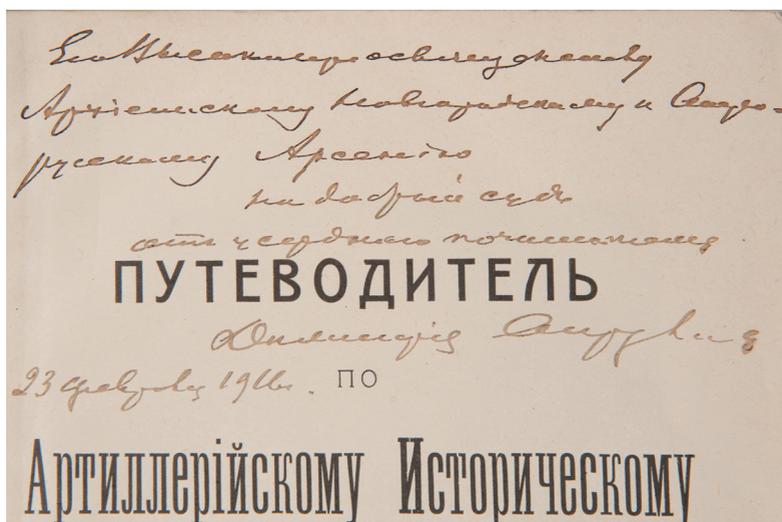
По записям книги поступления музея А.В. Суворова в 1948 г. передано оружие XVIII в.: два пистолета, два протазана и три полусабли. Оружие требует атрибуции.

Один из переданных пистолетов — тульский, образца 1809 г., 1814 г. выпуска, второй — европейский кремневый пистолет XVIII в.

Переданное древковое оружие в виде двулезвийного копьеца ромбического сечения и основания — двух полумесяцев, с соединяющимися сторонами. Между полумесяцами два треугольных выступа. Трубка коническая с тремя фризами и двумя пожилками. В оружейведческой литературе данные предметы значатся алебардами²⁴.

Из Артиллерийского музея в Новгородский государственный объединенный музей-заповедник передавалось не только оружие, но и картины, гравюры, литографии, посуда, под сумки, военная форма и прочие вещественные памятники.

Конечно, нельзя не отметить и памятники Новгородского музея, связанные с историей Артиллерийского музея и артиллерией. В фонде оружия несколько артиллерийских орудий (на одном из трех орудий довоенной коллекции, обнаруженных при разборке завалов у Златоустовской башни Новгородского кремля, указан вес — 15 пудов, 12 гривенок), моделей (модель русского

Ил. 10. Дарственная надпись Д.П. Струкова 23 февраля 1916 г.

½-пудового полевого единорога начала XIX в., выполнена в масштабе 1 к 6, на лафете имеет надпись с именем производителя (Джон Вильсон) и дату: «JOHN WILSON 1803»²⁵, десятки снарядов (металлические, каменные ядра, чугунные бомбы XVIII века, картечь) и других предметов оружия.

Из книг в первую очередь упомянем три книги Д.П. Струкова. Одна — с дарственной надписью: «Его Высокопреосвященству Архиепископу Новгородскому и Старорусскому Арсению на добрый суд от сердечного почитателя Дмитрия Струкова. 23 февраля 1916 г.» (ил. 10), надписью на обложке: «В библи. Ц. Арх. Общества А. А» и штампом библиотеки Новгородского церковно-археологического общества», происходит из личных книг архиепископа Арсения (Стадницкого); вторая книга поступила из библиотеки Новгородской духовной семинарии; третья — принадлежала великому князю Андрею Владимировичу (1879–1956), внуку Александра II, передана через обменный фонд библиотеки Академии наук СССР в 2014 г.²⁶ Внизу корешка этой книги суперэкслибрис золотым тиснением: под императорской короной инициалы «А. В». Вверху титула фиолетовый круглый штамп: «КНИГА ЕГО ИМПЕРАТ. ВЫСОЧ. ВЕЛ. КН. АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА».

Ил. 11. Подсумок кавалерийских полков. Россия. 1730–1741 гг. Передан из Артиллерийского музея в музей поселка Любытино, а после его закрытия в Новгородский музей в 1954 г.

Стоит отметить также «Правила строевой пешей артиллерийской службы»²⁷ и книгу из собрания Новгородского музея до 1941 г. «Мемории или Записки артиллерийские»²⁸.

В отделе письменных источников в фонде Аракчеева есть документальные материалы: «Докладная графа А.А. Аракчеева о состоянии артиллерии и ее реорганизации», 1799 г., «Тетрадь.

Разные сочинения, собранные в артиллерийском кадетском корпусе» и «Артиллерийские записки»²⁹.

Выявлена только небольшая часть вещественных памятников (ил. 11) и письменных источников Новгородского музея, связанных с историей оружия; так что есть повод для дальнейшего сотрудничества двух музеев пограничных столиц³⁰ нашей Родины — Новгорода и Петербурга.

¹ Артиллерийский исторический музей (Петербург). Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея / Сост. зав. музеем Н.Е. Бранденбург. Ч. 1. СПб., 1877–1889. С. 8, 9, 176, 206, 308–310. Из Пскова в Новгород были отправлены орудия «Свиток» и «Скоропея», и там они находились на вооружении 70 лет. См.: Михайлов А.А. Крупнокалиберные пищали в составе орудийного парка псковской крепости в XVII веке // Новые материалы по истории фортификации, вып. 2: статьи и материалы III и IV международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск, 2016. С. 212, 218; Росписной список Пскова [1633 г.] // Сборник Московского Министерства юстиции (САМЮ). Т. 6. Кн. 2. М., 1914. С. 51; Росписной список Новгорода [10–21 июля 1681 г.] // Дополнения к актам историческим, собранные и опубликованные Археографическою комиссией (ДАИ). Т. IX. СПб., 1875. С. 162.

² В «Историческом каталоге С.-Петербургского артиллерийского музея» на с. 148 читаем: «№ LXXII. Алебастровое ядро, диаметром 17,5 д., весом 5 п., 2 ф., найденное в числе нескольких подобных же экземпляров при обвале древней крепостной стены в г. Новгороде; такие ядра употреблялись еще в период, предшествовавший введению огнестрельных орудий: их скатывали со стен крепости на осаждающих, во время приступа. Очень вероятно, что и описываемый экземпляр относится к той же древней эпохе».

³ Справка И.В. Аничкова о музее и оружейном отделе 1914 г. См.: Новгородский государственный музей, отдел хранения и изучения письменных источников (ОПИ НГМ). Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 60.

⁴ Указатель хранилища древностей при Новгородском губернском статистическом комитете. Новгород, 1889. С. 47.

⁵ Дата дописана вручную. В отделе хранения и изучения письменных источников есть экземпляр «Указателя ...» с рукописными дополнениями черными чернилами. Книга прошнурована и на последней странице опечатана печатью Новгородского губернского статистического комитета, о чем составлена запись от 1 марта 1889 г., подписанная губернатором Новгорода, председателем статкомитета и секретарем. См.: ОПИ НГМ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 34 об.

⁶ ОПИ НГМ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 34 об.

⁷ ОПИ НГМ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 35. Тут же от руки дописано: «Из СП. Арт. Музея».

⁸ ОПИ НГМ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 35 об.

⁹ № 10. Мисюрка (шелом) с железной кольчатой бармицей, спускавшейся на плечи для защиты нижней части головы (XVII века). № 296, 297. Два шведских пистолета из трофеев Полтавской битвы. № 314. Пищаль скорострельная, второй половины XVII в. царствования Алексея Михайловича, орудие это приспособлено к заряджению с казенной части посредством механического клина, двигающегося вверх и вниз, и таким образом открывающего или закрывающего канал орудия. Мера длины пищали 2 ар. 4 ½ в., диаметр $\frac{3}{8}$ в., высота лафета 13 ½ в. № 324. Гренадерка времен императрицы Анны Иоанновны. № 325. Голштинка, головной убор времен императора Петра II. См.: ОПИ НГМ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 5–15.

¹⁰ См.: ОПИ НГМ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 42–42 об.

¹¹ Буква *И* исправлена карандашом на *Н*. См.: ОПИ НГМ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 60 об.

¹² ОПИ хранит отношение Артиллерийского исторического музея Рабоче-крестьянской Красной армии директору Новгородского исторического музея управления Новгородских государственных музеев (Далее Артиллерийский музей и Новгородский музей) от 17.04.1940 г. с просьбами выслать наложенным платежом 2 экземпляра путеводителя «Новгород Великий» и сообщить о наличии вещественных памятников, связанных со временем Александра Невского. На документе оттиск углового штампа АИМ, с отметками о поступлении и исполнении документа, выполненными красными и фиолетовыми чернилами ученым секретарем Новгородской секции Института истории АН СССР Н.Г. Порфиридовым. ОПИ НГМ. Ф. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 203.

¹³ Его определения оружия были внесены в книги поступлений Новгородского музея.

¹⁴ НГМ КП 3954. Акт от 10.12.1948 г. Была списана по ордеру 3755 от 24.02.1981 г. Поставлена на учет НГМ КП 36514. Акт № 116 от 09.10.1990 г.

¹⁵ В «Каталоге Артиллерийского исторического музея» под № CCLXXVII читаем: «Ольстры пистолетные кожаные, с патронташами. Из древнего вооружения Соловецкого монастыря». См.: Артиллерийский исторический музей (Петербург)... Ч. 1. С. 273–274.

¹⁶ Акт № 41 от 04.08.1954 г. НГМ КП 9721. № АИМ 13/752; НГМ КП 9724. № АИМ 16/123; НГМ КП 9725. № АИМ 16/85. К предметам привязаны картонные бирки исторического отдела Артиллерийского музея с указанием номеров.

У подсумка: «Ном. № 13. Пор. № 752. Фонд: 2. Национ.: Россия. Наименование: Подсумок кавалерийский, вр. 1730–41 гг. шк. 46», на литавре: «Ном. № 16. Пор. № 123. Фонд: 2. Национ.: Русские. Наименование: Литавра кирас. вр. 1730–41 гг.», на барабане: «Ном. № 16. Пор. № 85. Фонд: 2. Национ.: Русские. Наименование: Барабан мушкетерский вр. Павла I».

¹⁷ Благодарю за помощь в атрибуции музыкальных инструментов В.В. Кошелева, ведущего научного сотрудника музея Шереметевский дворец — Музей музыки.

¹⁸ Отдел учета (ОУ) НГМ. Акт № 292 от 18.07.1957 г.; Акт № 293 от 19.07.1957 г. НГМ КП 11490-11514. Старые номера: 136/185/2095; 5460/1987; 137/35; 9751/5448; 5438/1965; 5457/1984; 5459/1986; 5448/1915; АИМ 197/205; АИМ 5136; 39. Из 28 предметов два, нагрудник и наспинник, в 1965 г. были списаны по ордеру № 2240 от 14. 04.1965 г. в связи с их передачей в музей Старой Руссы. См. ОУ НГМ КП 11498, 11499. Старый номер первого списанного предмета АИМ 5135.

¹⁹ Акт № 586 от 21.12.1960 г. НГМ КП 13372-13379. № АИМ: 7/147, книжный № 26391;7/253, кн. № 29251; 8/350, кн. № 26043; 8/739, кн. № 20216; 8/934, кн. № 29860; 8/1027, кн. № 30014; 57/63, кн. № 28602; 057/158, кн. № 29889.

²⁰ Акт № 238 от 06.12.1956 г. НГМ КП 10713; № АИМ 15-115, ин. ф. 3318-109.

²¹ Акт № 296 от 25.07.1957 г. НГМ КП 11680.

²² Государственной архив Новгородской области (ГАНО). Ф. Р-803. Оп. 5. Д. 39. Л. 13–13 об. См.: Кузнецов А.В. Усадьба Кончанское и дворянский род Суворовых на Новгородской земле: аннотированный перечень документов ГАНО // Новгородский архивный вестник. 2010. № 9. С. 332.

²³ Кулинский А.Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 гг.: Определитель. СПб., 1994. С. 134.

²⁴ Кулинский А.Н. 1) Русское холодное оружие XVIII–XX вв. Т. 1. СПб., 2001. С. 251–253, 256–258; 2) Европейское холодное оружие. СПб., 2003. С. 455, 540.

²⁵ НГМ КП 24752.

²⁶ Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб., 1912. НГМ КП 36394-1013. КГД-3523; Струков Д. Путеводитель к московской святыне. М., 1850. НГМ КП 45862-856; Струков Д.П. Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 6. Главное Артиллерийское Управление: Исторический очерк. Ч. I. Кн. I. СПб., 1902. НГМ КП 47454-33.

²⁷ Правила строевой пешей артиллерийской службы. Ч. 3. Батарейное ученье. СПб., 1855 г. Книга поступила в 1989 г. Происходит из собрания Мраморного дворца, затем была передана в книжный фонд библиотеки Академии наук. Сохранился экслибрис-штемпель: «Из книг М. Дв.» и штампы: «Библиотека Академии Наук. Первое отделение АН СССР». НГМ КП 47932-172.

²⁸ Сен-Реми Пьер Сюрией. Мемории или Записки артиллерийские / Пер. с фр. СПб., 1733. НГМ КП 34356-1. КГД-2691.

²⁹ ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1–29; Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–20 об.; Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1–38 об.

³⁰ Водолазкин Е.Г. Эпоха Лихачева / Водолазкин Е.Г. Инструмент языка. О людях и словах: [эссе]. М., 2012. С. 157.

Т.А. Цапина (Москва)

ВОЕННАЯ ДИНАСТИЯ КЕППЕНОВ И ПОЛОЦКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА биографического характера имеет пристальный интерес к жизни людей не только выдающихся, но и рядовых, жизненный путь которых в своей массе и является основным наполнением исторического процесса. Таковы представители военной династии Кеппенов, историю которых можно проследить на протяжении нескольких поколений.

Служба представителей одного и того же рода на военном поприще из поколения в поколение была явлением традиционным. Как пишет В.Е. Морихин¹, такая преемственность создавала прочную основу военного корпоратизма, вносила элемент коллективной ответственности каждого за себя и за свой клан. Распространенным явлением была служба в одном полку родственников, равно как и обучение детей в одном учебном заведении, часто в том же, в каком обучались их предки. Таким учебным заведением для Кеппенов стал Полоцкий кадетский корпус (ил. 1).

Своих предков Артемий Егорович Кеппен, выпускник Полоцкого кадетского корпуса 1907 г., участник Первой мировой и Гражданской войн в письме за 1972 г. год характеризовал так: «Вообще мы были обыкновенные скромные армейские офицеры, наподобие таких, какие описаны у Пушкина капитан Миронов или у Толстого капитан Тушин: звезд с неба не хватили, скромно тянули свою армейскую лямку во славу Родины, составляли так сказать костяк нашей армии»².

Предки Кеппенов, по семейному преданию, были остзейскими немцами, жителями города Выборга. В годы Северной войны они перешли в русское подданство и во время дальнейших

Ил. 1. Полоцкий кадетский корпус

петровских походов служили уже в рядах русской армии. Самый дальний известный пращур Кепшенов — Матвей Иванович — участвовал в русско-шведской кампании 1809 г., походе русской армии через Ботнический залив, а в Бородинском бою был командиром в чине майора одного из егерских полков.

Сын Матвея Ивановича, Егор Матвеевич (1810–1868), полковник 88-го пехотного Петровского полка, служил в линейных пехотных батальонах, расположенных в Финляндии. Участвовал в кампании 1854–1855 гг., оборонял Финское побережье. Был пожалован орденом Св. Владимира 4 степени с бантом за 25-летнюю беспорочную службу в чинах и тем приобрел потомственное дворянство. Он был женат на дочери статского советника Штрольмана (Строльмана) Софье Карловне. В семье было четверо сыновей: Николай, Павел, Егор, Владимир и три дочери — Софья, Ольга и Юлия. Семья, судя по всему, жила небогато и не имела больших сбережений. Когда в 1868 г. Егор Матвеевич умер, его вдова вынуждена была подать прошение на высочайшее имя о назначении ей пенсии, так как по смерти мужа осталась с младшими детьми без средств к существованию³.

Дети Егора Матвеевича открывают страницу семейной истории, связанную с Полоцким кадетским корпусом.

Старшие дети Егора Матвеевича Николай (1845–?) и Павел (1846–1911) поступили в Полоцкий корпус в 1857 г. За хорошую успеваемость и примерное поведение их имена были помещены на «Красную доску», как тогда практиковалось в кадетских корпусах. Этот же корпус позже закончил их брат Егор Егорович (1853–1916). Николай Егорович впоследствии стал военным инженером, а после отставки в чине генерал-майора работал в управлении Николаевской железной дороги в качестве помощника управляющего канцелярией. Егор Егорович закончил свою карьеру в должности полоцкого уездного воинского начальника — к его судьбе мы еще вернемся.

Ил. 2. Павел Егорович Кеппен

Остановлюсь подробно на судьбе Павла Егоровича, человека карьерно-ординарного, чья карьера сложилась совершенно неожиданно (ил. 2, 3). После Полоцкого кадетского корпуса он закончил Константиновское и Михайловское военные училища. Затем служил в Гельсингфорсе, Свеаборге приемщиком военных повозок, а затем в Двинске, где помимо исполнения прямых обязанностей по собственному почину читал лекции на разнообразные темы для служащих гарнизона. Его влечение к просветитель-

ству и лекторские способности были замечены и в итоге привели на службу воспитателем сына великого князя Константина Николаевича Вячеслава⁴. После смерти Вячеслава он стал адъютантом великого князя Константина Николаевича (1879–1888), затем управляющим его двора (1888–1892), впоследствии управляющим двора его жены, великой княгини Александры Иосифовны (1892–1911), а заодно помощником и близким человеком для великого князя Константина Константиновича (ил. 4)

и всей его семьи. В своих воспоминаниях его сын, Гавриил Константинович отмечал, что более преданного человека семье, чем Павка (так называли его в великокняжеской семье), он не встречал⁵. Павел Егорович много времени проводил с детьми великого князя, участвовал в их воспитании, переписывался с ними, направлял в выборе книг и т. п. Не случайно Олег Константинович в черновых набросках своего будущего жизнеописания предполагал главу «История Павки»⁶.

Ил. 3. Павел Егорович Кеппен

П.Е. Кеппен был хорошим советчиком и помощником великого князя во всех разнообразных направлениях деятельности. Совместно с великим князем он приложил много усилий в деле преобразования Женских педагогических курсов в Женский педагогический институт. Он же был помощником великого князя на поприще исполнения им должности начальника военных учебных заведений. Великий князь Константин Константинович счел необходимым пересмотреть многие аспекты системы военного образования. Многие циркуляры, заготовки выступлений перед комитетами им были составлены совместно с П.Е. Кеппеном. Великий князь отмечал в дневнике: «По вопросам о преобразованиях в военно-учеб. заведениях он мой главный советчик, и его мнение имеет для меня главнейшее значение... Подобно тому, как благодаря ему удалось мне провести преобразование моих Женских педагогических курсов в Женский Педагогический институт, теперь я пользуюсь опытом и знанием Павла Егоровича для преобразования учебного дела в военно-учебных заведениях. Мои сотрудники в Гл. Управлении при всем желании помогать мне не имеют широты взгляда, научной подготовки и дальновидности Павла Егоровича»⁷.

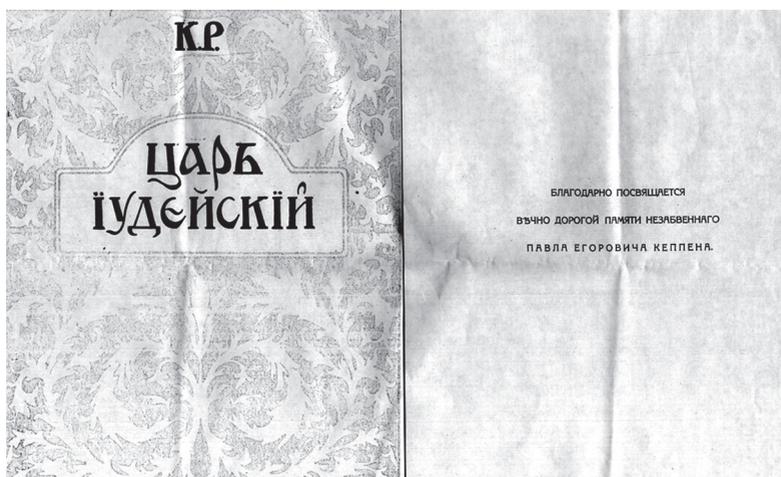

Ил. 4. Великий князь Константин Константинович

Возглавив Академию наук, великий князь также неоднократно прибегал к советам Павла Егоровича. Заметим, что брат последнего, Владимир Егорович Кеппен, штабс-капитан Гренадерского полка, вынужденный по болезни выйти в отставку с военной службы, долгие годы был правителем канцелярии Академии наук.

Связывала Павла Егоровича и великого князя и любовь к изящной словесности. Кеппен всю жизнь был страстным книголюбом и собрал крупную библиотеку в количестве 20 000 томов, которую завещал пединституту. Она находится теперь в распоряжении Санкт-Петербургского педагогического университета им. Герцена⁸. Константин Константинович доверял поэтическому вкусу Павла Егоровича, советовался о рифмах, прислушивался к критике и радовался, когда стихи вызвали одобрение Павла Егоровича. Именно ему великий князь посвятил свое главное произведение: «Князь Иудейский» (ил. 5).

Точкой сближения Константина Константиновича и Кеппена был также Полоцкий кадетский корпус, к которому, как известно, великий князь особенно тепло относился и даже определил в него своего сына Олега. Посещая корпуса, Константин Константинович не раз записывал в дневнике, как приятно бывать там с «бывшим

Ил. 5. Поэма «Царь Иудейский». Посвящение П.Е. Кеппену

полочаниным» Кеппеню. Павел Егорович был соучредителем Санкт-Петербургского отдела Общества взаимопомощи полочан, организовывал встречи выпускников Полоцкого кадетского корпуса, бережно хранил традиции, одной из которых было ежегодное отмечаемое 6 декабря дня корпусного праздника. Выпускники корпуса, собиравшиеся в этот день в разных городах России, обменивались друг с другом приветствиями и рассказами о том, как прошел их общий праздник. Отчеты о проведении праздника неизменно публиковались в отчетах Виленского, а затем и Санкт-Петербургского отделов «Общества вспомоществования бывшим воспитанникам Полоцкого кадетского корпуса и Полоцкой военной гимназии». Так, к празднику 1903 г. П.Е. Кеппеню было послано письмо в родной корпус следующего содержания: «В день корпусного праздника 6-го декабря некоторые старые полочане в Петербурге пригласили своих младших однокашников, пребывающих в учебных заведениях Петербурга, Полоцких кадет выпуска 1900, 1901 и 1902 гг., на товарищеский обед... Собралось 74 человека юнкеров и гардемарин; старых Полочан было 6 человек... Обед прошел довольно оживленно, хотя без вина; после обеда состоялось художественное чтение г-ж Стрельской и Петровой и известных Полоцку гг. Петрова и Чехова... По-видимому, это товарищеское собрание доставило молодежи большое удовольствие, возбуждив между ними воспоминания и разговоры о родном корпусе...»⁹

Здесь надо оговориться, что Павел Егорович был убежденным сторонником и пропагандистом трезвого образа жизни, членом различных обществ трезвости, и потому в письме не случайна фраза об отсутствии вина.

В связи с зачислением Олега Константиновича в Полоцкий кадетский корпус директор корпуса генерал-майор Гутор отправил на имя Кепшена погоны полоцкого корпуса с просьбой передать их Олегу Константиновичу. Спустя полгода Павел Егорович имел случай принимать у себя в Мраморном дворце депутацию кадет Полоцкого корпуса, приехавших в Петербург преподнести князю Олегу альбом, посвященный жизни кадет. Павел Егорович угостил кадет завтраком, беседовал с ними и на прощанье, оставаясь верен своим просветительским устремлениям, подарил каждому по книге с собственноручной надписью.

В отчетах Общества взаимопомощи бывших полочан неоднократно отмечается «поддержка и необыкновенно участливое, сердечное отношение» Кепшена к нуждам общества, чьим почетным членом он являлся долгие годы.

В годы Русско-японской войны после известия о героической гибели при обороне Порт-Артура бывшего полочанина Р.И. Кондратенко, Кепшеном были заказаны его портреты для Полоцкого корпуса и Николаевского инженерного училища, где Кондратенко обучался.

К 75-летию Полоцкого кадетского корпуса, широко отмечавшегося в 1910 г., П.Е. Кеппен организовал сбор средств на портрет императора Николая II. От имени Полоцкого корпуса П.Е. Кеппену была послана телеграмма: «Дружная семья бывших кадет-полочан, собравшись в числе 150 человек в городе Полоцке на празднование 75-летия существования родного гнезда, горячо приветствует старейшего полочанина, глубоко уважаемого Павла Егоровича, много потрудившегося на благо полочан, и пьет его дорогое здоровье».¹⁰

Заметим, что после смерти Павла Егоровича в 1911 г. Обществом взаимопомощи была учреждена премия его имени из денег, завещанных П.Е. Кепшеном корпусу.

Был членом Общества взаимопомощи полочан и брат Павла Егоровича Егор Егорович, окончивший Полоцкий кадетский корпус в 1870 г. (ил. 6). По окончании затем Павловского военного училища он служил в 89-м пехотном Беломорском полку, стоявшем в Выборге. В 1877 г. во время Турецкой войны Е.Е. Кеппен

Ил. 6. Егор Егорович Кеппен

был переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк, находившийся за Дунаем на Балканах. Прибыв в полк осенью 1877 г. под Горный Дубняк, где отличился полк, он не поспел к легендарному сражению 12 октября, однако впоследствии ежемесячно 12-го числа каждого месяца, в день боя, приглашал к себе гостей. Старшие его сыновья Сергей и Андрей учились в 1-м кадетском корпусе в Петербурге, где одно время служил Егор Егорович. Однако осенью 1898 г. он получил назначение уездным воинским начальником в г. Новоузенск, а вскоре, в 1900 г. был переведен в

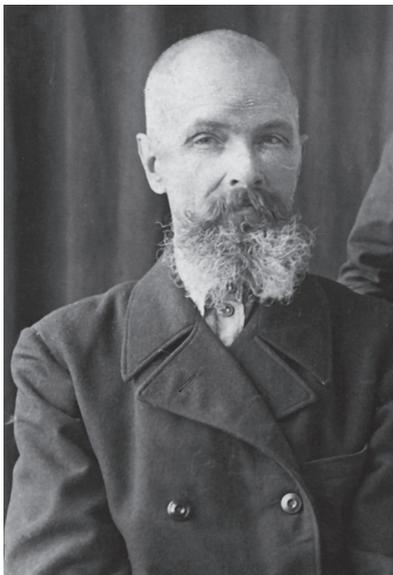
Полоцк также уездным воинским начальником. Здесь младшие сыновья Егора Егоровича продолжили семейную традицию учебы в Полоцком кадетском корпусе: Артемий Георгиевич (1890–1965) (ил. 7) окончил его в 1907 г., а Вячеслав Георгиевич (1892–1951) учился в нем с 1901 по 1905 г.

Именно Вячеслав Георгиевич Кеппен, последний из фамилии, учившийся в Полоцком кадетском корпусе, оставил о нем интересные воспоминания, хранящиеся в семейном архиве. Они дают представление о внутрикорпусной повседневной жизни кадет, организации учебного процесса, традициях корпуса.

Крепость традиций, дружественность и взаимопомощь полочан отмечались в дореволюционных изданиях, посвященных Полоцкому кадетскому корпусу¹¹. Об этих чертах, присущих корпусу, имеются сведения еще на заре его возникновения. Так один из любимейших преподавателей корпуса И.И. Долгов

в своем очерке об истории корпуса за 63 года существования приводил выдержки из письма Я.И. Ростовцева от 24 ноября 1836 г. к великому князю Михаилу Павловичу, пристально следившему за подведомственными ему военно-учебными заведениями: «Особенно утешительное явление корпус этот представляет тем, что отношение воспитанников к начальникам и обратно суть отношения в полном смысле семейные»¹².

Уже в эмиграции в Сан-Франциско в 1982 г. бывшими полочанами была издана книга их воспоминаний, где нашли отражение традиции корпуса,

Ил. 7. Артемий Егорович Кеппен

характеристики педагогов, отдельные эпизоды жизни корпуса¹³. Воспоминания Вячеслава Георгиевича, не предназначенные для печати, во многом с ними перекликаются, добавляя, однако, и новые сведения.

Многолетней традицией, спланивавшей выпускников разных поколений, было уже упоминавшееся отмечание корпусного праздника 6 декабря, в день Николая Угодника, являвшегося небесным покровителем императора Николая I, в годы правления которого корпус был основан. Вячеслав Георгиевич вспоминал об одном из таких праздников, в 1905 г., участником которого он был. Подготовка была начата уже в октябре. Учащиеся делали цветы из бумаги, гирлянды из хвои. Старшие кадеты писали картины для оформления различных беседок. Классы были обращены в маленькие гостиные, небольшое помещение рядом с Александровским залом было декорировано под грот, посередине которого был настоящий фонтан. Электричества в Полоцке еще не было, поэтому в качестве иллюминации зажигался керосин в разноцветных флакончиках, в гроте горели свечи, а керосиновые лампы в коридорах красиво маскировались цветной бумагой. Приехавший в этот праздничный день великий князь

Константин Константинович был любим всеми кадетами и разрешал разные вольности. Так, например, собрав кадет старших классов, он попросил уйти всех офицеров, как бы для обычного опроса претензий, и повел душевный разговор, во время которого кадеты в порядке беседы могли изложить все свои проблемы и размышления. Несмотря на запрет курения, он открыл свой золотой портсигар, и все кадеты брали из него сигареты, в том числе и некурящие — на память.

Особая традиция была связана, по воспоминаниям В.Г. Кеппена, со знаменем кадетского корпуса. Оно было пожаловано корпусу Николаем I в 1838 г., затем в 1844 г. заменено на новое. Старое знамя представляло собой шелковое полотнище с позументами, на одной стороне которого был образ Спаса, на другой орел и вензель царя, что символизировало преданность «Вере, Царю и Отечеству». Это знамя ко времени учебы Кеппена было «изорвано в клочья, как после боев», так как по традиции каждый кадет при выпуске должен был оторвать кусочек знамени на память. Это неформальная традиция очень преследовалась. Знамя стояло в церквях у клироса без чехла, и кадеты отрывали кусочки знамени после службы, прикрываясь тем, что они ходили прикладываться к иконам. Вячеслав Георгиевич пишет, что в шкатулочке у его отца хранился кусочек знамени, имел его и брат. Корпусное знамя в годы революции было спасено и вывезено из Крыма в Югославию, а после 2-й мировой войны перевезено в США, где хранится до сих пор в Синодальном Знаменском соборе в Нью-Йорке¹⁴.

Касательно традиций корпуса В.Г. Кеппен, как и многие мемуаристы, отмечает, что все его выпускники в дальнейшем имели привилегию обращаться на «ты» к любому выпускнику корпуса вне зависимости от разницы возраста и чина.

Поддержанию дисциплины в корпусе отводилось должное внимание, однако Вячеславу Георгиевичу посчастливилось учиться здесь в то время, когда отношение к кадетам стало более гуманным после вступления в должность начальника учебных заведений великого князя Константина Константиновича. Прежде в корпусе практиковали так называемые «субботины». Воспитатели, по словам отца В.Г. Кеппена, считали, что мальчики 10–12 лет не могут так хорошо себя вести, чтобы не шалить; воспитатель же мог просто не заметить какого-либо нарушения, и потому по субботам пороли всех подряд. Кадету давали еженедельно по 10 розог, к чему они вскоре привыкали, и среди

учащихся ходила поговорка: «задница не склянка, кровь не сметана, секите, секите, сколько хотите». Упомянул Егор Егорович, напутствуя сына при поступлении в корпус, и о существовании Вольской военной прогимназии, носившей исправительный характер и предназначенной для «нравственно-испорченных юношей», куда переводились скверного поведения кадеты из разных военно-учебных заведений.

Надо сказать, что мысль о том, что все мальчики 10–12 лет далеко не ангелы, подтверждается в воспоминаниях, в том числе перечнем способов повысить себе температуру, чтоб избежать уроков: в ход шло и подогревание на лампе платка, которым натирали подмышки, набивание груди плотяной щеткой для имитации сыпи, втирание в лицо мела для бледности, и т. п.

Полоцкий корпус размещался в стенах бывших иезуитских коллегий XVI в. и в других старинных зданиях, что придавало дополнительный колорит внеучебным проказам. Ходили легенды, что под зданием есть подземный ход, ведущий в Вильно, — на его разведку периодически пускались кадеты разных возрастов. Старшие кадеты пугали младших приведениями, замурованными в стены иезуитами, и т. п.

В корпусе следили за здоровьем воспитанников, закаляя их разными способами. Кадеты не имели права носить галоши, ходили и зимой, и летом в ботинках. Зимой под шинель подбивалась байковая подкладка, и не надевалось теплое белье. После завтрака круглогодично выходили на короткую прогулку прямо из столовой в одних бушлатах, невзирая на погоду. Все это сызмальства воспитывало неприхотливых к внешним условиям и терпеливых воинов.

Качество преподавания в Полоцком кадетском корпусе было высоким. Так, в 1912 г. он был признан лучшим среди всех корпусов империи. Определенный процент выпускаемых кадет не шел в военные училища, а поступал в высшие учебные заведения. В корпусе была прекрасно поставлена математика. Характеризуя педагогический состав корпуса в годы своего обучения, В.Г. Кеппен пишет, что в преподавательский коллектив входило много педагогов с университетским образованием, но это не вносило в корпус, как он пишет, свежих веяний студенчества, так как преподаватели были люди преклонного возраста и, очевидно, назначались с определенными требованиями не вносить в корпус ничего революционного.

В 1906 г. в корпусе произошла из ряда вон выходящая история с кадетом Вацлавом Пиотровским, любителем химии, одноклассником брата Вячеслава Георгиевича Артемия, о которой упоминается и в дневниках великого князя Константина. В первой роте кадеты по неизвестной причине были недовольны воспитателем капитаном Ракитиным, которого кадеты прозвали Галимуля (фамилия его денщика была Галимулин). На вечерних занятиях ученики под руководством Пиотровского бросили по коридору в ноги Ракитина графин с водой с криком «Галимуля». Ракитин не успел никого поймать, так как все моментально сели за парты. Воспитатель доложил директору происшествие в несколько превратном виде, будто Пиотровский бросил в него бомбу. Директор хотел просто наказать Пиотровского, но тот, выйдя от директора, бросил в группу воспитателей самодельную торпеду. Произошел взрыв, напугавший стоявших рядом офицеров. Это был 1906 г., и память о революционных днях 1905 г. была еще свежа в умах педагогов, тем более, что в революционном движении участвовали старшие классы некоторых кадетских корпусов, как, например, 2-й Петербургский, из которого в 1905 г., по воспоминаниям Вячеслава Георгиевича, было исключено за революционность 50 лучших учеников.

Пиотровский был исключен из корпуса, но еще одним последствием этой истории стало изъятие из рук полочан старшего класса так называемой «Звериады» — своеобразного письменного ученического фольклора, рукописной книги, состоящей из сатирических куплетов о «зверях», — так кадеты между собой называли преподавателей корпуса. «Звериада» сочинялась чуть ли не с основания корпуса и передавалась втайне выпускниками 7-го класса перед концом экзаменов на хранение 6-му классу в торжественной обстановке. Ночью устраивался парад, формой одежды была ночная рубашка, чтобы в случае, если дежурный офицер проснется, можно было быстро разбежаться по кроватям. «Звериада» состояла из двух частей. По воспоминаниям Вячеслава Георгиевича, первые страницы «священной книги кадет» были прекрасны, полны красивых изречений о любви к Родине, верности присяге, чувстве товарищества и т. п. Вторая же часть книги, собственно «Звериада», состояла из насмешек над педагогами, отрицанием нужды в науках и т. д. Приведем некоторые строфы:

Когда наш корпус основался,
Тогда разверзлись небеса,
Завес небесный оборвался,
И были слышны голоса:
«Курите, пейте, веселитесь,
Посадят в карцер — ни черта,
Зубрить науки не трудитесь —
Не будет пользы никогда.
Зубрите, юные вандалы,
Зубрите все и день, и ночь
Хватайте вы получше баллы,
Пока не выгнали вас прочь».

И хотя большая часть кадет, как пишет В.Г. Кеппен, не соответствовала вышеприведенным воззрениям, все торжественно пели «эти глупые слова, восторгались их содержанием, гордились тем, что не любят учиться» Далее шли куплеты на каждого воспитателя, на отдельные предметы, которые ежегодно записывались кадетами старшего класса, главным образом прощально-го характера:

Прощай, наш жулик эконоом,
Грабитель пирогов и булок.
Из них построил себе дом
Фасадом прямо в переулок...
Прощайте Х-ы + еры,
Различных формул ерунда.
Ура, мы больше не кадеты,
Мы юнкера, мы юнкера...

Великий князь Константин Константинович, посетивший в очередной раз Полоцкий корпус в апреле 1907 г., в дневнике подробно описывает свои беседы с полочанами, увещевает их отказаться от этой нехорошей традиции и передать книгу ему. Дальнейшая судьба «Звериады» по его дневникам не ясна, однако В.Г. Кеппен в воспоминаниях писал, что она в связи с историей Пиотровского была отобрана у кадет и передана его дяде, старейшему полочанину П.Е. Кеппену, который при всем своем отрицательном к ней отношении бережно хранил ее в шкафу в своем кабинете в Мраморном дворце до самой своей смерти.

Годы обучения Вячеслава Георгиевича пришлось на Русско-японскую войну. Героем обороны Порт-Артура был полочанин генерал-майор Кондратенко, которым кадеты восхищались и

гордились. После гибели Кондратенко его именем была названа 1-я рота Полоцкого кадетского корпуса. Ряд преподавателей корпуса подали рапорты о переводе в действующую армию.

В 1904 г. кадеты получили возможность лично увидеть Николая II, так как царь проезжал Полоцк по дороге к воинским частям, которые он напутствовал перед отправкой в действующую армию. Накануне приезда императора корпус сиял чистотой, был приготовлен торжественный обед. Однако, к досаде офицерского состава и кадет, царь лишь вышел из вагона, поприветствовал собравшихся на платформе, обошел строй кадет и вернулся в вагон.

Война принесла много новых забот отцу Вячеслава Егоровича, который как уездный воинский начальник руководил мобилизационной работой в уезде: штат управления был крайне незначительный: делопроизводитель, шесть писарей и конвойная команда. Сильное переутомление вылилось в тяжелую болезнь. Особенно же на него повлиял конец войны и революция 1905 г. Егор Егорович, по воспоминаниям сына, в душе был сторонником революции, но по должности он должен был быть бескомпромиссен в пресечении беспорядков. Вячеслав Георгиевич считал, что мягкость отца при подавлении волнений в Полоцке, несмотря на его 35-летнюю службу, послужила поводом к тому, что в конце 1905 г. ему предложили выйти в отставку с производством в генерал-майоры

Интересно отметить, что снисходительность при разрешении конфликтов, вызванных революционными событиями 1905 г., но уже в Выборге, послужила причиной отставки знакомого П.Е. Кепшена, также представителя потомственных военных-полочан Нестора Никифоровича Кайгородова, бывшего с 1903 г. комендантом Свеаборгской крепости. В ноябре 1905 г. он был разжалован и отправлен в отставку, так как недостаточно жестко боролся с революционным брожением солдат во вверенном ему гарнизоне...

На долю последнего дореволюционного поколения Кепшенов выпало сложное время кардинальных изменений всего уклада российской жизни, драматическим образом отразившееся и на их жизни.

Старший сын Егора Егоровича Сергей Георгиевич в чине подполковника воевал на Юго-Западном фронте в период февральской и октябрьской революций. Затем перешел на службу в Красную армию. За «срыв мероприятий Осовавиахима»

был арестован в 1931 г. Дальнейшая судьба его неизвестна. Реабилитирован в 1956 г.

Андрей Георгиевич окончил Константиновское артиллерийское училище, Николаевскую военную академию, участник Первой мировой войны, к началу октябрьской революции воевал в чине подполковника. Вступил в РККА в 1918 г. В 1938 г. был арестован. Освобожден после 1945 г. Реабилитирован в 1956 г.

Артемий Георгиевич в чине поручика вступил в Первую мировую войну, в 1915 г. был ранен, попал в плен к австрийцам, в 1918 г. после освобождения из плена остановился в Киеве, в 1919 г. находился в армии Деникина. В ГАРФе отложился любопытный документ — «Постановление Киевской судебно-следственной комиссии ВСЮР по обвинению поручика Кеппена Артемия Георгиевича в службе в советских учреждениях» от 08.10.1919г.¹⁵ Работа А.Г. Кеппена в советских учреждениях судебной комиссией была признана вынужденной, а поручителем его выступил его двоюродный брат, генерал-лейтенант Николай Эмильевич Бредов¹⁶, командующий группы ВСЮР, расположенной на правом берегу Украины, позже совершивший известный Бредовский поход (январь–февраль 1920 г.). При разгроме Деникина Артемий Егорович был захвачен красными частями. После ликвидации всех фронтов поступил в Красную армию на должность начальника учебной части бригадной школы 2-й строевой дивизии. В 1922–1923 гг. как белый офицер был уволен. В Отечественной войне не участвовал, но преподавал в военном пехотном училище в качестве вольнонаемного. Его сын Лев погиб на Курской дуге.

Автор вышеприведенных воспоминаний Вячеслав Георгиевич вступил в Первую мировую войну в составе 85-го пехотного Выборгского полка, воевал в чине поручика на Западном фронте, командовал батальоном. Был ранен и контужен. В октябрьский переворот полк, в котором он служил, целиком перешел на сторону Советской власти. Затем участвовал в боях на польском фронте, против банд Балаховича и Колесникова. В 1931 г. был арестован сроком на три года. Благодаря хлопотам своей жены Елизаветы Павловны был выпущен из лагеря раньше срока тяжелобольным человеком. 23 июля 1941 г., не дожидаясь вызова военкомата, подал рапорт с просьбой о призыве его в армию. Весь период Великой Отечественной войны он работал в торпедном складе г. Мурманска по административно-хозяйственной части, принимал участие в обучении офицерского состава МТО

Ил. 8. Игорь Вячеславович Кеппен

практике пехотного боя. Демобилизовался в чине майора. Был награжден двумя орденами Красной Звезды.

Его сын Игорь Вячеславович Кеппен (1924–2014) был призван в армию в октябре 1942 г. и направлен в Севастопольское училище зенитной артиллерии. На фронте был командиром взвода, потом батареи 1370-го зенитного артиллерийского полка 27-й зенитной артиллерийской Ясской орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии, воевал на 1-м и 2-м Украинских фронтах, принимал участие

в форсировании Днепра, в Корсуньско-Шевченковской и Яско-Кишиневской операциях. Был награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны 2-й степени (ил. 8). После войны окончил мехмат МГУ, защитил кандидатскую диссертацию и 50 лет работал преподавателем этого факультета. Его дочери Ольге были посвящены воспоминания Вячеслава Георгиевича Кеппена.

Полоцкий кадетский корпус ждала своя история. Эвакуированный из Полоцка с началом Первой мировой войны, он «распылился» по тыловым училищам. В эмиграции бывшие полочане входили в разные воинские объединения. В начале 2000-х гг. в Полоцке на базе одной из средних школ было организовано кадетское училище, учащиеся которого надели кадетскую форму, на погонах которой видны знакомые буквы — ПК. 23 декабря 2010 г. в городе торжественно был отмечен 175-летний юбилей

кадетского корпуса — ныне самого прославленного учебного заведения Белоруссии.

Воспитанные в кадетских корпусах, военных училищах потомственные военные Кеппены, сохраняя преемственность и традиции семьи, достойно и честно служили Отечеству в судьбоносные периоды его истории.

¹ Морихин В.Е. Традиции офицерского корпуса русской армии. М., 2010. С. 458.

² По материалам семейного архива.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Ед. 32.

⁴ См. об этом подробнее: Кайгородов Н.Н. Памяти почившего Павла Егоровича Кеппена. [СПб.], 1912.

⁵ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Воспоминания. М., 2007. С. 124.

⁶ Дневник князя императорской крови Олега Константиновича. 1900–1914 гг. / Под ред. Т.А. Лобашковой. М., 2016. С. 227.

⁷ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1906–1907 гг. / Под ред. Т.А. Лобашковой. М., 2015. С. 312.

⁸ Галасьева Г.В. Павел Егорович Кеппен // Частные коллекции в фонде редкой книги фундаментальной библиотеки им. Императрицы Марии Федоровны РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2007. С. 33–63.

⁹ Общество взаимопомощи полочан. Виленский отдел. Отчет Виленского общества вспомоществования бывшим воспитанникам Полоцкого кадетского корпуса и Полоцкой военной гимназии за год с 6 декабря 1902 г. по 6 декабря 1903 г. Вильно, 1904. С. 58.

¹⁰ Празднование 75-летия существования полоцкого кадетского корпуса 6 декабря 1910 года / Сост. И. Долгов. Полоцк, 1911.

¹¹ См.: Викентьев В.П. Полоцкий кадетский корпус: Ист. очерк 75-летия его существования [1835–1910]. Полоцк, 1910; Долгов И.И. Празднование 75-летия существования Полоцкого Кадетского корпуса 6 декабря 1910 г. Полоцк, 1911.

¹² Долгов И.И. Полоцкий кадетский корпус: (Несколько сл. по поводу 63 годовщины его существования). Витебск, 1899. С. 20.

¹³ Полоцкий кадетский корпус. 1835–1982. Сан-Франциско: Глобус, 1982.

¹⁴ Сведения о том, что знамя находится там и поныне, получены из телефонного разговора со служителем собора.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5931. Оп.1. Ед. 75. Л. 1–1 об.

¹⁶ Сестра Е.Е. Кеппена Софья Егоровна была женой Э.Э.редова. Интересна судьба их дочери Софии Эмильевны, которая вышла замуж за М.К. Дитерихса, генерал-лейтенанта, участника Гражданской войны. Они эмигрировали в Шанхай, где Софья Эмильевна создала приют для детей эмигрантов «Ковчег» и тем самым спасла от голода, выучила и воспитала в русской культуре многих детей. Воспоминания о Софье Эмильевне, о ее известном сыне — санкт-петербургском физике М.М. Дитерихсе, материалы семейного архива вошли в книгу, составленную М.М. Бредовой: «Михаил Михайлович Бредов. Страницы биографии. Воспоминания». СПб., 2016.

К.В. Черенцова (Санкт-Петербург)

**ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ
50-ММ РОТНЫХ МИНОМЕТОВ
СПЕЦИАЛЬНЫМ КОНСТРУКТОРСКИМ
БЮРО № 4 ЛЕНИНГРАДСКОГО
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА № 7
(1936–1940 ГОДЫ)**

С ОЗДАНИЕ МИНОМЕТНОГО ВООРУЖЕНИЯ в СССР в предвоенный период связано в первую очередь с деятельностью Специального конструкторского бюро (СКБ-4) под руководством Б.И. Шавырина, которое являлось структурным подразделением Ленинградского государственного машиностроительного завода № 7.

СКБ-4 было образовано в соответствии с приказом Главного управления военной промышленности Наркомата тяжелой промышленности № 19 от 8 июня 1936 г. «О концентрации минометного производства на заводе № 7 и укомплектовании штатов минометного бюро». Согласно данному приказу в ведении нового конструкторского подразделения (первоначально именовалось как «минометно-минное бюро») был сконцентрирован весь комплекс работ по созданию минометов и боеприпасов к ним¹.

Коллектив бюро, начиная с 1936 г., приступил к проведению проектных работ сразу по нескольким направлениям, обеспечивая выполнение заданий Артиллерийского Управления (АУ) РККА и руководства военной промышленности по разработке минометов различных калибров. В числе таких систем был 50-мм ротный миномет.

20 мая 1937 г. на завод № 7 были направлены тактико-технические требования (ТТТ) для проектирования 50-мм гранатомета и осколочной гранаты к нему. Новая система предназначалась для вооружения небольших пехотных подразделений и должна

была обеспечивать стрельбу навесным огнем по живой силе и огневым точкам противника. Главными требованиями к гранатомету были легкость, портативность и удобство в обращении, а также простота и дешевизна производства. Система должна была обеспечивать максимальную дальность стрельбы не менее 800 м и скорострельность не менее 20 выстрелов в минуту. Гранатомет должен был допускать возможность стрельбы из положения сидя или лежа, обеспечивать удобство при переносе за спиной, а его конструкция — высокую скорость изготовления к бою и быстрый перенос огня с одной цели на другую. Осколочная 50-мм граната должна была обладать ударным действием и обеспечивать наземный взрыв с поражением на любом рельефе. Производство гранат также должно было быть простым и дешевым².

19 июня 1937 г. на Научно-исследовательском артиллерийском полигоне (НИАП, с 1938 г. — Артиллерийский научно-исследовательский опытный полигон, АНИОП) были проведены заводские испытания двух 50-мм гранатометов, выполненных минометно-минным бюро завода № 7 согласно ТТТ от 20 мая 1937 г., которые выявили необходимость их конструктивной доработки. 10 июля 1937 г. были проведены повторные заводские испытания, по результатам которых было принято решение об отправке этих систем на полигонные испытания. Для подготовки к ним заводом № 7 были изготовлены 400 мин. Программа полигонных испытаний включала в себя испытания стрельбой и ноской по пересеченной местности на 15 км. Предполагалось выявить удобство обслуживания системы в бою (ведение огня, маневрирование), ее прочность и устойчивость, меткость и дальность, скорострельность (без исправления наводки и с исправлением наводки), а также баллистические характеристики мины (осколочность, устойчивость на полете при нулевом заряде, прочность стабилизаторов). Заряды для проведения полигонных испытаний 50-мм гранатометов завода № 7 должны были быть поданы на НИАП заводом № 6 им. Морозова (Ленинградская обл., г. Шлиссельбург) к 28 сентября (гильзы для них изготавливались заводом № 58 им. К.Е. Ворошилова (г. Москва)), однако фактически были направлены только к 16 октября 1937 г.³

В развитие ранее полученных ТТТ, в июне 1937 г. начальником минометно-минного бюро Б.И. Шавыриным был представлен проект 50-мм гранатомета с переменным градуированием и дистанционным краном. Учитывая актуальность проектирования

легких систем для вооружения пехотных подразделений, руководством АУ РККА это предложение было признано интересным и дано разрешение на изготовление опытного образца. Его принципиальным конструктивным отличием была увеличенная скорострельность (30 выстрелов в минуту) и возможность варьирования дальности стрельбы с помощью уменьшения плотности заряжания и увеличения диафрагмы дистанционного крана, через которую часть пороховых газов могла выводиться наружу. Опытный образец был изготовлен во внерабочее время, и в июле 1937 г. на НИАПе были проведены его заводские испытания⁴.

Конструкция гранатомета, получившего название «Оса» (изделие «7-7»), в целом соответствовала исходным ТТТ⁵.

14 сентября 1937 г. в присутствии Б.И. Шавырина были проведены заводские испытания двух опытных образцов 50-мм гранатометов «Оса» с подвижной и неподвижной опорными чашками. В ходе испытаний стрельбой на заряде весом 4,5 г пороха марки БМ-82-20п/34 НГВ-ВХНИИ было проверено действие пороховых газов, вытекающих из дистанционного крана, на стреляющего. Для этого напротив сопла крана на расстоянии 30 см была размещена деревянная палочка с газетой, сложенной в 8 листов. При стрельбе из обоих образцов газета была порвана на куски. По окончании испытаний оба образца были направлены на завод для доработки⁶.

К полигонным испытаниям боеприпасов разработки завода № 7 для 50-мм гранатомета «Оса» на НИАПе приступили в октябре 1937 г. Программа была составлена минометно-минным бюро и предусматривала испытания стрельбой на дальность, меткость и правильность полета на разных зарядах. Из 16 сделанных выстрелов в 7 случаях отмечался правильный полет гранат, при усиленном заряде было зафиксировано 5 случаев неправильного полета, а также два отказа взрывателя⁷.

28 декабря 1937 г. Артиллерийский комитет (Артком) АУ РККА утвердил новые ТТТ (№ 33) на 50-мм ротный миномет, в котором были указаны следующие характеристики: калибр — 50 мм; вес оперенного снаряда (мины: осколочная, дымовая) — 1 кг; наибольшая дальность стрельбы — 800 м; наименьшая дальность — 100 м; угол возвышения — от 45° до 80°; скорострельность — 30 выстрелов в минуту; вес системы — 8 кг.

В новых ТТТ указывалось на необходимость разработки двух способов изменения дальности стрельбы с помощью

дистанционного крана путем разных сочетаний изменения объема каморы, углов возвышения и положения дистанционного крана. В качестве прицела предлагалось использовать уровень для контроля угла возвышения и простейшее визирное устройство для горизонтальной наводки⁸.

В начале 1938 г. на НИАПе был проведен еще один этап заводских испытаний гранатомета «Оса», на котором при 32 выстрелах была проверена работа дистанционного крана. В период с 15 мая по 20 августа 1938 г. было проведено еще несколько заводских испытаний 50-мм гранатомета «Оса», в ходе которых проверялась работа дистанционного крана, а также баллистические характеристики системы на разных зарядах (общим числом 702 выстрела)⁹.

20 февраля 1938 г. АУ РККА была утверждена программа сравнительных полигонных испытаний ротных минометов и гранатометов, находившихся в разработке у разных конструкторских коллективов. Согласно Директиве Генерального штаба № 43557с в период с 25 марта по 3 апреля 1938 г. на НИАПе должны были проводиться испытания, целью которых было получение комплекса данных о характеристиках имевшихся к началу 1938 г. опытных образцов ротных минометов и гранатометов. Предполагалось выявить образец, оптимально отвечающий требованиям применения орудия ближнего боя для вооружения пехотных подразделений: прочность, устойчивость, меткость системы, диапазон дальностей стрельбы навесным огнем, удобство обслуживания, а также качество боеприпасов к ним.

В испытаниях участвовали три системы завода № 7 — 82-мм облегченный ротный миномет, 60-мм ротный миномет и 50-мм гранатомет «Оса», 50-мм гранатометы «Г-2» и «Г-3» разработки завода № 13 (г. Брянск), 40,8-мм автоматический гранатомет конструкции Таубина — Берггольц — Бабурина (АПС, ОКБ-16 Наркомата оборонной промышленности), 40,6-мм гранатомет Ракова — Булкина и 40,6-мм гранатомет системы Научно-исследовательского полигона стрелкового вооружения (НИПСВО). Выстрелы к ним подавались заводом им. Ухтомского (г. Люберцы, Московская обл.) и ЦКБ-22 (Ленинград).

По итогам испытаний 82-мм и 60-мм минометы конструкции завода № 7, 40,8-мм автоматический гранатомет конструкции Таубина — Берггольц — Бабурина были признаны

неудовлетворительными ввиду тяжести систем и неудобства использования, 50-мм гранатометы «Г-2» и «Г-3» завода № 13 не прошли испытания из-за непрочности материальной части, которая не позволила даже провести отстрел по утвержденной программе, 40,6-мм гранатометы Ракова — Булкина и система НИПСВО вызвали нарекания ввиду значительного сходства с конструкцией гранатометов Дьяконова.

Тем не менее, 40,8-мм автоматический гранатомет конструкции Таубина — Берггольц — Бабурина был рекомендован для дальнейшей доработки в качестве дополнения к стрелковому пулемету — не продемонстрировав возможности для ведения навесной стрельбы, данная конструкция допускалась для применения как орудие настильного огня в условиях, не требующих маневренности (например, в укрепрайонах). 60-мм миномет конструкции завода № 7 также мог быть доработан, однако необходимые изменения касались его основных характеристик и могли занять весьма продолжительное время, поэтому работы по этой системе были отнесены Арткомом к второстепенным. Работы по остальным системам было решено прекратить.

Таким образом, единственным вариантом для дальнейшей отработки был признан 50-мм гранатомет «Оса» СКБ-4 завода № 7, в конструкцию которого должен был быть внесен ряд изменений: требовалось полностью разработать составляющие выстрела (мина, заряд, взрыватель), ввести в конструкцию прицел, изменить конструкцию дуноги (по образцу 60-мм ротного миномета), отработать шкалы дистанционного крана, спроектировать новые приспособления для переноски, изготовить три варианта мины (по 100 шт. каждого) для определения оптимального с последующим изготовлением окончательного варианта в количестве 200 шт. и отработать заряды к ним. Сроки доработки системы и боеприпасов к ней были сжатыми — уже к 1 августа 1938 г. на опытной серии 30 шт. гранатометов должны были быть отработаны чертежи лит. «А» и начато серийное производство систем. Угломерно-визирные приспособления изготавливались заводом № 69 (г. Красногорск, Московская обл.).

Чертежи 50-мм ротного миномета «Оса» конструкции СКБ-4 были утверждены как опытные, системе был присвоен индекс 52-М-821¹⁰.

В июне 1938 г. на завод № 7 поступил заказ об изготовлении опытной партии 50-мм мин в количестве 1000 шт. из сталистого

чугуна кокильной отливки по 500 шт. (к 13 августа и 1 сентября). Отработка такого способа изготовления мин была нацелена на обеспечение массовости их производства. По своей конструкции мины должны были обеспечивать необходимые прочность и устойчивость полета при закрытом и открытом положениях дистанционного крана¹¹.

9 июня 1938 г. на лагерном стрельбище Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения Наркомата внутренних дел (НКВД) им. Ф.Э. Дзержинского по распоряжению начальника Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД А.А. Ковалева были проведены сравнительные испытания 50-мм гранатомета «Оса» и 40,8-мм гранатомета Таубина на определение характеристик данных систем посредством ведения огня по мишеням на расстоянии 650 и 150 м, а также удобства применения их в боевых условиях. Гранатомет «Оса» показал лучшие результаты, после чего руководством пограничных и внутренних войск НКВД был направлен запрос на 10 шт. этих гранатометов для проведения собственных войсковых испытаний. Одновременно с ними были запланированы испытания двух гранатометов ОКБ-16 НКОП¹².

В июне 1938 г. АУ РККА была утверждена программа полигонных испытаний гранатомета «Оса» на предмет выявления весовых и баллистических характеристик, прочности отдельных частей системы, а также проверки работы дистанционного крана и качества гранаты. На эти испытания заводом был представлен образец, измененный с учетом пожеланий, высказанных после сравнительных испытаний гранатометов разных конструкций, проведенных в марте 1938 г.¹³ Также к этому времени заводом № 13 было разработано оборудование двуколки под укладку этого гранатомета — в двуколку укладывались три системы с укрепленным на каждой выюком для переноски, три прицела, боеприпасы (168 мин) и принадлежность¹⁴.

В июне 1938 г. завод № 7 получил от АУ РККА наряд на изготовление простейшего механического прицела к гранатомету «Оса», который весил 500 г и обеспечивал только горизонтальную наводку при закрытой опорной плите. В октябре 1938 г. прицел был готов и направлен на испытания¹⁵.

В конце июля 1938 г. СКБ-4 было представлено скорректированное описание 50-мм гранатомета Б.И. Шавырина: калибр — 50 мм; вес оперенного снаряда (мины) — 0,9 кг; наибольшая

дальность — 800 м; наименьшая дальность — 150 м; углы возвышения — 45° и 75° ; скорострельность — 30–32 выстрела в минуту. Вес системы в походном положении с выюком — 14 кг¹⁶.

Войсковые испытания гранатомета «Оса» были проведены в Закавказском и Ленинградском военных округах. По их итогам, согласно Научно-техническому журналу (НТЖ) АУ РККА № 0177 от 1 сентября 1938 г., система была принята на вооружение как «50-мм ротный миномет обр. 1938 г.» Тем же журналом были утверждены чертежи мин к ним. Также в сентябре НТЖ АУ РККА были утверждены проекты чертежей и Временные технические условия на заряды к 50-мм осколочным минам для опытно-серийных партий, разработанные заводом № 6¹⁷.

Одновременно с шавыринским бюро к созданию 50-мм ротного миномета в инициативном порядке присоединился инженер завода № 7 В.Н. Шамарин, работавший сначала в СКБ-4, затем перешедший в артиллерийское КБ завода (под руководством Л.И. Горлицкого). 12 января 1938 г. один опытный образец 50-мм миномета конструкции В.Н. Шамарина был направлен на заводские испытания¹⁸. В мае 1939 г. на АНИОПе были проведены его полигонные испытания. Принципиальным отличием этой системы от штатного 50-мм ротного миномета (конструкции СКБ-4) был другой тип устройства дистанционного крана (клапанного типа) и более простой механизм горизонтирования. Отличались от принятого на вооружение 50-мм миномета и ее баллистические характеристики. Система В.Н. Шамарина позволяла вести огонь на расстояние от 100 до 800 м при одном угле возвышения 45° и обеспечивала перекрытие 250 м при углах возвышения от 45° до 75° . Наименьшая дальность стрельбы при угле возвышения 75° составляла около 50 м. 50-м ротный миномет конструкции СКБ-4 при таком же угле возвышения обеспечивал дальность около 200 м, а перекрытие при углах возвышения от 45° до 75° составляло 40 м. Кроме этого, миномет системы В.Н. Шамарина был легче штатного миномета.

Испытания подтвердили ряд его принципиальных преимуществ перед 50-мм ротным минометом обр. 1938 г., по результатам которых было принято решение направить этот опытный образец на войсковые испытания, однако речи о принятии его на вооружение пока не шло, поскольку штатная система отвечала необходимым требованиям, а конструкция В.Н. Шамарина еще требовала как конструктивной доработки, так и проработки

технологического процесса, особенно при изготовлении сложных деталей¹⁹.

28 июля 1939 г. в Москву были направлены три образца 50-мм ротных минометов «Оса» (конструкции СКБ-4) и один образец системы «Москит» (конструкции В.Н. Шамарина)²⁰.

В сентябре 1939 г. для решения вопроса о выборе наилучшей конструкции 50-мм ротного миномета для серийного заказа на 1940 г. на АНИОПе были проведены сравнительные испытания, в которых приняли участие два образца 50-мм ротных минометов обр. 1938 г. (в двух вариантах), 50-мм ротный миномет системы В.Н. Шамарина, два варианта модернизированного дистанционного крана. Также на испытания были направлены опытные образцы выюков для 50-мм систем конструкции СКБ-4 и В.Н. Шамарина и трубы для 50-мм ротного миномета (изготовитель — завод «Полиграфмашина», г. Рыбинск). Представленные образцы рассматривались в соответствии с критериями, указанными в ТТТ № 33: простота и дешевизна изготовления и готовность чертежей для передачи на производство.

По итогам испытаний в ходе проведенных 23 стрельб лучшие баллистические качества продемонстрировал опытный образец 50-мм ротного миномета конструкции В.Н. Шамарина. В целом данная система в большей степени удовлетворяла характеристикам, указанным в ТТТ № 33 и в отношении веса. Лучшей была признана и конструкция выюка для переноски, разработанная В.Н. Шамариным.

В октябре–декабре 1939 г. на АНИОПе были проведены дополнительные испытания 50-мм ротных минометов конструкции В.Н. Шамарина с дистанционными кранами двух вариантов, которые отличались способом вывода газов: в первом варианте — через отверстие в дне казенника по оси канала, во втором варианте — через одно боковое отверстие в сторону. Миномет с дистанционным краном по второму варианту был легче на 1,3 кг (7,6 кг относительно 8,9 кг) из-за конструкции крана. В результате испытаний оба варианта еще раз подтвердили преимущества перед штатным минометом благодаря меньшему весу (на 2,8 кг миномет с дистанционным краном первого варианта и 4, 1 кг — второго варианта) и характеристикам дальности, которая могла регулироваться только краном, без изменения угла возвышения. Наиболее отвечающим ТТТ был признан 50-мм ротный миномет с дистанционным краном первого

варианта, который был допущен к войсковым испытаниям и изготовлению опытной серии²¹.

В ходе Советско-финляндской войны (1939–1940) боевое применение 50-мм ротного миномета обр. 1938 г. выявило ряд конструктивных недостатков. Например, расположенное рядом с землей газоотводное отверстие дистанционного крана демаскировало систему и расчет, находящийся рядом, из-за того, что истечение газов было направлено вниз и задувало землю. СКБ-4 была предложена конструкция, в которой был предусмотрен газоотвод. Благодаря этому пороховые газы выводились наверх (чего не было у предыдущих вариантов «Осы» и у «Москита»)²². Также в данной системе на 15 % была увеличена прочность ствола (без увеличения общего веса системы), площадь опорной плиты, упрощена работа по наводке системы²³.

В начале февраля 1940 г. на АНИОП для проведения заводских испытаний были направлены два образца 50-мм ротного миномета «Оса» нового образца, выполненные в двух вариантах (штатный и облегченный, 11,5 кг и 10,5 кг соответственно). Обе системы получили повреждения и были направлены на завод для доработки. На дополнительных заводских испытаниях поломок не было²⁴.

27 февраля 1940 г. состоялись их испытания в районе боевых действий 85-го стрелкового полка 100-й дивизии. По их результатам 50-мм ротный миномет веса 11,5 кг, имеющий газоотвод по направлению выстрела, прямую дистанционную шкалу и толщину стенки трубы 5 мм, был признан как более прочный, безотказный и удобный в работе и был «рекомендован как лучший из существующих образцов ротных минометов для вооружения им действующих армий» (в Акте комиссии эта система именовалась как «Оса-40»)²⁵.

По итогам завершившейся «зимней войны» руководством страны была начата работа по оценке обеспечения действующей армии вооружением, в том числе минометным. 17 апреля 1940 г., в заключение работы совещания при ЦК ВКП (б) 14–17 апреля 1940 г. по обобщению опыта боевых действий с Финляндией, состоялось выступление И.В. Сталина, в котором им было отмечено: «нет современной войны без минометов, массовых минометов... Замечательная штука миномет. Не жалеть мин! Вот лозунг. Жалеть своих людей. Если жалеть бомбы и снаряды — не жалеть людей, меньше людей будет. Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, не жалейте мин»²⁶.

По результатам совещания была организована комиссия Главного Военного Совета (ГВС) РККА, которая занималась комплексным анализом опыта Советско-финляндской войны. 26 апреля 1940 г. на пленарном заседании ГВС РККА выступил начальник Управления минометно-минного вооружения Красной армии Ф.Т. Борисов, который ответил на вопросы членов комиссии о состоянии минометно-минного вооружения Красной армии. В частности, ими было указано на необходимость модернизации 50-мм ротного миномета с целью отвода газов, причем из двух вариантов конструкции — Б.И. Шавырина и В.Н. Шамарина — К.Е. Ворошиловым было указано остановиться на варианте последнего.

Итоги данного пленарного заседания легли в основу проекта постановления ГВС РККА о системе минометно-минного вооружения Красной армии, который был составлен к 3 мая 1940 г. В перечень образцов, состоящих на вооружении Красной армии, в числе прочих, вошли 50-мм ротный миномет обр. 1938 г. и 50-мм ротный миномет обр. 1940 г., а также мины к ним²⁷.

После расформирования шавыринского СКБ-4 в апреле 1940 г. работы по усовершенствованию 50-мм ротных минометов продолжились в отделе главного конструктора завода № 7 под руководством Л.И. Горлицкого²⁸. Параллельно с этим велись работы по ротным системам и в НИИ-13, где был организован VIII, минометный отдел, который возглавил Б.И. Шавырин. Представленные конструктором варианты касались дистанционного крана, который мог принимать только два положения (открыт — закрыт). Смена дистанции стрельбы достигалась за счет двух положений работы крана и подъемного механизма без перестановки двуноги. Кроме этого, была предусмотрена возможность разборки миномета для чистки без специального инструмента. Был предложен и новый, специально сконструированный прицел, который обеспечивал точность наведения и удобство использования. Конструкция опорной плиты была оставлена без изменений, по чертежам СКБ-4 (штампованный лист с приваренной опорной чашкой и скобкой)²⁹.

Таким образом, благодаря напряженной работе СКБ-4 машиностроительного завода № 7 к началу Великой Отечественной войны минометное вооружение было в достаточной мере эффективным и конкурентоспособным перед аналогичными зарубежными системами, что сыграло свою роль в первый год Великой

Отечественной войны. Научно-технический и производственный задел, сделанный СКБ-4 под руководством Б.И. Шавырина в предвоенный период, начиная с 1936 г., послужил прочной основой для дальнейшего развития и совершенствования советского минометного вооружения.

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1547. Оп. 13. Д. 51. Л. 119.

² Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). Ф. 7р. Оп. 1. Д. 602. Л. 55–58, 74–76.

³ Там же. Л. 65–65 об., 106, 109, 110.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 71. Л. 174–176, 187.

⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 1. Д. 602. Л. 67–67 об.

⁶ Там же. Д. 1261. Л. 141–141 об., 142; ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 72. Л. 66, 67.

⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 1. Д. 1261. Л. 179, 180, 184; ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 72. Л. 210, 211.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 116. Л. 20–23.

⁹ Там же. Д. 135. Л. 63–63 об., 156, 157.

¹⁰ Там же. Д. 116. Л. 131–139, 149–152; Д. 135. Л. 68–72, 84.

¹¹ Там же. Д. 116. Л. 174–176.

¹² Там же. Л. 181–185.

¹³ Там же. Д. 135. Л. 113–113 об., 114, 117–125.

¹⁴ Там же. Д. 163. Л. 112.

¹⁵ Там же. Д. 116. Л. 194–199, 219.

¹⁶ Там же. Д. 163. Л. 125, 126.

¹⁷ Там же. Д. 135. Л. 161, 168–172.

¹⁸ Там же. Д. 164. Л. 4.

¹⁹ Там же. Д. 176. Л. 2–7.

²⁰ Там же. Д. 164. Л. 159.

²¹ Там же. Д. 237. Л. 19–42.

²² Там же. Д. 239. Л. 66.

²³ Там же. Д. 219. Л. 37–40.

²⁴ Там же. Д. 239. Л. 33–37, 69–71.

²⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 6р. Оп. 4. Д. 5254. Л. 1; ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 239. Л. 66–68.

²⁶ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.). Материалы комиссии Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании / Отв. сост. Н.С. Тархова М.; СПб.: Летний сад, 2004. С. 38.

²⁷ Там же. С. 8, 196–199, 209, 210, 266–270.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 206. Л. 8; Д. 297. Л. 40–44.

²⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 6р. Оп. 4. Д. 5254. Л. 4–6, 10.

А.А. Черноусов (Санкт-Петербург)

**СОСТОЯНИЕ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ
ПЕРЕД ОСТАВЛЕНИЕМ ЕГО
АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМИ ВОЙСКАМИ
В 1856 ГОДУ**

В ЭТОМ ГОДУ мы отмечаем пятую годовщину одного из самых масштабных исторических событий последнего времени — возвращения в состав России Крыма и Севастополя. Сегодня опять, как и полтора века назад, вокруг Крыма затянулся тугой узел мировых противоречий. Используя крымские события как повод, страны Запада организовали политическое и экономическое давление на Россию. Поэтому сегодня необходимо вспомнить, к каким катастрофическим последствиям привела агрессия европейских стран против России в Крыму в 1853–1856 гг. Результатом этой агрессии стала беспрецедентная по мужеству защитников 349-дневная оборона Севастополя. То, что принесли на севастопольскую землю «цивилизованные» европейцы, очень хорошо видно из рапорта заведующего морской частью в Николаеве (возглавлял остатки Черноморского флота) вице-адмирала Александра Ивановича Панфилова¹, который через полтора месяца после заключения Парижского трактата прибыл в Севастополь для изучения обстановки.

Больше всего бросается в глаза при прочтении данного рапорта тот факт, что в Севастополе практически не осталось уцелевших зданий.

Второе, что обращает на себя внимание, — это то масштабное мародерство и целенаправленное уничтожение инфраструктуры города, которое учинили перед выходом из Севастополя «просвещенные европейцы». Необходимо отметить, что уже

после заключения Парижского трактата союзники продолжали взрывать корабельные доки, демонтировать уцелевшее и даже разбитое оборудование адмиралтейств, заводов, мастерских. Кораблями вывозились все возможные материальные ценности, включая запасы корабельного леса и уцелевшие оконные рамы и двери домов. Варварски срывались с мест и вывозились в Англию и Францию произведения искусства. Одним из примеров может служить одиссея Херсонесского туманного колокола, который был отлит в 1776 г. из трофейных турецких пушек для Херсонесского монастыря. Во время оккупации Севастополя союзными войсками он был вывезен во Францию и установлен на звоннице собора Парижской Богоматери. Только в 1913 г. он вернулся в Севастополь, когда президент Франции Р. Пуанкаре «в знак союза и дружбы» передал его России.

Даже могилы прославленных русских адмиралов М.П. Лазарева, В.А. Корнилова, П.С. Нахимова, В.И. Истомина, найденные Панфиловым в начале мая 1856 г. в неприкосновенности, после оставления союзниками города были обнаружены разграбленными и оскверненными. В акте осмотра склепа от 11 апреля 1858 г.² указано, что крыша склепа проломлена, сам склеп затоплен дождевой водой, гробы вскрыты, эполеты на мундирах отсутствуют, останки засыпаны землей и мусором³.

Долго и упорно трудились интервенты, целенаправленно уничтожая инфраструктуру города и флота. Так, работы по уничтожению докового комплекса продолжались около трех месяцев. Один из английских водолазов Джон Дин писал: «Мы трудимся весьма успешно над уничтожением доков, часто используя несколько тысяч фунтов взрывчатого порошка в день, заряды вызывают ужасно большие разрушения»⁴. Уничтожение доков, по свидетельству Панфилова, продолжалось уже после подписания мирного договора.

Рапорт вице-адмирала А.И. Панфилова интересен тем, что описывает общую картину состояния Севастополя после окончания обороны, но до ухода из него интервентов. Александр Иванович только фиксирует факты происходящего, не давая этому никакой оценки. Подробное описание, сделанное Панфиловым, позволяет также вывести определенные статистические данные по разрушениям, рассматривая состояние различных объектов, расположенных в разных частях города.

Далее приводим текст документа:⁵

«Краткое обозрение, сделанное в бытность в Севастополе вице-адмирала Панфилова 5, 6 и 7 мая 1856 г.

Приближаясь к крымским берегам 5-го числа сего мая на пароходе “Тамань” при ясной погоде, открыли Севастопольский рейд в 10 часов утра и вместо прежней прекрасной картины казенных зданий и частных домов, расположенных амфитеатром, а также окружавших рейд с южной стороны великолепных батарей, показали одни развалины стен и большие груды камней, и только весьма редко видны кое-где полууцелевшие кровли.

Первый ряд затопленных судов еще в 1854 году⁶ совершенно сокрыт под поверхностью воды и, по-видимому, не представляет особого затруднения ко входу на Севастопольский рейд, по крайней мере для мелких судов. Известно, что зимою с 1854 на 1855 год верхняя часть затопленных судов от существовавших бурь разломаны. Второго ряда кораблей⁷ и фрегатов⁸ топы⁹ мачт видны, и на одном из сих последних, к югу, к топу мачты прикреплен белый флаг, а на отмели южного берега, противу Александровского укрепления, поставлена красная вежа для указания прохода. Бывший бон¹⁰ затонул. В третьей линии судов также видны рангоуты¹¹; на крайнем фрегате “Кагул” тоже поставлена красная вежа, которую мы, проходя в бухту, оставили слева и, обойдя фрегат “Кулевичи” и пароход “Владимир”, прошли к северной стороне за Михайловскую и № 4 батареи, где и бросили якорь. В ночное время и малые суда не входят в бухту. В Севастополе в продолжение дня несколько раз входят и выходят союзные пароходы в бухту, имея на буксире порожние суда, а оттуда нагруженные разным имуществом. У северного берега сохранились два старых транспорта “Сухум-Кале” и “Буг”, приготовленные под брандеры¹², шхуна князя Барятинского¹³ и несколько гребных судов, из коих некоторые требуют маловажных, а другие весьма значительных исправлений, многие же из них по совершенной гнилости должно разобрать. Относительно всех других затопленных кораблей и судов на Севастопольском рейде по краткости времени, не представлялось возможности сделать положительного осмотра, но чтобы иметь о том более подробное сведение, предписано мною заведующему Северной стороной г. контр-адмиралу Бартеневу¹⁴, под личным его наблюдением, посредством состоящих в ведении его опытных морских и штурманских офицеров, нанести на план рейда все затопленные суда

с указанием глубины, на какой каждое из судов находится, и объяснением настоящего их положения, и также доставлены сведения о количестве оставшегося спасенным казенного имущества и гребных судов. В следствие чего г.[осподин] Бартнев представил план рейда и три ведомости о казенном имуществе и гребных судах, у сего прилагаемые¹⁵.

Для приведения в целостность всех материалов и прочих потребностей, находящихся в разных местах северного берега, признано необходимым командировать (и командирован) капитана над Севастопольским портом капитана 1 ранга Ключникова с несколькими при нем чинами, который снабжен от меня по сему предмету надлежащими наставлением: как о собрании и приведении в известность казенного имущества, так равно о починке гребных судов и подъеме из воды по возможности малых судов, для чего даны ему, г. Ключникову, имеющиеся средства, заключающиеся в мастеровых, материалах и необходимых лесах и такелаже¹⁶, а равно и три водолазные аппарата, по возможности исправленные при Адмиралтействе.

Относительно же подъема ранговых судов, кораблей, фрегатов и даже пароходов, то мне кажется, что эти гигантские работы с большею выгодною для казны и даже для самого края можно бы произвести подрядным способом, на условиях, какие признаны будут высшим начальством полезнейшими для интереса казенного. Может быть, найдется компания или даже частное лицо, которое примет на себя очистку севастопольского рейда за выгодную плату или за условную часть всего добываемого со дна морского. Этим способом положен будет первый камень нового населения, которое состоять будет из людей промышленных и по ремеслу преимущественно морских.

Екатери́нская пристань¹⁷, набережная и два караульных дома при ней.

Набережная повреждена до того, что даже камни выворочены в воду. Террасы тоже. У одного караульного домика, с северной стороны лестницы, остались частями стены, другой домик, с южной стороны, существует, хотя и поврежден; в нем производится теперь продажа напитков. На лестнице весьма много перебито и взломано ступеней. Колоннада подверглась незначительному повреждению, а шахматный мраморный пол под оной снят. Мраморных статуй, бывших в нишах колоннады, не оказалось. Впрочем, южная сторона пристани, сравнительно с северною, менее пострадала.

Екатерининский дворец¹⁸.

Не существует. На том месте выстроены неприятельскими маркитантами¹⁹ дощатые шалаши, в которых производится продажа напитков и проч.

Дом флагманов и капитанов с флигелями.

От главного корпуса остались одни стены в разрушенном состоянии, деревянные поделки, включительно с полом, сгорели. Садовый флигель уцелел, имея незначительные повреждения; он занят в настоящее время городским караулом французов и двумя офицерами городского гарнизона. Чугунная решетка во многих местах разбита и частью снята. Мраморные барельефы, бывшие в фронтоне главного корпуса, выломаны и увезены. Сад уцелел.

Казенные дома, где квартировали адмиралы Нахимов²⁰ и Истомин²¹ и капитан 1 ранга Керн.

Остались местами одни стены, деревянные поделки и крыши сгорели.

Дом, именованный Ушакова²², и флигель при нем.

Уцелела только часть главного корпуса, которая кем-то занята. Стены надворного и боковых флигелей менее повреждены, деревянные поделки сгорели.

Дом, где помещались портовые присутственные места.

Остались одни стены. Крыши, потолков, полов, рам и дверей нет: сгорели.

Адмиралтейская стена.

Во многих местах разломана для построения шалашей.

Старое адмиралтейство со строениями оного.

Во всех строениях крыши, потолки, рамы, двери и полы сгорели, стены все сильно повреждены. Остались одни деревянные пристани: царская и общая Адмиралтейская. Пристани эти исправлены неприятелем и приспособлены для погрузки на суда войск, в особенности кавалерии; по ним водят лошадей прямо на суда. Сверх того выстроена неприятелем новая пристань.

Корпус, где квартировал вице-адмирал Панфилов.

Главный корпус уцелел, хотя боковые стены несколько раз были пробиты. Здесь помещается ныне французский генерал Базен, губернатор или комендант города, который исправил по возможности пробоины. Службы при доме сгорели, но сад уцелел и в исправности.

Дом командира порта.

Главный корпус и передний флигель разрушены, не имеют крыши, потолков, полов, рам и дверей, да и оставшиеся стены

сильно разбиты; новый флигель на террасе мало пострадал; в нем живут французские офицеры, сад в порядочном состоянии; беседка цела, но стекла выбиты; чугунная решетка мало побита.

Казармы 16, 17 и 18 рабочих экипажей со службами.

Остались одни стены, которые, как сложенные на глине, постепенно разрушаются.

Казармы 28, 29, 30, 31 и 43 экипажей со службами.

Не существуют.

Дом правления Севастопольской инженерной команды Морской строительной части.

Имеются одни только полуразрушенные стены.

Дом, где помещалась комиссия военного суда.

Цел, но частями поврежден; в нем помещена теперь питейная.

Дом, где квартировал контр-адмирал Бартнев.

В таком же состоянии.

Дом капитана 1 ранга Юрковского.

Остались одни стены.

Казармы военно-рабочей № 8 роты.

Остались одни стены и те разваливаются.

Дом, носивший название Снаксарева, и флигель.

Главный корпус еще до открытия военных действий был в разбитом состоянии, но, после окончательного разорения, теперь находятся одни стены; флигель уцелел, и в нем живут французские офицеры.

Дом девичьего училища.

Хотя менее других пострадал, однако же имеет значительные повреждения; в нем помещается штаб гарнизона.

Дом инспекции корпуса штурманов.

Осталась часть стен, и те в разрушенном состоянии.

Дом, бывший под помещением капитана 1 ранга Кислинского.

Имеются одни стены, которые, впрочем, близки к окончательному разрушению.

Дом штаба командира порта.

Разрушен окончательно.

По набережной семь магазинов²³ и домик, в котором помещалось провиантское и комиссариатское управление.

Набережная, от оконечности вновь начатого сухарного завода до самых доковых шлюзов, совершенно уцелела; сняты только и увезены все краны, существовавшие на набережной. Из числа

7 магазинов один сгорел, коего стены полуразрушены; остальные 6 магазинов и домик остались, имея в крышах и стенах довольно значительные повреждения. Подъемные краны в верхних этажах магазинов сняты и увезены. Полы, потолки и стеллажи в этих магазинах разобраны только местами, а двери, коробки, ставни и железные решетки частью уничтожены или повреждены. В настоящее время здания эти заняты английскими артиллеристами и саперами.

Исправив в чем следует магазины, т. е. поставив коробки, рамы, стекла и поставив железные печи, можно будет занять оные помещением команд, в случае перевода их в Севастополь.

Вновь начатый постройкою сухарный завод около провиантских магазинов.

Возведенные части, именно подвальный этаж со сводами, уцелели без всякого повреждения.

Домик с паровою машиною для накачивания в доки воды.

Имеет одно повреждение стены; крыша, полы, оконные рамы и двери разобраны, что также сделано и с машиною.

Сухие доки с принадлежавшими к оным мастерскими и сараями, а также и оградная вокруг доков стена.

Начиная от первых шлюзных ворот вводного канала, все окончательно разрушено; осталась огромная груда камней, коими завален вводный канал, бассейн и самые доки. Тут же видны сквозь груды камней остатки парохода "Корнилов". Чугунные шлюзные ворота сняты и увозятся. От вторых ворот осталась одна половинка, которую, по-видимому, продолжают разбирать. Мастерские и сараи хотя существуют, но крыши совершенно повреждены, а частью и самые стены. Ограда вокруг доков существует, имея значительные повреждения от снарядов и проломы на всем протяжении.

Лазарево адмиралтейство²⁴.

Контрафорсная стена уцелела, но найдена с некоторыми повреждениями. Сделанные под новые здания (пароходного и пильного заводов и шлюпочного сарая) фундаменты и цоколя существуют, только при весьма незначительных повреждениях. Закругление набережной от 1-х шлюзных ворот доков, равно продолжение набережной и основание крана с пристанями невредимы. На кране ванты²⁵ сбиты, стрелы сгорели, топ мачты обгорел. Строение делового двора хотя и существует, но значительно повреждено.

Мортон эллинг²⁶ с набережной и зданием для механизма.

Набережная и эллинг²⁷ вообще существуют без повреждения. Здание же для механизма теперь без крыши, полов, потолков, оконных рам и дверей. Механизмы разобраны, и вообще весь металлический вещи приготовлены к отправлению на суда.

Казармы 1 и 2-я трехэтажные, Александровская и Губернская со службами.

Собственно от казарм остались одни передние фасадные и некоторые поперечные стены; задние фасадные стены все разрушены до фундаментов. От службы остались тоже одни стены. Крыши, потолки, полы, оконные рамы и двери разобраны, своды повреждены не во всех зданиях. Весьма заметна особенность, с которою старались разрушить эти здания.

Морская госпиталь.

Все сказанное о казармах, повторяется и о зданиях морского госпиталя; стены же вновь начатого до войны флигеля остались, имея только повреждения.

Арсенал в Южной бухте.

Снаряды, пушки и якоря большей частью увезены, с оставшимися еще стараются сделать то же. Мастерские арсенала полуразрушены, однако же в них живут французы.

Говоря вообще, есть строения, какие только существовали по обе стороны Южной бухты, представляют одни развалины. Металлические вещи, годные и негодные, собирают в кучи, вероятно для погрузки на суда.

По берегу, за старым адмиралтейством свезено в кучу несколько дубовых штук, и, между прочим, сложены в двух местах до 36-ти мачтовых деревьев, приведенные, по словам заведующего морскими командами Северной стороны Севастополя, контр-адмирала Бартенева, из Черной речки и приготовленные, по-видимому, к вывозу (*)²⁸.

Храмы Господни.

Новый Адмиралтейский собор во имя Св. Николая сохранился более всех других, и хотя с Южной стороны имеет весьма малочисленные, а с Северной несколько большие виды повреждения от выстрелов, но все это можно исправить; потребуется также перебрать частями и саму жечь на крыше и куполе. В том храме французы производят богослужение. Тут же придел во имя Михаила Архангела, в котором, кроме поврежденной значительно крыши, все деревянные поделки сгорели, и корпус от выстрелов сильно поврежден.

Заложенный фундамент под храм во имя Св. Равноапостольного князя Владимира в некоторых местах весьма мало поврежден.

Могилы, где покоятся наши Адмиралы, по личному моему осмотру найдены неприкосновенными.

Приходская и Госпитальная во имя Петра и Павла и кладбищенская во имя всех святых найдены в более разрушенном состоянии, без кровель, дверей, коробок, рам и полов.

Владимирской Божьей матери и Армейская в Корабельной слободке, а также Армейская у Северных казарм не сохранили никаких признаков своего существования, и известны только стародавним по местности и грудам камней.

Католическая церковь или дом, в котором производилось богослужение в настоящем положении представляет одни полуразрушенные стены.

Морская библиотека.

Крыши и всех деревянных поделок не существует; корпус здания имеет значительные повреждения и местами разрушен; мраморные статуи, лестницы и другие украшения вынуты и увезены; ограда каменная и чугунные решетки побиты выстрелами, но вентерлатор (?) сохранился.

Памятник Казарскому²⁹.

Вместе с чугунною оградой вокруг него сохранился без повреждения; но слова, означавшие фамилию героя, в пример потомству, и время сооружения памятника, все вынуты. В настоящее время со стороны французов у памятника содержится караул.

Вице-адмирал Панфилов

Верно: Начальник отделения (подпись неразборчива)».

¹ Панфилов Александр Иванович (1808–1874) — адмирал, член Адмиралтейств-Совета. В 1824 г. окончил Морской кадетский корпус, служил на корвете «Наварин» под командованием П.С. Нахимова. В 1834 г. переведен на Черноморский флот, участвовал в боях на Кавказском побережье, командовал линейным кораблем «Двенадцать апостолов», участвовал в Синопском сражении. Во время обороны Севастополя командовал 3-м отделением оборонительной линии. После смерти Нахимова Панфилов занял его пост помощника начальника гарнизона и был произведен в вице-адмиралы с назначением начальником 5-й флотской дивизии. При отступлении наших войск оставил Севастополь последним (за что получил орден св. Анны 1-й степени с короною) и на шлюпке переправился на Северную сторону под неприятельским обстрелом. Был назначен

начальником укреплений Северной стороны с их гарнизонами в звании командира Севастопольского порта. В 1856 г. назначен губернатором и начальником морской части г. Николаева. Пробыв затем, уже по окончании войны, некоторое время главным командиром Свеаборгского порта, Панфилов 17 апреля 1858 г. назначен был членом Адмиралтейств-Совета, а 1 января 1866 г. произведен в полные адмиралы.

² Здесь и далее даты указаны по старому стилю.

³ Апошанская М.П. Собор Святого Равноапостольного князя Владимира — усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского Флота. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. С. 82–83.

⁴ John Deany. Crimean war and infernal diver. Б.Д. P. 257–273.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1, Д. 5819. Л. 65–75 об.

⁶ Англо-французский флот, подошедший в сентябре 1854 г. к Севастополю, был во много раз мощнее и технически совершеннее Черноморского. Чтобы не допустить его прорыва в гавань, командование Черноморского флота принимает решение затопить устаревшие парусные суда на входе в бухту. 11 сентября 1854 г. поперек фарватера, между Константиновской и Александровской батареями, было затоплено 5 линейных кораблей и 2 фрегата. Экипажи вместе с корабельной артиллерией отправились защищать бастионы. После осенне-зимних штормов, вследствие частичного разрушения этой преграды, в ноябре–декабре дополнительно были затоплены еще три судна. В феврале 1855 г. от Михайловской до Николаевской батареи было затоплено еще шесть кораблей. 27 августа 1855 г., когда защитники оставили Южную сторону, в бухте затопили и остальной флот. Огонь береговых батарей и затопленные корабли делали Севастопольскую бухту недоступной для англо-французского флота.

⁷ Корабль (линейный) — класс военных кораблей. Трехмачтовый корабль с двумя–тремя артиллерийскими палубами мог нести свыше сотни орудий и имел экипаж численностью в несколько сот человек. Традиционным тактическим приемом его применения был бой в составе линии баталии, отчего и получил свое название.

⁸ Фрегат — класс военных кораблей. Трехмачтовый корабль с полным парусным вооружением и одной орудийной палубой. Фрегат отличался от линейных кораблей меньшими размерами и артиллерийским вооружением и предназначался для самостоятельных боевых действий на морских и океанских коммуникациях с целью захвата или уничтожения судов противника.

⁹ Топ — верхняя часть мачты.

¹⁰ Бон (боновое заграждение) — заграждение из плавучих бревен или плотов, защищающее вход в гавань или фарватер от неприятельских судов.

¹¹ Рангоут — все деревянные детали, служащие для несения парусов, флагов, подъема сигналов и т. п. К рангоуту относятся: мачты, стеньги, реи, гафели, гики, бушприты, утлегары, лисель спирты и выстрелы.

¹² Брандер — корабль, нагруженный легковоспламеняющимися либо взрывчатыми веществами, используемый для поджога и уничтожения вражеских судов.

¹³ Барятинский Виктор Иванович (1823–1904) — князь, капитан 1 ранга, участник обороны Севастополя, командир брига «Эней», флаг-офицер В.А. Корнилова и П.С. Нахимова. Шхуна князя Барятинского — имеется в виду яхта «Ольвия», принадлежащая Виктору Ивановичу.

¹⁴ Бартнев Феодосий Дмитриевич — контр-адмирал Черноморского флота, севастопольский комендант. Воспитанник морского кадетского корпуса,

Бартенев в 1827 г. участвовал в Наваринском сражении, в эскадре контр-адмирала графа Гейдена; в 1829 г. переведен с Балтийского флота на Черноморский и затем отличился при обороне Севастополя в 1854–1855 гг. В 1855 г. произведен в контр-адмиралы, с назначением командиром 2-й бригады 4-й флотской дивизии, а в следующем году назначен севастопольским комендантом и исполняющим должность военного губернатора; на этой должности он оставался до мая 1858 г. Именем Бартенева назван район на Северной стороне Севастополя.

¹⁵ Данные документы в деле отсутствуют.

¹⁶ Такелаж — общее название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты.

¹⁷ Екатерининская пристань — ныне Графская пристань.

¹⁸ Екатерининский дворец — дом контр-адмирала Мекензи — одно из первых построенных в Севастополе каменных зданий. Находился на Екатерининской площади (ныне площадь Нахимова). К приезду в Севастополь Екатерины II, в 1787 г., дом этот, по повелению князя Потемкина, был обращен во дворец и отделан внутри не только с полным комфортом, но и с большой роскошью. Во время Крымской войны был уничтожен.

¹⁹ Маркитанты — в европейских армиях мелкие торговцы, сопровождавшие войска в походах.

²⁰ Нахимов Павел Степанович (1802–1855) — флотоводец, адмирал (с февр. 1855 г.). Обучался в Морском кадетском корпусе в Петербурге (1815–1818), по окончании которого служил на Балтийском флоте. В 1822–1825 гг. на фрегате «Крейсер» под командованием М.П. Лазарева совершил кругосветное плавание. В Наваринском сражении в 1827 г. командовал батареей на линейном корабле «Азов». Участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., командуя корветом «Наварин». С 1829 г. командир фрегата «Паллада», с 1834 г. — линейного корабля «Силистрия», затем возглавил бригаду кораблей Черноморского флота. Участвовал в укреплении Черноморского побережья. С 1845 г. контр-адмирал, с 1852 г. — вице-адмирал. В Крымскую войну (1853–1856 гг.), командуя эскадрой Черноморского флота, 18 ноября 1853 г. в трехчасовом бою разбил турецкую эскадру при Синопе. Вместе с В.А. Корниловым подготовил Севастополь к обороне, после гибели Корнилова в феврале 1855 г. возглавил Севастопольскую оборону. 28 июня 1855 г. при очередном приступе осаждавших Севастополь англо-французских войск Нахимов был смертельно ранен пулей в висок и через два дня умер, не приходя в сознание.

²¹ Истомин Владимир Иванович (1809–1855) — контр-адмирал (1853), герой Севастопольской обороны 1854–1855 гг. В 1827 г. окончил Морской кадетский корпус. Большое влияние на формирование Истомина как морского офицера оказала служба на линейном корабле «Азов» под командованием М.П. Лазарева. Истомин отличился в Наваринском сражении 1827 г. Служил на Балтийском флоте. В 1836 г. переведен на Черноморский флот, служил на линейном корабле «Варшава», командовал пароходом «Северная звезда», шхуной «Ласточка», корветом «Андромаха» и фрегатом «Кагул». В 1850 г. назначен командиром линейного корабля «Париж», на котором участвовал в Синопском морском сражении 1853 г. С началом обороны Севастополя возглавил один из важнейших участков оборонительной линии — 4-ю дистанцию, включавшую Малахов курган и прилегающие редуты. При отражении вражеских штурмов проявлял мужество

и героизм, находился в самых опасных местах и личным примером воодушевлял солдат и матросов на выполнение воинского долга. Убит в бою.

²² Ушаков Фёдор Фёдорович (1745–1817) — русский флотоводец, адмирал (1799), командующий Черноморским флотом (1790–1792). В 1766 г. окончил Морской кадетский корпус, служил на Балтийском флоте. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. В ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. одержал победы в бою у острова Фидониси, сражениях в Керченском проливе, у мыса Тендра, у мыса Калнакрия. В 1798–1800 гг. назначен командующим российскими военно-морскими силами в Средиземном море, где проявил себя как крупный флотоводец, искусный политик и дипломат при создании греческой Республики Семи Островов под протекторатом России и Турции. Показал образцы организации взаимодействия армии и флота при овладении Ионическими островами и особенно островом Корфу, при освобождении от французов Италии, во время блокады Анконы и Генуи, при овладении Неаполем и Римом. За 46 лет службы адмирал Ушаков не потерпел ни одного поражения.

²³ Магазин (устар.) — склад.

²⁴ Лазаревское адмиралтейство — адмиралтейство, построенное в Севастополе адмиралом М.П. Лазаревым и названное его именем.

²⁵ Ванты — снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются мачты.

²⁶ Мортонев эллинг — сооружение для подъема на берег небольших судов, получило название по имени шотландского инженера Мортонга, построившего в 1818 г. первый эллинг этого типа в Лейте.

²⁷ Эллинг — сооружение для постройки или ремонта судов.

²⁸ Примечание автора документа: «*О мачтовых лесах, выведенных из Черной речки, которая не была вполне занята союзниками, равно и о том, что, по рассказам, доки взрывались англичанами и после заключения мира, донесено г. Главнокомандующему 2 армией 9 мая № 23 с ходатайством о дозволении занять склад провианта одного из уцелевших магазинов в Корабельной бухте, в том предположении, что присутствие нашего караула воспрепятствует до некоторой степени дальнейшему разрушению строений».

²⁹ Памятник Казарскому — первый памятник в г. Севастополе. Открыт в 1839 г. на центральном городском холме в честь подвига Александра Ивановича Казарского, когда он 14 мая 1829 г. в чине капитан-лейтенанта командовал 18-пушечным бригам «Меркурий» и вышел победителем в неравном бою с двумя турецкими линейными кораблями.

Н.Г. Чигарева (Санкт-Петербург)

**«...ПРОСЛАВЛЕННЫЙ РУССКИЙ
ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ХИРУРГ, ДОСТОЙНЫЙ
ПОТОМОК НАШЕГО ВЕЛИКОГО ПИРОГОВА»
(К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.Н. АХУТИНА)
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ)**

В ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОМ МУЗЕЕ хранится персональный фонд генерал-лейтенанта медицинской службы, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора, доктора медицинских наук, члена-корреспондента АМН СССР, первого директора Института экспериментальной и клинической хирургии АМН СССР (в настоящее время — Национальный медицинский исследовательский центр хирургии имени А.В. Вишневского) М.Н. Ахутина (1898–1948).

«...Прославленный русский военно-полевой хирург, достойный потомок нашего великого Пирогова», — это высказывание выдающегося хирурга С.С. Юдина о военно-полевом хирурге М.Н. Ахутине, который много сделал в различных областях хирургии.

Михаил Никифорович Ахутин родился 24 декабря 1898 г. в г. Череповце (Вологодская область) в семье учителя. После смерти отца в 1914 г. начал подрабатывать, давал уроки. В 1916 г., окончив гимназию имени Петра Первого с золотой медалью, он поступил в Военно-медицинскую академию. Чтобы помочь семье, параллельно с учебой работал на дезинфекционной станции. Летом 1917 г. студент 2 курса М.Н. Ахутин оказался на фронте, где трудился братом милосердия в 12-м головном эвакуационном пункте Юго-Западного фронта, а осенью 1919 г. участвовал в отражении похода Юденича на Петроград в качестве заведующего перевязочным отрядом. В 1921 г. принял

участие в подавлении Кронштадского мятежа, заведя перевязочным отрядом Военно-медицинской академии¹. 22 декабря 1920 г. М.Н. Ахутин окончил Военно-медицинскую академию со званием «лекаря с отличием» и был оставлен в качестве «врача для подготовки к учено-учебной деятельности» (адъюнкта) при Академической хирургической клинике профессора В.А. Опделя (1921–1923). В 1919 г. В.А. Оппель начал разрабатывать «хирургическую эндокринологию», и М.Н. Ахутин занялся этой новой тематикой. Он быстро приобрел клинический опыт, освоив все типовые операции, одновременно вел большую экспериментальную работу. Результатом упорного труда молодого ученого стали научные публикации об оперативном лечении эпилепсии, экспериментальной адреналинемии и т. п., а также диссертация на степень доктора медицины на тему «Экспериментальная адреналинемия» (1923). В.А. Оппель характеризовал его как «молодого хирурга, подготовленного практически, поработавшего экспериментально; он выделяется своими замечательными способностями, обладая при этом большой работоспособностью, исключительным интересом к делу, Ахутин оказывается по праву одним из наиболее блестящих молодых учеников»².

После окончания адъюнктуры М.Н. Ахутин был направлен в Читинский военный госпиталь, где в течение двух лет заведовал хирургическим отделением и как хирург-практик завоевал огромный авторитет у больных и медицинского персонала.

В 1925 г. М.Н. Ахутин был избран конференцией академии на должность ассистента кафедры Академической хирургической клиники В.А. Опделя, отозван в Ленинград и до 1932 г. работал в Военно-медицинской академии. В эти годы он продолжил заниматься проблемами эндокринологии, связанными с хирургической клиникой.

В 1931 г. в академии была создана кафедра военно-полевой хирургии, и М.Н. Ахутин, являясь ее сотрудником, с интересом занялся разработкой проблем военно-полевой хирургии: первая его работа в этой области хирургии, связанная с повреждением груди, была опубликована в Военно-медицинском журнале в 1933 г. Исследование военно-полевой хирургии стало главным делом жизни М.Н. Ахутина, о чем свидетельствует собственноручно составленный перечень научных работ, сформированный по различным разделам хирургии³.

В 1932 г. от Военно-медицинской академии Михаил Никифорович был откомандирован на Дальний Восток, сначала в качестве помощника старшего врача 3-го Верхнеудинского полка, затем начальника медицинского отделения Хабаровского армейского военного госпиталя и начальника хирургического цикла курсов усовершенствования врачей ОКДВА (Особой Краснознаменной Дальневосточной армии). Он читал курс военно-полевой хирургии, стал организатором научно-исследовательской работы хирургов Дальнего Востока, а в 1935 г. по его инициативе состоялся съезд хирургов ОКДВА, где М.Н. Ахутин выступил с докладом «Хирургическая помощь отравленным боевыми отравляющими веществами».

Большое внимание М.Н. Ахутин уделял разработке хирургических вопросов природных патологий, существовавших в этом районе. В музее сохранились черновые наброски, в которых представлены результаты медицинского обследования населения Хабаровского края⁴. Собранные материалы были тщательно проанализированы и послужили основой для написания монографии «Зобная болезнь на Амуре». Изучение этого заболевания стало продолжением предыдущих работ эндокринологического направления, которыми М.Н. Ахутин занимался в клинике В.А. Оппеля. Он исследовал также все аспекты патогенеза и клиники заболевания, часто встречающегося в районах Дальнего Востока, — острого инфекционного полисерозита. Дополнив клинический материал экспериментальными исследованиями на собаках, в 1936 г. при Военно-медицинской академии М.Н. Ахутин защитил диссертацию на степень доктора медицинских наук «Острые инфекционные диплострептококковые полисерозиты», в которой предложил хирургические и биологические способы лечения этого заболевания⁵.

Во время боевых действий у оз. Хасан, которые продолжались с 29 июля до 11 августа 1938 г., М.Н. Ахутин в качестве хирурга-консультанта выезжал в полковые пункты медицинской помощи, медико-санитарные батальоны, полевые госпитали, учил врачей правильно проводить медицинскую сортировку, лично оперировал многих тяжелораненых, наладил прямое переливание крови (донорами являлись санитары). Например, 7 августа он приехал в медико-санитарный батальон 32-й дивизии, где находилось свыше 200 тяжелораненых. Здесь он организовал перевязочную на четыре стола с четырьмя хирургами (вместо операционной

с одним столом). Весь период боевых действий М.Н. Ахутин находился в районе боев и постоянно занимался вопросами сортировки раненых.

Он выявил ряд серьезных недостатков в организации медицинской помощи в боях у оз. Хасан, среди которых отмечал: неопытность врачебных кадров, что сказывалось на сортировке раненых; плохое качество матерчатых жгутов и неумелое их использование; нехватку некоторых медикаментов и резиновых перчаток; недостатки в регистрации раненых. М.Н. Ахутин пришел к выводу о необходимости на полковом пункте медицинской помощи иметь простой аппарат типа воронки или шприца для переливания консервированной крови, а на дивизионном пункте медицинской помощи — отдельную перевязочную и операционную палатки⁶. Во время хасанских боев М.Н. Ахутин воплотил на практике идеи своего учителя В.А. Опшеля об этапном лечении раненых, добиваясь в первую очередь приближения хирургической помощи к раненому. Его усилия были не напрасны, во время боевых действий у оз. Хасан врачам удалось значительно повысить оперируемость раненых на дивизионных пунктах медицинской помощи, которые развертывались медико-санитарными батальонами (число оперированных достигало 7,2 % раненых)⁷.

В качестве хирурга 1-й армейской группы М.Н. Ахутин принимал участие и в боях с японскими милитаристами в мае-июне 1939 г. у р. Халхин-Гол. Особый интерес представляет его рукопись «Замечания о работе санитарной службы оперативной группы соединения 9370» — отчет санитарной службы оперативной группы советско-монгольских войск⁸. В отчете М.Н. Ахутин отметил ряд существенных недостатков в оказании помощи раненым: отсутствие хирурга-консультанта; удаленность передового госпиталя от линии боя, что приводило к запаздыванию хирургической помощи; неполное и не всегда правильное проведение хирургических операций; отсутствие правильно налаженной регистрации и документации, как в передовом районе, так и в госпиталях тыла. Учитывая это недостатки, он пытался их устранить: прочитал много лекций, провел занятия с медицинским составом всех соединений, показал, как надо оказывать помощь в войсковом районе, научил хирургов сложным операциям, при перебоях со снабжением донорской кровью сам стал донором для раненого. Работая по

15–18 часов в сутки, М.Н. Ахутин уделял большое внимание повышению квалификации врачей-хирургов. В сложных полевых условиях он продумал и организовал единую систему этапного лечения раненых. Тогда же он пришел к выводу о необходимости иметь специализацию коек в госпитальной базе.

Осенью 1939 года М.Н. Ахутин возглавил кафедру госпитальной хирургии в Куйбышевской военно-медицинской академии, где читал лекции, много оперировал, обобщал опыт военно-медицинской службы Красной армии в боевых условиях и начал работать над учебником по военно-полевой хирургии.

Однако, в феврале 1940 г. во время Советско-финляндской войны М.Н. Ахутин вновь оказался на поле боя, т.к. был назначен главным хирургом 8-й армии, действовавшей на Петрозаводском направлении. При активном участии М.Н. Ахутина в 8-й армии впервые была организована госпитальная база из двух эшелонов: первый — полевые подвижные госпитали; второй — эвакуационные госпитали, причем в госпитальной базе он предложил четко распределить коечную сеть. Занимаясь организацией хирургической работы в госпиталях, Михаил Никифорович уделял много внимания и работе медико-санитарных батальонов дивизий. Он считал, что введение цветных сортировочных марок, прикрепленных к одежде раненых, облегчало правильную сортировку, поскольку становилось понятно, куда данный раненый должен быть направлен. По итоговым данным М.Н. Ахутина, на Петрозаводском направлении в дивизионных пунктах медицинской помощи было прооперировано 54,8 % раненых, тогда как во время военных событий на р. Халхин-Гол только 39,7 %, а во время боев у озера Хасан — 7,5 % общего числа раненых⁹.

Во время Советско-финляндской войны в армии были созданы специализированные хирургические учреждения — госпитали для лечения раненых в грудь, раненых с повреждениями конечностей и т. п., что, по мнению М.Н. Ахутина, было чрезвычайно важным, поскольку раненые попадали в руки хирургов-специалистов определенного профиля. Он отмечал также положительную роль в создании отдельного эвакуационного направления для легкораненых.

Свой опыт военно-полевого хирурга М.Н. Ахутин обобщил в монографии «Хирургический опыт двух боевых операций». Проводя анализ хирургической работы в период боевых действий 1938–1940 гг., он констатировал: «...в пережитых боевых

столкновениях Красной армии военно-полевая хирургия, как и в былые войны, являлась, прежде всего, хирургией конечностей, ранения которых составляли и сейчас от 60 до 75 %»¹⁰.

После окончания Советско-финляндской войны М.Н. Ахутин вернулся в Куйбышев, занимался решением проблем первичной хирургической обработки ран, разбирался в причинах ошибок в выполнении этой распространенной хирургической операции в ходе боевых действий и пришел к выводу, что они кроются в неверной подготовке хирургов в области военно-полевой хирургии. М.Н. Ахутин писал: «Наиболее серьезной организационной задачей... являются изменения системы подготовки наших кадров в сторону усиления полевой выучки во всех звеньях от санитаря до врача. Преподавание военно-полевой хирургии в вузах и институтах для усовершенствования врачей должно вестись с учетом всего опыта пережитых боевых столкновений, с подробным освещением вопросов организации и специфики хирургической работы в боевой обстановке»¹¹. Летом 1940 г. М.Н. Ахутин вошел в состав созданного при начальнике Санитарного управления Ученого медицинского совета, а осенью возвратился в Ленинград и возглавил одно из старейших военно-медицинских учреждений страны — Военно-медицинскую академию. Будучи высококлассным военным хирургом, он понимал, что академия является основной базой для решения актуальных проблем медицинского обеспечения Красной армии в военное и мирное время. На посту начальника академии М.Н. Ахутин большое внимание уделял подготовке и воспитанию будущих военных врачей, требуя от них овладения основными способами объективного исследования больного, при этом инструментальные и лабораторные методы, по его мнению, должны выступать лишь в качестве дополнительных. Кроме того, впервые зимой 1940–1941 гг. были организованы зимние лагерные занятия, что значительно усилило боевую подготовку военных врачей.

Имея большой практический опыт службы в войсках, Михаил Никифорович напряженно работал над учебником по военно-полевой терапии, который был издан в 1941 г. Для того времени это было самое современное руководство, 2-е издание которого вышло в свет уже в Великую Отечественную войну, в 1942 г.

Когда началась Великая Отечественная война, М.Н. Ахутин занялся переводом Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова на режим военного времени, а с 5 августа 1941 г.

и до конца войны он находился на посту главного хирурга ряда фронтов: в 1941–1943 гг. — главный хирург Брянского фронта, позже — 2-го Прибалтийского, в 1944–1945 гг. — главный хирург 1-го Украинского фронта. В начале войны главные усилия М.Н. Ахутин направил на обеспечение наиболее быстрого выноса раненых с поля боя и эвакуацию их в тыл. Дивизионные медицинские пункты в связи с резким снижением оперативно-хирургической работы превратились в перевязочно-эвакуационные пункты. В полевых подвижных госпиталях первой линии операции проводились лишь по неотложным показаниям, а основная хирургическая работа осуществлялась глубже в тылу. Когда фронт стабилизировался, в дивизионных медицинских пунктах оперируемость раненых выросла, здесь же госпитализировались тяжелораненые, а когда Красная армия начала изгонять врага, стало необходимым по-новому организовать хирургическую помощь раненым. Медико-санитарные батальоны должны были двигаться за дивизиями, и основная оперативно-хирургическая помощь раненым стала осуществляться в полевых подвижных госпиталях. Анализируя опыт первого периода Великой Отечественной войны, М.Н. Ахутин писал: «Первые семь месяцев Отечественной войны показали, как много дали нам боевые столкновения последних лет. Доктрина военно-полевой хирургии, выработанная на основании опыта боев 1938–1940 гг., остается в основных чертах незыблемой и сейчас»¹².

Постоянно бывая в войсковых, армейских и фронтовых медицинских учреждениях, М.Н. Ахутин много оперировал. Так, он провел свыше 100 операций на крупных сосудах и предложил оригинальные доступы к подключичным артериям. В 1943 г. на VII пленуме Ученого медицинского совета при начальнике Главного военно-санитарного управления Красной армии он выступил с программным докладом, в котором изложил принципы хирургического лечения при ранении суставов. На заключительном этапе войны М.Н. Ахутин вместе со своими помощниками разработал «Краткие указания по военно-полевой хирургии», которые были изданы Военно-санитарным управлением фронта и разосланы в войска и лечебные учреждения. Тогда же, в 1944–1945 гг. на 1-м Украинском фронте под руководством М.Н. Ахутина были организованы и проведены конференции: по лечению огнестрельных переломов бедра; повреждений коленного и тазобедренного суставов; нейрохирургическая.

За заслуги во время Великой Отечественной войны он в числе пяти медицинских работников был награжден полководческим орденом Суворова II степени.

27 июня 1945 г. М.Н. Ахутину было присвоено звание генерал-лейтенанта медицинской службы, а 5 июля он был назначен заместителем главного хирурга Советской армии академика Н.Н. Бурденко.

После окончания Великой Отечественной войны М.Н. Ахутин возглавлял Институт экспериментальной и клинической хирургии АМН, а в 1947 г. перешел в 1-й Московский медицинский институт директором госпитальной хирургической клиники.

5 марта 1948 г. М.Н. Ахутин скончался от кровоизлияния в мозг.

¹ Фонды ВММ ОФ 31097.

² Цит. по: Беркутов А.Н., Леонов И.Т. М.Н. Ахутин. М.: Медицина, 1973. С. 11–12.

³ Фонды ВММ ОФ 31110.

⁴ Фонды ВММ ОФ 30386.

⁵ Фонды ВММ ОФ 31097.

⁶ Филиал ЦАМО. Ф. 1. Оп. 44831. Д. 4. Л. 198–300.

⁷ Ахутин М.Н. Хирургическая помощь во время боев у озера Хасан. М.: Медгиз, 1939. 86 с.

⁸ Филиал ЦАМО. Ф. 1. Оп. 7402. Д. 3. Л. 124–130.

⁹ Ахутин М.Н. Хирургический опыт двух боевых операций. Куйбышев: Изд. Куйбышевской ВМА КА, 1940. С. 33.

¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹ Там же. С. 107.

¹² Ахутин М.Н. Военно-полевая хирургия / под ред. Е.И. Смирнова и В.С. Левита. М.: Медгиз, 1942. С. 7.

А.Н. Чубинский (Москва)

О РУССКОМ КОМБИНИРОВАННОМ ОРУЖИИ XVII ВЕКА

ПОД КОМБИНИРОВАННЫМ обычно понимается оружие, конструкция которого рассчитана на его использование в качестве как огнестрельного, так и холодного (клинкового, древкового, ударного). Однако это определение нужно прилагать только к историческому и несерийному оружию. Пехотное ружье со штыком во всех своих исторических видоизменениях — мушкет и фузеза с кремневыми замками, капсюльные ружье и штуцер, магазинная винтовка и штурмовая винтовка — по формальным основаниям также должны быть отнесены к комбинированному оружию. Однако ни английское строевое ружье Браун Бесс, ни французский мушкет обр. 1777, ни русскую винтовку Мосина невозможно классифицировать как комбинированное оружие. Кроме того, комбинированным может считаться стрелковое оружие, имеющее и гладкий, и нарезной стволы¹, а также разновидность холодного клинкового оружия, включающая и «маскированное»². Эти данные заставляют ограничить вышеприведенное определение. Отметим, что многие оружейеды склонны также относить к комбинированному то оружие, которое в других случаях классифицируется как скрытое (оружие скрытого ношения) или сочетающее оружейную конструкцию с неоружейным предметом³.

Первые образцы комбинированного оружия в Европе появилось, по всей видимости, не ранее второй половины XV в.⁴ Следующее, XVI столетие в Центральной Европе стало временем расцвета подобного оружия, что было связано в первую очередь с появлением и активным применением колесцового замка. Широко известны совмещенные с колесцовыми пистолетами

европейские топоры, шестоперы, чеканы, шпаги, сабли, кинжалы, охотничьи копья (рогатины)⁵. Также нередко встречались попытки объединить огнестрельное оружие с арбалетом (немецкое колесцовое ружье ок. 1580 г.)⁶ или сугубо ударным оружием (знаменитое английское «кропило» — моргенштерн с тремя пистолетными стволами, запаливаемыми фитилем)⁷ и даже защитным вооружением (итальянский щит с поперечным пистолетным стволом фитильного же воспламенения)⁸. Парадоксально, но самые ранние уверенно датированные колесцовые замки встречаются именно на комбинированном оружии — итальянских пистолетах-топорах, датированных ориентировочно 1515 г.⁹

Обозначив исторический контекст, сосредоточимся на заявленной теме. Насколько нам известно, комбинированное русское оружие эпохи Московского царства ранее не становилось предметом отдельного исследования. Это не удивительно, в музейных собраниях такого оружия сохранилось крайне мало, при этом предметов, которые были бы доказательно атрибутированы как изготовленные русскими мастерами, нет вообще.

Первое исследование, где было упомянуто бытовавшее в России комбинированное оружие, — «Историческое описание одежды и вооружения российских войск...» А.В. Висковатова 1841 г., где было отмечено, что «в конце XVI века или в начале XVII вошли в употребление... ручницы с топорами и пистолеты».

Ил. 1. Ружье-бердыш (Музеи Московского Кремля) и два пистолета-топорика (Музеи Московского Кремля и ВИМАИВиВС). Иллюстрация из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А.В. Висковатова 1841 г.

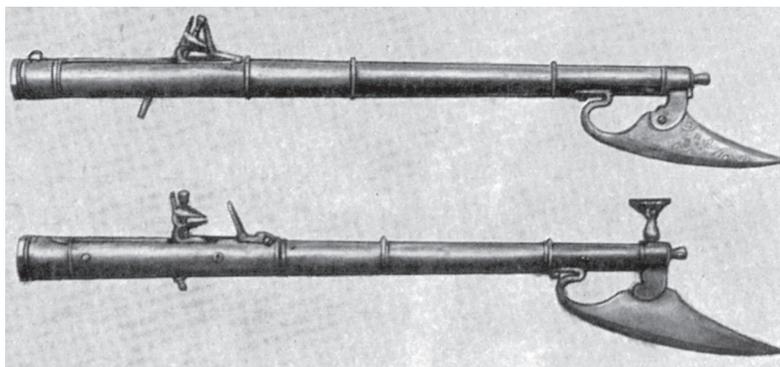
Ил. 2. Ружье-бердыш (Музеи Московского Кремля)

Ил. 3. Пистолет-топорик (Музеи Московского Кремля)

с топорками», а на иллюстрации¹⁰ были помещены изображения ружья с прямым прикладом и бердышным топором на стволе, а также двух аналогичных предметов заметно меньшего размера, причем в подписи ружье было названо не «ручницей», а «пищалью с топором» (ил. 1). Все три изображенных предмета можно соотнести с оружием из музейных собраний. Два верхних — ружье-бердыш и топорик в обухом в виде молотка — находятся в московской Оружейной палате (ил. 2, 3), а нижний топорик с обухом-чеканом (или крюком), как мы покажем ниже, наверняка был зарисован в С.-Петербурге в Артиллерийском музее.

Вообще говоря, идентификация топориков с музейными предметами не очевидна. Сложность этой атрибуции заключается в том, что в настоящий момент в Артиллерийском музее хранится два аналогичных предмета, один из которых был описан Н.Е. Бранденбургом в 1877 г.: «Железный топорик, приспособленный к огнестрельному действию: рукоятка или топориче состоит из ствола калибра 0,5 дюйма, снабженного обыкновенным ударно-кремневым замком; дуло закрывается откидной на шарнире крышкой; обух топорика представляет род молотка, сближающего это оружие с типом чеканов»¹¹. Оба топорика из Артиллерийского музея, производящие впечатление парных, были опубликованы в 1992 г. Л.К. Маковской¹² как русское оружие второй половины XVII в. (ил. 4). На первый взгляд, описанный Н.Е. Бранденбургом топорик сходен с изображенным в труде А.В. Висковатова благодаря «обуху, представляющему род

Ил. 4. Два пистолета-топорика (ВИМАИВiBC). Рисунок из Определителя Л.К. Маковской 1992 г.

молотка». Однако ряд деталей изображения 1841 г. позволяет заключить, что это все же топорик-пистолет из Оружейной палаты. Во-первых, на дуле изображенного пистолета нет откидной крышки, упомянутой Н.Е. Бранденбургом¹³ и наличествующей на обоих топориках из Артиллерийского музея, во-вторых, форма лопасти изображенного топора гораздо ближе к московскому образцу, наконец, на рисунке 1841 г. у верхнего пистолета-топора показан запоясный крюк, отсутствующий у топориков из С.-Петербурга.

Надо сказать, что за прошедшее со времени публикации А.В. Висковатова время сохранность двух предметов заметно изменилась. У кремлевского ружья была утрачена верхняя часть курка, а у пистолета-топорика из Артиллерийского музея исчез крюк или клевец, смонтированный на той же дульной обоймице, что и лопасть топора.

Ружье-бердыш¹⁴ (ил. 2, 5, 6) в инвентарной книге Музеев Московского Кремля определено как изготовленное в России в XVII в., а в Описи Оружейной палаты 1886 г. значилось как «ружье с секирою» при этом упоминалось, что помещенный в ручке курок сломан; спуск пуговкою¹⁵. Это ружье имеет тонкостенный ствол длиной 75 см и калибром 18 мм, длина ружья 137 см, общая (габаритная) длина до носка топора 161 см. Казенная часть — ствол крепится к круглой в сечении «ствольной коробке», которая образована железной прямоугольной пластиной, выполняющей функцию замочной доски и находящейся

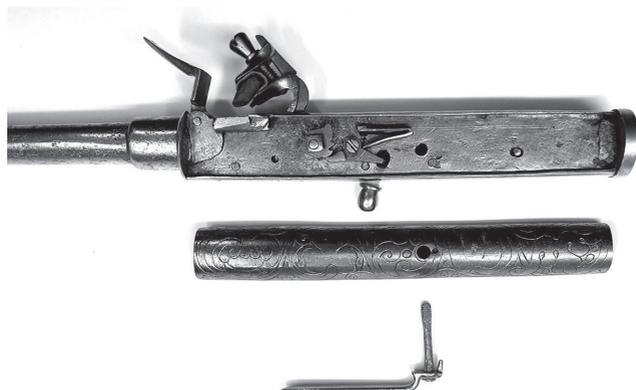

Ил. 5. Механизм воспламенения ружья-бердыша.
Вид справа. Головка курка утрачена. Железная накладка
снята (Музеи Московского Кремля)

Ил. 6. Бердышный топор на дуле ружья-бердыша.
Крюк на «обухе» утрачен (Музеи Московского Кремля)

на оси ствола; эта пластина сварена с казенным винтом, а боковые округлые накладки не несут нагрузки, крепятся к этой пластине винтами и закрывают внутренние детали замка. На правой стороне пластины закреплены курок, боевая двуперая пружина, воздействующая снизу вверх на выступ в задней части курка, огниво, совмещенное с крышкой пороховой полки, и подогнивная двуперая пружина, а также короткий спусковой крючок в виде балясины (ил. 5). На левой стороне пластины на оси курка зафиксирована лодыжка с двумя вырезами под боевой и предохранительный взвод, а также подпружиненное шептало, действующее в вертикальной плоскости, выступ которого проходит сквозь прорезь в пластине и сцепляется со спусковым крючком. Пороховая полка приварена и к пластине, и к казенному винту, а запальное отверстие, сделанное на дне полки, проходит непосредственно сквозь казенный винт. В задней части к пластине — замочной доске приварена железная втулка, служащая для крепления приклада-рукоятки. Круглый в сечении деревянный приклад фиксируется на торце железной гайкой. У дульного среза на стволе винтом зафиксирована железная втулка, составляющая единое

Ил. 7. Механизм воспламенения пистолета-топорика.
Вид слева. Железная накладка и запоясный крюк сняты
(Музеи Московского Кремля)

целое с оправой бердышного топора (ил. 6). Эта деталь сложной фигурной формы имеет продольный глубокий паз, в котором тремя винтами закреплена тыльная часть лопасти бердыша. Широкая лопасть с оттянутой в сторону казны фигурной косицей крепится к нижней части ствола винтом.

Пистолет-топорик¹⁶ из Оружейной палаты (ил. 3, 7) имеет сходную базовую конструкцию. Ствол также тонкостенный длиной 39 см и калибром 12,5 мм, общая длина до носка топора 57 см. В отличие от ружья-бердыша на дульной обоймице напротив топора укреплен железный, оттянутый в виде граненой балясины обух, заканчивающийся восьмигранным молотком, а на левой стороне рукояти винтом прикреплен запоясный крюк, который теоретически позволял подвешивать оружие на ремне дулом вниз. Кроме того, «ствольная коробка» пистолета украшена крупным гравированным орнаментом из растительных завитков, а на молотке в той же технике выполнена цветочная розетка. Механизм воспламенения заряда пистолета полностью аналогичен вышеописанному.

До недавнего времени этот пистолет-топор¹⁷ в музейной документации был определен как западноевропейский конца XVII в. В выставочных каталогах 2000-х гг. атрибуция предмета была изменена, сначала появилось предположение, что он сделан в России¹⁸, а в последней публикации атрибуция стала радикально

иной: «Россия, вторая половина XVIII в.»¹⁹. Причиной столь поздней датировки было неточное определение конструкции замка, которая была ошибочно сблизена с бокс-локом (box-lock)²⁰, появившимся в Англии в середине XVIII в.

Тем не менее, атрибуция перечисленных предметов из Оружейной палаты и Артиллерийского музея (ружья-бердыша и трех пистолетов-топориков) не была аргументирована. Так, например, мнение известнейшего оружейоведа Ю.В. Шокарева о том, что «в России... [в XVII в.] для парадных целей служили бердыши-пистолеты»²¹ мало того, что бездоказательно, но и, по сути, ошибочно, так как на момент публикации его статьи данные о существовании в России «бердышей-пистолетов» отсутствовали.

Прежде чем предоставить доказательства русского происхождения описываемого оружия и датировать его с максимальной точностью, мы дадим обзор письменных источников эпохи Московского царства, в которых упоминается комбинированное оружие. Если причислять скрытое оружие к комбинированному, то первое его упоминание можно найти в текстах Андрея Курбского. Вот описание возникшего на одном из царских пиров конфликта и его фатальных последствий: «Яко един муж храбры посреди пиру обличил его [Ивана Грозного] предо всеми, ему же было наречение Молчан Митков... он же [царь] абие возгоревся гневом великим, копьем, яже во проклятом жезле своем носяще, абие рукою своею пробил его и вне храмины лютым кремешником повелел извлещи его, едва дышуща, и добити»²². В этом отрывке Курбский рассказывает о клинке, скрытом в царском жезле (или, скорее, посохе). Здесь будет уместно упомянуть о предмете, сохранившемся до наших дней и имеющем ту же конструктивную идею. Это холодное оружие, принадлежавшее князю Василию Ивановичу Туренину-Оболенскому, — чекан со скрытым в черене кинжалом²³; деревянная рукоять обоих предметов — общая, она сочленяется с череном чекана при помощи резьбового соединения. В настоящий момент чекан датируется концом XVI — началом XVII в.; в его русском происхождении нет полной убежденности, по крайней мере, гравировка на серебряной оправе и обломок шпажного клинка, послуживший для кинжала, определенно выполнены европейскими мастерами.

Вероятно, идея использования посоха или трости в виде деревянной трубки как скрытого хранилища для того или иного

предмета была распространена довольно широко. Известно, например, что во время русско-польской войны в 1660 г. казак Микулка тайно проносил письмо, которое было «заделано в посоху», в письме сообщались важные военные данные²⁴. Среди имущества гетмана Ивана Самойловича в 1690 г. были «5 тростей, в том числе... в две тростях штыки, в одного штыка черен железной резной»²⁵. В оружейной казне Соловецкого монастыря в 1705 г. хранились «посох, в нем кинжал стальной без черена... шпага в посоху»²⁶. В 1670 г. после безвременной смерти царевича Алексея Алексеевича из числа его имущества в Оружейный приказ была выдана «в трости сделана пицаль»²⁷. Впрочем, последний предмет вряд ли можно отнести к скрытому оружию, поскольку оружейный замок, как правило, монтировался снаружи, и скрыть его было невозможно.

Собственно комбинированное вооружение в русских документах встречается не ранее второй половины XVII в. В описи оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. упоминаются «пятьдесят один топорик подорожных... один из них с пистолью и с обушком... копьё с пистолью и с крюком, ратовище вязовое с костями... плеть, столбец грановит, вместо плетовища пистоль оклеена ирхою, по концам кости говяжьей, замок русской пружины гнутые»²⁸. Последняя запись требует комментария. Мы не можем сказать наверняка, какое именно оружие было упомянуто первым, нельзя исключить, что это европейское оружие типа глефы, ронконы или даже алебарды. С другой стороны, материал древка и наличие на нем инкрустации («ратовище вязовое с костями») свидетельствуют в пользу того, что это было русское парадное оружие. Второй предмет, плеть с пистолетом, замок которого принадлежит к русскому типу, со всей очевидностью изготовлено в России русскими мастерами. Аналогичных плеток в Европе не существовало, а русский замок с двуперыми пружинами нигде, кроме России, не производился.

Эти же соображения можно отнести к следующему предмету, формально проходящему по ведомству вексиллологии. В 1685 г. в хоромы юного царя Петра Алексеевича в числе прочего оружия было принесено «древко знаменное с пистолью»²⁹. Вряд ли какие-либо части знамен ввозились в Россию из-за рубежа. В любом случае, европейское комбинированное оружие, выполнявшее функции древка знамени, неизвестно, следовательно, мы можем считать, что и этот предмет был изготовлен в России до 1685 г.

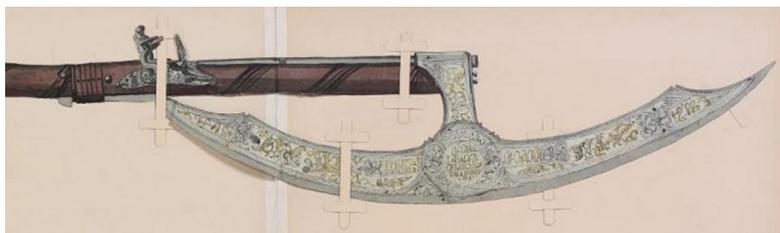
Интерес царя Петра Алексеевича к комбинированному оружию проявлялся и ранее. Осенью 1684 г. из его хором в числе прочего вооружения был возвращен «*бердыш с пищальным стволом и замком*»³⁰. Неясно, можно ли отождествить этот бердыш-ружьё с описанным выше (ил. 2), но можно предположить, что использование сугубо русской оружейной лексики для описания этого предмета («бердыш», «пищальный замок») указывает на его русское происхождение.

Возможно, в Москве были изготовлены также «обушик, что сделан с пистолью»³¹, и «бердыш с крюком и с пистолью», которые упоминались в документах Оружейной палаты зимой-весной 1683 г.³² «Обушиком», т. е., буквально «небольшим обухом» в этом документе мог быть назван как небольшой топорик, так и чекан, и даже боевой молот³³.

Комбинированное оружие было широко представлено и в арсеналах русской знати последней трети XVII в. Среди оружия воеводы Ивана Мещеринова, осаждавшего Соловецкий монастырь в 1673 г., числились: «Рогатина, а в ней сделана пищаль... пять кинжалов с стволами, а в них три крыты зеленою нерпою, черены рыбы, оправа серебряная»³⁴. Кинжалы с «рыбьими» черенами, т. е. вырезанными из моржовой кости, скорее всего, также сделаны в России, так как для подобного европейского оружия мы могли бы ожидать другой материал — слоновую кость.

В описи имущества боярина А.С. Матвеева 1677 г. имелись «пищаль ствол в посоху с замком, до казны заклеен, замок шкоцкой, ложа до казны яблоневая... копьё прорезное, оболочено красною кожею, а в нем пищал, замок немецкой»³⁵. Наиболее вероятно, что последнее комбинированное оружие являлось охотничьей рогатиной, соединенной с огнестрельным оружием, подобные копия представлены в зарубежных оружейных собраниях и в большинстве случаев они оснащены колесцовыми замками. Нельзя исключить, что это копьё позднее хранилось в Оружейной палате и числилось в ее описи 1711 г. как «копьё стрельбою, [ствол] обшит кожей, по коже травы золочены, приклад отломлен, цена 10 алтын»³⁶. Сохранность показывает, что это последнее оружие имело достаточно долгий срок службы, следовательно, также может быть датировано XVII столетием.

В собрании оружия князя В.В. Голицына, конфискованного в казну в 1689 г., имелись «Обух железной прорезной... с стрельбою, на обухе вырезана змея, ствол был воронен и золочен, замок

Ил. 8. Акварель «Бердыш-ружье» (Музеи Московского Кремля)

барабарской... Пара топорков железных в лице, один порезан травью, другой гладкой, стволы один по местам серебрен и золочен, другой золочен сплошь, огнивы... курки воронены, под спусками полоски вороненные... шонпулы железные... Пара топорков стал-ных огненные... на топорках порезаны птицы... замки бараборские»³⁷. Заметим, что первая пара топорков в этой цитате прямо не обозначена как комбинированное оружие, но упоминание характерных деталей — стволов, курков, шомполов — не оставляет сомнения в их классификационной принадлежности.

Среди оружия гетмана Ивана Самойловича помимо вышеупомянутых тростей со штыками числился «топор з пистолетом»³⁸.

Интереснейшую информацию о русском комбинированном оружии предоставляет акварель первой половины XIX в., на которой в натуральный размер изображен бердыш, древко которого является стволом ружья с замком французского типа (ил. 8)³⁹. В настоящий момент местоположение этого оружия неизвестно (скорее всего, оно безвозвратно утрачено), но его датировка XVII в. несомненна, появление подобного оружия в XVIII в. кажется немыслимым, настолько оно не соответствует вкусам и предпочтениям Петровской эпохи. Тем не менее, судя по золоченому (насеченному золотом?) орнаменту, а также надписи на лопасти топора с цитатами из Библии и именем владельца⁴⁰, это был наиболее декоративный русский бердыш из всех, о которых мы имеем какую-либо информацию.

Наконец, имеется еще одно позднее свидетельство о широком распространении в оружейных собраниях русских вельмож XVII в. комбинированного вооружения. В родовом арсенале графов Шереметевых, который был описан Э.Э. Ленцем в 1895 г., хранилось по меньшей мере четыре образца комбинированного оружия, которое датировалось XVII — началом XVIII в., причем

один из них — копьё с пистолетом — было определено как русское (к этому предмету мы вернемся ниже)⁴¹.

Приведенные данные показывают, что, во-первых, в России последней трети XVII в. комбинированное оружие было представлено в относительно большом количестве, и, во-вторых, оно изготавливалось русскими мастерами. По всей видимости, в это время в Московском царстве существовала мода на такое оружие, хотя в Европе пик интереса к комбинированному вооружению пришелся на вторую половину XVI в.

Постараемся теперь проследить судьбу двух вышеуказанных предметов из собрания Оружейной палаты. До недавнего времени оба предмета не были выявлены в музейных описях ранее 1886 г. Ружье-бердыш в Описи Оружейной палаты 1835 г. описано после турецких ружей: «Ружье, у коего вместо приклада сделана рукоять из черного дуба; замок же состоит из курка и полки, ствол круглый гладкий, вверх коего привинчен железный бердыш. Поступило в Палату в 1810 г.»⁴². Однако в Описи Санкт-Петербургской Рюсткамеры 1810 г., на которую дается ссылка, это ружье не найдено. Остается предположить, что это комбинированное оружие упоминалось в Описи Оружейной палаты 1808 г. как «бердыш железной, у коего на обухе приделан железной рог, подобно как у некоторых топоров, вместо древка ружейной ствол, обтянутый вылакированной и расписанною кожей. С стальным замком и железным шомпулом»⁴³. Обоснованность этой идентификации может быть поставлена под сомнение, так как на нынешнем ружье нет приспособлений для удержания шомпола. Разрешить этот вопрос поможет аналог нашего оружия из собрания графа Д.С. Шереметева, где имелось французское (?) охотничье копьё начала XVIII в., совмещенное с пистолетом, оснащенный батарейным замком, при этом ствол пистолета был обложен кожей, «образующей вдоль верхней части ствола складку, в которую вкладывается железный шомпол»⁴⁴. Таким образом, наиболее вероятно, что упомянутая на кремлевском ружье в 1808 г. кожа вместе с закрепленным на ней шомполом, как и смонтированный на обухе «рог», были утрачены ко времени составления новой музейной описи в 1835 г. На исходное наличие некоей детали у дула (на месте «обуха» напротив топора) намекает плоская площадка на крепежной втулке.

Ружье-бердыш с «рогом» из описи 1808 г. исходно являлось имуществом репрессированных князей Голицыных и в уже

цитированной нами описи конфискованного у них в 1689 г. оружия значится так: «Бердыш железной огненной с крюком, а в приемных книгах написан топорком, покрыт кожей красною»⁴⁵. Следовательно, мы можем ограничить верхнюю датировку этого комбинированного оружия 1680-ми гг. С другой стороны, в числе оружия, которое царь Петр Алексеевич указал привезти в село Преображенское в ноябре 1684 г., числился некий «бердыш с пищальным стволом и замком»⁴⁶, который также можно сблизить с описываемым оружием. Но и в этом случае приведенная верхняя датировка оказывается наиболее вероятной.

Исторический путь пистолета-топорика также был прослежен нами до XVII в. Чтобы не утомлять читателя цитатами из описей Оружейной палаты XVIII–XIX в., мы сразу приведем его наиболее раннее описание из Переписной книги Оружейной палаты 1687 г.: «Топорок стальной с пистолью, на конце около замка золочено, по золоту росконфарено, ствол поволочен гзом еринным, шонпол железной»⁴⁷. К сожалению, ссылка на наличие топорка в предшествующих описях Оружейной палаты не приведена. Возможно также, что самое раннее упоминание этого топорка содержится в уже цитированном нами документе 1683 г., где он именуется как «обушик, что зделан с пистолью». Обкладка из зеленой кожи («еринного гза») и шонпол наверняка были аналогичны вышеупомянутым принадлежностям ружья-бердыша. Очевидно, эти детали были утрачены в позднейшее время⁴⁸.

Конструкции ружья-бердыша и пистолета-топора, как мы указывали выше, идентичны, в них совпадает даже дополнительный узел крепления косицы топора к стволу, сходный с креплением русских бердышей, при том, что вырезной нижний край бердышной лопасти очень напоминает аналогичную деталь турецких бердышей⁴⁹. Особого внимания заслуживает конструкция замков. По формальным соображениям оба замка должны быть определены как французские или батарейные (курок можно поставить на боевой и предохранительный взвод, шептало действует в вертикальной плоскости, крышка полки совмещена с огнивом). Следовательно, эти замки не могли быть сделаны мастером русского происхождения (единственный выполненный русским мастером XVII в. французский замок установлен на знаменитом револьвере Первуши Исаева, датированном временем ок. 1625 г.⁵⁰). Однако вся сложность атрибуции описываемых предметов заключается в том, что мы не знаем

аналогов подобных механизмов воспламенения и на европейском оружии.

Практически все европейское комбинированное оружие, сделанное на базе колесцового или французского замка, имеет воспламенительные механизмы достаточно традиционной конструкции — с замочной доской, которая монтировалась на предмете снаружи, но не являлась «несущей» конструкцией оружия в целом. В нашем случае железная продольная пластина, играющая роль замочной доски, закрытая округлыми, образующими трубку накладками, является основной конструктивной деталью, воспринимающей нагрузку и ответственной за целостность оружия в целом, выполняющей функции отсутствующей ложи. Единственным европейским аналогом этого конструктивного решения могло бы быть упоминавшееся выше «копье с пистолетом» из собрания графа Д.С. Шереметева, у которого имелась «толстая железная трубка, в которой помещен механизм замка французской батарейной системы... курок вставлен в середину трубки... трубка украшена грубою резьбою, изображающей растительный орнамент, между ветками которого надпись PARIZ»⁵¹. В 1971 г. Л.И. Тарасюк не согласился с мнением Ленца, считавшего это оружие французским, выдвинул версию о том, что копье сделано в Восточной Европе, предположительно Польше, в начале XVIII в.⁵² В действительности приведенная надпись с ошибкой показывает, что ружье могло быть сделано где угодно, но только не во Франции.

На наш взгляд, место изготовления копья-пистолета — Россия. Полное отсутствие оружия подобной конструкции в европейских коллекциях при наличии пяти ее образов в российских оружейных собраниях (причем два кремлевских предмета прослеживаются в документах с последних десятилетий XVII в.) позволяет считать, что конструкция комбинированного оружия с французским замком и круглой «ствольной коробкой» была разработана в России, наверняка в Москве. Близкое конструктивное сходство копья-пистолета с предметами из Оружейной палаты, а также двумя топориками-пистолетами из Артиллерийского музея (ил. 4) говорит о том, что все эти образцы комбинированного оружия спроектированы и изготовлены одним и тем же мастером. Создателем описанной оружейной схемы мог быть только незаурядный конструктор-оружейник, великолепно знающий не только механику батарейного замка,

но и общую архитектуру огнестрельного оружия. Отметим, что изобретенная им схема появилась более чем на полвека ранее кремневого замка типа бокс-лок середины XVIII в.⁵³, с которым ее объединяет расположение курка, огнива, пороховой полки и запального отверстия в плоскости ствола и жесткое скрепление механизма воспламенения непосредственно со стволом. Также эта техническая инновация предвосхитила появление ствольной коробки, которая вплоть до настоящего времени является одним из наиболее важных конструктивных решений для стрелкового оружия.

Известно, что в Москве во второй половине XVII в. работало большое количество иноземных оружейников, как западноевропейского происхождения, так и выходцев из белорусских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского; только эти оружейники были хорошо знакомы с конструкцией замка французского типа. Подавляющее большинство этих мастеров состояло в штате Оружейной палаты, но и о других мастерах (например, работавших в Пушкарском приказе) мы можем судить по документам Оружейной палаты второй половины XVII в., где упоминалось изготовленное ими оружие.

Вряд ли автором описанной нами уникальной конструкции мог быть один из белорусских оружейников, которые практически всегда воспроизводили формы и конструкции оружия, хорошо известного в Европе. К такому оружию можно отнести «чекан с пистолью» из собрания графа Д.С. Шереметева, который Э.Э. Ленц определил как русский конца XVII в.⁵⁴, а Л.И. Тарасюк как голландский или английский 1640–1650 гг.⁵⁵ Уточним, что этот чекан (боевой молот) был полностью сделан мастерами Оружейной палаты (вероятно как коммерческая работа, а не по царскому заказу), причем его замок имеет ближайшие аналоги, выполненные «карабинным» мастером Петром Мартыновым, выходцем из Полоцка, который работал в Оружейной палате в 1660–1670-х гг.⁵⁶

Те же соображения о вторичности по отношению к европейским образцам можно отнести к работам таких мастеров Оружейной палаты, как Ганс Меер (Ганус Маер, Hans Meer), Матис Зубер (Матиас Зоммер, Matias Sommer) и даже Бартел Кинеман (Бартар Киннеман, Bartel Kineman)⁵⁷. Этих мастеров можно характеризовать как европейских оружейников хорошего среднего уровня, но не выше.

Заметно более высокий уровень и статус имели два западно-европейских мастера, которые появились в Москве в первой половине 1660-х. Эти мастера не числились в Оружейной палате, но их можно отнести к европейским знаменитостями. Первый из них — Каспар II Кальтхофф (1638–1685)⁵⁸, сын прославленного оружейника Каспара I Кальтхоффа, известного уникальными конструкциями магазинного оружия с максимально автоматизированным для своего времени механизмом перезарядки. Его отец, происходящий из известной золингенской династии оружейников Кальтхоффов⁵⁹, значительную часть своей жизни работал в Лондоне⁶⁰. Каспар II прибыл в Россию в 1664 г. в составе английского посольства, которое возглавлял Чарльз Говард граф Карляйль⁶¹, через какое-то время он вернулся в Англию (король Карл II в своих письмах к царю Алексею Михайловичу обращался с просьбой о возвращении Кальтхоффа), а ружье работы его работы с надписью «MOSCOVA 1665»⁶² является единственным вещественным свидетельством его пребывания в Москве. С нашей точки зрения, описанная выше конструкция комбинированного оружия не могла быть разработана Кальтхоффом, так как область его интересов лежала в области магазинного казнозарядного оружия, и неизвестно, удалось ли ему лично разработать какие-либо технические новшества или он всего лишь воспроизводил кинематические схемы оружия с автоматизированной системой перезарядки, разработанные его отцом. Кроме того, у него не было мотивации оставаться в Москве надолго.

Позволим себе высказать предположение, что автором рассматриваемой конструкции, изготовившим все пять указанных предметов (ружье-бердыш, три пистолета-топора и пистолет-копье), был другой оружейник мирового уровня — Андрей Нейтгарт (Андреас Нейдхарт, Andreas Neidhart). Датчанин по происхождению, Нейтгарт в 1631 г. стал оружейным мастером, работал для принца Кристиана, старшего сына короля Кристиана IV, а также основал под Копенгагеном оружейную фабрику. Нейтгарт был известен своим интересом к оружию необычных конструкций и яркими творческими находками⁶³. Так, для принца Кристиана он изготовил несколько колесцовых ружей со стволами сложной формы, например, имеющими сечение в виде сердечка или листа клевера⁶⁴. Неизвестно, каким образом Нейтгарт попал в Россию, а наиболее ранняя известная работа мастера в России — пушка, хранящаяся в Артиллерийском музее в С.-Петербурге, на которой нанесено

ANDREAS NEIDHART 1666 Mos

Ил. 9. Надпись на стволе и форма канала ствола ружья работы Андрея Нейтгарта 1666 г. Иллюстрация из Описи Московской Оружейной палаты 1886 г.

имя мастера и дата 1661⁶⁵. Первое документальное упоминание о Нейтгарте в русских документах встречается в деле о пасхальных подношениях царю 1663 г.: «Пушка о 10 винтах ядром в гривенку длиною в 2 аршина. Пушка гладкая ядром в пол 2 гривенки, длиною пол 5 аршина. Делал обе иноземец Андрис Нейтарт»⁶⁶. Вероятно, мастер состоял в штате Пушкарского приказа, а в царской оружейной казне хранились по крайней мере два ружья его работы 1666 г., оснащенные замками французского типа. Это ружье с «трехпультным» стволом, в сечении представляющим лист клевера (ил. 9)⁶⁷, и двуствольное перевертное ружье (системы вендер)⁶⁸. У Нейтгарта был сын Лаврентий — также пушечный мастер, работавший совместно с отцом, который в качестве успешного «рудознатца» дослужился до звания подполковника и находился на русской службе до начала XVIII в.⁶⁹ Вероятно, Андрей Нейтгарт стал основателем русской дворянского рода Нейтгардтов. Разнообразие интересов этого мастера, оригинальность его технических решений служат косвенным доказательством того, что он мог являться изобретателем рассматриваемой уникальной конструкции комбинированного оружия. В любом случае, из всех перечисленных иноземных мастеров, работавших в Москве, он является самым вероятным претендентом на это авторство. Крайне маловероятно, что в России второй половины XVII в. работал другой оружейный мастер столь высокого уровня, о котором мы не имели бы вообще никакой информации — ни письменных упоминаний его имени, ни работ, удивляющих конструктивной новизной и сложностью технического исполнения. Добавим, что гравированный стилизованный растительный орнамент на двух ружьях Нейтгарта и топорике-пистолете из Оружейной палаты имеет известное сходство, хотя мы не можем говорить о полном совпадении стилистики декора на всех трех предметах⁷⁰. А нанесенная на ружье надпись (ил. 9) показывает, что Нейтгарт не был гравером-виртуозом, качество гравировки среднее.

Ил. 10. Кортик-пистолет с кремневым замком типа бокс-лок и ножны (Музеи Московского Кремля)

Добавим, что в Санкт-Петербургском Артиллерийском музее помимо трех железных кованых пушек 1660-х гг., подписанных именем Нейтгарта⁷¹, имеется безымянная железная казнозарядная пушка с уникальной системой запираания ствола, которая была декорирована в Оружейной палате в 1661–1673 гг.⁷². Клиновый затвор у этого орудия выполнен в виде зубчатой рейки, которая управляется при помощи вращения рукоятки, соединенной с шестерней. Используя тот же метод включения, мы можем предположить, что и эта пушка была спроектирована и изготовлена Андреем Нейтгартом, коль скоро европейские аналоги XVI–XVII вв. не найдены, а другие работавшие в Москве в XVII в. пушечные мастера с высоким эвристическим потенциалом неизвестны.

Итак, если верно наше предположение о том, что пять указанных образцов комбинированного оружия были изготовлены в Москве Андреем Нейтгартом, мы должны несколько расширить их датировку и включить в нее 1660-е гг. Скорее всего, именно в это время в России возникает достаточно широкий интерес к комбинированному оружию, и наряду с работами европейских мастеров (выполненными как за пределами Московского

Ил. 11. Кортик-пистолет с кремневым замком типа бокс-лок. Вид слева (Музеи Московского Кремля)

царства, так и на его территории), появляется собственно русское комбинированное оружие, аналоги которого за пределами России неизвестны (вышеуказанные знаменное древко, соединенное с пистолетом, и плетка-пистолет). При этом вряд ли все перечисленное оружие имело выдающиеся функциональные качества, скорее, это были диковинки, призванные вызвать интерес, а их функциональное использование было малоэффективным в качестве как холодного, так и огнестрельного оружия.

Для сравнения приведем данные о русском комбинированном оружии XVIII в. В Музеях Московского Кремля хранятся два охотничьих кортика, совмещенных с пистолетами⁷³, которые имеют, скорее всего, тульское происхождение. Именно так определили их составители Описи Рюсткамеры 1810 г., поместив описания этих предметов последними среди тульских пистолетов и перед тульскими шпагами: «Кортик с пистолетом, полоса гладкая, прибор серебряной, ножны черныя кожаныя... Кортик таким же манером, только в медном приборе»⁷⁴ (ил. 10, 11). Тот факт, что оружие в этой описи было определено как тульское при наличии на нем надписей «LONDON», «GRIFFIN & TOW» показывает, что составители перечня 1810 г. не сомневались в подлинности надписей. Тем не менее, в настоящий момент в музейной документации эти кортики-пистолеты определяются как изготовленные в Лондоне в 1670–1690-х гг. С нашей точки зрения, оба предмета являются хорошими тульскими имитациями английского оружия, а их датировка может быть оставлена в силе, так как самое раннее воспроизведение русскими мастерами системы бокс-лок зафиксировано в 1668 г.⁷⁵ К сожалению, в XVIII в. у русских мастеров мы встречаем самую высокую степень подражательности, которую с полным основанием можно назвать подделкой.

В заключение выскажем несколько соображений о номенклатуре комбинированного оружия. Существует два способа классификации и, соответственно, наименования предметов комбинированного вооружения. В одних случаях оно классифицируется как в первую очередь огнестрельное, в других — как в первую очередь холодное оружие, так сказать, носитель вторичного огнестрельного. В большинстве случаев по своей конструкции и внешнему виду комбинированное оружие напоминает холодное. В действительности, часто оно публикуется в каталогах, посвященных холодному оружию⁷⁶. Но столь же часто — среди

огнестрельного оружия⁷⁷. В цитированном нами каталоге Н.Е. Бранденбурга 1877 г. описания комбинированного оружия, топора-пистолета и протазана, конструкция которого включает пару колесцовых пистолетов, помещены среди огнестрельного оружия⁷⁸. В то время как Э.Э. Ленц включил комбинированное оружие в группы, посвященные копьям и ударному оружию⁷⁹.

Таким образом, системы в наименованиях и классификации такого оружия нет, и, на наш взгляд, она не является необходимой. Нет и не может быть однозначного правила, устанавливающего очередность следования в названии огнестрельной или клинковой/ударной составляющей. С нашей точки зрения, названия «пистолет-топор» и «топор-пистолет» равнозначны⁸⁰. Вполне допустимо и употребление уменьшительных форм слова топор: «пистолет-топорик», «пистолет-топорок». При этом исторические аутентичные названия подобных предметов, то есть встречающиеся в документах эпохи их активного бытования, например, «копье стрельбою» или «топорок огненный», не могут быть использованы как современные термины при описании комбинированного оружия.

¹ ГОСТ Р 51888-2002. Оружие гражданское и служебное огнестрельное и газовое. Классификация. М., [2002]. С. 2.

² Устинов А.И., Портнов М.Э., Нацваладзе Ю.А. Холодное оружие. М., 1994. С. 10. По всей видимости, эти авторы относили к комбинированному оружию такое, которое нельзя классифицировать ни как короткоклинковое, ни как длиннокликовое.

³ Tarassuk Leonid, Blair Claude. The Complete Encyclopedia of Arms & Weapons. [Verona], 1986. P. 137. "Combination weapons".

⁴ Forrer Robert. Über Combinierte Waffen // Zeitschrift für Historische Waffen- und Kostümkunde. Dresden, 1909–1911. S. 98; Блэр Клод. Пистолеты мира. М., 2007. С. 9.

⁵ Тарасюк Л.И. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. Л., 1971. С. 208–211, № 506–529; Treasures from the Tower of London. An exhibition catalogue by A.V.B. Norman and G.M. Wilson. [Bradford], 1982. P. 99–100, cat. 87; Блэр Клод. Пистолеты мира. М., 2007. № 716–722.

⁶ Lewerken H.W. Kombinationswaffen des 15.–19. Jahrhunderts. Berlin, 1989. S. 259, № 120.

⁷ Сокровища Тауэра в Кремле. [Каталог выставки]. [Мюнхен], 1998. С. 44, кат. № 8.

⁸ Там же. С. 48, кат. № 10.

⁹ Brooker Robert. Landeszeughaus Graz, Austria. Radschloss Sammlung / Wheellock collection. [Hong Kong], 2007. P. 35.

- ¹⁰ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1841. Ч. 1. С. 74. Табл. 86.
- ¹¹ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Часть I. СПб., 1877. С. 268, № 259.
- ¹² Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV – XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 54, 148, рис. 117.
- ¹³ Строго говоря, у второго пистолета-топорика на изображении 1841 г. такой крышки также нет, в то время как на фотографии 1992 г. обе крышки присутствуют.
- ¹⁴ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-5013.
- ¹⁵ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 7512.
- ¹⁶ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-2687.
- ¹⁷ В музейной описи 1886 г. это оружие значилось как «пистолет-запоясник с скирою... ложа и ручки железные, замок нового образца». См.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. № 8320.
- ¹⁸ Левыкин А.К., Чубинский А.Н. Старинное огнестрельное оружие. [Каталог выставки]. М., 2007. С. 12.
- ¹⁹ Чубинский А.Н. Из собрания Музеев Московского Кремля. Каталог выставки. Самара, 2011. Кат. № 67.
- ²⁰ В русскоязычной литературе эта конструкция иногда носит название «коробчатый замок».
- ²¹ Шокарев Ю.В. Стреляющие диковинки // Огнестрельное оружие. Самые красивые и знаменитые. М., [2007]. С. 122.
- ²² Андрей Курбский. История о великом князе московском. Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1914. Т. 31. Ст. 350.
- ²³ Древности Российского государства 1853. С. 68. Альбом. Рис. 75; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. № 5245. Оружие выставлено в постоянной экспозиции Оружейной палаты, однако, в «собранном» состоянии: кинжал не извлечен из черена.
- ²⁴ Акты Московского Государства (АМГ). СПб., 1911. Т. 3. С. 168, 169.
- ²⁵ Опись движимого имущества, принадлежавшего малороссийскому гетману Ивану Самойловичу и его сыновьям Григорию и Якову // РИБ. Т. 8. 1884. С. 1149.
- ²⁶ Книга описная Соловецкого монастыря и монастырской вотчины. 1705 г. Отдел рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля (ОРПГФ). Рук. 1404. Л. 292 об.
- ²⁷ Виктор А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1. М., 1877. С. 206.
- ²⁸ Савваитов П.И. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря, по описным книгам 1668 года. СПб., 1851. С. 42, 43.
- ²⁹ Записи о приеме и раздаче оружия и других предметов Оружейной палатой. 1683–1688. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 396. Оп. 1. Ч. 50. Д. 52127. Л. 21.
- ³⁰ Об отвозе в село Преображенское к государю Петру Алексеевичу из Оружейной палаты всяких оружейных вещей. 22 ноября 1684. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 22872. Л. 1. Этот документ был опубликован Г.В. Есиповым. См.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 1. С. 52.

- ³¹ Тетрадь записная что взято на двор оружейничего Большого Шереметева ратной сбруи с 24 июля 190-го года по 6 июля 193-го года. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 37375. Л. 5.
- ³² Записи о приеме и раздаче оружия и других предметов Оружейной палатой. 1683–1688. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1 ч. 50. Д. 52127. Л. 20.
- ³³ Нельзя полностью исключить, что это оружие позднее оказалось в родовом арсенале графов Шереметевых и в 1895 г. было опубликовано в известной работе Э.Э. Ленца. См.: Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметева. СПб., 1895. С. 89, 90, кат. № 396, 397, 398.
- ³⁴ Книги переписные... что взято из лодьи у Ивана Мещеринова. 1676. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 561. Л. 30 об.–31.
- ³⁵ Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). Кн. 2. М., 1900. Часть V. С. 14, 15.
- ³⁶ Опись Оружейной палаты, составленная в 1711 г. стольником Матвеем Головиным. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 939. Л. 1–449. Л. 438.
- ³⁷ Опись имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. РГАДА Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 36 об., 37, 37 об.
- ³⁸ Опись движимого имущества, принадлежавшего малороссийскому гетману Ивану Самойловичу и его сыновьям Григорию и Якову // РИБ. Т. 8. 1884. С. 1197.
- ³⁹ Богатская И.А. «Российские древности» в произведениях графики первой половины XIX века. М., 2014. Т. 1. С. 363, № 431. Автор выражает благодарность хранителю Ирине Андреевне Богатской за возможность знакомства с изображением.
- ⁴⁰ См.: Чубинский А.Н. Предметы вооружения, утраченные Оружейной палатой в XVII–XIX вв. Утраты мнимые и действительные // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. Часть V. СПб., 2016. С. 346, 347. Наше предположение о том, что этот топор мог происходить из собрания оружия князей Голицыных, по всей видимости, оказалось ложным.
- ⁴¹ Ленц Э. Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметева. СПб., 1895. С. 84, кат. № 371; С. 89, 90, кат. № 396, 397, 398.
- ⁴² Опись Вещам Московской Оружейной Палаты, составленная помощниками Директора Павлом Евреиновым и Василием Карцовым в 1835 году. Часть пятая. Огнестрельное оружие. ОРПГФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. № 7045.
- ⁴³ Опись вещам Мастерской и Оружейной палаты, по высочайшему повелению составленная в 1808 году. Часть четвертая. Книга вторая. РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4009. № 4768.
- ⁴⁴ Ленц Э. Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметева. С. 84, № 371.
- ⁴⁵ Опись имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. Л. 38 об.
- ⁴⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Подг. Г.В. Есипов. М., 1872. Т. 1. С. 52.
- ⁴⁷ Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 137. Описан в числе топоров.
- ⁴⁸ В описи Оружейной палаты 1808 г. шомпол на топорке уже не числится, но зеленая кожаная обложка еще есть. См.: Описание вещам Мастерской и Оружейной палаты, по высочайшему повелению составленная в 1808 году. № 6462.

⁴⁹ Это наше наблюдение не может быть подтверждено ссылками на опубликованные турецкие бердыши, поскольку в музейных собраниях таковые чаще всего хранятся в фондах и атрибутируются как русские.

⁵⁰ Чубинский А.Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI – начала XVIII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. IV. СПб, 2014. С. 419.

⁵¹ Ленц Э. Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметева. С. 84, № 371. Нельзя исключить, что именно это копьё значилось в выше цитированной Описи Оружейной палаты 1711 г. как «копьё стрельбою». См. сноску 36.

⁵² Тарасюк Л. И. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. С. 211, № 529.

⁵³ Tarassuk Leonid, Blair Claude. The Complete Encyclopedia of Arms & Weapons. P. 101, “Box lock”.

⁵⁴ Ленц Э. Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметева. С. 90, кат. № 398. Табл. X.

⁵⁵ Тарасюк Л. И. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. С. 210, № 519, 521.

⁵⁶ См.: Чубинский А.Н. Русское огнестрельное оружие и снаряжение XVI – начала XVIII в. Каталог собрания [в печати].

⁵⁷ Яблонская Е.Я., Орленко С.П. Западноевропейские оружейники в Оружейной палате XVII века // Материалы и исследования Музеев Московского Кремля. М., 2018. С. 79–96.

⁵⁸ Heer E. Der Neue Stockel. B. 1. S. 609.

⁵⁹ Hayward J.F. The Art of the Gunmaker. Vol. I. London, 1965. P. 190.

⁶⁰ Blackmore H.L. A Dictionary of London Gunmakers 1350–1850. Oxford, 1986. P. 125.

⁶¹ Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека. Учено-литературный журнал. 1879. № 5. [СПб.]. С. 39.

⁶² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. № 7538.

⁶³ Heer E. Der Neue Stockel. Bande 2. S. 863.

⁶⁴ Hayward J.F. The Art of the Gunmaker. Vol. I–II. London, 1965. P. 261.

⁶⁵ Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 164, кат. № 301.

⁶⁶ Роспись оружию и мастеровым людям, которое делано в Оружейном приказе в поднос царю Алексею Михайловичу к празднику Светлой недели. 1663. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8725. Л. 2.

⁶⁷ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. № 7550.

⁶⁸ Там же. № 7523. Обоснование атрибуции этого ружья см.: Чубинский А.Н. Русское огнестрельное оружие и снаряжение XVI – начала XVIII в. Каталог собрания [в печати].

⁶⁹ Трухин В.И. О «бедном» Нейдгарте замолвите слово // Родина. 2012. № 12. С. 48.

⁷⁰ Строго говоря, гравировка на двух ружьях, определенно сделанных Нейтгартом в 1666 г., также не может быть точно определена как выполненная одним и тем же мастером.

⁷¹ Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Кат. № 301, 306, 308.

⁷² Там же. С. 163, 164, кат. № 300.

⁷³ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-4238, Ор-4239.

⁷⁴ Реестр оружия, принятого в 1810 г. т.с. А.Н. Олениным от с.с. К.Ф. Литке. РГАДА. Ф. 369. Оп. 2. Ч. 3. Д. 1258. Л. 116, № 34, 35.

⁷⁵ Тульская художественная сталь XVIII–XIX вв. [Каталог выставки]. М., 2015. С. 136, 137, кат. № 25.

⁷⁶ См. например: Kölling Hartmut, Müller Heinrich. Europäische Hieb- und Stichwaffen. [Berlin, 1981]. S. 272, № 306; S. 276, № 312. Два немецких топорика с колесцовыми пистолетами первой половины XVII в. и 1560 г.

⁷⁷ Именно так были опубликованы два немецких пистолета-топора 1574 и 1575 гг. в издании Schöbel Johannes. Prunkwaffen. Waffen und Rustungen aus dem Historischen Museum Dresden. [Berlin, 1981]. S. 199–201, № 145, 146.

⁷⁸ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. С. 268. № 259, 260.

⁷⁹ Ленц Э. Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметева. С. 84, 89, 90. Табл. X.

⁸⁰ К спорным случаям при научном описании оружия относятся такие, когда название не соответствует очередности перечисления деталей оружия в тексте, например, текстовое описание «кортика-пистолета» начинается с описания ствола и замка, а не клинка и эфеса.

Р.Н. Чумак (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАВОДА — ИЗГОТОВИТЕЛЯ ОБРАЗЦА АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ ПО ЗАВОДСКОМУ УСЛОВНОМУ КЛЕЙМУ НА НЕМ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ИЗГОТОВЛЕНИЯ образца вооружения является важной частью работы по его атрибуции. Источником информации о предприятии — изготовителе оружия обычно являются клейма на нем в виде надписей или опознавательных знаков. Названия опознавательных знаков предприятий-изготовителей на вооружении несколько раз изменялись. В разных источниках (заводские документы, чертежи основного производства оружия, ремонтные чертежи, паспорта и формуляры и т. д.) можно обнаружить несколько вариантов таких названий: марка завода (заводская марка); клеймо завода (заводское клеймо); товарный (торговый) знак; логотип.

В зарубежной оружейведческой литературе существует немало источников, содержащих подтвержденные изображения знаков заводов — изготовителей вооружения, с помощью которых можно провести эту часть его атрибуции. Применительно к вооружению, изготовленному в России до 1917 г., проблемы определения предприятия-изготовителя практически не существует, так как количество оружейных и орудийных заводов было незначительным, обозначения, указывающие на изготовление оружия на конкретном заводе, имели вид полных названий, понятных аббревиатур, а также символьных знаков, значение которых давно и достоверно определено. В то же время источники, позволяющие определить место изготовления оружия в СССР с 1917 по 1945 г., т. е. в период бурного развития в нашей стране оборонной промышленности и создания большого

числа заводов — изготовителей артиллерийского вооружения, в настоящее время отсутствуют. Данная статья имеет целью осветить этот вопрос, что позволит исследователям темы максимально корректно проводить атрибуцию образца артиллерийского вооружения.

1. Краткая историческая справка о деятельности отечественной артиллерийской промышленности в XVIII–XX вв.

Для наиболее полного понимания проблематики вопроса следует кратко обратиться к истории артиллерийской промышленности в России, начиная с XVIII в., т. е. того периода, когда она сформировалась как самостоятельная отрасль военной промышленности. К концу этого периода изготовление стволов артиллерийских орудий в промышленных масштабах осуществляли следующие предприятия: Каменский (Каменск-Уральский) чугунно-литейный завод (основан в 1701 г.); Александровский пушечно-литейный завод (основан в 1703 г. как Ново-Петровский железный, затем стал называться Олонецким железодельным и пушечно-литейным заводом); Санкт-Петербургский арсенал 1 разряда (основан в 1714 г.); Ижорский Адмиралтейский завод (основан в 1722 г.); Сысертский железодельный завод (основан в 1732 г.); Брянский арсенал 1 разряда (основан в 1783 г.); Луганский литейный завод (основан в 1795 г.). Перечисленные заводы изготавливали достаточно широкую номенклатуру стволов артиллерийских орудий из бронзы и чугуна для армии и флота.

Развитие артиллерийского производства неразрывно связано с совершенствованием конструкции самих артиллерийских орудий. Начало XIX в. ознаменовалось введением на вооружение Русской армии стандартизованных по ряду параметров артиллерийских орудий, объединенных понятием «система артиллерии». В XIX в. на вооружение Русской армии были приняты четыре системы артиллерийских орудий: обр. 1805 г.; обр. 1838 г.; обр. 1867 г.; обр. 1877 г.

На протяжении почти всего XIX в. изготовлением артиллерийских орудий этих систем (в первую очередь — отливкой стволов или их заготовок) занимались предприятия: Санкт-Петербургский арсенал; Брянский арсенал; Казанский арсенал;

Киевский арсенал; Ижорский Адмиралтейский завод; Князе-Михайловская сталепушечная фабрика (г. Златоуст, основана в 1859 г.); Каменский чугунно-литейный завод; Обуховский сталелитейный завод (г. С.-Петербург, основан в 1863 г.); Пермский чугунопушечный и сталепушечный завод (основаны в 1863 и 1864 гг., в 1891 г. объединены в единый Пермский пушечный завод); Александровский сталелитейный завод; Луганский литейный завод.

На литье стволов орудий из чугуна вплоть до 1860-х гг. специализировались Луганский литейный и Александровский сталелитейный заводы. С 1860-х гг. к ним присоединились Пермские сталепушечные и чугунопушечные заводы, а также Князе-Михайловская фабрика.

В 1880-х гг. начался процесс реорганизации оружейного производства, в ходе которого сформировавшаяся структура комплекса предприятий, изготавливавших артиллерийские орудия, изменилась. В 1881 г. Александровский завод перешел в разряд снарядоделательных, но изготовление на нем артиллерийских орудий осуществлялось вплоть до 1890-х гг. В промежутке между 1875 и 1891 г. прекратилось производство орудий на Брянском арсенале, который стал специализироваться на изготовлении оружейных лафетов и другого имущества.

В начале XX в., т. е. в период, когда в России были разработаны достаточно совершенные скорострельные образцы артиллерии, а также в годы Первой мировой войны изготовлением полевых орудий занимались заводы: Петербургский (с августа 1914 г. — Петроградский) оружейный¹, состоявший в управлении Военного ведомства; Обуховский сталелитейный, состоявший в управлении Морского ведомства; Пермский пушечный, состоявший в управлении Горного ведомства; Путиловский, частный, акционерного общества; «Царицынская группа заводов» с 1916 г. (Петроградский металлический и Коломенский машиностроительный — лафеты, Сормовский паровозостроительный — стволы и завод Лесснера — затворы).

Изготовление крупнокалиберных морских, береговых и крепостных орудий до и во время Первой мировой войны осуществлялось на Обуховском, Путиловском и Пермском заводах. Кроме специализированных предприятий, к производству артиллерийского вооружения (в основном бомбометов) привлекались частные заводы гражданской промышленности: Ижорский,

Петроградский металлический, Невский судостроительный, Полостровский механический и др.

После Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны произошло резкое сокращение артиллерийского производства в России. Часть предприятий подверглась эвакуации в безопасные районы страны (Петроградский оружейный завод частично эвакуирован в Нижний Новгород и в д. Подлипки Московской губернии), и на новых местах только осваивали производство продукции. В указанный период продолжили производство артиллерийских орудий Обуховский и Пермский оружейные заводы.

Следующий этап развития отечественной артиллерии наступил во второй половине 1920-х гг., когда в СССР началась разработка следующего поколения артиллерийских орудий с учетом опыта, полученного в ходе Первой мировой и Гражданской войн. В итоге этой работы на вооружение РККА поступило пять новых образцов орудий. Следующим этапом работы по созданию артиллерии Красной армии стало принятие в августе 1933 г. «Системы артиллерийского вооружения на вторую пятилетку» (1933–1937 гг.). В рамках этой системы были разработаны и приняты на вооружение шесть моделей артиллерийских орудий.

Задачи, поставленные перед артиллерией растущей Красной армии, требовали быстрого насыщения войск артиллерией, для чего нужно было резко увеличить объем производства орудий. Для этого в СССР строились новые артиллерийские заводы и отдельные артиллерийские производства, а оружейные заводы, существующие с дореволюционного времени, расширялись и модернизировались. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. и, частично, — в 1940 г. артиллерийские заводы получили учетные номера². Вновь создаваемые заводы получали такие номера сразу после начала формирования. К 1940 г. группа артиллерийских заводов Народного комиссариата вооружения (НКВ) имела следующий состав: № 4 (Коломна); № 7 (Ленинград); № 8 (Подлипки); № 13 (Брянск); № 92 (Горький); № 172 (Пермь); № 221 (Сталинград); № 232 (Ленинград); № 235 (Воткинск); № 352 (Новочеркасск); № 371 ЛМЗ (Ленинград); № 393 (Киев); артиллерийское производство на базе Уральского завода тяжелого машиностроения «Уралмаш» (Свердловск). Три завода занимались изготовлением орудий морской артиллерии: № 232 («Большевик») выпускал морские орудия и лейнеры разных

систем и калибров; № 221 («Баррикады») – стволы (трубы) и лейнеры 100, 102, 130 и 305-мм калибра; Ленинградский металлический завод № 371 им. Сталина (ЛМЗ) – морские башенные установки.

Артиллерийские орудия и некоторые их части выпускали артиллерийские производства в составе машиностроительных заводов, находящихся в ведении других наркоматов: Кировский завод (Ленинград) – Народного комиссариата среднего машиностроения (НКСМ); Новокраматорский машиностроительный завод (НКМЗ, Краматорск) – Народного комиссариата тяжелого машиностроения (НКТМ); Брянский паровозостроительный завод «Красный Профинтерн» – НКТМ; завод «Ростсельмаш» (Ростов-на-Дону) – Народного комиссариата общего машиностроения (НКОМ); Уралвагонзавод (Нижний Тагил) – НКСМ.

В ходе начавшейся в июне 1941 г. Великой Отечественной войны состав группы артиллерийских заводов претерпел изменения. В 1941–1942 гг. ряд заводов целиком или отдельными производствами эвакуировался на безопасные площадки в глубине страны: № 4 – в 1941 г. в Красноярск на базу завода № 586 НКВ; № 7 – в 1941 г. в Красноярск на базу завода № 4 НКВ и Омск на базу завода им. Куйбышева и завода им. Коминтерна и в др. города;³ № 8 – в 1941 г. в Воткинск на базу завода № 235 НКВ и в Свердловск на базу артиллерийского производства УЗТМ «Уралмаш»; № 13 – в 1941 г. в Мытищи на базу строящегося завода № 592 и в Усть-Катав на базу машиностроительного завода НКТМ; № 221 – в 1942 г. на ст. Юрга Новосибирской области на базу строящегося завода № 7 5 НКВ (стройплощадка «Т»); № 232 – в 1941 г. в Сталинград на базу завода № 221 НКВ и на ст. Юрга (на стройплощадку «Т»); № 352 – в 1941 г. в Сталинград на базу завода № 221 и Воткинск на базу завода № 235; № 393 – в 1941 г. в Воткинск на базу завода № 235; НКМЗ – в 1941 г. на ст. Юрга (на стройплощадку «Т»).

В декабре 1941 г. в системе НКВ действовали орудийные заводы: № 4 (Красноярск); № 7 (Ленинград); № 8 (Свердловск); № 13 (Усть-Катав); № 92 (Горький); № 106 (Хабаровск); № 172 (Молотов); № 221 (Сталинград); № 232 (Ленинград); № 235 (Воткинск); № 371 (Ленинград); № 592 (Мытищи). Во время войны начали работу новые артиллерийские заводы (стройплощадка «Т», с 1943 г. – завод № 75, г. Юрга), а также произошло перепрофилирование на выпуск орудий и минометов

артиллерийских ремонтных заводов, ранее их не выпускавших (завод № 106 НКВ, Хабаровск).

После завершения критических этапов борьбы за районы размещения ранее эвакуированных артиллерийских заводов (с 1943 г.) началась частичная реэвакуация этих предприятий на прежние площадки (ленинградские заводы, завод № 221). В ряде случаев вместо реэвакуации произошла организация новых артиллерийских производств на прежних площадках⁴, а также выделение несамостоятельных артиллерийских производств в отдельные предприятия⁵, слияние и разделение некоторых заводов. В конце войны группа артиллерийских заводов НКВ имела следующий состав: № 4 (Красноярск); № 8 и № 9 (Свердловск); № 13 (Усть-Катав); № 75 (Юрга); № 88 (Подлипки); № 92 (Горький); № 106 (Хабаровск); № 172 (Молотов); № 221 (Сталинград); № 235 (Воткинск); № 535 (Тула).

Производство минометов разных калибров в довоенный период (с 1939 г.) было организовано как на заводах НКВ (№ 7, № 13, № 393), так и на предприятиях других наркоматов («Лентекстильмаш» НКМ (Ленинград); «Красный Октябрь» (Харьков)). Изготовление минометов на указанных заводах осуществлялось в широкой кооперации с другими предприятиями, поставлявшими готовые отдельные части и заготовки. В годы войны выпуск минометов, в силу относительной несложности их конструкции, осуществлялся множеством предприятий — как специализированных НКМВ, так и гражданского профиля. По мере приближения конца войны количество заводов, выпускавших минометы, уменьшалось. В середине 1945 г. в числе предприятий, осуществлявших выпуск 120-мм минометов, остались только заводы Народного комиссариата минометного вооружения (НКМВ): № 718 (Горький), № 720 и № 746 (Москва), а также завод им. Куйбышева НКТМ (Иркутск).

Производство боевых машин реактивной артиллерии (БМ РСЗО) накануне войны было организовано на заводе № 723 им. Коминтерна НКМВ (Воронеж). С началом войны к изготовлению БМ РСЗО подключились заводы НКМВ: № 733 (бывший «Компрессор», Москва); № 751 им. Карла Маркса (Ленинград).

После окончания Великой Отечественной войны произошло резкое сокращение потребностей армии в артиллерийском вооружении. Ввиду этого обстоятельства значительное количество артиллерийских заводов было ликвидировано или

перепрофилировано. В 1945–1960 гг. прекратили выпуск артиллерийские заводы № 4; 8; 13; 88; 106; 235. Продолжили выпускать артиллерийское вооружение заводы НКВ: № 7; 9; 75; 92; 172; 221; 232.

В приведенном выше составе группа артиллерийских заводов функционировала до 1991 г. По состоянию на 1991 г. заводы, специализировавшиеся на изготовлении артиллерийского вооружения или выпускавшие его отдельные номенклатуры, имели следующие обозначения: бывший завод № 7 (Ленинград) – ПО «Арсенал» им. М.В. Фрунзе Министерства оборонной промышленности (МОП); бывший завод № 9 (Свердловск) – ПО «Уралмаш» Министерства тяжелого машиностроения (МТМ); бывший завод № 75 (Юрга) – Юргинский машиностроительный завод МОП; бывший завод № 92 (Горький) – Горьковский машиностроительный завод; бывший завод № 172 (Пермь) – Пермский машиностроительный завод им. Ленина МОП; бывший завод № 221 (Волгоград) – ПО «Баррикады» МОП; бывший завод № 232 (Ленинград) – завод «Большевик» МОП.

2. Заводские условные знаки на артиллерийских орудиях

Общие положения

Разного рода заводские обозначения наносились на артиллерийские орудия практически одновременно с появлением этой разновидности вооружения. Целью их нанесения на вооружение является донесение до пользователей определенных сведений об изделии и его изготовителе, необходимых для его корректной эксплуатации и обоснованного предъявления рекламаций в случае обнаружения дефектов или поломок.

2.1. Заводские условные знаки на артиллерийских орудиях до 1805 г.

Надписи на стволах орудий, которые содержат в себе сведения об их происхождении и некоторых технических характеристиках и могут считаться прототипами современных заводских надписей (заводских клейм, заводских условных знаков, товарных знаков), обнаруживаются на орудийных стволах, изготовленных еще в XVII в. В единую систему заводские обозначения на стволах артиллерийских орудий в России были приведены

во второй половине XVIII в. Для обозначения места изготовления ствола в большинстве случаев использовалось название города, в котором располагался завод, при этом в надписи часто использовались латинские буквы: «OLONЕЗ» (Олонецкий пушечно-литейный завод); «WORONEZ» (неустановленный производитель в Воронеже); «SIBIR : KB» (неустановленный производитель на территории Сибири); «ВЪ СЫСЕРСКОМЪ ЗАВОДЕ» (Сысертский железодельный завод). На государственных арсеналах была принята аналогичная система обозначения места изготовления стволов, но в надписи использовались буквы русского алфавита: «САНКТЪПЕТЕРБУРГЪ» (Санкт-Петербургский арсенал); «БРЯНСКЪ» (Брянский арсенал). Надписи, как правило, имели вид выпуклых букв и наносились на верхней поверхности средней или казенной части ствола.

2.2. Заводские условные знаки на артиллерийских орудиях обр. 1805 г.

Артиллерия обр. 1805 г. получила цельную и достаточно строгую систему заводской маркировки. Предусмотренный в данной системе принцип обозначения предприятия — изготовителя ствола остался прежним: в виде надписи на поверхности ствола: «САНКТЪПЕТЕРБУРГЪ» — на Санкт-Петербургском арсенале; «БРЯНСКЪ» — на Брянском арсенале; «КИЕВЪ» — на Киевском арсенале; «ЛИТА ВЪ КАЗАНИ» — на Казанском арсенале; «ИЖОР. АДМИ: ЗАВОД»; «И.А.З.» — на Ижорском адмиралтейском заводе. Изменению подвергся способ нанесения букв надписи: вместо объемного литья (выпуклые буквы) применена гравировка по изначально гладкой поверхности ствола.

Стволы орудий, изготовленные на Александровском заводе (чугунные), имели собственную, заметно отличающуюся от принятой на других заводах и арсеналах систему размещения заводской маркировки, большинство знаков которой размещались на торцах цапф. Такую же схему размещения знаков надписи имели стволы орудий, изготовленные на Киевском арсенале.

Лафеты артиллерийских орудий и зарядные ящики (повозки) тоже несли на себе маркировку производителя и другие знаки. На левой стороне деревянного лафета одного из орудий обр. 1805 г. перед цапфенной обоймой обнаружена надпись: «СП : Арс», «СПА 1862. № 4», что означает изготовление лафета

на Санкт-Петербургском арсенале в 1862 г. и имеет серийный номер 4. На другом лафете орудия этой же системы обнаружена надпись: «БА 1845», из которой следует, что данный лафет был изготовлен на Брянском арсенале в 1845 г. Аналогичные знаки, свидетельствующие об изготовлении лафетов и других частей орудий на арсеналах, наносились на предметы артиллерии, изготовлявавшихся по заказам ГАУ до начала 1917 г. включительно⁶.

2.3. Заводские условные знаки на артиллерийских орудиях обр.1838 г.

Система заводской маркировки на артиллерийских орудиях обр. 1838 г, по сравнению с предыдущей, приобрела более упорядоченный и унифицированный характер. Принцип обозначения предприятия – изготовителя ствола и место расположения этого обозначения на орудии не изменились. Орудия, изготовленные на Александровском заводе, сохранили собственную схему заводской маркировки с размещением значительного числа ее элементов на торцах цапф ствола.

2.4. Заводские условные знаки на артиллерийских орудиях обр. 1867 г.

Система орудий обр. 1867 г. в техническом плане кардинально отличалась от всех прежних. Стволы все еще отливались из бронзы или чугуна, но уже имели нарезной канал, зарядание осуществлялось с казны. Но, несмотря на очень существенные изменения в конструкции орудий, места расположения и способ нанесения заводских обозначений на них не изменились. Обозначение представляло собой, как и прежде, название города, где размещался завод (арсенал), изготовивший ствол.

2.5. Заводские условные знаки на артиллерийских орудиях обр. 1877 г.

Орудия системы 1877 г. в конструктивном плане были, в целом, аналогичны орудиям системы 1867 г., отличаясь, в первую очередь, материалом стволов: в данном случае они изготавливались из стали и скреплялись кольцами. Лафеты изготавливались из железа. Структура заводских обозначений на орудиях системы 1877 г., места расположения знаков заводов-изготовителей изменений не претерпели.

2.6. Заводские условные знаки на артиллерийских орудиях, изготавливавшихся в период с 1890 по 1918 г.

Большинство действовавших в конце XIX — начале XX в. предприятий, изготавливавших артиллерийские орудия, не имели специальных символьных заводских условных знаков. Для указания на место изготовления орудий на их определенные части наносились надписи, содержащие название завода, иногда в сокращенной форме или в виде аббревиатуры. Произошедшее в 1914 г. изменение названия столицы Российской империи с Санкт-Петербурга на Петроград отразилось и на заводских надписях, наносимых на выпускаемых петербургскими заводами артиллерийских орудиях: заводы, имевшие в составе надписи прежнее название города в той или иной форме, заменили его на «Петроградъ» или производные от этого слова. Знаки заводской маркировки располагались, как правило, единой группой на верхней поверхности ствола ближе к его казенной части. У некоторых орудий (76-мм горная пушка обр. 1904 г.) заводская маркировка находится на табличке, закрепленной на верхней поверхности хоботовой части лафета. У крупнокалиберных орудий морской артиллерии этого периода знаки заводской маркировки располагались в большинстве случаев на казенном срезе ствола.

Самый ранний образец символьного условного знака завода по производству артиллерийских орудий обнаружен на 3-дм опытной скорострельной полевой пушке, изготовленной на Александровском заводе в 1889 г. Символьные заводские знаки на предприятиях по производству вооружения получили распространение в годы Первой мировой войны. Автором обнаружено несколько образцов таких знаков предприятий гражданской промышленности, изготавливавших в годы Первой мировой войны артиллерийское вооружение: Ижорский завод (на 20-мм бомбомете Лихонина); Балтийский судостроительный и механический завод (на 90-мм бомбомете FR); Петроградский металлический завод (на 6-дм окопной мортире). Заводы, не имевшие символьных знаков, наносили на изготавливаемое ими вооружение свое полное или сокращенное название — непосредственно на его части или на специальную табличку.

В тот же период на ряде заводов применялись заводские условные знаки в виде заглавных букв названий заводов: Ижорского

завода – буквы «И.З.» (на бомбомете 1917 г/в); Обуховского завода – буквы «О.З.» (на 6-дм нарезном бомбомете 1915 г/в).

2.7. Знаки принадлежности орудий к морской артиллерии

Артиллерийские орудия, предназначенные для использования в качестве корабельных или береговых, в составе заводской маркировки обычно имели особые знаки принадлежности к данной группе вооружения. Первый образец такого знака обнаружен автором на стволе 24-фт. корабельной пушки, отлитой в 1784 г. Знак представляет собой выпуклое изображение якоря, нанесенное на верхнюю поверхность казенной части ствола. Аналогичные знаки в виде якоря обнаружены на стволах других корабельных орудий, принятых на вооружение в 1808 и в 1838 гг. В более поздних системах морских артиллерийских орудий их принадлежность к данной группе вооружения стала обозначаться знаком, состоящим из сочетания двух букв «М.А.», т. е. «Морская артиллерия». Первый образец такого знака обнаружен автором на цапфе ствола 8-фт. единорога обр. 1780 г., отлитого на Ижорском Адмиралтейском заводе в 1810 г. На этом единороге знак принадлежности к морским орудиям был комбинированным: в нем присутствовал как якорь, так и располагавшиеся по обеим сторонам от него буквы «М» и «А». Данный вариант знака можно считать переходным, он использовался, как минимум, до начала 1840-х гг. В дальнейшем (по наблюдениям автора, с 1858 г.) в обозначении орудий морской артиллерии – как корабельных, так и береговых – присутствовали только буквы «М.А.». Этот знак наносился на верхнюю поверхность казенной части орудийных стволов, на заднюю вертикальную стенку казенника или на казенный срез ствола. Способ маркировки морской артиллерии буквами «М.А.» использовался и в СССР, как минимум, до 1950 г. включительно.

2.8. Знаки принадлежности орудий к сухопутной артиллерии

Артиллерийские орудия, предназначенные для использования в сухопутных крепостях, как минимум, с 1810-х гг., в составе заводской надписи имели специальный знак принадлежности к группе вооружения сухопутной артиллерии. Знак представлял собой аббревиатуру из двух букв «С.А.», расшифровывающуюся как «Сухопутная артиллерия». Этот знак наносился на казенную часть ствола орудия. У дульнозарядных орудий, изготовленных

на Александровском заводе, знак принадлежности к сухопутной артиллерии располагался на скате казенной части ствола или на торце одной из цапф. Описанный способ маркировки сухопутной артиллерии использовался до 1917 г. Орудий со знаком «С.А.» выпущенных в советский период, автором не выявлено.

2.9. Заводские условные знаки на артиллерийских орудиях, изготавливавшихся в период с 1918 по 1944 г.

На подавляющем числе орудий, разработанных в указанный период, заводская маркировка располагалась на стволе, чаще всего — на его верхней поверхности перед казенником. Вторым по распространенности местом нанесения заводской маркировки являлся казенник. Знаки на нем могли располагаться с разных сторон: сверху, сзади, справа.

Еще одним достаточно распространенным местом нанесения заводской маркировки на орудиях являются заводские таблички. Такие таблички устанавливались в определенных местах орудия, они представляют собой металлические пластины прямоугольной формы, на которые наносились следующие сведения: заводской условный знак, индекс ГРАУ (ГАУ) или наименование орудия, серийный номер, год выпуска. Интересной и редко встречающейся разновидностью заводского условного знака, применявшейся на заводских табличках, является цепь из уменьшенных изображений заводских знаков, соединенных в единую геометрическую фигуру или отдельных, нанесенная по контуру таблички. Первый образец заводского знака этого типа обнаружен на опытной 76-мм батальонной пушке 1926 г/в., принадлежность знака не расшифрована. Указанный вид знака обнаружен на орудиях, выпущенных артиллерийскими заводами № 8 и № 13; на транспортной повозке 85-мм зенитной пушки обр. 1939 г. 1940 г/в.; № 92. В разные годы заводские таблички изготавливались из латуни, алюминия и стали. Элементы заводской маркировки наносились на таблички травлением, гравировкой и ударным способом.

Для некоторых разновидностей орудий данного периода, в первую очередь тяжелой артиллерии, характерна отдельная от ствола заводская маркировка лафетов, которые имеют отдельные заводские таблички с собственными заводскими условными знаками и серийными номерами. Это объясняется изготовлением крупных частей орудия на разных заводах.

Зенитные орудия данного периода тоже имели отдельную заводскую маркировку артиллерийской части и лафета. Это связано с тем, что лафеты (транспортные повозки) некоторых разновидностей этих орудий выпускались отдельно от стволов и поставлялись для сборки на ведущее предприятие. Зенитные пушки ранних образцов целиком выпускались на заводе № 8 (д. Подлипки), и в отдельной маркировке стволов и лафетов необходимости не было. Но при переходе на изготовление 85-мм зенитных пушек обр.1939 г. их артиллерийская часть изготавливалась на заводе № 8, а выпуск транспортных повозок типа ЗУ-8 к ним осуществлялся на заводе № 13 (Брянск). Аналогичная отдельная система маркировки стволов и лафетов зенитных орудий сохранилась и при переходе на изготовление послевоенной модели орудия этого типа — 100-мм зенитной пушки КС-19. Во время войны завод № 8 был эвакуирован в Свердловск, а завод № 13 — в Усть-Катав, но на новых местах кооперация между предприятиями по линии выпуска зенитных орудий сохранилась, при этом каждый завод наносил на выпускаемые им составные части орудия свои заводские условные знаки. 37-мм зенитные автоматические пушки в годы войны изготавливались на заводе № 4 (Красноярск), при этом завод изготавливал орудия целиком, в том числе транспортные повозки. Артиллерийская часть орудия имела отдельную заводскую маркировку на табличке, смонтированной на правой стороне верхнего станка. Несмотря на изготовление транспортных тележек к этим орудиям на том же заводе, что и других его агрегатов, они имели собственную заводскую маркировку и номер, наносимые на табличку.

2.10. Заводские условные знаки на артиллерийских орудиях, разработанных после 1944 г.

У артиллерийских орудий, разработанных в конце Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, элементы заводской маркировки наносились в двух местах: на стволе и на лафете. Наиболее типичным местом расположения заводской маркировки на стволе является казенник. Место расположения знаков заводской маркировки на казеннике зависело от конкретной модели орудия. Например, на 122-мм гаубице Д-30 и 152-мм пушке 2А65 знаки размещались на заднем торце с правой стороны, а на 122-мм пушке Д-74 и 152-мм пушке-гаубице Д-20 — с левой.

На пушках М-46, М-47 и 2А36 знаки размещались на верхней поверхности казенника, у 100-мм зенитной пушки КС-19 — на задней поверхности, у 180-мм пушки С-23 — на боковой поверхности казенника с правой стороны. Обнаружены несколько типов орудий, у которых заводской условный знак в составе заводской маркировки на стволе отсутствует (2А36, 2А44, 2А46 и 2А46М, 2А65) и имеется только на заводских табличках, смонтированных на люльке. На лафете заводские знаки заводской надписи и заводские условные знаки размещаются в большинстве случаев на табличках, смонтированных на люльке или на верхнем станке. Таблички изготавливались из тонкого алюминия, надписи и знаки наносились электрохимическим способом (травлением).

В ходе изучения заводских надписей на орудиях, выпущенных в 1920–1980-х гг., автором было отмечено, что часть предприятий единожды полученные заводские условные знаки не изменяли. В то же время, некоторые заводы неоднократно и существенно меняли изображение заводского знака (№ 4, 7, 8, 92, 232, 235). Это обстоятельство требует от исследователей обращать пристальное внимание на особенности заводских условных знаков и правильно соотносить их с соответствующими заводами.

Ряд особенностей в структуре и местах расположения заводской маркировки имели танковые пушки послевоенных моделей. Орудия этого типа не имеют лафета (его функцию выполняет башня танка), из-за чего заводская маркировка располагалась только на качающейся части (как правило, на казеннике сверху или сзади). Некоторые элементы заводской маркировки располагались на верхней поверхности дульной части или на дульном срезе.

2.11. Заводские надписи и заводские условные знаки на минометах

Для 107-мм и 120-мм минометов довоенного выпуска характерным местом расположения заводской маркировки является ствол. При этом знаки маркировки могут располагаться как в средней части ствола на его боковой поверхности под нижним кольцевым выступом для хомута амортизатора (107-мм ГВПМ 1939 г/в завода № 393), так и в нижней части ствола сверху над казенником (107-мм ГВПМ 1941 г/в завода № 7). Содержание заводской маркировки на минометах, изготовленных в течение

данного периода, не отличается от принятой в тот же период для обычных артиллерийских орудий. Что касается характера и размещения заводских условных знаков на минометах военного выпуска, то в этом вопросе имеется много неясностей. В результате исследования, проведенного автором, выпуск 50-мм минометов в годы войны осуществляли 42 предприятия, при этом их количество не может считаться окончательным. Из исследованных автором около десятка 50-мм минометов разных моделей и годов выпуска только два имели клейма, которые в той или иной степени можно считать заводскими условными знаками, на остальных опознавательной заводской маркировки не обнаружено. Возможно, по каким-то причинам многие предприятия, выпускавшие минометы, не имели заводских условных знаков. Система, по которой можно было выявить производителя подобных изделий, пока не известна.

82-мм минометы составляли в годы войны основу минометного вооружения Красной армии. Их выпуск осуществляли не менее 37 предприятий. Так же, как и в случае с 50-мм минометами, большинство исследованных автором 82-мм минометов, выпущенных в 1942–1944 гг., не несут на себе заводских условных знаков в привычном их понимании. В том месте, где у этих минометов находится заводская надпись (боковая поверхность казенника), на месте заводского условного знака обычно располагается группа цифр (3–5 знаков), которая, предположительно, указывает на место изготовления изделия. Эта версия пока не имеет документального подтверждения. Но учитывая большое количество предприятий, выпускавших в годы войны минометы и их отдельные части, можно предположить, что они не имели собственного заводского условного знака и вместо него на выпускаемые изделия наносили некий цифровой индекс.

На 120-мм минометах военного выпуска большинства производителей (автором выявлено 18 предприятий, изготавливавших такие минометы в годы войны, но фактически их может быть больше), заводская маркировка и заводские условные знаки располагаются, как правило, на боковой поверхности казенника или на его сужающейся части перед шаровой пятой. Также обнаружены несколько экземпляров 120-мм минометов, у которых заводской условный знак расположен на боковой поверхности ствола в его средней части.

107-мм горно-выбучные минометы до войны изготавливались на двух заводах: № 7 НКВ (Ленинград); № 393 НКВ (Киев). Во время войны 107-мм минометы выпускались только на заводе им. Куйбышева НКТМ (Иркутск). 160-мм минометы МТ-13 изготавливались на двух заводах: № 535 НКВ (Тула); № 718 НКМВ (Горький).

На 160-мм и 240-мм минометах заводская маркировка и входящий в нее заводской условный знак располагаются в трех местах: на верхней поверхности казенника, на сужающейся части казенника перед шаровой пятой и на заводской табличке, установленной на левой стороне лафета. В заводской маркировке на современных 82-мм (2Б14) и 120-мм минометах (2Б11) заводские условные знаки отсутствуют.

2.12. Заводские условные знаки на пусковых установках реактивной артиллерии и ракетных комплексов

Заводские условные знаки на боевых машинах реактивной артиллерии первого поколения типа БМ-8-48, БМ-13 и БМ-13Н, БМ-31-12, в составе знаков заводской надписи наносились на таблички, устанавливавшиеся в определенных местах артиллерийской части (пусковой установки). У боевых машин типа БМ-13 и БМ-31-12 таблички монтировались на внешнюю сторону левой косынки фермы пакета направляющих, у БМ-8-48 — с внешней стороны левой стойки поворотной рамы. У БМ второго поколения (БМ-14 и БМ-24) таблички тоже устанавливались на пусковой установке: у БМ-14 — на задней поверхности правой стойки поворотной рамы, БМ-24 — на задней поверхности левой стойки поворотной рамы. На заводских табличках, помимо номера изделия, обычно наносился заводской условный знак и индекс ГАУ боевой машины. У БМ РСЗО третьего поколения типа БМ-21 заводская табличка установлена на левой стороне кожуха основания пакета направляющих и не содержит в себе заводского условного знака⁷. На табличке имеется только шифр образца вооружения (БМ-21) и серийный номер артиллерийской части. У модернизированной БМ (БМ-21-1) в серийном номере имеется буква, завершающая цифровую группу. Значение этой буквы пока не выяснено, но предположительно она означает год изготовления боевой машины. На БМ РСЗО типа 9П140 («Ураган») и 9А52 («Смерч») заводские таблички размещены на кожухе основания пакета направляющих

(у 9П140 справа, у 9А52 слева) и содержат в себе указание на тип изделия в виде индекса ГРАУ, а также его серийный номер с буквой в конце (№ РГХХХХВ). Так же, как и в БМ-21, заводские таблички этих машин не содержат заводского условного знака или другого указания на производителя.

Автором исследован вопрос нанесения заводских условных знаков на пусковые установки (ПУ) ракетных комплексов тактического звена. В ходе исследования выявлено, что на этих изделиях заводские условные знаки находятся на заводских табличках, установленных на левой стороне направляющей. Среди обследованных ПУ РК обнаружен один образец ПУ ТРК 9К52 «Луна-М» в экспортном исполнении. На смонтированной на данной ПУ заводской табличке на английском языке нанесены различные сведения об изделии, но указания на производителя среди них нет, что объясняется закрытым характером поставок этой техники зарубежному покупателю.

2.13. Условные знаки проектных организаций по разработке артиллерийского вооружения

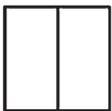
Разработкой артиллерийских орудий в СССР занимались специализированные конструкторские бюро (ОКБ, СКБ и ЦКБ) и научно-исследовательские институты (НИИ или ЦНИИ), состоявшие в структуре НКВ (НКОП) и некоторых других наркоматов. В разные годы в СССР функционировали следующие проектные организации по разработке артиллерийского вооружения: ГКБ-38 (Москва); КБ-1 ВОАО НКТП (Москва); КБ-2 ВОАО НКТП (Москва); КБ артиллерийского производства при заводе «Красный путиловец» (Ленинград); КБ артиллерийского производства при УЗТМ (Свердловск); КБ артиллерийского производства при Ленинградском Кировском заводе НКТМ; НИИ-13 (Ленинград); ОКБ-7 (с 1949 г. — ЦКБ-7) при Государственном Союзном машиностроительном заводе № 7 им. М.В. Фрунзе НКВ (Ленинград); ОКБ-8 при Государственном Союзном заводе № 8 им. М.И. Калинина НКВ (Калининград, с 1942 г. — Свердловск); ОКБ-9 при заводе № 9 НКВ (Свердловск); ОКБ-16 (КБТ; КБ Таубина, Москва); ОКБ-43 (КБ Артиллерийской академии, КБ Кондакова, Ленинград); ОКБ-92 при Государственном Союзном заводе № 92 им. И.В. Сталина НКВ (Горький); ОКБ-172 НКВД (Ленинград); ОКБ-172 при заводе № 172 им. В.М. Молотова НКВ (Молотов); ОКБ-221 при заводе № 221 НКВ (Сталинград);

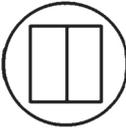
ОКБЛ-46; СКБ-4 при Государственном Союзном машиностроительном заводе № 7 им. М.В. Фрунзе НКВ (до 08.1941 г. Ленинград, с осени 1941 г. — Коломна); СКБГА (гладкоствольной артиллерии) при заводе № 4 им. К.Е. Ворошилова НКВ (Коломна); ОТБ-НКВД ЛО (Ленинград, Пермь); СКБ-88 (Калининград Московской обл.) при заводе № 88; ЦАКБ НКВ при заводе № 88 (Калининград Московской обл.); ЦНИИАВ (Калининград Московской обл.); Л.Ф. ЦАКБ НКВ — Ленинградский филиал ЦАКБ при заводе № 232 (1945–1948 гг.); МАЦКБ НКВ, с 1948 г. — ЦКБ-34 МОП (Ленинград); НИИ-58 и ЦНИИ-58 (Калининград). Некоторые из перечисленных проектных организаций, которые располагались при артиллерийских заводах, изготавливали разработанные ими образцы орудий на производственной базе этих предприятий. На эти опытные орудия, как правило, наносились заводские условные знаки предприятий, являвшихся базовыми для размещенных при них КБ. Конструкторские бюро, которые располагали собственной производственной базой (ЦАКБ НКВ и МАЦКБ НКВ, ЦНИИ-58 (ЦНИИАВ)), маркировали разработанные и изготавливаемые ими орудия собственными условными знаками.

Изображения условных знаков (клейм) предприятий по производству артиллерийских орудий с расшифровкой их принадлежности и указанием на модели орудий, на которых они были обнаружены, приведены в Приложении 1. Изображения условных знаков (клейм) предприятий по производству артиллерийских орудий, чья принадлежность достоверно не установлена, приведены в Приложении 2.

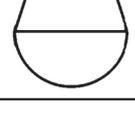
Образцы заводских условных знаков, приведенные в настоящей работе, выявлены автором в ходе исследования артиллерийских орудий и их частей, хранящихся в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, а также на орудиях и минометах, находящихся в запасах ВС РФ.

Условные знаки предприятий
по производству артиллерийских орудий

Изображение условного знака предприятия (завода)	Наименование предприятия (завода)	№ завода	Дислокация завода (город, населенный пункт)	Примечание
1	2	3	4	5
	Ижорский завод	-	г. Санкт-Петербург (с 1914 года - Петроград)	Знак обнаружен на 20-мм бомбомете конструкции Ляховина
	Металлический завод	-	г. Санкт-Петербург (с 1914 года - Петроград)	Знак обнаружен на стволе 6-мм окопной мортиры конструкции Петроградского металлического завода 1915-1916 г.г.
	Ленинградский Кировский завод НКТМ (артиллерийское производство)	-	г. Ленинград	Знак обнаружен на 76-мм КП Л-17
	Ленинградский Кировский завод НКТМ (артиллерийское производство ЛКЗ)	-	г. Ленинград	Знак обнаружен на прицеле 76-мм ДП Ф-22
	Завод №4 им. К.Е. Ворошилова НКВ	№4	г. Коломна г. Красноярск	Знак обнаружен на 37-мм АЗП обр.1939 г, 1941 и 1942 г.г.
	Завод №4 им. К.Е. Ворошилова НКВ	№4	г. Красноярск	Знак обнаружен на орудиях: - 57-мм АЗП С-60; - 120-мм ПМ-41 1942 г.г.
	Государственный Союзный машиностроительный завод №7 им. М.В. Фрунзе НКВ	№7	г. Ленинград	Знак обнаружен на орудиях: - 76-мм ГП обр.1938 г, 1940 г.г.; - 100-мм ПП БС-3, 1946 г.г.

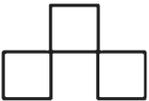
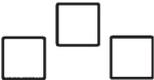
	Государственный Союзный машиностроительный завод №7 им. М.В. Фрунзе НКВ	№7	г. Ленинград	Знак обнаружен на оружии: - 120-мм ПМ-38, 1941 г/г; - 107-мм ГВПМ, 1941 г/г.
	Государственный Союзный машиностроительный завод №7 им. М.В. Фрунзе МОП	№7	г. Ленинград	Знак обнаружен на 57-мм старенной КАУ АК-725
	ПО «Арсенал» им. М.В. Фрунзе		г. Ленинград	
	Завод № 8 им. М.И. Катинкина ВПУ ВСНХ	№8	д. Подлипки Московской обл.	Знак обнаружен на 76-мм ЗП, обр.1915/28 г, 1931 г/г. (по контуру заводской таблички, установленной на тумбе транспортной повозки).
	Государственный Союзный завод № 8 им. М.И. Катинкина	№8	д. Подлипки Московской обл.	Знак обнаружен на 76-мм ЗП, обр.1931 г, 1935 г/г. (на заводской табличке, установленной на транспортной повозке).
	Государственный Союзный завод № 8 им. М.И. Катинкина	№8	г. Катин- инград Москв. обл.	Знак обнаружен на 45-мм ППП, обр.1932 г, 1938 г/г.
	Государственный Союзный завод № 8 им. М.И. Катинкина	№8	г. Катин- инград Москв. обл.	Знак обнаружен на: - 37-мм танковой пушке Голланд №257 1930 г/г; - 45-мм ППП обр.1937 г, 1939 г/г. - 45-мм АУ 21-К 1938 г/г. (на казеннике).
	Государственный Союзный завод № 8 им. М.И. Катинкина	№8	г. Катин- инград Москв. обл.	Знак обнаружен на 45-мм корабельной универсальной артиллерийской установке типа 21-К 1938 г/г. (на лафете).

Определение завода – изготовителя артиллерийского вооружения по клейму

	Государственный Союзный завод № 8 им. М.И. Катынина	№ 8	г. Катин- инград Моск. обл.	Знак обнаружен на 85-мм ЗП обр. 1939 г., №163 Л, 1941 г.г. В ноябре 1941 г. завод был эвакуирован в г. Свердловск
	Государственный Союзный завод № 8 им. М.И. Катынина	№ 8	г. Свердловск (с ноября 1941 г.)	Знак обнаружен на 85-мм ЗП обр. 1939 г., 1942, 1944 г.г.
	Государственный Союзный завод № 8 им. М.И. Катынина (с ноября 1941 г.)	№ 8	г. Свердловск	Знак обнаружен на 76-мм АЗП, КС-6, 1955 г.г. (на заводских табличках, установленных на лотыке и лафете).
	Уральский машинностроительный завод «Уралмаш» им. С. Орджоникидзе НКТП (артиллерийское производство УЗТМ)	-	г. Свердловск	Знак обнаружен на оружии: - 76-мм ТП, ЗиС-5, 1942 г.г.; - 122-мм Г. обр. 1910/30 г 1939 г.г.; - 122-мм Г. М-30, №162, 1940 г.г.; - 122-мм Г. М-30, 1942 г.г.
	Государственный Союзный завод №9 НКВ (с 1945 г. - им. И.В. Сталина) ПО «Уралмаш» (с 1958 г.)	№9	г. Свердловск	Знак обнаружен на оружии: - 85-мм ДПП, СД-44; - 152-мм Г. Д-1, 1945 г.г.; - 122-мм Г. М-30, 1943 г.г.; - 122-мм Г. Д-30.
	Государственный союзный завод №13 «Арсенал» им. С.М. Кирова НКОП (с 1939 г. - НКВ)	№13	г. Брянск (до 08.1941 г.) г. Усть-Катав (с 08.1941 г.)	Знак обнаружен на: - 107-мм ПП обр. 1910/30 г, модернизации 1939 г. (по контуру заводского клейма на казеннике); - транспортной тепловка 85-мм ЗП обр. 1939 г 1940 г.г. (по контуру таблички), - 100-мм ЗП, КС-19 (по контуру таблички).
	Государственный Союзный завод №13 им. Кирова НКВ	№13	г. Усть-Катав	Знак обнаружен на: - 85-мм ЗП обр. 1944 г (на заводской табличке); - 100-мм ЗП, КС-19 (на заводской табличке).
	Завод №75 НКВ (Юргинский машинностроительный завод МОМ)	№75	г. Юрга	Знак обнаружен на оружии: - 85-мм ПТП, Д-48; - 100-мм ПТП, МТ-12; - 240-мм М.М-240 №2 1948 г.г.

	Государственный Союзный завод №92 им. И.В. Сталина НКВ (Союзный машиностроительный завод «Новое Сормово»)	№92	г. Горький	Знак обнаружен на оружии: - 57-мм ППП ЗиС-2, 1943 г.д; - 76-мм ДП обр.1933 г. 1934 г.д.
	Государственный Союзный завод №92 им. И.В. Сталина НКВ (Союзный машиностроительный завод «Новое Сормово»)	№92	г. Горький	Знак обнаружен на 76-мм ДП Ф-22 (по корпусу, заводские таблички, установленные на люльке и левой станине).
	Государственный Союзный завод №92 им. И.В. Сталина НКВ (Союзный машиностроительный завод «Новое Сормово»)	№92	г. Горький	Знак обнаружен на оружии: - 76-мм ДП УСВ 1940 г.д; - 76-мм ДП ЗиС-3 1943 г.д; - 122-мм Г. М-30 №53, 1940 г.д.
	Государственный Союзный завод №172 им. В.М. Молотова НКВ	№172	г. Молотов	Знак обнаружен на оружии: - 45-мм ППП обр.1937 г, 1943 г.д; - 76-мм ПП М-99; - 122-мм Г. обр.1910/30 г. - 122-мм П. А-19 1043 г.д; - 130-мм П. М-46; - 152-мм Г. М-10 1937 г.д; - 152-мм П-Г. МЛТ-20.
	Артиллерийский завод № 172 им. В.М. Молотова НКВ	№172	г. Молотов	Знак обнаружен на: - 115-мм ПП У-5ТС; - 130-мм ЗП. КС-30 (на заводской табличке на лафете).
	Завод №221 НКВ (Государственный Союзный завод «Баррикады»)	№221	г. Сталинград	Знак обнаружен на оружии: - 76-мм ДП УСВ, 1942 г.д; - 122-мм П. А-19; - 122-мм П. обр.1931 г; - 210-мм П. Бр-17 №2, 1940 г.д; - ствол 305-мм МП. 1939 г.д.
	Завод №221 НКВ (Государственный Союзный завод «Баррикады»)	№221	г. Сталинград	Знак обнаружен на оружии: - 107-мм ППП обр.1910/30 г 1934 г.д; - 152-мм П. Бр-2 (на затворе); - 203-мм Г. Б-4 (на стволе и затворе); - 280-мм Мфл. Бр-5 (на стволе и затворе).
	ПО «Баррикады» (б. Завод №221 НКВ)	-	г. Волгоград	Знак обнаружен на оружии: - 122-мм П. Д-74. (на казеннике); - 152-мм П-Г. Д-20; - 180-мм П. С-23 (на казеннике)

Определение завода – изготовителя артиллерийского вооружения по клейму

	ПО «Баррикада» (б. Завод №221 НКВ)	-	г. Волгоград	Знак обнаружен на оружии: - 152-мм П-Г Д-20 и Д-20М (на заводских табличках); - 180-мм П С-23 (на прицете); - ПУ типа 2П 6 РК. 2К6 «Тура».
	Государственный Союзный завод №232 «Большевик» НКВ	№232	г. Ленинград	Знак обнаружен на оружии: - 76-мм ПП. обр.1927 г., 1941 г.г.; - 180-мм МП. Б-1-П; - 130-мм МП. Б-13-С; - 107-мм БО. Б-11.
	Государственный Союзный машиностроитель- ский и сталелитейный завод «Большевик» НКТП	№232	г. Ленинград	Знак обнаружен на 76-мм дивизионной пушке модели «ДРП 6-мм» системы Бухаринской, 1932 г.г.
	Государственный Союзный машиностроительский и сталелитейный завод №232 «Большевик» НКТП	№232	г. Ленинград	Знак обнаружен на прицете 107-мм П. обр.1910/30 г.
	Завод №235 НКВ	№235	г. Воткинск	Знак обнаружен на оружии: - 45-мм ППП. обр.1937 г., 1942 г.г.; - 57-мм ППП. Ч-26 №18 1950 г.г.
	Завод №235 НКВ	№235	г. Воткинск	Знак обнаружен на оружии: - 76-мм ДП ЗиС-3 1944 г.г.; - 100-мм ЗП. КС-19 (на лафете)
	Завод №352 им. Буденного НКВ (с 1938 г. до октября 1941 г.)	№352	г. Новочеркасск	Знак обнаружен на 107-мм ДП. М-60 (на казеннике).
	Завод №393 НКВ (Краснознаменный машиностроительный завод №393 НКОП «Красный арсенал»)	№393	г. Киев	Знак обнаружен на оружии: - 76-мм ЗПУ. М-1 1938 г.г. (по контуру заводской таблички); - 107-мм ГБПМ 1939 г.г.
	Завод №535 НКВ (с января 1942 г. Тульский станкостроительный завод)	№535	г. Тула	Знак обнаружен на - 160-мм М. МТ-13 (М-160), 1950 г.г.

	Уральский танковый завод №183 им. Коминтерна НКТП (до сентября 1941 г. – з-д №183 им. Коминтерна НКТП)	№183	г. Харьков (до 09.1941 г.) г. Нижний Тагил (с 09.1941 г.)	Знак обнаружен на перекосе 122-мм Г. М-30 1941 г/в. и 1944 г/в. (сер. номеру. 388038888 388038888)
	Завод №733 НКМВ (б. Московский машиностроительный завод «Компрессор» НКМ)	№733	г. Москва	Знак обнаружен на артиллерийской части БМ РСЗО БМ 31-12
	Завод №733 НКМВ (б. Московский машиностроительный завод «Компрессор» НКМ)	№733	г. Москва	Знак обнаружен на артиллерийской части БМ РСЗО типа БМ-13МН
	Завод №733 НКМВ (б. Московский машиностроительный завод «Компрессор» НКМ)	№733	г. Москва	Знак обнаружен на артиллерийской части БМ РСЗО типа БМ 31-12
	Завод «Ростсельмаш»	-	г. Ростов-на-Дону	Знак обнаружен на перекосе 45-мм ППП обр.1932 г (на заводской табличке)
	Московский машиностроительный завод «Компрессор»	-	г. Москва	Знак обнаружен на артиллерийской части БМ РСЗО типа БМ-14
	Московский машиностроительный завод «Компрессор»	-	г. Москва	Знак обнаружен на артиллерийской части БМ РСЗО типа БМ-14
	ЦАКБ НКВ (1942-1948 гг.) ЦНИИ-58 МОП (с 1948 г)	-	г. Калининград Московской обл.	Знак обнаружен на: - ПУ типа С-119А (2П2) для РК 2К1 «Марс», 1957 г/в; - ПУ типа СПУ-35Б для БРК 4К44 «Радуга».
	Ленинградский филиал ЦАКБ НКВ при заводе №232 (1944-1945 гг.), в 1945-1948 гг. – МАКБ НКВ (Самарское отделение ЦКБ), МАЦКБ с 1948 г. – ЦКБ-34 МОП	-	г. Ленинград	Знак обнаружен на: - опытный 100-мм ПП. БС-3; - ПУ типа 2ПБ ТРК 2К5 «Коршун»; - 57-мм АУ ЗИФ-71.
	ЦКБ-34 МОП	-	г. Ленинград	Знак обнаружен на 100-мм казематной пушке ЗИФ-25 1946 г/в. (серийный номер №2).

Определение завода – изготовителя артиллерийского вооружения по клейму

	Завод им. Куйбышева НКТМ	-	г. Иркутск	Знак обнаружен на 107-мм ГВПМ. 1942 г.г. (на казеннике)
	Станкостроительный завод им. Орджоникидзе	-	г. Москва	Знак обнаружен на дулае 50-мм РМ-50 обр.1941 г.
	Ленинградский государственный машиностроительный трест ВСНХ СССР	-	г. Ленинград	Знак обнаружен на казеннике отливной 76-мм пушки, датированной 1930 г.
Знак достоверно не установлен	Государственный союзный завод №106 им. В.М. Молотова НКВ	№106	г. Хабаровск	Завод выпускал: - 50-мм РМ; - 57-мм ПТП Ч-26; - 76-мм ДП ОБ-25; - 82-мм БМ; - 120-мм ПМ-38.
Знак достоверно не установлен	Новокураматорский машиностроительный завод НКТП	-	г. Краматорск	Завод выпускал 203-мм Г. Б-4
Знак достоверно не установлен	Государственный союзный завод №718 НКМВ (бывший завод «Двигатель Революции»)	№718	г. Горький	Завод выпускал 120-мм ПМ-38
Знак достоверно не установлен	Государственный союзный завод №720 им. М.И. Калинина НКМВ	№720	г. Москва	Завод выпускал 120-мм ПМ-38
Знак достоверно не установлен	Государственный союзный завод №746 (завод «Техвап») НКМВ	№746	г. Кузнецк	Завод выпускал 120-мм ПМ-38
Знак достоверно не установлен	Харьковский турбогенераторный завод имени С.М.Кирова	-	г. Харьков	Завод, по некоторым данным, выпускал 120-мм ПМ-38

Условные знаки предприятий по производству артиллерийских орудий, чья принадлежность достоверно не определена

Изображение условного знака предприятия	Примечание	Изображение условного знака предприятия	Примечание
	Знак обнаружен на стволе 120-мм ПМ-38. 1942 г.г.		Знак обнаружен на 37-мм динамо реактивом ПТР модели «РК БМ» системы Курчевского, 1934 г.г. Знак, предположительно, является ранним образцом знака завода №7 НКВ (ЗиФ), г. Ленинград
	Знак обнаружен на дуласте 82-мм БМ-41. 1942 г.г.		Знак обнаружен на 100-мм ПП. БС-3 1946 г.г. (по контуру заводской таблички на левой стороне). Знак, предположительно, является вариантом условного знака завода №7 НКВ (г. Ленинград)
	Знак обнаружен на казеннике 82-мм БМ. 1942 г.г. Знак, предположительно, принадлежит заводу им. Молотова НКСМ (г. Горький)	К 3 К	Знак обнаружен на артиллерийской части БМ РСЗО М-13
	Знак обнаружен на затворе опытной 76-мм батальонной пушки «35-К».		Знак обнаружен на лафете опытной 76-мм пушки 1929 г.г. (по контуру заводской таблички).
		585	Знак обнаружен на казеннике 82-мм БМ. 1943 г.г.
18349	Знак обнаружен на казеннике 82-мм М. 1942 г.г.	240	Знак обнаружен на казеннике 37-мм миномета-лопаты 1941 г.г.
	Знак обнаружен на казеннике 152-мм П-Г. Д-20М		Знак обнаружен на казеннике 50-мм М. РМ-50 обр. 1938 г. 1942 г.г.
	Знак обнаружен на хвостовой части лафета 203-мм Г. обр. 1931 года Б-4 (на заводской табличке датированной 1941 г.г. №11). Знак, предположительно, принадлежит Новокраматорскому машиностроительному заводу.	К Э	Знак обнаружен на дуласте 50-мм М. РМ-50 обр. 1940 г. 1942 г.г. Знак, предположительно, принадлежит заводу «Красная Этна» НКСМ, (г. Горький)

	<p>Знак обнаружен на дуласте 82-мм БМ-37. 1943 г.г.</p>		<p>Знак обнаружен на БМ РСЗО (2П38) «Град 1» (на заводской табличке, датированной 1984 годом).</p> <p>Знак, предположительно, принадлежит НПО «Сплав», г. Тула</p>
	<p>Знак обнаружен на орудиях: - 57-мм ППП СД-57 (казенник); - 45-мм универсальная пушка 21-КМ, 1945 г.г. (заводская табличка на лафете); - 37-мм спаренный корабельный зенитный автомат Б-11М (заводская табличка на лафете).</p>		

¹ С.-Петербургский оружейный завод с момента своего образования в 1882 г. был подразделением Петербургского арсенала и выделился в самостоятельное предприятие только в 1905 г.

² Артиллерийским производствам в составе машиностроительных предприятий другого профиля, например, ленинградского Кировского завода (с 1922 по 1934 г. он назывался «Красный путиловец») и УЗТМ, учетные номера не присваивались.

³ Часть заводов № 7 и № 232 НКВ осталась в Ленинграде, где в годы блокады осуществляла выпуск вооружения.

⁴ Завод № 8 НКВ в д. Подлипки был восстановлен на прежней площадке под № 8ф, в 1943 г. он получил учетный № 88.

⁵ Артиллерийское производство УЗТМ выделилось в отдельный завод № 9 НКВ в феврале 1942 г. Тогда же из УЗТМ в отдельный самостоятельный завод № 8 выделилось производство 85-мм зенитных пушек обр. 1939 г.

⁶ Надписи арсеналов на лафетах: «СПБАРС»; «СП АРС»; «С.-Петербургский арсенал» — Санкт-Петербургский арсенал; «БА» — Брянский арсенал; «КАР» — Киевский арсенал.

⁷ БМ РСЗО БМ-21 «Град» изготавливалась на Пермском машиностроительном заводе им. Ленина (бывший завод № 172 НКВ).

К.В. Шмелев (Санкт-Петербург)

**«А НА ТОМ КАМЕНИ ГРАНЬ, КРЕСТ
ДА КОРОНЫ». ГРАНИЦА СТОЛБОВСКОГО МИРА
1617 г. В ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ**

27 ФЕВРАЛЯ 1617 г. в деревне Столбово был подписан мир между Московским царством и Шведским королевством, закончивший череду событий, объединяемых понятием русской смуты. Новые границы государств стали одним из результатов данного соглашения. Межевание границы проходило в течение ряда последующих лет, его результатом стала маркировка границы на местности. Выявленным образцам подобных маркеров — пограничным (рубежным) камням и их связи с аналогичными объектами, относящимися к другим границам, посвящена данная работа.

Изучение внешних границ Московского царства как части территории и взаимодействия с соседями имеет в отечественной историографии достаточно длительную традицию. Однако основное внимание исследователей традиционно привлекалось к западной и южной границам, северо-западной, собственно, русско-шведской границе придавалось значительно меньшее внимание.

Однако большинство авторов, соприкасавшихся с данной темой, рассматривали ее только в контексте общего развития русской армии в этот период, кроме того, основное внимание уделялось заставам («сторожам») южных степных границ¹. Одна из наиболее ранних работ, посвященных укреплениям и контингентам на границе, написана И.Д. Беляевым². Автор на основании известных в начале XIX в. архивных документов рассматривает расположение и состав войск на польской границе — «Литовском рубеже» в период от Смутного времени до 1645 г. Укреплениям «Засечной Черты» на южных границах посвящена монография А. Яковлева³. Вопрос о пограничных укреплениях и гарнизонах

на Северо-Западе эпизодически поднимался в работах историков рубежа XIX–XX вв.⁴, где опубликованы многие документы, относящиеся к данной теме.

Значительный пласт историографии посвящен изучению границ как объекта отношений между Московским царством и его соседями. Здесь необходимо отметить исследования, связанные с несколькими историко-географическими направлениями. Основные архивные материалы, связанные с московско-шведскими и московско-польскими границами (так называемые «межевые дела») концентрируются в фондах РГАДА⁵.

Русско-польская граница, точнее, граница между Россией и Речью Посполитой рассматривается в ряде работ В.Г. Пежемского⁶, Н.Б. Шеломановой⁷. Из работ последнего времени необходимо отметить монографию М.М. Кромма⁸ и серию исследований В.Н. Темушева⁹. Ряд работ А.В. Малова посвящен западной (литовской) границе в период Смутного времени¹⁰. Южным границам также посвящен ряд исследований, среди них отметим работу О.А. Курбатова¹¹. Отметим, что большинство вышеупомянутых исследований построено в основном на материалах письменных и картографических источников. Работ, привлекающих данные археологии, к сожалению, достаточно мало, среди них отметим публикации И.Г. Бурцева, посвященные Тульской засечной черте¹², небольшую работу А.Н. Голотвина, посвященную Белгородской черте¹³.

Локализации трассы и отдельных пунктов русско-шведских границ посвящены исследования А.И. Резникова и О.Е. Степочкиной¹⁴. Отдельные пункты были обследованы и описаны еще в 1930-гг. Г.А. Пидотти¹⁵. Локализации и изучению отдельных пограничных пунктов также посвящен ряд работ¹⁶. Значительная работа по изучению памятников северо-западной границы и публикации письменных источников проделана А.А. Селиным¹⁷. Ряд работ опубликован К.В. Шмелевым¹⁸. Исследователями были проведены масштабные разведочные работы на территории Ленинградской области и республики Карелия и исследован ряд памятников, имеющих отношение к линии русско-шведской границы — Тесовский и Лавуйский остроги (А.А. Селин), Ивнинский острог (К.В. Шмелев).

Основной комплекс документов, связанных с установлением границы в 1617 г., представлен текстом договора и записями межевых комиссий («Договор учиненный в пограничной деревне

Столбово. О заключении между Россией и Швецией вечного мира»; «Запись учиненная в Столбове между российскими и Шведскими послами в дополнении Столбовского мира» и собственно «Межевая запись о размежевании по Столбовскому договору Новгородского, Ладожского и Гдовского уездов от шведских владений» и «Межевая запись о размежевании по Столбовскому договору Новгородского уезда, Олонецкого и Лопского погостов и Корельского уезда Ребольской волости»¹⁹. Опубликовано и корпус документов со шведской стороны²⁰. Отметим также фиксацию линии границы на ряде карт XVII в., включая единственную русскую «Чертеж Русским и Шведским городам»²¹ и ряде шведских карт. К сожалению, данные источники относятся к более позднему времени: середины — конца XVII в.

Письменные и картографические источники фиксируют несколько видов рукотворных объектов, находящихся на линии границы или тем или иным образом связанных с ней. В первую очередь упомянем различные населенные пункты, укрепления и дороги. Другим важным аспектом являются объекты, непосредственно маркирующие границу. В ряде случаев граница проводилась по водным артериям, где не требовалась дополнительная, искусственная маркировка, хотя в ряде случаев она присутствовала и на водных границах. При прохождении пограничной линии по суше использовались различные способы маркировки. Самым распространенным, согласно межевым записям, было нанесение пограничных знаков на деревья, а также их «ограниение», т. е. создание плоских поверхностей путем изготовления длинных и широких затесов, например «*a на сосне с одной стороны крест, а на другой стороне затес, корона*»²². К сожалению, данные знаки археологически не прослеживаемы, хотя еще в конце 30-х гг. XX в. А.Г. Пидотти фиксировалось подобное дерево на берегу р. Оредеж²³. Другим способом маркировки границы было изготовление крупных ям, с последующей засыпкой их углем. Данный тип пограничного маркера также археологически слабо уловим. Наконец, последний способ маркировки — нанесение пограничных знаков на крупные естественные камни или скальные выходы. В ряде случаев наблюдалось смешение способов маркировки, когда в одном пункте находились все или часть маркеров, наличие ямы с углем всегда дополнялось метками на деревьях, разметка на деревьях и на камнях могла совершаться самостоятельно, без других, дополнительных способов маркировки.

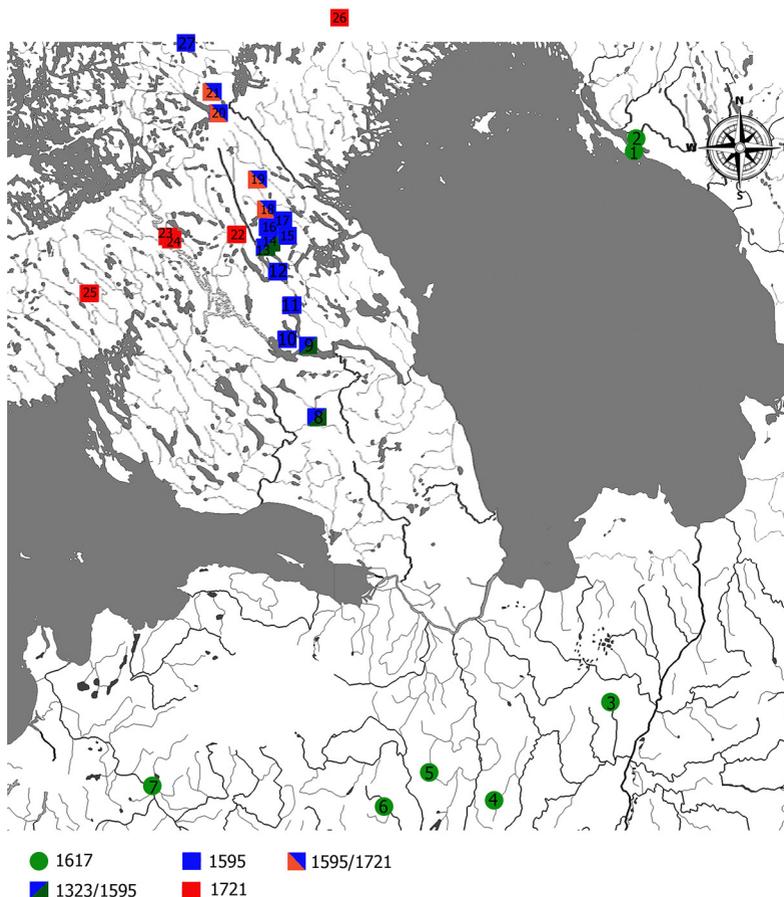

Рис. 1. Пограничные знаки границ 1323, 1595, 1617 и 1721 гг.:

- 1 — Погранкондуши, «Варашев камень»; 2 — Вяртсиля (Vartsila);
- 3 — Жарок; 4 — Тосна; 5 — Мал. Слудицы; 6 — Осиновая горка;
- 7 — Муравейно; 8 — Крестовый камень (Ristikivi, Rumeta);
- 9 — Солнечный камень (Päiväkivi); 10 — остров Луговой;
- 11 — остров Живой (Pancho saari); 12 — ур. Rajulahti; 13 — Чермная щель (Ruskeavuori); 14 — оз. Лембо (Lemmbolambi); 15 — ур. Naukariuta;
- 16 — оз. Семюостровье; 17 — ур. Laudanjarvi harju; 18 — ур. Lachnalambi;
- 19 — ур. Sarisuo; 20 — оз. Torsa (территория совр. Финляндии);
- 21 — Naukavuori (территория совр. Финляндии); 22 — Бородинское (Sairala); 23–24 — Лесогорский (Jääski); 25 — Яшино (Vahviala);
- 26 — Кумури (Kumuri); 27 — Каави (территория совр. Финляндии)

Например: *«а на носу на Гапанском выкопана яма обшая и угольем насытана, а над ямоу грань на сосне крест, да на дву осинах больших грань короны, а осины выросли из одного корени»*²⁴. В ряде случаев в одном пункте совмещаются все три способа маркировки. Кроме того, пространство между отмаркированными участками, вероятно, помечалось затесами на деревьях. В описании «Карельского рубежа» встречается такой термин как «*кладез каменный*» — вероятнее всего, скопление мелких валунов или так называемая «каменная куча».

Для «Немецкого Свейского рубежа» фиксируется порядка 90 точек с маркировкой на деревьях (в большинстве случаев каждый пункт состоит из нескольких маркировок на разных деревьях), в 30 случаях они дополняются ямами, «*угольями насытаны*»²⁵. Камни для маркировки здесь используются редко — в 12, возможно, в 13 случаях²⁶, вероятно, это связано с редкостью обнаружения подходящих камней на линии границы. В Карелии документы описывают порядка 70 камней с маркировкой, 113 случаев использования маркировки на деревьях, при этом только шесть раз они дополняются ямами с углем и в пяти случаях «*кладезом каменным*».

Рассмотрим известные случаи обнаружения пограничных знаков Столбовского мира.

В ходе исследований последних лет было выявлено несколько пограничных знаков границы 1617 г., еще несколько камней известно благодаря более ранним исследованиям и сведениям письменных источников.

Карельский (Олонецкий) рубеж

Камень у деревни Погранкондуши, Варашев камень, Варачев камень, Камень на Границе.

Данный объект известен по ряду письменных источников. Наиболее ранние сведения о нем содержатся в записи межевой комиссии к договору 1617 г.: *«А сначала пошла межа межъ Новгородскаго Олонецкага погоста и Корельскагао Соломенскаго погоста от Ладожскаго озера, от Варачева камня, а Варачина тож, который у берега в воде протов наволока, а на нем грань, крест в кругу, да короны и годовое число...»*²⁷. Данная точка также являлась местом встречи русских и шведских межевых комиссаров. На уже упомянутой русской карте «Чертеж Русским и

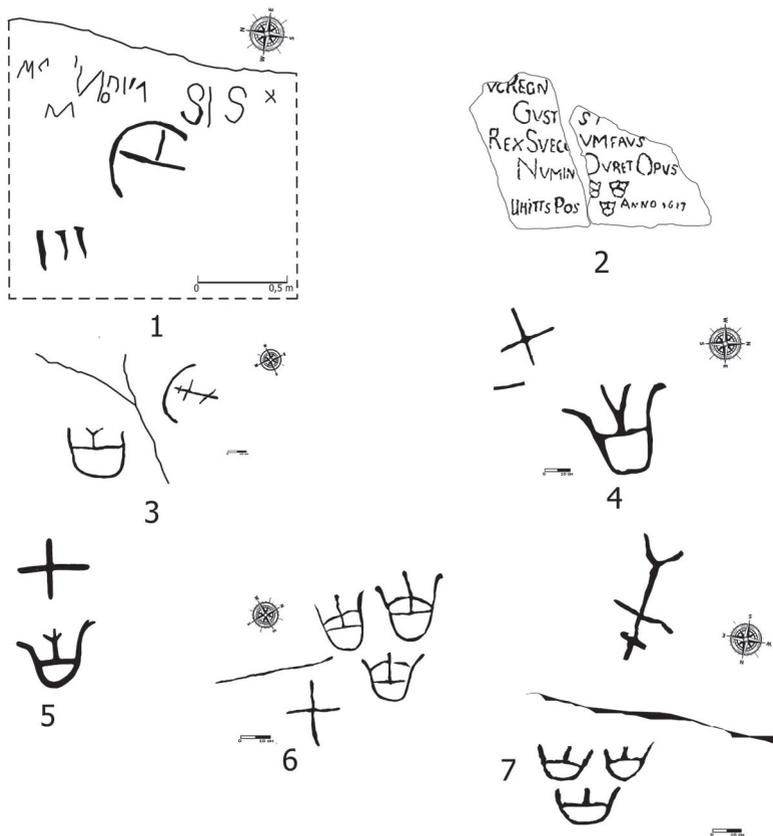
Шведским городам» показан севернее Олонца крупный камень с подписью «камень на границе»²⁸. В 1780-х гг. камень был осмотрен в ходе «ученого путешествия» по Ладожскому озеру академиком Н.Я. Озерецковским, составившим описание и зарисовку объекта и сделавшим прорисовку изображений, к сожалению, крайне неточную²⁹. Существует также ряд описаний и осмотров камня конца XVIII — начала XX в.³⁰. Наиболее раннее научное исследование данного объекта было предпринято в 1886 г.³¹. Впоследствии данный памятник становился объектом изучения ряда краеведческих и исследовательских работ³².

В настоящее время проведены полевые исследования данного объекта³³. В результате проведенных работ выяснилось, что объект расположен в 2,5 км к юго-востоку от современной деревни Погранкондуши, на берегу Ладожского озера и представляет собой крупный гранитный валун, серо-красного цвета, кубической формы, с плоской вершиной³⁴. Размеры валуна — 5,77 x 3,94 м и высота от основания максимальная 3,26 м. На горизонтальную и вертикальные поверхности камня нанесен ряд изображений. На восточной грани видна надпись в две строки: «251 A / 1934». Это финская маркировка пограничных знаков Тартуского мирного договора 1920 г. На горизонтальной поверхности также нанесен ряд изображений (ил. 2.1). Рисунок сильно поврежден, однако уверенно опознается изображение креста в круге, к западу от него прослеживаются три параллельные черты, вероятно, остатки изображения короны, а к востоку — остатки надписи. По мнению академика Н.Я. Озерецковского и А.И. Иванова, надпись должна читаться «*лета ЗРКС года*» (7126–1618). В настоящее время надпись практически нечитаема, уверенно опознается только конечная буква «S».

Камень из Вяртсиля, камень с Сердобольского тракта (ил. 2.2).

Данный объект до настоящего времени не сохранился, по мнению карельских краеведов, он был уничтожен в 1960-х гг. Однако сохранилось большое количество как письменных, так и изобразительных источников. Наиболее ранние сведения об установке данного знака относятся непосредственно к 1617 г. Хроника Йонаса Халенберга отмечает, что он установлен в августе 1617 г.³⁵, еще до встречи пограничных комиссаров. В межевом протоколе сведения о данном знаке отсутствуют. По всей вероятности, это была инициатива исключительно шведской стороны. Данный

знак также был зафиксирован экспедицией А.И. Иванова в 1880-х гг., в это время он, вероятно, еще находился в первоначальном положении «у полотна дороги Сердобольского почтового

Ил. 2. Пограничные знаки Столбовского мира 1617 г. Прорисовки выполнены К.В. Шмелевым. Олонецкий рубеж: 1 — камень в районе деревни Погранкондуши, «Варашев камень»; 2 — камень со шведской стороны границы в районе бывшей деревни Вяртсила (Vartsila). Не сохранился. Без масштаба, прорисовка по фотоснимку 1930-х гг. Немецкий Свейский рубеж: 3 — камень в районе современной станции Жарок; 4 — «Плоский камень» в русле р. Тосны; 5 — камень на берегу р. Оредеж в районе д. Мал. Слудицы. Не сохранился. Прорисовка Г.А. Пидотти 1928 г., без масштаба; 6 — камень в урочище Осиновая горка на Ивангородской дороге; 7 — камень близ бывшей д. Муравейно в русле р. Луги при впадении р. Киношки

тракта, между деревней Пограничные-Кондуши, Олонецкого уезда, и домом Вирдильской таможенной заставы»³⁶. К 1930-м гг. знак был повален, разбит на несколько частей, в на рубеже 20–30-х гг. XX в. вновь обнаружен финскими пограничниками, отремонтирован и установлен около пограничного знака Тартусского мирного договора за номером 263. Верхняя часть каменной плиты была к этому времени утрачена. Окончательно данный памятник был уничтожен в 1960-х гг. Все известные фотографии камня из Вяртсиля относятся к финскому периоду и фиксируют только нижнюю часть плиты. Для изготовления знака была использована плоская гранитная плита. Первоначальные размеры ее неизвестны, фрагмент, зафиксированный в 30-е гг. XX в. имел размеры приблизительно 1,2 x 0,9 м. Согласно тексту Халенберга, на знак была нанесена латинская надпись «*Huc Regni posuit fines Gustavus Adolphus, Rex Svecorum fausto numine duret opus. Limites positi an. 1617*»³⁷. Прослеживаемые по сохранившимся фотографиям остатки оригинального текста отличаются написанием слова «*Svecorum*», использована форма «*Svecorum*», что не изменяет содержания надписи³⁸. Перевод надписи: «*До сих пор proceeds государственная граница Густава Адольфа, короля шведов. Бог, готовый помочь плечом — это труд прочный. Поставлен в год 1617*». Помимо надписи на плите присутствовало изображение трех корон (шведск. «*tre kronor*») — части государственного герба Швеции. Подобный тип изображения короны характерен и для других пограничных знаков границы 1617, а также в ряде случаев и границы 1721 г.

«Немецкий Свейский рубеж»

Камень на Ореховецкой дороге.

Согласно межевому протоколу «*пошла межа на гору логовиной с полверсты, наприклон, на Новгородскую и на Ореховскую дорогу, и на той дороге лежит камень, а на камени грань, крест да короны, да через камень пояс*»³⁹. Зафиксирован Г.А. Пидотти в 1928 г., согласно описанию имел размер более метра в поперечнике и нанесенные изображения в виде короны с северной и креста южной части камня⁴⁰. По мнению осматривавших данный участок границы А.И. Резникова и О.Е. Степочкиной, объект перевернут и сдвинут в сторону при строительстве современной автодороги Мга–Любань⁴¹.

Камень у станции Жарок (ил. 2.3).

Выявлен в 2004 г. А.И. Резниковым и О.Е. Степочкиной⁴². В межевом протоколе запись о данном объекте отсутствует⁴³. Представляет собой крупный валун подтреугольной формы, на южной и западной гранях нанесены изображения — восьмиконечный крест с полукругом и корона. Крест сложной формы, схожего, но не идентичного, типа изображения на пограничных камнях встречено только на камне из р. Луги. Полукруг в сочетании с изображением креста также не имеет прямых аналогов, возможно в данном случае мы имеем дело с поврежденным или незаконченным изображением креста в круге. Крест (простой равноконечной формы) в круге известен и среди других изображений границы 1617 и 1595 гг. (см. ил. 2 и 3), и среди описаний в межевых протоколах⁴⁴.

Камень в русле реки Тосны, Плоский камень (ил. 2.4).

Также выявлен в 2004 г.⁴⁵, повторно обследовался с целью постановки на учет в 2016 и 2018 гг.⁴⁶. Данный объект описан в межевом протоколе: *«а на том Плоском камени грань, крест да короны, да чрез камень пояс, и Тосна река от того камени вся пошла в Новгородскую сторону, да тутож у того камени Новгородскаго уезда Ильинский Тигодский погост скончался, а настал Новгородского уезда Климецкой погост с Орешковским с Ижерским же погостом»*⁴⁷. Камень находится непосредственно в русле р. Тосны⁴⁸ и представляет собой крупный гранитный валун с плоской вершиной. Размер камня — 3,1 х 2,2 х 1,3 м. На верхней грани нанесено изображение короны, так называемого «пояса» — черты, символизирующей линию границы, и простого равноконечного креста. Отметим высокое качество выполненного рисунка, канавки в камне, составляющие контур изображений, имеют глубину более 1 см, что не имеет аналогов среди известных изображений на рубежных камнях границ 1595, 1617 и 1721 гг.

Камень из реки Оредеж, камень у хутора «Лядов» (ил. 2.5).

Камень был обнаружен в 1928 г. географом Г.А. Пидотти. По его описанию, камень имел диаметр около 1 метра и изображение равностороннего креста и короны («тамги»), также в ходе осмотра была зафиксирована старая сосна со следами повреждений на коре, возможно, одна из «ограниченных» сосен, известных по данным письменных источников⁴⁹. Вероятно, этот камень описан в межевом протоколе следующим образом: *«и тут у реки у Оредежи на берегу сосна огранена, а на сосне грань, кресть да*

корона, да туюж от тое сосны близко на поле камень, и на том камени грань, крест да корона, да через камень пояс»⁵⁰. Данный объект уничтожен в 1970-х гг. при мелиорации⁵¹.

Камень в урочище Осиновая горка, камень из поселка Старое болото (ил. 2.6).

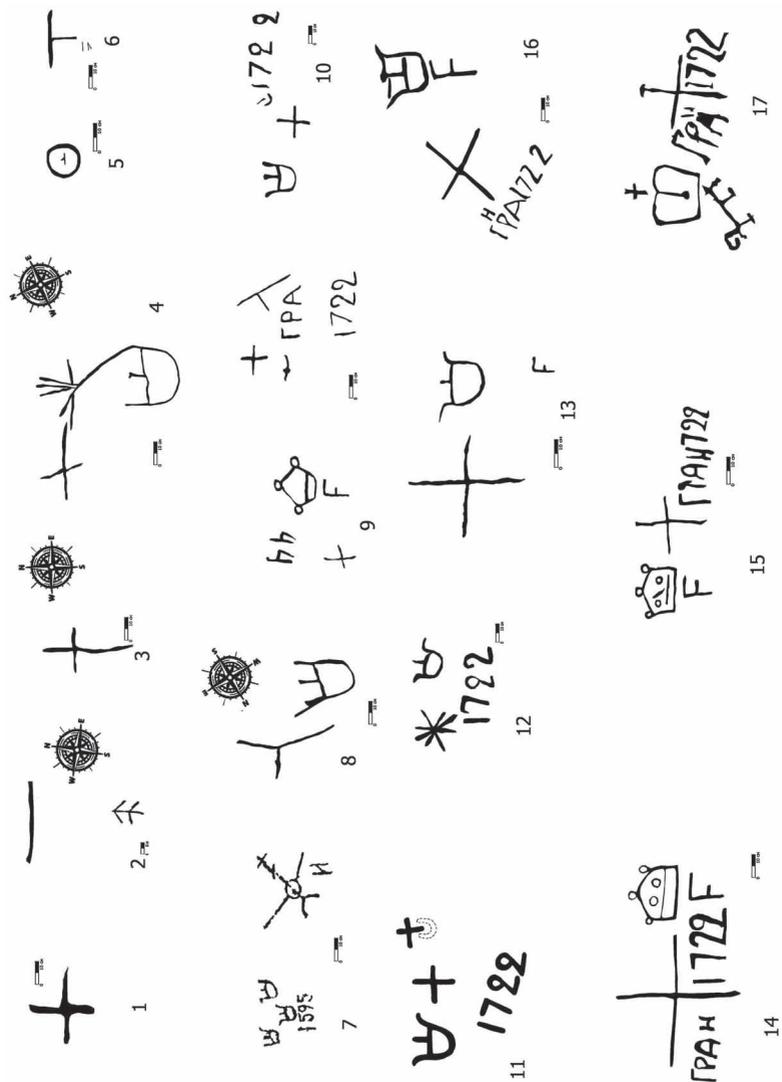
Рубежный камень, находящийся в урочище Осиновая горка, в точке пересечения границы 1617 года с так называемой Ивангородской дорогой. В данной точке происходила встреча и переговоры межевых комиссаров, в дальнейшем через данную точку по Ивангородской дороге проходил основной сухопутный путь между Московией и шведским королевством в XVII столетии⁵². Камень описан в межевом протоколе: «до большой Новгородской дороги, что идет из Новгорода к Ивановгороду на Осиновую горку, версты с четыре, и тут на горке сосна гладкая, крест с подножием да короны, а подле сосны камень плоской, а на камени грань крест да короны, да через камень пояс, а промежу камени и сосны яма общая, угольем насытана»⁵³. Выявлен в 2004 г., повторно обследовался в 2016⁵⁴ и 2018 гг. Камень⁵⁵ представляет собой крупный гранитный валун размерами 1,6 x 1,2 x 0,7 м, с нанесенными на верхнюю грань изображениями трех корон (шведск. «tre kronog») — части государственного герба Швеции, равностороннего креста и так называемого «пояса» — линии, символизирующей непосредственно границу.

Камень из реки Луги, камень в устье реки Киношки (ил. 2.7).

Рубежный камень, находится в русле р. Луги, в районе бывшей деревни Муравейно, где в XVII в. находилась переправа и один из путей, связывавших шведскую Ингерманландию с территорией Московского царства. Объект описан в межевом протоколе: «межа Лугою рекою вниз, до речки Киношки, пятьдесят пять верст, а речка Киношка течет из Сумерския волости, а в устье речки Киношке в Луге реке лежит камень большой и на том камени грань, крест да короны, да через камень пояс»⁵⁶. Выявлен в 1980-х гг.⁵⁷, обследовался в 2004 и 2019⁵⁸ гг. Крупный (3,4 x 3,9 м) гранитный валун пирамидальной формы находится непосредственно в русле р. Луги, у левого, южного берега⁵⁹. На южной стороне камня нанесено изображение восьмиконечного креста на основании, на северной — трех корон.

Рубежные камни Столбовского мира оказываются не единственными памятниками подобного рода в Восточной Европе. Наиболее ранними, средневековыми объектами со схожими

функциями — обозначением границ можно считать так называемые «Борисовы камни», локализуемые на территории современной Белоруссии⁶⁰. Непосредственно на северо-западе России фиксируется традиция «межевых камней», обозначающих не государственные границы, а границы территорий землевладений.

В частности, хорошо известен Юрьевский межник в Новгороде, впервые упоминаемый в 1134 г. и разграничивающий владения Юрьева и Пантелеймонова монастырей⁶¹, находящийся в настоящее время в экспозиции музея «Витославицы». Подобная же традиция зафиксирована на территории Псковской земли, в районе Печор и Изборска. В.В. Седов фиксировал знаки в виде простого равноконечного креста, нанесенного на верхнюю плоскость валунов⁶². Аналогичного облика камни зафиксированы местными краеведами в Принаровье⁶³, т. е. на северо-западной окраине границы 1617 г. Отметим, что именно изображение равноконечного креста как наиболее простой формы имеется на подавляющем большинстве пограничных знаков. Более того, на знаках, соотносимых с границами Ореховецкого (1323) и Тязвинского (1595) миров, равносторонний крест — часто единственное изображение. Возможно, в таком случае маркировка границы крестообразными знаками — это исходно инициатива именно русской стороны, перенос традиции установки «межников» на межгосударственную границу. В редких случаях русская сторона использует более сложные формы крестов, в частности, крест в круге. Уверенно эта форма зафиксирована в случае с Варашевым камнем (1617, ил. 2.1), возможно, использована на камне у станции Жарок (1617, ил. 2.3), также, возможно, именно эта форма была использована на знаке с оз. Лембо (Lemmbolambi, 1595, ил. 3.5); к сожалению, данный знак сильно поврежден. «Крест в круге» упомянут также в описании к межевому протоколу на территории Карелии (у Тертютяева ручья)⁶⁴. Другая используемая форма — характерный для русской традиции восьмиконечный крест, чаще всего с так называемым «подножием», или «голгофой». Данная форма использована в нескольких случаях: на знаке из Kaavi (1595, ил. 3.7), уже упомянутом знаке у станции Жарок (1617, ил. 2.3), на камне

Ил. 3. Пограничные знаки на линиях границ Ореховецкого (1323), Тязвинского (1595) и Ништадского (1721) миров. Прорисовки выполнены К.В. Шмелевым: 1 — Крестовый камень (Ristikivi; Rumeta); 2 — остров Живой (Pansho saari); 3 — ур. Rajulahti; 4 — Чермная щель (Ruskeavuori); 5 — оз. Лембо (Lemmbolambi); 6 — ур. Naukariuta; 7 — Kaavi; 8 — ур. Laudanjari harju; 9 — ур. Lachnalambi; 10 — ур. Sarisuo; 11 — оз. Torsa (территория совр. Финляндии), без масштаба, прорисовка с информационного стенда памятника; 12 — Naukavuori (территория совр. Финляндии); 13 — Бородинское (Saigala); 14–15 — Лесогорский (Jääski); 16 — Яшино (Vahviala); 17 — Кумури (Kumuri)

из р. Луги (1617, ил. 2.4). «Крест с подножием», вырезанный на дереве в районе Осиновой горки, упоминается в межевом протоколе⁶⁵. Для знаков границы 1721 г. используется исключительно самая простая форма — равноконечного креста (ил. 3.9–17).

Еще один элемент рельефа, всегда упоминаемый письменными документами — это «пояс», символическая черта, демонстрирующая непосредственно линию границы. Осмотр всех доступных знаков границы как 1617 г., так и 1595 и 1721 гг. показал, что к данному предмету мастера, наносившие рельеф, относились с известной долей небрежности. В ряде случаев этот элемент отсутствует, хотя и упоминается в межевом протоколе. Наиболее часто в качестве «пояса» использовались естественные трещины в камне, иногда подвергавшиеся доработке.

Наконец, необходимо рассмотреть последний элемент символики, появлявшейся на рубежных камнях. Несмотря на то, что межевые записи практически всегда говорят о «коронах» во множественном числе, чаще всего в реальных знаках присутствует только одна корона. С чем это связано, сказать сложно. Возможно, в ходе работы комиссии производились только малотрудоемкие работы: изготовление ям с углем, «огранка» деревьев и нанесение на них изображений. Вероятно, изготовление рельефов как более сложный процесс, требующий услуг профессиональных мастеров, производилось в другое, более позднее время, без полноценного контроля со стороны членов комиссий. Относительно знаков 1617 г. об этом косвенно свидетельствует то, что полный комплект из трех корон изображен на тех знаках (из Осиновой горки и из р. Луги), которые находились на трассах крупных дорог, где постоянно происходило движение, в том числе перемещение иностранных посольств. Наконец, необходимо сказать о форме изображаемых корон. Наиболее характерная форма короны для памятников Тязвинского (в случаях, когда они изображались), Столбовского и, в нескольких случаях, Ништадского мира — с тремя зубцами и нижним краем полукруглой формы. В ряде случаев мы можем видеть раздвоение верхней части центрального зубца, иногда добавление дополнительных дуг в верхней части. Эти элементы детализировки оказываются в рамках традиции шведской геральдики и отражают элементы реальной короны, первоначально изготовленной для короля Эрика XIV и используемой до настоящего времени. Отметим, что ряд знаков Ништадского мира несет изображение корон абсолютно другого облика.

Таким образом, пограничные знаки Столбовского мира 1617 г. оказываются частью традиции, связанной с более ранними средневековыми межевыми знаками, памятниками Тязвинского мира 1595 г. и позднейшими знаками Ништадского мира 1721 г. Письменные данные демонстрируют множество подобных памятников, не выявленных до настоящего времени. В таком случае, безусловно, перспективным направлением оказывается продолжение полевой работы по поиску и локализации на местности⁶⁶ как знаков Столбовского мира, так и других границ.

¹ Чернов А. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1956; Разин Е.А. История военного искусства. Т. III. СПб., 1994.

² Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской границе Московского государства до времени Алексея Михайловича. М., 1846.

³ Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916.

⁴ Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896; Репников Н.И. Памятники военной старины в низовьях Волхова // Записки разряда военной археологии Русского военно-исторического общества. Т. 3. Пг., 1914. С. 110–123; Оглобин Н.Н. Обзор историко-географических материалов XVII и начала XVIII столетий, заключающихся в книгах Разрядного приказа // Описание документов и дел Московского архива Министерства юстиции. Кн. 4. М., 1884.

⁵ РГАДА. Ф. 96 «Сношения России с Швецией»; Ф. 79 «Сношения России с Польско-Литовским государством».

⁶ Пежемский В.Г. Конфликты на границе России с Великим княжеством Литовским в XVI – начале XVII в. // Феодальная Россия. Новые исследования: Вып. 2. СПб., 1998. С. 55–59.

⁷ Шеломанова Н.Б. К вопросу об изучении источников по истории внешней политики России в конце XVI в. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 180–198.

⁸ Кромм М.М. Меж Русью и Литвой. М., 2008.

⁹ Темушев В.Н. 1) Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 1. Минск, 2004. С. 71–80; 2) Литовско-тверская граница (проблемы интерпретации источников) // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 2. Минск, 2007. С. 135–142; 3) Литовско-тверская граница (вторая половина XIV – начало XVI в.) // Вестник ТвГУ. Сер. История. Вып. 4. Тверь, 2007. С. 87–97; 4) Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV – начале XVI в. // Материалы по археологии Беларуси. № 14. Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси. К 60-летию О.Н. Левко. Минск, 2007. С. 241–250; 5) К вопросу о московско-литовской границе в XV в. (Волости Чагоща и Болонеск) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 15. Археалогія эпохі сярэднявечча. Да 80-годдзя з дня нараджэння Г.В. Штыхава. Минск, 2008. С. 186–193; 6) Формирование московско-литовской границы в XV – начале XVI в. // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 1. Минск, 2008. С. 56–75; 7) Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494. М., 2013.

¹⁰ Малов А.В. 1) Борьба за Невель в конце Смуты // *Ukraina Lithuanica*. Киев, 2008; 2) Северо-западное пограничье в конце Смуты (1613–1619): К методике реконструкции событий и источниковедению темы // *Смутное время в России. Конфликт и диалог культур*. СПб., 2012. С. 169–173.

¹¹ Курбатов О.А. Атаман, ездоки и вожи: станция русских пограничников 1630-х гг. // *История военного дела: исследования и источники*. 2014. Т. V. С. 71–83.

¹² Бурцев И.Г. 1) Обустройство Тульской засечной черты XVI–XVII вв. по историческим и археологическим источникам // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. III. Казань, 2014. С. 574–576; 2) Тульские засеки XVI–XVII в.: историко-археологическое изучение // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 3. Ч. 1. С. 16–17.

¹³ Толотвин А.Н. Усманский участок Белгородской Черты XVII века (результаты натурного обследования) // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. III. Казань, 2014. С. 584–589.

¹⁴ Резников А.И., Степочкина О.Е. 1) Локализация южной части русско-шведской границы 1617 года и пограничных знаков на ней // *Проблемы исторического регионоведения*. СПб., 2005. С. 212–235; 2) Пограничные камни на границе 1323/1595 гг. на участке 1-го межевого протокола 1595 г. http://www.aroundspb.ru/history/border_stones/border_stones.php.

¹⁵ Пидотти Г.А. Реальные памятники Столбовского договора // *Известия всесоюзного географического общества*. Т. LXXIII. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 313–314.

¹⁶ Богданов В.И. 1) Уникальные наскальные метки ординаров XIX в. и демаркационные знаки XIV–XVII вв. в Балтийско-Ладожском, регионе // *Университетские Петербургские чтения*. СПб., 2003. С. 503–513; 2) Обследование трех межевых знаков границы России и Швеции по Ореховецкому и Столбовскому мирным договорам // *Скандинавские чтения 2004 года*. СПб., 2006. С. 121–133.

Резников А.И., Исаченко Г.А. О влиянии природных границ на политические рубежи Северо-Запада Европейской России // *Университетские Петербургские чтения*. СПб., 2003. С. 584–587.

Резников А.И., Исаченко Г.А., Балашов Е.А. Наследие политических границ прошлого в современных ландшафтах северо-запада Европейской России // *Изв. Рус. геогр. о-ва*. 2000. Т. 132. Вып. 2. С. 13–25.

¹⁷ Selin A.A. Appearing of the Borderland Delimitation in Ingermanland in 1617–1618 // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 49. No. 2–3. 2015. С. 282–293.

Селин А.А. Русско-шведская граница 1617–1700 гг. Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб., 2016.

Селин А.А., Фомина Ю.Б. После Столбова: трассирование границы в Ижорской земле в 1617–1618 гг. // В кн.: *От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.* М.; Вологда: Древности севера, 2016. С. 348–356.

Selin A.A., Kukushkin K., Sablin I., Kocheryagina E. Regimes of the Russian-Swedish border in the Novgorod Lands // *Basic Research Programme. Series HUM «Humanities»*. No. 149. 2017. С. 2–24.

¹⁸ Шмелев К.В. 1) Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» XVII века // *Новый часовой*. 2004. № 15. С. 7–22; 2) «Чертеж Русским и Шведским городам» как источник о фортификации пограничных крепостей в период войны 1656 г. *История и археология // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды восьмой международной научно-практической конференции*. Ч. IV. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017.

- ¹⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собрание 1. Т. 1. СПб., 1838. С. 177–216; Русско-шведские экономические отношения. М; Л., 1960. С. 25–27.
- ²⁰ Hallenberg J. Svea rikes historia under konung Gustaf Adolf den stores regering. Stockholm, 1794; Rydberg O.S. Hallendorf C. Sverges traktater med frammande magter jemte andra dit horande handingar. 5 del, 1 halft. 1572–1632. Stockholm, 1903. № 24.
- ²¹ «Старинная до-Петровская карта, на которой, между прочим, обозначены местности, где ныне Петербург и Петербургская губерния», название, вероятно, присвоенное при поступлении в архив в XVIII в.). РГАДА. Разр. XVI. Д. 387; также доступна на официальном портале РГАДА: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?номер=740>.
- ²² ПСЗРИ. С. 196.
- ²³ Пидотти Г.А. Реальные памятники Столбовского договора. С. 314.
- ²⁴ ПСЗРИ. С. 196.
- ²⁵ Там же. С. 195–201.
- ²⁶ Резников А.И., Степочкина О.Е. Локализация южной части русско-шведской границы 1617 года... С. 212–235.
- ²⁷ ПСЗРИ. С. 204.
- ²⁸ Шмелев К.В. «Чертеж Русским и Шведским городам»... С. 570.
- ²⁹ Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С. 86.
- ³⁰ Прилежаев Е.М. Записка о населении и основании Олонца // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 227–237; Андреев А.П. Ладожское озеро. СПб., 1875. С. 27, 28.
- ³¹ Иванов А.И. Варашев камень и камень на Сердобольском тракте // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. С. 70–73.
- ³² Богданов В.И., Малова Т.И. «Варашев» или «Вороний» камень как демаркационный знак границы 1617 г. между Россией и Швецией, гидрографический и картографический объект // Геодезия и картография. 2001. № 10. С. 58–61.
- ³³ Шмелев К.В. Полевой отчет об археологических разведках на территории Выборгского, Приозерского, Кингисеппского и Тосненского районов Ленинградской области и Питкярантского района республики Карелия в 2018-19 годах. СПб., 2019.
- ³⁴ GPS координаты объекта 61°16'58.85"N 31°54'58.10"E.
- ³⁵ Hallenberg J. Svea rikes historia under konung Gustaf Adolf den stores regering. С. 367.
- ³⁶ Иванов А.И. Варашев камень и камень на Сердобольском тракте. С. 70–73.
- ³⁷ Hallenberg J. Svea rikes historia under konung Gustaf Adolf den stores regering. С. 367.
- ³⁸ Огромная благодарность Александру Пересветову-Мурату (Pereswetoff-Morath A. Stockholm) за консультации и современный перевод текста на камне из Вяртсилья.
- ³⁹ ПСЗРИ. С. 195.
- ⁴⁰ Пидотти Г.А. Реальные памятники Столбовского договора. С. 314.
- ⁴¹ Резников А.И., Степочкина О.Е. Локализация южной части русско-шведской границы 1617 года... С. 212–235.

⁴² Там же.

⁴³ GPS координаты объекта 59°33'14.00"N 31°38'2.00"E.

⁴⁴ ПСЗРИ. С. 211.

⁴⁵ Резников А.И., Степочкина О.Е. Локализация южной части русско-шведской границы 1617 года... С. 212–235.

⁴⁶ Бельский С.В. Развитие газотранспортных мощностей ЕСГ Северо-Западного региона, участок Грязовец — КС Славянская. Отчетная документация по результатам инженерных изысканий. Раздел 7. Археологические изыскания. Линейная часть. Ч. 2. Итоговый технический отчет по выполненным археологическим исследованиям на территории Ленинградской области. Кн. 1. Пояснительная записка. СПб., 2016. С. 50.

⁴⁷ ПСЗРИ. С. 198.

⁴⁸ GPS координаты объекта 59°13'49.13"N 30°53'5.23"E.

⁴⁹ Пидотти Г.А. Реальные памятники Столбовского договора. С. 314.

⁵⁰ ПСЗРИ. С. 198.

⁵¹ Резников А.И., Степочкина О.Е. Локализация южной части русско-шведской границы 1617 года... С. 212–235.

⁵² Селин А.А. Ивангородская дорога. СПб., 1996. С. 20; Шмелев К.В. «Стрелять пристрашно». Находки на Северо-Западе России орудий XVI–XVII вв. с боевыми повреждениями // История военного дела: исследования и источники. Спец. вып. VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I. 2016. С. 231.

⁵³ ПСЗРИ. С. 199.

⁵⁴ Бельский С.В. Развитие газотранспортных мощностей... С. 59.

⁵⁵ GPS координаты объекта 59°12.783' N 30°11.850' E.

⁵⁶ ПСЗРИ. С. 200.

⁵⁷ Смольский Д.И. Историческое прошлое и археологические памятники нашего края. Каменный век; городища; курганы; каменные кресты, знаки; клады; железодельная промышленность. Кингисепп, 1994. С. 28.

⁵⁸ Шмелев К.В. Полевой отчет об археологических разведках... С. 34–35.

⁵⁹ GPS координаты объекта 59°16'23.36"N 28°47'11.32"E.

⁶⁰ Романов Е.Р. Древние лапидарные памятники Западно-Русского края // Записки Северо-западного отдела Императорского русского географического общества. Вильно: Типография А.Г. Сыркина, 1911. Т. 2. С. 57–64; Таранович В.П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // Советская археология. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1946. Т. VIII. С. 249–260.

⁶¹ Янин В.Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура древней Руси: Посвящ. 40-летию науч. деятельности Н.Н. Воронина. М., 1966. С. 313–324.

⁶² Седов В.В. Межевой камень XIV в. из Изборска // Советская археология. 1974. № 3. С. 262.

⁶³ Будько В.И. Межевики // Знамя труда. 24.12.1998 г.

⁶⁴ ПСЗРИ. С. 211.

⁶⁵ Там же. С. 199.

⁶⁶ Огромная благодарность Владимиру Гранскому (Выборг), Адриану Селину (Санкт-Петербург) и Александру Пересветову-Мурату (Стокгольм).

Ю.В. Щербаков, И.Н. Касьян (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ И НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД (10 ИЮЛЯ 1941 г. — 9 АВГУСТА 1944 г.)

22 ИЮНЯ 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на СССР. Началась Великая Отечественная война. Красная армия, нанося контрудары по врагу, с боями отступает на восток страны.

Уже в первый день войны в Ленинграде и области было объявлено военное положение. С 23 июня началась мобилизация военнообязанных граждан. 27 июня 1941 г. исполком Ленинградского городского совета принял решение «О привлечении граждан Ленинграда к трудовой повинности». Усилиями 500 тысяч ленинградцев, в основном подростков и женщин, вокруг Ленинграда начала создаваться система оборонительных полос и рубежей протяженностью в 175 км¹.

Силам противника на северо-западном направлении противостояли войска Прибалтийского особого и Ленинградского военных округов. 6 июня с целью недопущения прорыва вражеских войск в сторону Ленинграда была сформирована Лужская оперативная группа, которую возглавил генерал-лейтенант К.П. Пядышев². Отметим, что за оборону западных подступов к Ленинграду Ленинградский военный округ накануне Великой Отечественной войны не отвечал. С июля 1940 г. задачу прикрытия границы с Восточной Пруссией решал Прибалтийский (с августа 1940 г. приобрел статус «особого») военный округ (генерал-полковник Ф.И. Кузнецов), который для обороны подступов к Ленинграду имел две основные армии: 8-ю (генерал-майор П.П. Сovenников) и 11-ю (генерал-лейтенант В.И. Морозов). 22 и 24 июня 1941 г.

эти два округа преобразованы (соответственно) в Северо-Западный (генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, с 4 июля генерал-майор П.П. Собенников) и Северный фронты (генерал-лейтенант М.М. Попов). Если задачей Северо-Западного фронта являлось не допустить вторжения войск вермахта из Восточной Пруссии, то задачей Северного фронта было не допустить вторжения противника со стороны Финляндии (прикрытие Ленинграда с севера).

Следует отметить, что южнее и западнее Ленинграда Ленинградский военный округ не имел никаких войск, кроме нескольких артиллерийских частей, которые были отправлены в летние лагеря. В районе Стругов Красных дислоцировалась 1-я танковая дивизия, которую в начале войны перебросили на Карельский перешеек, где местность изобиловала лесами и непроходимыми болотами. Основные силы округа находились на границе с Финляндией от Финского залива до Баренцева моря. Именно с этого направления командование Ленинградского военного округа ожидало главный удар по своим войскам³.

Главные события в июле развернулись на Лужском рубеже протяженностью свыше 250 км (от устья реки Луги до озера Ильмень). Противник сосредоточил здесь основные силы, намереваясь прорвать оборону советских войск и развивать наступление на Ленинград. Группа армий «Север» превосходила войска Северо-Западного фронта по личному составу в 2,4; орудиям — в 4; минометам — в 5,8; танкам — в 1,2; самолетам — в 9,8 раза.

9 июля немецкими войсками была прорвана советская оборона по рубежу реки Великой. Это означало, что Прибалтийская оборонительная операция закончилась и без паузы перешла в Ленинградскую оборонительную операцию.

Непосредственное наступление группы армий «Север» на Ленинград началось 10 июля 1941 г. с рубежа реки Великой. В этот день вражеские войска сумели осуществить прорыв Лужского оборонительного рубежа и, развивая свое наступление, начали продвигаться по трем направлениям в сторону Ленинграда, Пскова и Новгорода. К 10 июля 1941 г. противник продвинулся вглубь территории СССР на 500–600 км. В 72 дивизиях Западного, Северо-Западного и Юго-Западных фронтов безвозвратные потери составили более половины личного состава, а 28 советских дивизий были разгромлены полностью. В этом сражении приняли участие в общей сложности силы и средства пяти фронтовых объединений: Северного (позднее Ленинградского), Северо-Западного,

Волховского, Карельского и 2-го Прибалтийского фронтов, Балтийского флота, Ладужской и Онежской флотилий, а также соединения дальней авиации и многочисленные полки и бригады ленинградских партизан. Возникла угроза потери Советским Союзом важнейших промышленных объектов, запасов материальных средств, сельскохозяйственной продукции и пр. Поэтому 10 июля 1941 г. считается датой начала битвы за Ленинград, в которой приняло участие огромное количество войск. Вместе с тем, несмотря на значительное превосходство врага, советские войска сорвали попытку немецко-фашистских захватчиков прорваться к Ленинграду с ходу. На Лужском рубеже враг потерял десятки тысяч солдат и офицеров, огромное количество боевой техники. Героическая оборона Луги длилась 45 дней. К концу июля ценой больших потерь немецко-фашистские войска вышли на рубеж рек Нарвы, Луги, Мги, где вынуждены были перейти к обороне.

В августе 1941 г. военно-политическая обстановка в районе Ленинграда обострилась. С 8 августа немецко-фашистские войска перешли в наступление на красногвардейском направлении. 16 августа советские войска оставили г. Кингисепп, к 21 августа противник вышел к Красногвардейскому укрепленному району. С 22 августа начались бои на ораниенбаумском направлении. На новгородско-чудском направлении немецкая 16-я армия к 19 августа захватила Новгород, а 20 августа советские войска оставили Чудово. Важную роль в этот период боевых действий сыграл контрудар войск Северо-Западного фронта в районе Старой Руссы, который отвлек значительные силы врага и позволил перейти к обороне на всех участках фронта.

30 августа Государственный Комитет Оборона упразднил Совет обороны Ленинграда и передал его функции Военному совету Ленинградского фронта. Командующим Ленинградским фронтом был назначен К.Е. Ворошилов⁴.

В борьбе за взятие Ленинграда немецко-фашистское командование приняло абсолютно осознанное решение о выборе своего главного союзника — «голода». В связи с тем, что в Ленинграде разрыв между пополнением продовольственных ресурсов и их расходами увеличивался, 8 июля 1941 г., т. е. еще до наступления блокады, руководством города была введена карточная система распределения продуктов по общегосударственным нормам.

Исходя из того, что город на Неве потреблял больше продовольствия, чем в него ввозилось, советское правительство

31 августа 1941 г. приняло специальное постановление о снабжении Ленинграда, в котором были определены следующие области: Горьковская, Ярославская, Вологодская, Кировская. Кроме этого, с 1941 по 1942 гг. продукты питания поступали из следующих областей: Омской, Саратовской, Куйбышевской, Сталинградской, Свердловской, Чкаловской, а также из Алтайского и Краснодарского краев, Татарской и Башкирской АССР и некоторых других регионов⁵.

На 1 сентября в Ленинграде имелось: зерна и муки на 35 суток, крупы и макарон на 30, мяса на 33, жиров на 45, сахара и кондитерских изделий на 60 суток. Запасов овощей не было. Почти не было овса и сена. Суточное поступление продуктов питания водным и воздушным транспортом не восполняло и одной трети одностороннего расхода.

Вечером 8 сентября 1941 г. командующий Резервным фронтом Г.К. Жуков был вызван в Кремль и после доклада И.В. Сталину о ликвидации ельнинского выступа вышел из кремлевской квартиры Сталина с запиской, адресованной К.Е. Ворошилову, в которой Верховный писал: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву»⁶.

9 сентября 1941 г. немецко-финские войска перерезали железнодорожную магистраль, связывающую Мурманск и Ленинград, изолировав тем самым Северный флот и войска 14-й армии от центральных регионов страны. Условия боевого и повседневного функционирования тылов Северного флота и 14-й армии значительно ухудшились. Подвоз вооружения, боеприпасов, продовольствия, фуража и других материальных средств из центра был прерван⁷.

13 сентября Г.К. Жуков вступил в должность командующего Ленинградским фронтом и принял необходимые меры для организационного укрепления войска.

Против Ленинградского фронта наступала группа армий «Север». Главный удар наносила ее 4-я танковая армия через Пушкин и Пулковку. 18-я армия этой группы частью сил наступала на Ленинград вдоль дороги Красное Село — Лигово, а другой частью сил — на Ораниенбаум.

В отражении вражеского наступления на Ленинград и Кронштадт большую роль сыграла авиация, войска противовоздушной обороны, Краснознаменный Балтийский флот и партизанские формирования.

Уже в сентябре 1941 г. в городе начался голод. В начале ноября появились первые жители блокадного Ленинграда, которые были больны дистрофией. В ноябре умерло от голода 11 085 человек, в декабре скончалось 52 881, в январе и феврале 1942 г. смерть унесла 199 187 человек⁸.

Важным является тот факт, что с 22 ноября открылось движение автотранспорта через Ладогу по ледовой трассе, однако запасы продовольствия в городе на 1 декабря 1941 г. составляли: крупы — на 3,9 суток, мяса, в том числе мясопродуктов — на 3,3, сахара и мучных изделий — на 17, муки на 13,2 суток. По состоянию на 1 января в городе оставалось всего 980 т муки, другими словами, не более, чем на два полных дня.

Исходя из чрезвычайно острого положения с запасами продовольствия, которое сложилось осенью 1941 г., Военный совет был вынужден с сентября по ноябрь в два раза снизить нормы выдачи хлеба личному составу флота и фронта, в пять раз — для гражданского населения Ленинграда. По состоянию на 20 ноября суточные нормы выдачи хлеба составляли: служащим — по 125 г, рабочим и инженерно-техническим работникам — по 250, летно-техническому составу военно-воздушных сил, личному составу передовой линии и боевых кораблей — по 500, тыловых частей — по 300 г хлеба.

С началом блокады и до конца 1941 г. из средств Балтийского флота в общий котел было передано почти 3250 т продовольствия⁹. Промышленности и коммунальным предприятиям Ленинграда флотом было выделено 6300 т мазута, 465 т дизельного топлива, 40 тыс. л бензина и около 25 тыс. т твердого топлива¹⁰. Кроме того, флотский тыл полностью оснастил и обеспечил формирование 7 бригад и 2 батальонов морской пехоты, 15 артиллерийских батарей (а с учетом переданных из состава флота — 43 батареи), направленных на фронт¹¹. Флотом была организована и содержалась Малая дорога жизни, пролежавшая с южного на северный берег Финского залива по маршруту Бронка–Кронштадт–Горская¹².

Ленинград был разделен на семь секторов: Кировский, Московский, Выборгский, Приморский, Володарский, Красногвардейский и Балтийский. В каждом секторе имелись подготовленные узлы обороны (в крупных зданиях или целых кварталах) и опорные пункты (в небольших домах, на площадях, улицах). Большую помощь войскам оказывало само население

города на Неве. В осажденном Ленинграде было сформировано 10 дивизий народного ополчения, 7 из которых стали кадровыми. Кроме того, для подготовки обороны непосредственно в городе была создана самостоятельная организация — «Внутренняя оборона города». Всего в ее составе уже к началу 1942 г. насчитывалось 36 тысяч человек, которые принимали участие в строительстве оборонительных рубежей, сражались в составе соединений и частей народного ополчения, действовали в формированиях местной противоздушной обороны (МПВО)¹³. По данным начальника МПВО И.В. Калягина, по Кировскому району Ленинграда за период блокады зафиксирована 61 бомбардировка, было сброшено 526 фугасных бомб и более 20 тыс. зажигательных; проведено 926 артобстрелов, выпущено 57 426 снарядов, убито 695 и ранено 2511 чел., повреждено и разрушено 264 жилых, 176 производственных и складских зданий, возникло 260 пожаров¹⁴. В этом районе в 4 км от фронта находился Кировский завод, который, несмотря на эвакуацию основного производства, продолжал выпускать военную продукцию (полевые пушки, корпуса мин и гранат, снаряды для реактивных установок «Катюша»; танки КВ-1, броню для которых поставлял Ижорский завод). Гарнизоны 166-го полка войск НКВД не только обеспечивали наземную охрану завода, но и совместно с рабочими, силами МПВО тушили пожары, ликвидировали последствия вражеских налетов, обстрелов и др.

Разведка группы армий «Север» и 18-й армии уделяла особое внимание положению внутри блокированного Ленинграда¹⁵. Повышенный интерес она проявляла к военному производству. В первую блокадную зиму противник пытался в массовом порядке заслат в Ленинград свою агентуру. В городе на Неве службу несли сотрудники органов безопасности и милиции, имелся значительный отряд бойцов и командиров войск НКВД. В числе 27 охраняемых войсками НКВД объектов было 14 заводов (в том числе 10 «номерных» — полностью оборонного значения), выпускавших продукцию для фронта. С августа до конца 1941 г. войска НКВД по охране тыла фронта обезвредили 249 шпионов и их пособников, 16 парашютистов. С целью ведения боевых действий совместно с войсками Красной армии и проведения самостоятельных операций по ликвидации десантов, регулярных частей противника и поддержания общественного порядка в условиях военного

времени был сформирован сводный отряд милиции УНКВД по Ленинградской области в составе 12 батальонов численностью 6242 чел. (июль 1941 г.), 15 специальных частей милиции — батальоны в количестве 5864 человек (август), комсомольско-молодежный полк охраны порядка — 2429 (август–сентябрь), особый батальон Управления НКВД по Ленинградской области, насчитывающий 539 человек (сентябрь) и специальная стрелковая дивизия милиции (декабрь 1941 г.)¹⁶.

Выполняя решения военных и гражданских властей, не зная отдыха, постоянно подвергая опасности свои жизни и здоровье, сотрудники правоохранительных органов выполняли ответственные задачи по выявлению вражеской агентуры, диверсантов, дезертиров и иного преступного элемента.

В сентябре 1941 г. войска НКВД по охране тыла задержали на Северном (Ленинградском) фронте 31 287 человек, на Карельском — 16 319, на Волховском — 5221, на Северо-Западном фронте — 4936 человек. В ноябре того же года число задержанных на Ленинградском фронте составило 7506 человек, а в декабре — 7580. Так, комиссар государственной безопасности 3-го ранга П.Н. Кубаткин приводил примеры, когда агентам врага удалось устроиться работать на военные предприятия. Благодаря бдительности советских людей шпионы и диверсанты обезвреживались¹⁷.

Окружение Ленинграда не позволило осуществлять снабжение защищавших его войск вооружением и боеприпасами обычным порядком. Оценив возможности городской промышленности и объемы запасов материальных средств, военное и политическое руководство Ленинграда пришло к заключению о возможности налаживания собственного производства вооружения, практически независимого от поставок с «большой земли». В течение первых блокадных месяцев в городе начали выпускать необходимую фронту продукцию: стрелковое оружие, ручные гранаты, патроны, артиллерийские боеприпасы¹⁸.

С 10 ноября по 30 декабря 1941 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов провели Тихвинскую наступательную операцию. В результате они освободили 9 декабря Тихвин и продвинулись на 100–120 км, чем обеспечили сквозное движение по железной дороге до станции Войбокало. План врага — соединиться с финскими войсками и изолировать Ленинград от страны — был окончательно сорван.

К январю 1942 г. на всем советско-германском фронте сложилась более благоприятная обстановка. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от командующих войсками Ленинградского и Волховского фронтов подготовить и провести операции для разгрома 18-й полевой армии противника и прорыва блокады Ленинграда. С этой целью в январе–апреле проводилась Любанская операция. По замыслу оба фронта должны были прорвать блокаду Ленинграда.

В апреле 1942 г. командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал-лейтенант Л.А. Говоров, который объехал все армии фронта и потребовал углубить все окопы и ходы сообщения, усилить контрбатарейную борьбу с подключением военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота в помощь наземной артиллерии. Кроме того, от артиллерии командующий фронтом потребовал усилить противотанковую оборону. На главном направлении удара 42-й армии было образовано 28 противотанковых районов и батальонных противотанковых узлов с количеством орудий в 760 единиц. Всю артиллерию фронта Л.А. Говоров приказал разместить в дзотах. С этой целью было построено свыше 3 тысяч укреплений для орудий и личного состава¹⁹.

Под руководством командующего Ленинградским фронтом проводились частичные операции в целях улучшения исходного положения, а с июня 1942 г. осуществлялась операция по захвату Урицка, Старо-Паново, Усть-Тосно.

В конце лета 1942 г., на основе решения Ставки о прорыве блокады Ленинграда зимой через Неву, командующие Ленинградским и Волховским фронтами наметили форсирование Невы на участке ГЭС-8 — Шлиссельбург и определили состав войск для форсирования. Подготовка к прорыву блокады продолжалась до конца года. Основные усилия войск Ленинградского фронта были сосредоточены в полосе 67-й армии, которой командовал генерал М.П. Духанов. Волховский фронт главный удар наносил своим правым крылом силами 2-й ударной армии под командованием генерала В.З. Романовского. Советские войска превосходили противника по личному составу в 4,4 раза, в артиллерии в 6–7, танках в 10 и в самолетах в 2 раза.

К 12 января 1943 г. подготовка к прорыву блокады Ленинграда была закончена, и после 2 часов 20 минут ураганного огня артиллерии Ленинградского фронта и 1 часа 45 минут Волховского

фронта, одновременным броском четырех стрелковых дивизий первого эшелона начался штурм немецких позиций.

В центре наступала 136-я дивизия генерал-майора Н.П. Симоняка. Слева в атаку шла 86-я дивизия Героя Советского Союза полковника В.А. Трубачева. Справа атаковала 268-я дивизия полковника С.Н. Борщева. На 8-ю ГЭС на правом фланге наступала 45-я гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия Героя Советского Союза генерал-майора А.А. Краснова. 102-я стрелковая и танковая бригады находились во втором эшелоне наступления. Для прорыва вражеской обороны на Невском «пяточке» было сосредоточено около 2 тыс. орудий и минометов. Для штурма 12-метрового отвесного берега Невы красноармейцы были снабжены трехметровыми лестницами и веревками. Действия наступавших войск поддерживали 13-я и 14-я воздушные армии под командованием генералов С.Д. Рыбальченко и И.П. Журавлева.

13 января сражение продолжалось. Наступление советских войск шло с темпом 1–2 км в сутки. До войск Волховского фронта оставалось 8 км. На 14 января расстояние между двумя фронтами сократилось до 4 км. 16 января — 1 километр.

18 января в 9 часов 30 минут на восточной окраине Рабочего поселка № 1 встретились солдаты и командиры из 123-й отдельной стрелковой бригады Ленинградского фронта с бойцами 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта полковника П.И. Радыгина. Через два часа (в 11 часов 45 минут) в районе Рабочего поселка № 5 бойцы 269-го полка 136-й стрелковой дивизии генерал-майора Н.П. Симоняка соединились с подразделениями 424-го полка 18-й стрелковой дивизии Волховского фронта генерал-майора М.Н. Овчинникова. В результате успешных действий двух фронтов в районе Ладожского озера образовался коридор шириной 8–10 км. Шестнадцатимесячная блокада Ленинграда была прорвана.

18 января 1943 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление о строительстве железнодорожной ветки Шлиссельбург — Поляна, названной «Дорогой Победы», а проведенная операция двух фронтов — операцией «Искра»²⁰.

В октябре 1943 г. по указанию командующего Ленинградским фронтом генерал-полковника Л.А. Говорова (звание генерал армии присвоено 17 ноября 1943 г.) командующий артиллерией Г.Ф. Одинцов провел расчеты и закончил оформление артиллерийских группировок 2-й ударной и 42-й армий.

5 ноября 1943 г. началась переброска из Ленинграда на Ораниенбаумский плацдарм 2-й ударной армии Ленинградского фронта. Через две недели сюда было доставлено 30 тыс. личного состава, 1400 автомашин, 3 тыс. лошадей, почти 10 тыс. т боеприпасов, десятки танков, сотни орудий и других грузов²¹. В результате этой работы ко второй половине декабря 1943 г. артиллерия РВГК Ленинградского фронта имела среднюю укомплектованность личным составом до 90 %, материальной частью основных калибров — 100 %, автотранспортом на 95 %, приборами наблюдения 80–85 %, радиостанциями — 90,3 %²².

Враг на своих оборонительных рубежах создавал долговременные оборонительные сооружения, минные поля, противотанковые заграждения, огромное число пулеметных точек, простреливавших перекрестным огнем подходы к своим позициям. Фронтная и армейская разведки представляли важные сведения о состоянии вражеских оборонительных рубежей, их огневом обеспечении, что подтверждалось и захваченными пленными.

Оборона 18-й германской армии была глубоко эшелонированной. Противник умело использовал господствующую над нашими позициями местность, сильную огневую систему. Траншеи и полосы заграждения тянулись вдоль фронта от Финского залива до реки Тосно. Узлы сопротивления были приспособлены к круговой обороне. Вражеские войска имели в своем распоряжении много артиллерии. Фашисты считали свою оборону непреодолимой и называли ее «Северным валом».

14 января 1944 г. с привлечением войск Ленинградского (командующий генерал армии Л.А. Говоров), Волховского (командующий генерал армии К.А. Мерецков), 2-го Прибалтийского фронтов (командующий генерал армии М.М. Попов) и Краснознаменного Балтийского флота (командующий адмирал В.Ф. Трибуц) началась Ленинградско-Новгородская операция (по 1 марта 1944 г.). По ходу боевых действий и характеру выполняемых задач она делится на три этапа.

Первый этап начался 14 января в 10:40 с 66-минутной артподготовки. С Ораниенбаумского плацдарма на юго-восток в сторону Ленинграда пошли в наступление полки 2-й ударной армии Ленинградского фронта. К концу дня ее войска прорвали вражескую оборону и углубились на 3–4 км, освободив Гостилицы, Новую, Порошки.

Утром 15 января артиллерия 42-й армии Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота начала мощную огневую подготовку. В 11 часов части и соединения 42-й армии из района Пулковских высот двинулись вперед в красносельском направлении.

16 января войска 2-й ударной и 42-й армии, преодолевая яростное сопротивление врага, медленно, но настойчиво продвигались вперед. Над частями и соединениями противника, оборонявшимися в районе Красного Села, Ропши, Стрельны, нависла угроза окружения. Стремясь спасти свои войска от полного разгрома, противник начал отводить их из района севернее Красного Села в южном направлении. Одновременно войска Волховского фронта, сломив ожесточенное сопротивление противника, штурмом овладели сильным узлом его обороны в районе Новгород–Подберезья. Войска 67-й армии (командарм генерал-лейтенант В.П. Свиридов) Ленинградского фронта освободили Шлиссельбург (Петрокрепость).

19 января 1944 г. войска 42-й армии взяли Красное Село, а войска 2-й ударной армии освободили Ропшу. К исходу дня войска этих армий, соединившиеся юго-восточнее Ропши, завершили разгром петергофско-стрельнинской группировки противника²³.

20 января войска Ленинградского и Волховского фронтов при поддержке своей авиации, корабельной и береговой артиллерии Краснознаменного Балтийского флота, авиации дальнего действия разгромили фланговые группировки 18-й полевой армии и создали условия для последующего наступления. Выполнив свои ближайшие задачи, создали условия для последующего наступления по всему фронту от Копорского залива до озера Ильмень. Войска Волховского фронта (59-я армия) освободили Новгород и завершили окружение разрозненных частей противника, полностью их ликвидировав. Таким образом, Ленинградский и Волховский фронты, соединившись 20 января в районе Ропши, ликвидировали окруженную петергофско-стрельнинскую группировку врага. В этот же день был освобожден Новгород.

21 января войска левого крыла Ленинградского и правого крыла Волховского фронтов освободили железнодорожный узел и г. Мга и приступили к преследованию противника, отходившего с линии фронта Мга–Чудово. В ходе операции 27 января была освобождена Октябрьская железная дорога. Путь

на Москву был открыт. Этот день стал днем полного снятия блокады Ленинграда²⁴. В ознаменование этого события в городе был произведен праздничный салют 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

Второй этап Ленинградско-Новгородской операции начался 31 января, когда войска Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с партизанами, развивая наступление на Новгородском и Лужском направлениях, овладели Лугой и к 15 февраля полностью прорвали оборону противника. При этом они продвинулись на 100–120 км, вышли к р. Нарве и вступили на территорию Эстонской ССР.

Поражение 18-й полевой армии создало угрозу 16-й немецкой армии, что вынудило немецко-фашистское командование отвести ее соединения на запад. В связи с сокращением линии фронта 15 февраля решением Ставки ВГК Волховский фронт был расформирован, а его соединения вошли в состав Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов.

Третий этап Ленинградско-Новгородской операции (16 февраля — 1 марта) характеризуется тем, что войска Ленинградского фронта силами правого крыла расширили плацдарм на р. Нарве, а войска левого крыла продолжали преследование противника на Псковском и Островском направлениях. Главные силы 2-го Прибалтийского фронта вели преследование отходящих соединений 16-й армии противника. В течение трех первых месяцев 1944 г. были освобождены Любань, Чудово, Сиверское, Оредеж, Ляды, Луга, Сланцы, Шимск, Гдов, Плюсса, Уторгож, Сольцы, Бологое, Струги Красные, Дно, Дедовичи, Порхов, Новосельское и др. населенные пункты. Фронты, сражающиеся за Ленинград, продолжали свою освободительную миссию.

К 1 марта советские войска полностью освободили Ленинград от фашистской блокады, отбросив врага на 220–280 км на запад, освободив тем самым почти всю Ленинградскую область и часть Новгородской области, вышли на подступы к границам Латвии и вступили в пределы Эстонии, создав условия для разгрома противника в Прибалтике и в районе к северу от Ленинграда. Это означало завершение Ленинградско-Новгородской наступательной операции²⁵.

Завершающей операцией битвы за Ленинград явилась Выборгско-Петрозаводская стратегическая наступательная операция, проведенная в период с 10 июня по 9 августа 1944 г.

К середине 1944 г. в результате разгрома немецко-фашистских войск в январе–феврале под Ленинградом и Новгородом резко ухудшилось положение Финляндии. В стране ширилось антивоенное движение. Однако финское командование ставило перед собой задачу во что бы то ни стало удержать занимаемые позиции. Используя многочисленные озера, реки, болота, лесные массивы, гранитные скалы и возвышенности, финские войска создали прочную, хорошо оборудованную в инженерном отношении оборону глубиной от 120 до 180 км. На Карельском и Онежско-ладожском перешейках оборонялись основные силы финской армии в составе 15 дивизий, 8 пехотных и 1 кавалерийской бригад (всего 268 тысяч человек, 1930 орудий и минометов, 110 танков и штурмовых орудий, 248 самолетов). В восточной части Финского залива, на Ладожском и Онежском озерах противник имел 204 корабля и катера, около 100 самолетов морской авиации.

Для проведения операции Ставка ВГК привлекла войска Ленинградского (командующий генерал армии Л.А. Говоров) и Карельского (командующий генерал армии К.А. Мерецков) фронтов. В их составе имелись 41 дивизия, 5 бригад и 4 укрепленных района (всего около 450 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и минометов, свыше 800 танков и САУ, 1547 самолетов. Из состава Балтийского флота (командующий адмирал В.Ф. Трибуц), Ладожской (командующий контр-адмирал В.С. Чероков) и Онежской (командующий капитан 1 ранга Н.В. Антонов) военных флотилий для участия в операции было выделено до 300 кораблей, катеров и вспомогательных судов, а также 500 самолетов.

Советское командование планировало мощными ударами войск двух фронтов при содействии военно-морских сил разгромить противостоящую группировку противника, овладеть Выборгом, Петрозаводском и выйти на рубеж Тикшеозеро–Сортавала–Котка. Выборгско-Петрозаводская операция включала Выборгскую операцию войск правого крыла Ленинградского фронта и Свирско-Петрозаводскую операцию войск левого крыла Карельского фронта.

В результате Выборгско-Петрозаводской операции советские войска нанесли крупное поражение финской армии, освободили северную часть Ленинградской области и большую часть Карело-Финской ССР, что создало предпосылки для освобождения

советского Заполярья и ускорило вывод Финляндии из войны на стороне фашистской Германии. 19 сентября 1944 г. между СССР и Финляндией было подписано соглашение о перемирии.

Таким образом, битва за Ленинград (10 июля 1941 г. — 9 августа 1944 г.) по праву занимает особое место в мировой истории по своей продолжительности, упорству, невиданной стойкости и трагедии, пережитой защитниками блокированного города. На протяжении трех лет битвы за Ленинград здесь вели борьбу против немецко-фашистских и финских войск 26 общевойсковых, 1 танковая, 5 воздушных армий и одна армия ПВО.

Мужество и сила духа ленинградцев уже на начальном этапе сражений с немецко-фашистскими захватчиками помешали врагу в короткие сроки реализовать его стратегические замыслы, сломить сопротивление Красной армии и победоносно завершить войну.

Гибель сотен тысяч жителей и воинов Ленинграда навсегда останется одним из тягчайших преступлений фашизма. Героическая оборона Ленинграда стала символом мужества и непобедимости советского народа, его морально-политического единства.

¹ Солохин Н.Д., Храмцова Я.Р. Непокоренный рубеж. Родина в опасности / Сост. Н.Д. Солохин. Сестрорецк, 2005. С. 232.

² Рипенко Ю.Б., Чернухин В.А. Генерал Пядусов. СПб., 2017. С. 256.

³ Бычевский Б.В. Город-фронт. Л.: Лениздат, 1967. С. 8.

⁴ Щербаков Ю.В. Непокоренный Ленинград // Бомбардир. 2011. № 23. С. 18–21.

⁵ Похилюк А.В. Исторический опыт продовольственного обеспечения защитников Ленинграда // Сб. трудов конференции «XII Царскосельские чтения». Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2018 г. С. 285–289.

⁶ Носков Г.Е., Мальцев В.А. Ленкомфронта Говоров Л.А. СПб.: ВА МТО, 2014. С. 49.

⁷ Буданов Ф.В., Дубровин Н.П. Тыл правого фланга. Мурманск: Мурманское книжное издательство. 1976. 256 с.

⁸ Щербаков Ю.В. Непокоренный Ленинград. С. 18–21.

⁹ Козлов И.А., Шломин В.С. Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л.: Лениздат, 1976. 398 с.

¹⁰ Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1977. 559 с.

¹¹ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. Балтийский флот. СПб.: Морской Петербург, 2006. 544 с.

¹² Развитие тыла Военно-морского флота и его деятельность в период Великой Отечественной войны. Военно-теоретический труд. СПб.: ВАМТО, 2016. 189 с.

- ¹³ Гриднев В.П. Местная противовоздушная оборона в битве за Ленинград // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России». 2013. № 1. С. 112–115.
- ¹⁴ Муниципальный вестник. Санкт-Петербургская газета местного самоуправления. 2001. № 5. С. 1.
- ¹⁵ Гаврилов П.А., Мосунов В.А. Немецкая агентура в блокадном Ленинграде. Об одном донесении марта 1942 г. // Петербургский исторический журнал: исследования по российской всеобщей истории. 2018. № 2 (18). С. 197–208.
- ¹⁶ Гриднев В.П. Подвиг ленинградской милиции в обороне города на Неве (1941–1944) // Управленческое консультирование. 2018. № 2 (110). С. 100–107.
- ¹⁷ Алексеенков А.Е. Участие внутренних войск в героической обороне Ленинграда (1941–1944 гг.). Л.: ВПУ МВД СССР, 1985. 90 с.
- ¹⁸ Чумак Р.Н. Производство пистолетов-пулеметов ППД-40 в блокадном Ленинграде // Бомбардир. 2016. № 26. С. 50–54.
- ¹⁹ Носков Г.Е., Мальцев В.А. Ленкомфронта Говоров Л.А. С. 54.
- ²⁰ Белозеров Б.П. Операция «Искра» требовала серьезной подготовки и скрытности // Актуальные проблемы истории РККА. 1918–1945 гг.: от основания до триумфа Победы в Великой Отечественной войне (К 100-летию РККА и РККФ). Материалы международной научной конференции. 2018. С. 33–40.
- ²¹ Белозеров Б.П. Воины Красной армии Ленинградского фронта во взаимодействии с другими фронтами в освобождении Ленинградской области от вражеской оккупации // «Непобедимая и легендарная». К 100-летию создания Рабоче-крестьянской Красной армии. СПб., 2018. С. 56.
- ²² Мильбах В.С., Саберов Ф.К. Действия артиллерии в Ленинградско-Новгородской наступательной операции // История в подробностях. 2014. № 1 (43). С. 24–28.
- ²³ Помни войну. Военно-исторический календарь. 9.10.1941 г. Операция по разгрому Стрельнинско-Петергофской группировки гитлеровцев. Электронный ресурс: <http://www.pomnivoinu.ru/home/calendar/10/9/5052/> (дата обращения: 11.01.2019).
- ²⁴ См.: Федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) и памятных датах России» от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ.
- ²⁵ Белозеров Б.П. Воины Красной армии Ленинградского фронта во взаимодействии с другими фронтами в освобождении Ленинградской области от вражеской оккупации. С. 65.

Е.И. Юркевич (Санкт-Петербург)

**К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ АТРИБУЦИИ
КАРТИНЫ В.В. МАЗУРОВСКОГО «АТАКА
РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ НА ФРАНЦУЗСКУЮ
БАТАРЕЮ В СРАЖЕНИИ ПРИ БОРОДИНО»
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ВИМАИВиВС**

ИМЯ ВИКТОРА Викентьевича Мазуровского (1859–1944) по праву стоит в ряду самых выдающихся русских художников-баталистов 2-й половины XIX — начала XX в. Уроженец Варшавы, первоначальное художественное образование он получил в Варшавском рисовальном классе. В 1857 г. Виктор Викентьевич поступает в Петербургскую Академию художеств, где учится в классе батальной живописи у выдающегося художника и педагога Богдана Павловича Виллевалде (1818–1903). В 1887 г. за свои успехи он удостоивается Малой, а в 1888 г. — Большой золотых медалей Академии, позднее год учится за границей, а потом возвращается в Россию, где много работает по заказам полков. Так, им были написаны такие полотна, как «Кавалергарды под Ямбургом», «Семеновцы под Лесной», «Подвиг Лейб-Гвардии Конного полка под Аустерлицем в 1805 году», «Сражение под Фридландом» и др.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. В.В. Мазуровский в рядах дивизиона конных разведчиков штаба главнокомандующего проделал боевой путь от Хайчена до Мукдена, написав ряд картин на сюжеты войны: «Теплушка с ранеными», «Пожар госпиталя» и др. Писал он картины, посвященные сюжетам Первой мировой войны: «Бой русской кавалерии с немцами», «Русская пехота на походе» и др.¹

Не без юмора описывает историю создания картины «Битва при Лесной» капитан Лейб-Гвардии Семеновского полка Ю.В. Макаров: «На стене справа от входа [в офицерском

Ил. 1. Битва при Лесной. Художник В. В. Мазуровский. 1908 г.

собрании полка. — *Е. Ю.*], в глубине, лицом к окнам, висела очень большая картина, изображавшая бой под Лесной. История этой картины такова. Приблизительно за год до двухсотлетнего юбилея этого боя (28 сентября 1708 г.), в котором главным образом Семеновским полком был разбит шведский отряд Левенгаупта, боя, который Петр назвал “матерью Полтавской победы”, старые Семеновцы по инициативе П.П. Дирина решили подарить полку картину с изображением этого сражения. Картина была заказана известному тогда художнику-баталисту Мазуровскому за 3000 рублей. Для исторической верности все формы, как русские, так и шведские, были списаны с образцов, хранившихся в музеях. А чтобы не выдумывать лица, все фигуры на переднем плане были списаны с офицеров и солдат полка, которые пачками ездили в мастерскую художника, облачались там в старые формы и позировали в группах и поодиночке. Так на картине оказались изображенными поручики Леонтьев, Шарнгорст, Эссен, Бржозовский и полковой штаб-горнист Хижий. Пишущий эти строки опоздал к первым сеансам, и все стоячие фигуры, когда он явился, были уже написаны. Поэтому его положили на пол и изобразили в качестве убитого шведа под копытами серого коня.

Под картиной была прибита бронзовая дощечка с именами всех старых Семеновцев, принимавших участие в подарке»².

Местонахождение этой картины установить не удалось, но в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи имеется две ее фоторепродукции³ (ил. 1).

Ил. 2. Атака 4-го эскадрона Лейб-Гвардии Конного полка на французскую батарею в сражении под Полоцком 6 августа 1812 г. Художник В.В. Мазуровский. 1902 г. Ранее атрибутирована как «Атака русской кавалерии на французскую батарею в сражении при Бородино»

В коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи имеется 13 живописных работ В.В. Мазуровского, посвященных разным событиям русской военной истории — от Наполеоновских войн до Первой мировой войны⁴. Далеко не всегда атрибуция этих картин была точной. Так, картина, изображающая атаку Лейб-Гвардии Конного полка на французских кирасир в сражении под Фридландом первоначально была атрибутирована как «Сражение под Аустерлицем»⁵, а картина, изображающая атаку Текинского конного полка на австрийцев у Доброноуца 28 мая 1916 г.⁶, была атрибутирована как «Атака «Дикой дивизии» на австрийскую пехоту»⁷.

В данной статье хотелось бы уделить внимание картине, обозначенной в каталогах музея как «Атака русской кавалерии на французскую батарею в сражении при Бородино»⁸ (ил. 2). Картина написана художником в 1902 г. Весьма внушительных размеров (226 x 427 см), динамичная, она, бесспорно, является одной из лучших работ В.В. Мазуровского. В научно-инвентарной карточке, составленной Т.И. Абольской в 1954 г., указано, что картина поступила в музей из Военного историко-бытового музея в 1936 г.

Т.И. Абольская в каталоге живописи Артиллерийского музея описала это полотно следующим образом: «На картине изображена

атака л.-гв. Кирасирского полка (слева) на французскую батарею (справа). В центре — французский артиллерист у пушки защищается банником от удара палашом русского кирасира»⁹.

Интересно, что пушки на картине изображены не французские, а русские, судя по полукруглым дельфинам на стволах, спиленной верхней части винogradов (для установки квадрантов) и кронштейнам для установки прицела Кабанова в верхней части торелей¹⁰.

Но более важным в данном случае является вопрос: что же за гвардейский кирасирский полк атакует французскую батарею?

Даже беглого взгляда на фигуры кавалеристов достаточно, чтобы определить, что на картине изображены чины Лейб-Гвардии Конного полка¹¹.

Теперь остается выяснить, атаковали ли конногвардейцы в ходе Бородинского сражения французскую батарею, и если да, то при каких обстоятельствах.

В 1812 г. Лейб-Гвардии Конный полк (4 действующих эскадрона) под командованием полковника Михаила Андреевича Арсеньева (1779–1838) входил в состав 1-й кирасирской дивизии (Кавалергардский, Лейб-Гвардии Конный, Лейб-Кирасирские Его и Ея Величества и Астраханский кирасирский полки) 5-го (Гвардейского) корпуса 1-й Западной армии¹². Один эскадрон (4-й) под командованием полковника Алексея Андриановича Протасова (1780–1833) вошел в состав Сводного кирасирского полка, состоявшего из запасных эскадронов 1-й Кирасирской дивизии. Полк вошел в состав 1-го корпуса генерал-лейтенанта графа Петра Христиановича Витгенштейна (1768–1843), прикрывавшего петербургское направление¹³. Командиром полка был назначен полковник А.А. Протасов¹⁴.

Теперь рассмотрим действия Лейб-Гвардии Конного полка в Бородинском сражении.

«Л.-гв. Конный и Кавалергардский полки в начале сражения находились в резерве позади Гвардейской пехотной дивизии и вступили в критический момент сражения, когда командующий 1-й армии генерал М.Б. Барклай-де-Толли, предвидя очередную атаку французов против батареи Раевского, послал за ними своего адъютанта. Кавалергарды и конногвардейцы подоспели вовремя. В результате мощной французской атаки, поддержанной кавалерией, батарея Раевского была взята. Часть вражеской пехоты и кавалерийский корпус генерала Груши, обойдя батарею слева,

ударили на стоявшую правее за батареей 7-ю пехотную дивизию, части которой начали отступать. Навстречу атакующей французской пехоте первыми выдвинулись орудия 2-го дивизиона 2-й батареи Гвардейской конной артиллерии и несколькими карточными залпами буквально смели наступавших, но сами подверглись атаке кавалеристов Груши. Артиллеристов выручили подоспевшие кавалергарды. По личному приказу Барклая-де-Толли Кавалергардский полк устремился в атаку на строившихся после атаки кавалеристов корпуса Латур-Мобура — саксонские полки телохранителей и кирасирский Цастрова. Гибель командующего кавалергардами полковника К.К. Левенвольде снизила эффект атаки. Кавалергарды, рубившиеся с саксонцами, были атакованы с фланга и тыла польскими уланами генерала Рожнецкого. На улан ударили подоспевшие конногвардейцы. Завязалась жестокая кавалерийская битва, в которой приняли участие кавалеристы корпуса Груши и подоспевшие на помощь кавалергардам и конногвардейцам части 2-го и 3-го Кавалерийских корпусов... Вражеская кавалерия была опрокинута и в беспорядке ретировалась к Семеновскому ручью под прикрытие своей пехоты и артиллерии», — описывает этот бой историк русской Гвардии С.А. Летин¹⁵. Схватка конногвардейцев с саксонскими и вестфальскими кирасирами в засеянной рожью ложине неподалеку от батареи Раевского описывается и в работах по истории полка¹⁶. Но ни в одном описании не упоминается об атаке полком французской батареи. Наоборот, как мы видели, русские гвардейские конно-артиллеристы подверглись атаке неприятельской кавалерии.

Кроме того, в коллекции живописи ВИМАИВиВС есть картина Ф.А. Рубо и К. Беккера «Сражение при Бородино 26 августа 1812 г. (Третья атака французов)», написанная в 1913 г.¹⁷ (ил. 3). На ней мы видим совсем другой ландшафт, нежели на картине В.В. Мазуровского, и, кроме того, на ней нет никаких орудий, а на полотне Мазуровского пушки — на первом плане.

Таким образом, принимая во внимание описания участия конногвардейцев в Бородинской битве, а также сравнивая два живописных полотна, посвященных вроде бы одному и тому же событию, можно сделать вывод, что на картине В.В. Мазуровского изображено не Бородинское сражение, а какое-то другое.

В работах по истории Лейб-Гвардии Конного полка при описании кампаний 1813–1814 гг. атака полком где-либо

Ил. 3. Сражение при Бородино 26 августа 1812 г. (Третья атака французов). Художники Ф.А. Рубо и К. Беккер. 1913 г.

неприятельской батареей тоже не упоминается¹⁸. Остается обратиться к действиям 4-го эскадрона в составе Сводного кирасирского полка из корпуса П.Х. Витгенштейна. И вот в этом случае мы сталкиваемся с очень интересными фактами.

«В бою 6 августа у Полоцка, когда наши войска были внезапно атакованы и расстроены врагом, сводный кирасирский полк очень удачно атаковал сначала французскую пехоту, а потом, преследуя ее врасыпную, и кавалерию, на которую навел такой страх, что она в паническом ужасе бросилась бежать, по дороге наш эскадрон опрокинул коляску, в которой ехал раненый начальник французского корпуса, генерал Сен-Сир [сменивший маршала Удино после разгрома последнего в сражении при Клястицах 19 июля 1812 г. — *Е. Ю.*], но, к сожалению, не узнав его, не забрал его в плен. Зато другой генерал или полковник был изрублен нашими кирасирами и остался замертво. До самых стен Полоцка пронеслись наши кирасиры и своей головоломной атакой немало содействовали успеху дня, дав время нашим расстроенным войскам устроиться и отступить в порядке. При этом общими усилиями всего сводного Кирасирского полка было взято у французов 15 орудий...

Августа 6-го 4-й эскадрон потерял убитыми корнета Кусовникова и 4 рядовых (Канько, Доморослого, Туниса и

Брехачку) и без вести пропавшими 1 унтер-офицера и 10 рядовых; 11 рядовых было ранено, лошадей убито 38 и 20 тяжело ранено, так что эскадрон превратился в два взвода; штандарт был два раза прострелен. Под полковником Протасовым и корнетами Ильинским и Кноррингом были убиты лошади, все это свидетельствует о том, насколько бой был жаркий!», — пишет Г. Лейхтенбергский¹⁹.

О лихой атаке Сводного кирасирского полка, закончившейся разгромом французской пехоты и кавалерии и захватом 15 орудий, говорится и в других описаниях истории Лейб-Гвардии Конного полка²⁰. А.И. Михайловский-Данилевский сообщает дополнительно, что из захваченных нашими кирасирами 15 орудий удалось, из-за недостатка лошадей, вывезти только 2, остальные 13 были заклепаны и оставлены на месте²¹.

Кратко, но ярко описал бой конногвардейцев под Полоцком современный военный историк А.И. Таланов, и это описание, как кажется, имеет смысл здесь привести: «В сражении под Полоцком 6 августа полк в некоторой степени повторил знаменитую аустерлицкую атаку. По неосмотрительности Витгенштейна атака французов застала врасплох русскую пехоту, еще не снявшуюся с биваков. Она медленно отступала... Кирасиры тут проявили инициативу. Гвардейцы пронеслись россыпью через весь лагерь, сея панику в тылу наступающих французов, и, сомкнув ряды, врубались в неприятельскую кавалерию. Перемешавшаяся масса всадников ринулась назад, к французским пушкам. Раздосадованный Сен-Сир приказал встретить ее картечью, но замешкавшиеся артиллеристы запоздали с залпом, и вся лавина своих и чужих всадников обрушилась на батарею. Увлечшиеся атакой гвардейцы рисковали попасть в окружение спешивших со всех сторон отрядов французов..., но их спасло хладнокровие кавалергардского поручика Г. Окунева, приказавшего трубить «апель» [сбор. — Е. Ю.] оказавшемуся рядом трубачу. Отчаянная атака кирасирского полка, стоившая конногвардейцам 33 человек, вызвала сумятицу в боевых порядках французов и спасла русский отряд от поражения»²².

За кампанию 1812 г. многие чины 4-го эскадрона были удостоены боевых наград. Так, командир Сводного кирасирского полка А.А. Протасов и командир 4-го эскадрона Л.-Гв. Конного полка ротмистр Владимир Карлович Кнорринг 1-й (в эскадроне служил офицером и тоже сражался под Полоцком его младший брат

Яков) получили ордена Святого Георгия 4-й степени, остальные офицеры — ордена или Аннинское оружие. А.А. Протасов и В.К. Кнорринг за отличия в кампаниях 1812–1813 гг. получили также и ряд других орденов. А.А. Протасов 15 сентября 1813 г. за боевые отличия был произведен в генерал-майоры, а В.К. Кнорринг 13 февраля 1813 г. — в полковники. За дело под Полоцком вахмистр эскадрона Васильев, эстандарт-юнкер Шишков, везший в бою штандарт, эстандарт-юнкера Фохт и Казначеев, унтер-офицер Омельченко, трубач Розов и 16 рядовых получили Знаки Отличия Военного Ордена²³.

Необходимо отметить, что и командир Лейб-Гвардии Конного полка М.А. Арсеньев за отличие в Бородинском сражении был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, а 26 декабря 1812 г. произведен в генерал-майоры²⁴.

Портреты М.А. Арсеньева и А.А. Протасова украшают Военную галерею Зимнего дворца²⁵.

Сражение под Полоцком 6 августа 1812 г. имело важное значение для хода всей Отечественной войны 1812 г., в дни тяжелого отступления русской армии в очередной раз сорвавшего планы французов по быстрому удару по Петербургу.

«Итак, граф Витгенштейн с одним корпусом удержал три неприятельских, так что Наполеон отказался от наступательных действий на правом берегу Двины и приказал маршалам лишь удерживаться и охранять путь его сообщений.

Граф Витгенштейн, не пользовавшийся до 1812 года почти никакой известностью, вдруг стал популярнейшим героем почти с самого начала Отечественной войны. В то время, когда отступления Барклая де Толли и Багратиона наводили уныние, решительные действия Витгенштейна приводили всех в восхищение, тем более что он прикрывал Псков, а, следовательно, и Петербург, не имея за собой войск почти на расстоянии 600 верст, а за его врагами, в недалеком сравнительно расстоянии, стоял с армией Наполеон», — писал А.И. Михайловский-Данилевский²⁶.

Теперь подведем итоги исследования. Исходя из всего сказанного выше, можно с абсолютной уверенностью утверждать, что чины Лейб-Гвардии Конного полка в ходе кампаний 1812–1814 гг. нигде, кроме сражения под Полоцком 6 августа 1812 г., не атаковали французских артиллерийских батарей. Таким образом, название, данное в настоящее время в ВИМАИВиВС картине В.В. Мазуровского, является ошибочным. На наш взгляд,

картину следует именовать следующим образом: «Атака 4-го эскадрона Лейб-Гвардии Конного полка на французскую батарею в сражении под Полоцком 6 августа 1812 г.».

Первое сражение под Полоцком является одной из блестящих страниц боевого пути Лейб-Гвардии Конного полка (пусть всего лишь его одного эскадрона) и совершенно справедливо было запечатлено на полотне одного из лучших русских художников-баталистов.

¹ Садовень В.В. Русские художники-баталисты XVIII–XIX веков. М., 1955. С. 352; Русские художники XVIII–XIX веков: Справочник / Авт.-сост. В.Д. Соловьев. М., 2005. С. 197.

² Макаров Ю.В. Моя служба в Старой Гвардии 1905–1917: Мирное время и война. СПб., 2013. С. 72, 73.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 60. Оп. 1. Д. 73. Л. 1, 2.

⁴ Каталог произведений изобразительного искусства. Кн. 1: Живопись / Сост. Т.И. Абольская. Л., 1959. С. 24, 28, 32, 51–53, 115, 119, 123–126, 137.

⁵ Там же. С. 24; Слава русского оружия: Художественные коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. М., 2003. С. 136, 137.

⁶ См.: Юркевич Е.И. Уточнение атрибуции картины В.В. Мазуровского «Атака «Дикой дивизии» на австрийскую пехоту» из коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Музеология — музееведение в XXI веке: Проблемы изучения и преподавания: Материалы Международной научной конференции: Санкт-Петербург, 14–16 мая 2008 года. СПб., 2009. С. 264, 265.

⁷ Каталог... С. 125; Слава русского оружия. С. 129.

⁸ Инв. № 1 ИФ 3/1261. Каталог... С. 32; Слава русского оружия. С. 132, 133.

⁹ Каталог... С. 32.

¹⁰ Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон, или Терминологический словарь всего, преимущественно до русской полевой артиллерии начала XIX столетия касаемого: К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Сост. А.А. Смирнов. М., 2006. С. 81, 146, 147, 167.

¹¹ Леонов О., Попов С., Кибовский А. Русский военный костюм: Армия Александра I: Кавалерия. М., 2014. С. 186.

¹² Штакельберг К.К. Полтора века Конной Гвардии: 1730–1880. СПб., 1881. С. 30, 31; Габаев Г.С. Роспись русским полкам 1812 года: Справочник. М., 2013. С. 212; Карпеев В.И. Конница: Дивизии, бригады, корпуса: Соединения русской армии 1810–1917. М., 2012. С. 3, 4.

¹³ Штакельберг К.К. Полтора века Конной Гвардии. С. 31; Лейхтенбергский Г. Бородинская памятка Конногвардейца: Для нижних чинов Конной Гвардии. [Б. м.], 1912. С. 14; Анненков И.В. История Лейб-Гвардии Конного полка 1731–1848. Ч. III. СПб., 1849. С. 166; Краско А.В. Забытый герой войны 1812 года генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн. М.; СПб., 2012. С. 25.

¹⁴ Лейхтенбергский Г. Бородинская памятка Конногвардейца. С. 14.

- ¹⁵ Летин С.А. Российская Императорская Гвардия. СПб., 2005. С. 190, 191.
- ¹⁶ Анненков И.В. История Лейб-Гвардии Конного полка 1731–1848. Ч. II. СПб., 1849. С. 71, 72; Штакельберг К.К. Полтора века Конной Гвардии. С. 33; Лейхтенбергский Г. Бородинская памятка Конногвардейца. С. 20–27.
- ¹⁷ Инв. № 1 ИФ 3/1530. Каталог... С. 31; Слава русского оружия. С. 111.
- ¹⁸ Анненков И.В. История Лейб-Гвардии Конного полка 1731–1848. Ч. II. С. 80–89; Штакельберг К.К. Полтора века Конной Гвардии. С. 37–48.
- ¹⁹ Лейхтенбергский Г. Бородинская памятка Конногвардейца. С. 28.
- ²⁰ Анненков И.В. История Лейб-Гвардии Конного полка 1731–1848. Ч. II. С. 77; Штакельберг К.К. Полтора века Конной Гвардии. С. 36.
- ²¹ Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года. М., 2004. С. 66.
- ²² Таланов А.И. Конная Гвардия // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 65.
- ²³ Анненков И.В. История Лейб-Гвардии Конного полка 1731–1848. Ч. III. С. 166, 167, 180, 181; Штакельберг К.К. Полтора века Конной Гвардии. С. 36; Лейхтенбергский Г. Бородинская памятка Конногвардейца. С. 28.
- ²⁴ Анненков И.В. История Лейб-Гвардии Конного полка 1731–1848. Ч. III. С. 160, 161.
- ²⁵ Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1974. С. 164, 181; Ренне Е.П. Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 2012. С. 44, 258.
- ²⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года. С. 67.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахов Сергей Алексеевич — Тульский государственный университет, главный инженер, кандидат технических наук, доцент.

Грунин Александр Михайлович — Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (Санкт-Петербург), доцент, кандидат военных наук.

Двалишвили Леван Бадриевич — историк-исследователь (Кутаиси, Грузия).

Дектярева Наталья Анатольевна — МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань», главный хранитель.

Касьян Игорь Никитович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник.

Леонов Андрей Александрович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник.

Литуев Виктор Николаевич — ПАО «Ксеньевский прииск», заместитель генерального директора по стратегии (Москва), доктор экономических наук, кандидат исторических наук.

Ломакин Николай Владимирович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник, хранитель фондов.

Лопатин Сергей Викторович — Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), доцент, кандидат педагогических наук.

Лукин Валерий Евгеньевич — Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург), начальник отдела, кандидат исторических наук.

Малахов Геннадий Викторович — Тульский государственный университет, доцент, кандидат технических наук.

Мегорский Борис Вадимович — историк-исследователь (Санкт-Петербург), кандидат политических наук.

Мигунов Сергей Сергеевич — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, младший научный сотрудник.

Миловидов Валерий Борисович — Центральный музей Вооружённых Сил Российской Федерации (Москва), научный сотрудник.

Милосердов Дмитрий Юрьевич — Государственный Дарвиновский музей (Москва), старший научный сотрудник.

Миронов Юрий Александрович — историк-исследователь (Ардатов, Мордовия).

Михайлов Александр Владимирович — Тульский государственный университет, доцент, кандидат технических наук.

Михайлов Андрей Александрович — Военная академия Генерального штаба Вооружённых Сил РФ, Научно-исследовательский отдел (военной истории Северо-Западного региона Российской Федерации) (Санкт-Петербург), научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент.

Мусаева Улькера Кязимовна — Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь), доктор исторических наук, профессор.

Наумов Владимир Валентинович — Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (Санкт-Петербург), профессор, кандидат военных наук.

Николаев Александр Владимирович — член Российского военно-исторического общества, Москва.

Оболонская Эдита Владимировна — Санкт-Петербургский горный университет, Горный музей, старший научный сотрудник.

Оводков Никита Алексеевич — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник, хранитель фонда.

Орлов Алексей Викторович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник.

Оточкин Вячеслав Валентинович — Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), доцент, кандидат исторических наук.

Панкратов Александр Германович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, сотрудник.

Пасхин Сергей Михайлович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник.

Патыченко Юрий Дмитриевич — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник.

Пашута Валерий Лукич — Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор.

Переведенцев Андрей Анатольевич — Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (Санкт-Петербург), доцент, кандидат военных наук.

Петрова Елена Петровна — Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Владимир), хранитель фондов.

Петрухин Илья Николаевич — Российское военно-историческое общество, Тульское отделение, член Совета правления.

Пинк Игорь Борисович — Тульский государственный музей оружия, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Питьева Марина Валентиновна — МБУ «Краеведческий музей г.о. Сызрань», директор.

Приходько Михаил Анатольевич — Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент.

Прямыцын Владимир Николаевич — Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), заместитель начальника отдела, кандидат военных наук.

Птицын Виктор Викторович — Тульский государственный университет, доцент, кандидат технических наук.

Рахимов Рамиль Насибуллович — Башкирский государственный университет (Уфа), доцент, кандидат исторических наук.

Родионов Евгений Александрович — Государственный музей-заповедник «Гатчина» (Ленинградская область), старший научный сотрудник.

Рудакова Людмила Петровна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник.

Сергиевский Илья Александрович — Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, научно-исследовательский институт (военной истории) (Москва), старший научный сотрудник.

Смирнов Михаил Гурамович — Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина (Москва), доцент, кандидат юридических наук.

Соболев Владислав Юрьевич — Санкт-Петербургский государственный университет, старший научный сотрудник.

Степанов Максим Владимирович — УМВД России по г. Смоленску, старший эксперт экспертно-криминалистического отдела.

Сыскин Герман Александрович — 137-е военное представительство Министерства обороны РФ (Санкт-Петербург), инженер.

Талантов Сергей Вадимович — историк-исследователь (Москва).

Терентьев Вячеслав Олегович — Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова (Санкт-Петербург), заведующий музеем, доцент.

Тягур Михаил Игоревич — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, экскурсовод

Филатов Олег Васильевич — Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Хамеляйнен Юлия Семеновна — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, старший научный сотрудник.

Цапина Татьяна Александровна — Государственный исторический музей (Москва), научный сотрудник.

Целоруно Дмитрий Георгиевич — Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник (Московская область), заведующий отделом, кандидат исторических наук.

Черенцова Ксения Владимировна — Федеральное государственное унитарное предприятие «Конструкторское бюро «Арсенал»» (Санкт-Петербург), начальник группы.

Черноусов Андрей Анатольевич — Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, доцент, кандидат исторических наук.

Чигарёва Наталия Григорьевна — Военно-медицинский музей МО РФ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, доктор биологических наук.

Чубинский Александр Николаевич — Музеи Московского Кремля, научный сотрудник.

Чумак Руслан Николаевич — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, начальник отдела.

Шмелев Кирилл Владимирович — Санкт-Петербургский государственный университет, научный сотрудник.

Щербаков Юрий Вадимович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, начальник отдела, кандидат исторических наук.

Юркевич Евгений Иванович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Леонов А.А.</i> Нож для красноармейца. К вопросу появления короткоклинкового холодного оружия в РККА.....	3
<i>Литувев В.Н., Целорунго Д.Г.</i> Диагностика содержательных взаимосвязей в текстах воззвания Наполеона I к своим солдатам 22 июня 1812 года и Высочайшего манифеста Александра I 6 июля 1812 года	12
<i>Ломакин Н.В.</i> Гусарские мушкетоны обр. 1812 г. в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.....	27
<i>Лукин В.Е.</i> Генерального штаба генерал-майор Иван Сергеевич Свищев — монархист, ученый, патриот.....	38
<i>Мегорский Б.В.</i> Бой при Одолянуве, 1709 г. Малоизвестная неудача после Полтавы.....	48
<i>Мигунов С.С.</i> Вооружение Рижской и Динамондской крепостей в период Крымской войны.....	63
<i>Миловидов В.Б.</i> Восстановление и реставрация модели крейсера I ранга «Аврора» в Центральном музее Вооружённых Сил Российской Федерации.....	71
<i>Милосердов Д.Ю.</i> Древковое оружие из Новой Гвинеи в коллекции «Орудия лова» Государственного Дарвиновского музея.....	81
<i>Милосердов Д.Ю.</i> Защитное вооружение в Афганистане в конце XVIII — начале XX века.....	89
<i>Миронов Ю.А.</i> Развитие средств звуковой разведки артиллерии в 1930–1945 гг.....	98
<i>Михайлов А.А.</i> Военно-научные взгляды П.А. Языкова (800–1869), его вклад в развитие военной географии и стратегии	113
<i>Михайлов А.В., Птицын В.В., Малахов Г.В., Астахов С.А.</i> Описание технологии изготовления французской фузеи обр. 1777 г. (конец XVIII — начало XIX столетий).....	125
<i>Мусаева У.К.</i> Деятельность музеев военно-исторического профиля....	132

<i>Наумов В.В., Грунин А.М., Переведенцев А.А.</i> К вопросу о системе подготовки органов военного управления материально-техническим обеспечением в годы Великой Отечественной войны	146
<i>Николаев А.В., Питьева М.В., Дектярева Н.А.</i> Западноевропейский латный нагрудник из собрания МБУ «Краеведческий музей г.о. «Сызрань» (морфология и конструктивные особенности).....	153
<i>Оболонская Э.В.</i> Страницы истории русской артиллерии в образцах коллекции Горного музея Санкт-Петербургского Горного университета.....	165
<i>Оводков Н.А.</i> Революеры Дома Романовых	180
<i>Орлов А.В.</i> Взгляд на военную экономику и вопрос о готовности России к мировой войне 1914–1917 годов	189
<i>Оточкин В.В., Лопатин С.В., Пащута В.Л.</i> Нормативное закрепление специальной направленности физической подготовки в артиллерии (исторические аспекты).....	213
<i>Панкратов А.Г.</i> Комплекс защитного снаряжения из захоронения кочевника возле с. Бурты. Технологические аспекты и временной период бытования.....	219
<i>Пасхин С.М.</i> Фельдъегерско-почтовая связь в России до 1917 года...	236
<i>Патыченко Ю.Д.</i> Состав, задачи и характер действий танковых армий в наступательных операциях фронтов по опыту Великой Отечественной войны	253
<i>Петрова Е.П.</i> С любовью из «города мечты» (Письма Валентины Дмитриевой из блокадного Ленинграда в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника)	262
<i>Петрухин И.Н., Степанов М.В., Николаев А.В.</i> Технологические особенности изготовления ребер жесткости на максимилиановских доспехах (на примере экспоната из собрания ВИМАИВиВС)	271
<i>Пинк И.Б.</i> Российские сабли и шашки в собрании Тульского государственного музея оружия	288
<i>Приходько М.А.</i> Структурная организация Морского министерства Российской империи в 1836 году	298
<i>Прямыцын В.Н.</i> Метеорологическое обеспечение перегонки самолетов по Красноярской воздушной трассе в годы Великой Отечественной войны.....	300
<i>Рахимов Р.Н.</i> Защитники юго-восточной границы в Швейцарском походе А.В. Суворова.....	316

<i>Родионов Е.А.</i> Огнестрельное охотничье оружие Чехии и Силезии XVII века в коллекции Гатчинского дворца-музея	323
<i>Рудакова Л.П.</i> История Рады — дочери 35 пехотного Брянского полка (по документам научного архива ВИМАИВиВС)	338
<i>Сергиевский И.А.</i> Формирование органов военной приемки на горных заводах России в первой трети XIX века	348
<i>Сергиевский И.А., Сыскин Г.А.</i> Подготовка артиллерийских офицеров в Горном институте во второй половине XIX века.....	363
<i>Смирнов М.Г.</i> Перспективные виды оружия в контексте норм международного права.....	374
<i>Соболев В.Ю.</i> Вооружение древнерусского населения Новгородской земли (на примере Никольского Которского погоста Шелонской пятины).....	380
<i>Талантов С.В., Двалишвили Л.Б.</i> Изображения шашки в монументальной живописи Западной Грузии XVII века	394
<i>Терентьев В.О.</i> Партизанские формирования 1941 года на юго-западе Ленинградской области: Стругокрасненский, Новосельский, Плюсский и Лядский районы.....	408
<i>Тязур М.И.</i> Хозяйственная жизнь Ленинграда в период Советско-финляндской войны 1939–1940 годов	423
<i>Филатов О.В.</i> Российские дипломатические инициативы по созданию конфигурации европейской системы безопасности и ограничения гонки вооружений на море (Гаагские конференции 1899, 1907 годов).....	436
<i>Хамеляйнен Ю.С.</i> Предметы вооружения Артиллерийского музея, переданные в фонд металла и оружия Новгородского музея.....	458
<i>Цапина Т.А.</i> Военная династия Кеппенов и Полоцкий кадетский корпус	472
<i>Черенцова К.В.</i> Из истории создания 50-мм ротных минометов Специальным конструкторским бюро № 4 Ленинградского машиностроительного завода № 7 (1936–1940 гг.)	489
<i>Черноусов А.А.</i> Состояние города Севастополя перед оставлением его англо-французскими войсками в 1856 году.....	500
<i>Чigareва Н.Г.</i> «...Прославленный русский военно-полевой хирург, достойный потомок нашего великого Пирогова» (к 120-летию со дня рождения М.Н. Ахутина) (по материалам фондов Военно-медицинского музея)	512
<i>Чубинский А.Н.</i> О русском комбинированном оружии XVII века.....	520

<i>Чумак Р.Н.</i> К вопросу определения завода — изготовителя образца артиллерийского вооружения по заводскому условному клейму на нем	543
<i>Шмелев К.В.</i> «А на том камени грань, крест да короны». Граница Столбовского мира 1617 г. в памятниках археологии	570
<i>Щербаков Ю.В., Касьян И.Н.</i> Исторический обзор оборонительных и наступательных операций битвы за Ленинград (10 июля 1941 г. — 9 августа 1944 г.).....	587
<i>Юркевич Е.И.</i> К вопросу об уточнении атрибуции картины В.В. Мазуровского «Атака русской кавалерии на французскую батарею в сражении при Бородино» из коллекции ВИМАИВиВС	602
Сведения об авторах	612

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Девятой Международной
научно-практической конференции

В двух частях

Часть 2

Редактор: *Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 24.04.2019.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 19,5.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 100 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского
государственного университета промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26.

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====